

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ:
СОБСТВЕННЫЙ ВЗГЛЯД

ZENTRALASIEN:
EINE INNENANSICHT

УДК 323/324

ББК 66.2(2)

Ц 38

Редакционная коллегия: Карина Сафарова, Корнелия Ридель

Отв. ред.: д-р Райнхард Крумм

Ц 38 Центральная Азия: собственный взгляд = Zentralasien: eine Innenansicht/ Пер. А. Трубицин.– Б.: 2006.– 498 с.– Текст на русск., нем. яз.

ISBN 9967-23-841-0

Эта книга внесет свой вклад в решения одних из основных задач Фонда им. Фридриха Эберта в Центральной Азии: во-первых, способствовать тому, чтобы ученые могли работать не только на национальном, но и на региональном уровне, а во-вторых – чтобы голос отдельных стран и всего центральноазиатского региона звучал все отчетливее, заставляя европейских авторов учитывать идеи и тезисы ученых из Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана.

Фотографии д-ра Райнхарда Крумма.

Фото на обложке: Самарканд, Узбекистан.

Издание не предназначено для продажи и распространяется бесплатно.

Фонд им. Фридриха Эберта не несет ответственности за мнения и оценки экспертов, высказанных в данном издании.

Ц 0803010000-06

УДК 323/324

ББК 66.2(2)

ISBN 9967-23-841-0

© Фонд им. Ф. Эберта, 2006

УДК 323/324

ББК 66.2(2)

Ц 38

Redaktionskollegium: Karina Safarowa, Cornelia Riedel

Herausgeber: Dr. Reinhard Krumm

Ц 38 Центральная Азия: собственный взгляд = Zentralasien: eine Innenansicht/ Übersetzung: Alexander Trubizin.– B.: 2006 – 498 – Seiten in Russisch und Deutsch.

ISBN 9967-23-841-0

Dieses Buch wird zur Lösung einer der zentralen Aufgaben der Friedrich-Ebert-Stiftung in Zentralasien beitragen: die Förderung nicht nur der nationalen, sondern auch der regionalen wissenschaftlichen Arbeit, damit die Stimme einzelner Länder und der gesamten zentralasiatischen Region deutlich wird und europäische Autoren auf Ideen und Thesen der Wissenschaftler aus Kasachstan, Kirgisistan, Tadschikistan und Usbekistan hören lässt.

Fotografien: Dr. Reinhard Krumm.

Umschlagsfoto: Samarkand, Usbekistan.

Diese Ausgabe ist nicht zum Verkauf bestimmt und wird kostenlos verteilt.

Die in diesem Buch geäußerten Meinungen und Einschätzungen der Experten stimmen nicht immer mit denen des Herausgebers überein. Die Friedrich-Ebert-Stiftung übernimmt daher keinerlei Haftung.

Ц 0803010000-06

УДК 323/324

ББК 66.2(2)

ISBN 9967-23-841-0

© Friedrich-Ebert-Stiftung e.V., 2006

Светлой памяти Карины Сафаровой посвящается...

In Erinnerung an Karina Safarowa...

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	13
ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В КРУГОЗОРЕ СОВРЕМЕННЫХ ОСМЫСЛЕНИЙ Чингиз Айтматов	17
КАЗАХСТАН	27
Казахстан в потоке эпох: историческая динамика и традиция Ирина Ерофеева	27
Особенности политического развития Казахстана Досым Сатпаев	75
Экономические реформы как решение лишь части социально- экономических проблем Григорий Марченко	105
КЫРГЫЗСКАЯ РЕСПУБЛИКА	119
История Кыргызстана и кыргызов Зайнидин Курманов	119
Кыргызская Республика. Внешняя политика после обретения независимости и формирование нового внутривнутриполитического пространства Валентин Богатырев	163
Экономика Кыргызстана Турар Койчуев	209
РЕСПУБЛИКА ТАДЖИКИСТАН	247
Этнокультурный взгляд на наследие таджиков Зухра Мадамиджанова	247
Политическая система Республики Таджикистан Сухроб Шарипов	273
Экономическое развитие Таджикистана Ходжиммахмад Умаров	305
РЕСПУБЛИКА УЗБЕКИСТАН	343
Историческое прошлое Узбекистана Эдвард Ртвеладзе	343
Республика Узбекистан: политическая динамика Рафик Сайфулин	385
Экономические реформы в Узбекистане Нишанбай Сиражиддинов	415
АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ ФОНДА ИМ. Ф. ЭБЕРТА	
Райнхард Крумм	449
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	494

INHALT

VORWORT ZUM BUCH »ZENTRALASIEN, EINE INNENANSICHT«	15
ZENTRALASIEN IM BLICKFELD MODERNER ANSICHTEN	
Tschingis Aitmatow	21
KASACHSTAN	53
Die Geschichte Kasachstans	
Irina Jerofejewa	53
Die Politik Kasachstans	
Dosym Satpajew	89
Die Wirtschaft Kasachstans	
Grigorij Martschenko	111
KIRGISISTAN	142
Die Geschichte Kirgisistans	
Zainitdin Kurmanow	142
Die Politik Kirgisistans	
Valentin Bogatirjow	186
Die Wirtschaft Kirgisistans	
Turar Koitschujew	229
TADSCHIKISTAN	258
Die Geschichte Tadschikistans	
S. Madamidschanowa	258
Die Politik Tadschikistans	
Suchrob Scharipow	291
Die Wirtschaft Tadschikistans	
Chodschimachmad Umarow	323
USBEKISTAN	363
Die Geschichte Usbekistans	
Edward Rtweladse	363
Die Politik Usbekistans	
Rafik Saifulin	398
Die Wirtschaft Usbekistans	
Nischanbai Siraschiddinow	434
ZENTRALASIEN: STABILITÄT UM JEDEN PREIS	
Reinhard Krumm	474
KURZBIOGRAPHIEN DER AUTOREN.....	496

РОССИЯ
RUSSLAND

КАЗАХСТАН
KASACHSTAN

Астана
Astana

Алматы
Almaty

КИТАЙ
CHINA

Бишкек
Bischkek

КЫРГЫЗСТАН
KIRGISISTAN

Ош
Osch

ДУШАНБЕ
Duschantbe

ТАДЖИКИСТАН
TADSCHIKISTAN

Ташкент
Taschkent

УЗБЕКИСТАН
USBEKISTAN

Самарканд
Samarkand

ТУРКМЕНИСТАН
TURKMEINISTAN

Ашгабат
Ashgabat

ИРАН
IRAN

АФГАНИСТАН
AFGHANISTAN

Бухара, Узбекистан
Buchara, Uzbekistan

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемые читатели,

давайте задумаемся над важным и принципиальным вопросом: кто может написать объективную историю какого-либо государства? Историк, писатель или журналист? Если это один из них, то какое гражданство он должен иметь? Только ли о своем государстве имеет право писать автор? И вообще, можно ли компетентно писать о чужой стране? Однозначного ответа на эти вопросы нет. Но все они ведут к основной идее представляемой Вашему вниманию книги под названием «Центральная Азия: собственный взгляд».

Существует мнение, что анализ происходящих в стране процессов является задачей граждан только данной страны, и при этом делается вывод, что это не под силу или, более того, не дозволено иностранцам. В то же время не стоит забывать, что компетентность ума не знает государственных границ. Ведь ни что иное, как чей-то взгляд со стороны иногда может натолкнуть на интересную мысль или захватывающую идею.

В наше время взгляд со стороны имеет все шансы на существование. Иными словами, государство или регион вполне могут изучать свою историю только по трудам тех деятелей науки, которые прекрасно ориентируются в тематике, но при этом не являются гражданами государства, о котором они пишут. Однако такое явление может привести к тому, что исчезнет взгляд изнутри, а перспективы увиденного не будут публиковаться достаточным тиражом и переводиться на иностранные языки.

Такая дилемма сегодня в определенной степени наблюдается и в Центральной Азии. В свете вышеизложенного Фонд имени Фридриха Эберта пригласил двенадцать признанных ученых к написанию очерков о своих странах. Каждая из четырех стран – Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан – по отдельности освещается с точек зрения истории, политики и экономики. Эти очерки ознакомят читателя с историей своих стран от истоков возникновения и до наших дней, а также помогут получить представление об их политическом и экономическом развитии после распада Советского Союза и обретения независимости в 1991 г. Исключение составляет Туркменистан – государство в Центральной Азии, чью многообразную и богатую историю не удалось запечатлеть в очерке. Задача ведь состояла в том, чтобы найти авторов, проживающих в этой стране и хотя бы пытающихся работать независимо, придерживаясь при этом только фактов.

Однако взгляд изнутри всегда таит в себе опасность субъективности. Поэтому в издание также введен аналитический взгляд глазами Европы. Разумеется, ни один очерк не претендует на абсолютную истину. Так,

очерки из регионов заметно противоречат друг другу. Более того, противоречия ощущаются даже среди очерков из одной и той же страны. В этом нет ничего плохого. Так и должно быть. Не все очерки совпадают с мнением ответственного редактора. И это – нормальное явление. Ведь общая история Центральной Азии еще не написана. Общая – значит признанная всеми странами региона.

Надеемся, что эта книга внесет свой скромный вклад в решения одних из основных задач Фонда имени Фридриха Эберта в Центральной Азии: во-первых, способствовать тому, чтобы ученые могли работать не только на национальном, но и на региональном уровне, а во-вторых – чтобы голос отдельных стран и всего центральноазиатского региона звучал все отчетливее, заставляя европейских авторов в будущем учитывать идеи и тезисы ученых из Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана.

Райнхард Крумм,
доктор исторических наук,
Ташкент, декабрь 2006

Vorwort zum Buch «Zentralasien, eine Innenansicht»

Dem verehrten Leser zum Geleit

Wer schreibt eigentlich die Geschichte eines Landes? Der Historiker, der Politiker oder der Journalist? Und wenn es einer von denen ist, aus welchem Land stammt er? Dürfen die Autoren nur über ihr eigenes Land schreiben? Ist es überhaupt möglich, über ein anderes Land fachkundig zu schreiben?

All diese Fragen sind nicht eindeutig zu beantworten. Doch sie führen zum Kern dieses Buches mit dem Titel «Zentralasien – Eine Innenansicht». Eindeutig ist festgelegt worden, dass in diesem Fall nur Bürger eines Landes ihr eigenes Land analysieren sollen. Freilich wäre der Umkehrschluss verfehlt, dass Ausländer es nicht vermögen oder, schlimmer noch, es ihnen nicht gestattet ist.

Fachkenntnis kennt keine Grenzen. Gerade die Ansicht von außen stößt so manchen interessanten oder provozierenden Gedanken an. Dafür gibt es gerade in der deutschen Geschichte mehrere Beispiele. Oftmals waren sie mit dem Holocaust verbunden. Und nicht immer unterstützten die Deutschen solche Initiativen.

Nun kann sich die Außenansicht verselbstständigen. Mit anderen Worten, ein Land oder eine Region erfährt über die eigene Geschichte nur noch von Wissenschaftlern, die, bestenfalls, sich gut in das Thema eingearbeitet haben, aber eben nicht aus dem Land stammen, über das sie schreiben. Das kann dazu führen, dass eine Innenansicht nicht mehr stattfindet, oder nicht in ausreichender Auflage und in Übersetzungen publiziert wird.

Dieses Dilemma findet sich in gewisser Masse auch in Zentralasien wieder. Aus diesem Grund hat die Friedrich-Ebert-Stiftung zwölf anerkannte Wissenschaftler gebeten, über ihre eigenen Länder zu schreiben. Jedem der vier Länder – Kasachstan, Kirgisistan, Tadschikistan und Usbekistan – wurden die Themen Geschichte, Politik und Wirtschaft zugeordnet.

So soll der Leser einen Einblick über die Anfänge der Länder bis heute (Geschichte) sowie über die politischen und wirtschaftlichen Zustände seit der Unabhängigkeit nach dem Zusammenbruch der Sowjetunion 1991 erhalten. Eine Ausnahme bildet Turkmenistan, ein zentralasiatisches Land, dessen vielfältige und reiche Geschichte nicht aufgezeichnet werden konnte. Denn die Vorgabe war, Autoren zu finden, die in dem Land leben, und zumindest den Versuch unternehmen, unabhängig zu arbeiten und sich an Fakten zu halten.

Nun birgt die Innenansicht immer die Gefahr der Einseitigkeit. Deshalb ist der Publikation eine Analyse aus Sicht Europas angefügt worden. Es versteht sich, dass keiner der Beiträge auf vollständige Richtigkeit pocht. So sind Widersprüche zu erkennen, auch zwischen den Beiträgen aus der Region.

Gut so. Ja sogar zwischen Beiträgen eines Landes. Gut so. Und nicht alle Artikel entsprechen der Meinung des Herausgebers. Auch das ist gut so.

Denn eine gemeinsame Geschichte Zentralasiens ist noch nicht geschrieben worden. Gemeinsam im Sinne, dass alle Länder zustimmen könnten. Diese Publikation möchte einen kleinen Beitrag dazu leisten, dass erstens Wissenschaftler nicht nur national, sondern auch regional arbeiten und dass zweitens die Stimme der Länder, als auch der Region Zentralasien deutlicher zu vernehmen ist. Und zukünftige wissenschaftliche Arbeiten in Europa auch auf die Gedanken und Thesen der Wissenschaftler aus Kasachstan, Kirgisistan, Tadschikistan und Usbekistan Bezug nehmen.

Dr. Reinhard Krumm,

Taschkent im Dezember 2006

Центральная Азия в кругозоре современных осмыслений

Прежде чем обратить читательское внимание на обозрение и научные выводы авторов данной публикации, именуемой «Центральная Азия: собственный взгляд», посвященной как историческим предпосылкам минувших эпох в становлении центральноазиатского региона под эгидой России, так и – главное – насущным проблемам и тенденциям современного развития стран Центральной Азии, хотелось бы отметить в этой связи инициативную роль немецкого Фонда им. Фридриха Эберта, под патронажем которого осуществляется это очень нужное, актуальное издание. Желательно потому сразу поблагодарить за эту благородную акцию деятелей Эбертовского фонда. Кстати, сам факт такого евразийского взаимодействия говорит о многом, как об одном из проявлений процесса глобализации. Иначе говоря, мы постоянно думаем в наших общих устремлениях сближения, заботимся, сотрудничаем, надеемся, чего прежде в помине не было. А теперь мы близки как единомышленники по эпохе.

А что касается самой книги, то следует отметить с первых строк – публикация сложилась серьезная, научно обоснованная как в параметрах исторических предвестий так и, особенно, в аналитическом контексте современных геополитических путей развития новосурверенных центрально-азиатских стран СНГ.

Короче говоря, невольно привходит намерение осмыслить, ответить себе по ознакомлению с данными авторскими текстами – как было у нас в прошлом, в немалой степени еще при кочевом образе жизни казахских и кыргызских этносов еще на грани начала 20 века, и что стало теперь по исходу из идеологического рая коммунистического тоталитаризма, когда открылись ворота во все стороны света, для освоения конкурентоспособной модели и динамизма бытия, и что предстоит далее в перспективе современной реальности бытия на родной нам испокон веков потомственной туркестанской земле, то есть как скажутся новые цели и национальные идеи и устремления в судьбах взаимосвязанных соседствующих народов и стран в нынешнем либеральном 21 веке и не столько в календарном исчислении, а в конкретной реализации судьбоносных идей суверенных государственных зачинаний в контексте общемировой демократической космополитизации. Не означает ли подобное прибытие в жизнь мирового либерализма, так долго ожидаемого на протяжении веков, новую миссию человеческого рода в совершенствовании цивилизации на земле?

Итак, в аналитических изложениях авторов статей перед нами предстает в совокупности панорама нынешней Центральной Азии в самых различных ее аспектах, в самых различных проявлениях действующих государственных программ и властных режимов, включая и достижения, и

кризисные ситуации, касающиеся политических, экономических, социальных и межэтнических факторов. Таким образом, излагаются в совокупности общерегиональные и национальные проблемы самых различных сфер постсоветской действительности центральноазиатского региона.

Соучаствуя в русле общих геополитических осмыслений, излагаемых авторами книги, хотелось бы вместе с тем высказать и свои личные ощущения по поводу обстоятельств на большой родине своей, сокращенно именуемой для себя «ЦАз» - Центральной Азией.

Естественно, всякий раз необходимо напоминать в первую очередь обстоятельства больше всего тревожащих «ЦАз» на данном историческом этапе вхождения в мировую цивилизацию. В этой связи я всякий раз затрагиваю тему хронической бедности и безработицы в пределах нашего континента, в пределах центральноазиатского региона как общемировую проблему, требующую совместных общестратегических программ международного взаимодействия на этом пути бесспорно глобальной значимости. Общеизвестно, что никакой социальный прогресс не может иметь места при затажной бедности населения. На мой взгляд, когда речь идет о многовекторной интеграции мира как о ведущем факторе развития современной цивилизации, не следует не брать в расчет, не следует игнорировать эту бесконечную реальность геополитически негативного положения вещей, проблему социального и физического выживания значительной части населения – преодоления бедности, безработицы и по этой причине стихийно все более усугубляющейся малообразованности и отсюда порождающиеся явления религиозного экстремизма, терроризма, наркотрафика. Уклоняться от должного восприятия этих социальных бедствий как общезначимых факторов действительности не следует, даже если эти обстоятельства не касаются непосредственно тех, чье благополучие, казалось бы, находится в стабильной удаленности от влияния таких проблем. Практическое содействие социальному преодолению фактов бедности на планете, на мой взгляд, должно быть универсальным и первоначальным долгом всех и повсюду в постоянной трансформации поисков развития цивилизации.

А потому на практике поисков осуществления международной интеграции, как главного фактора современного партнерства цивилизаций, задачи нахождения совместимости геополитических интересов на этом пути должны включать в себя первоочередно методы преодоления бедности соседствующих стран и, стало быть, всего того социально негативного, что несут с собой эти обстоятельства, и всего того, что порождает этот негатив в жизни и судьбах нынешних и прибывающих поколений. Причем имеются в виду не обыденные эпизоды гуманитарной помощи, что само собой разумеется, а, повторяю, нахождение способов и методов повышения результативности, работоспособности бедствующего населения бедствующих стран в условиях современных рыночных отношений и научно-технической революции.

Да, это сказаны общие слова, но на деле такие задачи должны входить в фундаментальную мировую стратегию нового миропорядка международного сотрудничества, если мы хотим так избежать на практике столкновения цивилизаций.

Пользуясь случаем, хочу еще раз подчеркнуть насколько возрастает значение внутрирегиональной интеграции в «ЦАз», насколько фактор государственной суверенности наших стран способствует тому, чтобы постепенно слагалась модель цивилизационной «эскадры» кораблей, плотно плывущих в мировом океане. Отвечаем ли мы сегодня этой идее, этому насущному запросу истории?

На мой взгляд всеохватный процесс мировой глобализации являет собой по сути дела конкурентное осуществление на практике мировой концепции многосторонней интеграции во всех ее измерениях (естественно, в условиях мировой стабильности, к чему стремимся и на что надеемся), и если это так, то задача преодоления бедности многих стран и регионов входит в первую череду проблем в устройении общечеловеческой цивилизации новой эпохи.

Пользуясь случаем, пытаюсь высказать эти мысли на фоне научно-аналитических исследований авторов данной сборной публикации по Центральной Азии. К этому подвигает содержание научных работ.

И еще раз обращаясь к упомянутым текстам, в заключение еще раз стоит отметить в предисловии.

Вот перед Вами открывается в описаниях регион, который пятнадцать лет назад был, практически многим, малоизвестен. Он представлен пятью новыми независимыми республиками бывшего Советского Союза: Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном, Туркменистаном и Узбекистаном, составляющими Центральную Азию в том понятийном смысле, который стал привычным после окончания «холодной войны», без включения других ареалов в его полном географическом определении, еще когда-то данным немецким географом Александром фон Гумбольдтом «Центральная Азия в собственном смысле тянется от южного Алтая до северного склона Гималаев».

К сожалению, в сборник не вошли статьи представителей из Туркменистана, но полагаю, что это произошло по объективным причинам. Тем не менее, ведущими учеными из четырех стран была предпринята попытка, осветить основные процессы развития своих стран: от формирования народности до становления национальной государственности в новых геополитических условиях.

Выбранный путь каждой страной ЦА, сложные внутривнутриполитические процессы суверенизации, как новых субъектов международных отношений, раскрывают те исторические пласты жизнедеятельности государств, которые существенно дополняют наши представления об истории, экономике и политике стран региона и населяющих его народов. Полагаю, что эта публикация будет способствовать развитию большего взаимопонимания и диалога между странами Центральной Азии. Однако совместных усилий

предстоит приложить еще больше для достижения искомых результатов реального регионального сотрудничества, единого интеграционного пространства ЦА, что, несомненно, недостает нашим народам, история и культурное наследие которых тесно переплетены веками. Разрыв взаимодействия и взаимообогащения культур, изолированность кордонами и блокпостами не могут способствовать всеобщему благосостоянию народов региона.

Еще раз хочу отметить: мне приятно, что данная публикация выходит в свет при поддержке известного Фонда им. Фридриха Эберта, который зарекомендовал себя как последовательный сторонник национального развития, приобщения к демократическим ценностям через различные образовательные программы, поддержки научно-исследовательской деятельности и т.д., держа во внимании и те страны, которые стали на новый путь развития.

Книгу открывают статьи казахских ученых, к.и.н. Ирины Ерофеевой, специалиста по средневековой истории Казахстана; к.п.н. политолога Досыма Сатпаева и экономиста-международника Григория Марченко, логически выстраивающие историю Казахстана, его политическую систему сегодняшнего дня, анализ реформ, состояние и сценарии экономического развития страны.

Вторая часть посвящена Кыргызстану, истории его народа (д.и.н. Зайнидин Курманов), внешней политике после обретения независимости, формированию нового внутривосточного пространства (к.и.н. Валентин Богатырев) и экономике страны (академик Турар Койчиев).

Третья часть основана на взгляде этнографа на этнокультурное наследие таджиков (к.и.н. Зухра Мадамиджанова), политической системы Республики Таджикистан (д.и.н. Сухроб Шарипов), экономического развития страны (д.и.н. Ходжимухаммад Умаров).

Четвертая часть состоит из статей академика Эдварда Ртвеладзе об историческом прошлом Узбекистана, к.и.н. Рафика Сайфулина о политической динамике Узбекистана, д.э.н. Нишанбая Сиражиддинова об экономических реформах Узбекистана.

Участники данного издания давно имеют свое имя в науке, внесли большой вклад в развитие научной мысли в той или иной сфере. Хотелось бы отметить, что их взгляд основан на строго фактическом материале, без модернизации прошлого в истории народов, без преувеличения настоящего и перспективного развития будущего. Надеюсь, что это издание будет не последним, проблем и вопросов у стран Центральной Азии много и они могут быть сфокусированы на не охваченных аспектах современного развития новых независимых государств Центральноазиатского региона. Только при синтезе прошлого, помня свое собственное происхождение и сохраняя собственные ценности, анализе негативов и позитивов, глубокого понимания культуры, уважая свое окружение и соседство, мы сможем добиться прогресса в своем развитии.

12 октября 2006 года, г. Брюссель

Zentralasien im Blickfeld moderner Ansichten

Bevor die Aufmerksamkeit des Lesers auf diese Publikation mit dem Titel «Zentralasien: eine Innenansicht» gelenkt wird, soll der deutschen Friedrich-Ebert-Stiftung gedankt werden, auf deren Anregung und mit deren freundlicher Unterstützung dieses überaus notwendige und zeitgemäße Buch erscheinen konnte. Denn die Tatsache solcher euro-asiatischer Zusammenarbeit besagt schon vieles und ist Ausdruck des Globalisierungsprozesses. Das Buch zeigt, dass die Initiatoren stets bemüht sind zu analysieren, zu kooperieren und zu hoffen auf dem Weg zur beiderseits angestrebten Annäherung – eine Tatsache, von der man noch vor nicht allzu langer Zeit nie zu träumen gewagt hätte.

Es ist ein Buch, das sich auf der einen Seite mit vergangenen Epochen und den sich daraus ergebenden historischen Voraussetzungen für die Entwicklung der zentralasiatischen Region unter der Schirmherrschaft Russlands beschäftigt, vorrangig aber den aktuellen Problemen und Tendenzen der heutigen Zeit in den zentralasiatischen Staaten auf den Grund geht.

Mit dem Buch ist ein solides Werk gelungen. Es ist wissenschaftlich fundiert in seinen historischen Prognosen und seine Analysen basieren auf modernen geopolitischen Entwicklungsmodellen wie sie in den neuen souveränen zentralasiatischen GUS-Mitgliedsstaaten angewandt werden.

Beim Lesen wird man zwangsläufig zum Nachdenken und zum Vergleich angeregt: Wie war es früher, als die Kasachen und Kirgisen zum Teil noch bis Anfang des 20. Jahrhunderts als Nomaden lebten? Und wie ist es heute nach dem Erwachen aus dem ideologischen Glücksrausch des kommunistischen Totalitarismus – in einer Zeit also, in der sich Türen und Tore in alle Himmelsrichtungen auftun und der Weg frei wird für die Umsetzung eines wettbewerbsfähigen und dynamischen Gesellschaftsmodells. Eines Gesellschaftsmodells, an dessen heutiger Form sich auch die Entwicklung moderner Realität in unserer angestammten Heimat Turkestan ablesen lässt. Die Zeit wird zeigen, wie sich neue Ziele und neu angestrebte nationale Staatsideen auf die miteinander verbundenen und benachbarten Völker und Länder in unserem liberalen 21. Jahrhundert auswirken werden. Und dabei wird weniger die zeitliche Dimension ausschlaggebend sein als vielmehr die Resultate – also die konkrete Umsetzung schicksalsträchtiger Ideen, die sich aus der Initiative souveräner Staaten im Umfeld weltweiter demokratischer Kosmopolitisierung ergibt. Ob die Verwirklichung des jahrhundertlang ersehnten globalen Liberalismus einen neuen Auftrag für die Menschheit bedeutet, der in der Vervollkommnung der irdischen Zivilisation liegt?

Die Aufzeichnungen und Analysen der Autoren lassen ein Panorama vor den Augen des Lesers entstehen, in dem das heutige Zentralasien in

all seinen Aspekten und aus allen möglichen Perspektiven der jeweiligen Staatsentwicklungspläne und Machtregimes erscheint und einen Einblick in seine politischen, wirtschaftlichen, sozialen und ethnischen Erfolge sowie Krisen gewährt. So werden regionale und nationale Probleme in sämtlichen postsowjetischen Existenzbereichen der zentralasiatischen Region als Gesamtbild präsentiert.

Die von den Buchautoren umrissenen geopolitischen Ansichten analysierend möchte der Verfasser dieses Vorwortes auch über seine persönlichen Gefühle für die Entwicklungen in seiner Heimat sprechen.

Natürlich sollten regelmäßig die Ereignisse zuerst erwähnt werden, die für Zentralasien in seiner jeweiligen Entwicklungsphase besonders schmerzhaft sind. In diesem Zusammenhang müssen chronische Armut und Arbeitslosigkeit innerhalb unseres Kontinents und der zentralasiatischen Region als Probleme genannt werden. Ihre unverkennbar globale Tragweite erfordert wiederum global greifende strategische Kooperationsprogramme der internationalen Gemeinschaft. Jeder weiß, dass eine positive Entwicklung einer Gesellschaft undenkbar ist, wenn Armut herrscht.

Das soziale und physische Überleben eines erheblichen Teils der Weltbevölkerung lässt sich nur durch die Bekämpfung von Armut, Arbeitslosigkeit, zunehmenden Halbalphabetentums, aber auch des religiösen Radikalismus, Terrorismus und illegalen Drogenhandels sichern.

Man darf die Augen nicht vor diesen sozialen Krisenfaktoren verschließen, denn sie wirken sich auf die ganze Gesellschaft aus. Deshalb müssen sie auch von denjenigen wahrgenommen und entsprechend eingeordnet werden, die von diesen Umständen nicht unmittelbar betroffen sind und ihren Wohlstand in vermeintlicher Entfernung dieser Faktoren zu wissen glauben. Eine reale Unterstützung bei der Überwindung weltweiter Armut sollte jedermanns erste Pflicht und Teil jeder Phase der sich permanent ändernden Suche nach Lösungen für eine weitere Entwicklung der Zivilisation sein.

So sollte neben der Verträglichkeit geopolitischer Interessen und internationaler Integration als den beiden Grundvoraussetzungen für die partnerschaftliche Koexistenz der Zivilisationen die Armutsbekämpfung in Nachbarländern an erster Stelle stehen. Es sollte versucht werden, all die negativen Auswirkungen dieser Umstände zu eliminieren und heutige und zukünftige Generationen von Sorge und Kummer zu befreien.

Dabei geht es nicht etwa um gewöhnliche Formen der humanitären Hilfe, die selbstverständlich sein sollten, sondern besonders um die Suche nach Mitteln und Wegen zur Steigerung der Produktivität und Erwerbsfähigkeit der notleidenden Menschen armer Staaten in einer Welt, die vom Markt und bahnbrechenden Fortschritten in Wissenschaft und Technik geprägt ist.

Und es sollten nicht bloße Worte sein, sondern die Maßnahmen müssten in die globale Strategie einer neuen Weltordnung im Bereich der internationalen

Kooperation eingearbeitet werden, denn es geht um die Vermeidung von Konflikten zwischen Staaten und Nationen.

Hier anknüpfend sei abermals auf die immense Bedeutung der regionalen Integration in Zentralasien verwiesen. Denn die Souveränität dieser Staaten trägt dazu bei, dass aus ihnen ein zivilisiertes Geschwader aus zueinander haltenden Seeschiffen entsteht, die ihren Weg im Weltmeer sicher finden. Ob wir, die heute Lebenden, dieser Idee, ja diesem aktuellen Geschichtsauftrag, wohl entsprechen werden?

Der Globalisierungsprozess ist im Wesentlichen die vom Wettbewerb bestimmte Durchsetzung eines weltweiten multipolaren Integrationsbegriffes in all seinen Ausprägungen. Deshalb muss die Bekämpfung der Armut in zahlreichen Staaten und Regionen ganz oben auf der Agenda des Aufbaus einer globalen Gesellschaft stehen.

Noch vor 15 Jahren war die zentralasiatische Region vielen Menschen unbekannt. Fünf neue unabhängige Republiken, die einst zur Sowjetunion gehörten – Kasachstan, Kirgisistan, Tadschikistan, Turkmenistan und Usbekistan – bilden die Region, deren Namen sich nach dem Ende des Kalten Krieges in den Sprachgebrauch einbürgerten. Manche geographischen Gebiete werden jedoch nicht mehr berücksichtigt, denn die vollständige geographische Definition des deutschen Gelehrten Alexander von Humboldt lautete so: «Zentralasien dehnt sich vom südlichen Altai bis zum nördlichen Himalaja aus».

Es ist schade, dass kein Kapitel über Turkmenistan in diesen Sammelband einging, dennoch vermutet der Verfasser objektive Gründe dahinter. Wie dem auch sei, führende Wissenschaftler aus vier Staaten versuchen, den Leser über die grundlegenden Entwicklungsabläufe in den eigenen Ländern aufzuklären, die von der Entstehung der jeweiligen Ethnien bis zur Souveränität unter neuen geopolitischen Rahmenbedingungen reichen.

Jeder zentralasiatische Staat schlug seinen eigenen Entwicklungsweg ein und erlebte die komplexen innenpolitischen Folgen der eigenen Souveränität, die ihn zum neuen Teilnehmer des internationalen Miteinanders machten. Dem Leser wird auch ein Einblick in die historische Vergangenheit dieser Staaten gewährt. Die dabei gewonnenen Kenntnisse ergänzen weitgehend die gängige Vorstellung von der Geschichte, Volkswirtschaft und Politik der Staaten und der Völker dieser Region.

Diese Publikation wird zum besseren Verständnis und dem Dialog zwischen den zentralasiatischen Staaten beitragen. Um so stärker bedarf es gemeinsamer Anstrengungen, um die anvisierten Ergebnisse bei der regionalen Zusammenarbeit und der Schaffung eines einheitlichen Integrationsraums in Zentralasien zu erzielen – all das, was unseren Völkern, deren historische und kulturelle Traditionen seit Jahrhunderten miteinander verflochten sind, ohne Zweifel fehlt. Abgebrochene Zusammenarbeit und Bereicherung an den Gütern des anderen sowie Abschottung durch Grenzposten und Absperrketten erweisen sich für das Wohl der in der Region lebenden Völker alles andere als förderlich.

Mit großem Vergnügen möchte der Verfasser erneut betonen, dass diese Publikation mit freundlicher Unterstützung der Friedrich-Ebert-Stiftung entstanden ist, die sich als nachhaltiger Befürworter der nationalen Entwicklungsidee, der Heranführung an demokratische Werte mittels unterschiedlicher Bildungsprogramme und der Förderung wissenschaftlicher Forschung einen Namen machte, wobei ihre Aufmerksamkeit auch den jungen Demokratien gilt.

Begonnen wird die Publikation mit den Beiträgen der kasachischen Wissenschaftlerin Dr. Irina Jerofejewa, Expertin für die Geschichte des Mittelalters in Kasachstan, Dr. Dosym Satpajew, Politikwissenschaftler, und Grigorij Martschenko, Volkswirt, die sich mit der historischen Entwicklung Kasachstans und seiner heutigen politischen Ordnung beschäftigen. Dabei kommt die Analyse der Reformen, der Ist-Zustand der Volkswirtschaft und wirtschaftliche Zukunftsprognosen nicht zu kurz.

Teil II widmet sich Kirgisistan, seiner Geschichte (Dr. Zainitdin Kurmanow), der Außenpolitik nach der Unabhängigkeit und dem neuentstandenen innenpolitischen Raum (Dr. Valentin Bogatirew) sowie der Volkswirtschaft (Turar Koichujew).

Teil III präsentiert einen Rückblick auf das ethnisch-kulturelle Erbe der Tadschiken. (Dr. Suchra Madamidschanowa, das politische System der Republik Tadschikistan (Dr. Chodschimachmad Umarow) und die Entwicklung der Volkswirtschaft (Dr. Suchrob Scharipow).

Teil IV setzt sich aus den Beiträgen von Akademiker Edward Rtweladse über die historische Vergangenheit Usbekistans, von Dr. Rafik Saifulin über die politische Entwicklung und von Dr. Nischanbai Siraschiddinow über Wirtschaftsreformen in Usbekistan zusammen.

Die an diesem Buch beteiligten Autoren haben sich längst in der Wissenschaft verdient gemacht und jeweils einen großen Beitrag zur Schärfung des Forschungsgeistes in ihren Bereichen geleistet. Ihre Texte halten sich streng an die Tatsachen, ohne die Geschichte der eigenen Völker auszusmücken und ihre Gegenwart und die Zukunft übertrieben zu beschönigen. Hoffentlich wird diese Publikation nicht die letzte ihrer Art sein, zumal es reichlich Probleme und offene Fragen in den zentralasiatischen Staaten gibt, die zusammen mit bislang nicht erörterten Aspekten der heutigen Entwicklung zum Thema nachfolgender Publikationen gemacht werden können.

Denn ein Fortschritt in der Entwicklung ist nur möglich, wenn man die Vergangenheit aufarbeitet, sich an seine Wurzeln erinnert, eigene Werte bewahrt, sich mit guten und schlechten Erfahrungen auseinandersetzt, die eigene Kultur umfassend kennt und seine Nachbarn respektiert.

Brüssel, am 12. Oktober 2006

Туркестан, Қазақстан
Turkestan, Kasachstan

Ирина Ерофеева

КАЗАХСТАН В ПОТОКЕ ЭПОХ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА И ТРАДИЦИЯ

В течение трех тысячелетий территория Казахстана из-за ее специфических природно-климатических условий являлась ареалом классического номадизма. На этом пространстве постоянно доминировали кочевники: одни кочевые племена и культуры сменялись во времени другими кочевыми народами и культурами, что во многом предопределило культурно-цивилизационный облик и особенности исторического развития Казахстана вплоть до нынешнего столетия. Вхождение Казахстана в состав Российской империи, а позднее – Советского Союза, интенсивная колонизация его территории различными иноэтничными группами мигрантов и целенаправленная политика имперского государства привели к широкомасштабным социально-экономическим, политическим, культурным и цивилизационным трансформациям на территории региона, которые к началу XX в. коренным образом изменили этнокультурный ландшафт этого края и способствовали формированию здесь многонационального состава населения. За последнее столетие Казахстан превратился из отсталой культурной периферии Северной Евразии в один из наиболее крупных мультикультурных и динамично развивающихся регионов бывшего Советского Союза.

Сложившиеся в эпоху позднего средневековья система власти у кочевников-казахов и казахская этнокультурная общность явились закономерным результатом длительного исторического развития и взаимодействия сложных социально-экономических, миграционных, этнических и потестарно-политических процессов среди номадного населения бывшего Восточного Дешт-и Кыпчака¹. Они получили свое окончательное оформление в период XV–XVII вв. в Казахском ханстве.

Образование Казахского ханства (1459–1470 гг.)

История образования Казахского ханства, по мнению большинства исследователей, тесно связана с откочевкой предположительно в 1459 г. из Государства кочевых узбеков (Ханство Абулхайра) большой группы племен тюркоязычных кочевников в пределы Моголистана и распадом этого образования после смерти в 1468 г. его правителя хана Абулхайра (1428–1468). Во главе откочевавших племен находились непокорные султаны, потомки Урус-хана (1368–1377).

¹ Здесь и далее исторические термины, имена исторических деятелей и т.п. даются в написании, принятом в данном государстве (здесь – в Казахстане). – Ред.

В исторический период со второй половины XIV до середины XV в. большая часть пространства лесостепей, степей, полупустынь и пустынных районов с востока от Иртыша на запад до Волги, на юго-западе – правобережные земли по среднему и нижнему течению Сырдарьи и на юго-востоке – степные и пустынные зоны Верхнего Прииртышья до южных склонов Тарбагатайского хребта и водного бассейна оз. Балхаш, входила в состав Государства кочевых узбеков, которое возникло в конце XIV в. в результате распада улуса Джучи, старшего сына Чингиз-хана.

Территория же Южного и Юго-Восточного Казахстана, на которой проживали племена дулгатов (дулатов), уйсуней, керейтов (кереев), бекчиков (канглы), аргынов, жалаирав и других номадов, находилась под юрисдикцией Моголистана (Могольский улус), образовавшегося приблизительно в то же время в ходе распада державы Чагатаидов (потомков другого сына Чингиз-хана – Чагатая).

До конца 20-х гг. XV столетия на территории Узбекского улуса существовало около пяти независимых владений, во главе которых находились представители династийных ветвей джучидов и выходцы из традиционной степной элиты Восточного Дешт-и Кыпчака (бии, беки). Однако во второй половине XV в. в связи с приходом к власти молодого и энергичного султана Абулхайра (1428–1469), потомка султана Шибана, одного из сыновей Джучи-хана, в Узбекском улусе заметно усилились центростремительные тенденции. Быстро росло могущество Абулхайра в военно-политической сфере.

В 1428 г. семнадцатилетний султан Абулхайр при поддержке влиятельной верхушки многих племен кочевых узбеков был провозглашен ханом улуса вблизи г. Туры (Чимги-Туры), на территории южной части Западной Сибири. В течение последующих почти 40 лет он сохранял за собой ханский титул. Обязанный своим избранием и пребыванием на ханском престоле влиятельным предводителям кочевых племен, Абулхайр был вынужден считаться с их политическими интересами и в этой связи часто совершал военные походы в соседние оседло-земледельческие регионы и покорял независимые оседлые и кочевые народы. В результате многочисленных походов в присырдарьинские степи он захватил к 1446 г. ряд городов в среднем течении Сырдарьи и предгорьях Каратау – Сыгынкы, Аркук, Сузак, Ак-Курган, Узгенд и др. После этого центр ханства Абулхайра был перенесен из местности Орду-Базар в северной части Восточного Дешт-и Кыпчака в Сыгнак, что имело важное значение для последующей истории узбеков-кочевников.

Тем не менее, ни возросший военно-политический потенциал Государства кочевых узбеков, ни значительное расширение территориальных владений Абулхайра за счет завоеванных присырдарьинских городов-крепостей не смогли обеспечить ему перевеса в борьбе с соседними племенами монголоязычных кочевников-

ойратов (калмаков), пастбища которых в XV в. располагались на территории, ограниченной на востоке западными склонами Хангайских гор, на юге – пустыней Гоби, на западе – Моголистаном и на севере – верховьями Иртыша и Енисея.

В 20–30-х гг. XV в. ойратские племена совершали свои военные походы в районы р. Или и оз. Иссык-Куль, в 50-х гг. они уже доходили до Сырдарьи. В 1457 г. в окрестностях Сыгнака состоялась кровавая битва между войсками Абулхайра и предводителя ойратов Уз-Тимура-тайджи, завершившаяся жестоким поражением хана Узбекского улуса.

После этого поражения часть племен кочевых узбеков, входившая в состав ханства Абулхайра, во главе с потомками Урус-хана – султанами Гиреем и Джанибеком отделилась от него, откочевала на юг, в Моголистан, во владения местного правителя Есен-Буки-хана (1429–1462) и обосновалась в долинах рек Чу и Козы-Баши. Этой откочевкой было положено начало образованию Казахского ханства и определению самоназвания нового потестарно-политического образования на континенте.

Во главе большой и социально неоднородной группы недовольных политикой хана родов и племен Узбекского улуса встали прямые потомки Урус-хана – султаны Джанибек (происходящий от Барак-хана – сына Куйручук-оглы – сына Урус-хана) и Гирей (происходящий от Булат-султана – сына Тохта-Кыйа-султана – сына Урус-хана). Не располагая в тот момент достаточными воинскими и людскими ресурсами, чтобы добиться отстранения Абулхайра от власти, они решили оставить родные места и отправились в соседние степи Моголистана «казаковать», т.е. вести «казачий образ жизни».

В Моголистане Джанибек и Гирей встретили самый радушный прием со стороны правителя местных тюркоязычных племен, Чагатаида Есен-Буки-хана, который рассчитывал использовать их как реальную военно-политическую силу в борьбе со своим родным братом Йунусом и войсками враждебных ему ойратов. Есен-Бука с почестями встретил в своих кочевьях мятежных султанов и выделил им для кочевания «местность Джуви и Козы-Баши» в западной части Моголистана.

В течение последующих лет число приверженцев откочевавших султанов постоянно увеличивалось за счет притока в их владения из Узбекского улуса все новых групп степных кочевников, недовольных политикой Абулхайр-хана. Предположительно число объединившихся вокруг Джанибека и Гирея кочевников достигло к середине 60-х гг. XV в. двухсот тысяч человек. Они провозгласили себя самостоятельными правителями отделившихся от ханства Абулхайра родоплеменных группировок кочевников. Соответственно, время образования Казахского ханства можно обозначить датой не ранее 1465/66 г.

Первоначальным местом его возникновения следует считать территорию Западного Семиречья. Сложившаяся в результате смерти Есен-Буки-хана в 1462 г. весьма благоприятная социально-политическая обстановка в Моголистане вполне располагала к усилению власти прикочевавших сюда «казаковать» султанов. Следствием этого стала возможность объявления себя самостоятельными ханами нового потестарно-политического объединения тюркоязычных номадов.

Между тем в начале зимы 1468 г. скончался Шибанид Абулхайр-хан. После его кончины политический кризис в Узбекском улусе еще больше обострился, начались внутренние междоусобицы и частые конфликты. В результате активизировались откочевки разных групп кочевников к ханам Джанибеку и Гирею.

Те, в свою очередь, сочли сложившуюся социально-политическую ситуацию удобной для того, чтобы заявить свои претензии на «ханский престол» во всем Восточном Дешт-и Кыпчаке. Вместе с другими прикочевавшими к ним султанами они вторглись на рубеже 60–70-х гг. XV вв. Государство кочевых узбеков, во главе которого тогда находился сын Абулхайра от его жены из племени конграт – Шайх-Хайдар-хан.

После его поражения и гибели в одном из боев с «казаковавшими» султанами социальные объединения кочевников Узбекского улуса, поддерживавшие правителей-Шейбанидов, проиграли множество других больших и малых сражений. В результате власть в Государстве кочевых узбеков в 1470 г. окончательно перешла от династии Шейбанидов к потомкам Урус-хана. Новая династия находилась у власти более чем 350 лет – с 1465 по 1822 г., вплоть до законодательной отмены института ханской власти российским самодержавием на подведомственной ему территории Казахстана.

По свидетельствам некоторых средневековых мусульманских историков-хронистов, во время откочевки приверженцев Джанибека и Гирея в Моголистане называли «узбек-казаками». Среднеазиатские же авторы употребляли тогда этот собирательный термин в значении «разбойничьей вольницы», не вкладывая в него какой-либо политический или этнический смысл. Столетием позже парное наименование откочевавших «казаковать» тюркоязычных родов и племен кочевников – «узбек-казаки», служившее для обозначения выходцев из Узбекского улуса, трансформировалось в более краткий термин – «казаки», а возникшее в их социальной среде потестарно-политическое образование стало называться Казахским ханством или Казачьей ордой (в России и Европе).

Социально-политическое развитие Казахстана в XVI – начале XVIII в.

Хронологический период истории Казахстана с 70-х гг. XV в. до 30-х гг. XVIII в. можно охарактеризовать как эпоху окончательного оформления и укрепления самостоятельного Казахского ханства. Благодаря проводимой ханами Джанибеком и Гиреем активной политике вовлечения в орбиту своего влияния все новых кочевых племен в Западном Семиречье и Восточном Дешт-и Кыпчаке к концу XV в. территория Казахского ханства заметно расширилась и включала на севере многие районы Центрального Казахстана, территорию Западного Семиречья, степи Северного Приаралья, низовья Сырдарьи, предгорья Каратау и прилегающие к ним горные районы.

Однако оседло-земледельческая периферия нового ханства – крепости Сузак, Сыгнак и Сауран на Нижней Сырдарье, где располагалась ханская ставка, была слишком мала и слаба, чтобы составить реальную экономическую базу сколько-нибудь крупного и стабильного кочевого государства. Поэтому генеральной линией внешней политики Казахского ханства на первых этапах его существования стала задача распространения власти правящей династии потомков Урус-хана на весь присырдарьинский пограничный район и установление при опоре на его укрепления и экономические ресурсы более-менее прочного военно-стратегического контроля над зависимыми группировками кочевников.

В период правления сына Джанибек-хана Касым-хана (1511–1521) в ходе его борьбы со среднеазиатскими правителями-Шибанидами город Сайрам и прилегавшие к нему оседло-земледельческие селения на Средней Сырдарье перешли под власть казахского хана. В последующие годы Касым-хан основательно укрепил политические позиции Казахского ханства в Западном Семиречье и Туркестанском районе, что позволило ему переместить акценты в своей внешней политике с ее юго-западного направления на север Восточного Дешт-и Кыпчака, в кочевья Ногайской орды. Предпринятые им активные действия против правителей Мангытского юрта вынудили ногайских мурз откочевать далеко за Яик – к Волге, а границы казахских кочевий распространились к началу 20-х гг. XVI в. далеко на северо-запад, вплоть до междуречья Яика и Волги, а на севере — до Улутауских гор.

При хане Касыме во втором десятилетии XVI в. были также установлены непосредственные дипломатические связи между Казахским ханством и Московским государством. Кроме того, в это же время казахи как самостоятельная этническая общность впервые стали известны и в Западной Европе, так как сведения о них были помещены в «Записках о Московии» немецкого дипломата Сигизмунда Герберштейна,

посетившего в 1517 и 1526 гг. Москву и некоторые соседние российские территории в Среднем Поволжье.

Новый этап внутренней интеграции Казахского ханства и укрепления его внешнеполитического положения был связан с приходом к власти ханов Хаккназара (1538–1580) и Таваккула (после 1583–1598), также проводивших активную внешнюю политику.

Так, благодаря реализуемой Хаккназаром прагматичной политической линии в отношениях с северными соседями, ему удалось присоединить к Казахскому ханству территории по левому берегу Яика, наладить в 1571–1572 гг. обмен посольствами с московским правительством Ивана Грозного, а также укрепить владения подвластных султанов в Южном Казахстане. При преемнике Хаккназара Таваккулхане эта гибкая и дальновидная политика была успешно продолжена. Ее конечными результатами явились активизация контактов казахского хана с царским правительством (посольство Кулмухаммеда в Россию в 1594 г. и обратное посольство Вельямина Степанова в Степь в 1595 г.), распространение сферы влияния Казахского ханства на отдельные кочевые роды ногайцев и приграничные земли Башкирии, успешная борьба в последней четверти XVI в. с бухарским ханом Абдаллахом (1583–1593) за господство над присырдарьинским районом, завершившаяся подписанием договора между ними о переходе всех городов на Средней Сырдарье, включая г. Ташкент, под власть Таваккула.

В начале XVII в. казахско-узбекское соперничество за города и укрепления на Средней Сырдарье приобрело особенно острый и ожесточенный характер. В 1611 г. благодаря вмешательству сторонников преемника Таваккула Есим-хана (1598–1613/14, 1627–1628) в междоусобные распри правящей династии Бухары Аштарханидов на стороне бухарского хана Имамкули (1611–1642) в борьбе с его противником Вали-Мухаммадом (1605–1611) весь Присырдарьинский район с городами Ташкентом, Туркестаном, Сыгнаком, Сузаком и другими местностями по правобережью реки перешел под управление казахского хана.

В последующие несколько лет власть над Туркестаном и Ташкентом постоянно переходила из рук в руки от Есим-хана к бухарскому хану, а от него – к казахским правителям. В конце концов в 1627 г. власть над Туркестаном окончательно перешла в руки Есима и он во второй раз стал старшим казахским ханом. Со второй четверти XVII в. г. Туркестан приобрел значение политического центра Казахского ханства и постоянной резиденции казахских ханов. Около двух веков, с 1628 по 1816 г., этот город играл чрезвычайно важную роль во внутренней и внешней политической жизни Казахского ханства. В мавзолее суфийского «святого» Ходжи Ахмада Яссави проводились традиционный ритуал избрания в ханы подъемом на белой кошке, приемы чужеземных послов,

принятие наиболее ответственных политических решений, и, наконец, именно здесь обретали свой вечный покой наиболее видные казахские ханы и султаны-чингизиды.

В период правления Есим-хана значительно обострились взаимоотношения казахов с союзом западно-монгольских, или ойратских, племен, которые к середине XVI в. продвинули свои кочевья далеко на север – от верховьев рек Иртыш и Или до бассейна Среднего Иртыша (ниже современного г. Павлодара), верховьев Ишима, Терсаккана, Камышлова и Оби (вблизи г. Тары), и здесь соприкасались с кочевьями большой группы тюркоязычных родов и племен, входивших до конца этого столетия в состав Сибирского ханства Кучума.

Хан Есим неоднократно вел войны с ойратами, которые шли с переменным успехом для каждой из сторон. Однако со времени образования Джунгарского ханства (1635 г.) борьба казахов с ойратами из-за обладания плодородными пастбищами и жизненно необходимыми обоим кочевым народам торгово-ремесленными и земледельческими районами Туркестана стала перерастать в долгие и изнурительные войны, исход которых, ввиду превосходства сил джунгаров, оказывался большей частью неудачным для казахов.

На рубеже XVII–XVIII вв. после вступления на джунгарский престол в 1697 г. молодого и энергичного племянника прежнего хана хунтайджи Цэван Рабдана (1697–1727) внешняя политика Джунгарского ханства в направлении Казахстана и Средней Азии резко активизировалась. В годы его правления казахско-ойратские войны следовали одна за другой. Наиболее тяжелые и продолжительные из них имели место в 1708 – начале 1709 гг., в 1716–1717 гг. и особенно в 1723–1725 гг. и получили печальную известность в истории казахов как «Актабан шубырынды» – «Годы Великого бедствия». К концу 20-х гг. казахи утратили Ташкент, Туркестан и другие города, а также плодородные пастбища в районе Средней Сырдарьи и были вынуждены откочевать далеко на север, где владения казахской знати Младшего и Среднего жузов вошли в тесное соприкосновение с кочевьями башкир и волжских калмыков, гарнизонами русских крепостей и станицами яицких казаков.

В результате этой стихийной миграции была нарушена исторически сложившаяся система землепользования казахских родов и племен, смещены традиционные границы и маршруты их кочевания. Это, в свою очередь, резко обострило земельные отношения как внутри самого Казахстана, так и в сопредельных с ним регионах Южного Урала и Западной Сибири. Такая экстремальная ситуация содержала в себе потенциальную угрозу культурной изоляции казахов от внешнего мира, углубления кризисных процессов в их социально-экономическом развитии, а также полного разрушения политической инфраструктуры Казахского ханства и его материальной субстанции (городов, оазисов),

что побудило наиболее дальновидных представителей казахской элиты начать поиск новых внешнеполитических партнеров.

Утверждение российского присутствия в Казахской степи (1731 г. – начало XX в.)

Вхождение Казахстана в состав Российской империи явилось объективным результатом развития социально-экономических и геополитических процессов на континенте, выразившихся в становлении мирового рынка и мирового хозяйства, стремлении крупных европейских держав к гегемонии на торговых путях и обострении соперничества между ними за военно-политическое и торгово-промышленное преобладание в мире. Во втором десятилетии XVIII в. в целях установления прямого водного сообщения России с Индией и другими восточными странами Петр I направил несколько военно-разведывательных экспедиций в Центральную Азию: две – во главе с князем А. Бековичем-Черкасским к Каспийскому морю (1714–1715) и в Хиву (1716–1717) и две – под руководством полковника И.Д. Бухгольца (1717–1718) и майора И.М. Лихарева (1719–1720) в верховья Иртыша, во владения джунгарского хана Цэван Рабдана. В ходе двух последних экспедиций было положено начало строительству Иртышской линии русских военных управлений на востоке территории современного Казахстана.

В 1722 г. во время своего пребывания в Астрахани на пути из Персии в Петербург Петр I, по признанию компетентного очевидца А.И. Тевкелева, «через многих изволил уведомиться» о соседних казахских землях, и на основе вновь полученной информации впервые определил их значение для геополитических и торгово-экономических интересов России в Центральной Азии как искомым «ключей и врат».

Период становления восточной доктрины Петра I хронологически совпал с очередным этапом разрастания кризисных явлений во внутривосточной жизни казахского кочевого общества и ухудшением геополитического положения Казахстана в Центральноазиатском регионе. В первой трети XVIII в. под воздействием совокупности неблагоприятных для кочевников внешних и внутренних факторов в казахском обществе вновь усилились центробежные тенденции, и старшим казахским ханам Таяке (1680–1715), Каипу (1715–1718) и Абулхаиру (после 1718–1748) все труднее и труднее было сдерживать сепаратистские устремления других ханов и султанов.

Тяжелая война с Джунгарией, хотя и закончилась внушительными победами народного ополчения под руководством Абулхаир-хана у р. Буланты (1727) и в Анракайской битве (1730), тем не менее, принесла огромные бедствия казахскому народу и не решила своей главной задачи – возврата захваченных ойратами в 1723–1725 гг. южных территорий Казахстана, в том числе резиденции казахских ханов – г. Туркестана.

Кроме того, на рубеже 20–30-х гг. XVIII в. участились военные столкновения казахов с волжскими калмыками, башкирами, сибирскими и уральскими казаками на севере и северо-западе региона. Это побуждало ханов и султанов Младшего и Среднего жузов искать надежные политические гарантии закрепления за ними занятых в ходе вынужденных миграций казахов степных территорий вблизи Яика, Ори и Уя, а также приобретения новых пастбищных мест в низовьях Яика, где открывался путь к плодородным пастбищам на его правобережной стороне и к расширению связей с русскими рынками.

Не менее актуальной для казахов оставалась также задача поиска выгодного союзника и покровителя в целях продолжения борьбы с Джунгарией за возвращение своих исконных кочевых мест и сырдарьинских городов на юго-востоке региона. Все эти сложные обстоятельства обусловили стремление части политической элиты казахского общества искать поддержки у царского правительства.

В июне 1730 г. хан Младшего жуза Абулхаир отправил в Петербург к русской императрице послов Сеиткула Койдагулова и Кутлумбета Коштаева с просьбой о принятии его с подвластным народом в российское подданство. Царское правительство положительно отнеслось к этой инициативе, и уже в феврале 1731 г. императрица Анна Иоанновна отправила ответное посольство в Младший жуз во главе с переводчиком Коллегии иностранных дел А.И. Тевкелевым для приведения казахов к присяге на верность России.

10 октября 1731 г. в ставке хана Абулхаира в междуречье нижнего течения рек Ирғиз и Тобол в урочище Манитюбе состоялось подписание ханом Абулхаиром и группой казахских старшин в количестве 30 человек акта о политическом подданстве. Это историческое событие положило начало длительному процессу присоединения казахских жузов к России.

Процесс присоединения был продолжительным во времени и очень сложным по содержанию. Его темпы и масштабы развития определялись не только интересами и целями внешней политики России, но и динамикой развития всей системы международных отношений во внутриконтинентальной части Евразии. На него влияли и естественная прозрачность, и полная неопределенность всех границ, экономическая и геополитическая зависимость степного аграрного пространства от административного и торгового срединного ядра (Балтика – Москва – Поволжье – Приуралье). Отсюда в правящих кругах Казахского ханства складывалось понимание приоритетности и первостепенной важности торгово-экономических и военно-политических связей с сильным северным соседом, развития и углубления отношений сближения с пограничными российскими властями в Западной Сибири, Приуралье и Поволжье.

В зависимости от степени проникновения Российского государства в социальное пространство Казахстана исторический процесс вовлечения

казахских жузов в состав Российской империи может быть условно разделен на четыре основных хронологических периода.

Первый период (30–40-е гг. XVIII в.). Это эпоха распространения формально-правового сюзеренитета Российской империи на казахское население Младшего и частично Среднего жузов. Присягу верности российскому престолу поочередно приносили казахские ханы и влиятельные султаны Младшего и Среднего жузов в ходе поэтапных русско-казахских переговоров.

Во время пребывания миссии А.И. Тевкелева в северо-западных районах степи (5 октября 1731 г. – 23 ноября 1732 г.) российское подданство приняли: 10 октября 1731 г. – хан Абулхаир и 30 казахских старшин; 3 декабря – султан Младшего жуза Батыр (ум. ок. 1771) и 19 декабря того же года – хан Среднего жуза Семеке (1723–1737).

Восемь лет спустя вновь назначенный на должность начальника Оренбургской экспедиции видный администратор и историк В.Н. Татищев (1737–1739) предложил Абулхаиру повторить присягу русской императрице, вследствие чего казахский хан 3 августа 1738 г. вновь официально подтвердил в Орской крепости свою клятву верности российской короне в присутствии многих русских должностных лиц.

Третьим этапом заключения двустороннего соглашения о вступлении правящей казахской элиты под протекторат России явились персональные переговоры преемника В.Н. Татищева на посту главы русской администрации в Оренбургском крае В.А. Урусова (1739–1741) с кочевыми лидерами Младшего и Среднего жузов в Орской крепости с 19 августа по 1 сентября 1740 г. В результате них российское подданство официально приняли в Орске 28 августа 1740 г. новый хан Среднего жуза Абулмамбет (1739 – ок. 1771) и влиятельный султан Аблай (1711–1780).

Вслед за этими переговорами в ноябре 1742 г. российское подданство принял в своих кочевьях знатный правитель многих найманских родов Среднего жуза султан Барак (ум. в 1750), кочевавший на северо-востоке и юге региона.

Итак, к середине 40-х гг. XVIII в. почти все ханы и влиятельные султаны Младшего и Среднего жузов формально вступили под патронат российского престола, в результате чего сфера компетенции пограничных органов царского самодержавия в Оренбургской губернии и Западной Сибири юридически распространилась на северо-западные, центральные и восточные районы Казахстана.

Однако уже при первых попытках добиться от казахских правителей выполнения ряда подписанных ими политических обязательств перед российской короной (охрана торговых караванов в степи, сдерживание кочевников от набегов в кочевья соседних народов, российских подданных, и т.д.) царское правительство столкнулось с ограниченностью властных полномочий верховных правителей-

ханов, отсутствием у них реального аппарата административного принуждения и т.п. В Казахском ханстве не существовало единой юрисдикции, а рассеянность власти и множественность субъектов властных отношений, непрочность вертикальных связей между ханами и влиятельными султанами, между султанами и старшинами делали любые действия власти неэффективными. Отсюда проистекало и постепенно усиливалось понимание того, что сохранение системы власти казахов в ее традиционном виде делает задачу утверждения реального политического влияния России в регионе практически невыполнимой.

С другой стороны, само Российское государство тогда еще не обладало достаточным военно-административным и экономическим потенциалом для того, чтобы реализовать официально взятую им на себя миссию верховного сюзерена и гаранта внешней безопасности казахских жузов.

Вследствие указанных обстоятельств официальное принятие в 30–40-х гг. XVIII в. казахскими правителями Младшего и Среднего жузов российского подданства не повлекло за собой быстрой и сколько-нибудь заметной трансформации русско-казахских отношений. Они развивались в эти годы, главным образом, по линии индивидуальных контактов русской пограничной администрации с казахскими правителями. Методом «проб и ошибок» постепенно нащупывались наиболее эффективные способы воздействия на традиционные институты власти у кочевников, чтобы в дальнейшем, выражаясь словами А.И. Тевкелева, «наложить на них узду».

Тем не менее, оформление сюзеренитета России над казахскими жузами дало основание царскому правительству осуществить целый ряд мер по укреплению своих позиций на северных и северо-восточных рубежах Степи. В частности, было начато строительство городов и новых укрепленных линий: Оренбургской, Новой Ишимской, Кольвано-Воскресенской, были созданы условия для развития торговли с соседними азиатскими государствами и т.п. Город Орск (1733 г.), а затем и Оренбург (1743 г.) стали крупными центрами разносторонних контактов России не только с кочевниками Казахстана, но и с народами Средней Азии.

Второй период (50-е гг. XVIII в. – начало XIX в.). Это эпоха постепенного утверждения государственно-политического протектората российского самодержавия над казахскими жузами.

Начало ему было положено 5 октября 1748 г. инициированным со стороны России письменным обращением креатуры оренбургского губернатора И.И. Неплюева, старшего сына Абулхаир-хана Нуралы (1748–1786) к императорскому престолу с просьбой об утверждении его ханского титула русской императрицей, принятием в Петербурге соответствующего правового акта и проведением 10 июля 1749 г. в г. Оренбурге торжественного обряда возведения Нуралы в ханы на

совместном собрании местной царской администрации и казахской знати. Специальным указом императрицы Елизаветы Петровны от 13 апреля 1749 г. исторический прецедент с процедурой так называемой конфирмации нового хана был возведен в ранг законодательного принципа правосубъектности властных отношений в Казахстане. Согласно этому принципу, казахские ханы могли получить статус легитимности только после официального подтверждения их ханского титула российским императором или императрицей. Политический смысл «высочайшего указа» оренбургский губернатор И.И. Неплюев сформулировал в одном предложении: «Дабы киргиз-кайсацкие ханы ханство получали не по своей воле или по одной народной воле, но с высочайшего Е. И. в. соизволения и подтверждения, зане будет то знаком прямого подданства». Как показал ход дальнейших политических событий в Степи, именно этого политико-правового принципа и придерживалось царское самодержавие в практике своих взаимоотношений с правящей казахской элитой в последующие семь десятилетий.

Сущность нового типа вассальных отношений между Россией и казахскими жузами выражалась в фактическом присвоении государством-протектором широких полномочий и прав по контролю за деятельностью казахских ханов. Значительному изменению подверглись традиционные принципы конституирования института избрания казахских ханов, была установлена система прямого регулирования как сферы их внешних сношений, так и внутренних дел. Развитие и углубление контактов с представителями правящей элиты кочевников позволило русской администрации в Сибирском и Оренбургском ведомствах реализовать на практике принцип «косвенного управления» подвластными племенами и территориями, действуя через степные социально-политические структуры.

В связи с тем, что к середине XVIII в. наиболее видные представители правящей элиты казахов находились в состоянии двойного подданства, в российской администрации были в основном преодолены межведомственные разногласия по поводу среднеазиатской политики и окончательно наметился курс на ликвидацию института ханской власти в Казахстане.

В соответствии с ним царское правительство стремилось посредством фактического перераспределения властных полномочий и прямого воздействия на традиционные потестарно-политические структуры кочевников дезавуировать в их общественном сознании институт ханской власти и тем самым подготовить почву для его полной и окончательной отмены.

К достижению этой конечной цели административные органы Оренбургского и Сибирского ведомств продвигались несколькими путями:

- 1) через процедуру официального утверждения казахских ханов, в частности Аблая (1771–1780), Вали (1781–1821), Букея (1816–1819), а затем и их прямого назначения (с 1791 г. – все ханы Младшего жуза);
- 2) инициирование внутривластной борьбы за власть и искусственное умножение количества ханов (например, поддержка Букей-султана (ок. 1737–1819 – годы жизни) в его соперничестве с Вали-ханом);
- 3) выбор очередной креатуры на ханский престол из числа самых послушных, но малоавторитетных и недееспособных султанов: престарелых Ералы (1791–1794) и Айчувака (1797–1805), слабовольных Есима (1795–1797) и Жанторе (1805–1809), трусливого и коварного Сергазы (1812–1824);
- 4) намеренное игнорирование самых сильных и авторитетных претендентов на ханский престол, таких, как султаны Каип (ум. в 1791), Каратай (ок. 1772–1826), Арынгазы (1785–1833) и др.;
- 5) отстранение от власти излишне самостоятельных и потенциально независимых ханов, в частности Арынгазы.

В результате этой целенаправленной политики в конце второго десятилетия XIX в. в регионе были созданы все необходимые условия для ликвидации института ханской власти и глубоких социально-политических преобразований. Однако последовавшее вслед за этим упразднение института ханской власти привело царское правительство к серии серьезных конфликтов с казахской знатью.

Третий период (20-е – середина 50-х гг. XIX в.). Это период глубокого реформирования всех институтов власти в Казахстане, вовлечения казахского общества в процесс государственного строительства и развития системы территориально-административного управления.

Стремление центральных властей укрепить положение России в Младшем и Среднем жузах и использовать эти территории как опорную базу для дальнейшего продвижения на юго-восток в направлении Старшего жуза и Средней Азии побудило их внедриться во внутреннее социально-политическое устройство кочевого общества путем создания государственной территориально-административной системы в Казахстане.

В 1822 г. специальным указом императора Александра I институт ханства в Среднем жузе был официально ликвидирован. В 1824 г. была упразднена ханская власть в Младшем жузе, в 1845 г. – во Внутренней, или Букеевской, орде (осн. в 1801 г.) и положено начало проведению глубоких административно-политических преобразований.

Для управления кочевым населением Северного, Центрального и Восточного Казахстана, находившемся в ведении Западно-Сибирского

генерал-губернаторства, были приняты: в 1822 г. – Устав о сибирских киргизах, в 1838 г. – Положение об отдельном управлении сибирскими киргизами, в 1854 г. – Положение об управлении Семипалатинской областью и некоторые другие нормативно-правовые акты.

В отношении казахского населения западного региона, относившегося к сфере компетенции оренбургского военного губернатора, были разработаны и введены в действие: в 1824 г. – Мнение Комитета азиатских дел относительно преобразования управления Оренбургским краем, в 1844 г. – Положение об управлении оренбургскими киргизами, в 1859 г. – указ «О переименовании степи зауральских киргизов, именуемых Малою Ордою, в Область оренбургских киргизов и о новом порядке управления сей областью».

На основании всех этих законодательных актов в 20–50-х гг. XIX в. Оренбургское и Сибирское колониальные учреждения произвели административно-территориальное разделение подведомственных им территорий, населенных казахами, и организовали в них средние и низовые звенья управления, получившие своеобразные формы. По официальной терминологии того времени они назывались оренбургской системой «пограничного» и западносибирской системой «приказного» управления.

В Оренбургском ведомстве, в состав которого вошли казахи Младшего и отчасти Среднего жузов, в 1824 г. были созданы три внешних зауральских округа, переименованных четыре года спустя (в 1828 г.) в Восточную, Среднюю и Западную части. Эти «части» были подразделены на «дистанции», а те, в свою очередь, на «административные аулы». Все три части казахских земель находились в подчинении оренбургского правления, во главе которого стоял оренбургский военный губернатор. Во главе частей были поставлены назначенные сверху царскими чиновниками султаны-правители со штатом сотрудников, во главе дистанций – «дистанционные» начальники, административных аулов – аульные начальники.

На большей части казахских земель Среднего жуза, подведомственных западносибирской администрации, сложилась несколько иная система административно-территориального устройства. В 1822 г. в структуре Западно-Сибирского генерал-губернаторства была выделена Омская область, во главе которой был поставлен областной начальник. Область делилась на четыре внутренних округа: Омский, Петропавловский, Семипалатинский и Усть-Каменогорский. Было создано также восемь внешних округов: Каркаралинский (1824 г.), Кокчетавский (1824 г.), Аягузский (1831 г.), Акмолинский (1832 г.), Баян-Аульский (1833 г.), Уч-Булакский (1833 г.), Аман-Карагайский (1834 г.) (переименованный позднее в Кушмурунский округ) и Кокпектинский (1844 г.). В 1838 г. Омская область была ликвидирована, а ее бывшие внутренние округа присоединены к соседним сибирским губерниям.

Внешние округа были переданы в компетенцию новоучрежденного Пограничного управления сибирскими киргизами. В 1854 г. на основе вышеуказанных внешних округов и части внутренних округов сопредельных северных территорий были образованы Область сибирских киргизов и Семипалатинская область. Обе области возглавили военные губернаторы. В 1856 г. царские власти создали в районе Семиречья, на территории которого кочевали казахские роды Старшего жуза, особый Алатавский округ во главе с окружным начальником.

В каждый округ входило в среднем 15–20 волостей, волости состояли из 10–12 административных аулов. В каждом ауле насчитывалось 50–70 кибиток. При этом царские колониальные органы попытались привязать каждое звено традиционной потестарно-политической организации кочевников – родовая община, племя, союз племен – к определенной административно-территориальной единице и осуществлять властные функции по отношению к этим вновь возникшим территориальным образованиям.

Во главе округов были поставлены окружные приказы, состоявшие из «старших султанов», штата сотрудников (два заседателя, переводчик, письмоводитель, казначей и пр.) и небольших отрядов принуждения в количестве 200–300 вооруженных казаков. Волости возглавляли волостные султаны, административные аулы – аульные старшины.

Создание государственно-административной системы управления в регионе позволило ввести регулярное налогообложение кочевого населения.

В 30–60-х гг. XIX в. казахи Сибирского ведомства должны были платить в пользу государства так называемую «ясачную подать» – натуральный прогрессивный налог, когда в казну каждый год взималась одна голова со ста голов скота. Казахское население Оренбургского ведомства было обложено «кибиточной податью» – денежным фиксированным налогом, когда с каждой кибитки, т.е. с любого жилища и хозяйственной постройки, ежегодно взималось в пользу государства 1,5 рубля серебром. Во Внутренней орде кочевники первоначально платили в государственную казну «зьякет» и «согум», собиравшиеся в денежной форме, а с 1860 г. стали платить «окладную подать».

Помимо указанных налогов, регулярно взимаемых с кочевников один раз в году в одно и то же время, казахское население платило и исполняло в пользу государства целый ряд других податей и повинностей. Если прежде, в доколониальном прошлом, различные налоговые сборы и повинности в пользу ханов и султанов носили в Казахском ханстве в основном добровольный характер, были нерегулярными и незначительными и охватывали в разные сезоны кочевого цикла только близко расположенные к ханским ставкам родоплеменные подразделения кочевников, то отныне установилась жесткая фискальная зависимость всех социальных групп казахского

общества от государства. Посредством налоговой системы российское самодержавие ежегодно выкачивало из Степи несколько сотен тысяч, а затем и миллионы рублей на содержание и нужды местного административного аппарата, регулярных войск и другие потребности колониального управления.

В процессе административно-территориальных и политических преобразований и военно-казачьей колонизации Степи внутри казахских кочевий создавались стационарные укрепления: в Сибирском ведомстве – Баян-Аульское (1830 г.), Кокчетавское (1839 г.), Атбасарское (1840 г.), Каркаралинское (1842 г.), Аягузское (1842 г.) и Аман-Карагайское (1843 г.); в Оренбургском ведомстве – Уральское (1845 г.), Оренбургское (1845 г.), Раимское (1847 г.), Карабутацкое (1846 г.), Эмбинское (1862 г.). После взятия генералом В.А. Перовским в 1853 г. кокандской крепости Ак-Мечеть в бассейне Нижней Сырдарьи в Присырдарьинском районе возник целый комплекс укреплений – Перовск, Кармакчи, Джулек, Казалы и др.

В этих укреплениях размещались окружные приказы во главе со старшими султанами и стационарные ставки султанов-правителей. Отсюда в казахские кочевья высылались сборщики налогов и полицейско-карательные отряды казаков, благодаря чему колониальным властям удавалось обеспечивать более или менее регулярное поступление налоговых сборов в казну и поддерживать непрерывное функционирование управленческой вертикали на всех этапах сословно-бюрократической пирамиды власти в Казахстане. Иначе говоря, в результате военно-казачьей колонизации региона, распространения на казахское общество общеимперской налоговой системы и создания сети средних и низовых звеньев управления кочевым населением посредством государственных институтов Российской империи были в основном преодолены центробежные тенденции и обеспечена интеграция номадного социума.

Одновременно с проведением административно-территориальных преобразований колониальные чиновники приступили к проведению комплекса различных мероприятий, направленных на постепенное приспособление традиционной правящей элиты кочевников к вводимым инновациям и инкорпорацию ее наиболее перспективных представителей в сословно-бюрократическую систему Российской империи. В этот период основной акцент в политической деятельности высших российских должностных лиц был перенесен в сословия султанов, как таковые, на тех представителей «белой кости», которые проявляли стремление «верно служить» интересам российского престола и неуклонно проводить цели имперской политики в жизнь.

В этом смысле политика царского самодержавия была ориентирована на привлечение к государственной службе только определенной части султанского сословия, тогда как все остальные

представители степной аристократии законодательно лишались права на политическую власть.

Место любого индивида стало определяться с тех пор уже не только и даже не столько его сословной и генеалогической принадлежностью к определенной клановой и социальной группе, а верностью присяге «царю и отечеству», личными способностями и заслугами перед Российским государством, умением привлечь свой род, отделение или племя на службу империи.

К числу социально-экономических мер, направленных на обеспечение привилегированного положения казахских должностных лиц, относились такие виды стимулирования хорошей государственной службы, как законодательно оформленное освобождение чиновников-казахов от налогообложения, материальное и денежное премирование за особые заслуги перед престолом, наделение различными льготами, в том числе земельными владениями, представление к престижным орденам и медалям и т.п.

Среди поощрительных мероприятий сословно-правового характера, проводившихся российским самодержавием по отношению к должностным лицам из казахской традиционной знати, важное место занимала практика инкорпорации наиболее отличившихся на служебном поприще султанов-Чингизидов в состав потомственного дворянства Российской империи со всеми прилагавшимися к этому статусу сословными правами и привилегиями, в первую очередь правом на частное наследственное землевладение.

В ходе реализации установки царского самодержавия на повышение социального статуса старших султанов и султанов-правителей среди казахов господствующий слой традиционного кочевого общества разделился на группу государственных служащих колониального аппарата, на базе которых происходило постепенное формирование бюрократической прослойки местных управленцев, и активных противников нового режима, выступавших под лозунгами реставрации ханской власти, возврата к прежней системе формально-правового созеренитета России в казахских жузах и прекращения военно-казахьей колонизации территории Казахстана.

Проведение административно-политических реформ и развитие процессов рекрутирования новой управленческой элиты сопровождалось в Степи резким усилением внеэкономической зависимости кочевого населения от государственных структур, насильственным отчуждением у кочевников наиболее плодородных пастбищных угодий под строительство очередных русских укреплений и казачьих станиц, ростом налоговых платежей, различных незаконных поборов, вымогательств и насилий со стороны новоиспеченных должностных лиц. Все эти негативные явления вызывали у простых общинников естественное недовольство действиями местных официальных властей, которое

с самого начала стало выливаться в форму широкой социальной поддержки оппозиционных выступлений казахской знати, направленных против усиления российского колониального присутствия в регионе.

По степной традиции активный протест разных социальных и родоплеменных групп казахов против колониальной политики царского правительства возглавили ближайшие потомки наиболее прославленных в народе ханов – султаны Габайдулла Валиханов, Сартай Чингизов, Касым Аблайханов, Саржан Касымов, Кенесары Касымов, Кодайменды Газин и др.

Самым массовым, организованным и продолжительным по времени народным сопротивлением российским реформам явилось в 20–40-х гг. XIX в. антиколониальное движение казахов во главе с султаном (с 1740 г. – ханом) Кенесары Касымовым (1837–1846), объединившее в своих рядах свыше 25 тыс. представителей разных родов Среднего, Младшего и отчасти Старшего жузов.

Вследствие ряда объективных и субъективных факторов, определявших ход развития и социальные масштабы этого движения, борьба Кенесары Касымова с царским самодержавием не привела казахов к желаемому успеху. Однако, несмотря на неизбежное поражение повстанцев, память об их борьбе оставила глубокий след в историческом сознании казахского народа и нашла яркое отражение в многочисленных устных легендах и преданиях кочевников о гордом и отважном хане Кенесары и его верных сподвижниках-батырах.

Многолетняя оппозиционность традиционной кочевой знати российскому колониальному режиму привела царское правительство в середине XIX в. к существенной ревизии своих прежних политических ориентаций в Казахстане. В 1855 г. согласно специальному положению Сибирского комитета оно решило отказаться от правовой и административной поддержки сословного престижа и имиджа казахских султанов и сделать ставку на «демократические группы» кочевого населения региона.

На практике подобное смещение акцентов проявилось в том, что, если сначала, в 20–40-х гг. XIX в., должности старших султанов занимали почти исключительно представители сословия торе, то с середины XIX в. указанные посты все чаще стали занимать лица иной сословной принадлежности – выходцы из степной элиты «черной кости» (бии, батыры, старшины) или же просто богатые кочевники (баи) из семей родовых общинников-скотоводов.

Конкретные результаты указанной смены политического курса колониальных властей непосредственно выразились несколько лет спустя в том, что если в первые десятилетия существования внешних округов среди 87 волостных управителей числилось 43 султана и 44 представителя других сословий, то к 1856 г. из 106 должностных лиц

этой категории было только 11 султанов, а остальные 62 волостных управителя таковыми по своему происхождению не являлись.

Таким образом, проводимые царскими властями административно-политические мероприятия в регионе привели к существенному ограничению традиционных прав и привилегий наследственной степной аристократии «белой кости», повышению социального статуса тех султанов, которые перешли на государственную службу российскому престолу, и законодательному обеспечению более высокого статусного порога для непривилегированных сословных групп казахов «черной кости», кооптированных в состав российского административно-управленческого аппарата. На этой основе стали формироваться надгрупповые (надклановые) структуры власти у кочевников, базировавшиеся на механизмах рекрутирования бюрократического слоя управленцев по общероссийским сословно-классовым критериям.

Четвертый период (конец 50-х – 60-е гг. XIX в.). Это период утверждения российского суверенитета на всем географическом пространстве региона и вовлечение всех казахских социально-территориальных групп в административно-политическую систему Российского государства.

Проникновение государственных структур России во внутривнутриполитическое устройство казахского общества и введение в регионе фискально-налоговой системы империи вызвали негативную реакцию как у самого казахского населения и его военно-политических лидеров, так и у соседей – Кокандского (1709–1876) и Хивинского ханств (нач. XVI в. – 1920 г.). Эти ханства рассматривали южные районы Казахстана в качестве сферы своего непосредственного экономического и политического влияния, что обусловило ускорение динамики продвижения России в глубь Казахстана.

В 40–50-х гг. XIX в. оренбургские власти возвели цепь опорных пунктов в долинах рек Ирғиз и Торғай, в устье Сырдарьи и приступили к основанию поселений русских казаков при укреплении Раим и форте Карабутак, расположенном в районе расселения присырдарьинских казахов. Летом 1853 г. российский военный отряд в количестве более 2000 человек под командованием оренбургского военного губернатора генерала В.А. Перовского взял штурмом передовой форпост Кокандского ханства на Нижней Сырдарье – крепость Ак-Мечеть, на месте которой некоторое время спустя был возведен русский форпост Перовск.

Одновременно со стороны Сибири активное наступление царских войск против кокандцев в направлении Южного Казахстана развернул западносибирский губернатор Г.Х. Гасфорд. В 1845 г. сибирский отряд возвел в верховьях р. Кызыл-Агач Копальское укрепление, а в течение последующих нескольких лет – укрепления Сергиополь, Лепсинск, Верный и др. на территории Семиречья. В результате продвижения русских пограничных линий в Семиречье и Присырдарьинский район,

где располагались зимние кочевья казахского населения Среднего и Младшего жузов, военно-стратегическое положение России в ранее занятых районах Казахстана заметно стабилизировалось и укрепилось.

Продвижение в 1863–1864 г. линии русских военных укреплений из Перовска вверх по Сырдарье и из Верного – в Семиречье в направлении к югу региона способствовало созданию операционной стратегической базы для овладения всем Южным Казахстаном. В течение 1863 г. русские военные отряды без боя заняли кокандские крепости Джумагал, Куртка и Сузак в районе северных склонов Каратауского хребта. Взятие в 1864 г. военными отрядами полковника Н.А. Веревкина г. Туркестана, а полковника М.Г. Черняева – городов Аулие-Ата и Чимкент позволило сомкнуть Оренбургскую и Сибирскую линии. Благодаря этой военной операции южные казахские земли были окончательно присоединены к России.

В июле 1867 г. император Александр II опубликовал указ об учреждении Туркестанского генерал-губернаторства, куда вошли вновь присоединенные территории Старшего жуза, Северной Киргизии и бывших среднеазиатских ханств (Семиреченская и Сырдарьинская области). Распространение российского законодательства и налоговой системы на южные земли Казахстана стало заключительным шагом на пути включения их в административно-территориальную и государственно-политическую структуру империи. Присоединение Казахстана к России завершилось. Казахстан стал частью Российской империи.

В связи с включением всех казахских земель в состав Российской империи в 1867–1868, 1886 и 1891 гг. были унифицированы прежние ведомственные структуры административно-политического управления в разных частях региона и выработана единая система административного управления для всего Казахстана.

Территория Казахстана сначала была отнесена к ведению трех генерал-губернаторств – Оренбургского, Западно-Сибирского и Туркестанского и разделена на шесть областей: Уральскую, Тургайскую, Акмолинскую, Семипалатинскую, Семиреченскую и Сырдарьинскую. Первые четыре области были поделены пополам между Оренбургским и Западно-Сибирским генерал-губернаторствами, а с 1882 г. все вместе переданы в компетенцию новообразованного Степного генерал-губернаторства. Семиреченская и Сырдарьинская области вошли в состав Туркестанского генерал-губернаторства.

Каждая область делилась на несколько уездов, уезды – на волости, волости – на административные аулы в количестве от 100 до 200 кибиток. Территория Мангышлака полностью вошла в состав Мангышлакского уезда Закаспийской области, район правобережья Верхнего Иртыша, или Рудный Алтай, – Змеиногорского уезда Томской губернии, Внутренняя орда – Астраханской губернии.

Во главе областей были поставлены военные губернаторы, назначаемые непосредственно царским правительством, во главе уездов – уездные начальники, назначавшиеся военным губернатором по «высочайшим приказам», в волостях – волостные управители и в аулах – аульные старшины. На двух нижних уровнях административно-управленческой вертикали был сохранен прежний выборный принцип замещения должностей, что спровоцировало острое соперничество различных клановых групп кочевников за избрание во властные структуры своих представителей.

В 1867–1868 гг. на всей территории Казахстана была введена единая унифицированная система налогообложения кочевников – «кибиточная подать», т.е. фиксированный налог, ежегодно взимаемый с каждой кибитки в денежной форме. Одновременно казахи платили «билетный сбор», «акциз за перепуск скота на линию», «ремонтную пошлину», а также исполняли почтовые и подводные повинности и вносили ряд других платежей. Тем самым отсутствовавшее прежде в Казахском ханстве изъятие у кочевников прибавочного продукта внеэкономическими методами и средствами стало в составе Российской империи всеобщим и приобрело постоянный характер. Отныне обеспечивалась непрерывная связь всех низовых ячеек казахского социума с верховной властью государства. Не случайно сам факт налогообложения казахского населения интерпретировался царскими чиновниками как главное свидетельство действительного распространения юрисдикции российской короны на всю территорию Казахстана.

По мере вовлечения казахского общества в орбиту влияния Российского государства характер взаимоотношений царского самодержавия с традиционными правящими элитами кочевников трансформировался от недавней практики абсорбирования отдельных сегментов привилегированного сословия – султанов путем наделения их определенными сословными правами и властными прерогативами к полной отмене с конца 60-х гг. XIX в. сословных привилегий всей элиты «белой кости» и генеалогической системы властного доминирования за счет выдвижения на государственные должности тех степных лидеров, которые оказали наибольшие услуги российскому престолу в усмирении Степи и ее реформировании. Царское правительство сделало окончательную ставку на «демократические» группы кочевого общества – сословия традиционной знати «черной кости» (бии, батыры, старшины) и простых общинников, которые получили право по новому законодательству выдвигать своих кандидатов на те или иные выборные должностные места в государственно-административном аппарате края. Так осуществлялось дальнейшее формирование надклановых органов власти у казахов.

Однако проводимые российскими властями различные инновации в Казахской степи, как и прежде, совершенно не затрагивали систему

социально-экономических отношений в кочевом обществе и сложившиеся у казахов формы общественного сознания. По-прежнему преобладало апеллирование каждого отдельного человека к традиционным ценностям своей клановой группы и родоплеменным идеалам. Все попытки царского правительства коренным образом реформировать традиционную систему властных отношений в кочевом обществе в конечном счете оказались малопродуктивными в дореволюционный период, так как глубоко укорененная в номадной культуре родоплеменная организация казахов довольно успешно адаптировала эти инновации.

Миграции европейских групп населения на территорию Казахстана (XVIII в. – начало XX в.)

Включение Казахстана в состав России положило начало интенсивной миграции европейских этнических групп – русских, украинцев, татар, немцев, поляков и др. из внутренних регионов империи в казахские степи. Главной движущей силой славянской миграции в этот регион являлось само российское государство, которое создавало для народной колонизации необходимую ей защитно-оградительную инфраструктуру (крепости, форпосты, пикеты), законодательно стимулировало и регулировало на разных уровнях перемещение людских потоков на новоприсоединенные земли и самим фактом своего стационарного присутствия в тех или иных географических точках Степи (административные центры, окружные приказы и пр.) имплицитно предопределяло будущий миграционный рисунок крестьянских колоний. В этой связи применительно к территории Казахстана в целом и каждому из его крупных регионов в отдельности алгоритм народной колонизации может быть обозначен такой формулой: «Государственная военно-административная колонизация присоединенных территорий – бегство народа от государства – возвращение беглых под государственную юрисдикцию России».

С учетом тесной взаимосвязи геополитических и экологических факторов, обуславливавших в историческом прошлом динамику и основные векторы миграций разных этнических групп из европейской части России на Восток, в процессе первоначальной славянско-европейской колонизации территории Казахстана можно выделить четыре этапа:

1. *Начало XVIII в. – первая четверть XIX в.* Перенос внешней границы России в бассейны Урала, Ишима, Тобола и Верхнего Иртыша, завершившийся заселением казачеством и крестьянами прибрежных районов этих водных артерий и горно-таежной части территории Рудного Алтая. В течение этого периода в результате военно-административной и стимулированной властью народной колонизации новоприсоединенных земель на северо-западе, севере

и востоке региона сформировались ареалы славянских поселений. Параллельно с этим процессом вблизи некоторых крепостей, форпостов и таможенных пунктов, расположенных на пересечении транзитных торговых путей, шло формирование татарских слободок и селений.

2. 1824–1860-е гг. Распространение российского суверенитета на степные и полупустынные ареалы Центрального, Юго-Восточного, Южного и Восточного (до Зайсанской котловины) Казахстана и процесс инфильтрации небольших этнических групп европейцев в эти регионы.
3. 70–90-е гг. XIX в. Переход под юрисдикцию России Прикаспийского региона (п-ов Мангышлак) и всей Зайсанской котловины и появление на этих территориях первых локальных групп славянских переселенцев из европейской части России и Сибири.
4. 1900–1917 гг. Проведение Столыпинской аграрной реформы и начало массовой колонизации аграрными группами европейских народов всей территории Казахстана.

В итоге за два столетия пребывания Казахстана в составе Российской империи на его территории сложилась сложная мультикультурная полиэтническая структура населения. При общем численном преобладании в регионе тюркоязычных кочевников-казахов (3,6 млн чел.) большой удельный вес имели к тому времени русские и украинцы (1,5 млн чел. – 28,5% от всего населения), татары – 93 тыс. чел. (1,7%), уйгуры – 86 тыс. чел., немцы – около 39 тыс. чел. (0,7%), мордва – 24,6 тыс. чел. (0,3%). В социальном и конфессиональном отношении население Казахстана также стало во многом неоднородным. Все указанные особенности географической локализации и социально-конфессиональной структуры полиэтнического населения Казахстана в немалой степени предопределили особый характер межкультурного взаимодействия составивших его народов в дореволюционный период и приоритетные тенденции его развития в советское время.

25 октября 1917 г. в Петрограде свершилась «пролетарская» революция. Вскоре революционные события перекинулись на национальные окраины России, в том числе и на территорию Казахстана. Здесь они преимущественно разворачивались в более или менее крупных городах (в основном в уездных центрах) и вдоль железнодорожных магистралей. «Городской» характер революции четко обнаружил, по образному выражению большевистского деятеля г. Сафарова, ее «колониальный дух». Населенные главным образом русскими города региона существовали как бы вне традиционного аграрного пространства, которое составляли в основном дисперсные общины казахов-кочевников. Сельская периферия – казахский аул и русское село – относилась к городу как к чужой для нее среде, и поэтому аграрное население Казахстана в 1918–1919 гг. большей частью

пассивно восприняло события, происходившие в революционных городах края.

В то же время Февральская, а затем Октябрьская революции в центре России явились мощным катализатором процесса усиления антиколониальных настроений в Казахстане и организационного оформления либерального движения среди немногочисленной группы казахских интеллектуалов.

21–26 июля 1917 г. в Оренбурге состоялся Первый общеказахский съезд, на котором политическая организация национальной либеральной интеллигенции «Алаш» (ее лидерами были А. Букейханов, А. Байтурсынов, М. Дулатов, Ж. и Х. Досмухамедовы, Х. Габбасов, М. Тынышпаев, А. Ермаков и др.) оформилась в национальную партию и приняла свою программу.

5–10 декабря 1917 г. в Оренбурге состоялся Второй общеказахский съезд. Он подтвердил политическую ориентацию партии «Алаш» на создание национальной автономии в составе демократической федеральной Российской республики. В поисках необходимого гаранта реализации этой политической идеи руководители партии были вынуждены пойти на взаимоисключающие компромиссы и контакты, как с лидерами «белого движения», так и с большевиками.

В марте-апреле 1919 г. делегация Алашорды во главе с А. Байтурсыновым провела переговоры с Советским правительством, а уже 10 июля 1919 г. Ленин подписал в Москве Декрет «О революционном комитете по управлению Киргизским (Казахским) краем Социалистической Советской Республики». Согласно этому документу, Казахстан обретал свою государственность на советской основе, включаясь на правах национальной автономии в состав СССР. С 4 по 12 октября 1920 г. в Оренбурге состоялся Учредительный съезд Советов Казахстана, который одобрил Декрет ВЦИК и Совнаркома и торжественно провозгласил Казахскую Автономную Советскую Социалистическую Республику (КАССР). При этом программные стратегические установки национально-либеральной партии «Алаш» и большевистских идеологов существенно расходились: их политические лидеры рассматривали идею федеративного устройства России как временную конструкцию в процессе национально-государственного строительства, однако перспективу развития национальной автономии казахские интеллектуалы видели в постепенном обретении Казахстаном полного национально-государственного суверенитета, а большевики, в противоположность этому, рассчитывали на основе автономистской формы реализации провозглашенного ими «права наций на самоопределение» в дальнейшем воссоздать централизованное государство в пределах бывшей Российской империи на принципах «пролетарского интернационализма» и «приоритета общемировых классовых интересов перед узкими национально-буржуазными интересами».

В 1921–1922 гг. в компетенцию КАССР была передана часть приграничных территорий на Алтае и Оренбургского края Российской Федерации, а в конце 1924 г. осуществлено национально-территориальное размежевание республик Средней Азии. В соответствии с ним под юрисдикцию и управление КАССР перешли районы исторически сложившегося компактного расселения казахов из соседних стран Средней Азии – Туркменской, Хорезмской и Хивинской республик, с населением около 1,5 млн чел. В результате земельных размежеваний территория Казахстана увеличилась с 2 млн км² в 1920 г. до 2,8 млн км² в 1925 г., а численность его населения соответственно возросла с 4,8 млн до 6,5 млн чел. Завершился процесс советского национально-государственного строительства в декабре 1936 г., когда, согласно Конституции СССР, Казахская АССР была преобразована в союзную республику.

В период 20–30-х гг. большевистская партия и советское правительство, стремясь вытянуть страну из экономического кризиса и создать прочный социальный фундамент для проведения крупномасштабных социалистических преобразований, осуществляли программу индустриализации Казахстана. Благодаря этим мероприятиям в республике были созданы крупные производственные отрасли, электрифицированы многие населенные пункты и промышленные предприятия, построена Туркестано-Сибирская железнодорожная магистраль (Турксиб) и т.д. С начала 1920-х гг. в КАССР началась активная работа по преодолению неграмотности среди населения, подготовке местных профессиональных кадров, созданию разветвленной культурно-образовательной инфраструктуры на всей территории Казахстана.

Однако в ходе практической реализации этих важных для общества и государства экономических и культурно-просветительских программ происходило стремительное усиление тоталитарных тенденций в социально-политическом развитии Казахстана и СССР.

Тоталитарная природа большевистского режима нашла свое выражение в таких формах управления страной, как проведение жесткой политики коллективизации, раскулачивания на селе и насильственного оседания кочевников, борьба с инакомыслием и политические репрессии над реальными и мнимыми идеологическими противниками большевизма, включая массовые депортации целых народов (немцев, поляков, чеченцев, ингушей, корейцев, турок-месхетинцев и др.) с мест их исторического проживания в Казахстан и Среднюю Азию; тотальный идеологический контроль над духовной сферой жизни полиэтничного населения, практика централизованного силового регулирования процессов развития науки и культуры и т.п.

Многолетнее развитие указанных тенденций вглубь и вширь на всем геополитическом пространстве бывшего СССР привело страну в начале

80-х гг. XX в. к крупномасштабному экономическому, политическому и идеологическому кризису, который сопровождался существенным ослаблением позиций коммунистической идеи и обесцениванием федералистских принципов построения полиэтнического государства (в его традиционной российско-советской интерпретации) в общественном сознании всех народов бывшей тоталитарной империи. Эти факторы во многом обусловили в 1989–1991 гг. скоротечный распад СССР по федеральным границам республик, а последний, в свою очередь, положил начало процессу обретения Казахстаном полного суверенитета в рамках его исторически сложившейся национально-государственной территории.

Irina Jerofejewa

DIE GESCHICHTE KASACHSTANS

Dank seiner spezifischen Umwelt- und Klimabedingungen gilt Kasachstan seit drei Jahrtausenden als klassisches Nomadengebiet. In der Tat wurde diese Gegend stets von Nomadenvölkern besiedelt. Die Stämme und ihre Kulturen wechselten sich im Laufe der Zeit ab und prägten die Kultur und Zivilisation sowie die Besonderheiten der historischen Entwicklung Kasachstans bis ins heutige Jahrhundert hinein.

Einst war Kasachstan ein Teil des russischen Zarenreiches und später auch der Sowjetunion. Das Land wurde von unterschiedlichen fremden Ethnien kolonisiert und musste die imperialistische Politik des russischen Reiches ertragen. Diese Faktoren führten zu tiefgreifenden sozialen, wirtschaftlichen, politischen, kulturellen und zivilisatorischen Transformationsprozessen in dieser Region, sie veränderten entscheidend ihr ethnisches und kulturelles Gesicht zu Beginn des 20. Jahrhunderts und trugen schließlich zum multinationalen Aufbau der Bevölkerungsstruktur bei. In jüngster Zeit verwandelte sich Kasachstan vom unterentwickelten kulturellen Hinterhof des nördlichen Eurasiens in eine der größten multikulturellen Regionen der einstigen Sowjetunion, die eine dynamische Entwicklung erlebt.

Die im späten Mittelalter entstandene Machtordnung der kasachischen Nomadenstämme und die ethnische und kulturelle Gemeinschaft der Kasachen entstanden in Zusammenwirkung von mehreren komplexen sozialen, wirtschaftlichen, migratorischen, ethnischen und politisch Abläufen, die sich innerhalb der Nomadenbevölkerung des einst existierenden Landes mit dem Namen «östliches Descht-i Kiptschak» abspielten. Die kasachische Gesellschaft und ihre Machtordnung erlangten ihre endgültige Form im kasachischen Khanat zwischen dem 15. und dem 17. Jh.

Entstehung des kasachischen Khanats (1459–1470)

Die Entstehung des kasachischen Khanats ist wahrscheinlich auf die Umsiedlung einer größeren turksprachigen Nomadengruppe aus dem Staat der Nomaden-Usbeken (Khanat von Abulchair) nach Mogulistan ungefähr im Jahre 1459 sowie auf den Zerfall dieses Staatsgebildes mit dem Tod seines Herrschers Abulchair-Khan (1428–1468) im Jahre 1468 zurückzuführen. Die umgesiedelten Nomadenstämme wurden von abtrünnigen Sultanen regiert, die zur Nachkommenschaft von Urus-Khan (1368–1377) gehörten.

Der Staat der Nomaden-Usbeken entstand Ende des 15. Jh. durch die Auflösung des geerbten Nomadenlandes (Ulus) von Dschuschis, des ältesten Sohnes von Dschingis Khan, und erstreckte sich zwischen der zweiten Hälfte des 14. Jh. und der Mitte des 15. Jh. über weite Teile der Waldsteppen,

Steppen, Halbwüsten und Wüsten, die zwischen dem Irtysch-Fluss im Osten und der Wolga im Westen lagen, sowie über die Gebiete am rechten Ufer des Syrdarja-Flusses in seinem Mittel- und Unterlauf im Südwesten und über die Steppen und Wüsten im Oberlauf des Irtysch-Flusses im Südosten bis zum südlichen Hang des Tarbagataj-Gebirgskammes und den Balchasch-See.

Bis Ende der 20er Jahre des 15. Jh. bestanden ungefähr fünf unabhängige Provinzen innerhalb des usbekischen Uluses, die von den Sprösslingen der Dschutschchi-Dynastie und Vertretern des traditionellen Stammadels der Steppenvölker im östlichen Descht-i Kyptschak (Biys und Beks) regiert wurden.

1428 wurde der siebzehnjährige Sultan Abulchair, unterstützt vom einflussreichen Adel zahlreicher nomadisierender Usbekenstämme, zum Khan des Uluses in der Stadt Tura (Tschimgi-Tura) im Süden Westsibiriens gekrönt. Seinen Khan-Titel behielt er danach fast über 40 Jahre. Den Thron hatte Abulchair einflussreichen Häuptiongen der Nomadenstämme zu verdanken. Deshalb war er darauf angewiesen, ihre politischen Interessen zu berücksichtigen und musste Kriegszüge in die benachbarten Regionen führen, die von sesshaften Ackerbauvölkern bewohnt wurden, um sowohl sesshafte als auch nomadisierende Völker zu unterwerfen. Während seiner zahlreichen Feldzüge in die um den Syrdarja-Fluss liegenden Steppen eroberte er bis 1446 mehrere Städte, die im Mittellaufgebiet von Syrdarja und im Karatau-Vorgebirge lagen: Sygnyk, Arkuk, Suzak, Ak-Kurgan, Uzgend u.a. Danach wurde der Herrschersitz des Abulchair-Khans aus der Gegend Ordu-Bazar im Norden des östlichen Descht-i Kyptschak nach Sygnak verlegt und beeinflusste damit entscheidend die spätere historische Entwicklung der nomadisierenden Usbeken.

Dennoch vermochte es weder das gestiegene militärpolitische Potenzial des usbekischen Nomadenstaates, noch die erhebliche Größe des Abulchair-Reiches, dem Khan zum Sieg im Kampf gegen die benachbarten mongolischsprachigen und nomadisierenden Oyraten (Kalmaken) zu verhelfen. Deren Weideflächen erstreckten sich im 15. Jh. vom westlichen Hang des Hangai-Gebirges im Osten, der Gobi-Wüste im Süden bis nach Mogulistan im Westen und bis zum Oberlauf des Irtysch und des Jenissei im Norden.

In den 20er und 30er Jahren des 15. Jh. unternahmen die Oyrat-Stämme ihre Kriegszüge zum Illy-Fluss und dem Issik-Kul-See und erreichten bereits in den 50er Jahren den Syrdarja-Fluß. 1457 fand eine blutige Schlacht zwischen den Truppen von Abulchair und dem Oyraten-Häuptiongen Zu-Timur-Tajdschi bei der Burgstadt Sygnak statt, die dem Khan des usbekischen Nomadenstaates eine schwere Niederlage bescherte.

Nach dieser Niederlage spaltete sich ein Teil der usbekischen Nomadenstämme mit den Nachkommen von Urus-Khan an der Spitze von den vom Abulchair-Khan regierten Volksstämmen ab und zog gen Süden nach Mogulistan, wo man sich im Land des Herrschers Esen-Buki-Khan (1429–

1462) im Flusstal von Tschu und Koz-Baschi niederließ. Diese Trennung der Nomadenstämme war Basis für die Entstehung des kasachischen Khanats und damit eines neuen politischen Gebildes auf dem Kontinent.

Die Nachkommen von Urus-Khan standen einer größeren inhomogenen Gruppe aus den Clans und Stämmen des usbekischen Nomadenstaates vor, die mit der vom Khan betriebenen Politik nicht einverstanden waren. Diese Gruppe verfügte damals nicht über die nötige Kraft, den Abulchair-Khan zu stürzen und entschied sich daher für die Abspaltung und den Wegzug aus der Heimat in die naheliegenden Steppen Mogulistans, um da den kasachischen, also den nomadisierenden Lebenswandel zu führen.

Im neuen Siedlungsgebiet trafen die Sultane Dschanibek und Girej auf den Regenten der dortigen turksprachigen Stämme und die Nachkommen von Tschagatai-Khan, Esen-Buka-Khan.

In den nachfolgenden Jahren nahm die Zahl der Anhänger der abtrünnigen Sultane durch den stetigen Zuzug immer neuer Nomadengruppen aus den Steppen des usbekischen Nomadenstaates zu, die mit der von Abulchair-Khan betriebenen Politik unzufrieden waren. Vermutlich versammelten sich um Dschanibek und Girej bis Mitte der 60er Jahre des 15. Jh. rund 200.000 Nomaden. Die beiden ernannten sich zu Herrschern über die sich vom Abulchair-Khanat abspaltenden Gruppen von Nomadenstämmen. Somit kann die Entstehungszeit des kasachischen Khanats mit frühestens 1465 bis 66 datiert werden.

Der ursprüngliche Entstehungsort des kasachischen Khanats liegt im westlichen Siebenstromland. Mit dem Tod von Esen-Buka-Khan im Jahre 1462 entstand eine Situation in Mogulistan, die sich für die Macht der zugezogenen Sultane als sehr förderlich erwies. So ergab sich die Möglichkeit, sich zu selbständigen Khanen der neuen politischen Gemeinschaft der turksprachigen Nomaden zu ernennen.

Im frühen Winter 1468 starb Abulchair-Khan. Nach seinem Tod spitzte sich die politische Krise im usbekischen Nomadenland zu und mündete in Stammesfehden und häufigen Konflikten. Dadurch begannen verschiedene Nomadengruppen, in die Landgebiete der Khane Dschanibek und Girej abzuwandern.

Die beiden Khane nutzten die Gelegenheit, um ihre Ansprüche auf den Thron des östlichen Descht-i Kyptschak geltend zu machen. Zusammen mit anderen zugezogenen Sultanen fielen sie in den 60er und 70er Jahren des 15. Jh. in den Staat der Nomaden-Usbeken ein, der damals von Schah-Haidar-Khan, dem Sohn des verstorbenen Abulchair und seiner Frau aus dem Kongrat-Stamm, regiert wurde.

Nach seiner Niederlage und dem Tod in einer Schlacht gegen die angreifenden Sultane verloren die Stammesgemeinden, die im usbekischen Nomadenland lebten und die Regenten aus der Scheibaniden-Dynastie unterstützten, mehrere andere Schlachten. Schließlich ging die Macht im Staat

der nomadisierenden Usbeken im Jahre 1470 von der Scheibanidendynastie auf die Nachkommen von Urus-Khan über. Die neue Herrscherdynastie behielt ihre Macht über mehr als 350 Jahre von 1465 bis 1822 bei, bis die russische Krone in ihrem kasachischen Protektorat die Macht der Khane gesetzlich abschaffte.

Nach Überlieferungen von moslemischen Chronisten des Mittelalters bezeichnete man die Anhänger von Dschanibek und Girej als Usbek-Kasaken. Ein Jahrhundert später hatte sich der Name «Usbek-Kasake», der für die abgespaltenen turksprachigen Nomadenstämme aus dem usbekischen Nomadenstaat stand, in den kürzeren Begriff «Kasaken» umgewandelt und das entstandene politische Gebilde wurde später als kasachisches Khanat oder die Kasakenhorde (insbesondere in Russland und Europa) bezeichnet.

Entwicklung Kasachstans zwischen dem 16. und dem frühen 18. Jahrhundert

Die Entwicklung Kasachstans seit den 70er Jahren des 15. Jh. bis in die 30er Jahren des 18. Jh. war die Periode der endgültigen Ausprägung und Verstärkung des autarken kasachischen Khanats. Die Khans Dschanibek und Girej bemühten sich um die Einbeziehung immer neuer Nomadenstämme im westlichen Siebenstromland und dem östlichen Descht-i Kyptschak und konnten das Territorium des kasachischen Khanats um mehrere Gebiete Zentralkasachstans, des westlichen Siebenstromlandes, des nördlichen Aralsee-Vorlandes, des Syrdarja-Unterlaufs sowie des Karatau-Vor- und Hochgebirges bis Ende des 15. Jh. ausbauen.

Dennoch waren die von der sesshaften Ackerbaubevölkerung besiedelten Randgebiete des neuen kasachischen Khanats nicht groß genug, Wirtschaftsgrundlage für die Existenz eines größeren und stabilen Nomadenstaates zu bilden. Daher bestand der außenpolitische Schwerpunkt des kasachischen Khanats in der Ausweitung der Macht auf das gesamte Grenzgebiet um den Syrdarja-Fluss. Außerdem sollte militärische und wirtschaftliche Kontrolle über die untergeordneten Nomadengruppen erlangt werden.

In den nachfolgenden Jahren konnte Kasim-Khan den Einfluss des kasachischen Khanats im westlichen Siebenstromland und in Turkestan wesentlich verstärken und verlagerte seine außenpolitischen Schwerpunkte vom Südwesten auf den Norden des östlichen Descht-i Kyptschak, wo die Nomadenstämme der Nogajerhorde umherzogen. Mit einem Krieg erweiterte der Khan die Grenzen des kasachischen Nomadengebietes zu Beginn der 20er Jahre des 16. Jh. bis an die Region zwischen dem Jaik und der Wolga im Nordwesten und bis hin zum Ulutau-Gebirge im Norden.

Unter Khan Kasim wurden in den 20er Jahren des 16. Jh. direkte diplomatische Beziehungen zwischen dem kasachischen Khanat und dem

Moskauer Staat hergestellt. Als ethnische Gemeinschaft wurden die Kasachen auch in Westeuropa um diese Zeit erstmals bekannt, da eine Beschreibung in die «Aufzeichnungen über Moskowien» des deutschen Diplomaten Sigismund Gerberstein einfluss, der Moskau und einige anliegende russische Gebiete im Mittellauf der Wolga zwischen 1517 und 1526 bereiste.

Eine neue Stufe der inneren Integration des kasachischen Khanats und der Verstärkung seiner außenpolitischen Lage ergab sich aus der Machtübernahme durch die Khans Hakknazar (1538–1580) und Tavakkula (1583–1598).

Durch die von Hakknazar betriebene pragmatische Politik gelang es, sich die Gebiete am linken Jaik-Ufer einzuverleiben, außerdem Botschafter mit der Moskauer Regierung von Iwan dem Schrecklichen auszutauschen und den Einfluss in Südkasachstan zu verstärken. Hakknazar's Thronnachfolger Tavakkul-Khan setzte diese flexible und weitsichtige Politik erfolgreich fort. Es gab vermehrt politische Kontakte des kasachischen Khans mit dem russischen Zaren, die Einflussosphäre des kasachischen Khanats weitete sich auf weitere Nomadenstämme und angrenzende Baschkirengebiete sowie im letzten Viertel des 16. Jh. um die Herrschaft über die Gebiete am Syrdarja-Fluss aus.

Zu Beginn des 17. Jh. wurde die zwischen Kasachen und Usbeken ausgetragene Rivalität um die Städte und Burgen im Mittellauf des Syrdarja besonders akut. 1611 mischte sich Esim-Khan (1627–1628), in die Fehdenkämpfe ein, die zwischen Aschtarchaniden – der Herrscherdynastie von Buchara, vertreten durch Imamkuli-Khan (1611–1642) – und seinem Gegner Vali-Muhammad (1605–1611) ausgetragen wurden. Er unterstützte dabei den Monarchen von Buchara mit dem Ergebnis, dass das gesamte Gebiet mit den Städten Taschkent, Turkestan, Sygnak, Suzak und anderen Gegenden am rechten Flussufer an den kasachischen Khan übergang.

In den nachfolgenden Jahren hatten Esim-Khan, der Khan von Buchara und andere kasachische Khane abwechselnd die Kontrolle über Turkestan und Taschkent. Seit 1627 blieb die Macht über Turkestan endgültig bei Esim-Khan, der das zweite Mal zum oberen kasachischen Khan gekürt wurde. Ab dem zweiten Viertel des 17. Jh. verwandelte sich Turkestan zum politischen Zentrum des kasachischen Khanats und zum ständigen Sitz kasachischer Khans. Zwei Jahrhunderte lang, zwischen 1628 und 1816, spielte diese Stadt eine extrem wichtige Rolle für das innen- und außenpolitische Leben des kasachischen Khanats. Im Mausoleum an der Grabstätte des Sufi-Heiligen Hodschi Achmad Jassawi zelebrierte man den Ritus der Khankrönung durch das Emporheben des zu Krönenden auf ein weißes Vliestuch, man empfing ausländische Gesandte und traf die wichtigsten politischen Entscheidungen. Auch besonders angesehene Khane und Sultane aus der Nachkommenschaft von Dschingis Khan wurden hier beigesetzt.

1697 bestieg der junge und energische Zevan Rabdan (1697–1727), der Neffe des Altkhans, den dschungarischen Thron. Während seiner Regentschaft löste ein Krieg zwischen den Kasachen und den Oyraten den

anderen ab. Die schwersten Schlachten trugen sich 1708/09, 1716/17 und insbesondere 1723 bis 1725 zu und gingen als «Aktaban schuburundy» – die Zeit des großen Kummers – in die kasachische Geschichte ein. Ende der 20er Jahre verloren die Kasachen Taschkent, Turkestan und andere Städte sowie fruchtbare Weideflächen im Mittellauf des Syrdarja und mussten sich weit in den Norden zurückziehen, wo die Ländereien des kasachischen Adels an die Nomadenlager der Baschkiren und der Wolga-Kalmyken sowie an die Garnisonen der Russen und die Siedlungen der Jaik-Kosaken unmittelbar angrenzten.

Dieser Rückzug zerstörte das historisch geprägte Bodennutzungssystem der kasachischen Stämme und verschob die traditionellen Grenzen und Routen ihrer Nomadenzüge. Die Verhältnisse sowohl in Kasachstan selbst, als auch in den Grenzregionen des Südurals und Südsibiriens, spitzten sich zu. Die Situation barg die potenzielle Gefahr einer Krise in der sozialen und wirtschaftlichen Entwicklung und der vollständigen Zerstörung der politischen Infrastruktur des kasachischen Khanats und seiner materiellen Grundlagen. Diese Gefahren zwangen die weitsichtigen Vertreter der kasachischen Elite, auf die Suche nach neuen außenpolitischen Partnern zu gehen.

Festigung der russischen Präsenz in der kasachischen Steppe (1731 – Anf. 20. Jh.)

Die Aufnahme Kasachstans in das russische Reich ergab sich folgerichtig aus den sozialen, wirtschaftlichen und geopolitischen Entwicklungen auf dem Kontinent. Ein Grund war auch die von den größeren europäischen Mächten angestrebte Hegemonie über die Handelswege und ihre sich zuspitzende Rivalität um militärische und wirtschaftliche weltweite Dominanz ausdrückte. In den 20er Jahren des 17. Jh. entsandte Zar Peter I. mehrere Aufklärungstrupps nach Zentralasien, um eine direkte Wasserstraße zwischen Russland und Indien sowie zwischen anderen im Osten liegenden Staaten zu erschließen: Zwei solcher Trupps unter Befehl des Fürsten Bekowitsch-Tscherkasski wurden ans Kaspische Meer (1714–1715) und nach Chiwa (1716–1717) und zwei weitere unter Befehl vom Oberst I. Buchholz (1717–1718) und dem Major I. Licharew wurden an den Oberlauf des Irtysch (1719–1720) ins Land des dschungarischen Khans Zewan Rabdan geschickt. Während der zwei zuletzt genannten Einsätze beschloss man den Bau von russischen Festungen in einer Linie entlang des Irtysch im Osten des heutigen Kasachstans auf.

Während seiner Rückreise aus Persien nach Petersburg machte Peter I. 1722 in Astrachan halt und «geruhte, über die kasachischen Grenzgebiete aufgeklärt zu werden», wie der Zeitzeuge A. Tewkelew schreibt. Danach definierte der Zar erstmals den Stellenwert dieser Gebiete für die geopolitischen und wirtschaftlichen Interessen Russlands in Zentralasien: Sie seien die gesuchten «Schlüssel und Tore».

Während dieser Zeit verschlechterte sich die innenpolitische und geopolitische Lage in der kasachischen Nomadengesellschaft in der zentralasiatischen Region. Im ersten Drittel des 18. Jh. kam es wiederholt zu Gegensätzen innerhalb der kasachischen Gesellschaft: Den oberen kasachischen Khans Tauke (1680–1715), Kaipu (1715–1718) und Abulchair (nach 1718–1748) fiel es immer schwerer, separatistischen Absichten anderer Khans und Sultane Einhalt zu gebieten.

Zwar endete der kräftezehrende Krieg gegen die Dschungaren mit einem Sieg unter Befehl von Abulchair-Khan bei den Schlachten am Fluss Bulanty (1727) und bei Anraka (1730), dennoch löste er nicht seine zentrale Aufgabe, die Rückeroberung der zwischen 1723 und 1725 von den Westmongolen besetzten südlichen Gebiete Kasachstans und der Stadt Turkestan, des Sitzes der kasachischen Khans. Überdies kam es während der späten 20er und frühen 30er Jahre des 18. Jh. zu häufigen militärischen Auseinandersetzungen zwischen Kasachen, Wolga-Kalmyken, Baschkiren, sibirischen und Ural-Kosaken im Norden und Nordwesten der Region. Diese Ereignisse veranlasste die jüngeren Khane nach Sicherheiten in den eigenen Steppengebieten zu suchen. Außerdem besetzten sie neue Weideflächen im Unterlauf des Jaik, der unter anderem den Zugang zu den russischen Märkten gewährte.

Nicht weniger aktuell blieb für die Kasachen die Suche nach einem günstigen Alliierten im Kampf mit den Dschungaren um die angestammten Nomadengebiete und die Städte entlang des Syrdarjas im Südosten der Region. All diese komplexen Umstände bewogen einen Teil der politischen Elite der Kasachen, Unterstützung beim russischen Zaren zu suchen.

Im Juni 1730 entsandte Khan Abulchair seine Botschafter Seitkul Koydagulow und Kutlumbet Koschtajew nach St. Petersburg an den Hof der russischen Zarin mit der Bitte um die Aufnahme seines Volkes in die russische Staatsangehörigkeit. Die Zarin Anna entsprach dieser Bitte.

Am 10. Oktober 1731 unterzeichneten der Khan Abulchair und dreißig Sippenälteste die Urkunde am Sitz des Khans in Manitube zwischen den Flüssen Irgis und Tobol. Dieses historische Ereignis legte den Grundstein für einen langen Prozess der Angliederung kasachischer Sippen an Russland.

Tempo und Ausmaß des Prozesses wurde nicht alleine von Interessen und Zielen der russischen Außenpolitik, sondern auch von der Gesamtentwicklung internationaler Beziehungen im kontinentalen Eurasien bestimmt. Einfluss hatten auch die vollständig unbestimmten Staatsgrenzen und die wirtschaftliche und geopolitische Abhängigkeit des agrarwirtschaftlich bestimmten Steppenraums von administrativen und handeltreibenden Zentren wie dem Baltikum, Moskau, sowie der Wolga- und Uralregion. Das kasachische Khanat erkannte die Wichtigkeit von Handels- und Militärbeziehungen mit dem nördlichen Nachbarn.

Der historische Angliederungsprozess der kasachischen Sippen an das russische Reich kann in vier Zeitabschnitte unterteilt werden:

Die erste Etappe (1730 - 1740 des 18. Jh.)

Diese Zeit umfasst die Verbreitung der formalrechtlichen Oberherrschaft des russischen Reiches über die kasachische Bevölkerung der jungen Horde und teilweise der mittleren Horde. Ihre Treue zum russischen Thron schworen die kasachischen Khane und einflussreiche Sultane der beiden Horden je nach Fortschritt der stufenweise abgehaltenen russisch-kasachischen Regierungsverhandlungen.

Während der Tewkelew-Mission in die nordwestlichen Steppengebiete (vom 5. 10. 1731 bis 23. 11. 1732) nahmen mehrere Khane und Sippenälteste die russische Staatsangehörigkeit an.

Acht Jahre später wurde V. Tatistschew (1737–1739), ein hervorragender Verwalter und Historiker, zum Leiter der Orenburger Mission ernannt und schlug dem Khan Abulchair vor, der russischen Zarin wiederholt seine Treue zu schwören, woraufhin der kasachische Khan seinen Treueid auf die russische Krone am 3. August 1738 in der Orsk-Festung wiederholte.

Die dritte Phase des Abkommens über die Annahme der russischen Schutzherrschaft durch die regierende kasachische Elite verlief während persönlicher Verhandlungen zwischen Tatistschews Amtsnachfolger V. Urusow (1739–1741) und dem Nomadenadel der jüngeren und mittleren Horde, die 1740 in der Orsk-Festung stattfanden. Die Verhandlungen endeten in der Annahme der russischen Staatsangehörigkeit durch den neuen Khan der mittleren Sippe, Abulmamet (1739 – ca. 1771), und den einflussreichen Sultan Ablay (1711–1780).

Im Anschluss an diese Verhandlungen nahm Sultan Barak (verst. 1750) die russische Staatsangehörigkeit im November 1742 in seinem Nomadenlager an, der Regent mehrerer Stämme der mittleren Sippe war, die im Nordosten und im Süden der Region nomadisierten.

Somit nahmen fast alle Khane und einflussreichen Sultane der jüngeren und mittleren Horde die russische Schutzherrschaft Mitte der 40er Jahre des 18. Jh. offiziell an. Das russische Reich dehnte sich damit auf die Provinzen Orenburg und Westsibirien sowie auf die nordwestlichen, zentralen und östlichen Gebiete Kasachstans aus.

Die kasachischen Herrscher hatten sich unter anderem verpflichtet, die Handelskarawanen in der Steppe zu schützen und Übergriffe anderer Nomadenvölker auf Nachbarlager und russische Staatsangehörige zu unterbinden. Doch bereits die ersten Versuche der Zarenregierung, die kasachischen Herrscher zur Erfüllung der übernommenen politischen Verpflichtungen gegenüber dem russischen Thron anzuhalten, scheiterten an den beschränkten Machtbefugnissen der Khane und an fehlenden Mitteln

administrativen Zwangs. Im kasachischen Khanat gab es keine einheitliche Rechtshoheit, dafür aber instabile Vertikalbeziehungen zwischen Sultanen und den Sippenältesten, die den Handlungsspielraum der neuen Staatsmacht einschränkten. Daraus ergab sich auf russischer Seite die Erkenntnis, dass die Beibehaltung der kasachischen Machtordnung in ihrer traditionellen Form es nicht erlauben würde, den Einfluss Russlands in dieser Region zu festigen.

Auf der anderen Seite verfügte der russische Staat damals noch nicht über hinreichendes Wehrverwaltungs- und Wirtschaftspotenzial, um der formell übernommenen Funktion eines Schutzherrn und Garanten der äußeren Sicherheit der Kasachen gerecht zu werden.

So brachte also die in den 30er bzw. 40er Jahren des 18. Jh. formell angenommene russische Staatsangehörigkeit durch die kasachischen Khane der jüngeren und mittleren Horde keine Veränderungen der russisch-kasachischen Beziehungen mit sich. Die zwischenstaatlichen Beziehungen entwickelten sich damals weitgehend über private Kontakte zwischen den russischen Vorstehern der Grenzbehörden und dem kasachischen Adel. Durch Versuche arbeitete man langsam die wirksamsten Mittel der Beeinflussung der traditionellen Machtvertikalen der Nomaden heraus, «um ihnen später das Zaumzeug anzulegen», wie A. Tewkelew sich äußerte.

Für Russland war die formelle Übernahme der Herrschaft über die kasachischen Sippen die Grundlage, um eine ganze Reihe von Maßnahmen zur Festigung seiner Präsenz in den nördlichen und nordöstlichen Grenzgebieten einzuleiten. Unter anderem begann man mit der Errichtung von Städten und neuen Festungen und man förderte die Handelsbeziehungen zu den benachbarten asiatischen Staaten. Die Städte Orsk (1733) und anschließend Orenburg (1743) entwickelten sich zu größeren Zentren, von denen aus russische Beziehungen nicht nur zu den kasachischen Nomaden, sondern auch zu weiteren zentralasiatischen Völkern aufgenommen und gepflegt wurden.

Die zweite Etappe (1750 – Beginn des 19. Jh.)

Diese Zeit umfasst die allmähliche Festigung der Schutzherrschaft der russischen Monarchie über die kasachischen Sippen. 1748 wandte sich Nuraly, der älteste Sohn von Abulchair-Khan, auf Anregung von I. Nepiljuew, Gouverneur zu Orenburg, schriftlich an den russischen Thron mit der Bitte um Beglaubigung seines Khan-Titels durch die russische Zarin, den Erlass einer entsprechenden Rechtsurkunde in St. Petersburg und die Abhaltung des feierlichen Krönungsrituals in Gegenwart der örtlichen russischen Statthalter und des kasachischen Adels. Am 10. Juli 1749 sollte die Krönung in Orenburg stattfinden und am 13. April 1749 erließ Zarin Elisabeth einen Sonderukas über die Krönungszeremonie für den neuen Khan, der die Machtverhältnisse neu regelte. Nach diesem Prinzip legitimierte erst eine offizielle Bestätigung durch das russische Staatsoberhaupt den Khantitel. Den politischen Sinn

des hoheitlichen Erlasses formulierte der russische Gouverneur Nepljujew in einem Satz: «Die kirgis-kasachischen Khans sollen ihren Khantitel nicht etwa aus eigenem Willen oder dem Volkswillen heraus, sondern vielmehr durch die hoheitliche Bewilligung und Bestätigung seitens der Majestät als Zeichen der direkten Untertänigkeit erlangen.»

Inhaltlich drückten sich die Suzerän-Vasallen-Verhältnisse zwischen Russland und den kasachischen Horden durch weitreichende Kontrollbefugnisse des Protektorstaates über die kasachischen Khans aus. So wurden unter anderem die traditionellen Krönungsprinzipien für die kasachischen Khans wesentlich verändert und der direkte Einfluss auf ihre innen- und außenpolitischen Angelegenheiten erhöht. Durch den Ausbau der Kontakte zum Nomadenadel konnte die russische Verwaltung in der Sibirischen und der Orenburgischen Provinz das Fernregierungsprinzip für die untergebenen Stämme und Gebiete leichter umsetzen, indem man durch die heimischen sozialen und politischen Strukturen agierte.

Mitte des 18. Jh. besaßen zentrale Figuren der kasachischen Machtelite die doppelte Staatsangehörigkeit. Außerdem überwand schließlich die russische Regierung ihre internen Meinungsverschiedenheiten über die russische Zentralasienpolitik, und man einigte sich endgültig auf die Abschaffung der Macht der Khane in Kasachstan.

Die Zarenregierung wollte direkten Einfluss auf die traditionellen politischen Strukturen gewinnen, um die Macht der Khane im gesellschaftlichen Bewusstsein der Nomaden zu brechen und die Grundlage für ihre vollkommene Abschaffung zu schaffen.

Um dieses Ziel zu erreichen, wurden von den Verwaltungsbehörden der Orenburgischen und der Sibirischen Provinz verschiedene Maßnahmen ergriffen:

- 1) formelle Beglaubigung des Khantitels für kasachische Khans: Ablay (1771–1780), Vali (1781–1821) und Bukey (1816–1819), später auch ihre unmittelbare Ernennung (ab 1791 galt das für alle Khans der jüngeren Horde);
- 2) Entfaltung eines innenpolitischen Kampfes um die Macht und künstliche Erhöhung der Zahl der Khane;
- 3) Auswahl eines Kandidaten für den Khanthron aus der Mitte der unterwürfigen, jedoch nicht angesehenen und geschäftsunfähigen Sultane;
- 4) bewusster Ausschluss der stärksten und angesehensten Anwärter auf den Khanthron: Sultane Kaiyp (verst. 1791), Karatay (um 1772–1826) und Aringasy (1785–1833);
- 5) Entmachtung der weitgehend selbständigen und potenziell unabhängigen Khane, u. a. Aringasy.

Die Ergebnisse dieser Ende der 20er Jahre des 19. Jh. betriebenen zielgerichteten Politik waren beste Voraussetzungen für die Abschaffung der Macht der Khane sowie für tiefgreifende sozialpolitische Umwandlungen in der Region. Dennoch gab es dadurch mehrere Konflikte zwischen der Zarenregierung und dem kasachischen Adel.

Die dritte Etappe (1920 – Mitte 1950)

Diese Zeit umfasste eine tiefgreifende Reform sämtlicher kasachischer Machtinstitutionen sowie die Einbeziehung der kasachischen Gesellschaft in den Aufbau der Staatsordnung und des Verwaltungsapparats.

Die russische Zentralregierung strebte eine Festigung der russischen Präsenz in den angestammten Gebieten der jungen und mittleren Horde an, um diese Gebiete als Stützpunkt für das weitere Vordringen in die südöstliche Richtung zur älteren Horde und weiter nach Zentralasien zu nutzen. Hierfür bedurfte es der Intervention in die innere sozialpolitische Ordnung der Nomadengesellschaft, die mittels Einrichtung eines staatlichen Verwaltungssystems in Kasachstan möglich war.

1822 schaffte Alexander I. die Macht der Khane der mittleren Sippe durch einen Sonderukas formell ab. Um die Nomadenbevölkerung des nördlichen, des zentralen und des östlichen Kasachstans zu regieren, für die der westsibirische Generalgouverneur zuständig war, wurden mehrere Sonderverwaltungsordnungen verabschiedet.

Aufgrund all dieser Rechtsvorschriften nahmen die Kolonialbehörden von Orenburg und Sibirien zwischen 1820 und 1850 eine Neugliederung der ihnen untergebenen und von Kasachen besiedelten Gebiete vor und gründeten die mittlere und die untere Verwaltungsebene. Offiziell wurden diese Verwaltungsstrukturen damals als das orenburgische Grenzverwaltungsdepartement und das westsibirische Regierungspräsidium bezeichnet.

Innerhalb des orenburgischen Departements, in dessen Amtsbezirk die Angehörigen der jüngeren und teilweise der älteren Horde angemeldet waren, wurden drei äußere Ural-Amtsbezirke 1824 gegründet und nach vier Jahren (1828) in den Östlichen, den Zentralen und den Westlichen Bereich umbenannt. Alle drei Bereiche unterstanden dem Verwaltungskabinett in Orenburg, dem der Generalgouverneur von Orenburg vorstand. An der Spitze der einzelnen Gebiete standen die von Zarenbeamten ernannten Sultane mit eigenem Sekretariat.

In den meisten von der mittleren Horde besiedelten Gebieten, die dem westsibirischen Regierungspräsidium unterstanden, entstand ein etwas anderes administratives Territorialverwaltungssystem. 1822 wurde das Omsker Gebiet innerhalb der westsibirischen Generalgouverneursprovinz herausgegliedert, das von einem Gebietsvorsteher geleitet wurde. Das Gebiet

unterteilte sich in vier innere Kreise: Omsk, Petropawlowsk, Semipalatinsk und Ust-Kamenogorsk.

Jeder Gebietskreis bestand durchschnittlich aus 15 bis 20 Distrikten, die wiederum aus 10 bis 12 administrativen Aulen bestanden. Jeder Aul zählte 50 bis 70 Zelte. Die russischen Kolonialbehörden versuchten jede Organisationsebene der Nomadengesellschaft – Clan, Stamm, Horde – an die jeweilige administrative Territorialeinheit anzukoppeln.

Die Kreise wurden von den Kreisvorstehern, Sultanen, regiert, die mit einem Sekretariat (zwei Referenten, ein Übersetzer, ein Schriftführer, ein Schatzmeister etc.) und kleineren 200 bis 300 Mann starken Zwangsbrigaden ausgestattet waren. Den Distrikten und den administrativen Aulen standen jeweils Distriktsultane und die Aulältesten vor.

Mit der Einführung des staatsadministrativen Gliederungssystems konnten regelmäßig Steuern von der Nomadenbevölkerung erhoben werden.

Zwischen 1830 und 1860 sollten die in der sibirischen Provinz angemeldeten Kasachen die sog. Jasak-Bede, eine Steuer an den Staat, entrichten, indem ein Stück Vieh pro 100 Stück jährlich an den Fiskus fiel. Die kasachische Bevölkerung in der Orenburg-Provinz wurde mit der sogenannten Pro-Zelt-Steuer belastet. Das heißt, 1,5 Silberrubel pro Nomadenzelt, d. h. für jede Wohn- oder Wirtschaftsanlage, rollten jährlich an den Fiskus.

Neben den besagten Steuern, die von den Nomaden regelmäßig zur gleichen Zeit eingetrieben wurden, musste die kasachische Bevölkerung zahlreiche weitere Abgaben und Dienste zugunsten des Staates leisten. Während verschiedene Abgaben und Dienste zugunsten der Khane und Sultane in der Vorkolonialzeit überwiegend freiwillig, unregelmäßig und geringfügig waren und zu verschiedenen Zeiten des Nomadenjahres nur die Stämme betrafen, die sich in der unmittelbaren Nähe des jeweiligen Khanlagers befanden, so trat nun eine straffe steuerpolitische Abhängigkeit sämtlicher Schichten der kasachischen Gesellschaft vom russischen Fiskus ein. Mittels Besteuerung holte der russische Fiskus Finanzmittel in Größenordnungen aus der Steppe, die für den Unterhalt des örtlichen Verwaltungsapparates, das Heer und die Kolonialbehörden aufgewandt wurden.

Im Zuge der Kolonialisierung durch das Kosakenheer wurden stationäre Festungsanlagen innerhalb der kasachischen Nomadenlager errichtet: die Festungen Bayan-Aul (1830), Koktschetaw (1839), Atbazar (1840), Karkala (1842), Ajagus (1842) und Aman-Karagay (1843) im sibirischen Gouvernement sowie die Festungen Ural (1845), Orenburg (1845), Raim (1847), Karabutak (1846) und Embin (1862) im Gouvernement Orenburg. 1853 eroberte der General V. Perowski mit seiner Armee die im Mittellauf des Syrdarja liegende Ak-Moschee-Festung in Kokand und ließ ein größeres Netzwerk aus Festungsanlagen in der anliegenden Gegend errichten.

In diesen Festungen wurden Regierungspräsidien mit Sultanen an der Spitze sowie deren Sekretariate untergebracht. Von hier aus entsandten die Kosaken Beamte und Ahndungstrupps, die es den Kolonialbehörden erlaubten, weitgehend regelmäßige Steuereinnahmen für den Staatshaushalt zu tätigen und eine störungsfreie Funktion der Verwaltungsvertikale auf allen Ebenen der Machthierarchie in Kasachstan aufrechtzuerhalten. Die Kolonisierung der kasachischen Gesellschaft durch die Kosakenmiliz, ihre Einbeziehung in das Reichssteuersystem und die Gründung unterer und mittlerer Verwaltungsorgane zur Regierung der Nomadenbevölkerung durch die russische Staatsgewalt sorgte für die Integration der Nomadengesellschaft.

Parallel zu den begonnenen Reformen begannen die Kolonialbeamten damit, den kasachischen Altadel an die eingeführten Neuerungen heranzuführen und bezweckten damit die Aufnahme seiner verheißungsvollsten Mitglieder in die standesbürokratische Hierarchie des Russischen Reiches. Zu dieser Zeit übertrug man politische Aktivitäten, die bisher von den obersten russischen Amtsträgern ausgeübt wurden, auf die Sultane und ihre Vertreter, die bereit waren, dem russischen Thron treu zu dienen.

In diesem Sinne beschränkte sich die Zarenpolitik nur auf einen bestimmten Teil der Sultane, die mit öffentlichen Ämtern betraut wurden, während der Anspruch auf politische Macht allen übrigen Vertretern des Nomadenadels versagt blieb.

Seitdem wurde die persönliche Karriere eines Individuums nicht nur durch die Abstammung und ständische Zugehörigkeit zu einer bestimmten Clan- und Sozialgruppe, sondern auch durch die Treue zum Zaren und dem Vaterland, Verdienste um den russischen Staat und die Fähigkeit bestimmt, seinen Stamm oder die Familie in den Dienst des russischen Reiches zu stellen.

Bald waren kasachische Amtsträger privilegiert. So wurden sie bei gewissenhafter Amtsausübung von der Steuerlast befreit, erhielten Sach- und Geldprämien für besondere Verdienste um den Thron, bekamen Vergünstigungen, Grundstücke und Auszeichnungen.

Zu den Auszeichnungen, mit denen die russische Monarchie die Amtsträger des kasachischen Hochadels bedachte, gehört die Aufnahme der Sultane aus der Nachkommenschaft von Dschingis Khan in den russischen Erbadel nebst Zuerkennung einschlägiger Standesrechte und Privilegien.

Bald spaltete sich die herrschende Klasse der traditionellen Nomadengesellschaft in Beamte der Kolonialverwaltung und in aktive Gegner des neuen Regimes auf. Die Gegenpartei hatte sich die Rückgängigmachung der Kolonisation Kasachstans durch das Kosakenmilitär auf die Fahnen geschrieben und wollte die ursprüngliche Macht der Khane wiederherstellen.

Mit den politisch-administrativen Reformen gingen eine zunehmende starke außenwirtschaftliche Abhängigkeit der Nomadenbevölkerung von den Staatsstrukturen, Zwangsenteignungen ergiebiger Weideflächen zum Bau neuer Festungsanlagen und Kosakensiedlungen, steigende Steuersätze, diverse Plünderungen, sowie Erpressungen und Gewaltanwendung durch Amtspersonen einher. Die Folge war eine Auflehnung einfacher Hordenmitglieder gegen die Willkür örtlicher Bürokratie. Diese mündete in der Unterstützung oppositioneller Ausschreitungen des kasachischen Adels, der gegen die zunehmende russische Kolonialpräsenz protestierte.

Die Sultane Gabaydulla Valichanow, Sartay Tschingisow, Kasim Ablaychanow, Sardschan Kasimow, Kenesary Kasimow und Kodaymendy Gazin als die Nachkommen der beim Volk am meisten angesehenen Sultane stellten sich an die Spitze der Oppositionsbewegung.

Der am besten vorbereitete und am längsten dauernde Widerstand gegen die russischen Reformen war die von 1820 bis 1840 andauernde antikoloniale Kasachenbewegung unter Khan Kenesary Kasimow (1837–1846), die über 25.000 Vertreter der mittleren, jüngeren und älteren Horde in ihren Reihen vereinte.

Jedoch war Kenesary Kasimow mit seinen Anhängern nicht erfolgreich in seinem Kampf gegen den Zaren. Trotz ihrer Niederlage hinterließen die Aufständischen jedoch eine tiefe Spur im historischen Gedächtnis des kasachischen Volkes, das sich in zahlreichen Überlieferungen und Sagen über den tapferen Khan Kenesary und seine treuen Mitkämpfer widerspiegelt.

Die langjährige Opposition des Nomadenadels gegenüber dem russischen Kolonialregime zwang die Zarenregierung, die eigenen politischen Pläne für Kasachstan im 19. Jh. grundlegend zu überdenken. Auf Anregung der sibirischen Verwaltung wurde 1855 beschlossen, die rechtliche und administrative Förderung des Standes kasachischer Sultane aufzugeben und von nun an auf «demokratische Gruppen» der Nomadenbevölkerung zu setzen.

In der Praxis drückte sich der außenpolitische Wandel dadurch aus, dass Vertreter übriger «halbblütiger» Stände, Biys, Batire, Stammesälteste oder aber reiche Nomaden, zum oberen Sultan gekürt werden konnten. Konkrete Ergebnisse des politischen Kurswechsels der Kolonialbehörden zeigten sich erst nach vielen Jahren, als nur elf Erbsultane unter insgesamt 106 Distriktvorstehern waren und die weiteren 62 Amtspersonen vor 1856 keine adelige Abstammung aufwiesen, während es ursprünglich 43 Sultane und 44 Vertreter anderer Stände in insgesamt 87 Distrikte waren.

Somit wurden die traditionellen Rechte und Vorzüge des blaublütigen Erbadels der Steppe wesentlich eingeschränkt und die nicht privilegierten «halbblütigen» Kasachenstände aufgewertet, indem sie in den russischen Verwaltungsapparat eingebunden wurden.

Die vierte Etappe (1850 – 1860)

Diese Zeit umfasst die Einbeziehung sämtlicher Gruppen der Kasachengesellschaft in die politische Ordnung des russischen Staates. Die Intervention der russischen Staatsstrukturen in das innenpolitische Gefüge der kasachischen Gesellschaft nebst Einführung des russischen Steuersystems in der Region löste negative Reaktionen sowohl bei der kasachischen Bevölkerung und ihren militärpolitischen Führungsspitzen als auch in den benachbarten Khanaten Kokand (1709–1876) und Chiwa (Beginn des 16. Jh. – 1920) aus. Die kasachischen Südgebiete betrachteten die beiden Khanate als ihre unmittelbare wirtschaftliche und politische Einflußdomäne und beschleunigten dadurch die russische Intervention hin zur kasachischen Landmitte.

Zwischen 1840 und 1850 errichteten die in Orenburg ansässigen russischen Behörden eine Befestigungslinie in den Flusstälern von Irgis, Torgaj und Syrdarja und begannen mit der Gründung der russischen Kosakensiedlungen um die Raim-Festung und das Karabutak-Fort, die sich im Siedlungsareal der Syrdarja-Kasachen befanden. Im Sommer 1853 eroberte die russische Armee mit mehr als 2.000 Soldaten unter dem Befehl des orenburgischen Generalgouverneurs V. Perowski im Sturmangriff die Ak-Moschee-Festung im Syrdarja-Unterlauf, die als Vorposten des Khanats Kokand galt und baute später an ihrer Stelle den russischen Vorposten Perowsk.

Gleichzeitig begannen die Truppen des Zaren mit einer Offensive gegen die Kokander, die der westsibirische Generalgouverneur G. Gasford von Sibirien aus in Richtung Südkasachstans aufrollte. 1845 errichtete der sibirische Trupp eine Festungsanlage im Oberlauf von Kysil-Agatsch, der später weitere Festungen Sergiopol, Lepsinsk, Werny etc. kurzfristig folgten. Mit dem Vorstoß der russischen Frontlinie ins Siebenstromland und die Gebiete um den Syrdarja-Fluß hinein, wo die kasachischen Nomaden der mittleren und jüngeren Horde zu überwintern pflegten, verstärkte sich die militärstrategische Präsenz Russlands in den zuvor besetzten kasachischen Gebieten.

Der Vorstoß russischer Truppen von Perowsk aus aufwärts hin zum Syrdarja-Oberlauf sowie von Werny aus südwärts hin zum Siebenstromland zwischen 1863 und 1864 erlaubte es den Russen, einen strategischen Versorgungsstützpunkt für die Besetzung von ganz Südkasachstan aufzubauen. 1863 nahmen die russischen Truppen die Kokander Festungen Dschumagal, Kurtka und Suzak am nördlichen Hang des Karatau-Bergkamms kampflos ein. 1864 besetzten die Truppen vom Oberst N. Werewkin die Stadt Turkestan und die des Oberst M. Tschernjajew die Städte Aulie-Ota und Schimkent. Durch diese Kriege gerieten die südkasachischen Gebiete endgültig unter russische Kontrolle.

Im Juli 1867 erließ Zar Alexander II. einen Ukas über die Gründung des Turkestanischen Generalgouvernements, bestehend aus den neu annektierten Gebieten der älteren Horde, Nordkirgisiens und den einstigen zentralasiatischen Khanaten (Siebenstromland und Syrdarja-Gebiet). Mit der Einführung der russischen Rechts- und Steuerordnung in den südkasachischen Gebieten war die Angliederung Kasachstans an Russland somit abgeschlossen. Kasachstan wurde zum Teil des russischen Staates.

Mit der Aufnahme sämtlicher kasachischer Gebiete in die russische Reichsstruktur wurden die Verwaltungsstrukturen vereinheitlicht.

Den Provinzen standen die unmittelbar von der Zarenregierung berufenen Gouverneure des Militärs vor. Auf den beiden untersten Stufen der administrativen Verwaltungspyramide wurde das ursprüngliche Wahlprinzip für die Besetzung der Ämter beibehalten und löste dadurch einen erbitterten Kampf unter verschiedenen kasachischen Hordengruppen aus.

Zwischen 1867 und 1868 wurde das einheitliche Flächentarifsystem für die Besteuerung der Nomaden in Kasachstan eingeführt. Mit der sogenannten Zeltabgabe hatte jede ein Zelt bewohnende Familie eine fixe Geldabgabe im Jahr zu entrichten. Gleichzeitig mussten die Kasachen die «Billetgebühren», «die Viehabtriebssteuer» und die «Reparaturabgabe» zahlen sowie Post- und Fuhrwerkdienste leisten. Fortan bestand eine kontinuierliche Verbindung zwischen der untersten Ebene der kasachischen Gesellschaft und der obersten Staatsgewalt. Nicht umsonst sahen die Zarenbeamten den Hauptbeweis für die tatsächliche Rechtszuständigkeit des russischen Throns in Kasachstan in der Steuerbelastung der kasachischen Bevölkerung.

Mit Zunahme des russischen Einflusses in der kasachischen Gesellschaft wandelte sich das Verhältnis zwischen der russischen Monarchie und dem traditionellen Nomadenadel. Während einzelne Mitglieder privilegierter Stände, die Sultane, in den Staatsdienst aufgenommen und mit Standes- und Machtrechten ausgestattet wurden, schaffte man sämtliche Standesprivilegien für die «blaublütigen» Vertreter des regierenden Altadels nach Ende 1860 gänzlich ab. Von nun an wurden diejenigen kasachischen Führungsspitzen in öffentliche Ämter berufen, die sich um den russischen Thron bei der Bezähmung und Reform der Steppenbevölkerung besonders verdient gemacht hatten. Die Zarenregierung setzte endgültig auf die «demokratischen» Gruppen der Nomadengesellschaft. Das waren die traditionelle «halbblütige» Aristokratie (Biys, Batir, Stammesälteste) und einfache Hordenmitglieder, die eigene Kandidaten zur Wahl des örtlichen administrativen Verwaltungsapparates aufstellen durften. Dadurch entwickelten sich weitere hordenunabhängige Machtorgane in der kasachischen Gesellschaft.

Dennoch wurden die sozialen und wirtschaftlichen Verhältnisse sowie die gesellschaftlichen Lebensformen kasachischer Nomaden von der russischen Obrigkeit und ihren diversen für die Steppe gedachten Neuerungen nach wie vor ganz unberücksichtigt gelassen. Wie eh und je berief sich jedes Individuum auf die traditionellen Werte seiner Horde und ihrer Stammesideale.

Sämtliche Versuche der Zarenregierung, die traditionellen Machtverhältnisse in der Nomadengesellschaft grundlegend zu verändern, erwiesen sich schließlich als wenig produktiv in der vorrevolutionären Zeit, da die in der kasachischen Nomadenkultur tief verwurzelte Stammesorganisation sich an solche Neuerungen erfolgreich anpassen konnte.

Einwanderung europäischer Volksgruppen nach Kasachstan (Ende 19. – Anf. 20. Jh.)

Die Angliederung Kasachstans an Russland löste eine intensive Einwanderung europäischer Ethnien wie Russen, Ukrainer, Tataren, Deutsche, Polen usw. aus dem mittleren Russland in die kasachische Steppe aus. Initiator für die slawische Einwanderung war der russische Staat selbst, der eine Schutz- und Sicherheitsinfrastruktur (Festungen, Vorposten und Sicherheitswachen) für die Siedler schuf und die Migrationsströme in die neuannektierten Gebiete gesetzlich förderte und regelte.

Durch Wechselwirkungen von geopolitischen und ökologischen Faktoren, die die Migration verschiedener Volksgruppen aus dem europäischen Teil Russlands gen Osten bestimmten, kann man vier Phasen der ursprünglichen slawisch-europäischen Kolonisierung des kasachischen Territoriums herausgliedern:

1. *Anfang 18. Jh. – 1. Viertel 19. Jh.* Mit der Verlegung der russischen Staatsgrenze in die Einzugsgebiete der Flüsse Ural, Ischim, Tobol und Irtysch erfolgte die Kolonialisierung der Ufergebiete und des bergigen Taiga-Teiles der Altairegion durch Kosaken und Bauern. In dieser Zeit bewirkte die von der russischen Staatsgewalt geförderte Kolonialisierung die Entstehung von slawischen Siedlungen. Gleichzeitig bildeten sich tatarische Siedlungen um einige Festungen, Grenzübergänge und Zollposten, die sich an den Kreuzungen der Handelswege befanden.
2. *1824 – 1860.* Ausweitung der russischen Staatshoheit auf die Steppen- und Halbwüstenareale des zentralen, südöstlichen, südlichen und östlichen Kasachstans (bis zum Saisan-Talkessel) und anschließende Einwanderung kleinerer europäischer Volksgruppen.
3. *1870 – 1890.* Überführung der Vorkaspischen Region (Halbinsel Mangischlak) und des ganzen Saisan-Talkessels in die russische Rechtshoheit, der die ersten slawischen Kolonisten aus dem europäischen Teil Russlands und Sibiriens folgten.
4. *1900 – 1917.* Die Stolypinsche Agrarreform und eine einsetzende flächendeckende Kolonisierung Kasachstans durch europäische Volksgruppen.

Die 200jährige Zugehörigkeit Kasachstans zum russischen Reich ist Ursache der multikulturellen polyethnischen Bevölkerungsstruktur des Landes. Neben der zahlenmäßigen Überlegenheit der turksprachigen

Kasachennomaden (3,6 Mio.) bildeten auch Russen und Ukrainer einen erheblichen Bevölkerungsanteil (1,5 Mio. bzw. 28,5 Prozent von der Gesamtbevölkerung), gefolgt von Tataren mit 93.000 (1,7 Prozent), Uiguren mit 86.000, Deutschen mit ca. 39.000 (bzw. 0,7 Prozent) und Mordwinen mit 24.600 (bzw. 0,3 Prozent).

In sozialer und konfessioneller Hinsicht war die kasachische Bevölkerung ebenfalls sehr heterogen. Diese Heterogenität bestimmte den besonderen Charakter des Verhältnisses zwischen den Völkerschaften in der vorrevolutionären Zeit und legte die Haupttendenzen der Entwicklung während der Sowjetzeit fest.

Am 25. Oktober 1917 war die Oktoberrevolution im damaligen Petrograd. Kurz danach griff die Revolution auf die russische Peripherie einschließlich Kasachstans über. Hier entwickelten sie sich überwiegend in kleineren und größeren Städten (insbesondere in Provinzhauptstädten) und entlang der Eisenbahngleise. Die hauptsächlich von Russen besiedelten Städte existierten quasi außerhalb des traditionellen ländlichen Milieus, in dem in erster Linie die kasachische Nomadenbevölkerung lebte. Die ländliche Peripherie, die kasachische Siedlung und das russische Dorf, nahmen die Stadt als eine fremde Umgebung wahr. Deshalb verhielten sich die meisten auf dem Land lebenden Kasachen gleichgültig gegenüber den Ereignissen in Kasachstan von 1918 bis 1919.

Gleichwohl erwies sich die im Herzen Russlands ausgebrochene Februarrevolution und später auch die Oktoberrevolution als Katalysator für eine Antikolonialstimmung in Kasachstan und für die Gründung einer liberalen Bewegung durch eine kleine Gruppe kasachischer Intellektueller.

Vom 21. bis 26. Juli 1917 tagte der erste kasachische Nationalkongress in Orenburg, in dem eine liberale Gruppe kasachischer Intellektueller als politische Alasch-Partei Gestalt annahm und ihr Programm verabschiedete.

Vom 5. bis 10. Dezember 1917 fand der zweite kasachische Nationalkongress in Orenburg statt. Die Kongressteilnehmer stimmten dem politischen Wunsch der Alasch-Partei zu, eine Kasachenautonomie innerhalb der russischen Föderationsrepublik zu gründen. Im März und April 1919 verhandelte die Alasch-Delegation mit Achmed Baitursinow an der Spitze mit der sowjetischen Regierung und bereits am 10. Juli 1919 unterzeichnete Lenin das Dekret des Revolutionskomitees zur Verwaltung der kasachischen Region innerhalb der Sowjetrepublik. Laut dieses Dekrets erlangte Kasachstan seine Staatshoheit auf sowjetischer Grundlage und trat der UdSSR als Nationalautonomie bei. Zwischen dem 4. und dem 12. Oktober 1920 tagte der konstituierende Kongress der Räte Kasachstans in Orenburg, der dem gemeinsame Dekret des zentralen sowjetischen Exekutivkomitees und des sowjetischen Volkskommissariats zustimmte und die autonome sozialistische Sowjetrepublik Kasachstan ausrief. Dabei gingen die strategischen Programmpunkte der national-liberalen Alasch-Partei und die der bolschewistischen Vordenker weit auseinander. Die Alasch-Parteiführung

betrachtete den föderalistischen Aufbau Russlands als eine zeitlich befristete Struktur und setzte eine weitere Entwicklung der nationalen Autonomie hin zur vollständigen nationalen und staatlichen Souveränität Kasachstans voraus. Die Bolschewiken wollten hingegen einen zentralistischen Staat in der Größe des einstigen Russischen Reiches wieder aufbauen, der auf der Idee des «proletarischen Internationalismus» und des «Vorrangs der globalen Interessen der Klassen vor den kleinbürgerlichen Nationalinteressen» beruhen sollte.

1921 und 1922 wurde ein Teil der Grenzgebiete in Altai und der Orenburg-Provinz der autonomen kasachischen Sowjetrepublik angegliedert und Ende 1924 erfolgte die territoriale Abgrenzung der Republiken in Zentralasien. Dabei erstreckte sich die Rechts- und Verwaltungshoheit des autonomen Sowjetkasachstans auch auf die historischen Siedlungsgebiete der Kasachen in den zentralasiatischen Nachbarstaaten, der Turkmenischen, der Choresmischen und Chiwaer Sowjetrepubliken mit einer Bevölkerungszahl von etwa 1,5 Mio. Der Aufbau des Nationalstaates wurde 1936 abgeschlossen, als die kasachische Sowjetautonomie nach sowjetischer Verfassung in eine Unionsrepublik umgewandelt wurde.

Zwischen 1920 und 1930 bemühten sich die bolschewistische Partei und die Sowjetregierung um eine Überwindung der landesweiten Wirtschaftskrise und die Schaffung stabiler sozialer Rahmenbedingungen für weitreichende sozialistische Umgestaltungen und starteten das Industrialisierungsprogramm für Kasachstan. Dank dieser Maßnahmen konnten größere Industriezweige errichtet, eine Stromversorgung ländlicher Regionen und der Produktionsbetriebe eingerichtet, die Turkestan-sibirische Eisenbahnstrecke (Turksib) gebaut und andere Vorhaben realisiert werden. Ab 1920 begann man mit der entschiedenen Bekämpfung des Analphabetentums, der Ausbildung örtlicher Facharbeiter und der Errichtung einer weitverzweigten Kultur- und Bildungsinfrastruktur in Kasachstan.

Bei der Umsetzung dieser gesellschafts- und staatsrelevanten Wirtschafts-, Kultur- und Aufklärungsfördermaßnahmen entwickelten sich dennoch immer rasanter totalitäre Tendenzen in Kasachstan und der ganzen UdSSR.

Der totalitäre Charakter des bolschewistischen Regimes spiegelte sich in der brutalen Kollektivierungspolitik, der Enteignung der Landbesitzer, dem Sesshaftigkeitszwang für die Nomadenvölker, der Verfolgung von Andersdenkenden, politischer Repressalien gegen ideologische Gegner und der Zwangsumsiedlung von ganzen Völkern (Deutsche, Polen, Tschetschenen, Inguschen, Koreaner, Mescheti-Türken) sowie in der totalen ideologischen Kontrolle über das geistige Leben der polyethnischen Bevölkerung und der zentralisierten gewaltsamen Steuerung von Wissenschaft und Kultur wieder.

Diese Tendenzen, die sich im gesamten geopolitischen Raum der ehemaligen UdSSR langfristig intensivierten, stürzten den Staat schließlich in eine immense wirtschaftliche, politische und geistige Krise nach 1980,

schwächten weitgehend das Ansehen der kommunistischen Idee und werteten die föderalistischen Aufbauprinzipien eines polyethnischen Staates im gesellschaftlichen Bewusstsein sämtlicher Völker des einstigen totalitären Sowjetreiches ab. Diese Entwicklungen hatten die Auflösung der UdSSR zwischen 1989 und 1991 entlang der Föderalgrenzen der einzelnen Republiken zur Folge und ermöglichten es Kasachstan, seine Souveränität innerhalb der historischen nationalstaatlichen Grenzen vollständig zu erlangen.

Астана, Қазақстан
Astana, Kasachstan

Досым Сатпаев

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КАЗАХСТАНА

Факторы нестабильности и перспективы

За последние четырнадцать лет политическая система Казахстана прошла в своем развитии несколько этапов:

1991–1995 гг. – постсоветский период.

Характерные черты:

- «прозападный» и демократический романтизм;
- сохранение элементов советской командно-административной системы;
- высокая политическая активность населения;
- начало постепенного укрепления президентской власти при параллельном сокращении влияния представительных органов;
- поиск оптимальной модели социально-экономического и политического развития.

1995–1999 гг. – период окончательной персонификации государственной власти.

Характерные черты:

- конституционное усиление президентской власти;
- окончательное формирование механизма сохранения баланса сил между влиятельными группами давления;
- популяризация теории «особого пути»;
- выбор «азиатской модели» политического и социально-экономического развития. Тезис «сначала экономика, а потом политика»;
- начало жесткой конфронтации между властью и оппозицией.

1999–2001 гг. – период временной стабилизации.

Характерные черты:

- быстрые темпы экономических реформ при сохранении консервативной политической системы;

- продление президентских полномочий президента, как индикатор сложившейся авторитарной системы;
- стабильность внутри политической элиты.

2001–2004 гг. – активизация внутриэлитных конфликтов.

Характерные черты:

- дисбаланс между открытой экономикой и закрытой политической системой;
- дисбаланс внутри политической элиты, приведший к ее расколу;
- формирование первых зачатков электоральной политики, когда отдельные теневые игроки вышли на политическую сцену;
- объединение и активизация казахстанской оппозиции. Усиление конфронтации с властью.

2004–2005 гг. – реакция на смену элит в Грузии, на Украине и в Кыргызстане. Мобилизационный период. Подготовка к президентским выборам.

Характерные черты:

- изменения в правовой сфере, направленные на усиление государственного контроля за информационным и политическим пространством Казахстана;
- конфронтация с «третьим сектором». Ужесточение государственного контроля за местными и международными НПО;
- усиление конфронтации между оппозицией и властью;
- трансформация партийной системы (создание новых партийных коалиций как на пропрезидентском, так и на оппозиционном полях), раскол и исчезновение некоторых из политических партий.

2005–2006 гг. – вторая волна внутриэлитных конфликтов. Начало нового этапа политической реформы сверху.

Характерные черты:

- серия загадочных смертей бывших высокопоставленных чиновников, ушедших в оппозицию (З.Нуркадилов, А.Сарсенбаев);
- новые конфликты внутри окружения президента по поводу интерпретации убийства А.Сарсенбаева и двух его людей. Усиление темы начала борьбы за пост президента между влиятельными элитными группами;
- очередная попытка президента восстановить баланс сил внутри элиты посредством сокращения ее влияния на информационное пространство страны;

- подготовка республики к процессу обсуждения ее кандидатуры на пост председателя ОБСЕ в 2009 году;
- введение выборности акимов на низовом уровне;
- ускорение процесса внедрения механизма местного самоуправления в Казахстане;
- изменения на партийном поле страны. Объединение пропрезидентских партий. Активизация национал-патриотических сил. Появление новой социал-демократической оппозиции;
- возможные изменения в Конституции страны по поводу механизма выборности законодательной ветви власти.

Не умаляя определенной специфичности политического развития Казахстана, все же стоит отметить, что политическая система нашей республики не уникальна. Она имеет те же минусы и плюсы, что и десятки других политических систем в разных регионах мира, и, с точки зрения типологии политических режимов, обладает элементами авторитаризма.

Объективности ради следует уточнить, что такие режимы присутствуют в большинстве постсоветских государств. Хотя в последнее время со стороны некоторых идеологов участились попытки провести терминологическую замену понятий, как, например, это происходит с использованием термина «управляемая демократия». Западный политолог Э. Шилз в свое время называл это немного по-другому – «демократия под опекой». Но от перемены мест слагаемых, как известно, сумма не меняется.

Главная характерная черта большинства авторитарных систем – это ограниченный плюрализм и узкое поле для политического участия, нередко при наличии более или менее свободного экономического пространства и успешных рыночных реформ.

В целом, кроме наличия административно-силовой политики, Казахстан и другие центральноазиатские государства объединяет значительный уровень политической непредсказуемости из-за присутствия пяти ключевых проблем:

- неконструктивные взаимоотношения между властью и оппозицией;
- отсутствие бесконфликтного механизма преемственности власти. Вся политическая система замкнута на одном человеке или отдельной группировке;
- доминирование теневой политической сферы над публичной политикой. Отсюда превалирование узких групповых интересов над государственными задачами;

- отсутствие долгосрочной стратегии политических реформ. Присутствие политики реагирования на политические вызовы (терроризм, оппозиция и т.д.);
- нестабильная легитимность власти.

Последняя проблема достаточно важная, так как речь идет о политической стабильности самой власти. Как говорил Демосфен: «Есть два признака благополучия государства: богатство и доверие к государству». В Казахстане пока отсутствуют надежные индикаторы определения легитимности власти и уровня ее поддержки. Это приводит к тому, что и власть, и оппозиция, утверждая о легитимности или нелегитимности существующей политической системы, не имеют надежного инструмента для измерения этой легитимности. Первые пока не хотят его иметь, вторые не могут, так как таким инструментом являются только свободные и честные выборы.

Основные факторы, существенно влияющие на уровень политической стабильности в Казахстане

Некоторые из этих факторов формируют саму специфику «политической стабильности» в республике, которая в первую очередь предполагает стабильность отношений внутри политической элиты.

Условно эти факторы можно подразделить на внутренние и внешние, и первые пока имеют большую значимость, чем вторые.

Внутренние факторы

Политические

Сохранение баланса сил между влиятельными группами давления

Данный фактор является одним из самых существенных при анализе политической ситуации в Казахстане, которая сильно зависит:

- а) от расстановки сил между конкурирующими политическими игроками;
- б) от способности президента держать ситуацию под контролем, не давая ни одной из конкурирующих групп усилиться настолько, чтобы заявлять права на расширение своих политических и экономических интересов.

Экономические

Внутренние и внешние экономические факторы

Внутренние

1. Стабильная добыча и экспорт минеральных ресурсов.

2. Борьба с «теневым» рынком.
3. Диверсификация экономики.
4. Борьба с коррупцией.

Внешние

1. Высокие темпы развития мировой экономики.
2. Благоприятная ценовая конъюнктура на мировом рынке энергоресурсов.

Внешние геополитические факторы

1. Политическая стабильность в соседних государствах.
2. Региональная стабильность в Центральной Азии.

Следует отметить, что динамика политических рисков во всех странах Центральной Азии традиционно определяется рисками трех масштабов:

- внутристрановые риски (они достаточно разнообразны, но среди них есть несколько устойчивых);
- региональные риски (межгосударственные отношения центральноазиатских государств, влияние на региональную политику «третьих» стран, наличие конфликтогенных зон внутри региона);
- глобальные риски (негативные последствия глобализации).

На данный момент среди стран Центральной Азии только Казахстан имеет уровень риска ниже среднего, что является вполне приемлемым для инвесторов и крупных геополитических игроков, но не гарантирует политической предсказуемости. Единственное, что объединяет все государства региона, так это наличие одной из главных переменных при оценке уровня политических рисков – отсутствие четкого механизма преемственности власти и бесконфликтной смены политических элит.

Особенностью политической элиты Казахстана является то, что она никогда не была внутренне монолитной, а состояла из разных групп, подгрупп и ключевых персон, степень влияния которых напрямую зависела от степени приближенности к главному центру принятия политических решений в лице президента страны.

Но главной проблемой Президента Назарбаева является то, что он постепенно теряет роль главного арбитра внутриэлитных отношений. Так, корпоративная политическая система, которую он в течение последних четырнадцати лет выстраивал вокруг себя, становится все более сложным организмом, состоящим из большого числа амбициозных «теневых игроков», которые все активнее заявляют о своих правах

на экономическую и политическую свободу действий. При этом все они боятся нового передела собственности, который в любом случае начнется после ухода Нурсултана Назарбаева. Но это еще полбеды. На данный текущий момент опасным для самого президента является то, что ослабление его контроля над элитой приводит к сбою традиционного механизма согласования интересов между многочисленными конкурирующими элитными группировками.

В то же время по отношению к обществу и, в первую очередь, к оппозиции власть до последнего времени была достаточно монолитна. Ситуация кардинальным образом изменилась в конце 2001 г., когда впервые раскол в политической элите достиг такого уровня, что привел к серьезному изменению конфигурации отношений не только между различными элитными группами, но и политического пространства Казахстана.

Этапы развития политической элиты Казахстана

Условно в своем развитии политическая элита Казахстана прошла несколько этапов:

1991–1994 гг.

Доминирование советской партийно-хозяйственной номенклатуры и групп давления. Процесс перераспределения государственной собственности. Высокий уровень коррупции на всех уровнях государственной власти.

1994–2001 гг.

Приход во власть представителей бизнес-элиты. Начало трений и конфронтации между старой номенклатурой и новой политической элитой. Президент выстраивает новую систему сохранения баланса между группами давления при параллельном усилении своей власти.

2001–2003 гг.

Первое нарушение баланса между элитными группировками, которое привело к расколу политической элиты.

Причины: 1. Чрезмерный рост влияния некоторых членов семьи президента, что вызвало недовольство у некоторой части политической и бизнес-элиты. 2. Диспропорции между быстрыми темпами экономического развития и закрытой политической системой.

Результат: ограниченные возможности для бизнес-элиты участвовать в легитимной борьбе за власть.

2003–2005 гг.

Восстановление президентом баланса сил внутри политической элиты Казахстана в преддверии президентских выборов.

Активизация деятельности контроллиты в рамках оппозиционной Демократической коалиции «За справедливый Казахстан».

2005–2006 гг.

Вторая волна внутриэлитных конфликтов. Новая актуализация темы о начале серьезной борьбы за власть в окружении президента. Первая попытка связать с этой борьбой серию загадочных смертей высокопоставленных чиновников, ушедших в оппозицию.

Политическая фрустрация оппозиции и сохранение ее неспособности составить серьезную конкуренцию власти. Новые центробежные процессы внутри оппозиции. Появление новых оппозиционных партий, а также движений, которые могут составить ей конкуренцию в национал-патриотической электоральной нише.

Стоит отметить, что парламентские выборы 2004 г. подняли на уровень широкого общественного обсуждения вопрос политического реформирования страны, который спровоцировал конкуренцию власти и оппозиции за перехват стратегической инициативы в определении темпов и рамок этой реформы.

Но выборы, к сожалению, не решили своей главной задачи, а именно: создание основы для консолидации элиты и общества. Наоборот, линия разлома после выборов стала проходить и увеличиваться не только между властью и разношерстной оппозицией, но и внутри политической элиты. Неожиданный для многих демарш уже бывшего спикера нижней палаты Парламента и одного из лидеров победившей на выборах пропрезидентской партии «Отан» Жармахана Туякбая, обвинившего власти в фальсификации результатов выборов, является лишь очередным звеном в цепи событий, которые начались в 2001 г. До Жармахана Туякбая аналогичную траекторию проделал другой бывший «член президентской команды» – Заманбек Нуркадилов и нынешние руководители демократической партии «Ак Жол». А еще раньше – премьер-министр Акежан Кажегельдин, который, по сути, и открыл страницу «великого исхода из-под президентской власти», чтобы играть против этой самой власти.

Общая характеристика современной политической элиты Казахстана

- Закрытость и огромная дистанцированность (экономическая, политическая, информационная и ментальная) от населения;
- элита функционирует в рамках строгой иерархии, где нередко понятие профессионализма оттесняется и заменяется понятиями

личной преданности и кровного родства. В меньшей степени это характерно для бизнес-элиты;

- правящая элита не является монолитной, наоборот, она пребывает в состоянии перманентных противоречий, вследствие чего внутри нее образуются разнообразные блоки на основе совпадающих интересов и текущей конъюнктуры;
- основная борьба в среде элиты идет не за право распространить свои идеалы на государственное и общественное развитие, а за право распространить свое влияние на главу государства и остальные элитные группировки, и уже посредством этого – на государственное и общественное развитие;
- гарантом стабильности внутри политической элиты является лишь президент страны.

Уровень конфликтогенного потенциала внутри политической элиты Казахстана

На данный момент в политической элите Казахстана сохраняется конфликтогенный потенциал, который способен вызвать новые столкновения между различными элитными группами, что повысит уровень политического риска в Казахстане.

К возможным причинам новых конфликтов можно отнести следующие:

Объективные причины:

- отсутствие прочного баланса между элитными группами;
- сокращение возможностей для реализации своих экономических амбиций;
- несоординированная кадровая политика;
- объективный процесс взросления элиты, которая требует больше свободы для своих действий.

Субъективные причины:

- муссирование слухов о досрочной передаче президентской власти, обсуждение списка возможных преемников;
- состояние постоянного психологического напряжения внутри политической элиты по поводу слишком частых кадровых изменений;
- усталость от слишком долгого пребывания у власти только лишь одной группы.

В отличие от России, где был период сильного влияния олигархов на процесс принятия политических решений, в Казахстане никогда не ослаблялась жесткая президентская вертикаль, которая долгое время держала бизнес-элиту под жестким контролем. Любая попытка вырваться из-под президентской опеки каралась достаточно жестко.

В очередной раз президент напомнил о том, кто определяет правила политической игры в Казахстане, во время открытия первой сессии парламента третьего созыва. Тогда глава государства упомянул о «десяти мега-холдингах», которые контролируют 80% всего ВВП Казахстана и мешают транспарентности, а также конкурентности на внутреннем рынке. А некоторые из них, по словам президента, рвутся к власти. Данное заявление можно было рассматривать как предупреждение всем тем, кто начинает переходить границы дозволенного и нарушать правила игры, установленные главой государства.

Естественно, возникает вопрос, кого в первую очередь имел в виду президент, говоря о казахстанских ФПГ? Чтобы ответить на него, следует знать, что основные ФПГ, действующие в увязке с правящей элитой Казахстана, входят либо в «ближнее», либо в «дальнее окружение» президента. Необходимо отметить, что эти два основных блока не существуют независимо и изолированно друг от друга. Наоборот, между ними идет постоянный и разнонаправленный процесс, как партнерства, так и конкуренции, переходящей в противостояние.

По поводу процесса смены элит, можно сказать, что на данный момент на постсоветском пространстве существуют три модели:

- российская (преемник)
- азербайджанская (династийная форма передачи власти)
- украинская (победа контрэлиты)
- грузинская (победа контрэлиты)
- кыргызская (победа контрэлиты)

Для Казахстана, скорее всего, будет более приемлема российская модель передачи власти, она позволит сохранить политическую стабильность в стране. Но, кроме поиска оптимальной модели преемственности власти, политической элите Казахстана необходимо ответить еще на один вопрос. Речь идет о начале проведения политических реформ. Здесь имеются четыре проблемы:

1. Стратегическая инициатива по проведению реформы находится в руках президента. В таких условиях, как говорят политологи, многое зависит от того, кто ближе к президентскому «уху». К сожалению, казахстанских «консерваторов» и «ястребов» вокруг этого уха больше, чем либералов и сторонников «политического диалога». Немаловажным для президента является сохранение

«политического лица», чтобы инициирование политических реформ не стали рассматривать как уступку международному и внутреннему давлению.

2. В понятие «политическая реформа» разные политические силы Казахстана вкладывают свой смысл. Нет общеполитического консенсуса по основным направлениям ее проведения. По-разному же видятся и темпы ее осуществления.
3. В Казахстане пока нет авторитетной политической силы, которая могла бы стать легитимным партнером власти в разработке и реализации политических реформ. Такой силой может выступить только полноценная демократическая коалиция, создание которой в казахстанских политических условиях возможно, но маловероятно.
4. Гипертрофированная персонификация власти в Казахстане, как и в других странах Центральной Азии, увеличивает угрозу для их внутривнутриполитической обстановки. Самым негативным вариантом для некоторых стран региона может быть обострение борьбы политических, финансовых и клановых группировок за освободившийся пост руководителя страны вплоть до внутривнутриполитического вооруженного конфликта. Все это может оказать негативное влияние и на региональную стабильность в целом.

Но, несмотря на наличие этих проблем, Казахстан уже созрел для политических реформ, потому что другой разумной альтернативы нет.

Для эффективной реализации любой политической реформы необходимы три условия:

- экономическая база, ибо в бедном государстве проведение политических реформ скорее приводит к неудачам, чем к успехам;
- политическая воля, которая определяется не конъюнктурными интересами, а стратегическими целями политического развития;
- последовательность, так как политические реформы – это долгосрочный проект.

Из этих трех условий в Казахстане в наличии пока только одно – благоприятные экономические условия, на фоне которых контрастирует неблагоприятный политический пейзаж.

И если эти реформы проводить, то они должны идти под знаком **шести П:**

- правовое поле;
- парламентская реформа;
- партийная реформа;
- процесс децентрализации;
- последовательность;
- политическая преемственность.

Правовое поле

Политические реформы невозможны без специальной правовой основы.

Действующая ныне Конституция уже не соответствует современным политическим реалиям, и внесение изменений в нее должно стать делом ближайшего будущего.

Парламентская реформа

Одной из главных целей политической реформы является создание работающей системы сдержек и противовесов, что невозможно осуществить без повышения роли парламента в системе государственной власти. В частности, речь идет об участии парламента в формировании правительства.

При этом нельзя исключать, что конечной целью парламентской реформы в перспективе может быть создание однопалатного парламента. Это не самоцель, но нынешнее деление высшего законодательного органа на две палаты в унитарном государстве является, скорее, «политической страховкой» для власти, чем реальным вкладом в совершенствование законотворческого механизма. По сути, из шести полномочий, которые находятся в исключительном ведении Сената по Конституции, именно самый последний определяет смысл существования верхней палаты в глазах власти. Это пункт о рассмотрении возбужденного Мажилисом вопроса об отрешении от должности Президента Республики и вынесение его результатов на рассмотрение совместного заседания палат. В то же время речь здесь не идет о создании парламентской системы, для которой пока не созрели ни благоприятные политические условия, ни партийная система.

Партийная реформа

Реформирование партийной системы только началось, но, к сожалению, с самого начала в этом процессе преваляровали искусственные ограничители партийного поля, а не объективные законы расширения политического участия через партийные каналы. Партийная система пока является придатком политической системы, с которым правящая элита не знает, что делать. Запрещать вроде бы поздно, а поощрять партийную активность чревато. Такая ситуация определяет ограниченные способности и нереализованные возможности казахстанских политических партий участвовать в разработке программы политических реформ. Основная цель партийной реформы – создание эффективных каналов влияния партий на политический процесс:

- через парламент;
- через механизм циркуляции политической элиты;
- через активное взаимодействие с другими институтами гражданского общества, чей потенциал сейчас не реализован.

Процесс децентрализации

- центр–регионы. Введение механизма выборности акимов;
- местное самоуправление;
- бюджетная децентрализация.

Политическая последовательность

- определение приоритетов;
- наличие политического консенсуса по основным направлениям;
- партнерство;
- снижение внутреннего и внешнего фактора давления на власть, так как политические реформы под давлением обычно неэффективны.

Политическая преемственность

Одной из конечных целей политической реформы является снижение личностного фактора в обеспечении стабильности и устойчивости политической системы:

- развитие механизма циркуляции политической элиты через партийные каналы;
- партнерские отношения с оппозицией, как с полноправным участником политического процесса, а не как с декорацией;
- политический консенсус по стратегическим вопросам экономического и политического развития между основными политическими силами.

Необходимо создать оптимальный механизм баланса между сильной президентской властью, сильным гражданским обществом и полиархией. Но всего этого можно достичь только при реализации вышеупомянутых инициатив.

По сути, на современном этапе политического развития Казахстан должен найти ответы на два актуальных вопроса:

1. К какому из трех типов относится авторитарная политическая система Казахстана?
 - мобилизационный;
 - консервативный;
 - модернизирующийся (способный к политическим реформам).
2. К чему приведет чрезмерная концентрация власти у президента: к авторитаризму ради авторитаризма или к авторитаризму ради модернизации?

Именно выборы являются той самой иммунной системой государственного организма, которая защищает его от политических болезней, хотя некоторые из них уже присутствуют в Казахстане. Но честные выборы невозможны без наличия соответствующих

избирательной и партийной систем. По сути, начало создания этих взаимосвязанных систем и будет первым признаком политической модернизации, которая является самым оптимальным вариантом дальнейшего развития политической системы Казахстана. Для нас мог бы быть полезен опыт некоторых новых индустриальных стран (Таиланда, отчасти Южной Кореи, Тайваня, Бразилии), где авторитарная модернизация проводилась с учетом мнения оппозиции, которая в определенной мере входила в правящий (модернизаторский) блок. И если история – это политика, которую уже нельзя исправить, то политика – это история, которую еще можно исправить.

Печальной альтернативой может быть лишь консервация существующих политических отношений, что, со стратегической точки зрения, может привести к негативным политическим последствиям. К тому же консервация породит другую опасность, о которой, к сожалению, многие забывают и которая характерна для большинства авторитарных систем. Речь идет о процессе отложенной социализации, что приводит к отсутствию эффективных механизмов вхождения молодого поколения в политическую жизнь страны. В результате возникает либо абсентеизм, либо радикализм, что, кстати, уже можно наблюдать у некоторых наших соседей по Центральной Азии.

Исходя из вышеизложенного, у Казахстана есть два возможных варианта политического развития:

Оптимальный вариант

- политическая модернизация;
- появление новых каналов рекрутирования политической элиты;
- повышение количества и качества существующих точек доступа к процессу принятия политических решений;
- проведение четкой границы между бизнесом и политикой;
- введение института выборности местных руководителей;
- рост среднего класса;
- более активное вхождение Казахстана в мировое экономическое и политическое пространство, что автоматически повышает требования к государственному управлению;
- становление электоральной формы поддержки институтов власти;
- формирование эффективного механизма преемственности власти;
- диверсификация экономики (1. низкая цена на сырье + хорошее управление; 2. хорошая цена на сырье + хорошее управление).

Результат: снижение уровня политических и инвестиционных рисков в Казахстане. Смягчение перехода от состояния «стабильная нестабильность» к состоянию «стабильное развитие».

По поводу политических партий можно сказать, что их превращение в реальный инструмент представительства социальных интересов возможен при четырех условиях: 1) реформирование избирательной системы; 2) повышение функциональной роли парламента; 3) развитие плюралистического информационного пространства; 4) сокращение сферы влияния элитных групп давления.

В последнем утверждении нет ничего парадоксального, так как опыт других стран показал, что при слабой партийной системе действуют достаточно мощные и активные лоббистские группы, и наоборот. Поэтому неудивительно, что группы давления в Казахстане часто имеют гораздо больше влияния на процесс принятия политических решений, чем наши эрзац-партии. Частично сложившуюся ситуацию сможет исправить принятие закона «О деятельности лоббистских организаций», который, с одной стороны, расширит круг политических акторов за счет НПО, с другой стороны – попытается взять под правовой контроль функционирование внутриэлитных групп давления.

Негативный вариант

- сохранение закрытой политической системы;
- олигархическая форма корпоративизма;
- доминирующая роль политической элиты в отношениях с бизнесом. Новая конфронтация между бизнес-элитой и номенклатурными группами давления;
- ограниченное количество точек доступа к процессу принятия политических решений;
- ограниченные каналы рекрутирования политической элиты;
- сохранение сырьевой ориентации (1. низкая цена на сырье + плохое управление; 2. хорошая цена на сырье + плохое управление).

Результат: высокий уровень политических и инвестиционных рисков в стране. Политический и экономический кризис. Насильственная смена политической элиты с непредсказуемыми последствиями.

Dosym Satpajew

DIE POLITIK KASACHSTANS

Während der letzten 14 Jahre vollzog sich die politische Entwicklung Kasachstans in mehreren Phasen:

1991 – 1995

Postsowjetische Zeit

Typische Merkmale:

- Pro-westliche und demokratische Romantik,
- Elemente des sowjetischen administrativen Kommandosystems,
- Hohe politische Aktivität der Bevölkerung,
- Beginnende allmähliche Festigung der Präsidialmacht bei gleichzeitiger Schwächung der Volksvertretungsorgane,
- Suche nach einem optimalen sozialen, wirtschaftlichen und politischen Entwicklungsmodell

1995 – 1999

Endgültige Personifizierung der Staatsmacht

Typische Merkmale:

- Verfassungsrechtliche Festigung der Präsidialmacht,
- Endgültige Bildung von Instrumenten zum Kräfteausgleich unter den einflussreichen Lobbygruppen,
- Popularisierung eines «besonderen Entwicklungsweges»,
- Entscheidung für ein «asiatisches Modell» der politischen, sozialen und wirtschaftlichen Entwicklung, das Motto «Erst die Wirtschaft, dann die Politik»,
- Beginn einer harten Konfrontation zwischen der Staatsmacht und der Opposition

1999 – 2001

Vorläufige Stabilisierung

Typische Merkmale:

- Schnelles Tempo der Wirtschaftsreformen bei Beibehaltung der konservativen politischen Ordnung,

- Verlängerung der Amtszeit des Staatspräsidenten als Indikator für die Festigung der Autokratie,
- Stabilität innerhalb der politischen Elite

2001 – 2004

Zuspitzung der interelitären Konflikte

Typische Merkmale:

- Diskrepanz zwischen der offenen Wirtschaft und der abgeschirmten politischen Staatsordnung,
- Ungleichgewicht innerhalb der politischen Elite und ihre Zersplitterung als Folge,
- In Vorbereitung der Wahl betreten politische Schattenfiguren die politische Arena,
- Vereinigung und Belebung der kasachischen Opposition, verstärkte Konfrontation mit der Staatsmacht

2004 – 2005

Reaktion auf die Ablösung der Machteliten in Georgien, der Ukraine und Kirgisistan, Mobilisierungszeit, Vorbereitung auf die Präsidentenwahlen

Typische Merkmale:

- Veränderungen im Justizbereich zwecks Verstärkung der staatlichen Aufsicht über den Mediensektor sowie den öffentlichen und politischen Raum Kasachstans,
- Konfrontation mit dem «dritten Sektor», Verschärfung der staatlichen Aufsicht über lokale und internationale Nichtregierungsorganisationen,
- Verstärkung der Konfrontation zwischen der Opposition und der Staatsmacht,
- Transformation der parteipolitischen Gesellschaftsordnung (Gründung von neuen Parteikoalitionen sowohl auf präsidentenunterstützender als auch auf Oppositionsseite), Zersplitterung und Auflösung mancher Parteien

2005 – 2006

Zweite Konfliktwelle innerhalb der Machtelite, Beginn einer weiteren reformpolitischen Phase

Typische Merkmale:

- Mord an den ehemals hochrangigen Beamten Altynbek Sarsenbajew und Samanbek Nurkadilow, die sich der Opposition angeschlossen hatten,

- Neue Konflikte im Umfeld des Präsidenten im Zusammenhang mit den Morden an Sarsenbajew und zwei seiner Mitstreiter, Kampf einzelner einflussreicher Mitglieder der Machtelite um das Präsidentenamt nimmt an Aktualität zu,
- Wiederholter Versuch des Präsidenten, den Kräfteausgleich innerhalb der regierenden Elite durch die Beschränkung ihres Einflusses auf heimische Presse und Medien wiederherzustellen,
- Kasachstan bereitet sich auf die Verhandlungen über den beantragten OSZE-Vorsitz im Jahre 2009 vor,
- Einführung des Wahlverfahrens für die Besetzung der Bürgermeisterämter auf der untersten Gemeindeebene,
- Beschleunigte Implementierung des lokalen Selbstverwaltungssystems in Kasachstan,
- Veränderungen im parteipolitischen Umfeld des Landes, Zusammenschluss der präsidentenfreundlichen Parteien, nationalpatriotische Kräfte werden aktiv, neue sozialdemokratische Oppositionspartei bildet sich,
- Mögliche Änderung der Staatsverfassung hinsichtlich des Wahlprinzips für die legislative Gewalt wird erwartet

Zwar weist Kasachstan eine ungewöhnliche politische Entwicklung auf, dennoch sollte unterstrichen werden, dass die politische Gesellschaftsordnung des Staates an sich keinen Einzelfall darstellt. Vielmehr besitzt sie die gleichen Vor- und Nachteile wie auch Dutzende andere politische Systeme weltweit und beinhaltet autokratische Merkmale. Solche Machtregimes sind jedoch für die meisten postsowjetischen Staaten typisch. Manche Ideologen versuchen, bestimmten Begriffen einen anderen terminologischen Gehalt zu verleihen, wie es beispielsweise bei der Benutzung des Begriffs der gelenkten Demokratie der Fall ist. Seinerzeit bezeichnete der westliche Politologe E. Shills diesen Begriff ein wenig anders, nämlich als «betreute Demokratie». Dennoch verändert sich die Summe bekanntlich nicht bei einer Umstellung bzw. einem Platzwechsel der Summanden.

Das grundlegende typische Merkmal für die meisten autokratischen Machtregimes ist ein eingeschränkter Pluralismus und ein schmaler politischer Spielraum bei gleichzeitig existierender mehr oder weniger freier Wirtschaft und erfolgreichen Marktreformen. Außer seiner administrativen Machtpolitik ist Kasachstan auch durch seine erhebliche politische Unberechenbarkeit mit anderen zentralasiatischen Staaten vergleichbar. Die Gründe dafür sind folgende fünf Kernprobleme:

- Keine Beziehungen zwischen Staat und Opposition nach demokratischem Verständnis,

- Fehlendes konfliktfreies Verfahren zur Übergabe der Staatsmacht an einen Nachfolger, die ganze politische Ordnung richtet sich an einer Person oder einer Personengruppe aus,
- Eine politische Schattenszene dominiert über die Politik, Interessen dieser Cliquen oder Clans haben Vorrang vor Staatszielen,
- Fehlendes langfristiges Strategieprogramm für politische Reformen, auf politische Herausforderungen (Terrorismus, Opposition etc.) wird nur reagiert,
- Instabile Legitimität der Staatsmacht

Das letztgenannte Problem ist besonders schwerwiegend, da es dabei um die politische Stabilität der Staatsgewalt geht. Wie Demosthenes einst sagte: «Zwei Merkmale stehen für den Wohlstand eines Staates: Reichtum und Vertrauen in den Staat». Bislang fehlt es Kasachstan an zuverlässigen Indikatoren für die Legitimität seiner Staatsmacht und ihrer Beliebtheit bei der Bevölkerung. Das führt dazu, dass sowohl die Regierung als auch die Opposition kein zuverlässiges Instrument zur Bestätigung ihrer Legitimität in der Hand haben, wenn sie auf die Legitimität beziehungsweise die Illegitimität der bestehenden politischen Gesellschaftsordnung pochen. Die Regierung will dieses Instrument erst gar nicht haben und die Opposition kann es sich bislang nicht leisten, da dieses Instrument allein in freien und unverfälschten Wahlen besteht.

Im folgenden sollen die Hauptfaktoren genannt werden, die den politischen Stabilitätsgrad Kasachstans wesentlich beeinflussen. Manche dieser Faktoren bilden die Grundlage der politischen Stabilität im Lande, deren Voraussetzung eine Beständigkeit der Beziehungen innerhalb der politischen Elite ist. Bedingt können diese Faktoren in innere und äußere unterteilt werden, wobei die inneren Faktoren bedeutsamer als die äußeren sind.

Innere Faktoren

Politische Genesis

Die Aufrechterhaltung des Kräftegleichgewichts zwischen einflussreichen Lobbygruppen ist eine der grundlegenden Voraussetzungen, die bei der Analyse der von den folgenden Bedingungen abhängigen politischen Situation in Betracht gezogen werden sollte. Das ist auf der einen Seite die Kräfteverteilung zwischen den konkurrierenden politischen Akteuren und auf der anderen Seite die Fähigkeit des Präsidenten, die Situation unter Kontrolle zu halten. Das gelingt ihm, indem er keiner konkurrierenden Lobbygruppe so viel Macht zugesteht, dass sie Ansprüche auf die Erweiterung ihrer politischen und wirtschaftlichen Interessen geltend machen könnte.

Wirtschaftliche Genesis

Interne und externe Wirtschaftsfaktoren

Interne Faktoren

- Stabile Förderung und Export von mineralischen Bodenschätzen wie Erdöl und -gas
- Bekämpfung des Schattenmarktes
- Diversifizierung der Wirtschaft
- Korruptionsbekämpfung

Externe Faktoren

- Hohes Entwicklungstempo der Weltwirtschaft
- Günstige Preiskonjunktur auf dem Weltenergiemarkt

Externe geopolitische Faktoren

1. Politische Stabilität in den Nachbarstaaten
2. Regionale Stabilität in Zentralasien

Es sei hervorgehoben, dass die politische Risikoentwicklung in allen Staaten Zentralasiens traditionell auf drei Ebenen gemessen wird:

- innerstaatliche Risiken,
- regionale Risiken (Beziehungen zwischen den zentralasiatischen Staaten, Einfluss auf die Regionalpolitik der Drittstaaten, konfliktträchtige «Inseln» innerhalb der Region),
- globale Risiken (negative Globalisierungsfolgen)

Kasachstan kann unter allen zentralasiatischen Ländern einen Risikograd unter dem Durchschnittswert aufweisen – eine Tatsache, die für Investoren und geopolitische Großspieler weitgehend akzeptabel ist, jedoch die politische Berechenbarkeit der Führungsriege ausschließt. Der einzige Faktor, der alle Staaten dieser Region vereint, ist die Hauptvariable bei der Bemessung des politischen Risikogrades – ein fehlendes konkretes Instrumentarium für die Machtnachfolge und den konfliktfreien Wechsel politischer Eliten. Die politische Elite Kasachstans war zu keiner Zeit homogen, sondern setzte sich aus mehreren verschiedenen Gruppen und einzelnen Spitzenfiguren zusammen, deren Einfluss von der Nähe zum Zentrum des politischen Entscheidungsprozesses – dem Staatspräsidenten – direkt abhing.

Das Hauptproblem des Präsidenten Nursultan Nasarbajew besteht darin, dass er seine Rolle als Hauptschiedsrichter interrelitärer Beziehungen nach und nach einbüßt. Dieses politische Gebilde, das er in den letzten 14 Jahren um sich herum aufbaute, wird zu einem immer komplizierteren

Organismus, der sich aus mehreren anspruchsvollen Schattenspielern zusammensetzt, die ihre Ansprüche auf wirtschaftliche und politische Handlungsfreiheit immer nachdrücklicher geltend machen. Dabei fürchten sich alle vor der Neuaufteilung des Eigentums, die mit dem Rücktritt von Nursultan Nasarbajew so gut wie sicher eintreten wird. Das ist aber nur halb so schlimm. Im Moment besteht die höchste Gefahr für den Präsidenten in einer abnehmenden Kontrolle über die politische Elite. Das wird zur Störung des Interessengleichgewichts zwischen zahlreichen konkurrierenden Elitegruppen führen.

Gleichzeitig hat sich die Staatsmacht gegenüber der Gesellschaft und vor allem gegenüber der Opposition bislang als ziemlich homogen präsentiert. Die Situation schlug Ende 2001 um, als sich die Zersplitterung innerhalb der politischen Elite soweit zuspitzte, dass es zu einer weitreichenden Veränderung der Verhältnisse nicht nur in einzelnen Elitegruppen, sondern im gesamten politischen Raum Kasachstans führte.

Entwicklungsstufen der politischen Elite Kasachstans

Die politische Elite Kasachstans hat sich in mehreren Schritten herausgebildet:

1991-1994

Überwiegende Dominanz der säkularen administrativen Partielite und der Lobbygruppen, Neuaufteilung des öffentlichen Eigentums, grassierende Korruption auf allen Ebenen der Staatsmacht.

1994-2001

Einstieg der Unternehmens- und Geschäftsprominenz in die Staatsmacht. Beginn der Reibungen und Konfrontationen zwischen der alten Partielite und der neuen politischen Spitze. Der Präsident baut ein neues System zur Aufrechterhaltung des Gleichgewichts zwischen einzelnen Lobbygruppen auf und verstärkt gleichzeitig die eigene Macht.

2001-2003

Erste Störung des Gleichgewichts zwischen den Lobbygruppen, die zur Zersplitterung der politischen Elite führte.

Ursachen:

- 1) übermäßige Zunahme des Einflusses einiger Angehöriger der Präsidentenfamilie, was Unmut bei einigen Vertretern der politischen und unternehmerischen Prominenz auslöste,
- 2) Missverhältnis zwischen raschem wirtschaftlichen Aufschwung und abgeschotteter politischer Ordnung.

Ergebnis: eingeschränkte Möglichkeiten der Geschäftsprominenz, sich am Machtkampf zu beteiligen.

2003 – 2005

Der Präsident stellt das Gleichgewicht innerhalb der politischen Elite Kasachstans unmittelbar vor den Präsidentenwahlen wieder her, die Opposition innerhalb der Elite geht mit der demokratischen Koalition «Pro gerechtes Kasachstan» in die Offensive.

2005 – 2006

Eine zweite Welle interelitärer Konflikte bewegt Kasachstan. Offensichtlich beginnt ein ernsthafter Kampf um das Präsidentenamt innerhalb der Umgebung des Präsidenten. Zum ersten Mal wird versucht, den Mord an zwei ehemaligen hochrangigen Beamten, die sich der Opposition angeschlossen hatten, in Verbindung mit diesem Kampf zu bringen.

Politischer Frust breitet sich in den Reihen der Opposition aus und mit ihm bleibt ihre Unfähigkeit erhalten, eine ernsthafte Alternative zur aktuellen Regierung zu bieten. Es entstehen neue oppositionelle Parteien und mit ihnen politische Bewegungen, die zu einem Konkurrenzkampf insbesondere in den Reihen der nationalpatriotischen Bewegung durchaus fähig sind.

Die Parlamentswahlen 2004 machten die Notwendigkeit politischer Reformen im Lande öffentlich. Das löste einen Wettlauf zwischen der Staatsmacht und der Opposition um die strategische Initiative bei den geplanten Reformen aus. Dennoch vermochten die Wahlen nicht ihre eigentliche Aufgabe zu erfüllen, nämlich eine Grundlage für die Konsolidierung der Machtelite und der Gesellschaft zu schaffen. Im Gegenteil, nach den Wahlen verlief der nun noch tiefere Bruch nicht nur zwischen der Staatsmacht und der Opposition, sondern mitten durch die politische Elite. Der für viele unerwartete Rücktritt des einstigen Präsidenten des Unterhauses im Parlament und eines der Spitzenmänner der präsidentenfreundlichen Otan-Partei, Scharmachan Tujakbai, der die Staatsmacht der Machenschaften bei der Stimmenauszählung bezichtigte, ist nur ein weiteres Glied in der Kette der Ereignisse, die 2001 einsetzten. Vor Scharmachan Tujakbai hatte sich bereits ein anderes Mitglied des Präsidententeams, Samanbek Nurkadilow, vom ersten Mann im Lande abgewandt. Der Erste, der in die Opposition gegangen war, war Premierminister Akeschan Kaschageldin.

Porträt der heutigen politischen Elite Kasachstans

- wirtschaftliche, politische, informelle und mentale Abschottung und Riesenentfernung vom Volk,
- die Elite agiert im Rahmen einer strengen hierarchischen Ordnung, Professionalität ist mitunter weniger wichtig als persönliche Treue und Blutsverwandtschaft, die Geschäftsprominenz ist davon weniger betroffen,

- die regierende Elite ist inhomogen, vielmehr wird sie mit permanenten Gegensätzen konfrontiert und schließt sich in unterschiedlichen inneren Gruppen zusammen, die aufgrund gleicher Interessen und der aktuellen Konjunktur zustande kommen,
- der eigentliche Kampf innerhalb der Elite wird nicht um den Anspruch auf den Erhalt der Staats- und Gesellschaftsordnung, sondern vielmehr um den Anspruch auf die Beeinflussung des Staatsoberhauptes und der übrigen Elitegruppen ausgetragen, um dadurch die Staats- und Gesellschaftsentwicklung nach eigenen Konzepten steuern zu können, als Stabilitätsgarant innerhalb der politischen Elite gilt alleine der Staatspräsident.

Konfliktkräfte innerhalb der politischen Elite Kasachstans

Momentan ist die politische Elite Kasachstans mit Kräften ausgestattet, die neue Konfrontationen zwischen unterschiedlichen Elitegruppen auslösen und das politische Risiko für Kasachstan steigern können.

Zu den möglichen Ursachen für neue Konflikte zählen folgende:

Objektive Gründe:

- Fehlende Balance zwischen einzelnen Elitegruppen,
- Mangelnde Möglichkeiten für die Verwirklichung eigener wirtschaftlicher Ambitionen,
- Unkoordinierte Personalpolitik,
- Objektiver Prozess des Erwachsenwerdens der Elite, die nun größere Handlungsfreiheiten beansprucht

Subjektive Gründe:

- Spekulation über einen vorgezogenen Rücktritt des Präsidenten, Diskussionen über mögliche Nachfolger,
- Zustand einer permanenten psychischen Anspannung innerhalb der politischen Elite, der durch einen zu häufigen Personalwechsel ausgelöst wird,
- Ermüdung der einzigen Machtgruppe durch zu lange Regierungszeit

Im Gegensatz zu Russland, wo die Großindustriellen einst den politischen Entscheidungsprozess stark beeinflussten, lockerte sich die vertikal ausgerichtete Präsidialmachtordnung zu keiner Zeit und hielt die Geschäftsprominenz langfristig unter strenger Kontrolle. Scharfe Strafen folgten nach jedem Versuch, sich der Präsidentenkontrolle zu entledigen.

Anlässlich der ersten Parlamentssitzung der dritten Legislaturperiode erinnerte der Präsident wiederholt daran, wer die politischen Spielregeln in Kasachstan bestimmt. Damals erwähnte das Staatsoberhaupt zehn «Megaholdings», die 80 Prozent des kasachischen Bruttoinlandsproduktes kontrollieren und die Transparenz und Konkurrenz am Binnenmarkt beeinträchtigen. Die Pointe bestand aber darin, dass manche von ihnen angeblich die Macht an sich reißen wollten. Diese Erklärung konnte man als Warnung an all diejenigen betrachten, die zugelassene Grenzen überschreiten und gegen Spielregeln verstoßen, die vom Staatsoberhaupt bestimmt wurden.

Natürlich stellt sich die Frage, wen der Präsident mit seiner Aussage über die kasachischen Finanz- und Industriegruppen meinte. Um sie zu beantworten, sollte man wissen, dass die meisten in die Machtelite eingebetteten Finanz- und Industriegruppen zum nächsten oder dem fernen Umgebungskreis des Präsidenten gehören. Außerdem greifen diese beiden größten Konglomerate ineinander. Zwischen ihnen vollzieht sich eine permanente Entwicklung, die von der Partnerschaft über die Konkurrenz bis hin zur Konfrontation reicht.

Zur Ablösung der Machteliten gilt, dass vier Modelle im postsowjetischen Raum momentan existieren:

- Russisches Modell (Nachfolger)
- Aserbaidschanisches Modell (Machübergabe innerhalb einer Familiendynastie)
- Ukrainisches Modell (Sieg der oppositionellen Elite)
- Georgisches Modell (Sieg der oppositionellen Elite)
- Kirgisches Modell (Sieg der oppositionellen Elite)

Für Kasachstan wird sich das russische Modell der Machtübergabe wohl am besten eignen, da es die politische Stabilität im Lande sichern wird. Neben der Suche nach einem optimalen Modell der Regierungsnachfolge sollte sich die politische Elite Kasachstans um ein weiteres Anliegen kümmern, um den Beginn politischer Reformen. Hierbei stehen vier zu lösende Probleme an:

- 1) Die strategische Reforminitiative ist dem Präsidenten vorbehalten. In einem solchen Fall sagen die Politikwissenschaftler gewöhnlich, wer dem Präsidentenohr am nächsten stehe, auf den komme alles schließlich an. Leider haben sich mehr Konservative und Falken und weniger Liberale und Verfechter des politischen Dialogs um dieses Ohr versammelt. Zumal die Wahrung politischen Gesichts für den Präsidenten ebenfalls wichtig ist, damit Reforminitiativen nicht als ein Zugeständnis gegenüber internationalem und innerem Druck aufgefasst werden.
- 2) Der Begriff politischer Reformen wird von diversen politischen Kräften Kasachstans unterschiedlich ausgelegt. Es gibt keinen gesamtpolitischen

Konsens über die Hauptrichtungen dieser Reform. Das nötige Tempo der Reformumsetzung wird ebenfalls unterschiedlich gesehen.

- 3) Bislang gibt es kein einziges anerkanntes politisches Gewicht in Kasachstan, das zu einem legitimen Partner der Staatsmacht im Bereich der Entwicklung und Umsetzung der politischen Reformen werden könnte. Ein solches Gewicht könnte nur eine vollwertige demokratische Koalition darstellen, deren Gründung im politischen Rahmen Kasachstans theoretisch zwar möglich, praktisch aber unwahrscheinlich ist.
- 4) In Kasachstan und anderen Staaten Zentralasiens wird die Macht in einem übertriebenen Maße personifiziert, so dass die innenpolitische Lage weitgehend gefährdet ist. Das schlimmste Szenario für einige Staaten dieser Region könnte ein zugespitzter Kampf bis hin zu einem bewaffneten Konflikt mit unberechenbaren Folgen um die neu zu besetzende Stelle des Staatsoberhauptes sein. Dieser würde zwischen politischen sowie Finanz- und Clangruppierungen ausgetragen und könnte die regionale Stabilität negativ beeinflussen.

Trotz dieser Probleme ist Kasachstan für politische Reformen reif, da es keine andere vernünftige Alternative gibt. Drei Voraussetzungen sollten für eine politische Reform erfüllt werden:

- wirtschaftliches Potenzial, da politische Reformen in einem armen Staat eher in einer Misere als in einem Erfolg enden,
- politischer Wille, der sich nicht über Konjunkturinteressen, sondern durch strategische Zielsetzungen für die politische Entwicklung definiert,
- Nachhaltigkeit, da politische Reformen ein langfristiges Vorhaben bedeuten

Eine Voraussetzung dieser drei ist in Kasachstan bisher erfüllt: Ein günstiges Wirtschaftsklima, vor dessen Hintergrund die ungünstige politische Landschaft ins Auge sticht. Sollten diese Reformen tatsächlich starten, sind folgende Schritte nötig:

- Schaffung rechtlicher Rahmenbedingungen,
- Parlamentarische Reform,
- Parteireform,
- Dezentralisierung der öffentlichen Gewalt,
- Sicherung politischer Nachhaltigkeit,
- Regelung politischer Nachfolge

Schaffung rechtlicher Rahmenbedingungen

Ohne entsprechende rechtliche Grundlage sind politische Reformen undenkbar. Die bisherige Verfassung stimmt mit der heutigen politischen Wirklichkeit nicht mehr überein. Ihre Anpassung sollte in nächster Zukunft erfolgen.

Parlamentarische Reform

Eines der Grundziele der politischen Reform sollte der Aufbau eines funktionierenden Systems sein, das ohne Erhöhung des Stellenwerts des Parlaments innerhalb der Staatsordnung undenkbar ist. Unter anderem geht es dabei um die Mitwirkung des Parlaments bei der Kabinettsbildung. Dabei sollte man nicht die Möglichkeit ausschließen, dass das Endziel der parlamentarischen Reform die Gründung eines Einkammerparlaments sein könnte. Das ist kein Selbstzweck. Die heutige Teilung der obersten gesetzgebenden Versammlung bedeutet eher eine politische Rückversicherung der Staatsmacht als einen wirklichen Beitrag zur Herausbildung von Rechtsstaatlichkeit. In der Tat liefert in den Augen der Staatsmacht nur die letzte von insgesamt sechs verfassungsrechtlichen Befugnissen, die zur ausschließlichen Kompetenz des Senates gehören, eine Existenzberechtigung für das Oberhaus. Diese Befugnis bezieht sich auf die Prüfung des vom Unterhaus gestellten Antrages über die Entlassung des Staatspräsidenten aus seinem Amt und die Zuführung der Prüfungsergebnisse der gemeinsamen Sitzung der beiden Parlamentskammern. Gleichwohl handelt es sich dabei nicht um den Aufbau einer neuen parlamentarischen Ordnung, für die weder die politischen Rahmenbedingungen noch das parteipolitische System reif sind.

Parteireform

Die Reform des parteipolitischen Systems begann erst vor kurzem, dennoch ging es dabei eher um künstliche Begrenzungen des parteipolitischen Spielraums als um eine Erweiterung des politischen Engagements und Spielraums der Parteien. Das Parteiensystem ist bislang ein Anhängsel der politischen Gesellschaftsordnung, mit dem die regierende Elite nichts anzufangen weiß. Für Verbote ist es wohl zu spät und die Förderung der Parteien kann schlimme Folgen haben. Diese Situation zeigt die beschränkten Fähigkeiten und die nicht ausgeschöpften Möglichkeiten der politischen Parteien Kasachstans beim Mitwirken an politischen Reformen. Die zentrale Aufgabe einer Parteienreform ist es, den Parteien zu ermöglichen, auf den politischen Entscheidungsprozess Einfluss zu nehmen:

Das kann über das Parlament, über die sich ablösenden politischen Eliten und über eine rege Interaktion mit anderen Institutionen der Zivilgesellschaft, deren schlummerndes Potenzial nicht ausgenutzt wird.

Dezentralisierung der öffentlichen Gewalt

- Zentrum – Regionen: Einführung eines Wahlverfahrens für Provinzgouverneure,
- Lokale Selbstverwaltung,
- Dezentralisierung des öffentlichen Haushaltes

Sicherung politischer Nachhaltigkeit

- Politischer Konsens über politische Schwerpunkte,

- Partnerschaft,
- Verminderter innerer und äußerer politischer Druck auf die Staatsmacht, da politische Reformen unter Zwang meistens erfolglos sind

Regelung politischer Nachfolge

Eines der Endziele der politischen Reformen besteht im Abbau des *Persönlichkeitsfaktors*, um dadurch eine stabile und nachhaltige politische Gesellschaftsordnung zu gewährleisten:

- Möglichkeiten für die Ablösung politischer Eliten auf parteipolitischem Wege,
- Partnerschaftliche Beziehungen zur Opposition, ihre Behandlung als vollberechtigter Akteur innerhalb politischer Entscheidungsprozesse und nicht als eine Attrappe,
- Politischer Konsens zwischen den zentralen politischen Kräften über strategische Schwerpunkte der wirtschaftlichen und politischen Entwicklung

Es muss eine optimale Struktur für die Ausbalancierung der Kräfte zwischen einer starken Präsidialmacht, einer starken bürgerlichen Gesellschaft und mehrerer politischer Gewalten entwickelt werden. Dennoch ist das nur bei Umsetzung der oben genannten Punkte zu erreichen. In der Tat sollte Kasachstan zwei aktuelle Fragen in der heutigen Phase seiner politischen Entwicklung beantworten:

1. Zu welcher der drei nachstehenden Varianten gehört die autokratische politische Gesellschaftsordnung Kasachstans?
 - mobilisierend,
 - konservativ,
 - modernisierend (politisch reformfähig)
2. Was ergibt sich infolge einer übermäßigen Konzentration der Staatsmacht beim Präsidenten: Autokratie der Autokratie halber oder Autokratie der Erneuerung halber?

Nur die Wahlen sind das Immunsystem eines Staatskörpers, das ihn vor Krankheiten schützt, von denen manche in Kasachstan bereits auftreten. Echte Wahlen sind aber ohne ein entsprechendes wahl- und parteipolitisches System undenkbar. In der Tat ist der begonnene Aufbau dieser interdependenten Systeme ein erstes Zeichen der politischen Erneuerung, die für die weitere politische Entwicklung Kasachstans die günstigste Lösung ist. Hier könnten die Erfahrungen einiger aufstrebender Industrienationen (Thailand, z. T. Südkorea, Taiwan und Brasilien) genutzt werden, in denen die Meinung der Opposition bei der Durchführung der autokratischen Erneuerung berücksichtigt wurde, die auch im regierenden erneuerungspolitischen Block vertreten war.

Traurige Alternative könnte nur der Abbruch der bestehenden politischen Beziehungen sein, der vom strategischen Standpunkt aus zu negativen politischen Folgen führen würde. Zumal erzeugt dies eine weitere Gefahr, die von vielen außer acht gelassen wird und für die meisten autokratischen Machregimes typisch ist: Es geht um die aufgeschobene oder fehlende politische Sozialisierung der Jugend, deren Folge fehlende effektive Instrumente für den Einstieg der Nachwuchskräfte ins politische Geschehen des Staates sein könnten. Die Folgen sind entweder Wahlverweigerung oder Radikalismus, die bei unseren Nachbarn in Zentralasien bereits zu sehen sind.

Zusammenfassend lässt sich sagen, dass Kasachstan über zwei mögliche Varianten seiner politischen Entwicklung verfügt:

Optimale Entwicklungsvariante

- Politische Erneuerung,
- Neue Wege für die Rekrutierung der politischen Elite,
- Größere Anzahl und höhere Qualität der Zugangsmöglichkeiten zum politischen Entscheidungsprozess,
- Klare Trennung zwischen Wirtschaft und der Politik,
- Einführung eines Wahlverfahrens für die lokale Verwaltungsebene,
- Förderung der Mittelschicht,
- Beschleunigte Integration Kasachstans in die wirtschaftliche und politische internationale Gemeinschaft, was die Anforderungen an die Staatsregierung automatisch verschärfen würde,
- Förderung öffentlicher Institutionen,
- Effektiver Mechanismus der Machtübergabe an Nachfolger,
- Diversifizierung der Wirtschaft (1. niedrige Rohstoffpreise + gute Verwaltung; 2. lukrative Rohstoffpreise + gute Verwaltung)

Ergebnis: Senkung des politischen und investitionsbezogenen Risikogrades in Kasachstan, geringere Auswirkungen des Übergangs vom Zustand der Instabilität zu einem Zustand nachhaltiger Entwicklung

Die Verwandlung der politischen Parteien in ein reales Instrument politischer Meinungsbildung ist unter vier Voraussetzungen möglich: 1. Reform des Wahlsystems, 2. Stärkung der Rolle des Parlaments, 3. Förderung pluralistischer Öffentlichkeit, 4. Beschränkung des Einflusses von Lobbygruppen.

Der letzte Punkt trifft nur bedingt zu, da die Erfahrungen anderer Staaten zeigen, dass schwache parteipolitische Systeme mit ziemlich mächtigen und aktiven Lobbygruppen einhergehen und umgekehrt. Daher ist es nicht verwunderlich, dass die Lobbygruppen in Kasachstan einen stärkeren Einfluss auf den politischen Entscheidungsprozess als hiesige Quasi-Parteien

ausüben. Diese prekäre Lage könnte zum Teil durch ein Lobbygesetz geändert werden, das einerseits den Kreis der politischen Akteure um Nichtregierungsorganisationen erweitern und andererseits die Aktivitäten der interelitären Lobbygruppen unter Rechtskontrolle stellen würde.

Negative Entwicklungsvariante

- Weitere Abschottung der politischen Gesellschaftsordnung,
- Oligarchische Unternehmensformen,
- Dominierende Rolle der politischen Elite in der Wirtschaft, neue Konfrontationen zwischen Unternehmern und Lobbygruppen,
- Begrenzter Zugang zum politischen Entscheidungsprozess,
- Beschränkte Möglichkeiten für die Rekrutierung der politischen Elite,
- Beibehaltung der Rohstofforientierung (1. niedrige Rohstoffpreise + schlechte Verwaltung. 2. lukrative Rohstoffpreise + schlechte Verwaltung)

Ergebnis: hohes politisches und investitionsbezogenes Risiko und Unsicherheit im Lande, politische und wirtschaftliche Krise, Zwangsablösung der politischen Elite mit unberechenbaren Konsequenzen.

Атырау, Қазақстан
Atyrau, Kasachstan

Григорий Марченко

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ КАК РЕШЕНИЕ ЛИШЬ ЧАСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

На старте самостоятельного плавания постсоветские республики располагали распадающимися народными хозяйствами с относительно близкими показателями. Спустя 15 лет результаты суверенного развития каждой из них разнятся довольно значительно. Экономика Казахстана развивается высокими темпами, за последние пять лет произошло увеличение ВВП в 3,5 раза – с \$15 млрд до \$56 млрд в 2005 г., даже если оно в значительной мере обязано этим энергетическому сектору, среднегодовой темп экономического роста – более 9% (в 2005 г. – почти 9,5%), инфляция в 2005 г. впервые превысила 7%-ный уровень – 7,5%.

На частые вопросы о возможных сценариях экономического развития т.н. «стран-рантье» на постсоветском пространстве, зарабатывающих в основном на экспорте сырья, – в условиях его дороговизны (нефть, газ, металл, лес, хлопок и прочее) на мировых рынках – чем чревата такая ситуация и можно ли предупредить методами кредитно-денежной политики, замечу, это не привилегия только стран на постсоветском поле, эти проблемы есть и в Африке, и в Азии. Так что ситуация изучена и описана в мировой экономической литературе достаточно полно. Если цены на сырье высоки и в течение длительного времени в страну потоком поступает валюта, как правило, развивается «голландская болезнь». Целые отрасли и сектора экономики теряют или так и не обретают конкурентоспособность. Лишь сырьевой сектор, который привязан к контрактам в иностранной валюте, остается конкурентоспособным. В большинстве случаев требуется вмешательство Национального банка (Центробанка), он начинает покупать иностранную валюту, взамен выпуская в обращение валюту национальную. Это приводит к существенному росту денежной массы, которую необходимо стерилизовать несколькими способами.

Первый эффективный способ – создание стабилизационного фонда, средства которого полностью инвестируются за границей. В Казахстане такой Национальный фонд (созданный по норвежской модели) действует с 2001 г. В нем сейчас более \$10 млрд, а объем денежной массы в стране – около \$22 млрд. Если бы ресурсы стабилизационного фонда были размещены в самом Казахстане, это увеличило объем денежной массы в полтора раза, что соответствующим образом сказалось бы на значении инфляции.

Второй метод борьбы с «голландской болезнью», тоже используемый в ряде стран, – стерилизация путем выпуска ценных бумаг. Возможны

варианты. Определенные финансовые инструменты может использовать Центробанк, выпуская ценные бумаги, другие – Министерство финансов, возможны и гибридные схемы. Стерилизация – инструмент достаточно хороший, но дорогой. Могут возникать ситуации, когда вследствие большого объема операций затраты на стерилизацию приводят к убыткам Национального банка. Центробанк осуществляет интервенции в интересах всей экономики: растет целевой экспорт, развиваются несырьевые отрасли народного хозяйства, растет поступление налогов в бюджет. Министерство финансов в результате получает дополнительные доходы, а Центробанк – убытки. Кто их компенсирует? В большинстве стран убытки национального банка возмещают из бюджета. Но когда в парламенте звучат речи о том, что бюджетные ресурсы следует направить не на увеличение, допустим, пенсий, а на погашение потерь Центробанка, это не вызывает у депутатов восторга. Тем более что части парламентариев непонятен не только термин «стерилизация», но и сущность подобных процессов: если экономика развивается дикими темпами, откуда у Центробанка убытки? Поэтому правильно с самого начала согласовать действия Министерства финансов и Национального банка, чтобы они делили между собой расходы по стерилизации.

И третья мера борьбы с «голландской болезнью» хорошо известна – следует либерализовать импорт оборудования. Иными словами, в ситуации, когда страна зависит от сырьевых отраслей, она обязана диверсифицировать свою экономику. Причем необходимо правильно выбрать направления диверсификации и стимулировать импорт оборудования, а не ширпотреб. Каждая из трех названных мер уменьшает давление валюты на внутренний рынок и помогает диверсификации экономики.

Главная задача в целом – снизить свою зависимость от сырья. Но это очень тяжело. В Хьюстоне я узнал: перед местными властями все еще стоит задача диверсифицировать местную экономику, сильно зависящую от нефтегазового сектора. Соответствующая программа действует почти четверть века. В результате огромных усилий и очень больших инвестиций доля людей, занятых в нефтегазовом секторе, снизилась с 58 до 54%. Что тут комментировать! Задача диверсификации не имеет простых решений и в самой развитой экономике мира, имеющей огромные возможности.

Чтобы понять, какие отрасли реально конкурентоспособны, нужно проводить их комплексное обследование. Россия – как очень большая страна, имеющая огромный внутренний рынок, – может позволить себе развернуть производство целого ряда продуктов. Это называется *economies of scale* – экономией на масштабе. В Казахстане с 15-миллионным населением, или в Азербайджане с 8-миллионным, или в Туркменистане с 4-миллионным населением разворачивать многоотраслевой внутренний рынок нерезонно. Экспортировать

производимую продукцию сложно – на мировых рынках нас никто не ждет. Следует четко уяснить, на чем можно специализироваться – на нескольких отраслях, причем их определяет рынок, а не мудрый правитель. В Казахстане, скажем, намерены развивать на юге текстильный кластер. Как экономист, я не могу это понять. При средней заработной плате \$300 в месяц, а в Узбекистане – \$40, в Китае – \$50, плюс сильных там традициях хлопководства и ткачества, какие перспективы в этой ситуации у текстильной индустрии в Казахстане? Скорее, грамотное совместное использование комплекса Байконур Россией и Казахстаном могло бы принести хорошие перспективы и доходы.

В любом случае главной долгосрочной задачей стран нашего региона остается диверсификация экономики.

В Казахстане за первое полугодие 2005 г. экспорт вырос примерно на 54% (в значительной степени за счет роста цен на нефть, конечно), а импорт – на 45%. Рост оборудования составил примерно 43%, но другие позиции росли еще быстрее. Это не самая здоровая композиция. Правильно, чтобы импорт ширпотреба рос медленнее, чем средние показатели. Но это во всем мире так: когда растут доходы, растет и доля импорта. Народ начинает тратить на потребление.

Деньги, не вложенные в производство, крутятся на финансовых рынках. И сейчас денег очень много, из-за чего у национальных банков перманентная головная боль по их связыванию. Растут вклады населения, растут остатки на счетах предприятий, в первую очередь, того же самого нефтегазового сектора – это с одной стороны. С другой – масса нужных проектов не финансируется, потому что нет инструментов, которые позволили бы привлечь деньги в реальный сектор. Инструменты же отсутствуют, потому что нет законов, обеспечивающих достаточную степень защиты инвестора. Нужна схема переливания денег из финансового сектора экономики в реальный.

В постприватизационный период все экс-советские страны недоинвестировали. Горизонт инвестирования был чрезвычайно коротким: новые владельцы стремились элементарно «отбить» приватизационные затраты, превратить полученные преференции в кэш. Сейчас следует создать механизмы компенсации этого недо вложения. В реальном секторе имеется масса проектов, инвестиции в которые могли бы принести в масштабах ЕЭП (Единое экономическое пространство) и пользу, и прибыль. Например, вагоностроение. На постсоветском пространстве лишь два вагоностроительных завода – на Урале и на Украине. Если такие заводы построит каждая страна СНГ, то, когда внутренняя потребность будет закрыта, возникнет классический кризис перепроизводства. На внешних рынках наши вагоны тоже никто не ждет – там весьма конкурентная среда. Правильнее договориться об осуществлении инвестиций – через какой-то региональный банк

или через схему участия нескольких стран в капитале – и спокойно производить те вагоны и в том количестве, которые нужны всем соседям по постсоветскому пространству.

Таких проектов, повторюсь, множество. Но для их реализации надо правильно выстроить финансовые схемы. Непременна нужна секьюритизация: проекты долгосрочны и затратны, государство не имеет возможности участвовать в них напрямую. Судостроение, машиностроение, нефтегазовый комплекс требуют горизонта инвестиций в 10–15 лет. Секьюритизация позволит направить в крупные проекты «длинные» деньги институциональных инвесторов. Причем инвесторам это тоже может быть выгодно. Скажем, в Италии рынок секьюритизации вырос практически с нуля до \$40 млрд в год. Но для создания схем инвестирования обязательны два условия: проработанное законодательство и механизмы четкой судебной защиты прав инвестора – что не одно и то же. Если судебной защиты не будет, службы финансового надзора просто не позволят институциональным инвесторам войти в такие проекты. В некоторых странах Латинской Америки были приняты очень грамотные законы, но суды в ряде спорных случаев выносили решения, защищавшие заемщика, а не инвестора. И народ перестал вкладывать в эти схемы.

Сами по себе экономические реформы решают лишь часть проблем. Если нет режима правовой защиты, неизбежен – рано или поздно – откат назад. В конечном счете экономические реформы – вопрос, во-первых, политической воли, а во-вторых, правоприменительной практики. И если политическая воля отсутствует, экономические реформы могут не проводиться очень долго. Как мы это наблюдаем в отдельных странах.

В 95% случаев при цене почти \$60–65 за баррель нефти очевиден дефицит политической воли¹. Пару лет назад я описывал одному российскому финансисту сценарий, который станет реализовываться при цене \$10 за баррель. Он прямо руками на меня замахал: «Да зачем это нужно – чтоб цены падали? Пусть лучше будут высокими». Помните библейский сюжет: сон фараона про семь тучных коров и семь тощих? В итоге ведь тощие коровы сожрали тучных. Карнавал высоких цен на углеводороды может продолжиться еще год-полтора. Но семь тощих лет (которые теоретически возможны) ни одна из наших стран при цене

¹ Отмечено падение темпов развития и сырьевого, и реального сектора в Казахстане в 2005 г. Доля индустрии в общей структуре экономического роста упала на 18%. Спад отмечен даже в такой традиционно успешной отрасли, как нефтегазовый комплекс. Добыча нефти в стране за 2005 г. выросла лишь на 1% – рекордно низкий показатель за последние 7 лет. В металлургии снижение объемов производства – 6%. Общий спад в сырьевом комплексе негативно повлиял и на объемы производства в «сопутствующих» отраслях, поставляющих оборудование для нефтяной и горнодобывающей индустрии. Сохранение роста экономики на уровне 2005 г. обеспечила строительная отрасль, доля которой в общем показателе ВВП выросла с 9 до 27%. Прирост роста экспорта сырья был достигнут за счет продажи нефти, за счет высоких мировых цен. По прогнозам Министерства экономики, рост ВВП в ближайшие три года удержится на уровне 8,5% в расчете на модернизацию.

\$10 за баррель не выдержит даже приблизительно. Казахстан вложил в стабилизационный фонд больше всех соседей и накопит еще. Но фонд обеспечит текущий уровень потребления максимум на три – четыре года. На семь лет мы запастись не сможем – и никто не сможет. Кто-то начнет сыпаться раньше. А когда в регионе начнутся серьезные проблемы, они скажутся на всех.

От диверсификации экономики никуда не денешься. Денег много – а дороги плохие. И качество питьевой воды кое-где неопишное. Потребности вложений в инфраструктуру огромны. Социальная сфера тоже колоссально недоинвестирована. Даже там, где финансовые рынки наиболее развиты: в России, на Украине, в Казахстане – недоразвитость инвестирования очевидна.

Должны заработать механизмы переливания – секьюритизация, структурное финансирование. Опять же рынок жилья, хотя тут своя ситуация. Очевидно, что цены на жилье и в Москве, и в Киеве, и в Алматы, и в Астане за пределами. Они устанавливаются помимо классической схемы «спрос-предложение» и объясняются высоким уровнем коррупции. Нет механизмов, позволяющих купить среднее жилье в Москве и Алматы на трудовые доходы. Ипотека лишь начала развиваться. Кроме того, ипотечный механизм работает лишь для верхушки среднего класса, а это 5–10% населения. Неправильно ждать, что этих людей будет больше: надо развивать систему стройсберкасс, которой сможет воспользоваться уже 20–25% населения. А для той страты, у которой текущие доходы все равно недостаточны для решения жилищной проблемы, нужно либо строить социальное жилье, либо отрабатывать схемы капремонта действующего жилого фонда. Стыдно, но наши государства до сих пор не сумели развить нормальные схемы жилищного кредитования. Сейчас над ними начали работать только Россия, Украина и Казахстан. А система стройсберкасса запущена только у нас.

Экспандирующая коррупция, если ее не удастся локализовать, превращается в серьезный барьер на пути реформ. Все время привожу опыт сингапурского премьера Ли Куан Ю в качестве примера в борьбе с коррупцией, потому что объективно коррупцию изобрели китайцы: у них она существовала еще, наверное, при династии Цин. А в Сингапуре 75% населения – китайцы. Но они стали бороться с коррупцией и победили. Ли Куан Ю в своих мемуарах пишет, что принял решение сосредоточить работу Бюро по расследованию коррупции (Corrupt Practices Investigation Bureau, www.cpi.gov.sg) на крупных взяточниках в высших эшелонах власти. Власть Сингапура расширили определение взятки так, что оно стало включать любые блага, имевшие какую-либо стоимость, и приняла специальные антикоррупционные законы. Если обвиняемый жил не по средствам или располагал объектами собственности, которые не мог приобрести на свои доходы, то новые законы позволяли судам

трактовать эти обстоятельства как подтверждение того, что человек получал взятки. Теперь в соответствующих рейтингах они первые. Например, The Institute of Management Development в своем ежегодном обзоре конкурентоспособности стран мира за 2003 г. ранжировал все страны мира по уровню коррупции, используя десятибалльную шкалу. Сингапур оказался наименее коррумпированной страной Азии – получил 9,4 балла, опередив Гонконг, Японию и Тайвань. В 2004 г. и Transparency International определила Сингапур как одно из пяти наименее коррумпированных государств мира. Опыт Сингапура показал, что в деле борьбы с коррупцией главное, во-первых, чтобы были честными сами руководители министерств и ведомств. Особенно там, где есть почва для коррупции: выдача лицензий, распределение активов. Во-вторых, сами же первые лица должны системно бороться с коррупцией. Обходить «дозором владенья свои» – и «рубить у гидры голову». А потом еще прижигать отрубленные места, чтоб ничего нового не выросло. Большая часть чиновничества ничего украсть не может в принципе. Но в глаза народным массам бросаются трехэтажные коттеджи, построенные таможенниками или налоговиками, которые вообще-то получают скромное бюджетное жалованье. Это деморализует общество: люди начинают думать, что воровство – это норма. Полюса на этой схеме нужно поменять: тот, кто ворует – вор.

Grigorij Martschenko

DIE WIRTSCHAFT KASACHSTANS

Die ehemaligen Sowjetrepubliken starteten in die Souveränität mit kaputten Volkswirtschaften und verhältnismäßig ähnlichen Wirtschaftszahlen. Umso deutlicher liegen jetzt die Ergebnisse der fünfzehnjährigen Zeit seit der Unabhängigkeit auseinander. Die Wirtschaft Kasachstans entwickelt sich mit rasantem Tempo und kann sich inzwischen mit einem Bruttoinlandsprodukt schmücken, das sich in den letzten fünf Jahren von 15 Milliarden US-Dollar auf 56 Milliarden mehr als verdreifachte. Zwar ist diese Leistung hauptsächlich dem Energiesektor zu verdanken, trotzdem liegt das jährliche Wirtschaftswachstum bei durchschnittlich über neun Prozent (bei fast 9,5 Prozent im Jahre 2005) und steht einer Inflationsrate gegenüber, die erstmals die Sieben-Prozent-Marke überschritt und mit 7,5 Prozent im Jahre 2005 zu Buche schlug.

Es wird häufig danach gefragt, was mögliche Szenarien der weiteren wirtschaftlichen Entwicklung dieser sogenannten «*rent seeking states*» im postsowjetischen Großraum sind. Diese Länder verdienen hauptsächlich am Export ihrer Rohstoffe (Öl, Gas, Metall, Holz, Baumwolle etc.) angesichts der hohen Weltmarktpreise. Die Frage ist, welche Risiken diese Situation birgt und ob solche Risiken mit kredit- und geldpolitischen Mitteln zu mindern sind. Doch nicht nur die Staaten im postsowjetischen Raum, sondern auch Afrika und Asien haben gewisse Vorteile. Wenn die Rohstoffpreise hoch sind und ein Staat langfristig Devisenzuflüsse bekommt, entwickelt sich in der Regel die «holländische Krankheit». Während der Wechselkurs eines Rohstofflandes wie Kasachstan durch die Dollartransfers aus dem Rohstoffgeschäft ansteigt, verlieren alle anderen Branchen und Sektoren der Wirtschaft ihre Wettbewerbsfähigkeit oder können sie niemals aufbauen. Nur der Rohstoffsektor mit seiner Anbindung an Devisenverträge bleibt konkurrenzfähig. In den meisten Fällen bedarf es einer Intervention der Zentralbank, die Fremdwährung ankauft und die Nationalwährung im Gegenzug ausgibt. Dadurch wächst die Geldmenge, die mit mehreren Mitteln sterilisiert werden kann.

Das wichtigste und effektivste Mittel ist die Einrichtung eines Stabilisierungsfonds, dessen Geldmittel vollständig im Ausland angelegt werden. Ein nach dem norwegischen Modell gegründeter Stabilisierungsfonds existiert auch in Kasachstan seit 2001. In diesem Fonds sind im Moment über zehn Milliarden US-Dollar konzentriert, die einer Geldmenge von 22 Milliarden gegenüberstehen. Wären die Geldmittel aus dem Stabilisierungsfonds in Kasachstan angelegt worden, hätte dies zum 1,5-fachen Wachstum der Geldmenge geführt und sich folglich auf die Inflationsrate ausgewirkt. Ein anderes Gegenmittel gegen die «holländische Krankheit», das in einigen

Ländern ebenfalls angewendet wird, betrifft die Emission von Wertpapieren. Bestimmte finanzpolitische Mittel kann die Zentralbank einsetzen und Wertpapiere ausgeben, andere Mittel liegen wiederum in der Hand des Finanzministeriums, wobei auch gemischte Lösungen denkbar sind. Die Sterilisation ist ein effektives aber auch ein teures finanzpolitisches Mittel. Denn es kann dazu kommen, dass die Sterilisationskosten bei einem größeren Geschäftsvolumen zu Verlusten der Nationalbank führen. Die Zentralbank interveniert im Interesse der Volkswirtschaft, um zweckgebundene Exportvolumina zu steigern, die rohstofffremden Branchen der Volkswirtschaft zu fördern und die Steuereinnahmen für den Staatshaushalt zu erhöhen. Das Finanzministerium profitiert davon zusätzlich. Und die Zentralbank fährt Verluste ein.

Doch wer soll diese Verluste ausgleichen? In den meisten Ländern werden Verluste der Nationalbank aus dem öffentlichen Haushalt erstattet. Dennoch wären die Parlamentsmitglieder alles andere als begeistert, wenn beispielsweise im Parlament dafür plädiert würde, öffentliche Haushaltsmittel nicht für beispielsweise Rentenerhöhungen, sondern für die Erstattung der Zentralbankverluste aufzuwenden. Außerdem fehlen einigen Parlamentsmitgliedern die nötigen Kenntnisse der Finanzwirtschaft. Sie erwarten, dass jegliche Verluste der Zentralbank so gut wie ausgeschlossen sind, da sich die Wirtschaft mit wildem Tempo entwickelt. Somit gilt es, die Handlungen des Finanzministeriums und der Nationalbank von Anfang an richtig aufeinander abzustimmen und sie für die Sterilisationskosten anteilig aufkommen zu lassen.

Und zum Schluss sei das dritte wohl bekannteste Gegenmittel gegen die «holländische Krankheit» erwähnt: Ein von Rohstoffen abhängiges Land muss seine Volkswirtschaft diversifizieren. Dabei gilt es, die Diversifizierungsbereiche richtig auszuwählen und den Import von Produktionsanlagen, nicht den von Konsumgütern, zu fördern. Jede der oben genannten Maßnahmen kann den Devisendruck auf den Binnenmarkt abbauen und zur Diversifizierung der Volkswirtschaft beitragen.

Grundsätzlich besteht die zentrale Aufgabe im Abbau der eigenen Abhängigkeit von Rohstoffen. Das ist jedoch eine schwierige Aufgabe. Ein gutes Beispiel ist das US-amerikanische Houston: Die dortigen Behörden sind immer noch mit der Aufgabe konfrontiert, die auf den Öl- und Gassektor angewiesene lokale Wirtschaft zu diversifizieren. Ein entsprechendes Handlungsprogramm läuft bereits seit immerhin rund fünfundzwanzig Jahren. Dank ungeheurer Anstrengungen und immenser Investitionen gelang es schließlich, die Beschäftigtenzahl im Öl- und Gassektor von 58 auf 54 Prozent zu reduzieren. Es bedarf wohl keiner zusätzlichen Kommentare. Selbst die am höchsten entwickelten Wirtschaftsnationen der Welt mit ihren weitreichenden Möglichkeiten können keine einfachen Lösungen für das Diversifizierungsproblem bieten.

Um in einer Volkswirtschaft herauszufinden, welche Wirtschaftszweige tatsächlich konkurrenzfähig sind und welche nicht, sollte man sie auf Herz

und Nieren prüfen. Russland mit seinem riesigen Binnenmarkt kann es sich leisten, die Produktion einer ganzen Reihe von Erzeugnissen bei sich aufzubauen. Das nennt man *Economies of Scale* — den Skaleneffekt. Es ergäbe keinen Sinn, wenn man in Kasachstan mit seinen 15 Millionen Einwohnern, in Aserbaidschan mit einer Bevölkerung von acht Millionen oder in Turkmenistan mit vier Millionen Menschen einen weitverzweigten Binnenmarkt mit vielen Branchen etablieren würde. Fertigprodukte zu exportieren, ist schwierig, weil der Weltmarkt hart umkämpft ist. Man sollte sich darüber im Klaren sein, worauf man sich spezialisieren möchte: nämlich auf mehrere Branchen, die vom Markt und nicht von einem weisen Herrscher bestimmt werden. So soll beispielsweise in Kasachstan der Baumwollanbau und der Textilsektor im Süden des Landes verstärkt gefördert werden. Doch der monatliche Durchschnittslohn hierzulande beträgt 300 US-Dollar, während in Usbekistan 40 US-Dollar und 50 US-Dollar in China bezahlt werden. Die beiden letztgenannten Länder können zusätzlich auf eine lange Tradition des Baumwollanbaus und des Textilgewerbes zurückblicken. So fragt man sich, welche Erfolgsaussichten wohl der kasachische Textilsektor angesichts dieser Ausgangssituation hat. Größere Erfolgschancen und Einnahmequellen könnte beispielsweise viel eher eine richtig organisierte Mitnutzung des Raumfahrtgeländes Baikonur durch Kasachstan und Russland bieten.

Nichtsdestotrotz stellt die Diversifizierung der Wirtschaft eine langfristige Superherausforderung für die GUS-Staaten dar. In der ersten Hälfte 2005 stieg das Export- und das Importvolumen jeweils um rund 54 Prozent (vor allem dank der Ölpreiserhöhung) und 45 Prozent an. Die Ausrüstungsimporte lagen bei ca. 43 Prozent, wobei andere Positionen noch schneller am Volumen zunahmten. Das ist nicht die günstigste denkbare Verteilung. Richtig wäre es, wenn die Importe von Massenbedarfsgütern langsamer als die wirtschaftlichen Durchschnittswerte anwüchsen. Dennoch ist es auf aller Welt so, dass Importe mit Einnahmen gleichzeitig wachsen. Denn Menschen beginnen zuerst, ihr Geld für Konsumgüter auszugeben.

Ungebundenes Kapital, das nicht in Produktion angelegt ist, bewegt sich an den Finanzmärkten. Momentan ist die Geldmenge sehr groß und bereitet den Nationalbanken ständige Probleme bei der Kapitalbindung. Einerseits nehmen die Einlagen der Privatkunden und Bestände auf Unternehmenskonten, insbesondere im Öl- und Gassektor, an Volumen zu. Andererseits wird zahlreichen nützlichen Vorhaben die Finanzierung versagt, weil es an Instrumenten mangelt, die für eine Kapitalbeschaffung im realen Wirtschaftssektor sorgen könnten. Die Instrumente fehlen wiederum deswegen, weil es keine Gesetze gibt, die einen gebührenden Investorenschutz gewährleisten würden. Benötigt wird ein Kapitalverkehrssystem, bei dem Kapital sich aus dem finanziellen in den realen Wirtschaftssektor bewegen kann.

In der Nachprivatisierungszeit haben alle ehemaligen Sowjetstaaten unzureichend Kapital investiert. Die Weitsichtigkeit, was Investitionen

anbelangte, war extrem kurz: Neue Besitzer suchten nur ihre Privatisierungskosten herauszuschlagen und die gewonnenen Präferenzen zu monetarisieren. Nun sollten Instrumente für den Ausgleich des einstigen Investitionsmangels geschaffen werden. Im realen Wirtschaftssektor stehen zahlreiche Vorhaben an. Die Förderung von Investitionen kann sowohl Nutzen als auch Gewinne bringen. Zum Beispiel der Waggonbau: Im postsowjetischen Großraum existieren nur zwei Waggonbauwerke: im Ural und der Ukraine. Wenn jeder GUS-Staat ein Waggonbauwerk bei sich errichten würde, entstünde eine Überproduktionskrise spätestens dann, wenn der Bedarf am Binnenmarkt gedeckt ist. An Auslandsmärkten wartet ebenfalls keiner sehnsüchtig auf Waggons aus hiesiger Produktion, da der Exportmarkt extrem konkurrenzaggressiv ist. Richtig wäre es, wenn man sich auf eine Kapitalinvestition durch eine regional-operierende Bank oder auf eine Mitfinanzierung durch mehrere Staaten einigen und Waggons in der Ausführung und den Mengen herstellen lassen würde, die in allen GUS-Nachbarstaaten benötigt werden.

Wiederholt sei auf die Vielzahl solcher Vorhaben hingewiesen. Um sie jedoch umzusetzen, bedarf es korrekter Finanzierungspläne. Dabei sollte man unbedingt an die Versicherung denken: Die Vorhaben sind langfristig und kostenintensiv, ein Staat kann sich an ihnen nicht direkt beteiligen. Im Schiffsbau, Maschinenbau sowie dem Öl- und Gassektor sollte man die Pay-Off-Periode sowieso mit zehn bis 15 Jahren veranschlagen. Die Versicherung würde es erlauben, «long money» von Geberinstitutionen in größeren Vorhaben zu binden. Für Investoren dürfte das auch von Vorteil sein. Beispielsweise stieg in Italien der Jahresumsatz am Versicherungsmarkt während der letzten fünf Jahre von null auf 40 Milliarden US-Dollar an.

Für die Entwicklung der Investitionspläne in Kasachstan sind zwei Voraussetzungen ausschlaggebend: Wohl durchdachte Gesetze und klar definierte Rechtswege für Investoren, wobei die beiden Begriffe auseinander zu halten sind. Wenn die Möglichkeit für den Rechtsweg nicht gegeben ist, können die Finanzaufsichtsbehörden den Zugang zu solchen Vorhaben den Geberinvestitionen schlichtweg versperren. In einigen lateinamerikanischen Staaten wurden sehr durchdachte Gesetze verabschiedet, dennoch fällten die Gerichte in mehreren Streitsachen Urteile, die den Kreditnehmer und nicht den Geber schützten. Und dann traten natürlich die Investoren von ihren Vorhaben zurück.

Wirtschaftsreformen an sich können Probleme nur teilweise lösen. Wenn der Rechtsweg für Investoren unmöglich ist, so ist ein Rückschlag über kurze oder lange Zeit unvermeidlich. Schließlich sind Wirtschaftsreformen primär Gegenstand politischen Willens und nur sekundär praktischer Rechtsanwendung. Und wenn es am politischen Willen fehlt, dann können Wirtschaftsreformen lange Zeit nicht durchgeführt werden. Wie es übrigens am Beispiel einiger Staaten ersichtlich ist.

Bei Preisen von 60 bis 65 US-Dollar pro Barrel Öl (Stand: Ende Februar 2006) ist in 95 Prozent aller Fälle der Mangel an politischem Willen zu

erkennen.¹ Was würde beispielsweise bei einem Ölpreis von 10 US-Dollar pro Fass passieren? In der Bibel gibt es eine Geschichte, in der es um den Traum des Pharao von sieben wohlgenährten und sieben mageren Kühen geht. Am Ende fressen die mageren Kühe ihre fetten Artgenossen auf. Die Hochpreisfiesta am Öl- und Gasmarkt kann noch ein bis anderthalb Jahre dauern. Doch wird kein einziger GUS-Staat sieben theoretisch mögliche magere Jahre bei einem Ölpreis von 10 US-Dollar pro Fass auch nur abstrakt überstehen. Unter seinen Nachbarn hat Kasachstan die meisten Rücklagen im Stabilisierungsfonds konzentriert und wird sie noch weiter aufstocken. Dennoch wird dieser Fonds das aktuelle Verbrauchsniveau nur über drei bzw. dreieinhalb bis vier Jahre aufrechterhalten können. Für sieben Jahre können wir uns nicht bevorraten, keiner wird es können. Jemand wird schneller als andere abbauen. Und sollte es zu ernsthaften Problemen in der Region kommen, so wären alle davon betroffen.

Die Diversifizierung der Wirtschaft ist also unumgänglich. Viel Geld gibt es und schlechte Straßen. Und die Trinkwasserqualität ist mancherorts unvorstellbar. Der Investitionsbedarf besonders bei der Infrastruktur ist immens. Der soziale Bereich kommt bei Investitionen viel zu kurz. Und das sogar in den Staaten mit den am besten entwickelten Finanzmärkten, in Russland, der Ukraine und Kasachstan, so dass die mangelnden Investitionen ins Auge stechen.

Die Kapitalverkehrsinstrumente Versicherung und Strukturfinanzierung sollten ansetzen. Auch der Immobilienmarkt ist betroffen, obwohl hier die Situation anders ist. Offensichtlich sind die Immobilienpreise in Moskau, Kiew, Almaty und Astana astronomisch. Abgesehen vom klassischen Preisbildungsprinzip Angebot-Nachfrage geht das Preisniveau auch auf die stark verbreitete Korruption zurück. Es gibt keine Finanzierungsmöglichkeiten, mit denen man eine Standardwohnung in Moskau oder Almaty mit einem normalen Arbeitseinkommen erwerben könnte. Das Hypothekswesen beginnt sich erst zu entwickeln. Und zugänglich ist es nur der oberen Mittelschicht, die fünf bis zehn Prozent der Bevölkerung umfasst. Verkehrt wäre es, damit zu rechnen, dass diese Bevölkerungsgruppe größer wird. Vielmehr sollte man das Sparkassensystem fördern, das bereits 20 bis 25 Prozent der Bevölkerung

¹ Sowohl im rohstoff- als auch im warenproduzierenden Bereich der kasachischen Wirtschaft wurde ein Rückgang der Entwicklungswerte im Jahre 2005 verzeichnet. Der Industrieanteil an der Gesamtstruktur der Wirtschaft schrumpfte um 18 Prozent. Gar im traditionell erfolgreichen Öl- und Gassektor wurde der Abschwung registriert. 2005 stieg das Ölfördervolumen ledig um ein Prozent und präsentierte damit den Minimalwertrekord der letzten sieben Jahre. In der Stahlbranche ging die Produktion um sechs Prozent zurück. Der allgemeine Abschwung im Rohstoffbereich wirkte sich auf die Produktionsleistung der Zuliefererbranchen negativ aus, die den Öl- und Bergbausektor mit Ausrüstungen versorgen. Nur dank der Baubranche mit ihrem von neun auf 27 Prozent gestiegenen BIP-Anteil konnte das Wirtschaftswachstum das 2005-Niveau beibehalten. Das Wachstum der Rohstoffexporte konnte durch den Ölverkauf zu hohen Weltmarktpreisen erzielt werden. Laut Prognosen des Wirtschaftsministeriums sei mit einem beständigen BIP-Wachstum von bis zu 8,5 Prozent vorbehaltlich der technischen Umrüstung in den nächsten drei Jahren zu rechnen.

zu seinen Kunden zählt. Und für die Bevölkerungsschicht, deren Einkommen für die Finanzierung einer Wohnung trotz allem unzureichend ist, sollte man entweder Sozialwohnungen bauen oder die Grundrenovierungspläne für den existierenden Wohnraumfonds ausarbeiten. Beschämend ist die Tatsache, dass die Regierung immer noch keine vernünftigen Wohnungsbau-Kreditangebote entwickeln konnte. Nur in Russland, der Ukraine und Kasachstan fängt man gerade an, daran zu arbeiten. Das Bausparkassensystem wird wiederum nur in Kasachstan eingesetzt.

Die um sich greifende Korruption stellt eine ernstzunehmende Bedrohung des Reformweges dar und sollte eingedämmt werden. Hier sei auf die Erfahrung des Premierministers von Singapur, Li Kuan Yu, verwiesen. Singapur ist zu 78 Prozent von Chinesen bevölkert. Das Land sagte aber der Korruption den Kampf an. Li Kuan Yu schreibt in seinen Memoiren, er habe sich entschieden, die Aktivitäten des Corrupt Practices Investigation Bureau (www.cpiib.gov.sg) auf korrupte Beamte zu richten, die auf höheren Machtetagen angesiedelt sind. Die Regierung von Singapur erweiterte den Begriff der Bestechung insoweit, als das alle einen Wert besitzenden Güter damit gemeint sind und spezielle Korruptionsgesetze verabschiedet wurden. Wenn ein Angeklagter über seine Verhältnisse lebte oder Eigentumsobjekte besaß, deren Erwerb mit seinem Einkommen auszuschließen war, so gaben die neuen Gesetze den Richtern die Grundlage, solche Umstände als Beweis für eine passive Bestechung zu werten. Nun nimmt Singapur obere Positionen (sehr wenig Korruption) auf den Korruptionsranglisten ein. In seinem Jahresbericht für 2003 stufte das Institute of Management Development (www.international.ucla.edu) alle Staaten der Welt nach ihrem Grad der Korruption ein und legte die jeweiligen Werte auf einer 10-Punkte-Skala fest. Mit 9,4 Punkten erwies sich Singapur als einer der am wenigsten korrupten Staaten Asiens und lag damit vor Hongkong, Japan und Taiwan. Im Jahre 2004 wurde Singapur von Transparency International als einer der fünf am wenigsten korrupten Staaten der Welt anerkannt.

Die Erfahrungen Singapurs zeigen, dass eine erfolgreiche Korruptionsbekämpfung in erster Linie von der Rechtschaffenheit hochrangiger Beamter in Ministerien und Behörden abhängt. Insbesondere gilt das für die Stellen, die den Nährboden für Korruption liefern, beispielsweise bei der Erteilung von Lizenzen und der Verteilung von Wirtschaftsgütern. Zweitens sollten die Amtsträger selbst einen systematischen Kampf gegen Korruption führen. Sie sollten ihre eigenen Ressorts überwachen und der Korruptionshydra die Köpfe abschlagen. Und anschließend noch die Wunden ausbrennen, damit nichts Neues nachwachsen kann. Im Prinzip gibt es nur wenig, was Beamte entwenden könnten. Dennoch fallen den Volksmassen dreistöckige Villen auf, die Zoll- und Finanzbeamten gehören, die eigentlich ein bescheidenes Gehalt beziehen. Das demoralisiert die Gesellschaft: Die Menschen beginnen zu denken, das Stehlen sei eine Verhaltensnorm. Es gilt daher, das Unrechtsbewusstsein in Kasachstan zu schärfen und allen klar zu machen: Wer stiehlt, ist ein Dieb.

Сары-Могул, Кыргызстан
Sary-Mogul, Kirgisistan

Зайнидин Курманов

ИСТОРИЯ КЫРГЫЗСТАНА И КЫРГЫЗОВ

История распорядилась так, что кыргызы, как племя, этнос, народ, начали складываться и формироваться на благодатных землях обширного региона – Центральной Азии, где перекрещивались международные торговые пути, связывающие Европу и Азию. Кыргызам за многовековую свою историю пришлось пережить немало и радостных событий, и суровых испытаний – самим покорять и быть покоренными, превращать врагов в степную пыль и самим неоднократно возродиться из пепла.

Исторические факты и основанные на них исследования свидетельствуют, что формирование кыргызского этноса – длительный и многогранный процесс, тесно связанный с историей формирования многих других народов и племен: скифов, саков, усуней, иранцев, эллинов, согдийцев, гуннов, китайцев, монголов, с которыми нашим древним предкам не раз приходилось создавать большие и малые кочевые союзы, государственные образования и объединения.

Корни кыргызского народа уходят в седую древность, а этноним «кыргыз» является одним из древнейших в Центральной Азии. Об этом свидетельствуют многочисленные археологические открытия, китайские, греческие, персидские, древнетюркские, уйгурские и арабские письменные источники.

Первые следы человеческой деятельности на территории Кыргызстана относятся к раннему каменному веку – 300-100 тыс. лет тому назад. Около 40 тыс. лет назад на территории современного Кыргызстана уже были поселения древних людей, которые мастерили каменные и костяные орудия труда. Сохранилось множество уникальных мест с петрографическими знаками, наскальными рисунками охрой, изображающими людей и животных, небольшие сценки из повседневной жизни. Древние люди занимались здесь животноводством, разводили коров и лошадей. Широко известный теперь напиток из кобыльего молока – кумыс, ставший национальным напитком кыргызского народа, был впервые получен именно здесь, более 3 тыс. лет назад.

Жили местные племена в эпоху камня, а затем и бронзы кровнородственными общинами. Антропологи доказывают, что первые жители Кыргызстана были европеоидами и говорили на одном из индоевропейских наречий.

В I тыс. до н.э. на территории Кыргызстана жили саки – крупное племенное объединение среднеазиатских скифов. Широко известно и другое их название – массагеты, т.е. «великие геты». Остатки сакской

культуры сохранились в виде больших курганных погребений и развалин поселений. Особенно много их в долине оз. Иссык-Куль и Кетмень-Тюбе.

Саки тоже были европеоидами и говорили на одном из наречий иранского языка, хотя в последнее время появилась и получила довольно широкое распространение гипотеза, утверждающая, что саки были частью прототюркского этноса и говорили на тюркском наречии.

По свидетельству «отца истории» Геродота, в сакской культуре были заметны сильные традиции матриархата. В VI в. до н.э. сакская царица Томирис нанесла сокрушительное поражение 200-тысячной армии Кира II Великого, основателя могущественной Ахеменидской державы. А сам Кир погиб в этой битве.

А в 328 г. до н.э. на реке Сырдарья саки остановили нашествие войск Александра Македонского, почитателя военного искусства Кира. Политическая и военная логика того времени свидетельствует, что политической или военной целесообразности в битве с саками не было. Не было смысла идти дальше в голые и малолюдные степи. Но Александр как знаток военной истории и ученик знаменитого Аристотеля знал, что от их рук пал его кумир, создавший могущественную империю, завоевать и расширить которую он стремился сам. Но после губительного сражения с сакской конницей царь Александр, покоривший к тому времени уже почти всю Азию, решил не искушать дальше судьбу и повернул назад.

В четырех греко-персидских войнах персы неизменно терпели поражения. Но в двух ключевых сухопутных сражениях при Марафоне и Платеях, в том месте, где в составе персидской армии была сконцентрирована сакская конница, знаменитая греческая фаланга потерпела поражение. Лишь массовое бегство основной персидской армии заставило саков отступить и обеспечить грекам победу.

В составе кыргызского этноса существует весьма распространенное и многочисленное племя, именуемое «саяками». Изучение этого этнонима в свое время дало основание ученым-этнографам утверждать, что генезис кыргызского народа напрямую восходит к сакским племенам. Этот тезис становится более убедительным с точки зрения последних научных изысканий, которые признают саков тюркоязычным этносом, и, если принять во внимание, что в состав кыргызов входят такие племена, название которых говорит само за себя. Например, «калмаки» (калмыки), «кытай» (китайцы), «моголдор» (монголы), «кыпчаки» (кипчаки, половцы) и др.

Завоевания Александра Великого оставили заметный след в истории Востока. После распада его обширной империи на месте, где обычно доминировали традиционные восточные деспотии, образовались эллинистические государства, ставшие в Азии эпицентрами, форпостами новой, античной цивилизации и культуры. Произошло то, о чем мечтал

Александр Великий – соединить Европу и Азию тысячами нитей политического, экономического и культурного сотрудничества и взаимодействия. Однако влияние этой цивилизации на культуру и образ жизни кочевых саков осталось более чем формальным.

Во II в. до н.э. саки были разгромлены другим мощным племенным союзом кочевников – усунями. Государство усуней просуществовало вплоть до IV в. н.э. Они создали раннеклассовое образование с сильными пережитками родовой организации. Усуни занимались преимущественно скотоводством, в меньшей мере земледелием. Имели свои оседлые поселения. Культура усуней во многом была сходна с сакской, но имелось и некоторое сходство с гуннами – первыми прототюркскими племенами.

Во главе усуньского государства стоял кунбаг и совет старейшин. Его власть передавалась по наследству. Родовой ставкой кунбага был г. Чигу на берегу оз. Иссык-Куль, основанный еще саками. В стране усуней имело место домашнее рабство. Было распространено многоженство и законы левирата.

Усуни были воинственным народом и могли выставить войско в 100–180 тыс. всадников. В начале I в. н.э. усуня вступили в союз с Ханьской империей против гуннов и нанесли им сокрушительный удар. Но эта победа стала и началом конца самого усуньского государства. Победив своих основных соперников – гуннов, китайцы почувствовали себя хозяевами положения и стали бесконтрольно вмешиваться во внутренние дела усуньского государства, раздувать среди местной аристократии династийные распри. В конце концов китайский император получил право самостоятельно назначать и снимать кунбагов, жаловать титулы местной знати, свободно распоряжаться вопросами внутренней и внешней политики, что, в конечном счете, и привело сначала к деградации, а затем и к падению усуньского государства.

Со II в. до н.э. в Ферганской долине, куда входит и южная часть современного Кыргызстана, существовало государство Давань.

В государстве насчитывалось около 70 больших и малых городов. В столице г. Эрши проживало около 300 тыс. жителей.

Экономическую основу государства составляло развитое орошаемое земледелие, ремесло, торговля и коневодство. Страна была известна своими знаменитыми на всю Азию «небесными скакунами».

Во главе государства стояла местная царская династия и совет старейшин. Даваньцы говорили на одном из восточных диалектов иранского языка.

В 101 г. до н.э. Давань была покорена китайцами, которые хотели контролировать Великий шелковый путь, но вскоре вновь обрела независимость. В V в. Фергана вошла в состав государства эфталитов, а в середине VI в. ее подчинили тюрки.

Народ, который дал имя государству Кыргызстан, в древности обитал далеко от его современных границ. Впервые упоминание о народе – носителе этнонима «кыргыз» следует из китайской хроники и относится к 201 г. до н.э. В ней сообщалось, что этот народ имел свою государственность, называемое «Владение Кыргыз». В китайской транскрипции оно обозначалось, как «Гэгунь» или «Гяньгунь». Ученые считают, что находилось это владение где-то в Западной Монголии, возможно, вблизи озера Кыргыз-нур. Это историческое свидетельство дало основание крупнейшему востоковеду академику В.В. Бартольд у считать кыргызов одним из самых древних народов Центральной Азии.

Кыргызы входили в состав великой гуннской империи, основанной Огуз-ханом. Сохраняя известную самостоятельность и политический вес, они активно участвовали в династийных распрях гуннов, сажая на престол своих ставленников. В 99 г. до н.э. правителем владения стал плененный гуннами китайский полководец Ли Лин. Спустя девять лет после восхождения на кыргызский престол, Ли Лин во главе кыргызов в составе гуннской армии нанес тяжелое поражение китайцам.

В середине I в. до н.э. часть кыргызов в составе гуннов переселилась на Алтай и обосновалась здесь. Эти исторические сведения также являются доказательством того, что древние кыргызы создали свое первое государство одновременно с тюркоязычными гуннами и, таким образом, стояли у истоков общетюркской государственности, являясь древнейшими носителями идеи государственности среди ныне здравствующих народов общетюркского корня.

Переселившись на Енисей, кыргызы стали играть весьма заметную роль в истории Южной Сибири. Здесь на берегах великой реки предки современных кыргызов создали раннефеодальное государство, возглавляемое народом-правителем – кыргызами, которому были подвластны другие племена.

История кыргызов в I–V вв. мало или почти совсем не освещена в письменных источниках. Лишь с помощью археологической науки доподлинно установлено, что на территории Енисея этого периода развивалась своеобразная таштыкская культура, которую сейчас отождествляют с древнекыргызской. В многочисленных памятниках, могильниках и каменных росписях этой культуры ученые обнаружили изображения людей самого разного этнического облика, разных культурных традиций, что вполне соответствует тем сложным этническим процессам, которые в это время происходили на древнем Енисее.

В середине VI в. в Центральной Азии возникло мощное государство – Тюркский каганат, сыгравший видную роль в мировой истории, а также в истории кыргызов и Кыргызстана.

Ядро тюрков сложилось в III – середине V вв. в среде центральноазиатских гуннов. Каганат играл большую роль в мировой

политике. В союзе с Византией они успешно противостояли Сасанидскому Ирану в борьбе за контроль над Великим шелковым путем.

Во времена каганата началось массовое переселение тюркских племен от Монголии до Причерноморья, что привело к ассимиляции и тюркизации местного, преимущественно ираноязычного, населения.

После распада империи в VII в. на Западную и Восточную части, столица Западного тюркского каганата находилась в г. Суяб, вблизи современного г. Токмок, являющегося областным центром Чуйской области Кыргызстана.

В политической зависимости от западных тюрков находились значительная часть Средней Азии и Восточный Туркестан. В упадок государство пришло в результате мощной агрессии новой китайской династии Тан, которая в борьбе за контроль над Великим шелковым путем сначала разгромила восточных тюрков, а затем подчинила себе и западных, установив над ними вассальный режим.

В VII в. власть в стране тюрков захватила династия тюркешских каганов. Тюркешы входили в конфедерацию «десятиплеменного» тюркского народа. Они вели активную внешнюю политику. На востоке успешно воевали с китайскими войсками, а на западе – с арабами. Они остановили арабское нашествие и освободили от них значительную часть Средней Азии (Согд, Хорезм, Тохаристан).

Столицей тюркешей был сначала г. Суяб, затем Невакет (его развалины найдены вблизи г. Бишкека у Красной речки).

Государство тюркешей развалилось в результате внутренних распрей и в середине VIII в. пало под натиском карлукских племен, основавших Карлукский каганат.

Более богатое упоминание о кыргызах относится уже к периоду раннего средневековья – VI–VII вв.

Раннесредневековое население Енисея в греческих источниках именовалось «херхис», «хирхиз», в арабских, персидских и китайских – «сяцзасы», «цзилицзисы», в древнетюркских и уйгурских, а точнее, в согдийских текстах – «кыргыз». Последний термин точно передал самоназвание народа. «Енисейские кыргызы, – как отмечали китайские источники, – были европеоидами с рыжими волосами, с румяным лицом и голубыми глазами». Они жили большими патриархальными семьями. Было развито многоженство. Носили высокие белые войлочные колпаки с загнутыми верх краями. Эта древняя этнографическая особенность головного убора сохранилась и у современных кыргызов.

Кыргызы сжигали своих покойников. Были достаточно хорошо знакомы с грамотой, о чем свидетельствует большое количество найденных письменных памятников.

Кыргызы были воинственным народом и могли выставить до 80 тыс. ополченцев, большинство из которых составляла конница, в т.ч. и закованная в латы. Кыргызские воины были отлично обучены и вооружены, в т.ч. тяжелым вооружением. Мастерство кыргызских оружейников славилось далеко за пределами страны.

Для кочевых кыргызов, не знакомых с традициями соседской общины, существовал примат родоплеменной идеи перед идеей единой государственности. Они всегда подозрительно относились к попыткам создания централизованного государства, т.к. неизбежно связывали это с возможностью усиления одного племени, одного рода в ущерб остальным. Поэтому кыргызы предпочитали системе единого государства более гибкую структуру в виде союза племен, организованных на паритетных началах и с неограниченной внутренней автономией. Такой порядок приводил к тому, что государственность как таковая у кыргызов никогда не исчезала, а трансформировалась в зависимости от политической конъюнктуры и военной необходимости в разные гибкие системы, принимая форму либо добровольного союза с другими народами, либо насильственного подчинения. Обращает на себя внимание формула, изобретенная енисейскими кыргызами, – «народ-правитель». Кыргызы были народом-правителем.

В VI–VII вв. под воздействием непрекращающейся борьбы за независимость с Тюркским и Уйгурскими каганатами у кыргызов сложилась военно-административная структура государства, возглавляемая верховным правителем ажо. Государство быстро развивалось – укреплялись и расширялись его границы, бурно развивалась экономика, процветала культура. Кыргызы знали развитое земледелие и скотоводство, были искусными ремесленниками, строили городские поселения, владели собственной рунической письменностью.

В конце VII – начале VIII вв. во главе государства енисейских кыргызов стал талантливый полководец, дальновидный дипломат и правитель Барс-бег. В 689 г., убедившись в том, что кыргызы уже стали достаточно сильными, Барс-бег принял верховный титул кагана с тронным именем Ынынчу Алп Бильге и начал освободительную борьбу своего народа против всесильного Тюркского каганата, открыто заявив претензии на установление кыргызской гегемонии в Центральной Азии.

Сделав ставку на многочисленных союзников, Барс-бег успешно отражал атаки и сам переходил в наступление. Но стал жертвой обмана и предательства. Погиб в борьбе с врагами, навечно оставшись в памяти кыргызского народа национальным героем, сложившим голову за его свободу. Тяжелым поражением завершилась очередная попытка кыргызов обрести собственную государственность и независимость.

Последующая история кыргызов была историей накопления народных сил для новой борьбы за национальную свободу.

В 820 г. кыргызский ажо снова провозгласил себя каганом и начал освободительную борьбу против тюрков. Разгромив могущественный Уйгурский каганат, ему удалось создать сильную кыргызскую кочевую империю, простиравшуюся от Байкала до Семиречья, от Томска и Красноярска до Великой китайской стены и Восточного Туркестана. Этот этап, охвативший IX–X вв., в истории получил название «Эпохи кыргызского великодержавия». «То было время, – говорил Джакып, отец легендарного кыргызского батыра Манаса, – когда в разных местах каждый из нас ходил в правителях». Но, в силу определенных исторических причин, кыргызская степная империя просуществовала недолго. В результате ожесточенной и кровопролитной войны она была вытеснена и затем покорена объединившимися и резко усилившимися монгольскими племенами. В 1207 г. енисейские кыргызы признали свою вассальную зависимость от Чингиз-хана, сохранив при этом небольшую автономию.

В 1273 г., когда почти весь континент, раздавленный и униженный монгольским нашествием, покорно лежал ниц перед новыми владыками, кыргызам снова на время удалось отвоевать свою независимость. И лишь через 20 лет, сколотив огромную армию, хан Хубилай смог ценой больших жертв и потерь восстановить монгольский контроль над непокорными кыргызами. А чтобы они никогда больше не смогли возродиться, по приказу хана был уничтожен весь цвет кыргызской аристократии. Государство енисейских кыргызов было окончательно раздавлено, а сами они растворились в составе иных тюркских племен, утратив свой первоначальный внешний облик, язык, письменность, образ жизни и материальную культуру. По своим историческим последствиям преподанный урок был страшен. С тех пор у кыргызов ушло много сил на восстановление своей аристократии, роль которой в жизни традиционного общества была очень велика. Поэтому в отличие от других народов Центральной Азии (узбеков, казахов и др.), аристократия которых переплелась тесными кровнородственными узами с династией Чингиз-хана, у кыргызской аристократии таких родственных связей попросту нет. Особенность того времени состояла в том, что, не имея кровнородственных отношений с Чингизидами, трудно было состояться как самостоятельному государственному деятелю, да и вообще претендовать на доминирующую политическую роль.

В период среднего и позднего феодализма кыргызы продолжали жить разрозненно. Автономное существование кыргызских родов и племен друг от друга, господствовавшее патриархальное хозяйство не привели к созданию устойчивых и прочных политических, экономических и культурных связей между ними, образованию своего государства. В результате этого кыргызы впадали в прямую или номинальную зависимость то от одного, то от другого соседнего государства. После развала монгольской державы кыргызы входили в состав Могулистана и Империи Тимуридов.

В XV в. часть алтайских кыргызов переселилась на завоеванный армией Тимура Тянь-Шань и прочно обосновалась на новых землях. Они ассимилировали проживающие здесь малочисленные племена и стали ядром новой этнической общности – тянь-шаньских кыргызов.

В новый период своей истории жизнь кыргызского народа не стала легче, чем в предыдущие. Они попали в окружение сильных народов и племен, объединенных в кочевые и земледельческие государства феодального типа, как Могулистан, Джунгарское и Казахское ханства, государство Шейбанидов, каждое из которых в борьбе за господство пыталось привлечь кыргызов на свою сторону, подчинить их национальные интересы своим претензиям на гегемонию.

В начале XVI в. борьбу кыргызов против моголов и Шейбанидов возглавил предводитель иссык-кульских кыргызов Мухаммед-Кыргыз. Враги называли его «падишахом кыргызов». Его борьба за объединение кыргызских племен в единое кочевое государство, хотя, в конечном счете, и не увенчалась успехом, тем не менее, обеспечила ему большое признание как среди самих кыргызов, так и среди его противников.

В XVIII в. в борьбе против джунгарских и кокандских завоевателей прославился еще один кыргызский родоначальник Кубат-бий. Его активную политическую, дипломатическую и военную деятельность в Фергане, Тянь-Шане и Восточном Туркестане современники и позднейшие исследователи рассматривали как очередную попытку объединения всех кыргызов в единое централизованное государство. Но и на этот раз попытка не удалась.

Установление первых дипломатических связей кыргызов с Россией восходит к концу XVIII в., к так называемой эпохе Атаке-бия – авторитетного кыргызского родоправителя, первым из кыргызских вождей инициировавшего процесс сближения с этой могущественной евроазиатской сверхдержавой. К поиску надежных, сильных и добрых покровителей кыргызов вынуждали такие внешние и внутренние обстоятельства, как наличие многочисленных и воинственных соседей, отсутствие единства между кыргызскими родами и племенами, неспособность существовавших внешних «покровителей» и «сюзеренов» обеспечить мир и спокойствие в кыргызских кочевьях. Мотивируя присоединение Кыргызстана к России, советская официальная пропаганда постоянно и настойчиво стремилась убедить, что кыргызы в XVII–XVIII вв. представляли собой слабый и беспомощный народ, обреченный на вымирание и не имеющий никакой исторической перспективы. Вместе с тем умалчивалось, что кыргызы были гордым и воинственным народом, большая часть истории которого проходила в постоянных войнах и военных походах; народом, для которого война на протяжении многих веков превратилась в образ жизни.

Но всему бывает свой предел. Исчезли с лица планеты более многочисленные народы и могущественные империи. Как дым

растворилось величие древних персов, ассирийцев, египтян, македонцев, римлян, гуннов, монголов, турок-сельджуков... Бесконечные войны, которые велись этими народами, нанесли непоправимый урон их генофонду, ибо войны всегда отнимают самых лучших и сильных. Временный упадок сил в то время переживал и кыргызский народ, который со II в. до н.э. неустанно боролся за свое самосохранение и самовывживание.

Общая усталость и угроза физического уничтожения подвигла наиболее дальновидных правителей кыргызов задуматься над исторической судьбой своего народа и предпринять для его сохранения все возможное и невозможное.

Но и в этом свете дипломатические инициативы Атаке-бия обрести российское покровительство явились для кыргызов нестандартным геополитическим решением, ибо кыргызы не имели с Россией общих границ. Не было ничего общего ни в этническом прошлом, ни в менталитете, ни в культуре, языке и религии. Для многих поколений кыргызских вождей было всегда привычным искать сюзеренов среди ближайших соседей – таких же азиатов, как и они. Так было всегда, однако такие союзы не приносили ожидаемых результатов – ни долгожданного мира, ни покоя, ни стабильности. Более того, у самих «покровителей» – китайских, кокандских, бухарских и т.д., в собственных домах тоже было неспокойно. В этом ряду внешних опекунов Россия казалась более предпочтительным союзником, которая де-юре и де-факто обеспечит безопасность кыргызских родов и племен. Во-вторых, Россия виделась вождям кыргызов (и не только им) не столь алчной и жестокой державой, как, например Цинский Китай, Кокандское ханство, которые не скрывали своих намерений поработить местное население, захватить ресурсы и богатства покоренных народов, их земли и пастбища. Эти политические иллюзии, в частности, подогревались декларативными правами и свободами, дарованными императорской Россией родственным казахам, первыми в Центральной Азии начавшими вползать в «российское подбрюшье». Например, по Степному положению 1822 г. казахи по своему статусу были приравнены к государственному крестьянам. Им сохранялись пастбища, право вершить свои законы и обычаи, они освобождались от рекрутской повинности, телесных наказаний, им разрешалось иметь гражданские паспорта, частную собственность, поступать в вузы и на государственную службу, переходить из сословия в сословие, в т.ч. и дворянское. Хотя многое из обещанного так и осталось лишь декларацией, выглядело это очень привлекательно.

Кыргызским правителям также импонировало в России то, что своим подобием она была как бы федеративным государством, состоявшим из ряда автономий и полуавтономий, протекторатов и вассалитетов (Царство Польское, Великое княжество Финляндское, Калмыцкое,

Дагестанское, Казахское ханства и др.), права которых были скреплены договорными обязательствами.

Статус протектората, очень отдаленного территориально от этнической России, вселял в кыргызских вождей надежду на то, что таким путем они, во-первых, обретут долгожданное спокойствие и мир; во-вторых, сохранят былую самостоятельность и свободу, наивно полагая, что метрополии будет некогда заниматься внутренними проблемами кыргызов.

Однако этот оптимизм не разделяли южнокыргызские правители, вовлеченные в активную борьбу за кокандский престол. Многонациональное Кокандское ханство южные кыргызы, как и многие другие входящие в империю народы, рассматривали как свое исконное государство. Поэтому южные кыргызы активно стремились вовлечь в эту борьбу и северных собратьев, т.к. это увеличивало удельный вес и участие кыргызов в управлении Кокандом. И их политические амбиции успешно реализовывались. Они входили в правящую элиту ханства и занимали в ней доминирующие места, активно участвуя в борьбе за престолонаследие. Правитель Алая Алымбек-датка добился в Кокандском ханстве высшего положения, став главным визирем (премьер-министром) имперского двора, оказывая судьбоносное влияние на политическую историю всего Центральноазиатского региона. Используя преимущества своего сановного положения, Алымбек стремился объединить северных и южных кыргызов под эгидой единого ханства.

Кокандцам все-таки удалось покорить северных кыргызов, но идея объединения, осуществленная с помощью военного насилия, так и не получила поддержки северных родов. Поэтому южные кыргызы, в отличие от северных, оказали русским войскам отчаянное сопротивление, защищая Кокандское ханство, как свое родное государство.

Здесь уместно сделать некоторое отступление. Известно, что Кыргызстан и кыргызы делятся на Север и Юг. Приводится множество доводов политического, экономического, культурного характера, объясняющих это разделение и, как проклятье, не позволяющих объединиться кыргызам в одну нацию, в один народ. Безусловно, имеет место и то, и другое. Южные кадры в советское время всегда как бы незаслуженно ущемлялись, сюда меньше направлялось финансовых и материальных ресурсов и потоков, регионы были разделены труднодоступными горами, что мешало развитию внутренних межродовых и межплеменных связей и т.п. Но, как видно из вышесказанного, для такого раскола есть и исторические предпосылки. Южный Кыргызстан всегда входил в состав благодатной земледельческой Ферганской долины, которая и в древние, и в средние века являлась эпицентром формирования оседло-земледельческой культуры, восточных деспотий с соответствующим образом жизни, поведенческой, политической и

религиозной культурой, национальным менталитетом, который активно формировался под влиянием оседлых народов – узбеков и таджиков. В отличие от них, северные кыргызы жили относительно самостоятельно и свободно, тесно общались с такими же кочевыми и свободными народами, как и они сами – казахами, джунгарами и т.п. Они условно либо формально входили в состав соседних деспотических государств. Это влияние ограничивалось больше выплатой символических налогов и подарками. В остальных же вопросах северные кыргызы не испытывали какого-либо давления и притеснения со стороны государства. Продолжали жить по своим традиционным родоплеменным правилам и обычаям. С вхождением в состав России северные кыргызы подверглись большей русификации, нежели южные. Поэтому разделение страны на Север и Юг – это не политическая, а больше культурная и географическая проблема, острота которой спадет по мере развития демократических и рыночных процессов.

Северные кыргызы добровольно вошли в состав России и помогли ей уничтожить Кокандское ханство. Со временем царская Россия расстроила все планы кыргызской аристократии на самостоятельную перспективу. Очень скоро они были превращены в типичных жителей российских восточных колониальных владений, управляемых армией имперских наместников. История в который раз подтверждала мудрость, что в природе не бывает добрых или плохих колонизаторов. В составе Российской империи тоже не произошло официального оформления «кыргызского ханства». Присоединив к себе Коканд, Россия провела здесь административно-территориальную реформу. На месте бывшей империи было создано огромное Туркестанское генерал-губернаторство, а исконные земли кыргызов были поделены между тремя ее областями: Семиреченской, Ферганской и Сыр-Дарьинской. Результатом такой «интеграции» с Российской империей в 1916 г. стало восстание кыргызов, при подавлении которого они потеряли треть своей численности. На своей родной земле кыргызов стали именовать «инородцами» и «туземцами».

Так рухнули романтические надежды кыргызских родоплеменных правителей о равноправном и самостоятельном развитии в составе Российской империи. Исторические закономерности развития колониальной системы оказались на порядок коварнее и бесчеловечнее всяких хитроумных народоспасительных идей и конструкций кыргызских родоправителей. Присоединение кыргызов к России положило конец попыткам государственного самоопределения. Новый режим не допускал ни малейшей мысли о возможности развития национальной государственности кыргызов. Но и в этих условиях идея национально-государственного возрождения в народе не умирала. Особенно ярко она проявилась в трагические дни 1916 г., когда ущемленный, униженный и ограбленный кыргызский народ поднялся на вооруженную борьбу против царского режима. Это восстание с особой силой вызвало стремление

народа к обретению своего независимого кыргызского государства. Наиболее ярким выразителем этого стремления стал родовой вождь кочкорских сарыбагышей Канат Абукин, провозглашенный восставшими кыргызскими манапами кыргызским ханом.

Появление на политической карте мира кыргызского национального государства связано с началом XX в. Это был век, когда время, казалось, стремительно ускорило свой бег, разительно быстро преобразая облик планеты. Начало века ознаменовалось многими научными и техническими открытиями. Появились электричество, телефон, радио, кинематограф, автомобили, искусственные ткани. Широкою грудью планеты сдавили обручем железные дороги. В воздух поднялись первые летательные аппараты. Началось массовое производство машин и вещей.

Начало XX в. стало также временем бурных социальных катаклизмов – революций, империалистических и национально-освободительных войн. От летаргии и социальной спячки освобождались десятки и сотни народов, которым колониализм и империализм отказал в праве на историческое творчество. Все эти инновации эхом отзывались даже в самых глухих колониальных провинциях России. В разных частях огромной многонациональной империи остро встал национальный вопрос. В отличие от западных областей, где к началу XX в. сформировались достаточно сильные национальные движения, выступавшие за восстановление государственной независимости Украины, Польши, Финляндии, Литвы, Эстонии и Латвии, в восточных провинциях России набирало силу движение за автономию в составе демократической России. Под этими разными тенденциями лежала, конечно же, разная материальная и культурная база, могущая обеспечить или не обеспечить полноценное и свободное функционирование борющихся за свою свободу народов.

В результате империалистической войны и октябрьского переворота значительной части западных провинций удалось уйти из-под колониальной опеки Москвы.

В состоянии эйфории независимости Украина и Белоруссия пробыли почти пять лет. Это состояние закончилось в декабре 1922 г. с образованием СССР, который складывался посредством взаимооплетающих военных, политических, экономических договоров, союзов и соглашений. Все это осуществлялось под идейным лозунгом общности революционной судьбы и необходимости совместного отпора силам империализма, сохранения диктатуры пролетариата, построения социализма и т.п. Спустя время этот добровольный и равноправный союз государств превратился в оплот несвободы, крепостничества и тоталитаризма.

В ходе революционного процесса и гражданской войны в восточных национальных провинциях возникли современные республики

Центральной Азии – Кыргызстан, Казахстан и др. Но не все было так просто и легко. Борьба за национальную государственность порой приобретала драматические масштабы. Большевиками были разогнаны автономные государства и их правительства – Кокандская автономия, Крымская директория, Татаро-Башкирская автономия, Автономия Алаш и т.п., во главе которых стояли представители местной интеллигенции и национальной буржуазии. Взамен были созданы марионеточные автономии и правительства Туркестанской АССР, Казахской АССР, Татаро-Башкирской АССР и др. Справедливости ради отметим, что в предреволюционные и первые послереволюционные годы в понятие «автономия» местная политическая элита вкладывала несколько иной смысл, чем в сталинские времена. Например, Туркестанская АССР имела собственную регулярную армию, чеканила свои деньги, самостоятельно вела внешнеполитические дела и была независима от Москвы в вопросах внутренней жизни.

В 1924 г. Туркеспублика и «независимые народные советские республики» Бухара и Хорезм по инициативе ЦК РКП(б) были преобразованы в пять национально-государственных образований – союзных республик, автономных республик и автономных областей. Кыргызстан стал автономной областью. В центральном архиве страны сохранился любопытный документ, где кыргызские руководители просили ВЦИК наделить свою автономию правами союзной республики и дать ей полную самостоятельность в решении внутренних вопросов. Вот такими были кыргызские «автономисты».

Кыргызстан, как и вся страна, прошел через молох гражданской войны, коллективизации и массовых политических репрессий, в результате которой погибли многие выдающиеся сыны кыргызского народа.

События февраля, а затем октября 1917 г. выдвинули на политическую авансцену много известных национальных политиков, которые взвалили на себя всю тяжесть ответственности за судьбу своего народа.

В их числе следует в первую очередь назвать имя кыргызского Атаюрка – Абдыкерима Сыдыкова, еще в 1921 г. первым инициировавшего вопрос о предоставлении кыргызам своей национальной государственности в составе РСФСР. Именно благодаря его неимоверным усилиям и политическому искусству Кыргызстан не был включен в состав соседней Казахской АССР и была образована самостоятельная Киргизская автономная область.

В 1926 г. Кыргызстан обрел статус автономной республики, а в 1936 г. стал союзной республикой. В этом деле национального строительства вокруг нее объединились такие выдающиеся личности национальной истории и политики, как Юсуп Абдрахманов, Ишеналы Арабаев, Иманалы Айдарбеков, Абдыкадыр Орозбеков, Дали

Зульфийбаев, Таш Худайбергенов, Садык Чонбашев, Касым Тыныстанов и многие другие. Все они были осуждены и погибли в годы сталинских репрессий. По предварительной статистике (точной статистики нет. – З.К.), сталинскими опричниками было уничтожено около 10 тыс. человек самых разных национальностей. Кыргызы же повторно, как и после резни, учиненной монгольским ханом Хубилаем в XIII в., лишились своей национальной элиты. От трагических последствий этих событий Кыргызстан не может оправиться по сию пору.

Но прав у новообразованной Киргизской ССР, одной из республик СССР, фактически было меньше, чем у некогда автономной области. Таким образом, борьба за суверенитет в конечном итоге была сведена к сталинской модели автономизации, где не было места ни личной, ни национальной свободе. А из этого следовало, что в будущем следует ожидать новую волну роста национального самосознания, что становилось очевидным по мере выравнивания уровней экономико-культурного развития национальных республик и массового охвата населения образовательной сетью. В который раз история подтверждала, что в мире нет идеи ценнее, чем идея национальная. Но следующие зерна борьбы за национальный суверенитет должны были упасть на более благодатную почву.

Затем была Великая Отечественная война и массовый героизм, строительство социализма и коммунизма. Кыргызстанцы в войну потеряли свыше 100 тыс. человеческих жизней.

С началом горбачевской перестройки в СССР вновь стали набирать силу нереализованные исторические тенденции. Лидерами в борьбе за национальный суверенитет стали прибалтийские республики, сумевшие ценой огромных усилий добиться своего. В 1989 г. они друг за другом объявили о восстановлении своей государственной независимости.

Процесс суверенизации, который КПСС запоздало попытался спланировать и подчинить своему контролю, вышел за пределы формально разрешенного Москвой движения. В то время, когда национальный вопрос до крайности обострился и продолжал накаляться в западных провинциях СССР, среднеазиатские республики, после жестокого подавления национального возмущения казахского народа в декабре 1986 г., все еще пребывали в состоянии политической спячки и застоя. Казалось, они вполне удовлетворены разрешительно-ограничительной концепцией КПСС «О суверенитете в рамках обновленного Союза». О большем восточные марионеточные режимы, занявшие выжидательную позицию, и не помышляли.

Эту тактику спячки и выжидания в Кыргызстане прорвала самиздатовская брошюра «Неизвестная республика», которая вызвала озлобленную реакцию местного партийного руководства. Благодаря официальной реакции на эту книжицу, Кыргызстан в одночасье стал самой известной среднеазиатской республикой СССР. Эффект

воздействия брошюры на массы оказался двойным. С одной стороны, удалски была высечена местная партийная номенклатура, ярко продемонстрировавшая нежелание демократических преобразований. С другой стороны, была пристыжена демократическая общественность Кыргызстана, продолжавшая по инерции развивать «кухонную демократию» и не желавшую публично являть себя свету. Сыграв роль внешнего катализатора, брошюрка прибавила решимости демократам, которые стали объединяться и требовать своего признания со стороны официальных властей. Так, в республике родилось первое подобие общенационального движения – Демократическое движение Кыргызстана (ДДК), в открытую вставшее в оппозицию к существующему режиму. Движение, из недр которого впоследствии вышли первые партии республики, сыграло большую роль в демократизации Кыргызстана и подъеме национального самосознания.

Все республики, за исключением неговорчивой Прибалтики, казалось, морально были подготовлены к подписанию нового союзного договора, если бы не августовский (1991 г.) военно-партийный путч в Москве. Это событие и последующие «беловежское соглашение», «алма-атинская декларация» окончательно оформили распад СССР и образование на его территории 12 независимых государств. Независимость, обычно завоевываемая в тяжелых муках и трудах, в изматывающей и подчас кровопролитной войне с метрополией, стала для политической элиты коренных народов Центральной Азии неожиданным подарком. Таким образом, почти полувековая, полная счастливых и драматических коллизий история интеграции с Россией завершилась коллапсом и провозглашением в 1991 г. государственной независимости Кыргызстана. Обе стороны признали, что совместное проживание в одном государстве отныне нецелесообразно.

Сейчас Кыргызстан переживает четвертую волну интеграции с Россией. Чем закончится история на этот раз – пока никому неизвестно. Будет ли новый союз подобием европейской модели или история свернет на привычную колею, где снова не будет подлинного суверенитета, покажет время.

История предоставила кыргызстанцам уникальную возможность познать самих себя, свои способности, оценить свое место и роль в мировой цивилизации. Кем мы там предстанем – искусными мастерами национального древа или подмастерьями, списывающими с чужих полотен? Состоимся ли мы как нация и государство или обречены быть вечными странниками в поисках приюта в чужом доме?

За годы демократических реформ Кыргызстан внешне очень изменился. В стране ликвидированы очереди и тотальный товарный голод. Но среди изобилия импорта трудно найти отечественную вещь. Стало больше дорогих супермаркетов, первоклассных ресторанов и казино, крутых иномарок. Но также стало больше нищих и бродяг, и среди

них немало детей. Страна стала открытой. Улицы полны иностранных гостей. Добрая половина кыргызстанцев уже знает о загранице не понаслышке. Другая же часть не менее успешно осваивает городские мусорные свалки.

Страна обзавелась новой Конституцией (1993 г.), новой государственной символикой, президентом, премьер-министром, постоянно действующим парламентом, Конституционным судом. Появились собственное Министерство иностранных дел и Министерство обороны, губернаторы и мэры, сельские управы, национальная гвардия, политические партии, дипкорпус и генералитет, класс предпринимателей и т.д. Все эти диковинные «заморские вещи» разительно отличают постсоветский Кыргызстан от советского, когда вся страна была наводнена серой и унылой сетью парткомов, советов и чекистами. Более раскрепощенной стала духовная и гражданская жизнь. Рекордно выросло число высших учебных заведений, средств массовой информации. Молодежь получила возможность обучаться в иностранных вузах. Однако и здесь есть немало проблем, связанных с отсутствием у большинства финансовых средств, расцветом коррупции, падением престижа интеллектуального труда, интеллектуальной серостью и примитивизмом, крушением морали и т.п.

В первые годы независимости Кыргызстан пользовался заслуженной репутацией самой свободной и демократической страны в Центральной Азии. Однако в конце прошлого и начале нынешнего столетия произошел процесс постепенного сползания в сторону авторитаризма, отход от конституционных сдержек и противовесов в пользу чрезмерных полномочий президента. Нарушались права человека, принцип свободных выборов, свобода развития политических партий и движений, свобода СМИ и независимость правосудия. В результате государственные органы и государственная служба, суды и правоохранительные органы были парализованы коррупцией и профессиональной некомпетентностью, не выполняли своих уставных функций, преследовали граждан и предпринимателей, вместо того чтобы защищать их права и свободы.

Развитие Кыргызстана в период после обретения независимости во многом определялось теми ресурсами и теми проблемами, которые были даны ему природой и которые он унаследовал от СССР. К наиболее существенным стартовым условиям, повлиявшим на развитие страны, можно отнести замкнутое географическое положение Кыргызстана, удаленность от основных мировых центров экономического и социального развития; индустриально-аграрная структура экономики с преобладанием крупных предприятий, находящихся в тесной (чрезмерно) зависимости от партнеров в других республиках СССР и от всесоюзного бюджета, очень часто ориентированных на потребности военно-промышленного комплекса бывшего СССР и неспособных выпускать другую,

конкурентоспособную продукцию; отсутствие большого количества легко извлекаемых и экспортируемых природных ресурсов; отсутствие в республике многих институтов, присущих независимому государству (центральный банк, пограничная служба, таможня и др.); отсутствие у абсолютного большинства граждан опыта жизни и деятельности в новой, независимой стране в условиях демократии и рыночной экономики.

В первые годы независимости действие этих фундаментальных факторов наложило на последствия политической и макроэкономической нестабильности (межэтнические конфликты, инфляция, острый дефицит потребительских товаров и т.д.), сопровождавшей последние годы существования СССР и в полной мере затронувшей Кыргызстан.

Распад СССР, прекращение субсидий из Москвы, резкий скачок цен и рост транспортных издержек, необходимость решать совершенно новые задачи, с которыми столкнулись государство и граждане, привели к серьезным социально-экономическим испытаниям и последствиям. Кыргызстан пережил гиперинфляцию и значительный экономический спад, потеряв в совокупности около половины ВВП и три четверти промышленного производства. В экономике стал превалировать сектор сельского хозяйства и сферы услуг, особенно торговля. Падение уровня реальной заработной платы и социальных выплат, безработица, незнание правил жизни в условиях рыночной экономики привели к росту бедности, охватившей более половины населения Кыргызстана. Нищета и ощущение нестабильности стимулировали довольно значительную эмиграцию населения из страны. Заметно ухудшилось функционирование систем образования, здравоохранения, культуры и других важнейших компонентов социальной сферы.

В эти годы происходила интенсивная адаптация государственных органов и граждан к жизни в новых условиях. Важнейшим достижением этого периода было сохранение в республике политической стабильности, чему в огромной степени способствовал принятый правительством и поддержанный народом курс на реформы, на построение в Кыргызстане демократии и рыночной экономики, на строительство государственных институтов, поддержание мира и согласия внутри страны, открытость внешнему миру и сотрудничество с международными организациями развития.

Реформы, активно проводившиеся в госструктурах, в экономике, социальном секторе, позволили к середине 1990-х годов создать основные государственные институты, возобновить экономический рост, достичь первичной макроэкономической стабилизации, предотвратить полный коллапс социальной сферы. В результате приватизации предприятий, распада колхозов и внешнеэкономической либерализации возник обширный частный сектор, в основном состоящий из микро-,

малых и средних предприятий, оформились новые социальные группы – предприниматели, крестьяне-фермеры, торговцы (в т.ч. «челноки»).

К сожалению, эти реформы не всегда были последовательными и всеобъемлющими. Государственный бюджет оставался несбалансированным, многие структурные реформы (приватизация, реструктуризация инфраструктурных отраслей и пр.) не были завершены, социальные обязательства оставались непомерно большими и совершенно невыполнимыми в полном объеме, функционирование государственных органов было недостаточно прозрачным и эффективным и сопровождалось широкомасштабной коррупцией. Все это снижало устойчивость социально-экономической системы страны и привело к финансовому кризису 1998-1999 гг., имевшему достаточно тяжелые последствия – рост бедности, макроэкономическая дестабилизация, появление проблемы внешнего долга и др.

В последние годы социально-экономическая ситуация в стране несколько улучшилась, хотя на фоне динамично развивающихся Казахстана, России и некоторых других стран СНГ успехи Кыргызстана выглядят достаточно скромно. Главным фактором прогресса в стране за эти годы стала адаптация многих граждан страны к современным условиям, в результате чего они нашли свое место в новых реалиях и оказались способны принять на себя ответственность за благосостояние своих семей.

Обеспечению социально-экономического развития страны в значительной степени способствовала и гораздо более ответственная экономическая и социальная политика, выразившаяся в обуздании инфляции, создании благоприятного налогового режима для малого и среднего бизнеса в торговле и сфере услуг, проведении сложных реформ в здравоохранении и др. Это рациональное направление государственной политики противоречивым образом сочеталось с нараставшей и становившейся очевидной неэффективностью государственного устройства и деятельности большинства государственных институтов, что, в конце концов, привело к революционным событиям весны 2005 г.

За всеми новыми переменами в стране, как известно, стоят конкретные личности, люди. Лозунг известного тирана «Кадры решают все!» в этом смысле имеет для Кыргызстана особое значение. Именно «кадры» в немалой степени определяли и будут определять темпы, глубину, смелость и последовательность проводимых демократических преобразований.

Первому Президенту независимого Кыргызстана Аскарму Акаеву, избранному на этот пост в 1990 г., историей был отведен почти пятнадцатилетний срок, чтобы заложить основы современной государственности, демократии и рыночной экономики. Однако впечатление от первых лет его успешной деятельности в этом направлении было омрачено последними годами его правления,

сопряженными с бесконечными конституционными изменениями, направленными на отход от демократических принципов и укрепление режима личной власти. Четыре раунда изменений, инициированные Президентом А. Акаевым за 15 лет своего правления, осуществлявшиеся путем проведения референдумов, подорвали легитимность существующей Конституции и привели к концентрации государственной власти в руках президента.

Следствием этого стал отход от многих демократических завоеваний, развитие коррупции, криминализация общества и сращивание криминальных кругов с государственным аппаратом, бесконечное вмешательство членов семьи Президента А. Акаева в управление государством и собственностью, бессистемные шарахания во внешней и внутренней политике, господство двойных стандартов, ограничение прав и свобод человека, преследование инакомыслия и политической оппозиции, падение жизненного уровня широких слоев населения и усиление недовольства народа политикой правящего режима. Все это, в конечном счете, привело к революционному взрыву 24 марта 2005 г., непосредственным поводом к которому послужили нечестные и несправедливые выборы в Жогорку Кенеш (парламент) Кыргызской Республики. Выдающийся мыслитель Алексис де Токвиль предупреждал, что каждый человек, начинающий реформы, должен знать, что они чреватые революцией.

После революционных событий марта 2005 г. Кыргызстан вновь оказался на поворотном пункте своей истории. Успешное сопротивление общества авторитарным тенденциям открыло уникальное окно возможностей для проведения широкомасштабной политической реформы, которая потенциально может помочь модернизировать государственную и экономическую систему и повысить ее эффективность. Второй раз в истории независимого Кыргызстана появился шанс построить истинно демократическое, правовое и открытое внешнему миру государство, с полноценной рыночной экономикой, генерирующей устойчивый экономический рост и постепенно снижающей уровень бедности. Однако это только шанс, а не гарантия успеха, и от того, как этим шансом воспользуется кыргызское общество и новое руководство страны, будет зависеть судьба Кыргызстана (а возможно, и целого региона) в ближайшие несколько лет.

Существует твердое убеждение, что отсутствие именно политических возможностей для проведения более глубокой реформы неэффективного постсоветского государства было главным фактором, сдерживавшим экономические и социальные преобразования не только в Кыргызстане, но и практически во всех остальных странах СНГ.

После мартовской революции 2005 г. в Кыргызстане было сформировано временное правительство во главе с лидером революции Курманбеком Бакиевым. 10 июля 2005 г. он был всенародно избран

новым Президентом Кыргызской Республики. Еще раньше в стране по инициативе Жогорку Кенеша и гражданского общества было учреждено конституционное совещание, которое призвано разработать пакет новых конституционных поправок, предотвращающих возможность установления в республике авторитарного и коррумпированного строя.

В настоящее время перед новым руководством страны стоят сложные задачи, вытекающие из сложившейся ситуации. Бедность сократилась, но все еще велика. Достигнута макроэкономическая стабилизация, однако о долгосрочной стабильности говорить не приходится, т.к. экономика весьма уязвима к внешним шокам. Проблема внешнего долга потеряла прежнюю остроту, но не исчезла. В основном сформировалась новая экономическая структура, базирующаяся на принципах рыночной экономики, но в то же время сохранились значительные сегменты, особенно связанные с участием государства в экономике, остро нуждающиеся в дальнейших рыночных реформах. Многие государственные органы функционируют неэффективно и поражены коррупцией. Социальный сектор работает почти в прежнем объеме, однако качество предоставляемых услуг значительно упало.

За прошедшие годы Кыргызстан накопил большой опыт реформ и добился важных результатов. Тем не менее, с точки зрения долгосрочных перспектив, стране предстоит столкнуться с серьезными вызовами развитию, которые нельзя игнорировать. В сфере государственного управления накопились наиболее острые проблемы. Постепенный отход от демократических стандартов, концентрация государственной власти в руках президента, манипуляция выборным процессом, многочисленные нарушения прав человека и ограничение свободы СМИ препятствовали модернизации государственного управления. В свою очередь, неэффективные государственные институты, громоздкое и дорогостоящее административно-территориальное деление, нестабильность законодательства, широко распространившаяся коррупция и погоня чиновников за рентой уже стали главными барьерами для развития экономики страны и решения ее социальных проблем. Дальнейшее запаздывание с реформой государства в направлении повышения его эффективности, прозрачности и подотчетности обществу Кыргызстана чревато огромным риском сползания страны в число несостоявшихся государств, характеризующихся хронической бедностью и нестабильностью.

В экономике остро стоит вопрос диверсификации источников экономического роста. Прежние себя во многом исчерпали. Повышение производительности экономики, ее интеграция в мировую экономическую систему и улучшение доступа к международным рынкам, снижение трансакционных издержек за счет снижения регулятивного бремени и улучшение функционирования рынков совершенно необходимы для достижения устойчивого экономического роста.

В социальной сфере сохраняется огромный разрыв между обширными формальными обязательствами государства, во многом унаследованными еще с советских времен, и имеющимися довольно ограниченными ресурсами. Нынешнее положение дел неустойчиво и не сможет сохраняться долгое время. Без принятия решительных мер социальный сектор будет постепенно деградировать.

Кыргызстан расположен не в самом благополучном и безопасном регионе мира, его социально-экономическое положение связано с внешним миром многими нитями и весьма уязвимо к внешним шокам и угрозам безопасности. В этих условиях главной гарантией устойчивого развития страны является осознание и правительством, и гражданами необходимости реализации ответственной политики, соответствующей новым вызовам и новым возможностям развития страны. Такая ответственная политика должна состоять в том, чтобы не уклоняться от решения назревших проблем развития страны, а идти на тщательно продуманные, скоординированные, быть может, непопулярные реформы. При этом совершенно необходимо разъяснять всем слоям общества необходимость и неотложность этих реформ, их соответствие долгосрочным интересам страны, пагубность продолжения инерционной политики.

Новым кыргызским реформаторам-революционерам отведен незначительный срок, ибо общество не может жить вечно в состоянии стресса. Историки и политологи единодушно считают, что в состоянии стресса легче проводить преобразования, добиваться реализации «прорывных» решений. Имитация же реформ, полумеры лишь усугубляют кризисное состояние общества.

Революционные события марта 2005 г. открыли уникальное окно возможностей для проведения глубокой политической реформы с целью демократизации государства, повышения эффективности, прозрачности и подотчетности основных государственных институтов и создания эффективных гарантий прав и свобод граждан. Реализация этой задачи требует комплексных и последовательных действий, включая внесение изменений в Конституцию, судебную, административную и территориальную реформы, децентрализацию государства, повышение прозрачности работы государственных институтов и радикальную борьбу с коррупцией. На этом пути реформ, и это вполне объективно, будет встречаться множество трудностей. Сложно строить свободное демократическое общество в несвободной стране. Во многом успех или неуспех предстоящих мероприятий зависит также от политической воли правящей элиты, на которой по праву лежит основная ответственность за реализацию курса демократических и рыночных реформ.

Литература

- История Киргизской ССР. В 3-х томах. - Фрунзе: Илим, 1968-1974.
- Очерки истории Коммунистической партии Киргизии. – Фрунзе: Кыргызстан, 1976.
- Лубченков Ю. Все полководцы мира. Древний мир. Средние века. Издательство «Вече», 2001.
- Шахермайер Ф. Александр Македонский. М.: Наука, 1984.
- Шифман И.Ш.Александр Македонский. Л.: Наука, 1988.
- Аджи М. Кипчаки. М., 1994.
- Воропаева В., Джунушалиев Д., Плоских в. История Отечества. Краткий курс лекций по истории Кыргызстана. Бишкек: Илим, 2002.
- Койчуев Т., Мокрынин В., Плоских в. Кыргызы и их предки. Бишкек: Главная редакция кыргызской энциклопедии, 1994.
- Курманов З. Вехи борьбы за государственную независимость кыргызов и Кыргызстана. Сб. научн. тр. юрид. ф-та КРСУ. Вып. 5. Бишкек, 1999.
- Он же. Особенности исторического сознания и социального поведения кыргызов начала XX века/Сб. ст. Вып.1. Бишкек: Фонд Сорос-Кыргызстан, 1996.
- Он же. Парламентские выборы в Кыргызстане 2005 года и крах политического режима А. Акаева//Центральная Азия и Кавказ. 2005. № 3.
- Он же. Политическая борьба в Кыргызстане: 20-е годы. Бишкек: Илим, 1997.
- Курманов З., Садыков Э. Абдыкерим Сыдыков – личность и история. Бишкек: Шам, 2002.
- Кыргызы и Кыргызстан: опыт нового исторического осмысления. Бишкек: Илим, 1994.
- Маанаев Э., Курманов З. Национальная интеллигенция Кыргызстана периода своего становления: Общественно-политическая роль, судьба. Бишкек: КГПУ, 2000.
- Плоских В., Курманов З., Бегалиев С., Ногойбаева Ч. Абдыкерим Сыдыков – национальный лидер. Бишкек: Кыргызстан, 1992.
- Плоских в. Манас не признал себя виновным. Бишкек: Илим-Табылга, 1994.
- Тридцать седьмой год в Киргизии (Возвращенные имена)/Сб. ст. и очерков. Фрунзе: Кыргызстан, 1991.
- У истоков кыргызской национальной государственности. Бишкек: Илим, 1997.

24 марта 2005 г.: «Народная революция?»/Сб. ст. Бишкек: Илим, 2005.

История Бухарской и Хорезмской народных советских республик. - М.,1971.

Тойнби А. Постижение истории. - М.: Прогресс, 1990.

Карр Э. История Советской России. - Т. 1-2.- М.: Прогресс, 1990.

Карр Э.Х. Русская революция от Ленина до Сталина. 1917-1929. - М.: Интер-Версо, 1990.

Шапиро Л. Коммунистическая партия Советского Союза. - Лондон, 1990.

Рыскулов Т. Восстание туземцев Туркестана в 1916 г. //Восстание казахов и киргизов в 1916 г.- Лондон, 1989.

DIE GESCHICHTE KIRGISISTANS

Die Herausbildung der Kirgisen als Stamm, Ethnie und Volk erfolgte in den Ländern der weitläufigen Region Mittelasiens, wo schon seit alten Zeiten wichtige Handelsrouten zwischen Europa und Asien, zum Atlantik und Pazifik verliefen. Im Laufe der jahrhundertelangen Geschichte erlebten die Kirgisen sowohl glückliche Ereignisse als auch schwierige Zeiten. Sie wurden erobert und besiegt, machten ihre Feinde zu Steppenstaub und erhoben sich mehrmals erneut aus Schutt und Asche.

Die auf historische Tatsachen gestützten Untersuchungen zeigen auf, dass die Entwicklung der kirgisischen Ethnie ein permanenter und vielseitiger Vorgang war, der mit der Herausbildung vieler anderer Völkerschaften und Stämme zusammenhängt: Dazu gehören die Skythen (Saken), Kimmerer, Sarmaten, Usunjen, Iraner, Hellenen, Sogdiener, Hunnen, Chinesen, und Mongolen, mit denen sich unsere Vorfahren im Laufe der Entwicklung in großen und kleinen Nomadenhorden, für Koalitionen und Staatsbündnisse zusammenschlossen.

Die Wurzeln des kirgisischen Volkes liegen in grauer Vorzeit, und ethnographisch gesehen sind die Kirgisen eines der ältesten Völker in Mittelasien. Davon zeugen die zahlreichen archäologischen Funde und uralte chinesische, griechische, persische, türkische, uigurische und arabische Überlieferungen.

Die ältesten Spuren menschlichen Lebens im Gebiet des heutigen Kirgisistan stammen aus der frühen Steinzeit. Vor 40.000 Jahren war dieses Territorium schon besiedelt. Hier wurden Stein- und Knochenwerkzeuge gefertigt, Metall erz abgebaut, Bronze gegossen. Es gibt einige archäologische Fundstätten, wo petrographische Zeichen, Ockerfelszeichnungen mit der Darstellung von Menschen, Tieren und Episoden aus dem Alltagsleben zu finden sind. Weitverbreitet war die Viehhaltung, die Rinder- und Pferdezucht. Das weit bekannte Nationalgetränk des kirgisischen Volkes – «Kumys», gegorene Stutenmilch wurde vor dreitausend Jahren hier erfunden.

In der Stein- und Bronzezeit lebten die Stämme in diesen Gegenden in blutsverwandtschaftlichen Sippengemeinschaften. Durch anthropologische Forschungen wurde festgestellt, dass die ersten Menschen in Kirgisistan Europoiden waren und eine indoeuropäische Mundart sprachen.

Zu Beginn der menschlichen Zivilisation im 1. Jahrtausend v. Ch. lebten die Saken auf dem Territorium Kirgisistans – ein großer Stammesverband der mittelasiatischen Szythen. Sie werden auch als Hethiter bezeichnet. Die Reste der Sakenkultur sind in Form von großen Grabhügeln und Siedlungsruinen erhalten. Die meisten von ihnen befinden sich im Tal des Issyk-Kul-See und in Ketmen-Tübe.

Die Saken waren auch Europoide und sprachen eine der iranischen Mundarten. Die Kultur der Saken ist durch starke Matriarchatstraditionen gekennzeichnet. Im 5. Jh. v. Chr. besiegte das Heer der Sakenkönigin Tomiris die 200.000 Mann starke Armee von Kyros des Grossen mit einem vernichtenden Schlag. Und der Begründer des mächtigen Achämenidenreiches, Kyros der Grosse, der als unbesiegbarer Heeresführer galt, fiel in diesem Kampf durch den Hieb eines Sakenkriegers.

Im 3. Jh. v. Ch. widerstanden die Saken den Angriffen von Alexander dem Großen am Syrdarja. Historischen Überlieferungen zufolge war diese Schlacht gegen die Saken weder politisch noch militärisch zweckmäßig. Sinnlos waren auch die Feldzüge von Alexander dem Grossen in die kahlen und dünnbesiedelten Steppen. Alexander der Grosse war ein ausgezeichnete Kenner der Kriegsgeschichte und ein Schüler von Aristoteles und wusste, dass sein Held Kyros der Grosse von den Saken getötet wurde. Deshalb wollte er sich selbst auf die Probe stellen. Doch nach der tollkühnen und vernichtenden Schlacht gegen die Kavallerie der Saken entschied Alexander der Große, der damals bereits fast das ganze Asien erobert hatte, sein Schicksal nicht weiter herauszufordern und leitete seine Armee nach Indien um.

Während der vier Kriege zwischen den Griechen und Persern, die von den Achämeniden entfesselt wurden, erlitten die Perser eine Niederlage. Doch während der zwei entscheidenden Schlachten bei Marathon und Plathenen wurde die berühmte griechische Phalanx von der persischen Armee zerschlagen. Nur wegen der Massenflucht der persischen Hauptarmee mussten die Saken abziehen und den Sieg den Griechen überlassen.

Zum kirgisischen Volk gehört auch der vielköpfige Stamm der Sajaken. Ethnografen stellten fest, dass die Kirgisen ethnisch unmittelbar mit dem Stamm der Saken verwandt sind. Die These scheint noch überzeugender, wenn man in Betracht zieht, dass verschiedene Stämme zu den Kirgisen gehören, deren Name alleine schon den Beweis dafür liefert, z.B., «Kalmaken» (Kalmyken), «Kитайer» (Chinesen), «Mogoldoren» (Mongolen), «Kyptschaken» (Kipschaken, Polowzer) und andere.

Die Eroberungen Alexanders des Großen hinterließen bemerkenswerte Spuren in der Geschichte des Orients. Nach dem Zerfall seines großen Reiches entstanden in den Gebieten, wo traditionelle orientalisch-despotische Staaten dominierten, die hellenischen Staaten, die zu den Vorposten einer neuen antiken Zivilisation und Kultur wurden. Verwirklicht wurde der Traum Alexanders des Großen, Europa und Asien mit unzähligen Fäden der politischen, wirtschaftlichen und kulturellen Zusammenarbeit zu verbinden. Diese Zivilisation hatte jedoch nur formell Einfluss auf die Kultur und den Lebenswandel der nomadisch lebenden Saken aus.

Im 2. Jh. v. Ch. wurden die Sakenstämme durch einen mächtigen Stammesverband farsisprachiger Nomaden, die Usunen, besiegt. Der Usunen-Staat existierte bis zum 4. Jh. v. Ch. und war ein früher Klassenstaat mit starken Sippen-traditionen. Die Usunen betrieben vorwiegend Rinderzucht und

etwas Ackerbau. Sie hatten eigene sesshafte Ansiedlungen. Die Lebensweise und die Kultur der Usunen war größtenteils der Kultur und der Lebensweise der Saken und der Hunnen, dem ältesten der türkischen Stämme, ähnlich.

Der Staat der Usunen wurde vom Kunbag (Herrscher) und dem Rat der Ältesten regiert. Die Staatsmacht wurde vererbt. Die von Saken gegründete Stadt Tschigu am Issyk-Kul-See war der Sitz des Kunbag. Im Lande praktizierte man die Sklaverei, die Polygamie und das Levirat.

Die Usunen waren ein kriegerisches Volk und verfügten über ein Heer aus 100 bis 180.000 Reitern. Anfang des 1. Jh. n. Ch. vereinigten sich die Usunen mit dem Xiang-Reich gegen die Hunnen und besiegten sie. Allerdings bedeutete dieser Sieg für die Usunen den eigenen Untergang. Doch nach dem Sieg über den gemeinsamen Gegner mischten sich die Chinesen latent in innere Angelegenheiten des Usunenreiches ein, um dynastische Fehden innerhalb der Usunen-Aristokratie zu entfachen. Schließlich erlangte der chinesische Kaiser das Recht, die Kunbagen zu ernennen und zu entlassen, der heimischen Elite Adelstitel zu verleihen sowie innen- und außenpolitische Entscheidungen alleine zu treffen. All das führte zuerst zu einer Krise und danach zum Zusammenbruch des Usunenreiches.

Seit dem 2. Jh. v. Ch. existierte im Ferganatal, wo sich der südliche Teil des heutigen Kirgisistan befindet, der antike Sklavenhalterstaat Davan mit etwa 70 kleinen und großen Städten. Die Hauptstadt Erschu zählte um die 300.000 Einwohner.

Bewässerungs-Ackerbau, Handwerk, Handel und Pferdezucht schufen die Hauptvoraussetzungen für die wirtschaftliche Entwicklung dieser Region. Das Land wurde durch seine «Himmelreiter» im ganzen Asien berühmt.

An der Spitze des Staates standen die Königsdynastie und der Rat der Ältesten. Die Davaner sprachen eine der östlichen Mundarten der iranischen Sprache.

Im Jahre 101 v. Ch. wurde Davan von den Chinesen erobert, die die Große Seidenstraße kontrollieren wollten. Bald darauf gewann das Land seine Unabhängigkeit wieder. Im 5. Jh. n. Ch. wurde Fergana zum Bestandteil des Reiches von Ephtalieten, und Mitte des 6. Jh. eroberten die Türken dieses Reich.

Doch die Völker, die ihren Staat Kirgisistan nannten, lebten damals weit von ihren heutigen Siedlungsgebieten entfernt. Erstmals wurde dieses Volk ethnographisch als «Kirgise» um 201 v. u. Z. in chinesischen Chroniken als «He-Hun» oder «Han-Hun» (in der chinesischen Transkription) erwähnt. Dieses uralte Volk hatte seinen Staat nach Auffassung von Archäologen in der Westmongolei, vermutlich in der Nähe des Kirgis-Nur-Sees. Auf Grund dieser historischen Erkenntnisse zählt der Orientalist W. Bartolt die Kirgisen zu den ältesten Völkern Mittelasiens.

Die Kirgisen gehörten dem Hunnenimperium an. Sie beteiligten sich sehr aktiv an den dynastischen Fehden der Hunnen. Dennoch waren sie relativ

selbständig, spielten eine bedeutende Rolle in der Politik und stellten eigenen Kandidaten als Thronnachfolge auf.

Mitte des 1. Jh. v. Ch. besiedelte ein Teil der Kirgisen zusammen mit den Hunnen den Talkessel Minussin im Altaigebiet. So ist anzunehmen, dass das erste Kirgisenreich gleichzeitig mit dem Reich der turksprachigen Hunnen entstand. Somit stellten sie Ursprung und Quelle des gemeinsamen türkischen Staatswesens dar und waren die Träger der Staatsidee unter den heute lebenden turkstämmigen Völkern.

Eine bedeutende Rolle in der Geschichte Südsibiriens spielte die Abwanderung der Kirgisen ins Einzugsgebiet des Jenissei. Am Ufer dieses Flusses wurde von den Vorfahren der heutigen Kirgisen ein frühfeudaler Staat gegründet. Die anderen Stämme in diesem Gebiet wurden von den Kirgisen kontrolliert.

Für die Zeit zwischen dem 1. und dem 5. Jh. gibt es nur wenige schriftliche Überlieferungen zur Geschichte der Kirgisen. Doch mit archäologischen Untersuchungen konnte nachgewiesen werden, dass die einzigartige taschtykische Kultur im Gebiet des Jenissei entstand, die heute mit der uralten Kultur der Kirgisen identifiziert wird. An zahlreichen historischen Denkmälern, in Begräbnishügeln und Schriften wurden die Darstellungen von Menschen mit unterschiedlichen ethnischen Gesichtszügen und kulturellen Merkmalen entdeckt, die mit komplexen ethnischen Entwicklungen in diesem Gebietsraum zu erklären sind.

Mitte des 4. Jh. entstand in Mittelasien ein mächtiges Reich – das türkische Khaganat, das eine große Bedeutung in der Weltgeschichte und auch in der Geschichte der Kirgisen und Kirgisistans besitzt.

Die Turkvölker bildeten sich zwischen dem 3. und dem 4. Jh. innerhalb der zentralasiatischen Hunnen heraus. Im Kampf um die Kontrolle über die Große Seidenstraße leisteten sie im Bündnis mit Byzanz erfolgreichen Widerstand gegenüber dem von den Sassaniden regierten Iran.

In den Zeiten des Khaganats begann die Massenübersiedlung der türkischen Stämme aus der Mongolei in die Gegenden am Schwarzen Meer. Dies führte zur Assimilation und Turkisierung der einheimischen, vorwiegend iranischsprachigen Bevölkerung.

Im 7. Jh. wurde das Imperium in den West- und den Ostteil zersplittert. Die Hauptstadt des westtürkischen Khaganats befand sich in der Stadt Sujab, die neben der heutigen Stadt Tokmok im Gebietszentrum des Tschui-Gebiets in Kirgisistan lag.

Ganz Mittelasien und Ostturkestan waren von den Westturken politisch abhängig. Durch die vernichtenden Angriffe der chinesischen Dynastie Tjin wurden zuerst die Ostturken und danach die Westturken zerschlagen und entmachteter. Die Vasallenwirtschaft wurde eingeführt.

Im 7. Jh. übernahm im türkischen Reich die Dynastie von Türgesch-Khan die Macht. Die Türgeschen gehörten dem «Zehnstämmigen Bündnis»

des Turkvolkes an und betrieben eine wirksame Außenpolitik. Sie führten erfolgreiche Kriege gegen chinesische Truppen im Osten und gegen die Araber im Westen. Sie besiegten die Araber und befreiten den größten Teil Mittelasiens (Sogd, Choresm, Tucharistan) von der arabischen Herrschaft. Hauptstadt wurde zuerst die Stadt Sujab, später Newaket, dessen Ruinen nahe der heutigen Stadt Bischkek am Krasnaja-Fluß ausgegraben wurden. Doch der Staat zerfiel wegen innerer Fehden. Mitte des 8. Jh. wurde der Türgesch-Staat von den Karlukenstämmen erobert und wurde zum Karluken-Khaganat.

Ausführlichere Erwähnungen der Kirgisen gab es erstmals im frühen Mittelalter, im 7. und 8. Jh.

Die frühmittelalterliche Bevölkerung im Jenissei-Gebiet wurde in den griechischen Chroniken als «Herkis», in den arabischen als Hirkis, in den persischen als Sjzassy, in den urturkischen und uigurischen als Zsilisisy und als Kirgis in den sogdischen Schriften bezeichnet. Der letzte Begriff verlied dem Volk den heutigen Namen, die Kirgisen. Die Kirgisen aus dem Jenisseigebiet, waren nach chinesischen Überlieferungen Europoide «mit roten Haaren, rotwangig und mit blauen Augen».

Sie lebten in großen patriarchalischen Familien, die Polygamie war weit verbreitet. Die uralte ethnografische Besonderheit der Kopfbedeckung, der weiße Filzhut mit nach oben gekrempelten Rändern, ist bis heute erhalten. Die Verstorbenen wurden verbrannt. Die Kirgisen konnten lesen und schreiben, das ist durch eine große Anzahl von ausgegrabenen Schriften nachgewiesen.

Das kirgisische Heer hatte bis zu 80.000 Soldaten, der größte Teil war Kavallerie. Kirgisische Krieger waren gut ausgebildet und ausgerüstet. Sie verfügten sogar über schweres Geschütz. Die Kunst der kirgisischen Waffenschmieden war weit über die Landesgrenzen hinaus bekannt. Die nomadisierenden Kirgisen, denen die Kultur der Nachbargemeinden unbekannt war, hielten Versuche der Errichtung eines zentralisierten Staates für suspekt, denn sie glaubten, dass dadurch eine Sippe oder ein Stamm mehr Vorteile als der andere bekommen würde. Der festen Staatsordnung zogen die Kirgisen deshalb eine flexible Gesellschaftsstruktur in Gestalt von Stammesverbänden vor, die auf Gleichberechtigungsprinzipien mit unbegrenzter Innenautonomie basierte. Die Staatlichkeit an sich war in der kirgisischen Gesellschaft ständig präsent, dennoch verwandelte sie sich je nach politischer Situation und Kriegsgefahr in unterschiedliche flexible Systeme. Bemerkenswert ist der von den Jenisseikirgisen erfundene Begriff des «regierenden Volkes», und die Kirgisen waren wirklich ein Volk, das regierte.

Infolge des ununterbrochenen Kampfes gegen türkische und uigirische Khaganate bildete sich eine militär-administrative Staatsstruktur unter der Führung des Hauptherrschers, des «Adsho» heraus. Der Staat entwickelte sich rapide, wuchs territorial und erreichte eine wirtschaftliche und kulturelle Blütezeit. Die Kirgisen betrieben Ackerbau und Viehzucht, waren geschickte Handwerker und bauten Stadtsiedlungen. Sie hatten ihre eigene Runenschrift.

Ende des 7., Anfang des 8. Jh. wurde das Jenisseireich vom begabten Feldherrn, weitsichtigen Diplomaten und Herrscher Bars-Beg regiert. Unter seiner Führung begann der Befreiungskampf der Kirgisen gegen das mächtige türkische Khaganat mit dem Ziel, eine kirgisische Herrschaft in Mittelasien zu erreichen.

Bars-Beg, der auf zahlreiche Verbündete hoffte, schlug erfolgreich zurück und griff selbst an. Er wurde Opfer einer Intrige und ist in das Gedächtnis des Volkes als nationaler Held eingegangen, der für die Freiheit des kirgisischen Volkes sein Leben geopfert hatte.

Im Jahre 820 erklärte sich der kirgisische «Ascho» erneut zum Khagan und begann den Befreiungskampf gegen die Turken. Nach der Zerschlagung des mächtigen uigurischen Khagans gelang es ihm, ein mächtiges Nomadenreich zu errichten, das sich vom Baikalsee bis zum Semieretschje, von Tomsk und Krasnojarsk bis zur Großen Chinesischen Mauer und bis Ostturkestan erstreckte. Dieser Zeitraum zwischen dem 9. und dem 10. Jahrhundert ist in die Weltgeschichte als «Epoche der kirgisischen Großmacht» eingegangen. «Das war die Zeit, als jeder von uns an vielen Orten der Erde herrschte», sagte der Vater des legendären kirgisischen Kriegers Manas. Doch innerhalb kurzer Zeit brach diese Steppenmacht zusammen. Während eines erbitterten und blutigen Krieges wurde das Reich zuerst verdrängt und danach durch die erstarkten mongolischen Stämme erobert. Im Jahre 1273 wurden die Jenisseikirgisen zu Vasallen des mongolischen Herrschers Dschingis Khan, doch gelang es ihnen, sich etwas Autonomie zu bewahren.

1273 erlangten die Kirgisen für kurze Zeit ihre Unabhängigkeit wieder, während fast der ganze durch mongolische Überfälle zerstörte und erniedrigte Kontinent den Mongolen zu Füßen lag. Erst nach 20 Jahren konnte Khan Hubilai mit zahlreichen Opfern und Verlusten die mongolische Herrschaft über die ungehorsamen Kirgisen erlangen. Auf seinen Befehl hin wurde die kirgisische Elite vernichtet, damit die Kirgisen nie mehr als Volk wiederaufstehen konnten. Dadurch brach das kirgisische Reich endgültig zusammen, und die Kirgisen verschmolzen mit den türkischen Stämmen. Das kirgisische Volk verlor seine ursprüngliche Erscheinung, die Sprache und die Schrift, die Lebensordnung und die Kultur. Seit dieser Zeit steckten die Kirgisen viel Kraft und Mühe in die Wiederaufstehung ihrer Herrschaftskultur, deren Rolle im Leben einer traditionellen Gesellschaft bedeutend war. Im Vergleich zu den anderen Völkern Mittelasiens (Usbeken, Kasachen und anderen), deren Aristokratie Herrscher durch enge blutverwandtschaftliche Fesseln mit der Dynastie von Dschingis Khan verflochten war, hatte die kirgisische Aristokratie solche Blutverwandtschaftsbeziehungen einfach nicht. In der Zeit des mittel- und spätfudalen Reiches lebten die Kirgisen wie früher weit voneinander getrennt. Das autonome Leben der Sippen und Stämme und eine patriarchalische Wirtschaftsführung ermöglichten es, zeitweilige, oder aber nachhaltige politische, ökonomische und kulturelle Beziehungen

herzustellen. Infolge dessen waren die Kirgisen direkt oder indirekt bald von dem einem, bald von einem anderen Nachbarstaat abhängig. Nach dem Zusammenbruch des mongolischen Großreiches wurden die Kirgisen zu einem Bestandteil Mogulistans und des gewaltigen Imperiums der Dynastie von Timuriden.

Im 15. Jahrhundert zog ein Teil der Kirgisen aus dem Altaigebiet in das von Tamerlans Heeren verwüstete Gebiet des Tienschan und besiedelte dieses Territorium auf lange Zeit. Die Kirgisen assimilierten die hier lebenden Stämme und wurden zum Kern der neuen ethnischen Gemeinschaft.

Das Leben des kirgisischen Volkes war weiter schwierig. Die Nachbarstaaten – starke feudale Nomaden- und Ackerbaustaaten wie Mogulistan, die Khanate Dschungar und Kasach – versuchten im Kampfe um die Vorherrschaft in dieser Region die Kirgisen auf ihre Seite zuziehen.

Anfang des 16. Jh. initiierte Muchamed-Kirgis, der Anführer der issykulischen Kirgisen, einen Befreiungskampf gegen die Mogulen und Schaibaniden. Von seinen Feinden wurde er als Padischah bezeichnet. Obwohl sein Kampf um die Vereinigung kirgisischer Stämme mit dem Ziel der Errichtung eines einheitlichen Nomadenreiches erfolglos war, wurde er sowohl von den Kirgisen, als auch von seinen Gegnern akzeptiert.

Im Befreiungskampf gegen die dschungarischen und kokandischen Eroberer wurde im 18. Jh. noch ein anderer kirgisischer Stammesvater, Kabat-Biy, berühmt. Seine aktive Tätigkeit als Politiker, Diplomat und Krieger in Fergana, Tienschan und Ostturkestan wird von den Historikern als ein weiterer Versuch betrachtet, ein einheitliches zentralisiertes Reich zu errichten, in dem sich alle Kirgisen zusammenschließen konnten. Dieser Versuch scheiterte allerdings auch diesmal.

Die Aufnahme erster diplomatischer Beziehungen zu Russland geht auf das Ende des 18. Jh. und die sogenannte Epoche von Attak-Biy zurück, der ein hochgeschätzter kirgisischer Stammesvater war. Er initiierte den Annäherungsprozess an diese mächtige euroasiatische Supermacht. Probleme im In- und Ausland, zahlreiche militante Nachbarstaaten, Fehden zwischen den kirgisischen Sippen und Stämmen, und die Unfähigkeit fremder «Gönner», dem kirgisischen Volk Frieden- und Wohlstand zu sichern, zwangen die Kirgisen, nach einem zuverlässigen, starken und gutmütigen Beschützer zu suchen. Die offizielle sowjetische Propaganda versuchte ständig und hartnäckig, alle davon zu überzeugen, dass die Kirgisen ein schwaches, hilfloses, zum Aussterben verurteiltes Volk ohne jede Zukunftsaussichten waren. Zugleich wurde verschwiegen, dass die Kirgisen ein stolzes und tapferes Volk waren, dessen Geschichte über mehrere Jahrhunderte aus Kriegen und Feldzügen bestand. Doch größere Völker und mächtigere Imperien verschwanden spurlos vom Planeten. Die Reiche der alten Perser, Assyrier, Seldschukentürken, Ägypter, Mazedonier, Römer, Hunnen, Mongolen u. a. löste sich auf. Durch die von diesen Völkern geführten endlosen Kriege ging wertvolles kulturelles Erbe unwiederbringlich verloren.

Durch Kriege werden immer die Besten und die Stärksten genommen. Das kirgisische Volk befand sich in dieser Zeit auch in einem zeitweiligen Niedergang, denn es wurde gezwungen, vom 2. Jh. v. Ch. unermüdlich um seine Selbsterhaltung und sein Überleben zu kämpfen.

Die Gefahr der totalen Vernichtung zwang die weitsichtigsten kirgisischen Herrscher, über das historische Schicksal ihres Volkes nachzudenken und für dessen Überleben zu kämpfen.

Doch auch in diesem Sinne sind die diplomatischen Initiativen von Atacke-Biy, eine Schutzherrschaft Russlands anzustreben, für die Kirgisen als eher ungewöhnliche geopolitische Lösung einzustufen, denn Kirgisistan hat keine Grenze mit Russland. Auch gab es nichts Gemeinsames, weder in der Volksgeschichte noch in der Mentalität, Kultur, Sprache und Religion. Über mehrere Generationen war es bei den kirgisischen Führern üblich, nach Protektoren bei ihren nächsten Nachbarn zu suchen. Doch durch diese Bündnisse kam es nicht zum langersehnten Frieden, zur erhofften Ruhe und Stabilität für das kirgisische Volk.

Stattdessen führten die Schutzmächten China, Kokand und Buchara ständig selbst Kriege und somit schien Russland als bevorzugter Verbündeter, der de jure und de facto den kirgisischen Sippen und Stämmen den Frieden bringen könnte. Zumal schien Russland den kirgisischen Führern auch nicht so gierig und brutal zu sein, wie z.B. das China der Thienyngastie oder das Khanat von Kokand, die keinen Hehl daraus machten, dass sie sich sämtliche Ressourcen, Reichtümer, das Land und die Weideflächen der eroberten Völker einverleiben wollten. Diese politischen Illusionen der Kirgisen wurden obendrein von den deklarierten Rechten und Freiheiten gespeist, die den Verwandten Kasachen vom russischen Reich gewährt wurden. Die Kasachen hatten sich als erste unter Russlands Rock verkrochen. Laut der Steppenverordnung von 1822 wurden die Kasachen ihres Rechtsverhältnisses nach den Bauern zugerechnet. Sie hatten auch das Recht Weideflächen zu besitzen, nach eigenen Gesetzen und Bräuchen zu leben und sie waren von der Wehrpflicht und körperlichen Züchtigung befreit. Erlaubt wurden Bürgerpässe, Privatbesitz, Hochschulstudium, Berufung zu öffentlichen Ämtern, Standeswechsel und sogar die Adelstitel. Diese deklarierten Rechte schienen sehr attraktiv, obwohl die meisten von ihnen nur auf dem Papier bestanden.

Den kirgisischen Herrschern imponierte es, dass Russland ein föderaler Staat war und aus mehreren Autonomien, Halbaunomien, Protektoraten und Vasallenstaaten (Königreich Polen, Finnisches Großfürstentum, Khanate von Kalmyken, Dagestanern und Kasachen u. a.) bestand, deren Rechte verbrieft waren. Die kirgisischen Stammesführer hofften daher, dass ihr weit von Russland entferntes Land als dessen Protektorat einerseits die lang ersehnte Ruhe und den Frieden finden und andererseits selbständig und frei bleiben würde. Sie glaubten naiv, dass das russische Reich keine Zeit haben würde, sich mit internen Problemen der Kirgisen zu befassen.

Die um den Thron von Kokand kämpfenden Herrscher Südkirgisistans teilten dagegen diese Meinung und diesen Optimismus ganz und gar nicht. Die südlichen Kirgisen wie viele andere Völker des Imperiums hielten das multinationale Khanat Kokand für ihr ursprüngliches Reich. Deshalb versuchten die Südkirgisen, ihre nördlichen Volksbrüder in die Einflussssphäre des Khanats einzubeziehen, um dadurch die in der Landesregierung vertretene Anzahl der Kirgisen zu erhöhen. Das gelang, und sie gehörten zur Elite des Khanates und nahmen an Kämpfen um das Erbe des Thrones aktiv teil. Der Alai-Herrscher Alymbek-Datka erreichte die höchste Position in der Regierung und wurde zum Premierminister ernannt. Er übte einen wesentlichen Einfluss auf die politische Entwicklung der zentralasiatischen Region aus. So versuchte er, die Nord- und die Südkirgisen in einem einheitlichen Khanat zu vereinigen.

Den Kokandern gelang es, sich die Nordkirgisen zu unterwerfen. Doch die Vereinigungsidee, die durch militärische Gewalt durchgesetzt wurde, fand keine Unterstützung bei den Nordstämmen. Im Gegensatz zu den Nordkirgisen leisteten die südlichen Kirgisen vehementen Widerstand gegen die russische Kolonisation. Sie verteidigten das Khanat Kokand wie ihr eigenes Vaterland. Hier ist folgender Exkurs angebracht: Es ist bekannt, dass Kirgisistan und die Kirgisen sich in den nördlichen und den südlichen Teil untergliedern. Es gibt viele politische, ökonomische und kulturelle Gründe, die diese Teilung der Kirgisen und die Unmöglichkeit einer einheitlichen Nationenbildung erklären. So wurden die Führungskräfte aus dem Süden in der Sowjetzeit stets benachteiligt, der südliche Landesteil war wesentlich schlechter gestellt und bekam weniger finanzielle Unterstützung. Außerdem sind die beiden Landesteile durch schwer zugängliche Berge voneinander getrennt, was die Kommunikation und Beziehungen zwischen den Sippen und Stämmen aus dem Süden und dem Norden Kirgisistans behinderte.

Es gibt natürlich auch eine Reihe von historischen Gründen. Das südliche Kirgisistan war immer ein Bestandteil des landwirtschaftlich geprägten Fergana-Tals, das zum landwirtschaftlichen Zentrum im Altertum und dem Mittelalter wurde. Hier lebte die sesshafte Bevölkerung mit einer eigenen Lebensweise, politischen und religiösen Kultur sowie nationaler Mentalität und stand unter dem Einfluss anderer sesshafter Völker wie der Usbeken und der Tadschiken. Das Leben der Nordkirgisen unterschied sich von dem der Südkirgisen durch relative Selbständigkeit, Freiheit und den engen Umgang mit den nomadisierenden und Völkern der Gegend, den Kasachen, den Dschungaren und anderen. Formell galt der kirgisische Norden als Teil der jeweiligen benachbarten Herrschaftsbereiche, deren Einfluss sich jedoch nur auf die Erhebung symbolischer Steuern beschränkte. Ansonsten waren die nördlichen Kirgisenstämme frei von Einmischung und Unterdrückung seitens des Staates. Sie konnten nach ihren eigenen Traditionen in Sippen und Stämmen leben. Mit der Angliederung an Russland gerieten die Nordkirgisen in eine stärkere Abhängigkeit von der russischen Kultur als die Südkirgisen. Dementsprechend ist die Gliederung des Landes in den Nord- und den Südteil

kein politisches, sondern mehr ein kulturelles und geographisches Problem, das im Laufe der Entwicklung der Demokratie und der Marktwirtschaft gelöst werden muss.

Die Nordkirgisen schlossen sich freiwillig Russland an und beteiligten sich an der Vernichtung des Khanates Kokand. Das zaristische Russland vereitelte die Absichten der kirgisischen Herrscher, sich künftig selbständig zu entwickeln. Bald verwandelten sie sich in die typischen Bewohner der russischen Ostkolonien, die von Russland entsandten Stadthaltern regiert wurden. Das «kirgisische» Khanat wurde als Bestandteil des russischen Imperiums nicht offiziell anerkannt. Nach der Annexion Kokands führte Russland eine administrativ-territoriale Reform durch. Anstatt des ehemaligen Reiches entstand das riesige Turkestanische Gouvernement und das angestammte Land der Kirgisen wurde zwischen drei Verwaltungsgebieten aufgeteilt: Semiretschensk, Fergana und Syrdarja. Gegen diese «Integration» in das Russische Reich wehrten die Kirgisen sich im Jahre 1916. Der Aufstand wurde kaltblütig niedergeschlagen, ein Drittel der kirgisischen Bevölkerung starb. In der eigenen Heimat wurden die Kirgisen als «Fremdlinge» bezeichnet.

So starben die romantischen Hoffnungen der kirgisischen Sippen- und Stammesherrscher auf eine gleichberechtigte und selbständige Entwicklung im Schosse des russischen Imperiums. Die historischen Gesetzmäßigkeiten kolonialer Systeme erwiesen sich als unmenschlicher als alle ausgeklügelten Ideen der Rettung, die kirgisische Stammesoberhäupter ausgeheckt hatten. Die Angliederung Kirgisistans ans russische Reich nahm den Kirgisen das Recht auf Selbstbestimmung. Das neue Regime unterdrückte alle Pläne für einen kirgisischen Staat, doch auch unter diesen Voraussetzungen starb die Idee der Widergeburt eines Nationalstaates nie. Insbesondere stand diese Idee während der tragischen Tage des Jahres 1916 im Raum, als das unterdrückte, ausgeplünderte, benachteiligte kirgisische Volk sich gegen das Zarenregime erhob. Dieser bewaffnete Aufstand war Sinnbild der Selbstaufopferung des Volkes, um einen eigenen unabhängigen kirgisischen Staat errichten zu können. Der wichtigste Vertreter dieser Bewegung war der Stammesführer der kotschorischen Sarybagysch-Stämme, Kanat Abukin, der vom kirgisischen Volk zum kirgisischen Khan erklärt wurde.

Anfang des 20. Jh. tauchte der kirgisische Staat erstmals auf der politischen Weltkarte auf. In dieser Zeit erwachten viele Völker aus der Lethargie, denen der Kolonialismus und der Imperialismus die eigene Geschichtsschreibung versagte. Die Kunde von diesen Bewegungen drang bis in die entlegensten kolonialen Provinzen Russlands vor. In unterschiedlichen Regionen des riesigen sowjetischen multinationalen Imperiums verschärften sich die nationalen Probleme. In den westlichen Kolonialgebieten gab es besonders Anfang des 20. Jh. starke nationale Befreiungsbewegungen, die für die Wiederherstellung der staatlichen Unabhängigkeit der Ukraine, Polens, Finnlands, Litauens, Estlands und Lettlands eintraten. In den östlichen

Kolonialprovinzen Russlands strebte die Bewegung eine Autonomie innerhalb des demokratischen Russlands an. Diese zwei verschiedenen Philosophien sind durch unterschiedliche materielle und kulturelle Voraussetzungen dieser Regionen zu erklären.

Infolge des Krieges und der Oktoberrevolution gelang es einem bedeutenden Teil der Westprovinzen, sich von der Moskauer Vormundschaft zu befreien. Fast fünf Jahre lang schwelgten die Ukraine und Weißrussland in der Euphorie. Spätestens mit der Gründung der UdSSR, die durch gegenseitige militärische, politische und ökonomische Abkommen zustande kam, war dieser Euphoriezustand beendet. All das geschah im Namen des gemeinsamen Widerstandes gegen die imperialistischen Kräfte, der Aufrechterhaltung der Diktatur des Proletariats und des Aufbaus des Sozialismus. Jahre später wurde diese freiwillige und gleichberechtigte Union der Staaten in ein Bollwerk der Unfreiheit, der Leibeigenschaft und des Totalitarismus verwandelt.

Im Laufe der Revolution und des ihr folgenden Bürgerkrieges entstanden in den östlichen Nationalprovinzen die ehemaligen Republiken Mittelasiens, Kirgisistan, Kasachstan und andere, mit teils dramatischen Kämpfen um die nationale Staatlichkeit. Die Bolschewiki lösten die autonomen Staaten und ihre Regierungen, Kokand, Krim, die Tatarisch-Baschkirische autonome Region, die Allasch-Autonomie und andere auf und gründeten an ihrer Stelle autonome Marionettenrepubliken und ihre Regierungen: Turkestan, Kasachstan, Tatarstan, Baschkiristan und andere. Es muss betont werden, dass die politische Elite den Begriff «Autonomie» in der Vorrevolutionszeit und in den ersten Jahren nach der Revolution anders als in Zeiten Stalins definierte. So verfügte beispielsweise die Autonome Sowjetische Sozialistische Republik Turkestan über eine eigene reguläre Armee und das Prägerecht, sie pflegte selbständig außenpolitischen Beziehungen und war auch in den innenpolitischen Angelegenheiten von Moskau unabhängig.

1924 wurden die Turkestanische Republik und die «unabhängigen» sowjetischen Volksrepubliken Buchara und Choresm auf Initiative des Revolutionskomitees der bolschewistischen Partei in fünf rechtlose territoriale Gebilde mit den Namen «sozialistische Sowjetrepublik», «autonome sozialistische Sowjetrepublik» oder «autonome Region» umgewandelt. In einem Schriftstück des kirgisischen Zentralarchivs bitten die kirgisischen Regierungsmitglieder das zentrale sowjetische Exekutivkomitee, der kirgisischen Autonomie die Rechte einer «vollen» Unionsrepublik und Selbständigkeit bei der Lösung innerer Angelegenheiten zu gewähren. Kirgisistan erlebte alle Schrecken des Bürgerkrieges mit, während der Kollektivierung und der politischen Repressalien kamen viele hervorragende Söhne des kirgisischen Volkes ums Leben.

Im Zuge die Revolutionen im Februar und danach im Oktober betraten viele bekannte nationale Politiker die politische Bühne, die auch die schwere Last der Verantwortung für das Schicksal ihres Volkes auf sich luden.

Der kirgisische «Atatürk» Abdykerim Sadykow bemühte sich bereits 1921 als erster um den nationalen Staat der Kirgisen innerhalb der Russischen Sowjetischen Föderativen Republik. Dank seiner Anstrengungen und politischer Finesse wurde Kirgisistan nicht an die kasachische autonome Region angegliedert, sondern blieb als kirgisische Autonomie selbstständig.

1926 erhielt Kirgisistan den Status einer Autonomen Republik und wurde 1936 zur Unionsrepublik befördert. Am Aufbau der nationalen autonomen Republik nahmen Persönlichkeiten der nationalen Geschichte und Politik teil, wie Jusup Abdurachmanow, Ischenakly Arabajew, Imanady Aiderbekow, Abdykadyr Orosbekow, Dali Sulfibajew, Tasch Chudaibergenow, Sadyk Tschunbaschew, Kasym Tynystanow und viele andere. In den Jahren des stalinistischen Terrors wurden sie verurteilt und kamen ums Leben. Nach groben Schätzungen wurden über 10.000 Menschen verschiedener Nationalitäten hierzulande von den Stalin-Schergen umgebracht. Die Kirgisen hatten erneut, wie einst nach dem vom mongolischen Khan Chubilai im 13. Jahrhundert befohlenen Gemetzel, ihre nationale Elite verloren. Von diesen tragischen Ereignissen hat sich Kirgisistan bis heute nicht erholt.

Die neu gegründete Kirgisische Sowjetrepublik, eine Republik der Sowjetunion, war rechtlich sogar noch stärker benachteiligt, als das einstige kirgisische autonome Gebiet. Während der Stalinzeit gab es keinen Raum für persönliche oder nationale Freiheit. Ergebnis war jedoch, dass eine neue Welle der Rückbesinnung auf die nationale Identität aufkam.

Danach kam der Zweite Weltkrieg begleitet vom Aufbau des Sozialismus und des Kommunismus. In diesem Krieg kamen 100.000 Kirgisen ums Leben.

Mit dem Beginn von Gorbatschows Perestroika verstärkte sich erneut der nicht verwirklichte Wunsch nationaler Unabhängigkeit der Kirgisen. Anführer in diesem Kampf um die nationale Souveränität waren die baltischen Republiken. Im Jahre 1989 erklärten sie ihre staatliche Unabhängigkeit.

Die Unabhängigkeitsbestrebungen, die die KPdSU zu spät unter Kontrolle zu bringen versuchte, sprengten den Rahmen der von Moskau genehmigten Unabhängigkeitsbewegung. Als sich die nationale Frage in den westlichen Sowjetrepubliken der UdSSR verschärfte, befanden sich die mittelasiatischen Republiken im Zustand politischer Lethargie und Stagnation. Ein Grund dafür war auch die brutale Niederschlagung des Aufstandes des kasachischen Volkes im Dezember 1986. Die zentralasiatischen Sowjetrepubliken schienen sich völlig mit dem KPdSU-Konzept «Über die Souveränität im Rahmen der erneuten Union» zufrieden zu geben. Die östlichen Marionettenregimes, warteten ab und wagten von einer Souveränität nicht einmal zu träumen.

Durch die Samisdat-Broschüre «Die unbekannte Republik» gelang es letztendlich, den Schlafzustand und die abwartende Haltung zu durchbrechen. Diese Broschüre wurde von der lokalen Parteiführung verbissen kritisiert. Dank der Reaktionen auf dieses Büchlein verwandelte sich Kirgisistan blitzschnell in die bekannteste mittelasiatische Sowjetrepublik. Die Broschüre hatte eine

Doppelwirkung: Einerseits wurde die gegen die Demokratisierung eintretende lokale Parteienomenklatur meisterhaft kritisiert, andererseits beschämte man die demokratischen Kreise, die ihre «Wohnzimmerdemokratie» weiter praktizierten und keine Veranlassung zeigten, sich der Öffentlichkeit vorzustellen. Die Broschüre wirkte als Katalysator: Die Demokraten traten offensiver auf und begannen sich zu vereinigen, um die offizielle Macht zur Anerkennung zu zwingen. Als Folge entstand die erste kirgisische Volksbewegung – die Demokratische Bewegung Kirgisistans, die offen gegen das existierende Regime ankämpfte. Die Bewegung, aus deren Mitte später die ersten Parteien der Republik hervorgingen, spielte eine große Rolle bei der Demokratisierung Kirgisistans und beim Entstehen nationalen Selbstbewusstseins.

Alle Republiken außer den baltischen Republiken stellten sich anscheinend auf die Unterzeichnung des neuen Unionsvertrages ein, dann kam aber der Militärputsch in Moskau (August 1991) dazwischen. Dieses Ereignis und das danach folgende Beloweschje-Abkommen und die Almaty-Deklaration schufen das Umfeld, in dem die UdSSR zerfiel und zwölf unabhängige Staaten entstanden. Die Unabhängigkeit war für die politische Elite der kirgisischen Republik ein unerwartetes Geschenk, denn sie wird gewöhnlich durch Leiden und blutige Kriege gegen die herrschende Macht erkämpft. Somit wurde die fast ein halbes Jahrhundert dauernde und von dramatischen Zusammenstößen strotzende Geschichte der Integration der Kirgisen innerhalb Russlands mit dem Kollaps des alten Staates und der Verkündung der staatlichen Unabhängigkeit im Jahre 1991 vollendet. Beide Seiten erkannten, dass das Zusammenleben in einem Staat unzweckmäßig ist.

Kirgisistan erlebt heute die vierte Welle der Integration mit Russland. Womit diese historische Entwicklung diesmal enden wird, das bleibt offen. Ob die neue Union zum Ebenbild des europäischen Modells wird oder die Geschichte wieder in die eingefahrene Spur einbiegt, in der es wieder keinen Platz für echte Souveränität gibt, das wird die Zeit zeigen. Die Entwicklungen Anfang der 90er Jahren gaben den Kirgisen die einmalige Chance, zu sich selbst zu finden und ihre eigene Position in der Weltgemeinschaft zu finden. Wie wird sich das Land der Weltöffentlichkeit präsentieren? Als einfallsreiche Architekten des Nationalstaates oder als Nachahmer fremder Meisterwerke? Behaupten wir uns als Nation und Staat oder bleiben wir ewige Asylanten in fremden Ländern?

Während der demokratischen Reformen hat sich das Antlitz Kirgisistans geändert. Es gibt heute keine langen Schlangen und keine Mangelwirtschaft, doch in Hülle und Fülle zu findende Importprodukte sind keine Waren kirgisischer Produktion. Kirgisistan und besonders die großen Städte haben viele teure Supermärkte, erstklassige Restaurants, Spielkasinos und teure ausländische Autos. Allerdings kann man zahlreiche Bettler und Obdachlose, darunter auch Kinder, ebenso sehen. Die gute Hälfte der Kirgisen kennt mittlerweile das Ausland nicht nur vom Hören und Sagen, doch es gibt

auch Kirgisen, die auf der Suche nach Verwertbarem sich die Müllhalden erschließen müssen.

Kirgisistan bekam seine neue Verfassung im Jahr 1993, wählte das ständige Parlament und den Präsidenten, ernannte seinen Kabinettsvorsitzenden und konstituierte das Verfassungsgericht. Der Staat verfügt über ein Außenministerium und ein Verteidigungsministerium, über Gouverneure und Bürgermeister, Landesverwaltungen, die Nationalgarde, politische Parteien und einen diplomatische Korps. Durch diese Dinge unterscheidet sich das Leben des postsowjetischen Kirgisistans von der sowjetischen Zeit, als das ganze Land im grauen und trostlosen Netz aus Parteikomitees und dem KGB eingewickelt war. Das geistige und öffentliche Leben der Bürgerinnen und Bürger Kirgisistans wurde freier. Die Zahl der Hochschulen und Massenmedien stieg rapide an. Junge Leute haben heute die Möglichkeit, an ausländischen Hochschulen zu studieren. Allerdings gibt es auch heute mehrere Probleme, die mit dem niedrigen Lebensstandard des Großteils der Bevölkerung, der grassierenden Korruption, dem Rückgang des Bildungsniveaus und dem Sittenverfall verbunden sind.

In den ersten Jahren nach der Unabhängigkeit war Kirgisistan das mit Abstand liberalste Land Mittelasiens mit einer gut entwickelten Demokratie. Doch Ende des vorigen und Anfang des heutigen Jahrhunderts wurde der Staat allmählich zum autoritären Regime und wurde verstärkt den maßlosen Machtansprüchen des Präsidenten gerecht. Die Menschenrechte, das Wahlrecht, die Rechte auf freie Partei- und Bewegungsründung sowie die Pressefreiheit und Unabhängigkeit der Rechtssprechung wurden verletzt. Staatsorgane und Behörden, Gerichte und Rechtsschutzorgane wurden durch Korruption und fachliche Inkompetenz gelähmt. Anstatt ihre dienstlichen Verpflichtungen zu erfüllen, verletzen sie die Rechte und Freiheiten der Bürger und der Unternehmer.

Die Entwicklung Kirgisistans nach der Unabhängigkeit wurde durch den Mangel an natürlichen Ressourcen sowie durch aus Sowjetzeiten vererbte Probleme behindert. Zu den wesentlichen Rahmenbedingungen, die sich auf das Fortkommen des Landes auswirken, kann man die geographische Lage Kirgisistans als ein Binnenland, die weite Entfernung von wirtschaftlichen und sozialen Weltzentren, die landwirtschaftlich geprägte Wirtschaft, die starke Abhängigkeit von anderen Ex-Sowjet-Republiken und das auf die Rüstungsindustrie ausgerichtete Staatsbudget zählen. Außerdem fehlen Institutionen eines unabhängigen und stabilen Staates, wie eine Zentralbank, Grenzschutzorgane und der Zoll. Dazu hat das Land eine unerfahrene Bevölkerung, die mit der Demokratie und Marktwirtschaft in einem unabhängigen Staat nichts anfangen kann.

Der Zerfall der UdSSR, fehlende Subventionen aus Moskau, die Teuerungsrate und andere neue Herausforderungen für Bürger und Staat führten zu ernsthaften sozial-ökonomischen Folgen. Kirgisistan erlebte eine Hyperinflation und eine Rezession, wobei sich das Bruttoinlandsprodukt

halbierte und das industrielle Produktionsvolumen fast um ein Dreiviertel abnahm. Eine führende Rolle begannen der landwirtschaftliche Sektor und die Dienstleistungen, hier insbesondere der Handel, zu spielen. Die Senkung der Einkommen und sozialer Zuwendungen, Arbeitslosigkeit und die Unfähigkeit, unter den Bedingungen der Marktwirtschaft zu leben, führten zur wachsenden Armut, von der mehr als die Hälfte der Bevölkerung Kirgisistans betroffen ist. Not und Instabilität förderten die Abwanderung der Bevölkerung. Bildung, Gesundheitswesen und Kulturbereich litten.

Diese Jahre sind durch eine intensive Anpassung der staatlichen Organe und der Bürger an die neuen Lebensbedingungen gekennzeichnet. Zur wichtigsten Errungenschaft dieser Zeit gehörte der Erhalt der politischen Stabilität, der durch die von der Regierung aktiv durchgeführten und vom Volk unterstützten Reformen gefördert wurde. Diese Reformen sind auf den Aufbau eines demokratischen und marktwirtschaftlich orientierten Staates, den Erhalt von Frieden und Eintracht und die Offenheit gegenüber der Außenwelt und die Zusammenarbeit mit internationalen Entwicklungsorganisationen ausgerichtet.

Mitte der 90er Jahre halfen die Verwaltungs-Reformen, staatliche Institutionen in der Wirtschaft und dem sozialen Sektor zu errichten, das Wirtschaftswachstum wiederherzustellen, makroökonomische Stabilität zu erreichen und den endgültigen Zusammenbruch der sozialen Sphäre zu verhindern. Infolge der Privatisierung von Unternehmen, des Zerfalls von Kolchosen und außenwirtschaftlicher Liberalisierung entstand der Privatsektor, der hauptsächlich aus Einmann-, Klein- und Mittelstandsunternehmen bestand. Neue soziale Gruppen wie die Unternehmer, Farmer und Händler (darunter Rucksackhändler) entstanden. Leider wurden diese Reformen nicht immer konsequent und umfassend durchgeführt. Der staatliche Haushalt war nicht ausgeglichen, viele Strukturreformen (Privatisierung, Restrukturierung der Infrastrukturbereiche usw.) wurden nicht abgeschlossen, die sozialen Verpflichtungen des Staates waren zu groß und nicht in vollem Umfang durchführbar, die staatlichen Organe war nicht transparent und effektiv genug und litten unter wuchernder Korruption. Darunter litt die soziale und ökonomische Stabilität des Landes. 1998 und 1999 gab es eine Finanzkrise, die zu wachsender Armut, makroökonomischer Instabilität und zunehmender Auslandsverschuldung führte.

Die Situation im Land hat sich in den letzten Jahren zwar etwas verbessert. Trotzdem nehmen sich die Errungenschaften Kirgisistans im Vergleich zu den sich dynamisch entwickelnden Ex-Sowjetrepubliken Kasachstan, Russland und einigen anderen GUS-Staaten eher bescheiden aus. Die Anpassung vieler Staatsbürger an die neuen Lebensbedingungen ist zum Haupterfolg des Landes zu zählen.

Der Abbau der Inflation, günstigere Steuern für Klein- und mittelständische Unternehmen und Reformen im Gesundheitswesen förderten die Entwicklung. Doch das war nicht mit der ineffizienten Staatsordnung

und den schlecht funktionierenden meisten staatlichen Institutionen zu vereinbaren, im Frühling 2005 kam es zu einer Revolution.

Der bekannte Stalinspruch «Der Kader entscheidet alles», also die Führungskräfte sind entscheidend, hat für Kirgisistan eine besondere Bedeutung. Gerade «der Kader» entscheidet und verantwortet das Wachstumstempo, und die Intensität demokratischer Veränderungsprozesse.

Fast 15 Jahre, seit 1990, regierte der erste Präsident des unabhängigen Kirgisistan, Askar Akajew. Doch die guten ersten Jahre seiner erfolgreichen Tätigkeit in Sachen Demokratie und Marktwirtschaft wurden durch die letzten Jahre seiner Regierung verdüstert, weil sie durch ständige Verfassungsänderungen begleitet wurden. Als Ergebnis wurden die demokratischen Prinzipien verletzt und die Präsidentschaftsmacht gestärkt. Vier Verfassungsänderungsrunden zählte man, die von Präsident Akajew im Laufe seiner Regierungszeit initiiert wurden und die Macht des Präsidenten ausweiteten. Seine Regierungszeit ist durch Korruption, die Kriminalisierung der Gesellschaft, die Verflechtung von mafiösen Strukturen mit den staatlichen, die Einmischung der Familienangehörigen des Präsidenten in staatliche und finanzielle Angelegenheiten, eine unausgeglichene Außen- und Innenpolitik, die Beschränkung der Rechte und Freiheiten der Bevölkerung, die Verfolgung von Andersdenkenden und der politischen Opposition, eine abnehmende Lebensqualität bei einem Großteil der Bevölkerung und eine zunehmende Unzufriedenheit der Kirgisen mit der Politik des herrschenden Regimes gekennzeichnet.

All das führte zur revolutionären Explosion am 24. März 2005. Unmittelbarer Anlass waren die unlauteren und ungerechten Parlamentswahlen. Nach diesen Ereignissen ist Kirgisistan erneut an einem Wendepunkt in seiner Geschichte angelangt. Der erfolgreiche Widerstand der Gesellschaft gegen die autoritären Entwicklungstendenzen ermöglichte es, einzigartige und umfassende politische Reformen durchzuführen, mit denen die Modernisierung des staatlichen und wirtschaftlichen Systems vorangetrieben werden kann. Zum zweiten Mal gab die Geschichte dem unabhängigen Kirgisistan die Chance, einen wirklich demokratischen und offenen Rechtsstaat mit vollwertiger stabiler Marktwirtschaft zu errichten. Doch bleibt es nur eine Chance und keine Erfolgsgarantie: Wie diese Möglichkeit von der kirgisischen Gesellschaft und der neuen Regierung genutzt wird, davon hängt das Schicksal Kirgisistans in den nächsten Jahren ab.

Nach der Märzrevolution 2005 kam in Kirgisistan eine provisorische Regierung unter dem Revolutionsführer Kurmanbek Bakijew an die Macht. Am 10. Juli 2005 wurde er zum neuen Präsidenten der Kirgisischen Republik gewählt. Auf Initiative des Parlaments und der Zivilgesellschaft etablierte man einen Verfassungsrat, dessen Aufgabe es ist, eine neue Verfassung zu entwickeln, die die Entstehung einer autoritären und korrupten Staatsordnung verhindert.

Die neue Regierung musste sich komplizierten Herausforderungen stellen. Die Armut ist zwar zurückgegangen, dennoch bleibt sie immer noch zu hoch. Makroökonomische Stabilität ist erreicht, allerdings ist es noch zu früh, von einer nachhaltigen stabilen Entwicklung zu sprechen, weil die Wirtschaft gegenüber externen Erschütterungen sehr empfindlich ist. Das Problem der Auslandsverschuldung ist nicht so akut wie früher, doch es ist bis heute noch aktuell. Neue Wirtschaftsstrukturen sind zwar entstanden, doch es bedarf weiterer tiefgreifender Marktwirtschaftsreformen. Mehrere Staatsorgane arbeiten immer noch ineffizient und sind von der Korruption befallen. Der soziale Sektor funktioniert fast in vollem Umfang, jedoch ist die Qualität des Dienstleistungssektors wesentlich zurückgegangen.

Kirgisistan steht vor unübersehbaren künftigen Entwicklungsschwierigkeiten. Die ineffektiven staatlichen Institutionen, die zu verschwommene und daher teure administrativ-territoriale Gliederung, ständige Änderungen der Gesetzgebung, die um sich greifende Korruption und die Profitgier der Beamten sind seit langem Haupthindernisse bei der Wirtschaftsentwicklung des Landes und der Lösung seiner sozialen Probleme.

Eine der wichtigsten Aufgaben in der Wirtschaft ist die Diversifizierung. Um ein nachhaltiges Wirtschaftswachstum in Kirgisistan zu erzielen, benötigt man dringend eine höhere Wirtschaftsleistung, ihre Integration ins Weltwirtschaftssystem, einen verbesserten Zugang zu internationalen Märkten, eine Reduzierung der Transaktionskosten und einen funktionierenden Markt.

Der Sozialbereich leidet unter den umfassenden formellen Verbindlichkeiten des Staates, von denen viele noch aus der Sowjetzeit vererbt sind, und den vorhandenen ziemlich begrenzten Ressourcen. Die heutige soziale Situation ist instabil und nicht nachhaltig. Ohne entschlossene Maßnahmen wird der soziale Sektor nach und nach zusammenbrechen.

Kirgisistan liegt in einer nicht besonders günstigen und sicheren Region der Welt. Seine sozial-ökonomische Lage ist stark von der Außenwelt abhängig und gegenüber externen Erschütterungen und Unsicherheiten extrem empfindlich. Hauptgarantie einer nachhaltigen Entwicklung Kirgisistans unter diesen Bedingungen ist das Verständnis von Regierung und Bürgern für die Notwendigkeit einer verantwortungsvollen Politik, die den neuen Anforderungen und Entwicklungsmöglichkeiten des Landes entsprechen muss. Eine solche Politik besteht darin, dass man von seinem Ziel nicht abweicht und die geplanten, koordinierten, wenn auch manchmal unliebsamen, Reformen durchführt. Dabei ist es erforderlich, die Notwendigkeit und die Dringlichkeit dieser Reformen allen Gesellschaftsschichten bewusst zu machen und an die langfristigen Interessen des Landes anzupassen. Eine weitere träge Politik könnte für Kirgisistan großen Schaden bedeuten.

Die neuen kirgisischen Reformbefürworter, die Revolutionäre von 2005, haben nicht so viel Zeit zur Verfügung, denn die Gesellschaft kann nicht unter diesem ständigen Druck leben. Historiker und Politologen sind sich einig, dass Umwandlungen in einem Stresszustand leichter durchzuführen

und bahnbrechende Beschlüsse leichter zu fassen sind. Durch Schein- und Halbreformen wird sich der krisenhafte Zustand in der Gesellschaft noch weiter verschärfen.

Die Revolutionereignisse von März 2005 schufen die einmalige Voraussetzung für politische Reformen zur Demokratisierung des Staates, deren Ziel in der verstärkten Effektivität, Transparenz und Verantwortung der staatlichen Organe sowie in der Gewährleistung der Rechte und Freiheiten der Bürgerinnen und Bürger besteht. Die Realisierung dieser Aufgaben erfordert eine Reihe von komplexen und konsequenten Schritten einschließlich der Verfassungsänderung. Sie sollte Justiz-, Verwaltungs- und Territorialreformen beinhalten, sowie eine Dezentralisierung des Staates, die verstärkte Transparenz seiner Institutionen und den radikalen Kampf gegen die Korruption. Es ist ein sehr kompliziertes Unterfangen, eine demokratische Gesellschaft in einem nicht freien Land aufzubauen. Ob die bevorstehenden Maßnahmen erfolgreich enden oder scheitern, hängt vorwiegend vom politischen Willen der regierenden Elite ab, die zum verantwortlichen Handeln bei der Umsetzung der demokratischen und wirtschaftlichen Reformen verpflichtet ist.

Literaturverzeichnis

- Geschichte der kirgisischen Sowjetrepublik. 3 Bänder, Ilim-Verlag, Frunse 1968-1974.
- Historische Aufzeichnungen über die kommunistische Partei Kirgisiens, Kirgisistan-Verlag, Frunse 1976.
- J. Lubchenkow: Weltlexikon der Feldherren. Antike. Mittelalter. Veche-Verlag, 2001.
- F. Schachermayer: Alexander von Mazedonien, Wissenschaftsverlag, Moskau 1984.
- I. Schiffmann: Alexander von Mazedonien, Wissenschaftsverlag, Leningrad 1988.
- M. Adschi: Die Kiptschaken, Moskau 1994.
- W. Woropajewa, D. Dshunaschalijew, W. Ploskich. Geschichte des Vaterlandes. Vorlesungsüberblick zur Geschichte Kirgisistans. Bischkek: Ilim, 2002.
- T. Koutschujew, W. Mokrynin, W. Ploskich. Kirgisen und ihre Vorfahren. Bischkek: Hauptverlag der kirgisischen Enzyklopädie, 1994.
- S. Kurmanow. Meilensteine im Kampf um staatliche Unabhängigkeit der Kirgisen und Kirgisistans. Der Sammelband von wissenschaftlichen juristischen Arbeiten, Kirgisische staatliche Universität, 5. Ausgabe. Bischkek, 1999.

- S. Kurmanow, Besonderheiten des historischen Bewusstseins und sozialen Verhaltens von Kirgisen zu Beginn des 20. Jahrhunderts. Sammelband von Beiträgen, 1. Ausgabe, Soros Stiftung. Kirgisistan, 1996.
- S. Kurmanow, Parlamentswahlen in Kirgisistan 2005 und Zusammenbruch des politischen Regimes von A. Akajew. Zeitschrift «Zentralasien und Kaukasus». 2005. Nr. 3.
- S. Kurmanow, Politischer Kampf in Kirgisistan: 20-er Jahre. Bischkek: Ilim, 1997.
- S. Kurmanow, E. Sadykow. Abydykerim Sadikow – Persönlichkeit und Geschichte. Bischkek: Scham, 2002.
- Kirgisen und Kirgisistan: Erfahrung des neuen historischen Denkens. Bischkek: Ilim. 1994.
- E. Manajew, S. Kurmanow. Nationale intellektuelle Elite Kirgisistans in der Zeitperiode ihrer Entstehung: Gesellschaftliche und politische Rolle, Schicksale. Bischkek, Kirgisische staatliche Universität, 2000.
- W. Ploskich, S. Kurmanow, S. Begalijew, Tsch. Nogojbajewa. Abydykerim Sadikow – Nationaler Vordenker. Bischkek: Kirgisistan, 1992.
- W. Ploskich. Manas hat die Schuld nicht gestanden. Bischkek: Ilim – Tabyлга, 1994.
- Das Jahr 1937 in Kirgisistan (zurückgewonnene Namen). Sammelband von Beiträgen und Reportagen. Frunse: Kirgisistan, 1991.
- Anfänge der kirgisischen nationalen Staatlichkeit. Bischkek: Ilim 1997.
24. März 2005 - die «Volksrevolution»? Sammelband der Beiträgen. Bischkek: Ilim, 2005..
- Geschichte der sowjetischen Volksrepubliken Buchara und Choresm, Moskau 1971.
- A. Toinbi: Aufarbeitung der Geschichte, Progress-Verlag, Moskau 1990.
- E. Karr: Geschichte von Sowjetrussland. 2 Bänder, Progress-Verlag, Moskau 1990.
- E. Karr: Russische Revolution unter Lenin und Stalin 1917-1929, Inter-Verso, Moskau 1990.
- L. Schapiro: Kommunistische Partei der Sowjetunion, London 1990.
- T. Riskulow: Aufstand der Einheimischen Turkestans 1916 // Aufstand von Kasachen und Kirgisen 1916, London 1989.

*Кыргызско-таджикская граница, Кыргызстан
Kirgisisch-tadschikische Grenze, Kirgisistan*

Валентин Богатырев

КЫРГЫЗСКАЯ РЕСПУБЛИКА. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ПОСЛЕ ОБРЕТЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ И ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Политический акт провозглашения Кыргызской Республикой независимости состоялся 31 августа 1991 г. и в значительной мере был реакцией на московский путч и стремлением выйти с возможно более выгодными позициями на проходившие в то время переговоры о заключении нового Союзного договора.

Трансформация политической системы страны началась почти за год до этого события учреждением 24 октября 1990 г. поста Президента тогда еще Киргизской ССР и избранием Верховным Советом на эту высшую государственную должность Аскара Акаева – человека, не являвшегося руководителем Коммунистической партии и занимавшего независимую от нее позицию. Уже 13 декабря Аскар Акаев внес на рассмотрение парламента предложение о реорганизации системы органов государственной власти, а через два дня, 15 декабря 1990 г., была принята Декларация о государственном суверенитете Республики Кыргызстан¹. Тогда это был только декларативный акт без всяких правовых последствий, но он определил всю логику политического строительства в стране.

Существенное влияние на формирование политического курса первых лет независимости оказали политические дискуссии, которые шли в стране после 1985 г., ошские события лета 1990 г.²

Наиболее значимыми событиями первых месяцев после 31 августа 1991 г. были: приостановление 4 сентября деятельности Компартии Киргизии и проведение 12 октября первых всенародных выборов Президента Республики Кыргызстан. На этих выборах за Аскара Акаева проголосовало 95,3% избирателей. Норма прямого всенародного избрания Президента вошла в первую Конституцию независимого Кыргызстана, принятую 5 мая 1993 г., и сохранялась при всех ее изменениях.

Основной внутривнутриполитической задачей, решавшейся руководством страны, была трансформация советской политической системы в

¹ Это название существовало с 1991 по 1993 г., когда Республика Кыргызстан была в первой Конституции переименована в Кыргызскую Республику.

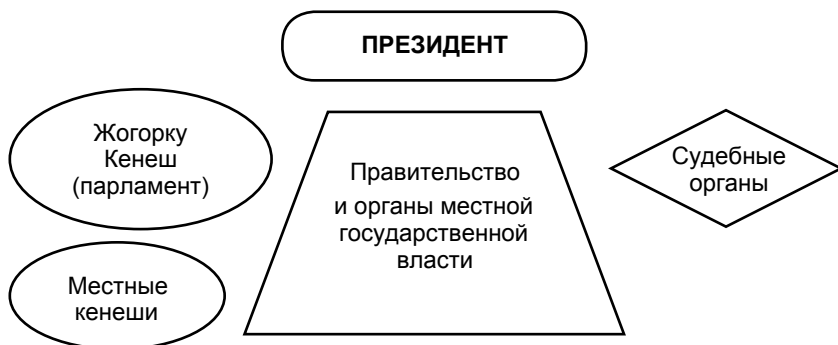
² Подр. см.: Постсоветский Кыргызстан глазами зарубежных политологов/ Акунов А.А., Кийутин В.Г., Прытков В.Г., Токтомышев С.Ж. Бишкек: Элпек, 1998.

демократическую по образцу западных стран демократии. Особенностью, породившей впоследствии целый ряд внутривнутриполитических и внешнеполитических проблем, было то, что эта трансформация, так же как и введение в свое время советской системы управления, осуществлялась без учета исторических традиций социального устройства кыргызского общества.

Кыргызская политическая система была сформирована, как пирамида, во главе которой стоял Президент – руководитель государства, а затем три относительно независимые ветви власти³. При этом Президент обладает полномочиями, позволяющими ему формировать правительство, представлять в Жогорку Кенеш кандидатуру руководителя и членов Верховного суда и распускать в оговоренных Конституцией случаях Жогорку Кенеш. Некоторые вносившиеся впоследствии изменения в этих полномочиях связаны только с введением необходимости согласия Жогорку Кенеша на назначение членов правительства.

Принцип разделения властей осуществляется хотя и не формально, но с определенными оговорками. Существует Президент, не относящийся ни к одной из классических ветвей власти и имеющий как исполнительные, так, отчасти, и законодательные функции⁴.

Правительство возглавляет премьер-министр, назначаемый Президентом по согласию с Жогорку Кенешем. Все руководители местных органов государственной власти назначаются Президентом.

Высшая законодательная власть осуществляется парламентом страны. В первоначальный период, до вступления в действие

³ См.: Конституция Кыргызской Республики. Бишкек, 2004. (http://www.president.kg/docs/const_2003rv/)

⁴ Подр. см.: Абилдаев Э. Политическая система Кыргызстана: проблемы и перспективы. Бишкек: Илим, 2001.

Конституции независимого Кыргызстана, это был Верховный Совет, имевший статус высшего органа государственной власти⁵. Это был однопалатный парламент.

С введением в действие новой Конституции парламент стал именоваться Жогорку Кенешем с функциями высшего органа законодательной власти. В 1995 г. по мажоритарной системе, по одномандатным округам был избран первый созыв Жогорку Кенеша как двухпалатного парламента, в котором были Законодательное собрание (45 депутатов) и Собрание народных представителей (35, затем 60 депутатов). При этом во втором созыве (2000–2005 г.) формирование законодательного собрания осуществлялось на две трети выборами по одномандатным округам, а на треть – выборами по партийным спискам. Своих кандидатов выдвинули 15 политических партий, прошедших соответствующую регистрацию⁶. Существовала закрепленная в Конституции сложная система разделения полномочий палат и утверждения ряда законов, принятых Законодательным собранием на Собрании народных представителей Жогорку Кенеша.

В 2005 г. вновь был введен однопалатный Жогорку Кенеш, формировавшийся выборами в 75 одномандатных округах.

Нынешняя система органов государственной власти является достаточно проработанной и в модели отвечает самым взыскательным демократическим стандартам⁷. Однако она постоянно находится под огнем критики, поскольку ее реальное существование определяется не столько правовым дизайном, сколько политическим менталитетом.

В соответствии с Конституцией 1993 г., в которой было закреплено право населения на осуществление местного самоуправления, в 1994 г. специальной, созданной указом Президента комиссией было разработано Положение об основах организации местного самоуправления, с утверждением которого началось формирование выборной системы местного самоуправления⁸. 22 октября 1994 г. были проведены первые выборы депутатов местных кенешей, заменивших советскую систему депутатов местных советов. В 1996 г. при айильных (сельских) и поселковых кенешах были образованы исполнительно-распорядительные органы – айыл окмоту (сельские управы). Тогда же местным сообществам были делегированы ряд государственных функций и переданы в коммунальную собственность объекты социального назначения. С 1997 г.

⁵ Подр. см.: Кучуков М.М. Основные этапы становления Жогорку Кенеша (парламента) Кыргызской Республики в 1990–2000-е годы. Дисс. ... докт. ист. наук. Бишкек, 2004.

⁶ См. там же.

⁷ Подр. см.: Исакова Г. Выборы и демократия в Кыргызстане: конституционный дизайн президентско-парламентских отношений. Бишкек: Бийиктик, 2003.

⁸ См.: Жумалиев К.М., Ожукеева Т.О. XXI век: Институт президентства в Кыргызской Республике. Часть I. Бишкек: Илим, 1998.

в формат местного самоуправления перешла власть в городах. В 2000 г. проведены первые пилотные выборы глав местного самоуправления, а с 2001 г. прямыми выборами выбираются все руководители айыл окмоту.

Однако заявленное в самом начале формирования системы местного самоуправления намерение выработать цивилизованный механизм ее самообеспечения и самофинансирования⁹ в те годы не было реализовано. Только в декабре 2004 г. был принят закон «Об основах финансирования местного самоуправления», который вводил новый порядок образования местных бюджетов, обеспечивающий возможности для местного развития. Местные кенешы после обновления законодательной базы утверждают бюджет и программы социально-экономического развития своей территории, вводят местные налоговые сборы, решают вопросы жизнеобеспечения сел, поселков и городов.

Вся система государственного управления формировалась на основе тех органов управления, которые существовали в Киргизской ССР. Вследствие этого длительное время в функциях и структуре государственных органов сохранялись рудименты прежней системы. Несмотря на демократический характер избрания, Президент, как и прежние лидеры государства, имел решающие, во многом монопольные и тотальные по сфере влияния властные полномочия. Он и его администрация контролировали все области жизни страны, даже в зонах полномочий других ветвей власти. Президент имел неограниченную власть над правительством, а в первые 10 лет – и над Жогорку Кенешем, используя различные рычаги, в том числе возможность роспуска парламента. Судебная власть также была практически под полным контролем Президента. Структура правительства, хотя и претерпела изменения, приспособиваясь к рыночным реалиям и функциям, однако сохранила отчасти отраслевой формат, а главное – многочисленные избыточные функции, оставшиеся с тех времен, когда государство контролировало всю жизнь граждан. В условиях низкого уровня доходов государственных служащих это создавало исключительно благоприятную почву для коррупции. В известной степени то, что происходило, можно назвать процессом приватизации госслужащими своих функций.

Стремясь избежать изъянов в системе госуправления, руководство страны при поддержке различных международных организаций и финансовых институтов ввело программы реформирования административной системы, предусматривавшие изменение на основе функционального анализа полномочий государственных органов, введение новых административных форматов. Новая модель государственной службы предусматривала разделение политических и административных должностей, конкурсное замещение государственных

⁹ См.: Акаев А. Демократия без поддержки народовластия бессильна. Доклад на совещании глав местного самоуправления Кыргызской Республики (23 ноября 1994 г.)//Кыргызстан: на пути становления независимости. Бишкек, 1995.

должностей, обязательное декларирование доходов госслужащими, а впоследствии – и членами их семей. В рамках антикоррупционной стратегии осуществлены практические меры по сокращению почвы для коррупционных явлений. Количество лицензируемых видов экономической деятельности сокращено к 2005 г. с 63 до 29, а количество разрешений на ведение предпринимательской деятельности – с 196 до 102. С принятием закона «О техническом регулировании» предполагается в 10 раз сократить требования по сертификации и стандартизации, а сертификацию продукции перевести на добровольную основу. В целях борьбы с коррупцией в системе образования введена программа тестирования при поступлении в вузы республики.

Принятием в 2003 г. поправок в Конституцию была в основном завершена судебная реформа. Первоначально существовавшие три типа судов – Конституционный суд, Верховный суд и суды общей юрисдикции, а также система арбитражных судов были реорганизованы в два. В настоящее время существует, хотя и подвергается серьезным атакам, Конституционный суд и действует система судов общей юрисдикции, объединяющая все виды судопроизводства: уголовное, гражданское, арбитражное, административное. Помимо этого, введена система третейских судов для рассмотрения гражданско-правовых споров. В целях повышения самостоятельности судов установлены длительные – 10 лет – сроки назначения для членов Конституционного и Верховного судов и особый порядок отречения их от должности, а также введен порядок назначения судей всех уровней с согласованием их кандидатур с Жогорку Кенешем.

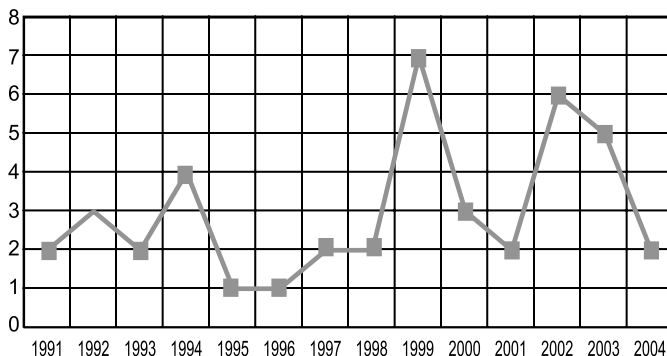
Очень сложно идет процесс формирования в стране политических партий. После обретения демократических свобод на политическую арену вышло большое число партий. В ноябре 1991 г. Министерством юстиции было зарегистрировано 65 партий и движений¹⁰. Значительная часть их распалась. На 1 июля 1995 г. было зарегистрировано уже только 12 политических партий и 6 общественно-политических движений¹¹.

Основным типом партий, возникших в то время в Кыргызстане, были немногочисленные объединения, группировавшиеся вокруг отдельных политических лидеров. Кроме того, существовали партии, сформированные из остатков КПСС, а также создававшиеся с помощью административного ресурса в интересах выборных кампаний 1995, 2000 гг. К выборным периодам относится и создание небольших инициативных партий отдельными новыми политическими лидерами. Как видно из диаграммы 1, «волны» создания политических партий строго привязаны к выборным кампаниям.

¹⁰ Прив. по: Чиналиев У. Особенности формирования гражданского общества в Кыргызской Республике. М., 2001. С. 69.

¹¹ Прив. по: Политические и экономические реформы в Кыргызстане (1991–1995 годы)/Сост. Ф.А.Ниязов. Бишкек, 1995. С. 31.

ДИАГРАММА 1. ДИНАМИКА ПОЯВЛЕНИЯ НОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

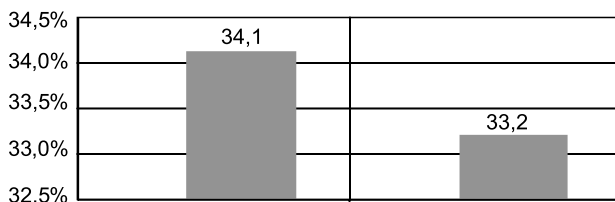
Предпринятая в 1998 г. попытка стимулировать развитие партий за счет введения порядка формирования части Жогорку Кенеша по партийным спискам дала определенный, прежде всего количественный, эффект. Было создано наибольшее количество партий, в том числе такие относительно крупные, как «Адилет», «Ар-Намыс» и «Моя страна», соответственно, центристской и правой ориентации. Эти партии составили конкуренцию левому коммунистическому блоку. Тем не менее, предвыборная политическая работа велась в основном силами сформированных к выборам блоков. Депутаты же, избранные в Жогорку Кенеш по партийным спискам, не смогли сформировать партийных фракций.

В ходе выборов в Жогорку Кенеш в 2005 г. шесть партий выдвинули своих кандидатов, но только 16 депутатов из числа выдвинутых политическими партиями, прошли в парламент, и в этом парламенте партийных фракций фактически не существует.

К марту 2005 г. в Кыргызской Республике были зарегистрированы 42 политические партии. Однако далеко не все они ведут активную политическую деятельность, особенно на местах. Анализ участия политических партий в кампании по выборам в местные кенешы в 2004 г. показывает, что только 12 партий выдвигали своих кандидатов и занимались в связи с этим политической работой. Так, от партии «Адилет» в состав местных кенешей вошли 1487 чел. (22,07% от общего числа депутатов местных кенешей), от партии «Алга, Кыргызстан!» – 1351 чел. (20,05%), от партии «Новая сила» – 203 чел. (3,01%), от партии «Элет» – 111 чел. (1,65%), от партии «Моя Страна» – 58 чел. (0,86%). Коммунистическая партия представлена 9 депутатами (0,13%), партия «Ата-Мекен» – 8 (0,12%), Партия справедливости и прогресса – 2 (0,03%), по одному депутату от партий застройщиков, «Ар-Намыс», «Кыргызстан келечеги» и др.

Несмотря на имеющийся рост политической активности, необходимо констатировать, что политические партии пока еще не имеют четкой и устойчивой социальной базы. Социологические исследования, проведенные в ноябре 2004 г., выявили недостаточную известность многих партий и низкую степень доверия населения к ним. Из общего числа опрошенных 34,1% затруднились ответить на вопрос, какие политические партии Кыргызстана им известны. В сентябре 2003 г. аналогичный вопрос вызвал затруднение у 38,1% опрошенных. Наиболее высокий уровень известности партий в городе Бишкеке – 60,1%. При этом известность выше 5% имеют только шесть политических партий, выше 3% – еще три.

ДИАГРАММА 2. Доля взрослого населения, не знающего о существующих в стране политических партиях

Структура партийного пространства лишь в некоторой степени отражает новую социальную структуру общества и новую структуру социальных целей и ожиданий. Левые и левоцентристские партии представляют интересы тех социальных слоев, которые испытывают наибольшие проблемы в связи с переходом к рыночной экономике. Это пенсионеры, молодежь, бедные и социально незащищенные слои общества, а также сторонники социалистических ценностных ориентаций. Наоборот, правые и правоцентристские партии объединяют новые социальные группы: предпринимателей, крупных собственников, сторонников идеи национального возрождения. Преобладают центристские партии, составляющие 62% от общего числа.

Они привлекают в свои ряды социальные слои, сконцентрированные вокруг органов государственной власти и государственных предприятий, бюджетников.

События весны 2005 г. показали, что в развитии политических партий в Кыргызстане идет существенная трансформация. На смену традиционным для прошлого века организациям приходят новые форматы – более мобильные и динамичные, представленные у нас такими формами, как общественные политические движения, а также политические объединения (блоки, союзы, ассоциации, конгрессы и т.п.).

Характерной формой политических движений и политических объединений является наличие четко определенной и, как правило, достаточно близкой по времени достижения цели. Примером являются «Движение за отставку Акаева и реформы для народа», Народное движение Кыргызстана, Народный конгресс. Как правило, в состав таких ассоциаций входят представители различных политических организаций. В отличие от партий, они являются носителями разных идеологий и даже разных представлений о способах политического действия. Другой характерной особенностью является недолговременность существования политических движений. После достижения той цели, ради которой они были образованы, движения распадаются или трансформируются в более устойчивые и организационно оформленные структуры, в том числе иногда в политические партии. Традиционные же политические партии при этом становятся все более малочисленными. Продолжительность их существования связана скорее с продолжительностью политической жизни их лидеров, чем с реализацией тех или иных идей.

Весьма своеобразно проходил процесс формирования в стране гражданского общества¹². В нем можно выделить несколько этапов:

1992-1993 гг. – первый этап развития гражданского общества, характеризуется вымиранием представителей «старого» гражданского общества и адаптацией к новым условиям. В это время в Киргизии начинают формироваться первые общественно-политические движения, как на демократической, антикоммунистической основе, так и, отчасти, на националистической основе.

1993-1995 гг. – второй этап развития гражданского общества, характеризующийся выживанием гражданского общества. В этот период начинает работу ряд международных неправительственных фондов и организаций, которые оказывали поддержку широкому кругу НПО.

1996-1998 гг. – этот этап берет свое начало с принятия важных законодательных документов, составивших базис гражданского общества, а именно: Гражданский кодекс Кыргызской Республики от 8 мая 1996 г. (часть I), законы Кыргызской Республики «О государственной регистрации юридических лиц» от 12 июля 1996 г., «О хозяйственных товариществах и обществах» от 15 ноября 1996 г. Важное значение имела также аккредитация в Кыргызской Республике представительств ряда крупных международных организаций и фондов.

1998-2000 гг. – этап запуска ряда общенациональных программ, потребовавших участия и поддержки гражданского общества, важнейшими из которых были Национальная стратегия устойчивого человеческого развития, Комплексная основа развития (КОР). Появление в рамках этих программ самой принципиальной возможности приложения

¹² Периодизация приводится по: Отчет о человеческом развитии. Доклад ПРООН. Бишкек, 2005.

сил гражданского общества и необходимость развития таких механизмов, требующих институционализации, как самоподдержка, взаимопомощь, микрокредитование и других, вызвали резкий всплеск роста числа неправительственных организаций уже неполитической направленности. Общее число неправительственных организаций за этот период увеличилось более чем в шесть раз и составляет более 1800. Для данного этапа характерны и заметные качественные преобразования, выразившиеся, прежде всего, в дифференциации по видам деятельности и в постепенной региональной экспансии (от концентрации организаций гражданского общества в столице республики – к расширению на Юг – Ош, Джалал-Абад).

Вместе с тем анализ показывает существование в этот период высокой степени взаимосвязи между направлениями работы международных организаций-доноров и выбираемыми профилями деятельности НПО.

С 2000 г. начался этап быстрого количественного роста неправительственных организаций. Именно в это время гражданское общество стало активно сопротивляться попыткам государственного аппарата остановить демократические преобразования. Одновременно становится особенно заметным голос общественных организаций в вопросах борьбы с коррупцией.

Таблица 1. Динамика роста неправительственных организаций в Кыргызской Республике

	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Всего	340	561	658	767	938	1487	1841	2325	3146	3850	4828	6120	7462	9076
Общественные объединения*	34	70	95	119	142	516	543	604	690	767	890	987	1102	1187
Профессиональные организации	38	70	84	100	119	158	252	333	393	469	534	592	627	664
Профессиональные союзы	125	164	168	168	173	185	193	195	227	286	355	438	488	512
Религиозные организации	10	29	33	50	74	91	131	177	189	205	235	265	371	399
Политические организации	15	25	33	40	53	64	72	76	88	91	94	102	107	113
Прочие общественные организации	118	203	245	10	377	473	650	940	1559	2032	2720	3736	4767	6201

*Под общественными объединениями в данном случае понимаются объединения коммерческих и предпринимательских организаций. Данные Министерства юстиции Кыргызской Республики по состоянию на 1 января 2005 г.

По официальным оценкам¹³, в 2004 г. в неправительственном секторе на постоянной основе работало более 20 тыс. чел., на временной основе (консультанты, эксперты) – до 10 тыс. чел. и добровольцев – более 8 тыс. чел. Однако исследование, проведенное экспертами ПРООН при подготовке Отчета о человеческом развитии, показало, что численность сотрудников НПО значительно выше и достигает 100 тыс. чел., что составляет примерно 5% от общего числа занятых в республике¹⁴.

Значительную роль в финансировании гражданского сектора играли международные организации. Проведенный авторами Отчета о человеческом развитии ПРООН анализ, даже в условиях отсутствия или непредоставления информации, показал, что только две организации: Фонд Сороса и USAID за период с 2001 по 2005 г. финансировали различные проекты и программы неправительственных организаций Кыргызской Республики на сумму свыше 106 млн долл. США¹⁵. За годы независимого развития Кыргызстана США выделили на цели развития демократии порядка 600 млн долл. Эта цифра в 20 раз превышает средства, выделенные на военное сотрудничество¹⁶.

После событий марта 2005 г. в жизни неправительственных организаций начался новый этап. Практически сразу наиболее политически активные НПО инициировали проведение Гражданского форума, который должен был сыграть роль интегратора гражданского общества. Выступивший на форуме 20 апреля 2005 г. новый лидер страны Курманбек Бакиев выразил новую позицию власти по отношению к гражданскому обществу: «Надо изменить сам подход к неправительственному сектору. Прежняя власть декларировала партнерство с гражданским обществом, но понимала его своеобразно: как свое право что-то дать или не дать гражданскому обществу. Некоторые и сейчас хотят действовать по той же логике. Я думаю, что наша роль, роль президентской власти и правительства, Жогорку Кенеша, – в другом. Мы должны создать правовые условия для полноценного и равноправного участия гражданского общества в управлении всеми делами. Это первое. И второе – мы должны совместно с вами выработать конкретные процедуры, механизмы, форматы этого участия»¹⁷.

¹³ Концепция сотрудничества между общественными объединениями, общественными фондами (неправительственными организациями) и органами государственной власти. Утверждена постановлением Правительства Кыргызской Республики от 25 марта 2004 г. № 200.

¹⁴ См.: Отчет о человеческом развитии. Доклад ПРООН. Бишкек, 2005.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Богатырев В.Б. Плоды сотрудничества с США по обеспечению безопасности в ЦА: стала ли ситуация в регионе безопасней?/Сотрудничество стран Центральной Азии и США по обеспечению безопасности в регионе. Материалы международной конференции. (Алматы, 17 марта 2005 г.). Алматы, 2005.

¹⁷ Бакиев К. Выступление на Гражданском форуме 20 апреля 2005 г. (<http://www.sk.kg/2005/n41/1.html>)

Однако, несмотря на отсутствие ограничений и препятствий, существенного повышения роли гражданского общества в жизни страны не произошло. Оно не сумело быстро осознать общность интересов и достигнуть консенсуса в действиях. Лидеры гражданского общества продолжают оставаться в ситуации конкуренции за ресурсы. Привыкнув работать в формате оппозиции, они медленно находят путь к новым технологиям общественного взаимодействия и работы с властью, оживляясь только при появлении возможности для критики властей.

Другой крайностью является существование общественных объединений, работающих почти исключительно в режиме толерантности по отношению к власти. Это характерно, в частности, для профессиональных и этнических организаций¹⁸.

Преодоление этого положения осуществляется за счет совместной разработки национальной Рабочей программы внедрения форматов и процедур публичной политики, которая утверждена Президентом страны в октябре 2005 г. Реализация программы позволит преодолеть отсутствие культуры и практики пропозиционного взаимодействия власти и гражданского общества.

После обретения независимости в стране достаточно широко обеспечивалась свобода слова. Число зарегистрированных средств массовой информации превышает 300. Однако только небольшая их часть работает регулярно, в основном по экономическим причинам. Более 90% всех газет и около половины журналов и бюллетеней ориентированы на политическую проблематику. В аудиовизуальных СМИ политическая проблематика занимает значительно меньше места, в среднем до 25% вещания.

Таблица 2. Тиражи основных политических изданий Кыргызстана (на начало 2005 г.)

Название газеты	Тираж в месяц, тыс. экз.	Название газеты	Тираж в месяц, тыс. экз.
Вечерний Бишкек	400	Аалам	80
МСН	240–260	РИФ Столица	40
Комсомольская правда в Кыргызстане	176	Республика	28–32
Слово Кыргызстана	144	Московский комсомолец в Кыргызстане	28
Агым	72–128	Аргументы и факты Кыргызстана	24
Кыргыз Туусу	120	Общественный рейтинг	12
Дело №	100	Трибуна	10–12
Лица	10		

¹⁸ Подр. см.: Чиналиев У. Особенности формирования гражданского общества в Кыргызской Республике.

Средства массовой информации выражают позиции определенных политических групп либо непосредственно работают по заказам таких групп и отдельных политиков. В этом смысле независимой прессы в стране нет.

Проблемами политического участия прессы является недостаточная политическая культура, недостаточный профессионализм журналистов, а также использование судебных и иных форм давления на средства массовой информации. В результате имущественного преследования прекратили свое существование за последние пять лет две газеты.

Активные демократические реформы, бурный рост числа политических партий, неправительственных организаций, неправительственных средств массовой информации обусловили определение Кыргызстана на первом постсоветском этапе «островком демократии в Центральной Азии». Однако затем ситуация стала меняться. По признанию первого Президента Кыргызстана Аскара Акаева, «те времена, когда многое представлялось в розовом, романтическом плане, прошли. Реальность оказалась сложнее»¹⁹.

Можно выделить три этапа, связанных с нарастанием негативных явлений, которые впоследствии привели к событиям 24 марта 2005 г., взятию Дома Правительства митингующими и отъезду А. Акаева из страны.

Первый этап – внутренняя политика в 1996–1999 гг. и право А. Акаева избираться на новый срок на выборах 2000 г.

Второй этап – события и действия, связанные с Аксыйской трагедией 2002 г.

Третий этап – события и действия, связанные с изменениями в Конституции и выборами в Жогорку Кенеш в феврале-марте 2005 г.

Отступление о кыргызской демократии

В истории кыргызов никогда не существовало других форм общественного устройства, кроме общинной демократии. Кыргызы никогда не знали рабовладения (владения людьми как частной собственностью) и, в большей своей части, феодализма (владения землей как частной собственностью). Традиционные формы общественного устройства у кыргызов, как и у других кочевых народов Азии, военная автократия и кочевая демократия. И та и другая формы власти являются представительскими по своей природе с высоким компонентом демократии участия. Тоталитаризм никогда не был присущ центральноазиатским режимам, за исключением короткого советского

¹⁹ Акаев А. Думая о будущем с оптимизмом. Размышления о внешней политике и мироустройстве. М.: Международные отношения, 2004. С. 56.

периода. А авторитаризм всегда был существенно ограничен и детерминирован интересами выживания народов.

Кыргызский менталитет генетически несет в себе демократические начала, заложенные и действовавшие как в качестве общественных норм, так и социальной институциональности. Здесь уже видны протоформы того, что определяется Й. Шумпетером, как «соревновательный элитизм», лежащий, по его мнению, в основе базовых демократических конструкций²⁰.

Только после принятия кыргызами российских, а затем советских схем социального управления стали происходить серьезные деформации этой ментальности. Власть умных стала отходить на второй план, уступая место власти системосообразных. Однако и тогда подспудно сохранялось сильное влияние интеллектуальных элит на власть.

Процесс перехода, или, если угодно, возврата к демократическим основам общественного устройства начался у нас только после 1985 г., а в развернутой и открытой форме – с момента обретения государственного суверенитета в 1991 г. Тем более стремительные изменения начали происходить после обретения Кыргызстаном независимости.

При этом для понимания процессов, происходящих в регионе, и особенностей политического транзита надо иметь в виду два обстоятельства.

Первое. Центральноазиатские государства и, по признанию самого Запада, дальше всего продвинувшаяся в этом направлении Кыргызская Республика, строят свою национальную демократию, которая лишь по внешним признакам иногда похожа на американскую или европейскую модель. В Кыргызской Республике, так же как и в соседнем Казахстане, сегодня сформирована азиатская разновидность либерализма. Бессмысленно отрицать наличие, по крайней мере в этих двух центральноазиатских странах, свободы совести, свободы слова, парламентаризма и обилия политических партий и движений.

Второе. Процесс демократизации в странах Центральной Азии с самого начала испытывал серьезное внешнее давление со стороны нескольких мировых центров влияния. Причем речь идет не только об иностранных и международных демократических институтах. Ряд крупных экономических и политически мощных стран используют саму ситуацию политического и экономического транзита в целях продвижения своих экономических и политических интересов в Центральноазиатском регионе. Так, очень многие эксперты напрямую связывают прокатившуюся в 2002 г. волну активности оппозиционных групп во всех центральноазиатских странах с закреплением присутствия в регионе

²⁰ Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995.

военных сил США и европейских стран, входящих в НАТО. Если это правда, то мы имеем дело с существованием координации деятельности структур, осуществляющих «поддержку процесса демократизации», как они определяют свою миссию, с центрами военно-политического планирования. И в этом случае внешние усилия по демократизации приводят к прямым дестабилизирующим эффектам.

Как бы то ни было, геополитическая ангажированность институтов продвижения демократии воспринимается элитами и общественным мнением в странах региона как реальный факт. И это наносит ущерб имиджу самой демократии в той трактовке, как она преподносится извне. Она начинает восприниматься как часть неокOLONизационного проекта. Не является секретом то обстоятельство, что в странах Центральной Азии само следование западным демократическим принципам воспринимается как слабость режимов, признак их сильной зависимости. По мнению, например, узбекских и даже казахских политиков и экспертов, есть прямая связь между «чрезмерной», как они считают, демократизацией в Кыргызстане и ростом террористической опасности с территории Кыргызской Республики для этих стран. Причем, это мнение не только политических элит, но и преобладающая общественная оценка. Различие в темпах демократических реформ стало представлять угрозу внутрорегиональным отношениям²¹.

Вообще, учитывая существующую в Азии куда более длительную по времени, чем даже в Европе, традицию демократизма, требует чрезвычайной осторожности процесс инсталляции западных демократических норм и институтов в азиатское общество. Десятилетний опыт подобных привнесений показывает, что эффективность внешнего участия в развитии демократии в регионе крайне низка. И дело здесь вовсе не в особенностях национального менталитета или персонах лидеров центральноазиатских государств. Проблема состоит в самом характере привнесений, их зачастую полной неадекватности местным реалиям. В государствах Центральной Азии, где политика находится под прессом клановых интересов, «ради сохранения и упрочения государственности как политического механизма представления публичного интереса в качестве интереса общества в целом приходится идти на такие ограничения политического плюрализма, которые по критериям развитых демократий выглядят антидемократическими»²².

Происшедшие в 2002 г. массовые выступления на юге республики – это проявление как раз того, что называется модернизационным срывом. Ни государственная машина, ни социальные нормы не успевают трансформироваться столь же быстро, как массовая общественная

²¹ См.: Bogatyrev V. The Central Asian transition: Threats to security. – Helsinki Monitor, 2003, No 3.

²² Сааданбеков Ж. Авторитаризм и демократия на Востоке. Астана: Култегин, 2003. С. 388.

психология. Народ, во многом благодаря той политике демократизации, которую проводил все первые годы Президент Аскар Акаев, словно «вспомнил» историческую матрицу свободолюбия. Но трагедия в том, что происходило это в обществе, не набравшем пока критической массы экономической самодостаточности и политической культуры, и с властью, которая оказалась не в силах совладать с ею же порожденными процессами.

К 2005 г. политическая ситуация в стране резко обострила вопрос о смене высшей власти. Причинами выступили:

- отсутствие существенных, крупных результатов в экономике и уровне жизни людей. Хотя с 1996 г. наблюдался рост экономики, сокращалась бедность, однако медленные изменения не воспринимались как движение вперед. Особенно заметно было отсутствие ощутимых результатов в регионах, сельской местности. Это привело к полной девальвации в глазах людей всех декларируемых властью программ. Они не знали об этих программах, не понимали их смысла, видели за многочисленными «национальными идеями», «программами», «матрицами» попытки власти получить за счет этого новые зарубежные гранты, представить, что дела идут хорошо;
- получившее широкое распространение мнение об отсутствии у власти внешнего суверенитета. При этом отмечалась жесткая зависимость от спонсоров внешних финансовых влияний и центров силы (США, Россия, Китай), неспособность занять твердую позицию по отношению к своим более сильным соседям (Казахстан, Узбекистан). Ориентирование на многополюсность политики воспринималось и трактовалось как слабость, бесконечное лавирование;
- девальвация высших решений власти. Принималось неадекватно большое количество законов, указов, постановлений правительства, значительная часть которых не исполнялась;
- всеобщее ощущение отсутствия сильного управления в стране. Несмотря на все новую и новую череду управленческих реформ, существовало ощущение, что они не доводились до конца и не затрагивали царящую повсюду старую идеологию управления. Было очевидным, что назначения на ключевые управленческие посты, особенно в последние два года, осуществлялись не по профессиональным основаниям;
- реакция на рост монополизации реальной политической власти в стране после 1995 г. Принимались только те политические идеи, которые исходили от Президента. Все ключевые политические и кадровые решения принимались только в президентской администрации. Любое проявление политической самостоятельности

воспринималось как враждебное, недопустимое. Не было политической корпоративности;

- нетерпимое отношение власти ко всем оппозиционным настроениям, движениям и политикам, стремление к информационному, идеологическому, политическому преследованию тех, кто не согласен и высказывает отличное от власти мнение;
- разочарование в демократических ожиданиях первых лет. Многие демократические начала вырождались в квазидемократию по советскому образцу. Шло усиление подконтрольных НПО, средств массовой информации, проведение массовых и пропагандистских мероприятий в духе советского времени;
- формирование критической массы обиженных властью, в том числе большой группы отставных высокопоставленных чиновников. Кадровая политика была построена таким образом, что у всех, кто уходил, возникало ощущение совершенной в отношении них несправедливости, что их использовали и выбросили;
- катастрофический рост коррупции и проникновение ее во все сферы жизни. Возникновение мнения о коррупционной природе самой высшей власти. Помимо повсеместно распространенных поборов со стороны милиции, налоговиков, других чиновников, оказывающих услуги населению, существовало устойчивое убеждение, что эти деньги передаются наверх, вплоть до Президента. Было очень устойчивым убеждение, что назначение на все государственные должности, вплоть до премьер-министра, членов правительства, происходило за деньги, выплачиваемые в семью Президента;
- появления феномена семейного управления страной и негативная реакция политических элит на вмешательство членов семьи Президента в кадровые вопросы и принятие решений. Это было усугублено активным пиаром семьи. В результате чего закрепилось устойчивое мнение о наследственной передаче власти;
- появление активных политических амбиций у нового поколения политиков.

Вследствие этих причин стали происходить определенные изменения и в политической расстановке сил. Возникло четыре вида оппозиции Президенту:

- массовая народная оппозиция, существующая в двух формах: открыто недовольных порядками в стране и Президентом (10–15%) и считающих, что Президент плох, но другие хуже (35–40%);
- оформленная политическая оппозиция, существующая уже в виде ряда хорошо сплоченных групп, ориентированных на решение вопроса ухода нынешнего Президента;

- «кухонная» оппозиция по советскому образцу: интеллигенция столицы и регионов, формально, на словах поддерживающая Президента, но фактически настроенная против него и ведущая пропаганду этих настроений в своей среде. Это были все основные элитные группы, включая даже ближайших соратников Президента;
- недовольные политические, управленческие и бизнес-элиты, а также чиновники всех уровней. Сюда входили и многочисленные «отставники».

В своей совокупности при сложившихся условиях эта критическая масса оказалась более чем достаточной для осуществления смены власти.

К концу 2004 г. в стране была сформирована достаточно разветвленная структура для политических действий против существующей власти. Ее составляли три блока:

Первый – оппозиционные политические партии и движения. Осенью 2004 г. шел активный процесс их соорганизации, завершившийся объединением в декабре в единый Координационный совет, костяк которого составляло «Народное движение Кыргызстана» во главе с Курманбеком Бакиевым.

Второй – сети неправительственных организаций. К этому времени они существовали как минимум в трех основных видах: сеть НПО, сконцентрированных вокруг Коалиции «За демократию и гражданское общество», сеть НПО, связанных с Ассоциацией центров поддержки гражданского общества, чьи проекты финансировались USAID, и сеть НПО, базирующихся на Информационных центрах демократии, созданных Национальным демократическим институтом США.

Третий – оппозиционные средства массовой информации. Их поддержка осуществлялась через Международный издательский центр и другие фонды.

В то же время пропрезидентские силы выглядели значительно слабее. Их образовывали две крупные («Алга, Кыргызстан!», «Адилет») и несколько мелких политических партий, два подконтрольных объединения неправительственных организаций (Ассамблея народа Кыргызстана и Ассоциация НПО и НКО), а также несколько квазиреальных структур, такие как Совет демократической безопасности, Совет предпринимателей и др. В результате прямолинейных действий все эти структуры имели негативную репутацию «карманных», действующих по указке Белого дома.

Негативную для Президента А. Акаева роль сыграла выбранная в качестве основной в ходе предвыборной кампании тактика информационной войны с оппозицией. Она оказалась ошибочной, поскольку ее результаты оказались прямо противоположными намерениям и нанесли существенный вред репутации Президента.

Правительственные СМИ обеспечили раскрутку всех основных оппозиционеров без всяких усилий со стороны последних. Особенно ярко это проявилось на примере Р. Отунбаевой, которая за счет публикаций правительственных СМИ в короткий срок превратилась в популярного общенационального политика. Тактика контракций типа создания клонов оппозиционных организаций «КелКел», проведения параллельных мероприятий (курултаев) была воспринята населением как использование властями ресурса российских политтехнологов, что после Украины имело резко негативную окраску.

В результате таким образом проведенной кампании ухудшилась информационная атмосфера в мире относительно Кыргызстана. Стали преобладать негативные оценки состояния демократии в стране и мнение об усилении авторитарной направленности существующего режима, стремлении действующего Президента сохранить свою власть. Заявления А. Акаева по поводу вероятности его баллотирования не воспринимались как истинные намерения в силу того, что они не были подкреплены реальными действиями по выдвижению преемника или хотя бы заявлений на этот счет. Поэтому в твердость намерений Президента оставить власть не верили ни внутри страны, ни вовне.

В такой ситуации оппозиции, сумевшей в то время объединиться, было нетрудно, используя итоги выборной кампании, организовать протестные акции, не встретив при этом сколь-нибудь заметного сопротивления ни власти, ни той части общества, которая, опасаясь нестабильности, боялась ухода А. Акаева. Выступления удалось перевести в формат массовых акций в столице страны, несмотря на то, что, как показали организованные независимым пулом социологов при поддержке ряда посольств западных стран опросы на выходе из избирательных участков, в среднем по обследованному участкам после первого тура 74,1% избирателей считали, что выборы в Жогорку Кенеш прошли честно²³.

Пришедший к власти в результате народных волнений Курманбек Бакиев сумел преодолеть политический кризис первых дней, связанный с существованием и претензией на власть одновременно двух составов Жогорку Кенеша, добился стабилизации обстановки, а затем победил на выборах 10 июля. Им заявлена необходимость реконструкции страны²⁴, включающей в себя четыре главных задачи:

- построить новую архитектуру власти, гарантирующую от рецидивов авторитаризма;
- демонтировать коррупционную систему;

²³Exit poll на парламентских выборах в Кыргызской Республике 2005 г. Бишкек, 2005.

²⁴ Бакиев К. Провести реконструкцию страны. Телевизионное обращение к народу 30 апреля 2005 г. Бишкек, 2005. (<http://www.sk.kg/2005/n45/1.html>)

- ввести новую экономическую политику, обеспечивающую благоприятную среду для экономического роста;
- и вывести на управленческую орбиту новое поколение политических и государственных деятелей.

В ходе развернувшейся политической борьбы было достигнуто соглашение о назначении на пост премьер-министра Феликса Кулова, что стало условием его участия в предвыборной президентской кампании на стороне Курманбека Бакиева. А результатом противостояния с Жогорку Кенешем стал тот факт, что в состав сформированного правительства не смогли попасть несколько активных участников победившей оппозиции.

Смена властных элит вызвала резкое обострение противоречий между родовыми группами, которое в политическом пространстве часто маркируют как противоречие между Севером и Югом.

Отступление о Севере и Юге

Кыргызское общество по своему субэтническому составу делится на кыргызов, образующих левое и правое крыло, объединяющие по нескольку родов, и родовую группу «ичкилик», а также другие этнические группы, самой крупной из которых являются узбеки, составляющие 14,3% населения страны²⁵ и проживающие в основном на ее юге. Расселение кыргызских родов идет, скорее, по оси восток-запад, но ичкилики живут в основном только на юге. Существует отличие в ментальности тех родовых групп, которые проживают в разных частях страны, а также различия в видах традиционной деятельности, представительстве во властных органах.

Если не считать короткого времени пребывания у власти Абсамата Масалиева (пять лет в перестроечный период), то последние 40 лет страной руководили представители одного северного рода – сарыбагышей. Это не могло не сказаться на продвижении во власть, в политические, научные и деловые элиты представителей этого и других близких им по различным основаниям северных родов. В сочетании с меньшим уровнем социально-экономического развития южного региона это создавало у южных элит ощущение несправедливости. Не случайно во главе оппозиционного А. Акаеву движения было большинство представителей южного политического истеблишмента.

Во многом поэтому события марта 2005 г. восприняты как победа Юга и поражение Севера. На последовавших затем президентских выборах намечавшееся соперничество К. Бакиева и Ф. Кулова трактовалось политическими элитами как борьба Юга и Севера. Соглашение между основными претендентами частично сняло остроту

²⁵ Кыргызстан: Стат. справочник. 2001–2004 гг. Бишкек, 2005.

этого вопроса, однако последовавшее в то же время выдвижение на ключевые посты представителей южных групп воспринималось северянами не как восстановление справедливости, а как властный передел.

Ситуация усугубилась внутренней миграцией, в результате которой многие южане, не имея дома работы, переехали в Бишкек. В период нестабильности большие группы мигрантов предприняли попытку самозахвата земель в Бишкеке и его окрестностях для строительства собственного жилья, что также вызвало обострение отношений с жителями столицы и Чуйской области. Отмечены были конфликты за рабочие места на рынках и среди владельцев автотранспорта, занимающихся частным извозом.

Работая в условиях посткризисного менеджмента, власти, пришедшие на смену Аскарму Акаеву, намерены придерживаться прагматического подхода, как в экономике, так и в политике. Предстоит достаточно длительный период политического лавирования, способного обеспечить стабильность и экономический рост. Лучшим результатом этого периода было бы устранение проблем, накопившихся во время правления первого президента и вывод на высокую политическую орбиту политиков нового, постсоветского поколения. Учитывая национальные возрастные предпочтения, это может произойти не раньше 2010–2015 гг., когда и придет к власти поколение, способное к трансформациям более высокой степени. К тому времени завершится и трансформация системы распределения властных полномочий между государственными институтами в сторону большего и более совершенного парламентаризма, обретения судебными органами реальной независимости, а также повышения роли гражданского общества, способного эффективно выполнять все свои функции.

Президент, Жогорку Кенеш и правительство, пришедшие к власти в 2005 г. выразили приверженность основным принципам международной деятельности и внешнеполитическим обязательствам Кыргызской Республики. Основы внешней политики закладывались еще в первые месяцы обретения независимости. В фундамент ее был положен принцип многовекторности, добрососедства и выстраивания тесных партнерских отношений с ведущими мировыми державами – Россией и Соединенными Штатами Америки. Позднее в этот список стратегических приоритетов был добавлен Китай. В главном документе, определявшем дипломатическую стратегию Кыргызской Республики, – доктрине «Дипломатия Великого шелкового пути»²⁶ – все эти принципы были закреплены в качестве постоянной внешнеполитической позиции и линии поведения новой независимой страны.

²⁶ См.: Акаев А. Дипломатия Великого шелкового пути. Бишкек, 1998.

Уже 21 декабря 1991 г. Кыргызстан подписал решение о создании Содружества Независимых Государств, а 2 марта 1992 г. был принят в члены Организации Объединенных Наций. За этим последовало принятие в десятки других международных организаций системы ООН, а затем ОБСЕ. В 1994 г. было создано Центральноазиатское экономическое сотрудничество, реорганизованное затем в Организацию Центральноазиатского сотрудничества, которая в октябре 2005 г. была объединена с ЕврАзЭС.

Кыргызская Республика с 1992 г. является членом Организации экономического сотрудничества и Организации «Исламская конференция». В 1998 г. Кыргызстан первым из стран СНГ стал членом Всемирной торговой организации. Кыргызская Республика являлась одним из соучредителей «Шанхайской пятерки»²⁷, переросшей в 2001 г. в Шанхайскую организацию сотрудничества. Кыргызстан является членом Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Перспективная цель Договора – создание всеобъемлющей системы коллективной безопасности на пространстве государств-участников, которая могла бы стать частью будущей общей системы международной безопасности в Европе и Азии²⁸.

Участие страны в международных организациях²⁹ всегда рассматривалось как залог вхождения в мировое экономическое сообщество и как механизм обеспечения безопасности.

За годы независимости страна получила немало дивидендов от широкого международного сотрудничества. Многие страны, в том числе находящиеся далеко от Кыргызстана и от Центральной Азии в целом, оказали ему существенную экономическую и гуманитарную помощь в переходный период. Негативной стороной этого стало формирование иждивенческого отношения, чрезмерное упование на внешнюю помощь и согласие строить политику развития в соответствии со стандартами доноров.

Вопросы внешней безопасности играют для Кыргызской Республики особую роль в силу целого ряда обстоятельств. Первым из них является отсутствие у страны достаточных ресурсов для организации автономной системы безопасности. Другой причиной является глобальный характер угроз, бороться с которыми в одиночку становится невозможным ни одной стране мира, сколь бы велика и могущественна она ни была. Кыргызстан еще в 1999 г. первым испытал на себе удар сил международного терроризма с территории Афганистана³⁰.

²⁷ Казахстан, Китай, Кыргызстан, Россия и Таджикистан.

²⁸ Договор о коллективной безопасности был подписан 15 мая 1992 г. в Ташкенте и вступил в силу 20 апреля 1994 г. сроком на пять лет. 2 апреля 1999 г. Протокол о продлении Договора подписали Россия, Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан.

²⁹ Подр. см. на официальном правительственном сайте: http://www.president.kg/president/out_politic/

³⁰ Подр. см.: Акимбеков С. Афганский узел и проблемы безопасности Центральной Азии. Изд. 2-е, испр. и доп. Алматы, 2003.

После начала операции в Афганистане Кыргызская Республика по согласованию со своими партнерами по ОДКБ предоставила аэропорт «Манас» для базирования транспортной авиации сил антитеррористической коалиции. Это решение вызывает немало опасений у соседей и тех сил в стране, кто считает, что «борьба с международным терроризмом» – только предлог для усиления влияния США и укрепления позиций НАТО в Центральноазиатском регионе³¹. Вопрос о времени существования базы «Ганси» в аэропорту «Манас» непосредственно связан с процессом нормализации ситуации в Афганистане. Поддержав усилия антитеррористической коалиции, Кыргызская Республика в то же время единственная в регионе не поддержала операцию в Ираке, считая, что вопросы снятия угроз посредством внешнего вмешательства должны решаться исключительно в рамках, регламентируемых ООН.

В рамках ОДКБ в городе Кант была также создана база авиационного компонента центральноазиатской группировки ОДКБ.

С проблемами безопасности тесно связан вопрос о границах и пограничных режимах. Наиболее сложными для Кыргызской Республики были пограничные отношения с Китайской Народной Республикой и Узбекистаном.

Процесс кыргызско-китайского пограничного размежевания был завершен в 1999 г. подписанием Дополнительного соглашения о кыргызско-китайской государственной границе³², политический конфликт вокруг которого стал причиной Аксыйских событий. Соглашение было ратифицировано Жогорку Кенешем только в мае 2002 г.³³ Таким образом, Кыргызская Республика первой среди стран бывшего СССР урегулировала вопрос о границе с Китаем³⁴. Кыргызско-китайские отношения успешно развиваются как в отношении укрепления безопасности и предупреждения терроризма в рамках беспокоящего китайскую сторону уйгурского вопроса³⁵, так и в области расширения экономического сотрудничества, расширения инвестиций Китая в экономику Кыргызской Республики.

Процесс урегулирования ситуации с кыргызско-узбекской границей оказался более сложным. Пограничные вопросы продолжают создавать немало проблем в отношениях с Узбекистаном³⁶. После смены власти в

³¹ Подр. см.: Афганистан и безопасность в Центральной Азии. Вып. 1 /Под ред. А.А. Князева. Бишкек: Илим, 2004.

³² См.: Материалы и документы о кыргызско-китайской государственной границе. Бишкек, 2003. С. 226.

³³ См. там же. С. 236.

³⁴ См.: Керимбекова Н., Галицкий В. К проблеме кыргызско-китайского пограничного размежевания (2-я пол. XIX в. – нач. XXI в.)//Там же. С. 133.

³⁵ См.: Сыроежкин К.Л. Мифы и реальность этнического сепаратизма в Китае и безопасность Центральной Азии. Алматы: Дайк-Пресс, 2003, а также материалы сайта Уйгурской информационной сети www.uighyrinfo.net

³⁶ Подр. см.: Аламанов С.К. Краткая история и опыт решения пограничных проблем Кыргызстана. Бишкек, 2005.

марте 2005 г. отношения с Узбекистаном стали налаживаться. Впервые за многие годы Узбекистан оказал Кыргызстану гуманитарную помощь, был открыт проезд по кратчайшей дороге между городами Ош и Джалал-Абад через узбекскую территорию, состоялся рабочий визит министра иностранных дел Кыргызской Республики в Узбекистан. Однако эти отношения несколько осложнились в связи с появлением в Кыргызской Республике беженцев из Узбекистана после событий в Андижане и Пахтаабаде. В вопросе о беженцах Кыргызская Республика строго соблюдала свои обязательства в рамках международных соглашений.

Особенностью нынешней внешней политики руководства страны провозглашены реализм и прагматизм³⁷. Внешняя политика ставится в роль помощника в решении задач внутреннего развития. При этом она предусматривает решение четырех главных задач. Во-первых, это наращивание дипломатических усилий по обеспечению безопасности Кыргызстана, что должно обеспечиваться, главным образом, за счет взвешенной и надежной системы внешнеполитических механизмов, использования потенциала всех международных институтов, в которые входит либо с которыми сотрудничает, начиная с ООН и до региональных и двусторонних форматов взаимодействия. Во-вторых, внешнеполитическая деятельность ориентируется на создание максимально благоприятных условий для экономического развития. Третий аспект – это забота о кыргызских гражданах за рубежом. И четвертый – формирование позитивного внешнеполитического образа Кыргызстана на международной арене. Провозглашено также намерение жить за свой собственный счет³⁸.

Реализм и прагматизм должны привести к тому, что Кыргызстан «возвратится домой», в Центральную Азию, перенеся акценты своего внешнеполитического внимания на региональный уровень.

³⁷ Бакиев К. Выступление на Гражданском форуме 20 апреля 2005 г. (<http://www.sk.kg/2005/n41/1.html>)

³⁸ Он же. Инаугурационная речь 14 августа 2005 г. (<http://www.president.kg/press/vistup/272/>)

DIE POLITIK KIRGISISTANS

Die kirgisische Republik erklärte ihre Unabhängigkeit am 31. August 1991 und reagierte damit im Wesentlichen auf den Moskauer Putsch. Dabei ging es auch um eine möglichst günstige Position bei dem damals neu zu verhandelnden Unionsvertrag.

Der Umbau der politischen Staatsordnung in Kirgisistan begann knapp ein Jahr vor diesen Verhandlungen mit der Einführung des Präsidentenamtes am 24. Oktober 1990. Der Oberste Rat wählte Askar Akajew, der kein Parteifunktionär und den Kommunisten gegenüber neutral war. Bereits am 13. Dezember lag Akajews Vorschlag über die Reform der staatlichen Gewalt dem Parlament zur Prüfung vor, das die Unabhängigkeit der Kirgisischen Republik bereits zwei Tage darauf, am 15. Dezember 1990, erklärte¹. Zwar war es nur ein Deklarationsakt ohne jede rechtliche Folge, dennoch war er bestimmend für das weitere politische Geschehen in Kirgisistan.

In den ersten Jahren der Unabhängigkeit wurde die Entwicklung des Staates auch von den Ereignissen in der Sowjetunion nach 1985 sowie von den Begebenheiten in Osch im Jahre 1990 beeinflusst.²

Die bedeutendsten Ereignisse nach dem 31. August 1991 waren unter anderem das Verbot der kommunistischen Partei Kirgisistans am 4. September 1991 und die ersten Wahlen des kirgisischen Staatspräsidenten am 12. Oktober. Bei jenen Wahlen gaben 95,3 Prozent der Wahlberechtigten ihre Stimme für Askar Akajew. Die erste Verfassung des unabhängigen Kirgisistan wurde am 5. Mai 1993 angenommen.

Die Staatsführung stand damals vor der zentralen innenpolitischen Aufgabe, die alte sowjetische Politikordnung in eine neue demokratische nach dem Vorbild westlicher Demokratien umzuwandeln. Dabei gab es eine Besonderheit, die im Nachhinein zahlreiche innen- und außenpolitische Komplikationen mit sich brachte: Denn die Umwandlung geschah ohne Rücksicht auf besondere historische Traditionen innerhalb des Aufbaus der kirgisischen Gesellschaft. Das Vorgehen ähnelte damit der einstigen Einführungsweise der sowjetischen Verwaltungsordnung stark.

Der politische Staatsaufbau in Kirgisistan bekam die Form einer Pyramide, an deren Spitze der Präsident als Staatsoberhaupt auf den drei relativ unabhängigen Zweigen der öffentlichen Gewalt thront³. Dabei kann

¹ Diese Staatsbezeichnung existierte zwischen 1991 und 1993, als die Republik Kirgisistan in ihrer ersten Verfassung noch als Kirgisische Republik bezeichnet wurde.

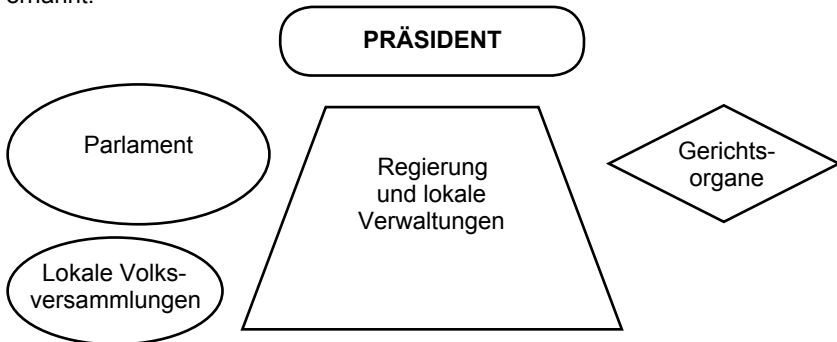
² Siehe auch: Postsowjetisches Kirgisistan mit den Augen ausländischer Politikwissenschaftler/ A. Akunow, W. Kiutin, W. Pritkow, S. Tochtomischew (Hrsg.) in: Elpek-Verlag, Bischkek 1998.

³ Siehe: Verfassung der Kirgisischen Republik, Bischkek 2004 (http://www.president.kg/docs/const_2003rv/)

der Präsident das Kabinett bilden, dem Parlament die Kandidaten für das Richteramt am Obersten Gericht vorschlagen und das Parlament auflösen. Bis heute bestehen diese Vollmachten, jedoch können jetzt die Kabinettsmitglieder nur nach Zustimmung des Parlaments in ihrem Amt bestätigt werden.

Das Prinzip der Gewaltenteilung wird in Kirgisistan mit einigen Vorbehalten verwirklicht. Der Präsident gehört zu keiner der drei Gewalten und übt sowohl die exekutiven als auch die legislativen Funktionen aus⁴.

Dem Kabinett steht der Premierminister vor, der vom Präsidenten nach Zustimmung durch das Parlament ernannt wird. Sämtliche Vorsteher der regionalen Organe der staatlichen Gewalt werden ebenfalls vom Präsidenten ernannt.

Die oberste legislative Gewalt wird vom Parlament ausgeübt. In der ersten Phase vor Inkrafttreten der Verfassung des unabhängigen Kirgisistan hatte der Oberste Rat die legislative Gewalt inne⁵. Im Prinzip war es ein Einkammerparlament.

Mit der Annahme der neuen Verfassung bekam das Parlament die neue Bezeichnung «Dschoorgu Kenesch» und wurde mit den Funktionen des obersten legislativen Staatsorgans ausgestattet. 1995 trat das neue Zweikammerparlament zum ersten Mal zusammen, mit Abgeordneten, die nach dem Mehrheitsprinzip und den Kandidatenlisten in den Wahlbezirken gewählt wurden. Diese zwei Kammern waren die gesetzgebende Versammlung (45 Abgeordnete) und die Volksvertretung (35, später 60 Abgeordnete). In der 2. Legislaturperiode (2000 bis 2005) setzte sich die gesetzgebende Versammlung jeweils zu zwei Dritteln aus Abgeordneten, die nach Kandidatenlisten gewählt wurden, sowie zu einem Drittel aus Kandidaten der Parteilisten zusammen. Insgesamt 15 akkreditierte politische

⁴ Siehe auch: E. Abildajew: Politische Ordnung Kirgisistans: Probleme und Perspektiven, in: Ilim-Verlag, Bischkek 2001.

⁵ Siehe auch: M. Kutschukow: Hauptphasen der Parlamentsentwicklung in der Kirgisischen Republik zwischen 1990 und 2000. Doktorarbeit der Geschichte. Bischkek 2004.

Parteien hatten damals ihre Kandidaten aufgestellt⁶. Die Verfassung schrieb ein komplexes System der Zuständigkeitsabgrenzungen für die einzelnen Parlamentskammern vor.

2005 kehrte man zum Einkammerparlament zurück, das 75 Abgeordnete hatte, die in den Wahlkreisen nach Kandidatenlisten gewählt wurden.

Das heutige System der staatlichen Gewalt stellt ein weitgehend durchdachtes Modell dar, welches anspruchsvollsten demokratischen Standards entspricht⁷. Dennoch steht es unter ständiger Kritik, denn das System orientiert sich weniger an rechtlichen Rahmen, sondern wird vielmehr von der jeweiligen politischen Mentalität geprägt.

In der Verfassung von 1993 wurde die lokale Selbstverwaltung dem Volk übertragen. Mit der Bestimmung über die lokale Selbstverwaltung von 1994 konnten die lokalen Selbstverwaltungsorgane gewählt werden⁸. Das geschah zum ersten Mal am 22. Oktober 1994. Damit löste man das sowjetische System der Ortsräte ab. 1996 entstanden Exekutivausschüsse bei den Dorfgemeinden (sog. Dorfämter). Damals wurden mehrere staatliche Aufgaben an die Ortsgemeinden übertragen und soziale Einrichtungen in kommunales Eigentum überführt. Nach 1997 befassten sich auch die Stadtverwaltungen mit der Reform der lokalen Selbstverwaltung.

Nicht umgesetzt wurde damals jedoch die geplante Entwicklung eines Instrumentariums für die Selbstfinanzierung der lokalen Verwaltungen.⁹ Erst im Dezember 2004 wurde ein Gesetz verabschiedet, mit dem neue Regeln für die öffentlichen Haushalte in Kraft traten, die die lokale Entwicklung fördern sollten.

Die neue Verwaltung entstand aus den früheren sowjetischen Verwaltungsorganen. Deshalb wurden einige Elemente des einstigen Systems längerfristig beibehalten. Trotz des demokratischen Wahlprinzips besaßen der Präsident und die einstigen Staatsfunktionäre eine weit reichende Macht, die ihnen totalen Einfluss ermöglichte. Der Präsident und sein Apparat kontrollierten sämtliche Lebensbereiche, auch die, die in die Zuständigkeit anderer Gewalten fielen. Der erst Mann im Staate verfügte über eine uneingeschränkte Macht über die Regierung und während der ersten zehn Jahre auch über das Parlament und bediente sich dabei verschiedener Einflussmittel einschließlich der Parlamentsauflösung. Die Judikative war ebenfalls der totalen Kontrolle des Präsidenten unterworfen. Zwar wurde die

⁶ Eben da.

⁷ Siehe auch: G. Isakowa: Wahlen und Demokratie in Kirgisistan: Verfassungsrahmen der Präsident-Parlament-Verhältnisse, in: Biyiktik-Verlag, Bischkek 2003.

⁸ K. Dschumalijew, T. Odschukejewa (Hrsg.): Das 21. Jahrhundert: Die Institution des Präsidentenamtes in der Kirgisischen Republik. Teil I, in: Ilim-Verlag, Bischkek 1998.

⁹ A. Akajew: Demokratie ist ohne die Unterstützung der Volksherrschaft ohnmächtig. Vortrag auf der Tagung der lokalen Selbstverwaltungsvorstände der Kirgisischen Republik (am 23. Nov. 1994)// Kirgisistan: Werdegang der Unabhängigkeit. Bischkek 1995.

Struktur an marktwirtschaftliche Bedingungen angepasst, dennoch behielt sie zahlreiche überflüssige Funktionen bei, die noch aus der Zeit stammen, als der Staat das Gesamtleben seiner Bürger kontrollierte. Angesichts geringer Einkünfte öffentlicher Angestellter bereiteten diese Umstände den Nährboden für die Korruption.

Die Staatsführung wollte Mängeln in der Verwaltung vorbeugen und akzeptierte die Unterstützung von unterschiedlichen internationalen Organisationen und Geberinstitutionen. Diese halfen bei der Reform des Verwaltungssystems, einer Evaluation der Staatsorgane und der Einführung neuer Verwaltungsstandards. Das neue Staatsdienstmodell beabsichtigte ferner die Trennung zwischen politischen und administrativen Ämtern, die Ausschreibung öffentlicher Ämter, die obligatorische Offenlegung der Einkünfte öffentlicher Angestellter und letztlich auch ihrer Familienangehörigen. Im Zuge der Korruptionsbekämpfung wurden praktische Maßnahmen zur Abschaffung korruptionsfördernder Faktoren umgesetzt. Die Anzahl der lizenzpflichtigen Geschäfts- und Unternehmensarten ging jeweils von 63 auf 29 und von 196 auf 102 bis 2005 zurück. Mit dem verabschiedeten Gesetz plante man die Fülle an Zertifizierungs- und Standardisierungsanträgen um das Zehnfache zu reduzieren. Um der Korruption im Bildungsbereich entgegenzuwirken, wurden schriftliche Tests bei der Einschreibung an Hochschulen eingeführt.

Die Gerichtsreform war mit den 2003 verabschiedeten Gesetzen zur Verfassungsänderung weitgehend abgeschlossen. Die ursprünglichen drei Gerichtsformen, das Verfassungsgericht, das Oberste Gericht und die Zivilgerichte einschließlich der Schiedsgerichte, wurden in zwei Arten umgewandelt. Im Moment existieren das stark kritisierte Verfassungsgericht und die Zivilgerichte, die sämtliche Arten der Gerichtsverfahren durchführen: Straf-, Zivil-, Schieds- und Verwaltungsverfahren. Darüber hinaus wird die Schiedsgerichtsbarkeit in Zivilrechtsstreiten praktiziert.

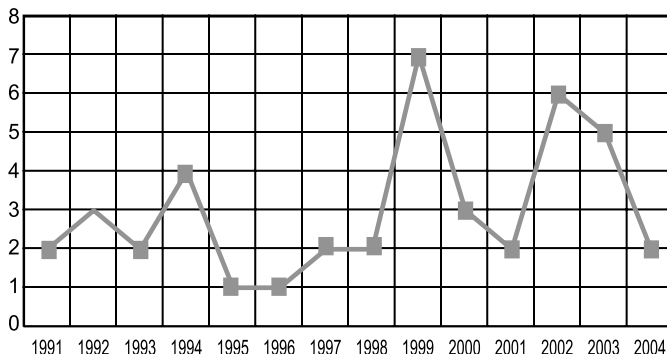
Mit den erlangten demokratischen Freiheiten betraten zahlreiche Parteien die politische Bühne. Im November 1991 wurden 65 Parteien und bürgerliche Bewegungen im Justizministerium registriert¹⁰. Die meisten von ihnen sind inzwischen aufgelöst. Am 1. Juni 1995 gab es nur noch 12 Parteien und sechs offiziell registrierte bürgerliche Bewegungen.¹¹

Die damals in Kirgisistan entstandenen Parteien hatten wenige Mitglieder, die sich um einzelne politische Führer gruppieren. Außerdem gab es Parteien, die aus den KPdSU-Überresten entstanden waren, sowie solche, die mit Hilfe der Administration extra für die Wahlen von 1995 und 2000 gegründet wurden. Aus dem folgenden Diagramm geht hervor, dass die Parteigründungen sich an den jeweiligen Wahlterminen orientierten.

¹⁰ U. Tschinalijew: Besonderheiten der Entstehung einer bürgerlichen Gesellschaft in der Kirgisischen Republik. Moskau 2001, Seite 69.

¹¹ F. Nijasow (Hrsg.): Politische und wirtschaftliche Reformen in Kirgisistan (1991–1995), Bischkek 1995, Seite 31.

NEUGRÜNDUNG VON PARTEIEN

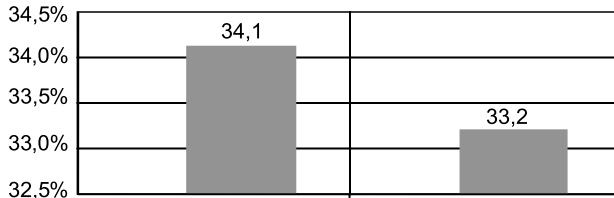
Der 1998 unternommene Versuch, die Neugründung von politischen Parteien mittels des in Kraft gesetzten Wahlverfahrens zu fördern, zeigte zuerst quantitative Wirkung. Damals wurden die meisten Parteien gegründet, darunter auch größere, wie beispielsweise «Adilet», «Ar-Namis» oder «Mein Land», die jeweils zentrumsnah oder rechtsorientiert waren. Diese Parteien forderten den kommunistischen Linksflügel heraus.

Bei den Parlamentswahlen 2005 stellten sechs Parteien ihre Kandidaten auf, von denen nur 16 das Abgeordnetenmandat erhielten, so dass tatsächlich keine Fraktionen zustande kamen. Anfang März 2005 wurden 42 Parteien in Kirgisistan registriert. Dennoch sind bei weitem nicht alle von ihnen politisch aktiv, besonders in den Regionen nicht. Für die Wahlen zu den lokalen Abgeordnetenversammlungen 2004 stellten nur 12 Parteien ihre Kandidaten auf und betrieben entsprechende Wahlaktivitäten. Diese Konstellation ergab, dass 1.487 Kandidaten (22,07 Prozent) von der Adilet-Partei, 1.351 Kandidaten (20,05 Prozent) von der Partei Alga-Kirgisistan, 203 Kandidaten (3,01 Prozent) von der Partei «Neue Kraft», 111 Kandidaten (1,65 Prozent) von der Elet-Partei und 58 Kandidaten (0,86 Prozent) von der Partei «Mein Land», (jeweils bezogen auf die Gesamtzahl der Abgeordneten) Mandate in den lokalen Abgeordnetenversammlungen erhielten. Die kommunistische Partei war mit 9 Abgeordneten (0,13 Prozent), die Atameken-Partei mit 8 Abgeordneten (0,12 Prozent), die Partei der Gerechtigkeit und des Fortschrittes mit 2 (0,03 Prozent) und die Ar-Namis und die Kirgisistan-Keletschegi-Partei jeweils mit einem Abgeordneten vertreten.

Trotz wachsender politischer Beteiligung ist festzustellen, dass den Parteien der nötige Rückhalt in der Bevölkerung bislang fehlt. Eine Meinungsumfrage von November 2004 zeigt den mangelnden Bekanntheitsgrad mehrerer Parteien und ein geringes Vertrauen der Bevölkerung in diese. 34,1 Prozent der Befragten konnten die Frage «Welche

kirgisischen Parteien sind Ihnen bekannt?» kaum beantworten. Bei einer ähnlichen Umfrage im September 2003 wussten 38,1 Prozent der Befragten keine Antwort auf diese Frage. 60,1 Prozent in Bischkek wussten eine Antwort auf diese Frage, der höchste Anteil in ganz Kirgisistan.

ANTEIL DER ERWACHSENEN, DENEN DIE PARTEIEN IN KIRGISISTAN VÖLLIG UNBEKANNT SIND

Die Parteienlandschaft Kirgisistans spiegelt nur bedingt die Ziele und Erwartungen der Bevölkerung wieder. Die linken Parteien vertreten die Interessen der Bevölkerungsgruppen, die während des Überganges zur freien Marktwirtschaft die meisten Nachteile erlitten haben. Das sind Rentner, Jugendliche, Arme und Sozialschwache sowie die Verfechter sozialistischer und kommunistischer Wertvorstellungen. Die politisch weiter rechts stehenden Parteien vertreten die Interessen der Unternehmer, Großbesitzer und Verfechter nationaler Ideen. Führend sind jedoch die Parteien des Zentrums, die 62 Prozent der Wählerschaft hinter sich wissen. Ihre Ideen stehen für die, die in der staatlichen Verwaltung, den Staatsbetrieben und in haushaltsfinanzierten Institutionen beschäftigt sind.

Die Ereignisse des Frühjahr 2005 zeigten, dass sich die politischen Parteien Kirgisistans in einer ausgeprägten Transformationsphase befinden. Die für das vergangene Jahrhundert traditionellen Organisationsformen werden von neu gegründeten politischen Bürgerbewegungen, Blockvereinigungen, Verbänden und anderem abgelöst.

Politische Bewegungen und Vereinigungen arbeiten auf ein klares und relativ nahes Ziel hin. Als Beispiel wäre die Bewegung «Für Akajews Entlassung und die Volksreform», die Volksbewegung Kirgisistans und der Volkskongress zu nennen. Meist sind unterschiedliche politische Organisationen in solchen Vereinigungen vertreten. Im Gegensatz zu Parteien sind sie ideologisch unterschiedlich gefärbt und besitzen ein weiteres kennzeichnendes Merkmal: ihre Kurzlebigkeit. Mit dem Erreichen ihres Gründungsziels fallen politische Bewegungen meist auseinander oder sie verwandeln sich in nachhaltiger und besser organisierte Strukturen, manchmal auch in politische Parteien. Die Lebenserwartung von Parteien hängt eher von der politischen Lebensdauer ihrer Führung als von der Umsetzung der jeweiligen Ideen ab.

Die Zivilgesellschaft Kirgisistans entwickelt sich langsam und in mehreren Phasen:¹²

1992–1993:

In Phase I der Entwicklung der Zivilgesellschaft nimmt die Bedeutung ehemaliger Akteure der Gesellschaft langsam ab. Zu dieser Zeit entstanden erstmals in Kirgisistan politische Bewegungen, die sowohl demokratisch bzw. antikommunistisch als auch nationalistisch waren.

1993–1995:

In Phase II der zivilgesellschaftlichen Entwicklung nehmen einige internationale nichtstaatliche Stiftungen und Organisationen ihre Arbeit auf und unterstützen zahlreiche lokale Nichtregierungsorganisationen.

1996–1998:

Phase III beginnt mit der Verabschiedung wichtiger Gesetze, auf denen die Zivilgesellschaft beruht, zum Beispiel das Zivilgesetzbuch der Kirgisischen Republik vom 8. Mai 1996 (Teil I), das Gesetz über die amtliche Eintragung juristischer Personen vom 12. Juli 1996 und das Gesetz über Genossenschaften und Gesellschaften vom 15. November 1996. Bedeutend war auch die Gründung von Vertretungen mehrerer internationaler Organisationen und Stiftungen in Kirgisistan.

1998–2000:

Während der Phase IV starteten Reformprogramme, die der Unterstützung der Zivilgesellschaft bedurften. Aus der Umsetzung dieser Programme ergab sich das Mitbestimmungsrecht für alle innerhalb der Gesellschaft. Außerdem wurde begonnen, Institutionen zu fördern, die Selbsthilfe, gegenseitige Unterstützung, Kleinkreditfinanzierung und anderes unterstützen. Dieser Schritt führte zur Gründung vieler politisch neutraler Nichtregierungsorganisationen. Die Gesamtzahl der Nichtregierungsorganisationen versechsfachte sich damals und lag bei mehr als 1.800. In dieser Zeit schärften viele Nichtregierungsorganisationen ihr Profil und dehnten ihren Aktionsradius in die Regionen, also von der Hauptstadt in den Süden nach Osh und Dschalalabad, aus.

Die Geberinstitutionen arbeiteten dabei eng mit den Nichtregierungsorganisationen zusammen.

Nach 2000 stieg die Zahl der Nichtregierungsorganisationen schlagartig an. Gerade in dieser Zeit widerstand die Zivilgesellschaft Versuchen der Staatsmacht, die demokratischen Neuerungen zu unterbinden. Gleichzeitig wurden erste Stimmen laut, die zum Kampf gegen die Korruption aufriefen.

¹² Periodisierung lt. UNDP Human Development Report, Bischkek 2005.

DIE ENTWICKLUNG DER NICHTREGIERUNGSORGANISATIONEN IN KIRGISISTAN LÄSST SICH MIT FOLGENDEN ZAHLEN DARSTELLEN¹³:

	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Gesamt	340	561	658	767	938	1487	1841	2325	3146	3850	4828	6120	7462	9076
Öffentliche Vereinigungen*	34	70	95	119	142	516	543	604	690	767	890	987	1102	1187
Berufs- verbände	38	70	84	100	119	158	252	333	393	469	534	592	627	664
Gewerk- schaften	125	164	168	168	173	185	193	195	227	286	355	438	488	512
Religiöse Einrichtun- gen	10	29	33	50	74	91	131	177	189	205	235	265	371	399
Politische Einrichtun- gen	15	25	33	40	53	64	72	76	88	91	94	102	107	113
Sonstige öffentliche Vereini- gungen	118	203	245	10	377	473	650	940	1559	2032	2720	3736	4767	6201

*Als öffentlichen Vereinigungen werden hier Firmen- und Unternehmensverbände verstanden ¹⁴

Der zivilgesellschaftliche Bereich wurde weitgehend von internationalen Organisationen finanziert. Der UNDP Human Development Report zeigt, dass zwischen 2001 und 2005 allein zwei dieser Organisationen – die Soros Foundation und USAID – diverse, von kirgisischen Nichtregierungsorganisa- tionen betriebene Projekte und Programme im Wert von über 106 Millionen US-Dollar finanzierten¹⁵. Seit der Unabhängigkeit stellten die USA insgesamt rund 600 Millionen US-Dollar zur Unterstützung demokratischer Ziele bereit. Dieser Betrag übersteigt die in die militärische Zusammenarbeit geflossene Geldsumme um das Zwanzigfache.¹⁶

Nach den Ereignissen vom März 2005 begann für die Nichtregierungsorg- anisationen eine neue Ära. Fast zeitgleich organisierten die politisch aktivsten unter ihnen ein Bürgerforum, das innerhalb der Zivilgesellschaft vermitteln

¹³ Angaben des Justizministeriums vom 1.1. 2005

¹⁴ In: UNDP Human Development Report – Bischkek 2005.

¹⁵ In: UNDP Human Development Report – Bischkek 2005.

¹⁶ W. Bogatirew: Ergebnisse der Zusammenarbeit mit den USA im Bereich der Sicherheitspolitik in Zentralasien: Wurde die Region tatsächlich sicherer? In: Zusammenarbeit zwischen den zentralasiatischen Staaten und den USA im Bereich der Sicherheitspolitik in der Region. Materialien der internationalen Konferenz (Almaty, 17. März 2005). Almaty 2005.

sollte. Am 20. April 2005 trat das neue Staatsoberhaupt Kurmanbek Bakijew öffentlich vor das Bürgerforum und ließ die neue Politik der Staatsmacht im Hinblick auf die Zivilgesellschaft verlauten: «Es gilt, den Umgang mit dem Nichtregierungssektor an sich zu verändern. Die vorherige Macht rief zur Partnerschaft mit der Zivilgesellschaft auf, betrachtete es aber als ihr eigenes Recht zu bestimmen, was die Zivilgesellschaft bekommt und was ihr verweigert wird. Manche wollen nach dieser Logik weiterverfahren. Ich denke aber, dass die Rolle des Präsidenten, der Regierung und des Parlaments woanders liegt. Wir müssen die rechtlichen Rahmenbedingungen für eine vollwertige und gleichberechtigte Mitbestimmung und Mitsprache aller in der Zivilgesellschaft schaffen. Das ist das Wichtigste. Und zum zweiten müssen wir gemeinsam konkrete Verfahren, Instrumente und Formen solcher Mitbestimmung erarbeiten».¹⁷

Dennoch gewann die Zivilgesellschaft im Land kaum an Bedeutung und Einfluss, auch wenn es keine Beschränkungen und Hindernisse gab. Die Gesellschaft vermochte es nicht, ihre gemeinsamen Interessen zu erkennen und gemeinsames Handeln zu beschließen. Die Führungsspitzen der bürgerlichen Gesellschaft standen nach wie vor im Konkurrenzkampf um die Ressourcen. Sie waren es gewohnt, nur als Opposition zu agieren, mussten sich erst an die nun möglichen gesellschaftlichen Wechselwirkungen mit der Staatsmacht gewöhnen und wurden vorerst nur dann aktiv, wenn es darum ging, die Regierung zu kritisieren.

Zum anderen Extremfall gehören die Organisationen, die die Staatsmacht fast ausschließlich tolerieren. Das sind vor allem Berufs- und ethnische Vereinigungen.¹⁸

Um dieses Problem zu lösen, kann das gemeinsam ausgearbeitete Programm beitragen, das per Präsidentenerlass im Oktober 2005 in Kraft trat. Mit ihm soll die fehlende Erfahrung ausgeglichen und Fähigkeiten konstruktiver Interaktion zwischen der Staatsmacht und der Zivilgesellschaft erworben werden.

Mit der Unabhängigkeit hielt auch die Meinungsfreiheit in Usbekistan Einzug. Zwar gibt es mehr als 300 offiziell registrierte Massenmedien, dennoch ist ein bescheidener Teil von ihnen tatsächlich geschäftlich aktiv, die anderen verfügen schlichtweg nicht über die finanziellen Mittel. Über 90 Prozent aller Zeitungen und rund die Hälfte aller Zeitschriften und Informationsblätter widmen sich politischen Themen. Bei den Rundfunk- und Fernsehanstalten gibt es wesentlich weniger Politik, sie macht durchschnittlich 25 Prozent des Sendeplans aus.

¹⁷ K. Bakijew: Öffentlicher Auftritt im Bürgerforum am 20. April 2005 (<http://www.sk.kg/2005/n41/1.html>)

¹⁸ U. Tschinalijew: Besonderheiten bei der Entwicklung der Zivilgesellschaft in der Kirgisischen Republik.

AUFLAGENSTÄRKE POLITISCHER MEDIEN IN KIRGISISTAN (ZU BEGINN 2005)

Medium	Auflage	Medium	Auflage
Vetscherni Bischkek	400.000	Aalam	80.000
MCH	240.000 –260.000	RIF Stolitsa	40.000.
Komsomolskaja Pravda w Kirgisistane	176.000	Respublika	28.000–32.000
Slowo Kirgisistana (das Wort Kirgisistans)	144.000	Moskowskij Komsomolets v Kirgisistane	28.000
Agym	72,000 –128,000	Argumenty i Fakty v Kirgisistane	24.000
Kirgis Tuusu	120.000	Obschtestvennij Rating	12.000
Delo-Nr. (Akte-Nr.)	100.000	Tribuna	10.000–12.000
Litsa (Gesichter)	10.000		

Die Massenmedien geben die Meinung bestimmter politischer Gruppen wieder oder arbeiten im Auftrag diverser Gruppen oder einzelner Politiker. So existiert in Kirgisistan keine unabhängige und freie Presse.

Eine Mitwirkung der Presse an der Bildung öffentlicher Meinung wird durch eine fehlende politische Kultur, mangelnde Berufserfahrung der Journalisten und Druck auf die Massenmedien, der mit juristischen und anderen Mitteln ausgeübt wird, erschwert. Zwei Zeitungsverlage lösten sich innerhalb der letzten fünf Jahre wegen vermögensrechtlicher Verfolgung auf.

Intensive demokratische Reformen und die rasante Zunahme neugegründeter Parteien, Nichtregierungsorganisationen und privater Massenmedien verliehen Kirgisistan die Bezeichnung einer Insel der Demokratie in Zentralasien. Dennoch änderte sich diese Situation mit der Zeit. Der erste Präsident Askar Akajew gestand öffentlich: «Vorbei sind die Zeiten, als man alles in rosarotem Licht sah. Die Realität erwies sich als härter.»¹⁹

Letztlich häuften sich die negativen Begebenheiten, spitzten sich in drei Stufen zu und mündeten letztlich in die Ereignisse des 24. März 2005, als das Regierungsgebäude von Demonstranten besetzt wurde und Akajew aus dem Land flüchtete.

Stufe I – Innenpolitik zwischen 1996 und 1999 und Akajews Entscheidung, bei den Präsidentenwahlen 2000 erneut zu kandidieren.

Stufe II – Aksu-Tragödie 2002.

Stufe III –Verfassungsänderung und Parlamentswahlen im Februar und März 2005.

¹⁹ A. Akajew: Optimistischer Blick in die Zukunft. Gedanken über die Außenpolitik und die Weltordnung. Verlag Internationale Beziehungen, Moskau 2004, Seite 56.

Exkurs «Kirgisische Demokratie»

In ihrer ganzen Geschichte hatten die Kirgisen keine anderen Formen der Gesellschaftsordnung außer der Gemeindedemokratie. Die Sklaverei (privates Eigentum an Menschen) und der Feudalismus (privates Eigentum an Grund und Boden) waren ihnen fremd. Zu den traditionellen Formen der Gesellschaftsordnung bei den Kirgisen wie auch bei anderen asiatischen Nomadenvölkern zählen die Militäradokratie und die Nomadendemokratie. Die beiden Machtformen sind in ihrem Wesen repräsentativ und beinhalten ein hohes Maß an demokratischer Mitbestimmung. Abgesehen von der kurzen sowjetischen Machtperiode war der Totalitarismus den zentralasiatischen Machtregimes nie eigen. Die Autokratie war stets weitgehend beschränkt und orientierte sich an den Interessen des Volkswohles.

Demokratische Werte sind der kirgisischen Mentalität eigen, so dass sie sowohl als gesellschaftliche Lebens- und Verhaltensnormen als auch als Institutionen angenommen und in Kraft gesetzt wurden. Erst nachdem die Kirgisen russische und später auch sowjetische Ansätze in ihre Gesellschaft übernahmen, traten ernsthafte Verformungen dieser Mentalität ein. Die Macht der Intellektuellen rückte in den Hintergrund und räumte der Macht der Mitläufer den vorderen Platz ein. Dennoch hielt sich auch damals der unterschwellige Einfluss der intellektuellen Elite auf die Machthaber.

Die Rückkehr zu demokratischen Grundsätzen der Gesellschaftsordnung begann hierzulande erst nach 1985. Umso rasanter verliefen die Veränderungen in Kirgisistan nach der Unabhängigkeit.

Um die Besonderheiten der politischen Veränderungen in der Region besser zu verstehen, sollte man zwei Umstände besonders beachten:

Erstens: Die zentralasiatischen Staaten und das dabei aus westlicher Sicht am weitesten fortgeschrittene Kirgisistan versuchen eine Demokratie aufzubauen, die nur im Hinblick auf einige äußere Merkmale dem amerikanischen oder dem europäischen Demokratiemodell ähnlich ist. In Kirgisistan und im benachbarten Kasachstan gibt es heute einen asiatischen Liberalismus. Es wäre sinnlos, die Gewissens- und die Meinungsfreiheit, den Parlamentarismus und die zahlreichen politischen Parteien und öffentlichen Bewegungen zumindest in diesen beiden zentralasiatischen Staaten abzustreiten.

Zweitens. Von Anfang an stand der Demokratisierungsprozess in den zentralasiatischen Staaten unter großem äußeren Druck der Weltmächte. Damit sind nicht nur ausländische und internationale demokratische Institutionen gemeint. Mehrere wirtschaftlich und politisch starke Staaten nutzen die politischen und wirtschaftlichen Folgen der Transformation, um ihre eigenen wirtschaftlichen und politischen Interessen in der zentralasiatischen Region zu verfolgen. Sehr viele Experten verbinden die 2002 durch sämtliche zentralasiatische Staaten gegangene Welle der Oppositionsbewegungen direkt mit der verstärkten Präsenz der US-amerikanischen und der

europäischen Militärkräfte im NATO-Bündnis. Wenn diese Vermutung wahr ist, so haben wir es mit den sogenannten militärpolitischen «Think-Tanks» zu tun, die eine «Unterstützung des Demokratisierungsprozesses» zum Ziel haben, wie sie ihre Mission selbst bezeichnen. In diesem Fall haben die äußeren demokratisierenden Einflüsse eine direkte destabilisierende Wirkung.

So oder so wird das geopolitische Engagement der «Democracy Promotion Institutes» von den politischen Eliten und der öffentlichen Meinung in den Staaten dieser Region als eine real existierende Tatsache wahrgenommen. Dies beeinträchtigt aber das Ansehen der in dieser Form propagierten Demokratie selbst. Demokratie wird als ein Teil des Neukolonisierungsprozesses empfunden. Zumal es kein Geheimnis ist, dass die Umsetzung der westlichen demokratischen Prinzipien als eine Schwächung der Staatsmacht und als Zeichen ihrer starken Abhängigkeit verstanden wird. Nach Meinung usbekischer und selbst kasachischer Politiker und Experten besteht eine direkte Verbindung zwischen der angeblich «überspitzten» Demokratisierung in Kirgisistan und der gestiegenen Gefahr des Terrorimportes aus Kirgisistan in diese Staaten. Nicht nur politische Prominenz, sondern auch die Öffentlichkeit vertritt diese Meinung. Die Unterschiede im Tempo der Umsetzung demokratischer Reformen birgt somit eine Gefahr für die zwischenstaatlichen Beziehungen innerhalb der Region.²⁰

Generell sollte man die in Asien weitaus länger als in Europa existierende traditionelle Demokratie berücksichtigen und sehr vorsichtig mit der Implementierung westlicher demokratischer Normen und Institutionen in die asiatische Gesellschaft umgehen. Die zehnjährigen Erfahrungen mit derartigen Aktionen zeigen, dass die Effekte äußerer Einwirkungen auf die Entwicklung der Demokratien in dieser Region extrem niedrig sind. Das liegt aber keinesfalls an den Besonderheiten nationaler Mentalitäten und den jeweiligen Personen der zentralasiatischen Staatsoberhäupter. Das Problem besteht vielmehr im Wesen dieses Demokratieexports und in seinen für die lokalen Gegebenheiten mitunter völlig fremden Inhalten. In den zentralasiatischen Staaten wird die Politik durch Sippeninteressen beeinflusst, denn «hier gilt es, die Einschränkungen des politischen Pluralismus hinzunehmen, um dadurch die Staatlichkeit als politisches Instrument zur Vertretung des öffentlichen, ja des gesellschaftlichen Gesamtinteresses zu wahren, was allerdings aus Sicht der entwickelten Demokratien antidemokratisch scheinen mag.»²¹

Die 2002 erfolgten Massendemonstrationen im kirgisischen Süden verkörpern per se die vor Überspannung geplatzte Modernisierung. Weder die staatliche Maschinerie noch die sozialen Normen können sich im gleichen Tempo wie die Psychologie der Masse der Gesellschaft verändern. Als ob dem Volk die historische Matrix der Freiheitsliebe dank der einst von Präsident Akajew betriebenen Demokratisierungspolitik wieder bewusst geworden wäre.

²⁰ W. Bogatirew: The Central Asian Transition: Threats to Security. – Helsinki Monitor, 2003, No 3.

²¹ J. Saadanbekow: Autokratie und Demokratie im Osten, in: Kulteegin, Astana 2003, Seite 388.

Dennoch bestand das Dramatische darin, dass diese Wandlung in einer Gesellschaft erfolgte, die soweit keine wirtschaftliche Selbständigkeit und politischen Kultur erreicht hatte und von einer Macht regiert wurde, die es nicht vermochte, die von ihr ausgelösten Gesellschaftsabläufe in den Griff zu bekommen.

Kurz vor 2005 spitzte sich die politische Lage im Staat soweit zu, dass die Ablösung der obersten Macht im Raum stand. Hierfür gab es folgende Gründe:

- fehlendes Wachstum in der Wirtschaft und bei der Lebensqualität. Zwar wurde ein geringes Wirtschaftswachstum und der Rückgang der Armut nach 1996 verzeichnet, dennoch kamen die langsamen Veränderungen nicht als Fortschritt bei den Menschen an. Insbesondere im ländlichen Raum fehlten spürbare Ergebnisse. Dadurch wurden sämtliche vom Staat erklärten Reformprogramme in den Augen des Volkes abgewertet. Das Volk kannte diese Programme und ihre Inhalte nicht und fasste die zahlreichen nationalen Ideen, Programme und Matrizen als von der Regierung ausgedachte Tricks auf, um an weitere ausländische Zuschüsse zu kommen und die Lage nach außen hin als gut zu präsentieren;
- die allgemein verbreitete Meinung über die fehlende äußere Souveränität der Staatsmacht. Festzustellen war dabei eine starke Abhängigkeit von den Gebern, die globale Zentren der Finanz- und Militärmacht (die USA, Russland und China) vertraten, sowie die Unfähigkeit, eine harte Position gegenüber den stärkeren Nachbarn (Kasachstan und Usbekistan) zu vertreten. Die angestrebte multipolare Politik wurde als Schwäche und ständiges Manövrieren aufgefasst und ausgelegt;
- Abwertung der obersten Machtentscheidungen. Unzählige Gesetze, Erlasse und Regierungsvorschriften wurden größtenteils nicht ausgeführt;
- allgemein zu spürender Mangel an einer starken Staatsmacht. Trotz der immer neuen Verwaltungsreformen bekam man das Gefühl, dass diese nicht vollständig umgesetzt wurden. Offensichtlich war die nicht nach Qualifikation entschiedene Besetzung der obersten Verwaltungsämter, insbesondere in den letzten zwei Jahren;
- die Reaktion auf die zunehmende Monopolisierung der realen politischen Macht im Staat nach 1995. Nur die vom Präsidenten erbrachten Ideen wurden gutgeheißen. Sämtliche politischen und personellen Entscheidungen wurden im Präsidentenapparat getroffen. Jeder Ausdruck politischer Selbständigkeit war als feindlich und unzulässig verpönt. Es gab keine politische Geschlossenheit;
- der Staat duldete keine oppositionellen Gefühle, Bewegungen und Politiker und strebte eine ideologische und politische Verfolgung der Kritiker und Andersdenkenden an;

- Verzweiflung machte sich angesichts der hohen Demokratieerwartungen der ersten Jahre breit. Mehrere demokratische Ansätze arteten in eine Quasi-Demokratie nach dem Sowjetmuster aus. Gefördert wurden die kollaborierenden Nichtregierungsorganisationen und die Mitläufer-Massenmedien, die öffentliche Propaganda-Veranstaltungen nach bester sowjetischer Art durchführten;
- Die große Gruppe der vom Staat benachteiligten Menschen einschließlich der zahlreichen oberen Beamten außer Dienst. Die damalige Personalpolitik vermittelte jedem Entlassenen das Gefühl, dass man ihn ungerecht behandelte, ausnutzte und entsorgte;
- katastrophaler Anstieg der Korruption und ihr Einzug in sämtliche Lebensbereiche. Das Volk ahnte die Korruption in den obersten Etagen der Staatsmacht. Neben der um sich greifenden Gelderpressung durch die Miliz, Finanzbeamte und andere zum Wohle des Volkes berufene Staatsdiener herrschte die feste Überzeugung, dass diese Gelder nach oben, auch an den Präsidenten, weiterverteilt werden. Außerdem war man fest davon überzeugt, dass die Ernennung für alle öffentlichen Ämter einschließlich des Kabinettsvorsitzenden und der Minister gegen eine an die Präsidentenfamilie zu zahlende Provision erfolgte;
- das entstandene Phänomen der Familienregierung und die negative Reaktion der politischen Eliten auf die Einmischung der Angehörigen der Präsidentenfamilie in die Personalpolitik und die Entscheidungsprozesse. Diese Reaktion spitzte sich durch die aktive PR der Präsidentenfamilie weiter zu. Dadurch war man davon überzeugt, dass die Präsidentenmacht weitervererbt werden würde;
- hoher politischer Ehrgeiz innerhalb der neuen Politikergeneration.

Durch all diese Gründe kam es zu Veränderungen in den politischen Kräfteverhältnissen. Es bildeten sich vier Arten der Präsidentenopposition:

- 1) Die Opposition aus der Mitte des Volkes, die aus zwei Gruppen bestand: denjenigen, die mit der Lage im Staat und dem Präsidenten unzufrieden waren (10–15 Prozent) sowie denjenigen, die den Präsidenten für schlecht, dennoch besser als die anderen, hielten (35–40 Prozent);
- 2) Die politische Opposition in konkreter Gestalt, vertreten durch mehrere zusammengeschlossene Gruppen, die den Rücktritt des Präsidenten anstrebten;
- 3) die «Wohnzimmeropposition» nach sowjetischer Art: Intellektuelle aus Stadt und Land unterstützten den Präsidenten formell, waren jedoch in der Tat gegen ihn eingestellt und trugen diese Stimmung durch ihr Umfeld weiter. Dazu zählten alle größeren Elitegruppen einschließlich der engsten Vertrauten des Präsidenten;
- 4) die unzufriedene politische, Verwaltungs-, und Geschäftsprominenz einschließlich der Beamten jeden Ranges. Hierzu zählten auch zahlreiche frühere Beamte.

Unter den gegebenen Bedingungen reichte diese kritische Masse in ihrer Gesamtheit bei weitem aus, um den Machtwechsel zu bewerkstelligen. Ende 2004 bildete sich eine weitverzweigte Struktur im Staat, die gegen das herrschende Regime politisch auftreten konnte. Sie bestand aus drei Blöcken:

Block I – oppositionelle Parteien und Bewegungen. Im Herbst 2004 prüften sie eine Vereinigung unter einer Dachorganisation und schlossen sich letztlich im zentralen Koordinationsrat im Dezember zusammen, dessen Rückgrat die Volksbewegung Kirgisistans mit Kurmanbek Bakijew an der Spitze bildete.

Block II – das Netzwerk aus Nichtregierungsorganisationen. Damals gab es mindestens drei NGO-Arten: das NGO-Netzwerk um die Koalition «Pro Demokratie und Zivilgesellschaft», das NGO-Netzwerk um die USAID-finanzierte Verbandsvereinigung zur Förderung der Zivilgesellschaft, und das NGO-Netzwerk um die Informationszentren zur Demokratieförderung, gegründet vom Nationalen Demokratieinstitut, USA.

Block III – die oppositionellen Massenmedien. Diese wurden von internationalen Verlagen und sonstige Stiftungen gefördert.

Die politische Kräfte um den Präsidenten präsentierten sich als wesentlich schwächer. Gebildet wurden diese von zwei größeren («Alga Kirgisistan!» und «Adilet») und einigen kleineren Parteien, zwei kontrollierten NGO-Verbänden (Volkstag Kirgisistans und NGO-Vereinigung) sowie von einigen quasi-realen Strukturen (Demokratischer Sicherheitsrat, Unternehmerrat etc.). Wegen ihrer Geradlinigkeit gewannen all diese Strukturen den Ruf des Hofgesindes, das nur die Befehle aus dem Regierungspalast ausführt.

Eine für den Präsidenten Akajew negative Rolle spielte der zur Haupttaktik erkorene Informationskrieg gegen die Opposition. Dieser Weg entpuppte sich aber als ein Fehlgriff, da die Ergebnisse den Absichten direkt widersprachen und das Ansehen des Präsidenten stark ramponierten. Die Massenmedien warben freiwillig für alle Hauptoppositionellen, so dass es sie keine Anstrengung kostete, Sympathien in der Bevölkerung zu sammeln. Das markanteste Beispiel lieferte hier Frau R. Otunbajewa, die durch Veröffentlichungen in der Regierungspresse kurzfristig zu einer beliebten Volkspolitikerin aufstieg. Die Taktik des Entgegenwirkens, etwa durch gefälschte Oppositionellenorgane (Kel-Kel) und zeitgleiche Veranstaltungen (Kurultay) empfand das Volk als Rückgriffe der Macht auf Methoden aus dem russischen Politiklabor, was nach den Ereignissen in der Ukraine besonders scharf und negativ auffiel.

Dank dieser Kampagne bekam das weltweite Image Kirgisistans tiefe Kratzer. Es häuften sich negative Berichte über den Zustand der Demokratie im Staat. Über eine zunehmende Autokratie des bestehenden Regimes wurde berichtet, bedingt durch die von Akajew angestrebte Beibehaltung der Macht. Seine Aussagen über den Verzicht einer wiederholten Kandidatur für das Präsidentenamt klangen nicht glaubwürdig genug, da ein Machtnachfolger

weder in Sicht war noch angekündigt wurde. Daher glaubte man weder zu Hause noch im Ausland den Präsidentenplänen, auf die Macht zu verzichten.

Angesichts solcher Entwicklungen fiel es der bereits vereinigten Opposition leicht, die Wahlergebnisse für Protestzwecke zu nutzen und dabei keinen Widerstand seitens der Macht selbst und der Gruppen zu erleben, die politische Instabilität durch Akajew Rücktritt fürchteten. Die Protestauftritte konnten zu Massendemonstrationen in der Hauptstadt gesteigert werden, wenn auch die Ergebnisse der Wählerbefragung, durchgeführt vom unabhängigen Soziologenverein mit Unterstützung der Botschaften einiger Weststaaten, zeigten, dass rund 74,1 Prozent der Wähler in den betreffenden Wahlkreisen den ersten Wahlgang für fair hielten.²²

Der durch Volksunruhen an die Macht gelangte Kurmanbek Bakijew schaffte es, die politische Krise der ersten Tage zu meistern und sicherte die Stabilität im Lande und sich den eigenen Sieg bei den Wahlen am 10. Juli. Er verkündete die naheliegende Reform des Staates²³, bestehend aus vier Hauptbereichen:

- Aufbau einer neuen Machtordnung, die gegen Autokratie gefeit ist;
- Abbau der Korruption;
- Neue Wirtschaftspolitik, die das Wirtschaftswachstum fördert und
- Einsatz einer neuen Generation von Politikern und Staatsmännern in der Verwaltung.

Im Zuge des begonnenen politischen Kampfes einigte man sich auf die Kandidatur von Felix Kulow für das Amt des Premierministers. Kulow hatte das zur Bedingung für seine Teilnahme an der Präsidentenwahlkampagne zusammen mit Kurmanbek Bakijew gemacht. ??? Die Konfrontation mit dem Parlament verwehrte einigen aktiven Mitkämpfern der siegreichen Opposition den Zugang zum Kabinett.

Durch den Wechsel an der Spitze des Staates spitzte sich der Streit zwischen den Gentes stark zu, der auch den Widerspruch zwischen dem Norden und dem Süden des Landes widerspiegelt.

Exkurs: «der Norden und der Süden Tadschikistans»

Kirgisistan wurde 40 Jahre lang von den Abkömmlingen der nördlichen Sarybagisch-Gents regiert. Natürlich wurden nur Vertreter des eigenen Klans und der verwandten nördlichen Sippen als politische, wissenschaftliche und Geschäftselite gefördert. In Verbindung mit dem niedrigeren sozialen und wirtschaftlichen Entwicklungsstand der südlichen Landesregion ließ dieser

²² Exit poll bei den Parlamentswahlen in der Kirgisischen Republik 2005, Bischkek 2005.

²³ K. Bakijew: Wir müssen das Land sanieren. Der öffentliche TV-Auftritt am 30.04.2005, Bischkek 2005. (<http://www.sk.kg/2005/n45/1.html>)

Sachverhalt ein Gefühl der Ungerechtigkeit bei den Landeseliten des Südens aufkommen. Nicht zufällig standen meistens die Vertreter der südlichen Politprominenz an der Spitze der für Akajew oppositionellen Bewegung.

Daher werden die Ereignisse von 2005 weitgehend als der Sieg des Südens und die Niederlage des Nordens empfunden. Die darauffolgenden Präsidentenwahlen und die Herausforderer Kurmanbek Bakijew und Felix Kulow wurden von höheren politischen Kreisen als ein Rivalitätskampf zwischen dem Süden und dem Norden betrachtet. Die anschließende Besetzung der wichtigsten öffentlichen Ämter mit Vertretern der südlichen Clans wurde von den Nordkirgisen nicht als Wiederherstellung der Gerechtigkeit, sondern als Neuverteilung der Macht aufgefasst.

Die Lage wird durch die innere Migration der Einwohner zusätzlich erschwert, da zahlreiche Kirgisen aus dem Süden wegen der zu Hause herrschenden Arbeitslosigkeit in den Norden zogen. Während der Unruhen versuchten zahlreiche Umsiedler, sich die Grundstücke in und um Bischkek gewaltsam anzueignen, um eigene Häuser darauf zu bauen. Zusammenstöße gab es auch unter Markthändlern und Taxifahrern.

Die Regierung Bakijew betrieb Krisenmanagement und will auch weiterhin pragmatische Ansätze in Politik und Wirtschaft verfolgen. Die wichtigste Leistung dieser Zeit könnte es sein, Probleme zu bereinigen, die sich während der Regentschaft des Altpräsidenten anhäufte. Wichtig wäre es vor allem, eine neue postsowjetische Generation von Politikern auf der zentralen politischen Bühne zuzulassen. Angesichts der nationalen Altersvorstellungen kann dies frühestens um 2010 oder 2015 geschehen, wenn die verstärkte transformationsfähige Generation das Ruder übernimmt. Bis dahin wird sich die Neuverteilung der Macht zwischen den Institutionen der Staatsgewalt soweit vollzogen haben, dass die Unabhängigkeit der Justizorgane und die verstärkte Rolle einer funktionsfähigen Zivilgesellschaft gewährleistet wird.

Der Staatspräsident, das Parlament und die Regierung, die seit 2005 im Amt sind, erklärten ihre Treue zu den außenpolitischen Verbindlichkeiten der Kirgisischen Republik. Das Fundament für die kirgisische Außenpolitik wurde bereits in den ersten Monaten nach der Unabhängigkeit gelegt. Entscheidende Aspekte sind eine gute Nachbarschaft mit den Anrainerstaaten und der Aufbau enger partnerschaftlicher Beziehungen zu den führenden Weltmächten Russland und den USA. Später wurde auch China in die strategische Prioritätenliste aufgenommen. All diese Prinzipien sind in der diplomatischen Strategiedoktrin der Kirgisischen Republik – «Diplomatie der Großen Seidenstrasse»²⁴ als außenpolitische Konstante und Verhaltenslinie des neuen unabhängigen Staates verankert.

Bereits am 21. Dezember 1991 unterzeichnete Kirgisistan das Abkommen über die Gründung der Gemeinschaft unabhängiger Staaten und wurde am 2. März 1992 auch in die UNO aufgenommen. Danach folgten die

²⁴ A. Akajew: Diplomatie der Großen Seidenstrasse, Bischkek 1998.

Mitgliedschaften in mehreren weiteren internationalen Organisationen und der OSZE. 1994 wurde die Organisation für Zentralasiatische Wirtschaftszusammenarbeit gegründet, die später in die Organisation für Zentralasiatische Zusammenarbeit umgewandelt und im Oktober 2005 mit der Organisation für Euroasiatische Wirtschaftskooperation zusammengelegt wurde.

Seit 1992 ist Kirgisistan Mitglied der OECD und des OIC. 1998 wurde das Land als erstes unter den GUS-Staaten Mitglied der Welthandelsorganisation WTO. Kirgisistan ist Mitbegründer der «Shanghaier Fünf»²⁵, die sich 2001 in die Shanghaier Organisation für Zusammenarbeit verwandelte. Das Land ist außerdem Mitglied der Organisation des Sicherheitskollektivvertrages (CSTO). Ziel ist es, ein umfassendes System für kollektive Sicherheit auf dem Territorium der Mitgliedsstaaten zu schaffen, das sich zum Bestandteil des künftigen globalen Systems für internationale Sicherheit in Europa und Asien entwickeln könnte.²⁶

Die Mitgliedschaft Kirgisistans in internationalen Organisationen²⁷ wird als Garantie für den Beitritt zur internationalen Wirtschaftsgemeinschaft und wird als Sicherheitsinstrument betrachtet.

Seit der Unabhängigkeit hat Kirgisistan große Vorteile aus der internationalen Zusammenarbeit gezogen. In der Übergangsphase gewährten mehrere Staaten substantielle wirtschaftliche und humanitäre Unterstützung. Als negative Nebenwirkungen entwickelten sich dabei die kostgängerischen Verhaltensweisen der Kirgisen, die übertriebene Hoffnung auf fremde Hilfe und die Willigkeit, die Entwicklungspolitik je nach den Geberauflagen zu gestalten.

Probleme der äußeren Sicherheit besitzen für Kirgisistan besondere Relevanz. Primärer Grund ist der Mangel eigener Ressourcen für die Einrichtung eines unabhängigen Sicherheitssystems. Der sekundäre Grund bezieht sich auf die globale Natur der Gefahren, denen kein einziger auch noch so großer und mächtiger Staat dieser Welt allein begegnen kann. Bereits 1999 wurde Kirgisistan Ziel eines Anschlages internationaler Terrorkräfte von Afghanistan aus.²⁸

Nach Beginn des Afghanistan-Einsatzes stellte Kirgisistan den Flughafen Manas nach Abstimmung mit den CSTO-Partnern den Antiterrorkoalitions

²⁵ Kasachstan, China, Kirgisistan, Russland und Tadschikistan.

²⁶ Das Kollektivsicherheitsabkommen wurde am 15.05.1992 in Taschkent unterzeichnet und am 20.04.1994 für fünf Jahre in Kraft gesetzt. Das Zusatzprotokoll über die Abkommensverlängerung wurde von Russland, Armenien, Weißrussland, Kasachstan, Kirgisistan und Tadschikistan unterzeichnet.

²⁷ Siehe auch die offizielle Regierungsseite im Internet unter http://www.president.kg/president/out_politic/

²⁸ Siehe auch: S. Akimbekow: Der afghanische Knoten und die Sicherheitsprobleme in Zentralasien. 2. verbesserte und ergänzte Auflage, Almaty 2003.

kräften als Lufttransportstützpunkt zur Verfügung. Diese Entscheidung ließ Unruhe bei den Nachbarstaaten und den Gruppen im Lande aufkommen, die «den Kampf gegen den internationalen Terrorismus» nur für einen Anlass zur Verstärkung des US-Einflusses und der NATO-Präsenz in der Region Zentralasien halten.²⁹ Die Dauer des Gansy-Stützpunktes auf dem Flughafen Manas hängt direkt mit der Normalisierung der Lage in Afghanistan zusammen. Zwar unterstützte Kirgisistan die Anstrengungen der Antiterrorcoalition, dennoch war es als einziges Land in der Region gegen den Irak-Einsatz und wies darauf hin, dass eine Intervention ausschließlich innerhalb der UNO-Resolution zulässig ist.

Auf CSTO-Grundlage wurde ein weiterer Luftwaffenstützpunkt in der Stadt Kant als Luftwaffenkomponente des zentralasiatischen SCTO-Kontingents eingerichtet.

Sicherheitsprobleme und Herausforderungen bedeuten auch die Grenzverhältnisse mit der Volksrepublik China und Usbekistan.

Die Grenzziehung zwischen Kirgisistan und China wurde 1999 mit der Unterzeichnung der Zusatzvereinbarung über die kirgisisch-chinesische Staatsgrenze³⁰ abgeschlossen, die zum auslösenden Moment und Faktor des Konflikts in Aksu wurde. Das kirgisische Parlament ratifizierte die Vereinbarung erst im Jahr 2002.³¹ Somit ist die Kirgisische Republik als erste unter den ehemaligen Sowjetrepubliken zu den Grenzfragen mit China übereingekommen.³² Die Beziehungen zwischen Kirgisen und Chinesen entwickeln sich erfolgreich sowohl im Bereich der Sicherheitsverstärkung und Terrorismusprävention hinsichtlich der für Chinesen akuten Uigurenfrage³³, als auch bei der Vertiefung der Wirtschaftszusammenarbeit und Erweiterung chinesischer Investitionsanlagen in die kirgisische Wirtschaft.

Die Regelung der kirgisisch-usbekischen Grenzfrage war wesentlich schwieriger. Die Grenzprobleme erschweren nach wie vor die Beziehungen zu Usbekistan.³⁴ Mit dem Machtwechsel von März 2005 verbessern sich die Beziehungen zu Usbekistan langsam. Zum erstem Mal seit langem gab Usbekistan seinem Nachbarn humanitäre Unterstützung, gab den Verkehr auf

²⁹ Siehe auch: Afghanistan und Sicherheit in Zentralasien. Heft Nr. 1, A. Knyasew (Hrsg.) in: Ilim-Verlag, Bischkek 2004.

³⁰ In: Materialien und Dokumente über die kirgisisch-chinesische Staatsgrenze, Bischkek 2003, Seite 226.

³¹ Eben da, Seite 236.

³² N. Kerimbekova, W. Galitskiy: Zum Problem der kirgisisch-chinesischen Grenze (2. Hälfte 19. Jh. – Anfang 21. Jh.) // eben da, Seite 133.

³³ K. Siroeschkin: Mythen und Wahrheiten über den ethnischen Separatismus in China und die Sicherheit in Zentralasien, in Dayk-Press, Almaty 2003; Uigurisches Informationsportal im Internet unter www.ughyrinfo.net

³⁴ S. Alamanov: Kurzüberblick über die Grenzprobleme Kirgisistans und Erfahrungen bei ihrer Lösung, Bischkek 2005.

der in seinem Gebiet verlaufenden kürzesten Strecke zwischen den Städten Osch und Dschalal-Abad frei und empfing den kirgisischen Außenminister zu einem Arbeitsbesuch. Dennoch verdüsterten sich diese Beziehungen, als die usbekischen Flüchtlinge nach den Ereignissen von Andischan und Pachtaabad nach Kirgisistan flohen. In der Flüchtlingsfrage hielt sich die Kirgisische Republik streng an ihre im Rahmen der internationalen Abkommen eingegangenen Verpflichtungen.

Zu besonderen Merkmalen der jetzigen Außenpolitik wurden der Realismus und Pragmatismus erklärt.³⁵ Die Außenpolitik wird als Hilfsmittel für die innere Staatsentwicklung angesehen. Dabei stehen vier zentrale Aufgaben zur Lösung an. Erstens, die Intensivierung diplomatischer Anstrengungen zur Gewährleistung der kirgisischen Sicherheit, die hauptsächlich durch ein ausgewogenes und zuverlässiges System aus außenpolitischen Instrumenten und die Einbeziehung sämtlicher internationaler Institutionen von der UNO über die Regionalabkommen hin zu den bilateralen Formaten zu bewerkstelligen ist, in denen das Land Mitglied ist oder mit denen es zusammenarbeitet. Zweitens, das außenpolitische Geschäft soll an der Schaffung der günstigsten Bedingungen für das Wirtschaftswachstum orientiert sein. Drittens, es soll für die im Ausland lebenden kirgisischen Landsleute gesorgt werden. Und viertens, Kirgisistan soll ein positives außenpolitisches Bild auf der Weltbühne präsentieren. Das Leben auf eigene Kosten wurde ebenfalls öffentlich erklärt.³⁶

Der Realismus und der Pragmatismus müssen Kirgisistan «nach Hause» – nach Zentralasien zurückbringen und seine außenpolitischen Schwerpunkte auf die regionale Ebene verlagern.

³⁵ K. Bakijew: Auftritt auf dem Bürgerforum am 20.04.2005, (<http://www.sk.kg/2005/n41/1.html>)

³⁶ K. Bakijew: Rede zum Amtsantritt am 14.08.2005 (<http://www.president.kg/press/vistup/272/>)

*Иссык-Куль, Кыргызстан
Issyk-Kul, Kirgisistan*

Турар Койчув

ЭКОНОМИКА КЫРГЫЗСТАНА

Народ Кыргызстана полиэтничный. В стране проживают представители более 20 национальностей. Коренные жители – кыргызы – составляют 67,4% всего населения страны, узбеки – 14,2%, русские – 10,3% и т.д.

Сложившая полиэтничность объясняется разными причинами. Исторически на территории постсоветской Центральной Азии (в советское время – Средняя Азия) проживали компактные кочевые и оседлые этнические группы, «переплетаясь» с соседями взаимообусловленной хозяйственной деятельностью. Эти этнические группы – кыргызы, казахи, узбеки, уйгуры, татары связаны общностью языка, культуры, истории, обычаев.

В прошедшие исторические времена правители этих этносов то устанавливали мир и сотрудничество, то воевали, порабощали и уничтожали друг друга, захватывая территории. Но простые люди умудрялись ужиться мирно и в уважении.

Русские и украинцы появились в крае в период его колонизации царской Россией. Переселение русского населения было как добровольным, поощряемым царским правительством, так и осуществляемым в военно-политических целях (расширение своих территорий, эксплуатация новых земель и природных ресурсов).

В советское время произошел значительный приток русского (шире – русскоязычного) населения. Для хозяйственного освоения горного края, прежде всего промышленного, в массовом порядке направлялись специалисты и рабочие кадры. В годы Великой Отечественной войны в Кыргызстан были эвакуированы жители оккупированных фашистами городов и сел из европейской части СССР – русские, украинцы, евреи и др.

К концу войны были сосланы в Среднюю Азию, в том числе в Кыргызстан, обвиненные в сотрудничестве с фашистами крымские татары, чеченцы, карачаевцы и ингуши с Северного Кавказа, поволжские немцы. Издревле живут как бы «островком» попавшие в Кыргызстан дунгане, по языку родственные с китайским народом.

Вот так, в силу разных обстоятельств, в Кыргызстане сложился его полиэтничный народ. До распада СССР в 1991 г. в общей численности населения страны кыргызы занимали 54,0%, русские – 20,6%, узбеки – 13,2%, украинцы – 2,4%, татары – 1,7%, немцы – 1,6% и др.

С распадом СССР, экономическим кризисом и ухудшением социально-экономического положения стал происходить массовый отток русскоязычного населения, немцев, евреев.

Еще раньше, в середине и во второй половине 1950-х годов, после реабилитации, из Кыргызстана выехали на родину чеченцы, ингуши, карачаевцы, а в 1990-е годы – крымские татары, т.е. политические перемены в СССР тоже влияли на миграционные процессы, а отсюда – на динамику роста и этническую структуру населения.

Ныне кыргызы составляют 67,4% общей численности населения, т.е. их удельный вес увеличился. Увеличился не потому, что кыргызские семьи отличаются относительно других высокой рождаемостью, а из-за оттока части других этнических групп. Надо отметить, что отток наблюдается и среди коренного населения, но он невысок. Былая высокая рождаемость в кыргызских семьях тоже имеет тенденцию к снижению, но пока не достигла критической отметки, влияющей на демографические воспроизводственные процессы.

Второе место по численности населения сейчас занимают узбеки (14,2%), третье – русские (10,3%).

Характерной чертой полиэтнического населения Кыргызстана является толерантность, признание достоинств и уважение прав друг друга как граждан одного государства.

У полиэтнического народа Кыргызстана есть достаточный трудовой потенциал, который должен быть более полно использован, чтобы обеспечить экономический подъем и социальное благополучие.

Экономически активное население составляет 40,0% от общей численности населения, или 2017,2 тыс. человек. Из них занятых – 1860,0 тыс. человек, т.е. используется 92,2% экономически активного населения. Резервы неиспользованных трудовых ресурсов заметные. Плюс к этому ежегодно в трудоспособный возраст вступает 117,2 тыс. человек. Отсюда создание рабочих мест – острая и экономическая, и социальная проблема.

Каким производственным потенциалом обладает страна, чтобы обеспечить экономически активное население рабочими местами?

В составе Советского Союза Киргизская ССР, на фоне однобокого феодально-патриархального кочевого хозяйства национальной окраины царской России, получила заметное экономическое и социальное развитие. Население перешло к оседлому образу жизни, была ликвидирована неграмотность. Сельское хозяйство стало многоотраслевым. В традиционном животноводстве произошли качественные изменения, были выведены новые породы овец (тонкорунная и полутонкорунная) и местная порода лошадей, а также алатауская порода крупного рогатого скота, более приспособленных к условиям высокогорья.

Земледелие не ограничилось зерновыми культурами, а расширилось за счет технических: сахарной свеклы, хлопка-сырца, табака. Стали возделывать овощные и садово-ягодные культуры. Природно-климатические условия способствовали такому разнообразию.

Особенно бурное развитие получила промышленность, которой до Октябрьской революции практически не было (кроме нескольких мельниц, пивоварен, угольных копей и т.д.).

Геологическая разведка обнаружила запасы многочисленных минеральных и топливных ресурсов. Появилась угольная промышленность, представленная на юге страны шахтами Кызыл-Кии, Кок-Янгака, Ташкумыра, Сулюкты, на севере – Джергалана. Началось освоение крупного Кара-Кечинского угольного месторождения (север), карьерная добыча угля Алмалыка (юг). Было время, когда Кыргызстан считали «кочегаркой» Средней Азии (Казахстан рассматривался как отдельный крупный экономический район СССР).

В южном Кыргызстане, в Кадамджае, перерабатывали сурьму (мировой эталон), в Хайдаркане – ртуть, на севере, в Чуйской долине, стали добывать редкоземельные элементы и получать монокристаллы.

Возникли предприятия по добыче и переработке урановой руды, имевшие стратегическое значение для оборонной промышленности СССР – Карабалтинский, Майлисайский горнорудные комбинаты, Каджисайский и Минкушский заводы. Два первых из них относились к крупнейшим объектам в масштабе СССР.

Кыргызстан – республика с крупными водноэнергетическими ресурсами (после России и Таджикистана). В советский период было возведено пять крупных гидроэнергетических станций и начато строительство двух. По проектам на реке Нарын должно было быть построено 17-18 гидроэлектростанций. Токтогульская ГЭС и Токтогульское водохранилище в совокупности представляют собой крупную гидроэнергетическую и оросительную систему, значение которой неопределимо не только для Кыргызстана, но и для Узбекистана.

Богатые залежи строительных материалов (песка, извести, щебня, гранита, мрамора), большой спрос на них в связи с ростом промышленного и гражданского строительства обусловили развитие строительной индустрии.

Увеличение численности трудоспособного населения требовало обеспечения его рабочими местами. Поэтому в республике возникли разнообразные машиностроительные предприятия. Станкостроение, автомобилестроение, сельхозмашиностроение, приборостроение, электромашиностроение, производство ЭВМ и контрольно-измерительных приборов вывели машиностроение в ведущую отрасль промышленности.

Машиностроение, цветная и редкоземельная металлургия, производство сурьмы, гидроэнергетика, угольная промышленность имели союзное и межреспубликанское значение, а отдельные виды продукции шли на экспорт.

Сельское хозяйство могло поставлять достаточно сырья, чтобы развивать легкую и пищевую промышленность. Легкая промышленность (швейная, трикотажная, хлопкообрабатывающая и хлопкоочистительная, шелковая, кожевенно-обувная, меховая) поглощала значительные трудовые ресурсы, сосредотачиваясь не только в крупных промышленных центрах, но и проникая в малые города и поселки.

Особенно была развита пищевая промышленность – хлебо- и мелькомбинаты, кондитерские предприятия, мясо-молочные и маслосыродельные, сахарные и консервные заводы, вино-водочные предприятия.

Функционировала деревообрабатывающая промышленность (производство мебели и других изделий из дерева).

В общем, промышленность играла ведущую роль в экономике страны и значительно влияла на ее специализацию в общесоюзном разделении труда. Многие предприятия Кыргызстана имели статус предприятий союзного значения и их финансирование шло из Центра, т.е. из союзного бюджета.

Главную роль во внутреннем транспортном сообщении играл автомобильный транспорт. Авиация связывала Кыргызстан с другими республиками и городами СССР, выполнялись и внутренние рейсы.

Получили соответствующее развитие и значились как самостоятельные отрасли различные сферы услуг (торговля, заготовки, снабжение, бытовое обслуживание населения).

Связь (почтово-телеграфно-телефонная) соединяла республику со всеми республиками СССР, с внешним миром и внутренние районы между собой.

Получили развитие образование, наука, культура, здравоохранение, спорт. В республике функционировали Киргизской государственный университет, Фрунзенский политехнический институт, Киргизский государственный медицинский институт, Киргизский сельскохозяйственный институт, Киргизский институт физической культуры, Киргизский женский педагогический институт, Фрунзенский институт русского языка и литературы, Ошский государственный педагогический институт, Пржевальский государственный педагогический институт, десятки техникумов и профессионально-технических училищ. Дети были охвачены всеобщим образованием.

Республика имела свою Академию наук с двумя десятками научно-исследовательских институтов, отраслевые исследовательские институты.

Академический театр оперы и балета, Киргизский драматический театр, Русский драматический театр, Киргизская государственная филармония, Киргизский государственный цирк, Киргизский музей изобразительных искусств определяли лицо культуры народа. А киноискусство республики получило широкую международную и всесоюзную известность.

В целом народное хозяйство представляло собой многоотраслевую комплексную экономику с ведущей ролью промышленности и достаточно развитую, поддерживаемую государством социальную сферу (образование, наука, культура, здравоохранение, физическая культура и спорт).

Нельзя отрицать вклад советского государства в социально-экономическое развитие Киргизии. Другое дело, что в силу исторической отсталости в прошлом и недостаточности финансовых средств, которая не позволяла в полной мере и сразу преодолеть эту отсталость, народное хозяйство республики относилось в масштабе СССР к числу слаборазвитых. И СССР, проводя политику выравнивания социально-экономического развития республик, вкладывал немалые средства в Киргизию – по мере возможностей. Но советский режим не смог обеспечить эффективность экономики всего СССР, тем более слаборазвитых экономик отдельных республик. Тем не менее, Киргизия имела достаточный производственный потенциал, чтобы обеспечить свое экономическое активное население рабочими местами и расширять эти возможности дальше, тем самым повышать социально-экономическое благополучие народа.

Произошел политический распад СССР, возникли независимые государства. Авторитарный режим был протivoестественен начавшимся процессам демократизации общественно-политической жизни и формирования свободной рыночной экономики. На всем постсоветском пространстве грянул экономический кризис, тяжелый и длительный (1991–1995 гг.). К этому кризису советская экономика шла давно, но он пришелся именно на момент распада Советского государства. Этот распад, последовавшие вслед за этим резкое ослабление, а то и разрыв экономических связей между уже бывшими республиками Союза ССР усугубили экономический кризис.

Особенно тяжело пришлось менее развитым союзным республикам, к числу которых относился и Кыргызстан (см. табл. 1, 2, 3). С 1996 г. начался экономический рост, но потери в период 1991–1995 гг. еще не восстановлены. Валовой внутренний продукт страны резко упал: в 1995 г. – 50,7%, в 2000 г. – 66,5%, в 2004 г. – 80,1% уровня 1990 г.

Особенно большой урон понесла промышленность. Объем валовой продукции промышленности в 1995 г. составлял 33,1% уровня 1990 г., в 2000 г. – 53,7%, в 2004 г. – 58,8%.

Советское геоэкономическое пространство исчезло. СНГ (Содружество Независимых Государств) не смогло до сих пор создать свое геоэкономическое пространство, благоприятствующее сохранению и углублению экономических связей друг с другом. Целые отрасли в промышленности оказались «невостребованными» или мало «востребованными».

Таблица 1. Среднегодовые темпы роста ВВП и продукции отраслей экономики Кыргызской Республики*

	1991–1995	1996–2000	2001–2004
Валовой внутренний продукт, всего	-13,8	105,2	104,7
Промышленность	-24,1	110,5	103,4
Сельское хозяйство	-9,1	106,4	104,5
Строительство	-14,9	101,1	100,4
Услуги	-11,4	102,9	106,6

Таблица 2. Уровни ВВП и продукции отраслей экономики Кыргызской Республики, в % к 1990 г. *

	1990	1995	2000	2004
Валовой внутренний продукт, всего	100	50,7	66,5	80,1
Промышленность	100	33,1	53,7	58,8
Сельское хозяйство	100	61,3	90,6	109,8
Строительство	100	45	35	35
Услуги	100	61,7	68,8	82

Таблица 3. Отраслевая структура ВВП, %*

	1990	1995	2000	2004
Валовой внутренний продукт, всего	100	100	100	100
Промышленность	26,4	12	23,3	16
Сельское хозяйство	32,7	40,3	33,8	32,9
Строительство	7,7	6,1	3,8	3
Услуги	-	3,4	31,8	38,1

* Расчеты произведены по данным сб. «Социально-экономическое положение КР» за 1990–2004 гг.

Крайне тяжелый урон понесла угольная промышленность. Если в 1990 г. здесь добывали 3742 тыс. т угля, то в 2004 г. – 456,3 тыс. т. Продукция машиностроения и металлообработки в 2004 г. составила

11,6% ее уровня в 1990 г., легкой промышленности – 27,6%, пищевой – 18,3%, т.е. отрасли, занимавшие в советское время ведущие позиции по объему производимой продукции, оказались отстающими. А ведь это отрасли, отличающиеся высокой трудоемкостью. Многие лишились рабочих мест. Мало стала производить и цветная металлургия, производящая стратегическую продукцию международного значения.

Но ведь потребность в продукции указанных и других отраслей не исчезла. Создав «работающие» договорные отношения с бывшими «братьями» по Союзу, ныне независимыми государствами, можно было бы менее болезненно пережить экономический кризис, сохранить производственный потенциал.

Но этому не способствовали определенные издержки в процессе реформирования: отсутствие опыта работы в условиях рынка, рыночных знаний и психологии, рыночной культуры, рыночного менталитета и управленческого опыта как в структурах государственной власти, так и в среде нарождающегося предпринимательства. Процесс приватизации и появление экономически свободных субъектов не сразу обусловил эффект, тем более что «класс» новоявленных предпринимателей не был состоятельным. Полученные в ходе приватизации объекты не были дороги по стоимости и не представляли особой ценности по полезности и качеству. Тем не менее, при умелом хозяйствовании экономических субъектов и взвешенной политике государственной власти, нацеленной на грамотное проведение реформ, можно было сохранить производственный потенциал и успешнее адаптироваться к рынку.

Разумеется, путем проб и ошибок общество и власть учились рыночной экономике, искали пути, средства, факторы экономического подъема. В стране сложился тип смешанной экономики с преимущественной долей частного сектора. На 1 января 2005 г., по данным Национального статистического комитета Кыргызской Республики, число хозяйствующих субъектов составило 470 587, в т. ч. государственной собственности – 4308 (0,9%), муниципальной собственности – 5883 (1,5%), частной собственности – 459 396 (97,6%).

По данным 2004 г., в общем объеме промышленного производства 90,8% продукции производится частным сектором. В сельском хозяйстве личными подсобными хозяйствами производится 40% продукции, фермерскими хозяйствами – 55%. В строительстве из 894 строительных организаций 820 являются частными. Частным сектором осуществляется 99,6% оборота розничной торговли, 94,2% объема бытовых услуг населению. Из всех вложенных в основной капитал инвестиций 64,4% относится к частному капиталу. В частном секторе экономики задействовано 80,9% из всего занятого населения.

Транспорт Кыргызстана представлен воздушным, железнодорожным, автомобильным, трубопроводным, внутренним водным видами

транспорта. Воздушными линиями Кыргызстан связан с Россией, Узбекистаном, Таджикистаном, КНР, Германией, Турцией, Индией, Пакистаном, Ираном, Объединенными Арабскими Эмиратами.

Налажена мобильная связь со многими странами мира.

В промышленности осуществляется добыча угля, нефти, газа; производство пищевых продуктов, текстильных и швейных изделий; кожевенное и обувное, деревообрабатывающее и целлюлозно-бумажное, химическое и металлургическое производство; производство машин, транспортных средств, электро-, электронного и оптического оборудования; производство и распределение электроэнергии. В общем объеме промышленной продукции 2,4% относится к горнодобывающей, 78,9% – к обрабатывающей, 18,7% – к производству и распределению электроэнергии, газа и воды.

В сельском хозяйстве выращиваются зерновые (пшеница, ячмень, овес, кукуруза, рис, просо, гречиха, зернобобовые), технические (сахарная свекла, хлопчатник, табак), картофель и овоще-бахчевые культуры, корма (многолетние травы, кукуруза на силос и зеленой корм).

Поголовье скота и домашней птицы составляет (на 1.01.2005 г.): крупного рогатого скота – 1,03 млн, свиней – 82,7 тыс., овец и коз – 3,8 млн, лошадей – 347,2 тыс., домашней птицы – 4,5 млн.

Скот и домашняя птица содержатся преимущественно в личных подсобных и фермерских хозяйствах.

В рыночных условиях ускоренное развитие получило малое и среднее предпринимательство (МСП)¹. В 2004 г. в республике насчитывалось 7729 малых предприятий, 756 средних, 259 701 фермерских хозяйств, 146 413 индивидуальных предпринимателей. В малом и среднем предпринимательстве (включая индивидуальные, исключая фермерские хозяйства) занято 233,4 тыс. чел., или 12,6% от общей численности занятых в экономике. Удельный вес объема валовой добавленной стоимости в валовом внутреннем продукте страны составил 46,9%. В общем объеме произведенной соответствующими отраслями продукции удельный вес МСП составил: в промышленной продукции – 20,1%, в объеме подрядных работ, выполненных собственными силами, – 85,9%, в объеме продукции сельского хозяйства – 58,0%, в объеме торговли, ремонта автомобилей, бытовых изделий и предметов личного использования – 90,0%, в объеме услуг гостиниц и ресторанов – 90,3%, в объеме продукции транспорта – 40,1%. В экспорте страны 30,9% приходится на МСП, в импорте – 58,1%. МСП (без фермерских хозяйств) получили развитие прежде всего в хозяйственно развитых районах страны: г. Бишкек и Чуйская область. Это объективно обусловлено,

¹ См.: Статсборник «Малое и среднее предпринимательство в КР». 2000–2004 гг. Бишкек, 2005.

но, вместе с тем, надо инициировать развитие МСП именно в более отсталых регионах, что даст импульс хозяйственному ускорению.

В общем числе МСП удельный вес прибыльных предприятий составил в 2004 г. 33,6%, убыточных – 41,0%, т.е. в большинстве случаев МСП еще не достигло финансовой стабильности.

Кыргызстан имеет внешнеторговые связи со многими странами мира. В 2004 г. экспорт составил 718,8 млн долл. США, импорт – 941,0 млн долл. США². Активные партнеры из стран СНГ – Россия, Казахстан, Узбекистан и Украина, из дальнего зарубежья – КНР, Германия, ОАЭ, Турция, Канада, Швейцария, Нидерланды и др. Использование внешнеторговых ресурсов, выпуск конкурентоспособной продукции позволит добиться более предпочтительного сальдо во внешнеторговом обороте.

Пока довольно острый недостаток собственных инвестиций обуславливает необходимость привлечения иностранных вложений. Сумма уже вложенных в 2004 г. составила 1,5 млрд долл. США³. Крупными инвесторами являются Канада, Турция, Саудовская Аравия, США, Япония, Германия, Великобритания, Республика Корея, Китай, Нидерланды, а из стран СНГ – Казахстан и Россия. Кыргызстану и впредь необходимо на взаимовыгодной основе привлекать иностранные инвестиции. Иностранные инвестиции – это и приобретение новой техники и технологий, опыта и знаний.

С 1996 г. начался экономический подъем. Относительной стабильности добились в 2001–2004 гг. (см. табл. 4).

ТАБЛИЦА 4. Социально-экономическое развитие Кыргызстана за 2001–2004 гг.

	2001	2002	2003	2004
Темп роста ВВП, %	105,3	0,0	106,7	107,1
Промышленность	105,4	-13,1	117,4	103,7
Сельское хозяйство	107,3	103,1	103,8	104,1
Строительство	104,0	101,4	-6,8	103,5
Услуги	101,6	103,5	106,0	114,4
Дефицит бюджета к ВВП, %	0,4	-1,0	-0,8	-0,5
Обменный курс	48,44	46,92	43,69	42,67
Внешнеторговый оборот, млн долл. США	943,3	1072,2	1298,2	1659,8
Экспорт, млн долл. США	476,1	485,5	581,7	718,8
Импорт, млн долл. США	467,2	586,7	716,5	941,0

² См.: Кыргызстан в цифрах. Стат. ежегодник. Бишкек, 2005. С. 227.

³ См.: Инвестиции в Кыргызской Республике. 2002–2004 гг. Статсправочник. Бишкек, 2005. С. 33.

Практически из года в год, за некоторым исключением, наблюдается стабильное улучшение показателей, хотя в целом и в разрезе крупных отраслей, регионов, институциональных секторов, крупных, средних и малых предприятий еще рано говорить об усилении факторов прогресса. Многие проблемы остаются. Если обобщенно, важно добиться больших успехов в возрождении реального сектора, прежде всего промышленности, и реального сдвига в сокращении бедности. Приоритетным надо сделать внимание к науке, образованию, культуре и здравоохранению. Зарботная плата занятых в этой сфере крайне низка. Материально-техническая оснащенность отстает от требований дня. Ухудшение состояния этих отраслей грозит паданием уровня образованности, духовности и культуры, значимости науки, ослаблением здоровья населения.

Бедность – наиболее острая социальная проблема. По официальным данным, ниже черты бедности проживают 45% населения, в крайней бедности – 13,4%. Особенно высок уровень бедности среди сельского населения и жителей отдаленных районов. Бедность может действительно быть снижена только в том случае, когда экономика даст ощутимые положительные результаты и создаст много рабочих мест. А какие ресурсы есть для этого?⁴

Так, водные ресурсы являются одним из главных национальных богатств и играют важную роль в развитии производительных сил не только Кыргызстана, но и ряда районов Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, КНР. Значительные объемы водных ресурсов «зарезервированы» в 6580 ледниках, запасы которых составляют около 760 млрд м³. В республике насчитывается более 2000 рек длиной свыше 10 км, а общая их длина составляет почти 35 тыс. км. Наиболее крупная – р. Нарын со среднегодовым расходом воды 500 м³/сек. Примерно 80% питания рек происходит за счет таяния ледников и снеговых покровов.

Огромное экологическое и туристическое значение имеет незамерзающее высокогорное озеро Иссык-Куль, которое известно далеко за пределами страны.

На территории Кыргызстана имеется разнообразный потенциал топливно-энергетических ресурсов (уголь, гидроэнергетические ресурсы, нефть, газ, уран, нетрадиционные возобновляемые источники энергии). Уровень их использования низок – чуть более 1%, гидроэнергетических и возобновляемых – всего 8%.

Разведанные запасы угля определены в 1,3–1,5 млрд т, а прогнозные – в 20–25 млрд т, нефти – 11–12 млн т, природного газа – 6–6,5 млрд м³. Экономически эффективный потенциал оценивается примерно в 100 млрд кВт в год, потенциальные возможности возобновляемых источников энергии – в 840 млн т.у.т.

⁴ См.: Экономика Кыргызской Республики. Бишкек, 2003. Гл. 1.

В республике имеются промышленные запасы сурьмы, ртути, золота, серебра, олова, редкоземельных элементов, висмута, вольфрама, меди, железа, алюминия, различного нерудного строительного сырья и мн. др. Однако уровень их использования низок из-за сложных геолого-географических условий залегания и отсутствия достаточных инвестиций для освоения.

Прогнозные запасы железа составляют примерно 10–12 млрд т, золота – в 3,5–4 тыс. т, серебра – 7–8 тыс. т, олова – 250 тыс. т, вольфрама – 124 тыс. т. В республике имеются богатые запасы нефелиновых сиенитов для получения алюминия (349 млн т). В наличии и многие другие, имеющие промышленное значение природные ресурсы, вовлечение в хозяйственный оборот которых позволит создать более высокий производственный потенциал, новые рабочие места и экспортоориентированные производства.

Можно не только реанимировать действовавшие, но и простаивающие сегодня угольные шахты, а также создать новые угледобывающие предприятия, вовлекая в хозяйственное пользование такой крупный угленосный бассейн, как Узгенский, запасы которого значительны и высококачественны – это коксующиеся угли, т.е. они могут получить промышленное применение. Страна богата строительными камнями. Кыргызстан имеет благоприятные природно-климатические условия для развития туризма. Мог бы получить развитие, с ориентиром на экспорт, розлив минеральных и пресных вод. Надо восстановить более широкую и глубокую промышленную переработку своего сельскохозяйственного сырья. Необходимо приложить усилия для формирования рыночного агропромышленного комплекса.

Имеющийся производственный потенциал должен быть технически и технологически перевооружен. Необходимо внедрять новое экономическое сознание и психологию, культуру и дисциплину труда. Должны быть выработаны соответствующие социальной рыночной ориентации экономические и правовые механизмы управления.

Выбор Кыргызской Республики определен – это формирование свободной, открытой, социальной рыночной экономики. Более предпочтительной альтернативы, если исходить из мировой практики, нет. Другое дело, что особенности условий, факторов и ресурсов, образованности и культуры, менталитет населения каждой страны обуславливают определенную стратегию и политику реализации реформ.

Мартовские события 2005 г., когда недовольное социальной, экономической политикой власти население Кыргызстана решительно выразило свой протест и вынудило Президента А. Акаева оставить свой пост, обнажили проблемы, которые представляли серьезную опасность для экономической, и шире – политической, целостности и национальной безопасности страны.

Патриотические общественные силы взяли инициативу в свои руки, чтобы возродить истинную демократию; обеспечить действенное управление социально-экономическим развитием; облегчить жизнь народа и вернуть его доверие к власти; повысить духовный и нравственный уровень.

Самая большая проблема, которую еще не удалось решить или смягчить, – тяжелое социально-экономическое положение, что означает бедность населения; отсутствие рабочих мест; нищенское положение социальной сферы; негативный рост социально-экономических различий между регионами; потеря комплексности развития экономики, что представляет угрозу ее целостности; отсутствие реальной поддержки предпринимательства и, наоборот, процветание бюрократического ржета, коррупции; низкая эффективность экономики как в целом, так и в отраслевом и институциональном плане.

По уровню макроэкономического развития Кыргызстан отстает от многих государств СНГ. Производство ВВП на душу населения в 2003 г. составило 374,47 долл. США, что в 15 раз ниже среднемировых показателей. По темпам и уровню социально-экономического развития страна находится на одном из последних мест среди стран СНГ.

Из индустриально-аграрной страна превратилась в аграрно-сырьевую. В результате непродуманной приватизации доля промышленности в ВВП резко упала – до 16–17%. Требуется коренной пересмотр позиций по развитию сельского хозяйства, доля которого в ВВП достигает 32–33%. Несмотря на известные успехи в реформировании аграрного сектора, ускоренное введение рыночных элементов и частной собственности на землю не привели к росту благополучия сельчан. Развивается устойчивая тенденция отставания доходности населения, занятого в этой отрасли (в 2 раза по сравнению с данными в целом по экономике и в 3 раза – с доходами занятых в промышленности). Это приведет к еще большему углублению различий в социально-экономическом развитии города и деревни. А сельское население, как известно, составляет 2/3 населения страны. Уровень общей безработицы, по официальным итогам 2004 г., в целом по республике составил 9,2%, но в реальности гораздо выше. Бедность населения достигла 45%, а в отдельных районах – более 70%.

Происходит усиление социальной напряженности, ухудшение условий жизни и рост дифференциации населения по доходам. Уровень средней заработной платы в Кыргызстане в четыре раза ниже, чем у нашего ближайшего соседа Казахстана. Идет утечка за пределы Кыргызстана квалифицированных кадров. Более 500 тыс., в основном молодых, граждан ежегодно уезжают из республики в поисках работы, обеспечения прожиточного минимума своим семьям, поскольку быстрорастущие трудовые ресурсы не обеспечиваются рабочими местами.

Сложилась народнохозяйственная отраслевая структура, которая является далеко не совершенной. Доля только одного предприятия «Кумтор» в производстве всей промышленной продукции республики составляет 40%. В то же время многие структурообразующие предприятия, ориентированные на производство потребительских товаров, выпуск сложнейшей техники, приборов и оборудования, простаивают либо переориентированы на производство простейших изделий. Добываемое в республике сырье, особенно сельскохозяйственное, вывозится за пределы Кыргызстана или потребляется на внутреннем рынке в непереработанном виде, в то время как многие предприятия пищевой, мясо-молочной, легкой промышленности простаивают или используют созданные производственные мощности на 5–10%.

Предшествующий период характеризовался интенсивным внешним заимствованием. Государственный внешний долг вырос с 31% ВВП в 1995 г. до 88% ВВП в 2004 г. В результате возникла определенная угроза способности Кыргызстана в полной мере обслуживать свои внешние обязательства, что влечет за собой целый ряд негативных воздействий на финансовую систему и на экономику страны в целом. Рост внешнего долга ослабляет не только экономическую, но и национальную безопасность страны.

Стоящие перед обществом одни проблемы можно представить как конечные цели, которые мы должны достигнуть, а другие – как средства и пути достижения целей.

Цели – это снижение бедности населения; обеспечение экономически активного населения рабочими местами; улучшение положения в социальной сфере; сокращение различий в развитии регионов страны.

Средства достижения – это разработка экономических механизмов обеспечения комплексности развития; утверждение экономико-правовых механизмов поддержки предпринимательства; содействие созданию рабочих мест; внесение изменений в политику заработной платы, стипендий и пенсий; установление экономических и социальных механизмов, стимулирующих инвестиции в отсталые, отдаленные районы страны; освоение местных ресурсов и не только закрепление там местных трудовых ресурсов, но и привлечение экономически активных лиц из других районов; амнистия и легализация «здоровой» теневой экономики и жесткая борьба с криминальной экономикой. Если они будут осуществлены, то можно надеяться на экономический подъем. В Кыргызстане есть соответствующие земельные, водноэнергетические, минеральные, топливные и другие природные, а также трудовые ресурсы, производственный потенциал, достаточные не только для внутреннего потребления, но и для завоевания внешнего рынка. Надо научиться умно вовлекать природные ресурсы в хозяйственный оборот, восстанавливать

и модернизировать производственный потенциал, а трудовой потенциал воспитывать квалифицированным, вооруженным рыночными знаниями и культурой.

Что способствует росту экономики?	Что тормозит рост экономики?
1. Обучение рыночным знаниям, культуре и дисциплине.	1. Рыночная безграмотность населения.
2. Действенность усилий государства по управлению экономикой.	2. Потеря государством своей роли по управлению экономикой страны.
3. Борьба с коррупцией.	3. «Расцвет» коррупции.
4. Воспитание экономического патриотизма.	4. Отсутствие экономического патриотизма.
5. Возрождение веры в себя и надежды на себя.	5. Ложная вера в «добротого царя».

Какие можно выделить приоритетные задачи? Мартовская народная революция (смена власти) открыла новую страницу в жизни страны. Как в политической области, так и в экономике нужны новые подходы и решения, оздоравливающие наше развитие.

Задача первая. Непримируемая борьба с коррупцией.

Как выяснилось, масштабы государственной коррупции приобрели чудовищные размеры, несоразмерные с экономическим потенциалом страны, пронизали всю вертикаль власти сверху донизу. Бизнес ушел в теневую экономику, криминалу была предоставлена «свобода» действия, шла огромная финансовая утечка из страны, экономика не могла встать на достаточно надежные основы, бюджет государства полноценно не пополнялся, уровень жизни населения в реальности не повышался. Большинство населения бедствовало; предпринимательство, испытывающее бюрократический рэкет, не имело достаточных финансовых средств для экономического роста, при этом происходил беспрецедентный захват коррумпированной властью ключевых позиций в экономике.

Задача вторая. Объявление амнистии и легализация «здоровой» теневой экономики.

Она образовалась под нажимом неоправданно высоких налогов и бюрократического рэкета. Размеры налогов следует установить в таком размере, чтобы они стимулировали предпринимательство, а не побуждали к уходу в тень.

«Здоровая» часть теневой экономики будет приветствовать такую политику государства, поскольку выгоднее платить установленные государством приемлемые и стимулирующие (а не «душашие») налоги,

чем жить в страхе и платить рэкетирам. В результате пополнится бюджет государства и увеличатся его возможности поддерживать экономику и решать социальные проблемы.

Задача третья. Эффективное управление социально-экономическим развитием.

Установление рациональной системы управления (точное определение функций управленческих звеньев и ликвидация дублирования, а отсюда – сокращение лишних центральных управленческих структур, а также связанная с расширением местного самоуправления реорганизация органов местной власти) позволит облегчить бремя бюджетных расходов и сделать управление социально-экономическим развитием более действенным.

С расширением местного самоуправления отпадает необходимость в двухуровневой системе органов местного управления в областях – районного и областного. Нынешние областные уровни должны быть упразднены, а районные укрупнены.

Задача четвертая. Установление обоснованной системы заработной платы.

Главной производительной силой является человек, и в результатах производства заинтересован человек. Если в получении прибыли от предпринимательской деятельности заинтересован предприниматель, то в получении заработной платы, способной обеспечить приличный уровень жизни, заинтересованы наемные работники. Поэтому рост заработной платы является действенным стимулом. Средняя месячная зарплата кыргызстанцев в 2004 г. составила примерно 50 долл. США, минимальный потребительский бюджет – 40 долл. США. Достаточны ли эти размеры для нормального существования? Нет.

Да, зарплата зависит от объема продукции, производительности труда и его качества. Но еще и от исходных норм для установления уровней зарплат. В стране еще в 1998 г. минимальная месячная зарплата составляла 100 сомов (2 долл. США), и с тех пор не менялась. Этой суммы едва хватает на 2 дня. В реальности же мало, кто получает 100 сомов в месяц.

Сохранение этой суммы минимальной зарплаты позволяет предпринимателям и власти сдерживать повышение зарплат, хотя она должна расти в соответствии с ростом стоимости жизни и увеличением объема и качества работы. Это своеобразная узаконенная эксплуатация рабочей силы. Надо поднять размер минимальной заработной платы до нынешнего уровня минимального потребительского бюджета и, соответственно, произвести перерасчеты уровней норм, тарифов и ставок заработной платы, которых должны придерживаться и в частном секторе, и в государственном.

В стране с 1998 г. также не производилась индексация заработной платы в соответствии с ростом цен, что является явным нарушением объективных экономических законов и правовых требований трудящихся.

Повышение минимальной заработной платы должно сопровождаться и адекватным повышением пенсий и пособий.

Задача пятая. Создание рабочих мест экономически активному населению. Безработица приобрела массовый характер. По данным Нацстаткома, безработица составляет всего 9,2% от экономически активного населения (58,2 тыс. чел.). В реальности же многие предприятия простаивают, но их работники числятся трудоустроенными. По мнению экспертов, в странах ближнего и дальнего зарубежья работают (чаще подпольно) граждане Кыргызстана, которых на родине не обеспечили рабочими местами – и их численность, по различным оценкам, достигает 500-700 тыс. С учетом этих цифр, число безработных в Кыргызстане составляет не 9,2%, а 25–35% экономически активного населения.

Задача шестая. Поддержка предпринимательства. Она должна быть всеохватывающей и системообразующей.

Необходимо способствовать полноценной стабильной работе отечественных и иностранных хозяйственных субъектов как государственной, так и частной собственности. Вместе с тем эта поддержка должна предполагать и обратную отдачу со стороны предпринимателей, а именно – ответственность перед государством и перед населением. В этом плане не может не волновать тот факт, что на сегодня бездействует значительная часть имеющихся малых и средних предприятий, индивидуальных хозяйств, как отечественных, так и совместных. Нужно произвести инвентаризацию этих субъектов и выявить: они действительно не работают или ушли в теневую экономику. Пусть воспользуются амнистией и выйдут «на свет».

Необходима грамотная политика в привлечении иностранных инвестиций, а главное, нужно направлять иностранные кредиты в реальную экономику и на социальные цели.

Нужно уметь заинтересовывать и привлекать сильных иностранных партнеров.

Задача седьмая. Определение приоритетов.

Определить. Куда лучше инвестировать средства, чтобы решить задачи и экономического роста, и обеспечения социального благополучия. Это, прежде всего, формирование рыночного агропромышленного комплекса (РАПК). Без этого мы не сможем полностью перерабатывать сельскохозяйственное сырье, обеспечивать в достаточной степени собственное население продуктами питания, потребительскими товарами, завозя их из-за границы за валюту. В настоящее время импорт продовольствия в общем потреблении вырос до 50%, тем самым мы

осуществляем инвестирование зарубежных товаропроизводителей и резко ограничиваем отечественных. Формирование РАПК способствовало бы возникновению более благоприятной ситуации в деле обеспечения продовольственной безопасности страны. Кроме того, оно повлечет за собой развитие и размещение в регионах предприятий сервисной службы, лизинговых компаний по техническому обеспечению, снабженческо-сбытовых, заготовительных организаций. Эти службы на рыночных условиях будут обеспечивать связь сельскохозяйственных экономических субъектов с потребителями их продукции как внутри, так и за пределами страны. Не во всех регионах создание таких служб под силу частным предпринимателям, и там, где целесообразно, государство обязано создавать такие службы. Работая на рыночных условиях, эти предприятия принесут пополнение в бюджет и совершат экономически полезное дело.

Приоритеты в экономике можно разделить на два вида:

к первому относятся те приоритеты, к которым зарубежные инвесторы проявляют мало интереса и реализация которых становится делом собственного народа и собственного государства;

ко второму те – к которым зарубежные инвесторы проявляют заметный интерес и для реализации которых собственные инвестиционные ресурсы далеко недостаточны.

К первому приоритету можно отнести, например, формирование РАПК. Ко второму – освоение и вовлечение в хозяйственный оборот минеральных топливно-энергетических ресурсов (уголь, нефть, газ), запасы металлов (черных, цветных, благородных, редкоземельных), водных оросительных и гидроэнергетических ресурсов (строительство каналов, водохранилищ и гидроэнергетических сооружений), создание общенациональной, международного значения по масштабам использования и универсальной по целям инфраструктуры (железные и автомобильные дороги, воздушное сообщение и т.д.).

Задача восьмая. Внимание к экономике регионов.

Сложилась такая ситуация, когда увеличивается разрыв в социально-экономическом развитии областей и районов страны. В отдаленных районах жить стало еще труднее. Если в советский период они получали регулярную материальную поддержку (дотации и т.п.) от государства, то сегодня ее систематичность нарушена, а население самостоятельно выжить не в состоянии. Более того, в этих районах почти не осталось трудовых ресурсов, они бегут в более обеспеченные районы.

Как отмечено выше, в этих районах надо создавать структуры РАПК, надо серьезно изучать и вовлекать в хозяйственное освоение другие местные ресурсы, которые могут представлять интерес и для местного населения, и для страны в целом, а возможно, и для зарубежа.

Это флора для фармакологии, дикая фауна для ограниченного охота и отстрела, строительные материалы, минеральные и пресные воды для питья, топливно-энергетические, минеральные и водные ресурсы. Можно было бы, скажем, в качестве экономического эксперимента взять один из отдаленных районов, изучить, разработать программу его развития и начать решительно реализовывать. Например, Аксыйский, Алайский, Ат-Башинский или Чаткальский районы.

Решение проблем регионов будет способствовать сокращению безработицы, повышению уровня жизни местного населения, и наступит время, когда они перестанут быть дотационными и будут способны пополнять местный и государственный бюджеты. Это ограничит нецелесообразную, с экономической и политической точки зрения, внутреннюю миграцию, когда в отдаленных районах происходит обезлюдение, экономическое и социальное положение ухудшается, создается угроза безопасности страны. В других, относительно благополучных районах, в свою очередь, нарастает социальная и экономическая нагрузка на экономические и социальные потенциалы, что также приводит к ухудшению положения. Надо прекратить отдавать под жилье неоправданным мигрантам все новые и новые земли сельскохозяйственного и экологического пользования, ухудшая природные условия жизнедеятельности населения относительно благополучных районов.

Задача девятая. Усиление экономического сотрудничества.

Стратегическим партнером остается Россия. В интересах Кыргызстана укреплять сотрудничество с КНР, США, Европой, Японией, с Ближним Востоком. Интересы Кыргызстана и всей постсоветской Центральной Азии объективно обуславливают, что исторически сложившиеся экономические, культурные, этнические связи братских народов (кыргызов, казахов, узбеков, таджиков, туркменов) должны сохраняться. По большому счету, эти народы – определенная исторически культурно-этническая общность. И эту общность надо беречь как зеницу ока. В выигрыше будут все.

В порядке эксперимента были проведены прогнозные расчеты объемов номинального валового внутреннего продукта (ВВП в текущих ценах). Результаты показали, что к 2025 г. объем номинального ВВП увеличится, по сравнению с 2005 г., почти в десять раз, при этом ежегодный темп роста номинального ВВП превысит 10%.

На основе прогнозных показателей валового внутреннего продукта и прогнозной численности населения республики были рассчитаны показатели ВВП на душу населения, которые приведены в таблице 5. (При выполнении расчетов курс доллара США в среднем был принят в размере 42 сома.).

Таблица 5.

	2005	2010	2015	2020	2025
ВВП, млн сом	99 368,3	183 247,6	331 694,8	604 400,4	1 080 686,2
Численность населения, чел.	5 179 966	5 538 398	5 908 904	6 215 572	6 588 506
ВВП, млн долл. США	2 365,9	4 363,0	7 897,5	14 390,5	25 730,6
ВВП на душу населения, долл./чел.	456,7	787,8	1 336,5	2 315,2	3 905,4

Из таблицы видно, что к 2025 г. производство ВВП на душу населения составит свыше 3 тыс. долл. США, что равнозначно среднедушевому производству ВВП России в настоящее время. Если по методологии Всемирного банка попытаться определить, к какой группе стран по уровню ВВП на душу населения относится Кыргызстан, то в 2010 г. он попадет в группу среднеразвитых стран, но в подгруппу «ниже среднего», и только в 2025 г. поднимется в подгруппу «выше среднего». Но ведь к 2025 г., по всей вероятности, изменятся границы определения стран с низким, средним, высоким уровнями доходов в сторону поднятия планки, и тогда возникает вопрос: сумеет ли Кыргызстан по новым меркам попасть в группу среднеразвитых? Надо стараться! Надо прикладывать усилия!

Литература

Койчуева М. Становление социальной экономики в постсоветском пространстве. Бишкек-Душанбе, 2004.

Койчуев Т. Избранные статьи. Бишкек, 2005.

Экономика Кыргызской Республики/Гл. ред. Т. Койчуев. Бишкек, 2003.

Turar Koitschujew

DIE WIRTSCHAFT KIRGISISTANS

Um die wirtschaftliche Entwicklung Kirgisistans zu verstehen, soll zuerst ein Überblick über die Bevölkerungsstruktur des Landes gegeben werden. In Kirgisistan sind mehr als 20 Volksgruppen vertreten. Kirgisen machen dabei 67,4 Prozent der Gesamtbevölkerung aus, gefolgt von Usbeken mit 14,2 Prozent und den Russen mit 10,3 Prozent. Außerdem gibt es geringe Anteile der mit dem chinesischen Volk sprachlich verwandten Dunganen und andere Volksgruppen.

Vor Auflösung der UdSSR 1991 belief sich der Anteil der Kirgisen an der Gesamtbevölkerung nur auf 54 Prozent, gefolgt von Russen (20,6), Usbeken (13,2), Ukrainern (2,4), Tataren (1,7), Deutschen (1,6) und anderen kleineren Minderheiten.

Die multiethnische Zusammensetzung hat verschiedene historische Ursachen. Das Gebiet des postsowjetischen Zentralasiens wird von Volksgruppen bewohnt, die früher als Nomaden lebten oder sesshaft waren. Sie siedelten sich nicht nur nach ethnischer Zugehörigkeit an, sondern waren auch mit benachbarten Volksgruppen verbunden und gingen Wirtschaftsbeziehungen mit ihnen ein. Diese ethnischen Gruppen eint eine gemeinsame Sprache, Kultur und Geschichte.

In der Vergangenheit lebten die Herrscher dieser Ethnien mal friedlich zusammen und kooperierten, oder sie lieferten sich Kriege. Das einfache Volk jedoch respektierte geschriebene und ungeschriebene Gesetze des Zusammenlebens.

Russen und Ukrainer kamen während der Kolonialisierung Zentralasiens durch das russische Zarenreich in diese Region. Das geschah im Zuge der Übersiedlung großer russischer Bevölkerungsteile, die von der Zarenregierung gefördert wurde, um neues Land und Naturschätze zwangsweise zu erschließen. In der Sowjetzeit gab es eine massive Zuwanderung russischer und russischsprachiger Arbeiter und Fachleute. Um die Industrialisierung dieser bergigen Region voranzutreiben, wurden Fach- und Arbeitskräfte in einer Menge entsandt, die angesichts der Größe Kirgisistans enorm war.

Während des Zweiten Weltkrieges evakuierte man die Einwohner der von der deutschen Wehrmacht besetzten Städte und Gemeinden des europäischen Teils der Sowjetunion nach Kirgisistan. Unter den Flüchtlingen waren Russen, Ukrainer, Juden und andere Nationalitäten. Kurz vor Kriegsende wurden zudem Krimtataren, Tschetschenen, Karatschajen und Inguschen aus dem Nordkaukasus sowie Wolgadeutsche nach Zentralasien deportiert, die man als faschistische Kollaborateure unschuldig verurteilt hatte.

Gut 40 Jahre später, mit dem Zusammenbruch der Sowjetunion und der dadurch ausgelösten Wirtschaftskrise, trat eine massive Abwanderung der russischsprachigen Bevölkerung, der Deutschen und der Juden ein. Wesentlich früher, bereits Mitte der 50er Jahre, waren nach ihrer Rehabilitation viele Tschetschenen, Inguschen und Karatschajen in ihre Heimatrepubliken zurückgekehrt.

Damit lässt sich auch der prozentuale Anstieg der Titularnation an der Gesamtbevölkerung erklären. Weit weniger ist dafür die trotz allem verhältnismäßig hohe Geburtenrate in kirgisischen Familien verantwortlich, zumal die Geburtenraten in den letzten Jahren rückgängig sind.

So besitzt das kirgisische Volk ein ausreichendes Arbeitskräftepotenzial, das aber noch umfassender genutzt werden sollte, um wirtschaftlichen Aufschwung und sozialen Wohlstand zu schaffen. Die erwerbsfähige Bevölkerung macht 40 Prozent der Gesamtbevölkerung aus und beläuft sich auf 2.017.200 Personen. Die Zahl der Beschäftigten beträgt 1.860.000 Personen, damit gehen offiziell 92,2 Prozent einer geregelten Arbeit nach. Es herrscht Arbeitslosigkeit. Die Zahl der Arbeitslosen erhöht sich jährlich um weitere 117.200 Personen. Vor diesem Hintergrund ist die Schaffung von Arbeitsplätzen eine akute wirtschaftliche und soziale Notwendigkeit.

Welche Produktionspotenziale sollte das Land aber vermehrt nutzen, um ausreichend Arbeitsplätze für die erwerbsfähige Bevölkerung zu schaffen? Im Vergleich zur einseitig ausgerichteten Nomadenwirtschaft des feudalen Kirgisistans, das vor der Oktoberrevolution ein Hinterhof des russischen Zarenreiches war, wurde die Kirgisische Sowjetrepublik als Teil der UdSSR im Wirtschafts- und Sozialbereich erheblich gefördert. Die Bevölkerung wurde sesshaft, das Analphabetentum abgeschafft. Die Landwirtschaft setzte sich nun aus mehreren Sparten zusammen. Die traditionelle Schafzucht wurde immer weiter verbessert. Man züchtete neue feinwollige Schafrassen, eine kirgisische Pferderasse und Alatau-Rinder, deren Eigenschaften den Naturbedingungen des Hochgebirges optimal entsprachen.

Man baute nicht nur Getreide an, sondern Zuckerrüben, Baumwolle und Tabak sowie Gemüse und Obst. Das Klima in Kirgisistan eignete sich hervorragend und bescherte den Bauern reiche Erträge.

Sehr intensiv gefördert wurde die Industrie, die vor der Oktoberrevolution bis auf etliche Mühlen, Brauereien und Zechen nicht existiert hatte.

Durch geologische Untersuchungen wurden zahlreiche Mineral- und Brennstoff-Vorkommen entdeckt. Die Kohlenindustrie mit den Bergwerken Kisil-Kyi, Kok-Jangka, Taschkumira und Sulukty im Süden sowie mit Dscheragalana im Norden des Landes entstand. Bergarbeitersiedlungen wurden gebaut. Man begann mit der Erschließung der großen Kohlevorkommen Karaketsch im Norden sowie mit dem Tagebau in Almalyk im Süden. Aus dieser Zeit stammt die sowjetische Bezeichnung Kirgisistans als Kohlekammer ganz Zentralasiens. Kasachstan war dabei ausgeschlossen, denn es handelte sich

um einen separaten Wirtschaftsraum und wurde nicht zum mittelasiatischen Wirtschaftssystem gezählt.

Kirgisistan förderte und verarbeitete Antimon, das 51. Element im Periodensystem, im südlich gelegenen Kadamjai und Quecksilber in Chaidarkan. Später wurden Uranerzförder- und Verarbeitungsbetriebe gegründet, die für die sowjetische Rüstungsindustrie unentbehrlich waren. Die Erzbergwerke Karabalta und Mailisai sowie die Bergbaubetriebe Kadjisai und Minkusch zählten zu den größten Industrieanlagen in der ganzen Sowjetunion.

Kirgisistan besaß neben Russland und Tadschikistan die größten Wasserkraftressourcen in der Sowjetunion. Es wurden fünf Wasserkraftwerke fertiggestellt und weitere zwei begonnen. Nach damaligen Plänen sollten bis zu 18 Wasserkraftwerke am Fluss Naryn gebaut werden. Das Wasserkraftwerk und der Stausee Toktogul bilden gemeinsam ein großes Wasserkraft- und Bewässerungssystem, dessen Bedeutung für Kirgisistan und Usbekistan unschätzbar ist.

Die schnell wachsende Bevölkerung im erwerbsfähigen Alter musste beschäftigt werden. Die Sowjets gründeten Maschinen- und Anlagenbaubetriebe, die nicht nur Arbeitsplätze schufen, sondern auch einzelne Industriezweige und Verbraucher mit Maschinen und Arbeitsgeräten versorgten. Die Herstellung von Werkzeugmaschinen, Krafffahrzeugen, landwirtschaftlichen Maschinen und Elektromaschinen setzten den Maschinenbau an die Spitze der kirgisischen Industrieproduktion.

Die kirgisische Landwirtschaft war imstande, die Leicht- und Nahrungsmittelindustrie ausreichend mit Rohstoffen zu versorgen. Sie schaffte Arbeit und konzentrierte sich nicht nur auf größere Industriestandorte, sondern siedelte sich auch in kleineren Städten und Dörfern an. Territoriale Fördermaßnahmen ließ man insbesondere der Nahrungsmittelindustrie angeeignen. Grundsätzlich spielte die Industrie eine führende Rolle in der Wirtschaft des Landes und beeinflusste weitgehend Kirgisistans wirtschaftliche Spezialisierung innerhalb des sowjetischen Systems der Arbeitsteilung unter den Republiken. Mehrere kirgisische Betriebe produzierten für den EU-weiten Bedarf und wurden aus dem zentralen Staatsbudget finanziert.

In der kirgisischen Volkswirtschaft war zu Sowjetzeiten die Industrie federführend und der weitgehend entwickelte soziale Bereich (Bildungswesen, Wissenschaft, Kultur, Gesundheitswesen, Sport) wurde vom Staat unterstützt. Deshalb lässt sich der Beitrag des sowjetischen Staates zur sozialen und wirtschaftlichen Entwicklung Kirgisistans nicht abstreiten. Und dass Kirgisistan innerhalb der Sowjetunion zu den wirtschaftlich schwächsten Republiken gehörte, ging primär auf die historisch bedingte Rückständigkeit und mangelnde Finanzen zurück, die eine sofortige und umfassende Überwindung dieser Rückständigkeit nicht möglich machten.

Die Sowjetregierung betrieb eine Politik des Ausgleichs unterschiedlicher wirtschaftlicher und sozialer Entwicklungsniveaus einzelner Sowjetrepubliken und investierte dafür erhebliche Finanzmittel. Der für die sowjetische Führung typische Kommandostil vermochte es jedoch nicht, wirtschaftliche Effektivität in der gesamten Sowjetunion, geschweige denn in einzelnen ohnehin wirtschaftlich rückständigen Sowjetrepubliken, zu schaffen. Dennoch verfügte Kirgisistan in den achtziger Jahren über ein ausreichendes Wirtschaftspotenzial, um die erwerbsfähige Bevölkerung mit Arbeit zu versorgen und dadurch das wirtschaftliche und soziale Wohl zu verbessern.

Dann zerfiel die Sowjetunion und 15 unabhängige Staaten entstanden. Die existierende autoritäre Staatsordnung war mit der Demokratisierung der Gesellschaft und des Staates und der Gestaltung einer freien sozialen Marktwirtschaft überfordert. Dem sowjetischen Staat fehlte die Fähigkeit zur Koordinierung gesellschaftlicher Abläufe und zur Steuerung des Wirtschaftssystems mit gleichzeitiger Effektivität. Daran scheiterte die Sowjetunion.

Dieser Untergang löste eine schwere und lang andauernde Wirtschaftskrise (1991 bis 1995) im gesamten postsowjetischen Raum aus. Das sowjetische Wirtschaftssystem bewegte sich schon seit langem auf eine Krise zu, diese brach dann ausgerechnet mit dem Zerfall der Sowjetunion aus. Der Zerfall und die damit einhergehende Lähmung sowie der Abbruch wirtschaftlicher Beziehungen zwischen den früheren Sowjetrepubliken verschärfte diese Wirtschaftskrise noch.

Dabei waren natürlich jene Sowjetrepubliken am schwersten betroffen, die ohnehin wirtschaftlich unterentwickelt waren, wie Kirgisistan (siehe Tabelle 1 und 2). Von 1996 an wuchs die Wirtschaft wieder, konnten jedoch die zwischen 1991 und 1995 entstandenen Verluste nicht kompensieren. Das Bruttoinlandsprodukt (BIP) sank rapide und belief sich 1995 auf 50,7 Prozent des BIP aus dem Jahre 1990, 2000 auf 66,5 und 2004 auf 80,1 Prozent.

Am stärksten litt die Industrie. Das industrielle Bruttoproduktionsvolumen betrug 1995 gerade mal ein Drittel des Wertes von 1990, 2000 etwa die Hälfte und 2004 knapp 60 Prozent. Der sowjetische Wirtschaftsraum hatte sich aufgelöst. Und die als Nachfolgeorganisation gedachte Gemeinschaft Unabhängiger Staaten (GUS) war nicht imstande, einen eigenen Wirtschaftsraum zu schaffen, der die Aufrechterhaltung und Erweiterung gegenseitiger Wirtschaftsbeziehungen sicherte. Damit gingen ganze industrielle Wirtschaftszweige verloren.

TABELLE 1 JAHRESDURCHSCHNITTLICHE ZUWACHSRATEN DES
BRUTTOINLANDSPRODUKTS (BIP) UND PRODUKTIVOLUMINA
KIRGISISCHER WIRTSCHAFTSZWEIGE*)

	1991-1995	1996-2000	2001-2004
BIP insgesamt	-13,8	105,2	104,7
Industrie	-24,1	110,5	103,4
Landwirtschaft	-9,1	106,4	104,5
Bauwesen	-14,9	101,1	100,4
Dienstleistungen	-11,4	102,9	106,6

TABELLE 2 BIP UND PRODUKTIVOLUMINA KIRGISISCHER WIRTSCHAFTSZWEIGE*)
(IN PROZENT ZU 1990)

	1990	1995	2000	2004
BIP insgesamt	100	50,7	66,5	80,1
Industrie	100	33,1	53,7	58,8
Landwirtschaft	100	61,3	90,6	109,8
Bauwesen	100	45	35	35
Dienstleistungen	100	61,7	68,8	82

*) Die Berechnungen erfolgten auf Grundlage der Angaben aus dem Sammelband «Wirtschaftliche und soziale Lage der kirgisischen Republik», 1990 – 2004, Bischkek 2005.

TABELLE 3 PROZENTUALE BIP-AUFTEILUNG NACH WIRTSCHAFTSSEKTOREN*

	1990	1995	2000	2004
Gesamt-BIP	100	100	100	100
Industrie	26,4	12	23,3	16
Landwirtschaft	32,7	40,3	33,8	32,9
Bau	7,7	6,1	3,8	3
Dienstleistungen	-	3,4	31,8	38,1

* Berechnung basiert auf den Angaben aus dem Statistikband «Sozialer und wirtschaftlicher Entwicklungsstand Kirgisistans» 1990–2004.

Extreme Verluste musste die Kohleindustrie hinnehmen. Während 1990 noch 3.742.000 Tonnen Kohle gefördert wurden, sank die Fördermenge auf 456.300 Tonnen im Jahre 2004. Das Produktionsvolumen der Maschinenbau- und Stahlverarbeitungsindustrie erreichte 2004 im Vergleich zu 1990 nur 11,6 Prozent, die Leichtindustrie 27,6 Prozent der früheren Leistung und die Nahrungsmittelindustrie 18,3 Prozent. Das waren Industriezweige, die einst viele Arbeitsplätze boten. Viele Arbeitnehmer in diesen Branchen waren nun arbeitslos.

Gleichzeitig bestand jedoch auch weiterhin Bedarf an den Produkten. Die Wirtschaftskrise hätte man dämpfen und das Wirtschaftspotenzial in etwa erhalten können, wenn man die vertraglichen Beziehungen zwischen den Schwesterrepubliken des einst gemeinsamen Sowjethauses bewahrt hätte.

Solches Krisenmanagement wurde jedoch versäumt, weil es den handelnden Personen in Amtsstuben und Geschäftsbüros an Erfahrungen im Verwaltungswesen und marktwirtschaftlichen Kenntnissen mangelte. Der Privatisierungsprozess war wenig erfolgreich, denn die im Zuge der Privatisierung erworbenen Anlagen und Firmen hatten relativ geringen Wert und waren nicht in der Lage, wettbewerbsfähige Produkte herzustellen. Trotzdem hätte man mehr Industriepotenzial retten und sich besser an die Marktwirtschaft anpassen können, wenn die Unternehmer ihre Aktivitäten geschickter und der Staat seine Reformpolitik vernünftiger gestaltet hätten.

Eine gemischte Wirtschaft mit einem überwiegend privatwirtschaftlichen Anteil bildete sich in Kirgisistan heraus. Nach Angaben des Statistikkomitees vom 1. Januar 2005 beläuft sich die Zahl der Unternehmen auf 470.587, davon befanden sich 4.308, knapp ein Prozent, in öffentlicher, 5.883 – 1,5 Prozent – in kommunaler und 459.396, gut über 90 Prozent, in privater Hand.

Mit der Einführung der freien Marktwirtschaft wurden Förderungsmaßnahmen für kleine und mittelständische Unternehmen (KMU) ergriffen¹. 2004 gab es 7.729 kleinere, 756 mittlere und 146.413 Einmann-Unternehmen sowie 259.701 Bauernwirtschaften. Im KMU-Bereich (einschließlich der Einpersonen-Unternehmen und ausschließlich der Bauernwirtschaften) waren 233.400 Arbeitnehmer oder 12,6 Prozent aller Arbeitnehmer beschäftigt. Kleine und mittelständische Unternehmen waren am erzeugten Produktions- und Leistungsvolumen der Industrie mit 20,1 Prozent, an selbständig ausgeführten Bauaufträgen mit 85,9 Prozent, in der Landwirtschaft mit 58 Prozent, mit 90,3 Prozent am Hotel- und Gaststättengewerbe und mit 40,1 Prozent am Produktions- und Leistungsvolumen im Transportbereich beteiligt. 30,9 Prozent des Exports und 58,1 Prozent des Imports entfallen auf die KMU.

In erster Linie wurden kleine und mittelständische Unternehmen mit Ausnahme von Bauernwirtschaften gefördert, die sich an wirtschaftlich entwickelten Standorten wie Bischkek und in der Tschui-Region befanden. Doch nun bedarf es einer zunehmenden KMU-Förderung an unterentwickelten Standorten, um damit einen Impuls für die wirtschaftliche Stabilisierung zu liefern. 2004 erwiesen sich 33,6 Prozent des gesamten Klein- und Mittelstandes als wirtschaftlich, 41 Prozent fuhren Verluste ein.

Kirgisistan unterhält Außenhandelsbeziehungen zu mehreren Staaten der Welt. 2004 schlug der Export mit 718,8 Millionen US-Dollar und der Import

¹ Die KMU-Daten entstammen dem statistischen Katalog «Klein- und Mittelstand in der kirgisischen Republik» für den Zeitraum 2000 – 2004, Bischkek 2005.

mit 941,0 Millionen US-Dollar zu Buche.² Zu den potentiellen Partnern zählen Russland, Kasachstan, Usbekistan und die Ukraine aus der GUS sowie China, Deutschland, die Vereinigten Arabischen Emirate, die Türkei, Kanada, die Schweiz und die Niederlande. Man sollte die Außenhandlungsmöglichkeiten effektiver nutzen und konkurrenzfähige Produkte erzeugen, um dadurch das Interesse auf dem Exportmarkt zu steigern.

Zurzeit herrscht ein akuter Mangel an nationalem Anlagekapital, so dass ausländisches Kapital benötigt wird. 2004 betrug die Auslandsinvestitionen 1,5 Milliarden US-Dollar.³ Großinvestoren sind unter anderem Kanada, die Türkei, Saudi-Arabien, die USA, Japan, Deutschland, Korea, China, die Niederlande sowie Kasachstan und Russland aus der GUS. Kirgisistan wird auch künftig Auslandsinvestitionen benötigen. Denn sie ermöglichen die Anschaffung neuer Technik, neuen Know-hows und neuen Wissens.

1996 begann der wirtschaftliche Aufschwung. Eine gewisse Stabilisierung wurde zwischen 2001 und 2005 erreicht (siehe Tabelle 3).

TABELLE 4 **WIRTSCHAFTLICHE UND SOZIALE ENTWICKLUNG 2001-2004**

	2001	2002	2003	2004
BIP-Zuwachsrate (in Prozent)	105,3	100,0	106,7	107,1
Industrie	105,4	-13,1	117,4	103,7
Landwirtschaft	107,3	103,1	103,8	104,1
Dienstleistungssektor	101,6	103,5	106,0	114,4
Wechselkurs Som/1 US-Dollar	48,44	46,92	43,69	42,67
Auslandsumsatz (in Mio. US-Dollar)	943,3	1072,2	1298,2	1659,8
Export (in Mio. US-Dollar)	476,1	485,5	581,7	718,8
Import (Mio. US-Dollar)	467,2	586,7	716,5	941,0

Ein Wirtschaftsaufschwung auf niedrigem Niveau ist nicht zu übersehen. Freilich ist es noch zu früh, von Stabilitäts- und Nachhaltigkeitsfaktoren zu sprechen. Zahlreiche Probleme müssen noch gelöst werden. Wenn man sie zusammenfasst, so kommt man zu folgenden Erkenntnissen: Der Wirtschaftssektor und vor allem die Industrie muss tatkräftig belebt werden, um die Armut zu bekämpfen. Ferner sollten Wissenschaft, Bildung, Kultur und Gesundheitswesen verstärkt gefördert werden, denen es momentan an fast allem fehlt. Das Gehaltsniveau der Angestellten in diesen Bereichen ist extrem niedrig. Die materielle Versorgung liegt weit unterhalb der Standardgrenzen. Eine weitere Vernachlässigung dieser Bereiche würde einen Verfall des Bildungsniveaus und der Wissenschaften sowie eine Verschlechterung der Gesundheit nach sich ziehen.

² Siehe: Kirgisistan in Zahlen. Statistischer Almanach 2005, Seite 227.

³ Siehe: Statistischer Katalog «Investitionen in der kirgisischen Republik», 2002-2004, Jahresausgabe, Bischkek 2005, Seite 33.

Armut ist das schmerzhafteste soziale Problem. Nach offiziellen Angaben liegt das Einkommensniveau von 45 Prozent der Bevölkerung unterhalb der Armutsgrenze und weitere 13,4 Prozent leiden unter extremer Armut. Besonders hart betroffen ist die Bevölkerung auf dem Lande und in entlegenen Regionen. Die Armut kann nur dann effektiv abgebaut werden, wenn die Wirtschaft spürbare positive Ergebnisse erzielt und Arbeitsplätze schaffen kann. Welche Voraussetzungen müssen dafür geschaffen werden?⁴

1. Die Wasserressourcen stellen einen der grundlegenden nationalen Reichtümer dar und sind für die Entwicklung der Wirtschaft nicht nur in Kirgisistan, sondern auch in Kasachstan, Usbekistan, Tadschikistan und China von großer Bedeutung. Erhebliche Wassermengen sind in 6.580 Gletschern konserviert, deren Speichervorrat ca. 760 Milliarden Kubikmeter beträgt. Durch Kirgisistan fließen 2000 Flüsse mit einer Gesamtlänge von rund 35.000 Kilometern. Der größte Fluss ist der Naryn. Zu rund 80 Prozent werden die Flüsse mit dem Tauwasser der Gletscher und Schmelzwasser gespeist. Nur knapp acht Prozent der Wasserkraft werden genutzt.
2. Von unschätzbarem ökologischen und touristischen Wert ist der Hochgebirgssee Issyk-Kul.
3. Das kirgisische Staatsgebiet verfügt über ein vielfältiges Potenzial an Brennstoffen und Energieträgern. Ihr Nutzungsgrad ist gering und liegt bei leicht über einem Prozentpunkt. Nachgewiesene Vorräte an Kohle umfassen 1,3 bis 1,5 Milliarden Tonnen, die geschätzten Vorräte liegen bei 20 bis 25 Milliarden Tonnen. Außerdem geht man von Ölressourcen in Höhe von 11 bis 12 Millionen Tonnen, und bei Gas von etwa 6,5 Milliarden Kubikmeter aus. Der wirtschaftliche Nutzwert der Wasserkraft beträgt etwa 100 Milliarden Kilowattstunden und für erneuerbare Energien 840 Mio. Tonnen Einheitsbrennstoff. Man könnte nicht nur die bereits funktionierenden, sondern auch die stillgelegten Kohlebergwerke wieder in Betrieb nehmen und neue Bergwerke errichten, indem man das große Kohlenbecken Usgen erschließt, das umfangreiche hochwertige Kohlevorkommen hat.
4. Kirgisistan verfügt über Vorräte an Antimon, Quecksilber, Gold, Silber, Zinn, Wismut, Wolfram, Kupfer, Eisen und Aluminium. Ihr Nutzwert ist jedoch gering, da die geologischen und geografischen Gegebenheiten der Lagerstätten schwierig sind und es an Investitionen für die Erschließung mangelt.
5. Die geschätzten Vorräte an Eisenerz betragen rund 10 bis 12 Milliarden Tonnen, an Gold 3.500 bis 4.000 Tonnen, an Silber 7.000 bis 8.000 Tonnen, an Zinn 250.000 Tonnen und an Wolfram 124.000 Tonnen.

⁴ Siehe «Wirtschaft der kirgisischen Republik», Bischkek 2003, Kapitel I.

Das bestehende Produktionspotenzial muss technisch und technologisch umgerüstet werden. Neues ökonomisches Denken, eine Arbeitskultur und Disziplin sollten anerzogen werden. Eine neue und professionell arbeitende Verwaltung muss sich entwickeln, die in der Lage ist, eine soziale Marktwirtschaft umzusetzen.

Denn die kirgisische Republik hat sich für den Aufbau einer freien, offenen und sozialen Marktwirtschaft entschieden. Aufgrund weltweiter Erfahrungen gibt es auch keine andere Alternative. Dabei gestaltet jedes Land seine eigene Reformpolitik und berücksichtigt dabei seine besonderen Gegebenheiten, Ressourcen, den Bildungsstand und die Mentalität seiner Bevölkerung.

Im März 2005 lehnte sich die Bevölkerung gegen die soziale und wirtschaftliche Politik ihrer Regierung auf und zwang Staatspräsident Askar Akajew zum Rücktritt. Die Ereignisse förderten Probleme zu Tage, die eine ernstzunehmende Gefahr für die soziale, ökonomische und politische Integrität des Staates darstellten. Reformorientierte gesellschaftliche Kräfte ergriffen die Initiative und begannen mit der Wiederbelebung der Demokratie, um den wirtschaftlichen Aufschwung und die Erhöhung des Lebensstandards der Bevölkerung voranzutreiben, vor allem aber das Vertrauen der Bürger in den Staat wiederzugewinnen.

Das schwerste und bislang ungelöste Problem bleibt nach wie vor die komplizierte sozioökonomische Lage, zu den Schwierigkeiten zählen Bevölkerungsarmut, Beschäftigungsmangel, der bettelarme soziale Bereich, ein großes wirtschaftliches Gefälle zwischen einzelnen Regionen und die blühende Korruption. Kirgisistan liegt wirtschaftlich hinter mehreren GUS-Staaten. 2003 lag die Pro-Kopf-Quote des BIP bei 374,47 US-Dollar und somit um das Fünfzehnfache unterhalb des internationalen Durchschnittswerts. In Sachen wirtschaftliche und soziale Entwicklung ist Kirgisistan neben Tadschikistan das Schlusslicht innerhalb der GUS.

Früher war Kirgisistan ein Agrar- und Industrieland, inzwischen ist es zu einem Agrar- und Rohstofflieferanten abgestiegen. Dank einer unüberlegten Privatisierung sank der industrielle BIP-Anteil schlagartig auf 16 bis 17 Prozent. Die Strategien der landwirtschaftlichen Entwicklung müssen grundlegend überdacht werden, der BIP-Anteil der Landwirtschaft liegt bei 32 bis 33 Prozent. Trotz gewisser Erfolge bei der Reform des Agrarsektors brachte die kurzfristige Einführung von Marktmechanismen und des Privateigentums an Grund und Boden nicht den erhofften Wohlstand für die Landbevölkerung. Das Einkommensniveau der im Agrarsektor beschäftigten Bevölkerung liegt um das Doppelte unterhalb des volkwirtschaftlichen Durchschnitts und um das Dreifache unter dem Einkommensniveau der Industrie. Dies wird zu einer weiteren Verschärfung der sozialen Unterschiede zwischen Stadt und Land führen. Und die Landbevölkerung macht bekanntlich zwei Drittel der Gesamtbevölkerung aus.

Nach offiziellen Angaben lag die Arbeitslosenrate 2004 bei insgesamt 9,2 Prozent landesweit, doch die Dunkelziffer ist weitaus höher. Im Schnitt leben rund 45 Prozent der Bevölkerung unterhalb der Armutsgrenze, in manchen Regionen aber liegt diese Zahl bei über 70 Prozent. Das durchschnittliche Einkommen in Kirgisistan unterschreitet das des Nachbarn Kasachstan um das Vierfache. Die Fachkräfte wandern ab. Über 500.000 größtenteils junge Kirgisen suchen im Ausland Arbeit, um ihren Lebensunterhalt zu verdienen. Eine wachsende Zahl von Kirgisen im erwerbsfähigen Alter kann wegen mangelnder Arbeitsplätze nicht beschäftigt werden.

Es entstand eine Volkswirtschaft, die bei weitem nicht optimal ist. Allein die Goldmine Kumtor trägt mit 40 Prozent zur nationalen Industrieproduktion bei. Gleichzeitig stehen zahlreiche Betriebe still, die sich ursprünglich auf die Herstellung von Konsumgütern, Ausrüstungen, Geräten und Maschinen spezialisiert hatten. Bestenfalls wurden sie inzwischen auf die Herstellung einfacher Erzeugnisse umgestellt. Die in Kirgisistan erzeugten landwirtschaftlichen Produkte werden exportiert oder auf dem Binnenmarkt unveredelt verbraucht, während zahlreiche Betriebe der Nahrungsmittel-, Fleisch- und Milchverarbeitungs- sowie der Leichtindustrie entweder brachliegen oder ihre ursprünglichen Produktionskapazitäten nur noch zu zehn Prozent genutzt werden.

Kirgisistan musste Auslandsschulden aufnehmen. Die Verschuldung stieg von 31 Prozent des BIP im Jahre 1995 auf mehr als 88 Prozent des BIP im Jahre 2004. Daraus ergab sich die Gefahr, dass Kirgisistan nicht mehr fähig sein würde, seine Schulden zu tilgen. Die ständig wachsende Auslandsverschuldung schwächt nicht nur die wirtschaftliche, sondern auch die nationale Sicherheit des Staates.

Wichtigste Ziele in Kirgisistan sind die Bekämpfung der Armut, die Schaffung von Arbeitsplätzen, die Förderung des sozialen Sektors und die Nivellierung des Entwicklungsgefälles zwischen einzelnen Regionen. Dafür bedarf es adäquater Methoden und Instrumente.

Wirtschaftsfördernde Faktoren	Wirtschaftsbehindernde Faktoren
1. Vermittlung marktwirtschaftlicher Kenntnisse	1. Volk und Staat mangelt es an marktwirtschaftlichem Wissen
2. Wirtschaftspolitische Verwaltungsvorschriften	2. Dem Staat mangelt es an Wissen zur Wirtschaftssteuerung
3. Korruptionsbekämpfung	3. Die Korruption blüht
4. Vertrauen des Bürgers in den Staat und sich selbst	4. Man glaubt vergebens an einen guten Zaren

Vorrangige Aufgaben

Die Revolution im März 2005 und der Machtwechsel bedeuteten eine neue Epoche für die kirgisische Gesellschaft. Benötigt werden nun dringend neue politische und wirtschaftliche Ansätze und Lösungen, um die Entwicklung des Staates voranzubringen.

Aufgabe 1. Kompromisslose Korruptionsbekämpfung

Die Korruption nahm innerhalb staatlicher Machstrukturen ein ungeheures und der Wirtschaft gegenüber kaum zumutbares Ausmaß an. Sie durchdringt die Machtvertikale von oben bis unten. Unternehmer wichen in die Schattenwirtschaft aus, und Kriminelle erhielten Handlungsfreiheit. Die Folgen – ungezügelter Kapitalabfluss ins Ausland, Lähmung der Wirtschaft und Notstand des Staatshaushalts – sind verheerend. Ganz davon abgesehen nimmt die Lebensqualität der armen Bevölkerung ab, weil es an Sozialleistungen mangelt.

Die von staatsbürokratischer Erpressung geplagten Unternehmen verfügten nicht über ausreichende Finanzmittel, um ein Wirtschaftswachstum einzuleiten. Trotz des ohnehin geringen wirtschaftlichen Potenzials bemächtigten sich korrupte Beamte auf beispiellose und heimtückische Weise der Schlüsselpositionen in der Volkswirtschaft.

Aufgabe 2. Amnestie der Schattenwirtschaft

Die Schattenwirtschaft entstand vor allem wegen der hohen Steuerlast und der Erpressungen seitens der Staatsbürokratie. Tatsächlich sollten die Steuersätze so konzipiert werden, dass sie die Unternehmensentwicklung fördern und nicht zur Kapitalflucht oder Schattenwirtschaft führen.

Zumeist ehrliche Vertreter dieser eigentlich kriminellen Wirtschaft würden eine solche Politik begrüßen, weil es für sie langfristig vorteilhafter ist, das Gesetz zu achten, als in ständiger Angst vor staatlichen Kontrollen zu leben und Schutzgelder zu zahlen. Der Staatshaushalt würde durch steigende Einnahmen davon profitieren und den nötigen Spielraum bekommen, um die Wirtschaft und den Sozialbereich zu fördern.

Aufgabe 3. Effektive Planung der wirtschaftlichen und sozialen Entwicklung

Der Aufbau eines modernen Verwaltungssystems ist eine unumgängliche Bedingung. Dabei ist es wichtig, die Kompetenzen für die Verwaltungsstrukturen genau zu definieren, sich auf diversen Ebenen wiederholende Funktionen und Strukturen abzubauen, die lokalen Verwaltungsbehörden zu reformieren und dabei die Kompetenzen lokaler Selbstverwaltungsorgane zu erweitern. So könnten die Haushaltsausgaben

gesenkt und die Steuerung der Wirtschafts- und Sozialentwicklung effektiviert werden.

Mit der Erweiterung der Kompetenzen lokaler Selbstverwaltungsorgane kann das doppelte lokale Verwaltungssystem in den Regionen, den Bezirks- und auf den Regionalebenen reformiert werden. Die Regionalverwaltungsebene sollte abgeschafft und die Bezirksebene erweitert werden.

Aufgabe 4. Implementierung eines wirtschaftlich vertretbaren Lohn- und Gehaltsgefüges

Während ein Unternehmer seinen Geschäftsgewinn erzielen will, strebt der Arbeitnehmer einen Lohn an, der ihm einen angemessenen Lebensstandard sichert. Deshalb ist die Anpassung des Lohnniveaus an die wirtschaftlichen Bedingungen eines Landes ein wirksamer Anreiz. In Kirgisistan betrug 2004 der durchschnittliche Monatslohn etwa 50 US-Dollar. Die minimalen Lebenshaltungskosten lagen bei 40 US-Dollar pro Monat. Somit kann die Frage, ob der landesübliche Lohn für einen normalen Lebensunterhalt ausreichend ist, nur mit «nein» beantwortet werden. Die Höhe des Lohnes hängt natürlich vom Produktionsvolumen, der Arbeitsproduktivität und nicht zuletzt von der Qualität der Arbeit ab.

Doch müssen auch vorgegebene Richtsätze für die Lohnberechnung berücksichtigt werden. 1998 war der Mindestlohn auf 100 Som (etwa 2 US-Dollar) festgelegt worden. Seitdem wurde diese Norm nie angepasst. Dieser Betrag reicht in Kirgisistan aber gerade einmal für zwei Tage zum Leben.

Das Fortbestehen dieses Mindestlohnbetrages dient Unternehmern und Behörden als Vorwand, um Lohnerhöhungen zu verzögern. Diese bislang unveränderte Mindestlohnhöhe ist somit zu einem legitimen Mittel der Ausbeutung verkommen. Der Mindestlohn muss an die gestiegenen Lebenshaltungskosten in Kirgisistan angepasst werden und sowohl in der Privatwirtschaft als auch dem öffentlichen Sektor als verbindliche Maßgabe eingeführt werden.

Aufgabe 5. Maßnahmen zur Schaffung von Arbeitsplätzen

Die Arbeitslosigkeit breitete sich in Kirgisistan epidemieartig aus. Nach Angaben des Statistikkomitees liegt die Arbeitslosenrate bei 9,2 Prozent der erwerbsfähigen Bevölkerung (58.200 Personen). Erschwerend kommt hinzu, dass zahlreiche Betriebe stillstehen, ihre Belegschaften jedoch als beschäftigt gemeldet sind. Experten gehen davon aus, dass kirgisische Staatsangehörige überwiegend schwarz und ohne jeden Rechtsschutz in Anrainerstaaten und im fernen Ausland arbeiten. Dabei handelt es sich um Arbeitslose, die im Land keine Beschäftigung finden können. Ihre Zahl wird auf bis zu knapp einer dreiviertel Million Menschen geschätzt.

Wenn man auch diese Gruppe hinzurechnet, so kommt man auf eine Arbeitslosenrate von etwa 35 Prozent, was einem Drittel der erwerbsfähigen Bevölkerung Kirgisistans entspricht.

Aufgabe 6. Unternehmensförderung

Der kirgisische Staat muss sich dringend um die Förderung von Geschäftsaktivitäten sowohl einheimischer und ausländischer, als auch öffentlicher und privater Unternehmen kümmern. Diese Förderung sollte allerdings mit Gegenleistungen der Unternehmen einhergehen, die nämlich eine Verantwortung gegenüber ihrem Staat und dem Volk haben. Zahlreiche Klein-, Mittel- und Einmann-Unternehmen sind weder ausreichend mit einheimischer noch mit ausländischer Kapitalbeteiligung versorgt. Hier bedarf es einer Einflussnahme und eines Eingreifens seitens des Staates. Man sollte eine Bestandsliste dieser Unternehmen erstellen und versuchen herauszufinden, welche von ihnen nur noch auf dem Papier existieren und welche Teil der Schattenwirtschaft sind und somit gegen das Gesetz arbeiten.

Stillstehende Unternehmen dürfen keine Geschäftslizenzen mehr erhalten und funktionierende Betriebe sollten dazu bewogen werden, von der Amnestie Gebrauch zu machen und aus der Schattenwirtschaft heraus in die Legalität zu treten.

Es werden umfangreiche Auslandsinvestitionen benötigt, wobei Kredite vorrangig dem Wirtschaftssektor und dem sozialen Bereich zugute kommen sollten. Man muss lernen, wie das Interesse ausländischer Geschäftspartner am effektivsten geweckt werden kann, um sie dann gewinnbringend für beide Seiten ins Geschäft einzubeziehen. Hierfür könnten starke Anreize nützlich sein. Denn sobald eine Produktionsanlage gegründet ist, bleibt der Partner und führt Steuern an den Haushalt ab.

Aufgabe 7. Bestimmung wirtschaftlicher Prioritäten

Kirgisistan sollte Schwerpunkte für seine wirtschaftliche Entwicklung festlegen. Damit sind Bereiche gemeint, in denen Investitionen getätigt werden sollen, die helfen, das Wirtschaftswachstum anzukurbeln und den sozialen Wohlstand zu erhöhen. Dazu gehört vor allem eine marktwirtschaftlich ausgerichtete Landwirtschaft und die weiterverarbeitende Nahrungsmittelindustrie. Ohne diese wird das Land nicht imstande sein, anfallende landwirtschaftliche Produkte weiterzuverarbeiten sowie die eigene Bevölkerung mit Nahrungsmitteln und Konsumgütern hinlänglich zu versorgen. Man ist sonst auf kostspielige Auslandsimporte angewiesen, die in Devisen zu zahlen sind. So stieg der Nahrungsmittelimport auf bis zu 50 Prozent des gesamten Konsumgütervolumens an. Damit werden ausländische Konsumgüter finanziert, statt die kirgisischen landwirtschaftlichen Produkte zu fördern. Mit dem Aufbau einer funktionierenden Agrarproduktion würden sich Dienstleistungsunternehmen, Leasinggesellschaften mit landwirtschaftlichem

Maschinenangebot sowie der Handel in den ländlichen Regionen niederlassen.

Sie können dann als Verbindungsglieder zwischen heimischen landwirtschaftlichen Unternehmen und Abnehmern ihre Produkte sowohl im In- als auch im Ausland zu Marktpreisen anbieten. Nicht in allen Regionen sind Privatunternehmer in der Lage, solche Firmen aus eigener Kraft aufzubauen, so dass der Staat die Gründung einer solchen Infrastruktur an entsprechenden Orten fördern sollte. Er würde davon schließlich selbst profitieren. Diese Dienstleistungsunternehmen werden Steuern in den Staatshaushalt fließen lassen.

Die Wirtschaftsprioritäten können in zwei Sparten aufgeteilt werden: Die erste Sparte bilden die Wirtschaftsbereiche, an denen Auslandsinvestoren wenig interessiert sind und deren Bewirtschaftung die Aufgabe des Volks und des Staates ist. Die zweite Sparte setzt sich aus den Wirtschaftsbereichen zusammen, die für ausländische Investoren interessant sind und für deren Bewirtschaftung nationales Anlagekapital bei weitem nicht ausreicht.

Der ersten Sparte ist die Landwirtschaft zuzuordnen. Zur zweiten Sparte dürfte die Erschließung und wirtschaftliche Nutzung von Bodenschätzen, Energieträgern (Kohle, Öl und Gas) und Metallerzen (Schwarz-, Bunt- und Edelmetalle), sowie der Bau und die Nutzung von Bewässerungs- und Wasserkraftwerken (Bewässerungskanäle, Stauseen, Wasserkraftwerke) gehören. Auch der Bau einer landesweiten und auch international nutzbaren Verkehrsinfrastruktur (Eisenbahn, Straßen, Luftverkehr) sollte für ausländische Investoren interessant sein.

Aufgabe 8. Regionale Wirtschaftsförderung

Die einzelnen Regionen und Bezirke Kirgisistans sind unterschiedlich gut entwickelt, es gibt ein starkes soziales Gefälle zwischen Stadt und Land. In entlegenen Regionen hat sich die Lebensqualität weiter verschlechtert. Während die Sowjetmacht die Bevölkerung mit Zuwendungen unterstützte, existiert nun kein einziges staatliches Sozialprogramm und die Bevölkerung selbst kann allein kaum überleben. Immer mehr Arbeitskräfte verlassen diese Regionen und finden woanders Arbeit – inner- oder außerhalb des Landes.

Wie oben angemerkt, könnte man auch in solchen wirtschaftlich zurückgebliebenen Regionen agrarindustrielle Strukturen aufbauen. Trotzdem sollte man zuvor untersuchen, ob eine anschließende Nutzung in den Regionen überhaupt möglich ist und ob sie für die lokale Bevölkerung, den Binnenmarkt oder für Exportzwecke von Interesse sind.

Mit der Lösung des Problems rund um die wirtschaftliche Entwicklung der Regionen wird die Arbeitslosenrate gesenkt, der Lebensstandard der lokalen Bevölkerung erhöht und damit die Provinz von Staatssubventionen unabhängig gemacht. Im Gegenteil, die Regionen werden ihren Teil zum lokalen und zentralen Staatshaushalt beitragen können. Diese Entwicklung

würde die problematische Bevölkerungsabwanderung stoppen, durch die entlegene Bezirke menschenleer werden und eine Gefahr für den Staat entstehen kann.

Gleichzeitig baut sich in den relativ wohlhabenden Bezirken durch die Zuwanderung wirtschaftlicher und sozialer Druck auf. Der Staat sollte damit aufhören, immer mehr schützenswerte Grundstücke in großen Städten den Zuwanderern für Wohn- und Bauzwecke zu überlassen und dadurch die Lebensqualität der Bevölkerung in den kirgisischen Ballungszentren weiter zu schmälern.

Aufgabe 9. Verstärkung der wirtschaftlichen Zusammenarbeit

Historisch bedingt bleibt Russland der wichtigste strategische Partner. Im kirgisischen Interesse steht weiter eine enge Kooperation mit China, den USA, der EU, Japan und den Nahost-Staaten. Es sollte im Interesse Kirgisistans und des gesamten postsowjetischen Zentralasiens sein, die historisch entstandenen wirtschaftlichen, kulturellen und ethnischen Beziehungen zwischen den verwandten Völkern der Kirgisen, Kasachen, Usbeken, Tadschiken und Turkmenen aufrechtzuerhalten und weiter auszubauen. Diese Völker stellen eine eigenständige historisch-kulturell-ethnische Gemeinschaft dar.

In Tabelle 5 wird der Versuch unternommen, das BIP bis zum Jahr 2025 zu prognostizieren und der Entwicklung der Bevölkerungszahlen gegenüberzustellen. Die Ergebnisse zeigen, dass der Nennwert sich im Jahre 2025 gegenüber 2005 fast verzehnfachen und eine jährliche Zuwachsrate von über zehn Prozent zu erwarten sein wird.

Aufgrund der Prognosen für das BIP und die Gesamtbevölkerung wurde die Pro-Kopf-Quote des BIP ermittelt. Bei den Berechnungen wurde der durchschnittliche Wechselkurs von 1 USD = 42 SOM verwendet.

TABELLE 5 **PROGNOSE DER WIRTSCHAFT BIS ZUM JAHR 2025**

	2005	2010	2015	2020	2025
Gesamtbevölkerungszahl (in Millionen)	5,18	5,54	5,91	6,22	6,59
BIP in Mrd. US-Dollar	2,37	4,36	7,9	14,39	25,73
BIP pro Kopf in US-Dollar	456,7	787,8	1336,5	2315,2	3905,4

Aus dieser Tabelle geht hervor, dass die kirgisische Pro-Kopf-Quote des erwirtschafteten Bruttoinlandsproduktes im Jahre 2025 mehr als 3.000 US-Dollar betragen und damit dem aktuellen vergleichbaren Wert in Russland entsprechen wird. Versucht man Kirgisistan der jeweiligen Ländergruppe nach der Pro-Kopf-Quote des BIP unter Anwendung der

Weltbankmethode zuzuordnen, so zeigt sich, dass das Land 2010 zur durchschnittlich entwickelten Ländergruppe, hier aber zur Untergruppe aus unterdurchschnittlich entwickelten Ländern gehören und erst 2025 in die Untergruppe der überdurchschnittlich entwickelten Staaten aufsteigen wird.

Vermutlich werden sich die Kriterien für die Kategorisierung der Länder nach niedrigem, mittlerem und höherem Einkommensniveau im Jahre 2025 nach oben verschoben haben. Ob Kirgisistan es auch nach revidierten Maßstäben in die Gruppe der durchschnittlich entwickelten Staaten schaffen wird? Das Land muss sich anstrengen!

Literatur

M. Koitschujewa: Entstehung der sozialen Marktwirtschaft im postsowjetischen Raum, Bischkek – Duschanbe 2004

T. Koitschujew: Ausgewählte Beiträge, Proswezscheniye-Verlag, Bischkek 2005

Autorenkollektiv (Chefredakteur T. Koitschujew): Wirtschaft der kirgisischen Republik, Bischkek 2003

Исфара, Таджикистан
Isfara, Tadschikistan

3. М. Мадамиджанова

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ВЗГЛЯД НА НАСЛЕДИЕ ТАДЖИКОВ

Таджики являются древнейшим из народов, населяющих ныне территорию Центральной Азии. Они до сих пор сохраняют большой пласт традиционной культуры центральноиранской общности. Общность языка, территории и культуры оседлого земледельческого населения послужила основой для образования в X в. Саманидского государства, в состав которого входили Центральноазиатское Междуречье, Хорасан и Северный Афганистан. Если сопоставить эту территорию расселения таджикского этноса с ареалом нынешнего проживания таджиков, то станет очевидным полное их совпадение. Это – территория исторического Таджикистана, которая не совпадает с территорией Республики Таджикистан¹.

Поскольку таджики и их предки были оседлыми земледельцами и никаких переселений за огромный исторический период, с эпохи поздней бронзы и до нового времени, не осуществляли, можно считать, что ядро Саманидского государства в основном очерчивает территорию исторического Таджикистана, на которой шел процесс сложения таджикской нации. Сам термин «таджики» как наименование ираноязычного оседлого земледельческого населения указанной территории появился в письменных источниках в первой половине XI в.² Некоторые ученые считают, что данный термин стал господствующим самоназванием этого населения к середине IX в.

В территорию расселения таджиков входили в основном равнинные области – оазисы, обширные долины рек, полупустыни, а также небольшие степные районы, предгорья и горные долины, пригодные для земледелия и яйлажного скотоводства, но непригодные для кочевого скотоводства. В оазисах и долинах крупных рек, насколько это позволяют проследить имеющиеся данные, господствовало земледелие, основанное на искусственном орошении. Максимум освоения пригодных для земледелия земель в оазисах и долинах рек был достигнут уже в Кушанский период³. Степные районы были пригодны для кочевого скотоводства, но в силу их незначительных размеров число кочевников здесь было очень ограничено. Эти «островки» кочевников в массиве земледельческого населения не могли играть значительную роль в процессе сложения таджиков.

¹ См.: Гафуров Б.Г. Таджики. М., 1972.

² См.: Бартольд В.В. Таджики // Сб.: Таджикистан. Ташкент, 1925. С.99; Он же. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927. С.24.

³ См.: Мандельштам А.М. О некоторых вопросах сложения таджикской народности в Среднеазиатском междуречье // Советская археология. Вып. XX. М., 1954. С.60.

Итак, на территории Центральной Азии проживали бок о бок оседлые земледельческие и кочевые скотоводческие народы, разные по культуре, традициям, образу жизни, материальной состоятельности. И скотоводы, и земледельцы веками проживали в относительной замкнутости друг от друга. Но исторические процессы способствовали учащению контактов между ними, которые, в свою очередь, порождали проблемы взаимодействия с внешним миром. Локальная солидарность внутри небольших сообществ, выступавших как единое целое перед лицом внешнего мира, была поэтому необходимой предпосылкой выживания и, соответственно, одной из высших ценностей всех среднеазиатских обществ, в том числе и таджиков. Родоплеменное, территориально-клановое самоопределение было основной особенностью их существования.

В период распространения ислама сложившаяся ментальность с локальным самоопределением и системой выживания получила дальнейшее развитие. Ислам смог внести представление о более высоком, чем локальный или государственный, уровне общности. С принятием ислама у населения Центральной Азии начался процесс формирования единой духовной мусульманской империи, что позволяло сосуществовать очень крупным сообществам людей. В то же время цивилизационное поле ислама не обесценивало локальные сообщества, скорее напротив, оно охраняло их как одну из главных опор традиционного мира, идеологию и культуру которого воплощал ислам. Этот иерархизированный мир, основанный на принципах изначальных внутренних перегородок, развивался в вертикальной плоскости, не обращая внимания на политические границы. Происходившие изменения не затрагивали глубинных основ общества.

Вхождение Средней Азии в состав Российской империи открыло для нее возможность постепенного вовлечения в модернизационные процессы, которые означали для местного общества усиление горизонтальных связей.

Средняя Азия никогда не была единой политической общностью, а перестройка ее границ началась задолго до революции 1917 г. В основе имперской идеологии России было упразднение прежних границ ханств и введение российского административно-государственного устройства. Советское правительство создало на месте дореволюционных областей новые национально-территориальные образования – республики.

В литературе часто отмечается непродуманность территориального устройства новых государственных образований, приводятся примеры произвольного определения их границ, игнорирования исторической преемственности при разделе территорий. Например, территория Бухарского эмирата в советское время была разделена между Узбекистаном, Туркменистаном и Таджикистаном; Хивинского ханства – между Узбекистаном (Каракалпакия), Туркменией и Казахстаном;

Кокандского ханства – между Узбекистаном, Таджикистаном, Казахстаном и Киргизией. Историческая преемственность была грубо нарушена⁴.

Советская система запустила механизм модернизации в государствах Центральной Азии, но не сумела довести его до конца. Экономическая и социальная модернизация в этот период постепенно разрушала средневековые перегородки и готовила центральноазиатские общества к восприятию общегражданских критериев равенства. В экономической и социальной структуре, в политике и культуре, в повседневной жизни народов Центральной Азии – повсюду стали видны признаки «современности». Все более широкие слои коренного населения с детства усваивали демократические, гражданские, светские ценности.

Социальная структура традиционных обществ Центральной Азии причудливо сочеталась с присутствием многочисленного пришлого «европейского», русскоязычного, в основном русского, населения. В советский период между ним и местным населением существовали тесные контакты. Об этом свидетельствуют многочисленные смешанные браки. Процессы модернизации включали в себя не только развитие межнациональных отношений, но и формирование новой общности – «советского народа». Результаты этой «модернизации» нам хорошо известны.

Изменения, которые происходили в советский период, не затрагивали глубинных основ общества. Под этим подразумевается, что в рамках обществ, исповедующих ислам, сохранялись традиционные черты быта и общественных отношений: остатки родоплеменной структуры, общины и другие генетически древние общественные институты в виде семейно-родственных патронимических групп, возрастных объединений. В области идеологии сохранялись черты ранних форм религии, освященные затем исламом и зафиксированные в семейной обрядности.

В настоящее время все более усиливается интерес к конфессиональным аспектам национальных культур. Это вызвано изменением общественно-политической ситуации в стране, стремлением возродить духовные ценности этноса, его историческое наследие. Конфессия воспринимается как неотъемлемая часть этнического, как один из главных репрезентантов этноса, во многом определяющих его менталитет. Менталитет таджиков, с их устойчивыми обычаями, обрядами, традициями, проходит через призму ислама.

Общеизвестные черты исламской культуры проявляются в самых разных сферах жизни народов Центральной Азии. Но реалии сегодняшнего дня показывают, что далеко не все в культуре мусульманских народов сводится к нормам шариата. Если мы обратимся

⁴ См.: Масов Р.М. История топорного разделения. Душанбе, 1991; Он же. Таджики. История с грифом «Совершенно секретно». Душанбе, 1995.

к духовной культуре таджиков, узбеков, казахов, киргизов и т.д., то увидим, что, с одной стороны, некоторые нормы шариата так и не вошли в повседневную жизнь местных мусульман, а с другой – большинство обычаев, обрядов неодинаково проявляют исламское единство. Так, обычаи и обряды, воспроизводимые таджиками, не встречаются, например, у киргизов, казахов, но встречаются у узбеков. Причины своеобразия культур различных мусульманских народов заключаются в неодинаковых исторических условиях, в которых протекала их жизнь, и в различной по времени этнической истории каждого из них⁵.

Многие исследователи материальной и духовной культуры таджиков⁶, узбеков⁷, казахов⁸, киргизов⁹, туркмен¹⁰ отмечают прочные домусульманские традиции, с которыми ислам сталкивался повсюду. Чаще всего они включались в религиозную практику и рассматривались как традиции мусульманские или не противоречащие исламу. Известно, что сохранению домусульманских обычаев и обрядов в значительной мере способствовал суфизм, который всегда осознавал себя как религиозное течение, стоящее выше ислама. Но в жизни народа, даже вне связи с суфизмом, сохранился мощный пласт домусульманских религиозных традиций. Эти традиции продолжают существовать, потому что не входили в противоречие с исламом.

Вопрос о том, насколько глубоко проник ислам в жизнь народов, в частности таджиков, т.е. в каких формах он реально существует в их жизни, пока остается открытым. Поднимаемые в данной статье проблемы во многих случаях не разработаны вовсе, что делает актуальной даже их постановку. Выявление первопричин возникновения того или иного обряда, взаимодействия ислама с доисламской культурой таджиков при наличии довольно многочисленных исследований, описывающих структуру обрядов, обычаев, ритуалов, практически еще не произведено.

⁵ См.: Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.II. М.–Л., 1950. С.161,188.

⁶ См.: Андреев М.С. Таджики долины Хуф. Вып. 1. Сталинабад, 1953; Семейный быт народов СССР. М., 1990; Формирование новых семейно-бытовых отношений у народов Средней Азии. Душанбе, 1972. С. 50; Кисляков Н.А. Семья и брак у таджиков. М.–Л., 1959. С. 44; Моногарова Л.Ф. Семья и семейный быт // Этнографические очерки узбекского сельского населения. М., 1969. С. 183–198; Она же. Преобразования в быту и культуре припамирских народностей. М., 1979. С. 103–122.

⁷ См.: Абрамзон С.М. К вопросу о патриархальной семье у кочевников Средней Азии. КСИЭ. Вып.28.; Шаниязов К. Узбеки-карлуки. Ташкент, 1964; Наливкин В., Наливкина М. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886; Задыхина К.Л. Узбеки дельты Амударьи. ТХАЭЭ. Т.1. М., 1952.

⁸ См.: Соколовский В.Г. Казахский аул. Ташкент, 1926; Талыбеков С.Е. Общественно-экономический строй казахов в XVII–XIX вв. Алма-Ата, 1959.

⁹ См.: Джумагулов А. Семья и брак у киргизов Чуйской долины. Фрунзе, 1960; Зеланд Н. Киргизы. Этнографический очерк. Омск, 1885.

¹⁰ См.: Васильева Г.П. Туркмены-нохурли. ТИЭ. Т. XXI. М., 1954; Иомудский С.Н. О пережитках родового быта у скотоводов Западной Туркмении в XIX в. // СЭ, 1962. № 4. С. 55–56.

Взаимоотношения ислама и традиционной культуры являются очень трудной и важной проблемой, потому что рассмотрение этой проблематики открывает «окошечко» памяти в этногенез народа. В поведении людей, приверженных магии, бессознательно смешивались архаическая языческая практика и установления ислама. Причем одно не противоречило другому. Ревностное исполнение молитвенных действий, направленных на контакт с силами природы, сводилось к обеспечению насущных потребностей человека, ощущавшего себя частицей природы.

Вопреки теологической ортодоксии ислама народ не видел в своих увеселениях ничего противоречащего истинному благочестию. Традиционные обряды и суеверия, имеющие очень глубокие корни, отличались от книжного богословия видных мыслителей ислама, они впитали элементы анимизма, хтонических и иных культов. Создавался специфический тип сознания, религиозно-магический синкретизм, адаптировавший языческие празднества и приспособившийся к официальным мусульманским догмам. Шел процесс адаптации древних верований и обрядов к новым требованиям. Мусульманские сказания о святых накладывались на языческие, зороастрийские обычаи, связанные с культами плодородия, а древнейшие поверья представляли в исламизированной форме, потому что распорядителями обычаев и обрядов выступали муллы и казии, обрамляя все молитвами из Корана.

В системе семейных традиций мусульманских народов большое место занимают торжества по случаю рождения ребенка, приобщения к мусульманской общине – обряд обрезания, или инициации мальчика в мусульманскую умму, брачно-свадебная обрядность, похоронно-поминальные обычаи и обряды. Многие этнографы и философы считают, что семейные традиции являются тем объектом исследования, в котором определяется ориентированность населения на этноспецифические черты в культуре.

Таджики сохранили многие обряды, обычаи, которые имеют явно не мусульманское, а более раннее происхождение. Характер семейных традиций таджиков включает много магической символики, магических действий продуцирующего, очистительного и апотропейного характера. Обряды весеннего, весенне-летнего циклов, возникшие в эпоху производящего хозяйства, были одинаково направлены на обеспечение обильного урожая, плодородия скота, благополучия людей – их здоровья и удачи в делах. Выявляется стадияльная близость у таджиков всех регионов земледельческой магии и аграрных культов¹¹, обрядов, направленных на преумножение скота, магии плодородия, магии ритуальной чистоты и благополучия в свадебной обрядности,

¹¹ См.: Мухиддинов И. Обычаи и обряды припамирских народностей, связанные с циклом сельскохозяйственных работ // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. М., 1986; Он же. Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима. М., 1975: Розенфельд А.З. Материалы по этнографии и пережиткам древних верований таджикоязычного населения Советского Бадахшана // СЭ, 1970. № 3. С. 114–117; Архив востоковедов при ЛОИВ АН СССР, ф. 121.

форм почитания солнца и огня, священной воды и камней¹². Это свидетельствует о глубокой древности пережиточных ритуалов.

История не стоит на месте. Проходят столетия, и наряду с устойчивой тенденцией сохранения традиционной культуры мы обнаруживаем вкрапления новых элементов. В советский период в семейную обрядность таджиков вошли изменения социального и культурного порядка, но, тем не менее, старинные традиции живы и по сей день. Какие же традиции, обычаи, обряды являются мусульманскими, а какие – домусульманскими?

Обратимся, для примера, к брачно-свадебным церемониям, ибо это – целый комплекс обычаев и обрядов, генезис которых связан с различными историческими эпохами.

Свадьба начинается с празднества в доме невесты. Кроме сватовства, предсвадебный церемониал включает переговоры об экономических условиях брака (калым, приданое, затраты на свадьбу и т.д.) и заканчивается помолвкой, на которой окончательно закрепляется договоренность о браке и последующей жизни молодых. Кульминацией обычно является обряд бракосочетания – «никох» – в доме невесты. Брачная ночь происходит в доме жениха. Мы не будем вдаваться в подробности свадебных обрядов и обычаев, поскольку это достаточно хорошо освещено в специальной литературе¹³, а проведем анализ магических действий и смысловой нагрузки обычаев и обрядов свадебного комплекса.

Так, у таджиков в обрядовых действиях для обеспечения счастья, многочисленного потомства, добрых семейных взаимоотношений и ограждения от злых сил изобиловали символы древнеземледельческих домусульманских ритуалов. Символом плодovitости исстари считались плоды граната, фрукты и ягоды (тут), фисташки, орехи, пророщенная пшеница, вареные яйца и т.д., которыми угощают, осыпают и одаривают брачующихся. Символом счастья и богатства, согласия, плодovitости и вообще жизненных сил, а также и охранительной магии выступает зеркало, в которое смотрятся перед брачной ночью жених и невеста. Ту же роль играют виноградный сок, мед, белый сахар, мука, деньги, иногда масло и молоко.

Большое значение придается магии чисел и цвета. При дарообмене, закрепляющем родственные отношения, полагается определенное число лепешек, слоеных пирожков и т.п. Обязательно белого цвета должны быть пояндос, рубашка жениха, и нижнее платье невесты. Для

¹² Басилов В.Н. Следы культа умирающего и воскресающего божества в христианской и мусульманской агиологии // Фольклор и историческая этнография. М., 1983. С.118–151; Андреев М.С. Материалы по этнографии Ягноба. Душанбе, 1970.

¹³ Кисляков Н.А. Семья и брак у таджиков. М.–Л., 1959; Мухиддинов И. Современная сельская семья таджиков // Материалы к серии «Народы Содружества Независимых Государств». Вып. VII. Таджики. Ч. 1. М., 1992; Ишанкулов Х.Г. Брак и свадьба у населения Ходжента в новое время. Душанбе, 1972.

ограждения от злых чар окуривают дымом руты (испанд), проводят через факельное шествие. Тем же целям служат скачки вокруг свадебного поезда, стрельба, прошивание иглой одежды жениха и невесты. Символика земледельческого комплекса проявляется в виде осыпания сладостями, обрядовым печением. В доме молодого обычно выполняются обряды приобщения новобрачной к роду мужа через принесение жертв очагу, поклонение его предкам.

Таким образом, в свадебной символике таджиков отчетливо отражен хозяйственно-культурный тип земледельца.

Свадьба включает в себя все своеобразие обрядовой символики. Самым ярким примером является обряд рубинон, который происходит на следующий день после приезда новобрачной в дом мужа. К новобрачной подходит мальчик и, подняв лицевую занавеску веточкой плодового дерева, открывает ей лицо. На эту церемонию все родственники новобрачного приходят с подарками. Каждая из пришедших женщин знакомится с новобрачной, целует ее в лоб и «за смотрение лица» преподносит подарки: отрезки ткани, платки, деньги, браслеты. Первой к новобрачной подходит мать мужа. Невестка кланяется ей в пояс. Все присутствующие желают семье новобрачного благополучия с приходом нового члена. Каждую гостью новобрачная встречает и провожает особым поклоном.

«Рубинон» сопровождается угощением, песнями, плясками. Из подаренных кусков материала женщины делали куклу, заворачивали ее и качали как ребенка, затем передавали новобрачной, и она должна была спеть колыбельную. Невестке подпевал маленький мальчик, который открывал ей лицо: «ала, ала».

По сообщению Н.А. Кислякова, в Самарканде «рубинон» устраивают перед брачной ночью¹⁴. После соответствующего угощения молодую одевают в лучшие одежды, крашивают ей глаза и брови, закрывают лицо куском белой ткани и выводят к гостям. Мальчик из числа родственников новобрачного палочкой из плодового дерева снимает ткань с лица молодой.

М. С. Андреев, изучавший население высокогорной долины Хуф на Западном Памире, пишет, что открывание лица молодой в Хуфе совершается человеком, который обязательно должен иметь в живых мать и отца¹⁵. Чаще всего для этой цели выбирают юношу. Для открытия лица он использует инструмент, напоминающий лук, тетивой

¹⁴ Кисляков Н.А. Некоторые брачные церемонии у народов Средней Азии и проблемы материнского рода. М., 1964; Лобачева Н.П. К истории сложения института свадебной обрядности (на примере комплексов свадебных обычаев и обрядов народов Средней Азии и Казахстана) // Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. М., 1978; Она же. Различные обрядовые комплексы в свадебном церемониале народов Средней Азии и Казахстана // Домусульманские верования и обряды Средней Азии. М., 1975.

¹⁵ Андреев М.С. Таджики долины Хуф. Вып. 1. Сталинабад, 1953.

которого взбивают вату и шерсть. Юноша вставляет в «лук» небольшую палочку, изображающую стрелу, и принимает положение «стрелка». При помощи стрелы юноша пробует открыть лицо, но делает вид, что это не получается. Лишь после того, как его задобрят подарком, все проходит благополучно. Подобный обряд зафиксирован таджикским этнографом З. Юсуфбековой и во многих кишлаках долины Шахдары.

Интересные сведения об обряде «рубинон» у населения Такоба и Варзоба сообщила нам этнограф А. Мардонова. Этот обряд устраивают в доме молодого на следующий день после приезда туда новобрачной. Здесь лицевую занавесь открывает женщина, которая имеет грудного ребенка, обязательно мальчика. Вкладывая палочку в его руку, она помогает ему открыть лицо новобрачной. В Гиссаре лицо новобрачной открывает мальчик. Как в Такобе и Варзобе, так и в Гиссаре палочку выбирают из особых видов плодовых деревьев: предпочтение отдается веточке из алычи или абрикоса, но она обязательно должна была быть рогаткообразной. Ее оборачивали ватой или шерстью.

Из устного сообщения М. Суфиева, исследователя свадебной обрядности таджиков долины Сох, мы узнали, что сохский обряд «рубинон» аналогичен описанным выше: лицо новобрачной здесь также открывает женщина с грудным мальчиком на руках.

Л.Ф. Моногарова, изучившая обрядность у узбеков в Пастдаргомском районе Самаркандской области, так описывает обряд открытия лица новобрачной «бетачар»¹⁶. Его совершает женщина, имеющая детей. Держа на руках маленького мальчика, она вкладывает в руку ребенка ветку плодового дерева, конец которой обмотан ватой, и, взяв в свою руку ручку ребенка, приподнимает ею платок, закрывающий лицо молодой. Для этой цели всегда используют ветку фруктового дерева, что, по поверью, должно обеспечить многочисленное потомство.

По данным исследователя Н. Бабаевой, у населения Кулябской области во время совершения обряда «рубинон» у молодой на лбу была тесемочка – «кота», и мальчик плодовой веточкой, улюлюкая, сбрасывал ее с головы невесты (кота-парон). З.А. Широкова зафиксировала эту деталь головного убора невесты у таджиков Куляба и считает его наиболее ранним головным убором невесты¹⁷.

Итак, в обряде «рубинон» центральное место повсеместно занимают мальчик или женщина с ребенком. Для народов Центральной Азии стремление иметь обильное потомство всегда было и остается одной из традиционных особенностей. Этим и объясняется обилие различных ритуалов в свадебных обрядах, в которых центральная роль отводится мальчику. С одной стороны, это якобы должно обеспечить в будущем

¹⁶ Моногарова Л.Ф. Семья и семейный быт // Этнографические очерки узбекского сельского населения. М., 1969. С. 193–243.

¹⁷ Широкова З. А. Традиционная и современная одежда женщин горного Таджикистана. Душанбе, 1976.

рождение сына и вообще гарантировать обильное потомство; с другой – мальчик символизирует переход невесты из одного социального статуса в другой: в класс женщин-молодوخ, но еще не матерей.

Фруктовая же ветка является символом плодородия и присутствует в свадебной обрядности у многих народов. К примеру, очень интересный обряд, связанный с алтарем из бананового дерева, существует у индусов. П. Пракашвати сообщает, что брак становится законным, с точки зрения юридической, религиозной и общественной, лишь после того, как в полночь во дворе дома невесты будет воздвигнут алтарь из бананового дерева, зеленого тростника или другого растения. Алтарь украшается зеленью и гирляндами из электрических лампочек. Зажигаются ароматические курения. На землю кучками насыпают муку и рис. Жениха и невесту усаживают перед алтарем, руки молодых соединяют, и невеста дает обещание считать семью жениха своей семьей, обогатить ее детьми¹⁸.

Д. Фрезер приводит интересный пример поклонения цыган Румынии ветке ивы. Ее убирают гирляндами и закрепляют на земле. С этим деревом у цыган связано представление о том, что оно способно ниспосылать благополучие и здоровье¹⁹.

Очень интересные материалы о символической роли плодовой веточки у украинских цыган были собраны автором данной статьи²⁰. Получив предварительное согласие, сваты направляются в дом невесты уже с веткой плодового дерева. Ветку выбирают ветвистую, жених украшает ее красными лентами, конфетами, печеньем. К ней обязательно прикрепляют крупные денежные купюры. По ветке, которую называют «древко», судят о сватах. Она должна быть ветвистой, чтобы у молодых было много детей; сладости и деньги подвешивают, чтобы жизнь была богатой.

«Древко» также присутствует и в свадебном обряде цыган кэлдэрари²¹. С одной стороны, как полагает исследователь цыганской культуры Н.Г. Деметр, этот обычай соотносится с представлением цыган Венгрии и Румынии о древе мира, а ритуальная ветка является посохом Бога, т.е. Дэвэла. С другой стороны, свадебное деревце – распространенный атрибут славянской свадьбы. Нам кажется, представление Н.Г. Деметр о связи «древка» с тотемным деревом, свадебным шестом в индийской свадьбе, более близко к истине.

¹⁸ Пракашвати П. Индусский свадебный обряд // СЭ. 1958. № 4. С. 59.

¹⁹ Фрезер Д. Золотая ветвь. М., 1986. С. 121–127.

²⁰ Мадамиджанова З.М. Современные свадебные обряды украинских цыган в Средней Азии // Цыгане. М., 1999. С. 28–30.

²¹ Деметр Н.Г. Этнонимия цыган Европейской части СССР // Этническая ономастика. М., 1984; Она же. Семейная обрядность цыган кэлдэрари (конец XIX–XX вв.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988.

По мнению Д. Фрезера, поклонение деревьям играло важную роль в жизни арийцев. Ему приписывались благотворные свойства, в частности плодovitость²². Аналогичные объяснения встречаются в работах Е.Г. Кагарова²³ и Л.Я. Штернберга²⁴. Исполнение этих обрядов предполагало пожелание многочисленного потомства.

Итак, исследования ученых-этнографов позволяют выявить типологическое родство многих обрядов народов Евразии. Таджикские обряды схожи с обрядами народов Закавказья, Передней и Центральной Азии, Восточной и Западной Европы. Это можно объяснить поклонением стихийным силам природы и определенным жизненным циклом, которые возникали в прошлом у этнических общностей ввиду схожести форм трудовой деятельности и мировоззрения. Иногда в обрядах в точности совпадают вещественная атрибутика, растительные и антропоморфные символы.

Так, повсеместно символами плодородия и возрождения природы служили крашенные яйца, обрядовая пища (злаково-бобовые блюда), ритуальный хлеб. В эту же систему входит «древо», плодовая веточка и т.д., украшенные орехами, сладостями, деньгами. Тем самым древнее космологическое древо жизни, связующее все части мироздания, в период производящего хозяйства стало символизировать будущий обильный урожай, плодородие скота, человеческую плодovitость. На поздних стадиях обряд подвешивания атрибутов изобилия к «живому дереву» превратился у многих народов в простую забаву. У таджиков, с принятием ислама и смещением кульминационного акцента на единственный мусульманский обряд «нихох», обряд с плодовой веточкой переместился из дома невесты в дом жениха и как бы «вводит» невесту в новую семью.

Вера в целительную и очистительную силу огня воплощалась в сходных обычаях у самых разных народов на огромных территориях. Прыжки через священные костры и обводы жениха и невесты вокруг них известны многим народам, в том числе славянам, дагестанцам, таджикам, узбекам, индусам, румынам и др. Почти у всех вышеназванных народов ярко представлена магия белого цвета со значением благопожелания – действия с мукой, молоком, сахаром, белой тканью.

Таким образом, свадебные обряды и обычаи таджикского народа, как и у всех народов мира, направлены на то, чтобы обеспечить продолжение рода, благополучие в семье, хорошие взаимоотношения между родственниками и близкими. В таджикском свадебном комплексе

²² Фрезер Д. Золотая ветвь. М., 1986.

²³ Кагаров Е.Г. Состав и происхождение свадебной обрядности //Сб. Музея антропологии и этнографии. Т. VIII. Л., 1929. С. 176.

²⁴ Штернберг Л.Я. Новые материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л., 1926. С. 12.

до сих пор сильны пережитки культа предков. Роль исламских традиций в брачных церемониях, по сравнению с пережитками ранних форм религии, минимальна.

Конкретные примеры показывают, что обрядовая структура традиционной культуры имеет много общих черт, которые позволяют рассматривать ее в рамках не только Центральноазиатского региона, а намного шире. Особенности эволюции этнических культур позволяют говорить о том, что традиционная культура – это стойкое сохранение ранних форм обычаев, обрядов. Структурный анализ свадебной обрядности позволяет утверждать, что на территории исторического Таджикистана повсеместно наблюдается обрядовая практика оседлых земледельцев, даже у тех народов, которые, в силу объективных и субъективных причин, уже поменяли свое самоназвание и самосознание.

DIE GESCHICHTE TADSCHIKISTANS

Die Tadschiken sind das Volk Zentralasiens mit der vermutlich ältesten historischen Vergangenheit. Sie vereinen die Kultur der Gemeinschaft mitteliranischer Völker in sich. Im 10. Jahrhundert begründeten Gemeinsamkeiten der Sprache, des Siedlungsgebietes und der Kultur sesshafter Ackerbauvölker den Samaniden-Staat, der sich über das zentralasiatische Zweistromland, Chorasán und Nordafghanistan erstreckte. Vergleicht man das historische Siedlungsgebiet der Tadschiken mit ihrem heutigen Lebensraum, so erkennt man eindeutig ihre beinahe deckungsgleiche Ähnlichkeit. Bei diesem Terrain geht es um das Gebiet des althistorischen Tadschikistan, dessen Grenzen über den heutigen tadschikischen Staat weit hinausgehen¹.

Da Tadschiken und ihre Vorfahren sesshafte Ackerbauern waren und über eine längere historische Zeit von der Spätbronze über das Mittelalter bis zur Neuzeit keine Wanderungen unternahmen, ist davon auszugehen, dass der Hauptteil des Samaniden-Staates das Gebiet des historischen Tadschikistan, also die Wiege des tadschikischen Volkes war. Der Begriff «Tadschiken» als Bezeichnung des persischsprachigen und sesshaften Bauernvolkes im genannten Siedlungsgebiet taucht zum ersten Mal in schriftlichen Überlieferungen aus der ersten Hälfte des 11. Jahrhunderts auf². Einige Historiker gehen davon aus, dass der Begriff «Tadschiken» zur gängigen Selbstbezeichnung der sesshaften Ackerbaubevölkerung wurde, die im zentralasiatischen Zweistromland, Chorasán und Nordafghanistan um die Mitte des 9. Jahrhunderts lebte. Dieses Gebiet war der Geburtsort des tadschikischen Volkes und bestand hauptsächlich aus Flachlandschaften wie Grünflächen, Flusstälern, Halbwüsten, schmaleren Steppenstreifen sowie aus Vorgebirgen und Bergtälern, die sich für den Ackerbau und die Weideviehzucht, nicht aber für die Nomadenviehzucht eigneten. Steppengebiete gab es innerhalb dieses Flachlandes nur als kleinere Einschlüsse am Rande der Grünflächen. Soweit man anhand von Forschungsergebnissen heute nachvollziehen kann, wurde hauptsächlich bewässerter Ackerbau auf den bebaubaren Flächen und in größeren Flusstälern betrieben. Weitgehend erschlossen war dieses landwirtschaftstaugliche Neuland bereits zur Zeit des Kuschan-Staates³. Verständlicherweise konnten die Nomaden und die Bauern nicht

¹ B. Gafurow: Tadschiken, in: Science, Moskau 1972.

² B. Bartold: Tadschiken, in: Tadschikistan Sammelband, Taschkent 1925, S. 99; Geschichte des Kulturlebens in Turkestan, Leningrad 1927, S. 24.

³ A. Mandelstamm: Von einigen Aspekten der tadschikischen Volksformation im zentralasiatischen Zweistromland, in: Sowjetische Archäologie, 20. Ausg., 1954, S. 60.

nebeneinander leben, zumal das fruchtbare Land den tadschikischen Bauern gehörte und die Ackerbaukultur erst nach der Eroberung durch die Mongolen weitgehend vernichtet wurde. Zwar waren die kleineren Steppenflächen für die Nomadenviehzucht durchaus geeignet, dennoch erlaubte ihre Größe es nicht, dass mehrere Nomadenfamilien sich hier gleichzeitig aufhalten konnten. Seit Mitte 1000 v. Chr. lebte die Nomadenbevölkerung in Bergtälern und auf Almwiesen. Doch stellten diese Gebiete ausgerechnet die östliche Kante des ursprünglichen Siedlungsraumes der Tadschiken dar. Der Anteil der Nomaden an der Bevölkerungsstruktur innerhalb dieses Raums war gering. Daher gab es nur begrenzte Möglichkeiten für den Zuzug der Nomaden in das tadschikische Urgebiet. Diese kleinen Gruppen von Nomaden als Minderheit innerhalb des Bauernvolks hatten keinen wesentlichen Einfluss auf die Entwicklung der Tadschiken. Zwar waren die Araber ebenfalls innerhalb der tadschikischen Ethnie vertreten, dennoch trugen sie nur unbedeutend zur Entwicklung der tadschikischen Nation bei. Vielmehr übernahmen sie weitgehend die kulturellen Gepflogenheiten der heimischen Bevölkerung und passten sich relativ schnell an sie an⁴. Es dauerte länger, bis die räumliche und kulturelle Gemeinschaft der Tadschiken sich entwickeln und der Begriff «Tadschike» sich innerhalb des gesamten historischen Gebiets Tadschikistans etablieren konnte. Parallel dazu entwickelte sich eine Kultur, deren Existenz sich durch archäologische Funde und eine Vielfalt an Erkenntnissen über Sitten, Bräuche und Traditionen beweisen lässt.

Die Bevölkerung Zentralasiens setzte sich aus unterschiedlichen Ethnien zusammen. Hier lebten sesshafte Bauernvölker und kleinere nomadisierende Volksstämme mit unterschiedlichen Kulturen, Traditionen und Lebensweisen sowie nicht zuletzt mit unterschiedlichen Entwicklungsgraden auf engem Raum beieinander. Sowohl die umherziehenden Viehzüchter als auch die auf Grünflächen und in Bergtälern lebenden Bauern existierten in relativer Abgeschlossenheit von der Außenwelt. Mit der historischen Entwicklung häuften sich die Kontakte zur Außenwelt, und mit ihnen entstanden Probleme. Die lokale Solidarität kleinerer Siedlungsgemeinden und ihre Haltung als geschlossene Einheit gegenüber der Außenwelt stellten eine notwendige Voraussetzung für das eigene Überleben dar und gehörten zu den wichtigsten Werten sämtlicher zentralasiatischer Völker einschließlich der Tadschiken. Die Stammes-, Clan-, Heimat- und Sippenidentität war die Maxime des gesellschaftlichen Lebens und verstärkte den Zusammenhalt der lokalen Sozialgemeinden.

Der sich inzwischen verbreitende Islam bedeutete einen zusätzlichen Entwicklungsimpuls für die bereits soweit ausgebildete tadschikische Mentalität, in der Ort- und Raumidentität einen wichtigen Platz einnahmen. Der Islam suggerierte die Vorstellung von einer höheren Ebene der Gemeinsamkeit und der Zugehörigkeit, die der örtlichen oder der staatlichen Gemeinschaft

⁴ S. Madamidschanowa: Araber aus Südtadschikistan, Duschanbe 1995.

übergeordnet ist. Mit der Annahme des Islam begann sich das Gefühl der Zugehörigkeit zu einem einheitlichen Idealreich bei den zentralasiatischen Völkern zu entwickeln. Diese Entwicklung bildete die Grundlage und den Rahmen für die Koexistenz größerer menschlicher Gemeinschaften. Gleichzeitig wurde die dörfliche Gemeinschaft keineswegs durch die zivilisierende Botschaft der islamischen Religion abgewertet, vielmehr wurde sie als einer der Stützpfeiler der Weltordnung aufgefasst, deren Ideologie und Kultur im Islam zu Hause waren. Diese Wunsch-Weltordnung war nach den Prinzipien der inneren Grenzen hierarchisch aufgebaut und entwickelte sich vertikal und ohne Rücksicht auf politische Grenzen. Die dadurch ausgelösten Veränderungen griffen nicht in die Tiefen der Gesellschaft ein. Durch die Angliederung an Russland wurde Zentralasien allmählich in den Wandel einbezogen, mit dem auch die horizontalen Beziehungen innerhalb der zentralasiatischen Gesellschaft an Kraft zunahmen. Zentralasien war nie eine integrierte politische Gemeinschaft, vielmehr begann man seine Grenzen lange vor der Revolution zu verändern. Ziel der Ideologie des russischen Reiches war die Abschaffung der einstigen Grenzen der Khanate und die Einführung der russischen Verwaltungsordnung. Die sowjetische Regierung begann wiederum mit einer neuen territorialen Gliederung in Sowjetrepubliken, die an Stelle der vorrevolutionären Nationalgebiete treten sollten. In der Literatur wird häufig auf die ungeordnete Entstehung neuer Staatsformationen verwiesen, untermalt mit Beispielen für eine zufällige und nicht sukzessive Grenzziehung. Beispielsweise waren während der Sowjetzeit die Staatsgebiete des Emirates Buchara zwischen Usbekistan, Turkmenistan und Tadschikistan, des Khanats Chiwa zwischen Usbekistan (vertreten durch Karakalpakistan), Turkmenistan und Kasachstan und des Khanats Kokand zwischen Usbekistan, Tadschikistan, Kasachstan und Kirgisistan verteilt. Die historische Kontinuität wurde dabei auf grobe Weise gestört⁵. Zwar konnte die Sowjetordnung Erneuerungsprozesse in den Staaten Zentralasiens auf den Weg bringen, dennoch vermochte sie es nicht, diese logisch abzuschließen. Außerdem erodierten nach und nach die aus dem Mittelalter stammenden imaginären Grenzen unter dem Einfluss der wirtschaftlichen und sozialen Erneuerung der sowjetischen Moderne: Die zentralasiatischen Gesellschaften bereiteten sich auf die Annahme der bürgerlichen Gleichheitsprinzipien vor. Die Spuren der Moderne zeichnen sich überall in der Wirtschafts- und Sozialsphäre, der Politik und Kultur, selbst im Alltag der zentralasiatischen Völker ab, so dass immer mehr Einwohner sich demokratischer, bürgerlicher und säkularer Gesellschaftswerte von Kind auf bewusst wurden. Das soziale Gefüge der traditionellen zentralasiatischen Gesellschaften verflocht sich auf besondere Weise mit der Omnipräsenz der sogenannten «europäischen» Fremdzuwanderer, meistens der Russen und auch anderer Nationalitäten, für die Russisch die Muttersprache ist. In der Sowjetzeit bestanden enge Kontakte zwischen der einheimischen und der zugewanderten Bevölkerung

⁵ R. Masow: Trennung durch Axthieb, in: Irfon, Duschanbe 1991.

Zentralasiens. Das bestätigen auch die Mischehen. Damals beinhaltete die Modernisierungspolitik nicht alleine die Förderung der Völkerschaftsbeziehungen, sondern auch die Entwicklung eines neuen Gemeinschaftsgefühls – des Sowjetvolkes. Die Ergebnisse sind bestens bekannt. Wenn überhaupt, fanden die gewünschten Veränderungen nur oberflächlich in der Gesellschaft statt.

Das bedeutet, dass traditionelle Merkmale des alltäglichen und gesellschaftlichen Lebens innerhalb der muslimischen Gesellschaften unverändert weiter existierten: Rudimentärer Erscheinungen der Clan-, Sippen- und Stammesgemeinschaft sowie weitere überlieferte gesellschaftliche Institutionen wie die Familien- und Verwandtschaftspatronanz oder die Altersgemeinschaften. In der Ideologie lebten wiederum mehrere prä-islamische Glaubensvorstellungen ungestört weiter, die letztlich aus dem Islam stammen und in die Familientraditionen übernommen wurden.

Heute nimmt das Interesse an der konfessionellen Seite der jeweiligen Nationalkultur zu. Bedingt ist das durch die veränderte gesellschaftliche und politische Situation im Lande sowie durch die angestrebte Wiederherstellung und Aufrechterhaltung der geistigen Werte und des Kulturerbes der jeweiligen Ethnie. Konfession wird als ein untrennbarer Bestandteil der ethnischen Identität und als eines der Hauptmerkmale der jeweiligen Ethnie wahrgenommen, welches auch ihre Mentalität weitgehend beeinflusst. Die Mentalität der Tadschiken mit ihren jahrhundertealten Bräuchen, Riten und Sitten wird durch den Islam geprägt.

Die inhaltliche Fülle des Islam kommt in allen Lebensbereichen der zentralasiatischen Völker zum Vorschein. Doch heutige Entwicklungen legen nahe, dass die Kultur muslimischer Völker nicht nur auf den Gesetzen der Scharia fußt. Wenn man die geistige Kultur der einzelnen zentralasiatischen Völker (Tadschiken, Usbeken, Kasachen, Kirgisen etc.) unter die Lupe nimmt, so erkennt man, dass einerseits einige dieser Gesetze in das Alltagsleben der Moslems keinen Eingang fanden und andererseits die meisten Bräuche und Sitten die Idee der islamischen Glaubensgemeinschaft nicht gleichermaßen umsetzen. Um es zu verdeutlichen: Sitten und Bräuche der Tadschiken finden sich beispielsweise nicht etwa bei Kirgisen und Kasachen, wohl aber bei Usbeken wieder. Der Grund für die kulturelle Eigenartigkeit muslimischer Völker besteht in unterschiedlichen historischen Rahmenbedingungen und der chronologisch unterschiedlichen ethnischen Entwicklungsgeschichte dieser Völker⁶. Mehrere Forscher der Geschichte der Tadschiken⁷, Usbeken⁸,

⁶ N. Bichurin: Datensammlung über archaische Bevölkerung Zentralasiens, Moskau-Leningrad 1950, Bd. 11, S. 161, 188.

⁷ M. Andrejew: Tadschiken aus dem Tal Khuf, in: Verlag der tadschikischen Akademie der Wiss., Stalinabad 1953, 1. Ausg.

⁸ N. Kislakow: Familie und Ehe bei Tadschiken, in: Verlag der Akademie der Wiss. der UdSSR, Moskau-Leningrad 1959, Bd. 44.

Kasachen⁹, Kirgisen¹⁰ und der Turkmenen¹¹ stellen nachhaltige prä-islamische Traditionen fest, mit denen der Islam überall konfrontiert wurde. Am häufigsten wurden die prä-islamischen Traditionen in den Alltag der Gläubigen aufgenommen und galten dann als muslimisch oder zumindest als Islam-konform. Bekannt ist zudem, dass der Sufismus als Glaubensrichtung, stets seiner Überlegenheit gegenüber dem Islam bewusst, zur Beibehaltung der prä-islamischen Sitten und Gebräuche wesentlich beitrug. Dennoch sind die prä-islamischen Glaubensvorstellungen auch außerhalb des Zusammenhangs mit dem Sufismus in der Gesellschaft weitgehend erhalten geblieben. Diese Traditionen können weiterleben, weil sie den Islam nie herausforderten. Im Kontext des Islam bietet die Kulturforschung einen Einblick in das Leben der Moslems in all seiner Vielfalt, die auf Traditionen und das sich ständig verändernde Lebensumfeld zurückgeht.

Es sei dahingestellt, ob der Islam den Lebenswandel der Völker, insbesondere den der Tadschiken, flächendeckend beeinflusste und ob mehrere Formen des Islam existieren, die im Leben dieser Völker vorkommen. Die in diesem Beitrag angeschnittenen Fragen wurden zuvor nie behandelt, so dass bereits ihre Erwähnung hier von aktueller Bedeutung ist. Bislang hat sich niemand mit den ursprünglichen Rahmenbedingungen der Entstehung des jeweiligen Brauchs oder mit dem Verhältnis zwischen dem Islam und der prä-islamischen Kultur der Tadschiken auseinandergesetzt, obwohl es an Literatur mit der Beschreibung der einzelnen Riten, Sitten und Bräuche nicht mangelt.

Die Wechselbeziehungen zwischen dem Islam und der jeweiligen traditionellen Kultur sind ein äußerst schwieriger und gleichzeitig ein bedeutender Forschungsbereich, denn durch ihn lässt sich ein interessanter Blick auf die Entwicklung der Ethnie werfen.

Im Verhalten derjenigen, die an die Magie glaubten, verbanden sich unbewusst die archaischen Heidenriten mit dem postulierten Islam. Merkwürdigerweise stand das eine nicht in Konfrontation mit dem anderen. Die Rituale und Gebete sollten einen Kontakt zu den Geistern der Natur herstellen, um dadurch die Primärbedürfnisse der Gemeinschaft und des Einzelnen, die als Teil des Universums wahrgenommen wurden, zu befriedigen. Der theologischen Orthodoxie des Islam zum Trotz hielt das Volk seine Festritten zwar nicht für Blasphemie. Die tief verwurzelten traditionellen Rituale und die abergläubischen Vorstellungen wichen dennoch von der Lehre islamischer Theosophen ab und beinhalteten Merkmale des Animismus, Chthonismus und sonstiger Glaubenskulte. Es entwickelte sich ein besonderer Bewusstseinstyp – ein Synkretismus aus Religion und Magie, der heidnische

⁹ L. Monogarowa: Familie und Familienalltag. Ethnographische Aufzeichnungen zur usbekischen Landbevölkerung, in: Science, Moskau 1969, S. 183-198.

¹⁰ S. Abrahmsohn: Von der Patriarchatsfamilie der Nomaden Zentralasiens.

¹¹ K. Schanijazow: Usbeken-Karluken, Taschkent 1964.

Feste mit den Islamdogmen in Verbindung zu bringen suchte. Archaische Glaubensvorstellungen und Riten passten sich an die neuen Postulate an. Islamische Heiligensagen projizierten sich auf heidnische Zoroastrismus-Riten, die eine Affinität zum Fruchtbarkeitskult aufwiesen. Die archaischen Glaubensvorstellungen erschienen nun in einer islamisierten Form, denn Mullahs und Kadis waren die Hüter der Sitten und Bräuche, die sie in die Koransuren einbetteten.

Im System der Familienwerte nahmen Feste anlässlich der Geburt eines Kindes, der Beschneidung eines männlichen Nachkommen als Zeichen von dessen Aufnahme in die moslemische Weltgemeinschaft – die Umma –, sowie Hochzeiten, Beerdigungen und Totenfeiern einen besonderen Platz ein. Mehrere Ethnographen und Philosophen halten die Familientraditionen für ein Forschungsobjekt, das zu bestimmen hilft, inwieweit die ethnospezifischen Merkmale in der jeweiligen Volkskultur ausgeprägt sind. Betrachtet man die heutigen Sitten und Bräuche, so gibt es viele Beispiele dafür, dass die Tadschiken ihre eigenen Nationalmerkmale immer zu wahren wussten. Denn die Tadschiken halten zahlreiche Traditionen am Leben, die offensichtlich aus der prä-islamischen Zeit stammen. Tadschikische Familientraditionen zeichnen sich durch eine umfangreiche magische Symbolik aus, die die Herkunft des jeweiligen Brauchs eindeutig erkennen lässt. Unverkennbar gibt es eine Reihe von gleichartigen magischen Ritualen, die sich auf Zeugungskraft, Reinheit und Schutz beziehen. Die im Frühjahr und im Sommer begangenen Traditionsfeste stammen aus der Landwirtschaft und verkörpern ausnahmslos den Wunsch nach ergiebiger Ernte, Fruchtbarkeit des Viehs, Wohlstand und Gesundheit und nach einem glücklichen Leben. Bei allen Tadschiken ungeachtet ihrer Siedlungsregion ist die Anbetung von Naturgeistern¹² festzustellen. Vermehrung des Viehbestandes, Fruchtbarkeit der Ernte, rituelle Reinheit und das Familienwohl, die Anbetung der Sonne und des Feuers, geweihtes Wasser und Steine sind die magischen Inhalte und Zwecke¹³. All das weist auf einen althistorischen Ursprung dieser Glaubensrituale hin.

Die Geschichte entwickelt sich bekanntlich permanent. Jahrhunderte vergehen, indes besteht eine nachhaltige Tendenz zur Wahrung der nationalen Kulturtradition unvermindert weiter, obwohl auch einige neu hinzugekommene Elemente dabei festzustellen sind, die jedoch kaum wesentlichen Einfluss auf kultische Inhalte und Vorstellungen des Glaubens ausüben konnten. Zwar veränderte sich die soziale und kulturelle Seite der tadschikischen Familientradition zu Sowjetzeiten, dennoch konnten die alten Traditionen in den meisten Fällen überleben. Wo enden also die moslemischen Traditionen, Gebräuche und Sitten und wo beginnen die prä-islamischen?

¹² K. Schanijazow: Usbeken-Karluken, Taschkent 1964.

¹³ W. Naliwkin, M. Naliwkina: Beschreibung des Frauenalltags bei der einheimischen Bevölkerung in Fergana, Kasan 1886.

Diese Frage soll anhand von Hochzeitsritualen beantwortet werden, deren Entwicklung sich über unterschiedliche historische Epochen erstreckt.

Eine tadschikische Hochzeit beginnt mit einem Fest zu Hause bei der Braut. Neben dem Freien der Braut gilt es noch zuvor, über die finanzielle Seite der bevorstehenden Eheschließung (Aussteuer, Hochzeitskosten etc.) zu verhandeln. Die erfolgreichen Verhandlungen enden meistens mit der Verlobung, durch welche die bevorstehende Heirat endgültig besiegelt wird, wobei ein späterer Rücktritt von der ausgehandelten Heirat oft mit erheblichen Schwierigkeiten verbunden ist. Anschließend begibt man sich in das Haus des Bräutigams, wo das eigentliche Hochzeitsfest stattfindet. Ihren Höhepunkt nimmt eine Hochzeit in der Trauungszeremonie, der «Nikoch», die zu Hause bei der Braut abgehalten wird. Ihre Hochzeitsnacht verbringen die Neuvermählten zu Hause beim Bräutigam. Die Abfolge einzelner Hochzeitssitten und Bräuche haben sowjetische Ethnographen bereits umfangreich beschrieben¹⁴.

Beispielsweise benutzen Tadschiken die Symbolik alter prä-islamischer Ackerbau rituale bei ihren Hochzeitsfesten, die die Vermählten vor dem Bösen schützen und der neuen Familie Glück, Eintracht und zahlreiche Nachkommen bringen sollen.

Als Zeichen der Fruchtbarkeit gilt der Granatapfel, der auch zum Erscheinungsbild von Anahit, der Göttin der Fruchtbarkeit, gehört. Die Granatkerne bedeuten Vielfalt, wobei noch weitere Früchte, Nüsse und Beeren – Pistazienkerne, Walnüsse und vorgekeimte Weizenkörner für das rituelle Sumalak-Gericht verwendet werden, mit denen die Vermählten bewirtet und beschenkt werden.

Das frisch getraute Ehepaar schaut vor der Hochzeitsnacht in einen Spiegel, das bringt Glück, Reichtum, Eintracht, Fruchtbarkeit, Lebenskraft und magischen Schutz, für den gleichen Zweck werden Süßigkeiten – Traubensaft, Honig, Weißzucker, Mehl, Geld, manchmal auch Butter und Milch – verwendet.

Nicht zu kurz kommen dabei die magischen Zahlen und Farben. Beim Austausch von Hochzeitsgeschenken werden verwandtschaftliche Beziehungen gefestigt, so dass bestimmte Zahlen von Fladenbrot, Blätterteiggebäck und sonstigen Gegenständen zu beachten sind. Das Hemd des Bräutigams und das Unterkleid der Braut müssen unbedingt weiß sein.

Um das Brautpaar vor bösen Kräften zu schützen, wird es mit schwelendem Gras beräuchert und durch ein reinigendes Feuer geführt. Hinzu kommen noch Lichter und Fackeln in den Händen der berittenen Begleitung des Hochzeitszuges sowie Salutschüsse und das Vernähen der Kleidung von Braut und Bräutigam. Die bei Ackerbauvölkern übliche Besenkung der Vermählten mit Süßigkeiten und rituellem Gebäck hatte einen besonderen

¹⁴ K. Sadychina: Die Usbeken im Delta des Amudarja, Moskau 1952.

Sinn: Zu Hause beim Ehemann muss sich die Frischvermählte in seine Familie integrieren: Sie hält eine Andacht vor der Feuerstelle und den Ahnen. Somit beinhaltet die Hochzeitssymbolik der Tadschiken ausgeprägte Bezüge zu den Traditionen der Ackerbauern.

Einzelne Gebräuche, Sitten und Riten haben immer eine bestimmte Bedeutung, die sich durch verschiedene Zeichen ausdrückt. Fruchtbarkeit, Reinheit und Wohlergehen sind drei kultische Ziele.

Bei einer Hochzeit wachsen einzelne Bräuche auf eine eigenartige Weise zusammen. Das markanteste Beispiel für ein solches Zusammenspiel der Rituale und der Fruchtbarkeitskulte ist der Brauch Rubinon. Dieser wird am nächsten Tag nach Ankunft der Neuvermählten zu Hause bei ihrem Ehemann abgehalten. Ein Junge kommt auf die Neuvermählte zu und entschleiern ihr Gesicht mit einem dünnen und kurzen Obstbaumzweig. Zu dieser Zeremonie finden sich alle Verwandten des Ehemanns ein und bringen Geschenke mit. Jede hierzu erscheinende Frau macht sich mit der Braut bekannt, gibt ihr einen Kuss auf die Stirn und beschenkt sie mit Stoffstücken, Schaltüchern, Geld und Armreifen als Entgelt für die «Gesichtsvorführung». Als erste ist die Mutter des Ehemanns dran. Die Schwiegertochter verbeugt sich vor ihr. Alle Gäste wünschen der um ein neues Mitglied gewachsenen Familie Glück und Zufriedenheit. Die Neuvermählte begrüßt jeden weiblichen Gast mit einer besonderen Verneigung sowohl zur Ankunft als auch zum Abschied. Bei der Rubinon-Zeremonie wird gegessen, gesungen und getanzt. Dieser Brauch kommt bei allen Tadschiken vor. Während des Festes bauen Frauen eine Puppe aus geschenktem Stoff, die sie windeln und einwickeln. Die Puppe wird dann der Neuvermählten in die Arme gegeben, die ein Wiegenlied singen muss. Dabei singt auch der Junge mit dem Obstbaumzweig mit, der ihr zuvor das Gesicht entschleiern hat.

Der Ethnologe N. Kisljakow berichtet über die Rubinon-Zeremonie vor der Brautnacht in Samarkand¹⁵. Nach der Mahlzeit kleidet man die Neuvermählte mit den besten Kleidern an, schwärzt ihre Wimpern und Augenbrauen mit dem pflanzlichen Farbstoff Surma, verschleiern ihr Gesicht mit einem weißen Tuch und führt sie vor die Gäste. Ein Junge aus der Verwandtschaft des Bräutigams entfernt den Schleier vom Gesicht der Braut mit einem dünnen und kurzen Obstbaumzweig. Ein anderer Ethnologe, M. Andrejew, erforschte das Volk im Khuf-Hochtal des Westpamirs und berichtete, dass ein Mann das Gesicht der Braut entschleiern muss, dessen beide Eltern noch leben¹⁶. Am häufigsten übernimmt diese Funktion ein junger Mann, der ein bogenförmiges Gerät dazu benutzt, das man gewöhnlich zum Lüften von Watte und Wolle verwendet. Der Mann spannt ein pfeilförmiges Stäbchen gegen die Bogensehne und entfernt den Schleier mit dem gespannten «Pfeil» vom Gesicht der Braut. Dabei tut

¹⁵ W. Sokolowski: Der kasachische Aul, Taschkent 1926.

¹⁶ S. Talybekow: Gesellschafts- und Wirtschaftsordnung der Kasachen im 17. – 19. Jh., Almaty 1959.

er so, als ob es ihm unmöglich wäre, den Schleier zur Seite zu schlagen, nach dem Empfang eines Geschenks geht es dann aber problemlos. Die tadschikische Ethnographin Z. Jusufbekowa berichtet ebenfalls über das Ritual der Gesichtsent Schleierung mittels eines Bogens in mehreren Dörfern im Schachdara-Tal. Eine andere tadschikische Ethnographin A. Mardonowa berichtet über die Rubinon-Zeremonie bei der Bevölkerung von Takob und Varsob. Sie findet im Haus des Bräutigams am Tag nach dem Einzug seiner Braut statt. Dabei wird der Gesichtsschleier der Braut von einer Frau entfernt, die ein Kind männlichen Geschlechts stillt. Sie erscheint mit dem Baby auf dem Arm, legt ein Stäbchen in sein Händchen, führt es mit der eigenen Hand ans Gesicht der Braut und entschleiern es. A. Mardonowa berichtet ferner, dass die Gesichtsent Schleierung in Gissar von einem Jungen vorgenommen wird. Sowohl in Takob und Varsob, als auch in Gissar wird ein dünner und kurzer Zweig von einem besonderen Obstbaum für diesen Zweck verwendet. Bevorzugt werden Schattenmorellen- und Aprikosenbaumzweige, die unbedingt eine Gabelform aufweisen müssen. Die Zweigspitze wird auch mit Watte oder Wolle umwickelt.

Der Ethnologe M. Sufijew erforscht die Hochzeitsbräuche der Tadschiken aus dem Soch-Tal und berichtet über die Ähnlichkeit zwischen dem Rubinon-Brauch von Soch und dem von Takob, Varsob und Gissar: In jedem Fall übernimmt eine Frau mit einem Kind männlichen Geschlechts auf dem Arm die Zeremonie der Gesichtsent Schleierung.

L. Monogarowa forschte zu Familienbräuchen und Traditionen der Usbeken aus dem Bezirk Pasdadgom in der Provinz Samarkand und berichtet über Betaschar – die Zeremonie der Gesichtsent Schleierung bei der Neuvermählten¹⁷. Die Entschleierung übernimmt dabei ebenfalls eine Frau, die bereits Kinder hat. Mit einem Jungen auf dem Arm legt sie einen Zweig von einem Obstbaum, dessen Spitze mit Watte umwickelt ist, in das Händchen des Kindes und führt es mit der eigenen Hand ans Gesicht der Braut und entschleiern es. Es wird immer ein Obstbaumzweig verwendet, weil man glaubt, das bringe zahlreiche Nachkommen. Somit sind ein Junge oder eine Frau mit einem Baby auf dem Arm die zentralen Figuren bei der Rubinon-Zeremonie.

Die in Zentralasien ansässigen Völker haben traditionsgemäß viele Nachkommen. Damit lassen sich vielfältige magische Hochzeitsrituale erklären. Die Bedeutung des Brauchs mit einem Jungen als zentrale Figur kann man sich leicht erschließen: Einerseits steht er als Symbol für einen männlichen Nachkommen und generell für eine zahlreiche Nachkommenschaft. Andererseits symbolisiert der Junge den Übergang der Braut in die nächste Altersgruppe. Der Junge mit dem Baumzweig besitzt anscheinend auch andere – phallische – Bedeutung: Zwar geht die Braut dabei in die Gruppe junger Ehefrauen über, dennoch setzte sie bislang keine

¹⁷ G. Wassiljewa: Turkmenen-Nochurly, 1954.

Kinder in die Welt. N. Babajewa berichtet über den Rubinon-Brauch bei den Einwohnern der Provinz Kuljab¹⁸: Während des Rituals hat die Neuvermählte ein Stirnband, die Kota, um, und der Junge streift es jubelnd mit einem zarten Obstbaumzweig von ihrem Kopf weg (sog. Kota-Paron). Z. Schirokova stuft das Stirnband als ein Element der Brautbekleidung bei den Kuljab-Tadschiken ein und betrachtet es als ursprünglichen Kopfschmuck der Braut¹⁹.

Ähnliche Hochzeitsbräuche werden bei unterschiedlichen Völkern praktiziert. Ein Obstbaumzweig ist bei verschiedenen Völkern ein Zeichen der Fruchtbarkeit.

Dieser rituelle Hochzeitsbrauch ist bei fast allen indoeuropäischen Völkern bekannt. Die Inder praktizieren einen äußerst bemerkenswerten Brauch, bei dem ein aus Bananenpalme hergestellter Altar zum Einsatz kommt. P. Prakaschvati berichtet, dass eine Ehe nur dann zustande kommt, wenn ein Altar aus Bananenpalme, Grünsilf oder einer anderen Pflanzenart auf dem Hof vor dem Brauthaus errichtet wird. Der Altar wird mit Grünzweigen und Lichtgirlanden geschmückt und mit glimmenden Räucherstäbchen versehen. Den Boden bestreut man mit Mehl und Reis. Der Bräutigam und die Braut nehmen Platz vor dem Altar²⁰. Der Bräutigam legt seine Hand in die der Braut und sie verspricht, die Familie ihres Ehemannes für ihre eigene zu halten und sie mit Kindern zu bereichern. D. Fräser berichtet über die Anbetung eines Weidenzweiges durch rumänische Zigeuner. Dabei wird ein Weidenzweig am Boden befestigt und mit Girlanden geschmückt. Dabei glauben die Zigeuner an die wohl- und heilbringende Kraft des Weidenzweiges²¹. Derselbe Autor sammelte interessante Fakten über den rituellen Obstzweig bei ukrainischen Zigeunern²². Nach der zuvor erteilten Heiratszustimmung begeben sich die Brautwerber ins Haus der Braut und führen einen mit roten Schleifen, Bonbons, Gebäck und größeren Geldscheinen behängten Obstbaumzweig mit. Die Brautwerber werden nach dem Aussehen des Zweiges beurteilt. Zahlreiche Äste und Bonbons am Zweig bedeuten jeweils zahlreiche Nachkommen und materielles Wohl für das künftige Ehepaar. Der Obstbaumzweig wird ebenfalls bei Zigeunerhochzeiten verwendet²³. N. Demetr führt den Baumzweig einerseits auf die bei ungarischen und rumänischen Zigeunern übliche Vorstellung von

¹⁸ S. Ijomudski: Rudimente des Sippenalltags bei Viehzüchtern in Westturkmenistan im 19. Jh., Grosse sowjetische Enzyklopädie 1962, Bd. Nr. 4, S. 55-56.

¹⁹ A. Dschumagulow: Familie und Ehe bei Kirgisen im Tschui-Tal, Frunse 1960.

²⁰ N. Seeland: Kirgisen: eine ethnographische Aufzeichnung, Westsibirisches Generalgouvernement, Omsk 1885.

²¹ I. Muchiddinow: Sitten und Bräuche der Pamirvölker hinsichtlich der landwirtschaftlichen Arbeitsfolge; archaischer Rituale, Glauben und Kulte bei den Völkern Zentralasiens, in: Science, 1986; Ackerbau bei Pamir-Tadschiken in Wachan und Ischkaschim, Moskau 1975.

²² A. Rosenfeld: Ethnographische Materialien zu Überresten des archaischen Glaubens der tadschikischsprachigen Bevölkerung von Sowjet-Badachschan, in: Sowjetische Enzyklopädie 1970, Nr. 3, S. 114-117.

²³ I. Sarubin: Archiv für Orientalistik bei der Akademie der Wiss. der UdSSR, Akte Nr. 121.

einem Weltbaum zurück, wobei der Zweig selbst den Stab des Gottes Devel verkörpert. Andererseits ist das Hochzeitsbäumchen auch bei slawischen Völkern weit bekannt. Die Autorin hält die von N. Demetr vorgeschlagene Gleichsetzung des Hochzeitszweiges mit dem Totenbaum oder dem indischen Hochzeitsstab für die wahrscheinlichste Auslegung des Brauchs.

Nach Meinung von D. Fräser hat die Anbetung von Bäumen auch bei arischen Völkern eine wesentliche Bedeutung. Sämtliche wohltuende Wirkungen, die Bäumen zugeschrieben werden, gehen auf die Idee der Fruchtbarkeit zurück²⁴. Gleiche Folgerungen sind bei E. Kagarow²⁵ und L. Sternberg²⁶ anzutreffen. Alle Rituale sollen eine zahlreiche Nachkommenschaft begünstigen.

Die von mehreren Ethnologen herausgearbeiteten Forschungsergebnisse weisen auf Ähnlichkeiten der Bräuche bei einzelnen euroasiatischen Völkern hin. Die tadschikischen Sitten und Gebräuche sind mit denen des Kaukasus, Zentralasiens, Vorderasiens sowie aus Ost- und Westeuropa verwandt. Offensichtlich sind Ähnlichkeiten der Sitten und Bräuche primär auf ähnliche Formen der Arbeit und der Weltanschauung zurückzuführen. Mitunter sind die Sachattribute sowie die pflanzlichen und anthropomorphen Symbole bei unterschiedlichen Ethnien identisch. Fruchtbarkeit und Erneuerung in der Natur werden überall durch buntbemalte Eier, Ritualgerichte aus Korn- und Bohnenfrüchten sowie durch Ritualbrot versinnbildlicht. Diese Gruppe besteht ferner aus einem Baum oder einem Obstbaumzweig, geschmückt mit Nüssen, gefärbten Eiern, Süßigkeiten und Geldscheinen.

Der Lebensbaum, der alle Teile der Schöpfung in sich vereint, steht seit der Entwicklung des Ackerbaus für eine ergiebige Ernte und Fruchtbarkeit bei Mensch und Tier. Später verwandelte sich der Brauch in ein Unterhaltungsritual bei mehreren Völkern. Mit Einzug des Islams änderten sich die Vermählungszeremonien, und Höhepunkt jeder Hochzeit ist die muslimische Trauungszeremonie, der Nikoch. Und das Ritual mit dem Obstbaumzweig war aus dem Haus der Braut in das Haus des Bräutigams umgezogen und bedeutet nun die Aufnahme der Braut in die neue Familie.

An die heilende und reinigende Kraft des Feuers glaubt man vielerorts. Ritualfeuer und Feuersprünge sind bei den Slawen, mehreren dagestanischen Volksgruppen, Indern, Usbeken, Rumänen, Ukrainern, Mazedoniern und Weißrussen bekannt, wobei auch Tadschiken das Brautpaar ums Feuer führen.

²⁴ M. Andrejew: Materialien zur Ethnographie, in: Jagnoba, Duschanbe 1970.

²⁵ E. Kagarow: Zusammensetzung und Herkunft der Hochzeitsrituale, in: Sammelband des Museums für Anthropologie und Ethnographie, Leningrad 1929, S.176.

²⁶ L. Sternberg: Neue Materialien zur Hochzeit und der Familien- und Sippenordnung der sowjetischen Völker, Leningrad 1926, S.12.

Das Ziel sämtlicher Rituale und Bräuche ist der Erhalt des Geschlechts, das Familienwohl und der Aufbau guter Beziehungen unter den Menschen. Der Ahnenkult ist im Hochzeitsritual der Tadschiken immer noch stark vertreten. Als Tribut an die islamische Epoche werden auch muslimische Heilige verehrt. Ihre Verehrung ist jedoch mit dem Ahnenkult verwachsen. Die Rolle des Islam bei den Hochzeitsritualen ist im Vergleich zu den rudimentären Erscheinungsformen der prä-islamischen Religion als geringfügig einzuschätzen. Die Analyse der Hochzeitsrituale lässt vermuten, dass diese Rituale der sesshaften Ackerbauern überall im historischen Gebiet des Ur-Tadschikistan auch von den Völkerschaften praktiziert wurden, die sich inzwischen anders bezeichnen oder zu einer anderen Identität bekennen.

*Худжанд, Таджикистан
Chudschand, Tadschikistan*

Сухроб Шарипов

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Республика Таджикистан реализовала свое право на самоопределение на основании принятой Верховным Советом 9 сентября 1991 г. Декларации о независимости. Согласно Декларации, территория Республики Таджикистан является целостной, неделимой, на ней действует только Конституция Республики Таджикистан.

Конституция Республики Таджикистан была принята 6 ноября 1994 г. В ней подчеркивается, что Республика Таджикистан – суверенное, демократическое, правовое, светское и унитарное государство. Наша страна еще находится на пути совершенствования конституционной системы и нуждается в дальнейшей демократизации общества, в создании условий для реализации конституционных прав граждан, в обеспечении независимости всех ветвей власти – законодательной, исполнительной, судебной. В связи с этим в стране прошли два общенародных референдума по вопросам внесения изменений и дополнений в Конституцию Республики Таджикистан: первый – в сентябре 1999 г., второй – в июне 2003 г.

Процесс становления суверенного государства Таджикистан столкнулся с началом продолжительной гражданской войны (1992–1997 гг.). Отличие таджикского конфликта от других конфликтов на пространстве бывшего СССР в том, что он носил внутринациональный характер, тогда как в других государствах, таких как Азербайджан, Молдова, Грузия, Армения, Россия, конфликты носили межнациональный характер. Таджикский конфликт не давал возможность его участникам, противоборствующим силам, создать новые государственно-территориальные образования, такие как Нагорный Карабах, Приднестровье, Абхазия, Чечня. В нашем случае разобщение таджикского государства было равносильно его уничтожению и гибели нации – это понимали обе противоборствующие стороны. В какой-то мере это и послужило толчком к началу переговоров, ибо это был «единственный путь к окончанию гражданской войны, урегулированию конфликта и строительству легитимных демократических институтов... в Таджикистане»¹. Результатом стало подписание «Общего соглашения о мире и национальном согласии» и его реальное воплощение в жизнь. Была создана Комиссия по национальному примирению (КНП). Можно сказать, что только после подписания этого соглашения

¹ Democracy and Deep- Rooted conflict: options for negotiators. Stockholm, 1998. P. 140.

Таджикистан стал отходить от шока и хаоса. Начался серьезный процесс реформирования всех сторон общественной жизни республики. Многие в Таджикистане поняли, что важнейшим условием успеха демократизации в стране является политическая стабильность, предполагающая реформирование общества в рамках закона при сохранении способности государственных институтов управлять страной. Все это делается для создания возможностей максимального развития каждого гражданина республики и расширения диапазона выбора, который может быть реализован каждым.

Мирный процесс в Таджикистане набирал темп, происходили существенные изменения в экономической, социальной и духовной жизни таджикского общества. Для создания равных возможностей всем гражданам страны потребовались реформы политической системы Таджикистана. За два года деятельности Комиссии по национальному примирению было сделано многое: представителям Организованной таджикской оппозиции (ОТО) было предоставлено 30% мест в структурах исполнительной власти, посты первого заместителя премьер-министра (А. Тураджонзода) и заместителя премьер-министра (З. Вазиров), восьми министров и множество других государственных постов в центре и на местах. Согласно принятому Маджлиси Оли закону об амнистии, были освобождены все заключенные от оппозиции. Одновременно шел процесс реинтеграции, разоружения и реформирования вооруженных групп ОТО. Парламентом страны был принят новый Конституционный закон «О политических партиях», отменены запреты и ограничения на деятельность партий и движений ОТО – Партии исламского возрождения Таджикистана, Демократической партии Таджикистана, движения «Лали Бадахшон». Был сформирован новый состав Центральной избирательной комиссии, 25% ее членов теперь составляли представители ОТО. Принят новый Конституционный закон «О выборах в Маджлиси Оли Республики Таджикистан» и назначена дата проведения выборов в первый профессиональный парламент Таджикистана. Только перечисление сделанного в стране за этот период говорит о том, насколько огромная работа проведена по демократическому строительству параллельно с налаживанием мира и стабильности.

10 декабря 1999 г. на сессии Маджлиси Оли Республики Таджикистан был принят новый Конституционный закон «О выборах в Маджлиси Оли Республики Таджикистан». Данный закон соответствует всем демократическим принципам, предъявляемым к правовым документам подобного рода. Впервые в стране открылась возможность избрать профессиональный парламент.

Маджлиси Оли Республики Таджикистан состоит из двух маджлисов (палат) – Маджлиси милли и Маджлиси намояндагон.

Маджлиси намояндагон – избирается на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права тайным голосованием при смешанной

системе (мажоритарной и пропорционально представительной) выборов, в которой не предусматриваются никакие квоты (ст. 3). Маджлиси намояндагон является постоянно действующим и профессиональным. Его депутатом может быть гражданин Таджикистана, достигший 25-летнего возраста и являющийся гражданином страны не менее пяти последних лет, обязательно имеющий высшее образование. Маджлиси намояндагон состоит из 63 депутатов:

65% депутатов (41 чел.) избираются по одномандатным округам;

35% депутатов (22 чел.) избираются по единому общереспубликанскому округу пропорционально количеству голосов, поданных за списки кандидатов в депутаты, выдвинутых политическими партиями.

Депутат Маджлиси намояндагон избирается сроком на 5 лет. Право на выдвижение кандидатов принадлежит политическим партиям и гражданам путем самовыдвижения. Партии, которые имеют право выдвигать кандидатов, должны быть зарегистрированы в Министерстве юстиции РТ. Впервые в истории таджикского парламентаризма политические партии приобрели статус субъекта избирательного права. Также впервые появилась реальная возможность для простого человека стать избранным депутатом Маджлиси намояндагон. Порядок выдвижения также прост. Политические партии на своих съездах выдвигают кандидатов и подают этот список в Центризбирком. Отдельный человек, если хочет зарегистрироваться кандидатом в депутаты, должен собрать в свою поддержку не менее 500 подписей избирателей данного округа. При этом в новом Конституционном законе была пресечена возможность стать депутатами боевым командирам, что в условиях постконфликтного восстановления очень важный положительный фактор. В статье 33 этого закона перечислены граждане, которые не имеют право быть кандидатами в депутаты Маджлиси Оли Республики Таджикистан:

- « – граждане, не отвечающие установленным требованиям Конституции Республики Таджикистан и данному закону;
- граждане, признанные судом недееспособными или по приговору суда находящиеся в местах лишения свободы либо находящиеся в учреждениях принудительного лечения по решению суда;
- граждане, находящиеся на действительной военной службе, солдаты, прапорщики, личный состав Вооруженных Сил, Министерства безопасности, Министерства внутренних дел, Министерства по чрезвычайным ситуациям, Президентской гвардии..., не вышедшие в отставку;
- профессиональные деятели религиозных организаций и объединений при условии нахождения их на этих должностях <...> ».

Возможно, эти ограничения в какой-то мере нарушают права человека, но специфика развития Таджикистана, обеспечения безопасности кандидатов и равных возможностей диктовали включение в закон именно данных ограничений. После гражданской войны в Таджикистане появились очень влиятельные командиры вооруженных частей, которые могли бы претендовать на участие в политических процессах. Если бы это было допущено в законе, то гражданское население, интеллигенция, ученые не могли бы реализовать свое конституционное право быть выдвинутыми в парламент страны. Это ограничение подчиняет гражданскому политическому руководству страны Вооруженные Силы, органы правопорядка и безопасности и является важным фактором развития демократического процесса в Таджикистане. Первые выборы в Таджикистане намяндагон прошли 27 февраля 2000 г.

Маджлиси милли. Выборы в Маджлиси милли проводятся на основе косвенных избирательных прав при тайном голосовании, 25% членом назначает Президент страны. Членом Маджлиси милли может быть избрано или назначено лицо, достигшее 35 лет, имеющее высшее образование и не менее 7 лет являющееся гражданином Республики Таджикистан. Право на выдвижение кандидатов в члены Маджлиси милли имеют маджлисы народных депутатов областей, городов, районов. Эти члены избираются в равном количестве по 5 человек от ГБАО, Ленинабадской области, Хатлонской области, районов республиканского подчинения, города Душанбе. Маджлиси милли состоит из 33 членов:

25 членов избираются на основе представительства территориальных интересов;

8 членов назначаются Президентом Республики Таджикистан.

Каждый бывший президент страны является пожизненным членом Маджлиси милли (по его согласию).

Первые выборы в Маджлиси милли Маджлиси Оли Республики Таджикистан прошли 23 марта 2000 г.

В соответствии со статьей 8 Конституции Республики Таджикистан, «в Таджикистане общественная жизнь развивается на основе политического и идеологического плюрализма. Ни одна идеология, в том числе религиозная, не может устанавливаться в качестве государственной. Общественные объединения создаются и действуют в рамках Конституции и законов. Государство предоставляет им равные возможности в их деятельности. Религиозные организации отделены от государства и не могут вмешиваться в государственные дела. Создание и деятельность общественных объединений, пропагандирующих расовую, национальную, социальную и религиозную вражду или призывающих к насильственному свержению конституционного строя и организации вооруженных групп запрещаются».

Согласно статье 28 Конституции Республики Таджикистан, «граждане имеют право объединяться. Гражданин вправе участвовать в создании политических партий, в том числе имеющих демократический, религиозный и атеистический характер, профессиональных союзов и других общественных объединений, добровольно входить в них и выходить из них».

Общественные объединения являются неотъемлемой частью гражданского общества, и Таджикистан стремится, чтобы эти институты демократического общества развивались в стране. В республике действуют законы «Об общественных объединениях», «О профессиональных союзах, правах и гарантиях их деятельности».

В Республике Таджикистан действуют шесть политических партий. Деятельность политических партий регламентируется законом «О политических партиях», принятом в 1999 г. Согласно статье 3 данного закона, партии создаются гражданами Республики Таджикистан свободно, без каких-либо разрешений, на учредительном съезде (конференции, собрании), на котором принимаются устав и формируются руководящие органы партии.

Для государственной регистрации политические партии представляют списки не менее чем тысячи граждан, являющихся жителями большинства городов и районов Республики Таджикистан. Для государственной регистрации в Министерстве юстиции партия в течение месяца должна подать заявление, подписанное лицом, уполномоченным учредительным собранием (конференцией, съездом) создаваемой партии, с указанием юридического адреса руководящего органа.

После государственной регистрации политической партии в Министерстве юстиции она должна в течение трех месяцев организовать в большинстве областей, городов и районов свои первичные организации.

Политические партии участвуют в государственной жизни в следующих формах: выдвигают своих кандидатов для избрания в Маджлиси Оли и органы местного самоуправления, на государственные должности, формируют фракции в представительных органах власти. В республике действует единственная в регионе Партия исламского возрождения. Однако религия отделена от государства, а политические партии с религиозной идеологией не имеют права использовать культовые учреждения в политических целях. Партиям не допускается иметь свои структуры в государственных органах, а государственные служащие осуществляют свои партийные обязанности вне связи со своей основной служебной деятельностью.

Дальнейшая демократизация политического процесса в стране зависит от партийно-политической системы общества. Политическую партию от движений и общественных организаций отличает строгая

структура, наличие политической программы, идеологическая ориентация и другие, менее существенные функции. Партии выполняют роль посредников между властью и народом. Так как партии защищают интересы части общества, то и их типологизация имеет различные направления: социальные, этнические, демографические, а по идейным основаниям деятельности партии делятся на «доктринальные (сориентированные прежде всего на защиту своей идеологической чистоты), прагматические, или патронажные (З. Ньюмен), ориентирующиеся на практическую целесообразность действий, а также харизматические, в которых люди объединяются вокруг лидера»². Определяют типологию партий и по их отношению к господствующему политическому режиму в стране: правящие и оппозиционные, легальные и нелегальные и т.д. В зависимости от количества политических партий, действующих в стране, принято выделять различные системы – однопартийные, многопартийные, между ними иногда выделяют «промежуточные типы (системы с «партией-гегемоном», «доминирующей партией», «двухпартийные», «ограниченного плюрализма» и «радикального плюрализма»), которые выражают собой различные стадии и варианты идеологического плюрализма, сопровождающие деятельность одной или нескольких партий»³.

Существующий политический плюрализм в таджикском обществе позволяет действовать в политическом пространстве страны различным партиям и политическим движениям, которые являются субъектами политического процесса. Необходимость анализа политических структур страны диктуется их значимостью и ролью, которые они играют в ее политической жизни, с одной стороны, и выявлением противоречий «между различными этническими, а также религиозными группами, между сторонниками законности и порядка и силами, заинтересованными в беззаконии и анархии и т.д. Выявление лежащих в основе партогенеза общественных конфликтов позволяет глубже понять причины возникновения, состав, цели и задачи партий»⁴, с другой стороны. Появление политических партий в Таджикистане непосредственно связано с возникшими после распада СССР противоречивыми политическими интересами различных групп. На стадии становления партийной системы Таджикистана отсутствие политического опыта нахождения консенсуса по многим социально-политическим проблемам привело к вооруженному противостоянию. После заключения мирного соглашения в республике продолжается процесс формирования светских и религиозных партий.

На сегодняшний день в политическом пространстве страны действуют следующие политические партии, которые прошли

² Пугачев в. П., Соловьев А. И. Введение в политологию. М., 1997. С. 282.

³ Sastori G. Parties and Party Systems. L. 1976. P. 64.

⁴ Пугачев В.П. Политология. М., 1999. С. 354.

регистрацию в Министерстве юстиции Республики Таджикистан и являются субъектами избирательного процесса:

1. Демократическая партия (М. Искандаров)
2. Партия исламского возрождения (С. Абдулло Нури)
3. Коммунистическая партия (Ш. Шабдолов)
4. Народно-демократическая партия (Э.Ш. Рахмонов),
5. Социалистическая партия (К. Восеев)
6. Социал-демократическая партия (Р. Зоиров)
7. Партия экономических реформ (О. Бобоев)
8. Аграрная партия Таджикистана (А. Каракулов).

Политические движения Таджикистана:

1. Конгресс народного единства Таджикистана (С. Тураев)
2. Национальное движение Таджикистана (Х. Мухабатов)
3. «Лали Бадахшон» (А. Амирбеков)
4. Движение национального единства и возрождения Таджикистана (Э. Рахмонов).

Мы задались целью исследовать партийно-политическую систему в целом, каждую партию в отдельности, ее место и роль в политическом процессе Таджикистана.

Народно-демократическая партия Таджикистана (новое название было принято на III съезде в июне 1997 г., до этого называлась Народной партией Таджикистана) образована 10 декабря 1994 г. На 1 января 2000 г. – более 70 000 членов. НДПТ имеет крупнейшую партийную группу в парламенте страны. Активно формируется и наращивает свою мощь. Реальная «партия власти», лидером которой является Президент страны. Политический авторитет и влияние партии выражаются в ее потенциале: партия реально имеет возможность осуществлять политику и изменять направление политического процесса в республике, используя бюрократический аппарат и властные рычаги в правительстве, парламенте и на уровне местных хукуматов. Это преимущество используется во всех государствах мира (в развитых демократиях минимально, в неразвитых – максимально), и предполагать, что функционеры НДПТ не используют данные привилегии в политической игре, было бы недальновидно.

С момента, когда лидером партии был избран Э. Рахмонов, ее влияние и авторитет приобрели общереспубликанский характер. Политика партии ориентируется на создание стабильного, демократического, национального государства. НДПТ – одна из немногих партий, которая реально пропагандирует идеи патриотизма.

В заявлениях, выступлениях лидеров партии подчеркивается, что они выступают за демократическое, светское таджикское государство. За короткий период существования партия смогла победить во всех важных политических кампаниях 1999–2000 и 2005 гг. Первую политическую победу НДПТ одержала на президентских выборах, ее лидер Э. Рахмонов был избран Президентом РТ. Второй и третий крупный политический успех НДПТ – победа на выборах в Маджлиси Оли 2000 и 2005 гг., 65% кандидатов по партийным спискам стали депутатами парламента (из 22 представленных кандидатов по партийным спискам – 15 в 2000 г. и 18 в 2005 г. от НДПТ) и более 70% – по одномандатным округам. В предвыборную кампанию была включена вся политическая элита партии, которая провела ее на высоком уровне. По партийным спискам НДПТ депутатами стали не только функционеры, но и беспартийные и бывшие члены ОТО, что свидетельствует о широкой поддержке населением страны этой структуры.

С другой стороны, противники НДПТ обвиняют ее в махинациях при проведении выборной кампании. Однако надо учесть, что демократия не представляет совершенный механизм выборной системы. Совершенного механизма выборной системы вообще не существует, всегда проигравший недоволен результатами голосования и апеллирует к своим потенциальным избирателям. В европейских странах данная проблема решается цивилизованным методом, у нас же, в Таджикистане, есть печальный опыт накала страстей проигравшей стороной с трагическими для всей нации последствиями (президентская кампания 1991 г.). Сегодня выборы в парламент Таджикистана признаны авторитетными международными организациями ООН, ОБСЕ.

Союз с НДПТ стратегически выгоден тем партиям и движениям, которые поддерживают политику президента и разделяют цели Народно-демократической партии. Движение национального единства и возрождения Таджикистана на парламентских выборах, по сути, было политическим партнером НДПТ, хотя в состав движения входят различные партии. Это усилило и без того мощный потенциал НДПТ, а политическим союзникам этого блока гарантировало своих представителей в новом парламенте. Цели и программы вышеназванных структур в основном совпадают – это создание сильного независимого государства, экономическое и духовное возрождение Таджикистана, построение демократического, правового, светского государства, защита государственных интересов. Единство целей сплотило блок в идеологическом аспекте, в его составе были влиятельные и известные личности страны. Подобные блоки способны на многое, ибо возможность возникновения антагонистических противоречий в них очень мала. Во-первых, победа лидера партии Э. Рахмонова на президентских выборах и победа НДПТ на парламентских выборах, во-вторых, политическая элита партии представлена реально действующими политиками, а это

означает, что партия играет и будет играть важную роль в политических процессах страны.

Вторая по значимости политическая партия в стране – **Коммунистическая партия Таджикистана (КПТ)**. Это одна из старейших политических структур страны, была образована 25 ноября 1929 г. Во времена СССР находилась в составе КПСС, после обретения Таджикистаном независимости – зарегистрирована в Министерстве юстиции 17 марта 1992 г. По некоторым данным, насчитывает около 70 000 членов. Лидером КПТ является Ш. Шабдолов, депутат Маджлиси Оли Республики Таджикистан. Политическая элита партии представлена депутатами Маджлиси Оли, членами правительства, руководителями хукуматов на местах. Политическая платформа Коммунистической партии Таджикистана хорошо известна. Партия имеет обширную сеть первичных организаций на местах. Хотя лидеры Компартии за годы суверенитета утратили былой авторитет и большую часть своих сторонников, коммунисты остаются влиятельной политической силой. Но не везде. Например, в некоторых районах республиканского подчинения и Хатлонской области ее авторитет чрезвычайно низок. Сторонниками КПТ являются часть научной интеллигенции, рабочие и определенная часть крестьянства, которые связывают с Компартией «светлое» прошлое республики и надеются, что она способна вывести страну из кризисного состояния. Лидеры Компартии взяли на вооружение утопическую на сегодня идею восстановления СССР и часто посещают Москву, участвуя в политических мероприятиях российских коммунистов. Однако если российские коммунисты используют эти связи для поднятия авторитета и влияния партии, то коммунисты Таджикистана не могут прагматично использовать эти отношения для увеличения своего политического влияния. Плохо использовался и потенциал партийной фракции КПрФ в предвыборный период. Если бы функционеры КПТ смогли к предвыборной кампании привлечь некоторых членов Государственной Думы Российской Федерации, то, возможно, могли бы рассчитывать на значительный политический успех.

Таджикским коммунистам необходимы реформы, как в стратегии, так и в тактике ведения политической борьбы в современных условиях. Компартия еще влиятельна своим былым авторитетом у среднего и старшего поколений, но молодежи уже чужда идеология этой структуры. Основной идеей партии на сегодня является, как мы отметили выше, иллюзорная мечта о восстановлении СССР. Даже в рамках этой идеи, во-первых, им необходимо поработать на укрепление таджикского государства, быть патриотами Таджикистана, иначе со слабым государством никто не захочет создавать союзы. Во-вторых, в России на политическую арену вышли силы, которые являются сторонниками рационального присоединения государств к союзу с Беларусью; также существуют влиятельные политические силы, которые пропагандируют идеи о том, что Россия может принимать в союз другие страны только

в качестве субъектов федерации. Это Союз правых сил, некоторые политики блока «Единство» и большинство губернаторов. Но захочет ли Таджикистан, после того как почувствовал свободу и суверенитет, стать простым субъектом России? Мы считаем, что сторонников подобных идей в республике найдется не много. В-третьих, российские политические силы за восстановление СССР на выборах в Государственную Думу (декабрь 1999 г.) полностью проиграли. КПРФ Зюганова проповедовала идеи сильной России, патриотизма, поэтому удержалась на политическом Олимпе. Еще раз подчеркиваем, что необходимы глубокие реформы в КПТ и обновление руководства партии молодыми перспективными кадрами, иначе в будущем сложно будет соперничать с молодыми демократическими партиями.

Коммунисты в политическом процессе республики с 1991 г. заняли выжидательную позицию, но сохранили первичные организации, чего не хватает многим молодым политическим партиям и движениям. КПТ и ее функционеры – не радикалы и не экстремистски настроенные политики, что в условиях Таджикистана немаловажный фактор. У них самостоятельная идеологическая база. Потенциал, которым обладает КПТ, огромен и необходимо его политически правильно использовать на благо свободного, независимого Таджикистана. Партия проявила политическую активность только перед выборами в Маджлиси Оли, поэтому результаты, достигнутые ею на выборах, должны подтолкнуть партию к реформам. По партийным спискам КПТ депутатами стали 5 человек (22%), по одномандатным округам сторонники КПТ получили 8 мандатов, всего около 15% от общего числа депутатов в Маджлиси Оли, это вторая по значимости партийная группа в парламенте. На выборах в 2005 г. партия потеряла еще несколько мест. С политической точки зрения, это не победа, скорее поражение. Но, несмотря на это, КПТ остается серьезной политической силой Таджикистана и продолжает влиять на развитие политических процессов в стране.

Одним из серьезных претендентов на победу на парламентских выборах была Объединенная таджикская оппозиция. Внутри этого объединения не все складывалось однозначно. С момента создания ОТО в 1993 г. по ноябрь 1999 г. в ее состав входили следующие политические партии и движения: Партия исламского возрождения, Демократическая партия, движения «Растохез» и «Лали Бадахшон», а в 1998 г. к ним присоединилась Партия политического и экономического обновления. Сегодня можно говорить, что ОТО как политической силы не существует. Из ее состава вышла ДПТ, самоликвидировались движение «Растохез», Партия политического и экономического обновления. В связи с этим автор считает целесообразным исследовать политические структуры, входившие в ОТО, в отдельности, чтобы определить степень их влияния на развитие политических процессов в стране.

Партия исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ) образовалась в октябре 1990 г., зарегистрирована 4 декабря 1991 г. В том же году ПИВТ, единственная в Центральноазиатском регионе из организаций, представляющих политический ислам, принимала участие в президентской кампании, но ее сторонники потерпели неудачу. ПИВТ была одним из инициаторов незаконных митингов с марта по май 1992 г. в г. Душанбе. Результатом этих митингов стало образование правительства национального единства, в состав которого вошли сторонники ПИВТ. Однако после короткого периода политической дестабилизации в стране началась гражданская война. ПИВТ эмигрировала в Афганистан и образовала Объединенную таджикскую оппозицию. Верховный суд Республики Таджикистан приостановил деятельность ПИВТ на территории страны в июне 1993 г. С апреля 1994 г. начались мирные контакты противоборствовавших в гражданском конфликте сторон, они продолжались до 27 июня 1997 г. Результатом этих переговоров стало подписание в Москве между правительством Республики Таджикистан и ОТО Общего соглашения об установлении мира и национального согласия в Таджикистане⁵. После подписания мирного соглашения в таджикском обществе не прекратились споры о легализации политического ислама в стране. Однако одним из важных пунктов реализации межтаджикского соглашения был пункт о легализации всех политических структур ОТО, в том числе ПИВТ.

Деятельность ПИВТ официально была легализована в августе 1999 г. Функционеры политического ислама обязались действовать в соответствии с Конституцией и законами Республики Таджикистан. В статье 4 закона «О политических партиях» подчеркнуто: «Политические партии и их члены в своей политической деятельности не имеют права использовать религиозные организации»⁶. В октябре, в связи с изменившимися задачами, ПИВТ произвела перестановку кадрового состава, в результате чего лидером партии стал Саид Абдулло Нури. Политические возможности ПИВТ ограничены, свидетельством того может служить факт, что представитель ПИВТ Д. Усмонов на президентских выборах 1999 г. не смог набрать 5% (145 000) подписей избирателей, необходимых для регистрации его кандидатом.

⁵ См.: Белов Е.В. Исторический опыт переговорного процесса по урегулированию межтаджикского конфликта (1993–1997 гг.). Душанбе, 1999; Межтаджикский конфликт – путь к миру/Отв. ред. М. Олимов. М., 1998; Махмадов А., Хидирова М. Межтаджикский конфликт и его особенности. Куляб, 1997; Пешков М., Чекунов А. Москва и межтаджикский диалог// Международная жизнь. 1997. № 2; Доклады Генерального секретаря ООН о положении в Таджикистане. Нью-Йорк, 1993, 1994, 1995, 1996, 1997 гг., Резолюции ООН № 968, 999, 1061, 1089, 1099, 1113, Нью-Йорк.

⁶ Ахбори Мачлиси Олии Чумхурии Тоҷикистон. Душанбе. 1998. № 22. С. 113.

ПИВТ участвовала в парламентских выборах 2000 и 2005 гг. Она предложила своих кандидатов в депутаты Маджлиси Оли – и по партийным спискам, и по одномандатным округам. По партийным спискам ПИВТ оба раза смогла набрать более 7% голосов избирателей, что дало ей право провести двух своих кандидатов в Маджлиси Оли. По одномандатным округам избиратели страны не дали возможность стать депутатом ни одному выдвиженцу от ПИВТ. Это крупное политическое поражение ПИВТ после заключения соглашения о мире и национальном согласии в Таджикистане. Таким образом, становится ясно, что ту квоту во властных структурах республики, которую получили сторонники ОТО после заключения соглашения (1997 г.), они демократическим путем никогда не смогли бы иметь. По достигнутому соглашению, они могут рассчитывать на 30% государственных постов в правительстве страны. То, что они имеют сегодня, на несколько порядков выше, нежели их реальный политический потенциал. Партия имела авторитет только в некоторых малонаселенных регионах страны. Разногласия среди руководителей ПИВТ еще более ухудшили отношение общества к ней. Несмотря на политические неудачи, ПИВТ играет важную роль в политических процессах страны. В настоящее время партия перестраивает свою работу и готовится серьезно проявить себя в последующих политических мероприятиях.

Демократическая партия Таджикистана (ДПТ) представляет собой политическую силу, которая могла бы повысить свой политический авторитет, участвуя в парламентских выборах Маджлиси Оли Республики Таджикистан. Однако для достижения этой цели у партии сегодня недостаточно потенциала. В ней произошел раскол, лидер партии М. Искандаров осужден.

Демократическая партия Таджикистана – одна из основных политических партий республики. Образована 10 августа 1990 г., зарегистрирована 21 июня 1991 г. Политическая судьба партии была трудной. Она активно выступала против монополии КПСС в общественной жизни страны. Лидером партии был Ш. Юсуф. После обретения Таджикистаном независимости партия продолжала находиться в оппозиции к власти. Наряду с ПИВТ, была организатором весенних митингов 1992 г. в Душанбе. В союзе с ПИВТ поддержала на президентских выборах 1991 г. альтернативную кандидатуру от единой оппозиции – Давлата Худоназарова, но он проиграл Р. Набиеву. После военно-политического поражения (1992 г.) в Таджикистане партия эмигрировала в Афганистан и летом 1993 г. вместе с ПИВТ создала Объединенную таджикскую оппозицию (ОТО). 21 июня 1993 г. решением Верховного Суда ДПТ была объявлена вне закона. В эмиграции произошел раскол среди ее руководства: сторонники Алма-атинской платформы поддержали позицию лидеров этого крыла Дж. Ниезова, А. Сатторзоды о вооруженном

противостоянии в составе ОТО, а сторонники Тегеранской платформы – ее лидера Ш. Юсуфа, который выступил с призывом о прекращении вооруженного противостояния, разоружении и поддержке политики Э. Рахмонова.

По закону «О политических партиях» (ст. 9), в политическом пространстве страны не могут одновременно действовать две партии с одинаковым названием. Министерство юстиции выбрало правопреемницей ДПТ Алма-атинскую платформу и разрешило ей участвовать под этим названием в парламентских выборах. Но на выборах в Маджлиси Оли Республики Таджикистан в 2000 и 2005 гг. партия не смогла преодолеть 5%-ный барьер.

Социалистическая партия Таджикистана (СПТ), являясь субъектом политических процессов в Таджикистане, активно принимала участие на выборах в Маджлиси Оли. Сегодня политический потенциал партии невысок, она малоизвестна. После убийства ее лидера – авторитетного таджикского политика С. Кенджаева (начало 1999 г.) – партия потеряла многих своих сторонников. СПТ образовалась в июне 1996 г., зарегистрирована в Минюсте 6 августа 1996 г. На последнем съезде партии (январь 2000 г.) происходила ожесточенная борьба за лидерство между К. Восеевым и Ш. Кенджаевым. Делегаты от Ленинадской области не смогли присутствовать на съезде, их мнение не было учтено и они поставили вопрос о законности партийного съезда и доверии к партийным лидерам. СПТ переживает сейчас сложный период партийного строительства. Отсутствие единого лидера и разброд среди ее членов исключил возможность представительства партии в парламенте страны.

Социал-демократическая партия Таджикистана – образована в марте 1998 г. (тогда она называлась Партией справедливости и развития), в 1999 г. прошла регистрацию в Министерстве юстиции. Но в том же году Министерство юстиции обратилось в Верховный суд Республики Таджикистан с заявлением о приостановлении деятельности партии. Без всяких на то оснований регистрацию партии отменили и обязали ее руководство повторно подать на регистрацию. Под новым названием партия зарегистрирована 20 декабря 2002 г. Лидер партии Р. Зоиров. Молодая партия только начинает обретать своих сторонников среди населения.

Партия экономических реформ и Аграрная партия Таджикистана зарегистрированы только в 2005 г. и еще не имеют достаточного авторитета, чтобы влиять на политическую ситуацию в стране.

Как видим, структура партийной системы Таджикистана до конца еще не сформирована, находится в динамичном развитии, и по мере укрепления и стабилизации политической ситуации в стране этот

процесс будет развиваться. «Безусловно на становление партий, на их характер (о чем свидетельствует недолгий опыт становления многопартийности в Таджикистане) серьезный отпечаток накладывают особенности социально-культурного развития, исторические традиции, демографические и этнокультурные процессы, особенности религии и т.д.»⁷.

Сегодня изменяется политическая парадигма, господствовавшая в Таджикистане в последние годы, основу которой составляла линия, разъединяющая оппозицию и правительство. После подписания межтаджикского соглашения в июне 1997 г. в Москве наметилась положительная тенденция консолидации всего населения Таджикистана. Региональные интересы в политике руководства республики постепенно уступают место общегосударственным и партийным. Некоторые зарубежные и таджикские политологи, социологи и общественеды считают, что развитие политического процесса в стране зависит от кланового расклада в различных областях и районах республики. Но мы считаем, что решающую роль будут играть политические партии и движения общереспубликанского характера. А кланы и их лидеры будут, скорее всего, представлять в руководящих органах партий. Простой расчет и здоровый прагматизм не позволит лидерам кланов оставаться в стороне от происходящих в стране преобразований.

Некоторые политические эксперты пытаются представить, что политическое пространство Таджикистана определяется клановыми интересами, а политические партии в основном имеют региональный характер. «За небольшим исключением, все эти так называемые партии (в Таджикистане) имеют региональный характер со скрытыми региональными программами»⁸. Сегодня с этим трудно согласиться, ибо происходящие в стране изменения в политической жизни и демократические преобразования свидетельствуют о том, что клановым интересам постепенно приходится уступать место партийным. Сегодня уже очевидно, что такие политические партии, как НДПТ, КПТ, ПИВТ и частично ДПТ, имеют общереспубликанский характер и мало зависят от региональных интересов. Принятие законов «О политических партиях» и «О выборах в Маджлиси Оли Республики Таджикистан» радикально изменило статус политических партий в обществе. Закулисные переговоры в политической борьбе – нормальное явление, это не клановость.

Пока процесс развития партийно-политической системы Таджикистана так и не обрел стабильности. С одной стороны, взаимоотношения политических партий с властью по большому

⁷ Зоир Р. О некоторых принципах становления многопартийности в Таджикистане // Бюллетень НАПТ. 2000. № 3 (15), сентябрь. С. 4.

⁸ E. Naby. Tajik Political Legitimacy and Political Parties. // Central Asia Monitor. №2. 1992. P. 10.

счету еще не определились, с другой стороны, власть также пока не находит необходимым налаживать прагматические отношения с политическими партиями. Результаты выборов в парламент показали, что только три партии могут на сегодня в разной степени влиять на политический процесс в стране – это НДПТ, КПТ, ПИВТ. НДПТ является правящей партией. Компартия, по существу, никогда не воспринималась властями как оппозиционная, ибо является основным поставщиком партийно-хозяйственных кадров. ПИВТ является оппозиционной структурой и власть ее таким образом воспринимает, однако слабая общественная поддержка может служить фактором ее радикализации или раскола на три части: первая – это сторонники правительства, вторая – умеренная конструктивная оппозиция и третья – экстремистское крыло. Молодые политические партии, которые еще до конца не сформированы и, в силу этого, не влиятельны, не воспринимаются властями должным образом. Властные структуры обязаны налаживать контакт с молодыми партиями, которые оказались на периферии политических процессов в стране. Опыт показывает, что именно они могут послужить пропагандистской машиной для экстремистских политических сил и сепаратистски настроенных региональных лидеров, что станет угрозой политической безопасности Таджикистана. Важной задачей общества и власти на сегодня является сохранение политического равновесия в Таджикистане. В связи с этим необходимо активизировать политическую деятельность всех партий и движений, которые видят Таджикистан демократическим, правовым и светским государством.

Современный Таджикистан с момента обретения независимости прошел сложный, трагический путь: суверенитет – гражданская война – политический консенсус – постконфликтное восстановление. Так схематически можно обозначить процессы, продолжающиеся и по сегодняшний день в Таджикистане. Тенденции к демократизации общества начались с момента подписания межтаджикского соглашения, с претворением которого связаны реальные достижения Таджикистана. Известно, что переход к демократии становится возможным только при наличии целого ряда факторов – экономического, политического, культурного, религиозного, геополитического.

Сегодня меняется вся мировая система ценностей. После окончания периода «холодной войны» многие крупные страны находятся в поиске новых концепций сосуществования. Западные страны в своем движении по пути демократии совершенствуют механизмы общественных отношений в своих странах. Появляются новые парадигмы, которые затрагивают и другие страны. Например, глобализация, которая предполагает жизнь без границ, для которой суверенитет и национальные государства – второстепенные категории. Но для молодых государств бывшего СССР этап становления и укрепления суверенитета

– это сегодняшний день. Они еще не прошли долгий путь наслаждения свободой, осознания своей значимости и исключительности. Но так ли им необходимо проходить этап становления сильного, стабильного государства? Таджикские ученые только начинают исследовать проблемы эффективности и устойчивости молодого государства, общество еще не до конца осознало значимость независимости и необходимость суверенитета. Таджикистан столкнулся с проблемой, когда под давлением международных организаций, западных стран формируется процесс демократизации, при этом не учитывается, что таджикское общество еще не готово к подобному темпу. Мы ставим вопрос иначе: сможет ли Таджикистан закрепить появившиеся элементы демократии в таджикском обществе и создать условия для формирования собственной модели государственного устройства? Это зависит от усилий всего таджикского народа. Или же вернемся к традиционным формам взаимоотношений, характерных для авторитарных систем?

На политическом небосклоне страны сегодня множество партий и движений, большинство из них имеют светскую направленность, и это позитивный момент. Государство создает все возможности для того, чтобы в стране развивался конструктивный политический плюрализм, чтобы не было место идеологии войны, разобщенности и вражды. Поэтому правильнее было бы, чтобы политические организации страны не защищали узкогрупповые интересы, а старались отражать общественные, государственные. Если бедные слои общества, немощные и инвалиды не в состоянии организовать партии, это не значит, что их в обществе не существует и не надо защищать их интересы. Нынешнее руководство Таджикистана старается, чтобы каждый житель республики чувствовал поддержку государства, думал о мире, единстве и созидании.

Многие пытаются представить ситуацию так, будто бы наш народ уже живет в условиях развитого демократического, гражданского общества. Нельзя торопить историю, нельзя перепрыгивать через этапы исторического развития и искусственно подталкивать общество к тому, к чему оно сегодня не готово. Необходимо реально оценить сегодняшние возможности и постепенно, шаг за шагом, без потрясений и революций продвигаться вперед. Политическое развитие общества не должно идти в направлении, разрушающем стабильность в государстве. Безопасность простых граждан дороже всего, и нельзя допустить, чтобы какая-нибудь политическая сила смогла вновь разжечь вражду и ненависть в Таджикистане. Необходимо прививать культуру поиска согласия, культуру единения, культуру созидания.

Ни один мыслитель и ни одно государство в мире на практике еще не доказало, что демократия есть совершеннейший механизм регулирования общественных отношений. Сегодня не существует абсолютных правил на этот счет. Каждый народ идет по своему пути,

отталкиваясь от своих традиций и обычаев. Мы, таджики, также не можем механически применять у себя демократическую систему США, Англии, ФРГ, Франции или России. Наша задача состоит в том, чтобы, не останавливаясь на достигнутом, строить социально справедливое, комфортное и стабильное общество.

Мы не имеем сегодня готовых рецептов устройства общественных отношений, но было бы нерационально отталкиваться и от какой-либо одной из существующих теорий. Теория научного социализма, социал-демократические, религиозные, буржуазные или другие модели построения общества, вокруг которых наша научная интеллигенция ведет споры, в чистом виде на практике неприменимы. Поэтому необходимо разработать для Таджикистана, учитывая специфику традиций и образа жизни, стройную концепцию развития общественных отношений в XXI в. Основные принципы, которые мы уже заложили, – патриотизм, политический плюрализм, социальная справедливость и демократизация политических и экономических отношений.

Таджикистан должен вступить в эпоху поднятия экономики на уровень современных достижений научно-технического прогресса. Без существенных сдвигов в экономике, оставаясь на уровне бесконечных политических дискуссий, от которых народ устал, Таджикистан не сможет совершенствовать свое государственное развитие. Необходима стабильная экономическая система, чтобы народ мог быть спокоен за свое материальное положение и будущее.

Современное развитие молодого таджикского государства происходит в условиях становления и реализации концепции глобализации. В основе ее лежат следующие цели: интенсивный рост экономик государств, повышение уровня жизни, новые возможности. Но глобализация таит в себе определенные трудности и опасности для государств, которые еще не обрели опыт суверенного развития. Об этом говорил Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан: «Преступность, наркотики, терроризм, загрязнение среды, болезни, оружие, беженцы, мигранты – все это передвигается туда и сюда более быстрыми темпами и в больших объемах, чем в прошлом»⁹. Эти угрозы в центре внимания Президента Республики Таджикистан, в своих выступлениях он постоянно отмечает, что проблемы наркотиков, терроризма, экологии далеко не узорегионального характера, они затрагивают многие государства мира.

Немаловажное значение могут иметь и внешнеполитические факторы, которые определяют степень открытости таджикского общества мировому сообществу. Чем больше Таджикистан будет вовлечен в демократические структуры мирового сообщества, тем больше у страны возможностей не выходить за рамки демократических принципов политического благоустройства общества. Открытость общества будет

⁹ Резюме доклада Генерального секретаря ООН Кофи Аннана/Бизнес и политика. 2000. № 15.

зависеть от степени влияния и авторитета международных организаций и уровня готовности властей в стране воспринимать цивилизованные методы общественного устройства. Международное сообщество определило шесть ценностей, «которые имеют актуальное значение в новом столетии: свобода; равенство и солидарность; терпимость; отказ от насилия; уважение к природе; и совместная ответственность»¹⁰. Все вышеперечисленные ценности рассматриваются в работе. Таким образом, перспективы демократизации таджикского общества зависят как от внутривнутриполитических, так и от внешнеполитических факторов.

Демократизация политического пространства Таджикистана будет определяться ходом экономических реформ и достижений страны. Государство, которое сможет за определенный период уменьшить безработицу, обеспечит справедливую приватизацию, поднимет уровень материальной обеспеченности и социальной защиты населения, вправе ожидать позитивного к себе отношения со стороны народа.

Таким образом, по какому пути развиваться Таджикистану, полностью зависит от результатов реформ в экономике и деятельности современной политической элиты страны, поэтому «важно проанализировать свое далекое и недавнее прошлое, почерпнуть из истории уроки, определить свое место и роль в мировом сообществе»¹¹.

¹⁰ Резюме доклада Генерального секретаря ООН Кофи Аннана/Бизнес и политика. 2000. № 15.

¹¹ Рахмонов Э. Таджики в зеркале истории. Книга 1. От арийцев до Саманидов. Лондон, 1999. С. 216.

Suchrob Scharipow

DIE POLITIK TADSCHIKISTANS

Ihr Recht auf Selbstbestimmung nahm die Republik Tadschikistan durch die Unabhängigkeitserklärung wahr, die vom Obersten Rat am 9. September 1991 verabschiedet wurde. In dieser Erklärung heißt es, dass «die Republik Tadschikistan sich zur Treue völkerrechtlicher Prinzipien und den Grundsätzen der Freundschaft und der Zusammenarbeit bekennt sowie zur Erfüllung unterzeichneter Verträge verpflichtet.» Gemäß der Unabhängigkeitserklärung ist das Territorium der Republik Tadschikistan unteilbar, es gilt die Verfassung. Das tadschikische Territorium ist unantastbar. Am 2. März 1992 wurde Tadschikistan Mitglied der UNO.

Eine Verfassung gab sich die Republik Tadschikistan am 6. November 1994. Darin ist festgehalten, dass Tadschikistan ein unabhängiger und demokratischer Rechts- und Säkularstaat ist. Es befindet sich auf dem Wege zu einer Verfassungsordnung, in der die drei Gewalten Legislative, Exekutive und Judikative etabliert sind und die Staatsbürger ihre Verfassungsrechte wahrnehmen können. In diesem Zusammenhang fanden im September 1999 und im Juni 2003 zwei Volksentscheide über eine Änderung und Ergänzung der tadschikischen Verfassung statt.

Die Anfänge des unabhängigen tadschikischen Staates wurde durch den Bürgerkrieg (1992 bis 1997) stark erschwert. Er unterschied sich von vergleichbaren Konflikten im postsowjetischen Raum vor allem dadurch, dass er innerhalb des tadschikischen Volkes ausgetragen wurde. Die Kriege in Aserbaidschan, Moldawien, Georgien, Armenien und Russland beruhten dagegen auf ethnischen Gegensätzen und Territorialforderungen. Außerdem gelang es den Kriegsparteien in Tadschikistan, die Bildung neuer territorialpolitischer Einheiten wie Berg-Karabach in Armenien, die so genannte Dnjestr-Republik in Moldawien und Abchasien in Georgien zu verhindern.

Im tadschikischen Fall wäre die Zerstörung der Staatlichkeit dem Untergang der tadschikischen Nation gleichgekommen, und das begriffen beide Kriegsparteien sehr wohl. Gewissermaßen löste diese Erkenntnis einen Impuls aus, der die einander gegenüberstehenden Konfliktfronten dazu zwang, sich an den Verhandlungstisch zu setzen und die Macht zu teilen. Es kam zur Unterzeichnung des gemeinsamen Abkommens über Frieden und nationale Einheit. Die Kommission für Nationale Versöhnung wurde gegründet. Tadschikistan begann sich erst mit der Unterzeichnung dieses Abkommens von Schock und Chaos des Bürgerkrieges langsam zu erholen.

Der Reformprozess setzte dann in allen Bereichen des öffentlichen Lebens ein. Von 1997 bis Anfang 2000 wurde das politische, wirtschaftliche

und soziale Klima in Tadschikistan vom Prozess der Verwirklichung des Friedensabkommens geprägt. Viele Tadschiken erkannten, dass politische Stabilität für den Erfolg der Demokratie eine entscheidende Voraussetzung ist und nur dann erzielt werden kann, wenn Reformen durchgeführt werden und der Staat fähig ist, das Land zu regieren.

Der Friedensprozess nahm an Tempo zu und bewirkte wesentliche Veränderungen im wirtschaftlichen, sozialen und kulturellen Leben des tadschikischen Volkes. Die Schaffung gleicher Möglichkeiten für alle tadschikischen Staatsbürger war ohne eine Reform des politischen Systems undenkbar. Während der beiden Jahre ihrer Tätigkeit vermochte die Kommission für Nationale Versöhnung vieles zu erreichen: 30 Prozent aller Posten in öffentlichen Ämtern wurden mit Vertretern der vereinten tadschikischen Opposition besetzt; der erste stellvertretende Premierminister Hodscha Akbar Turadschonsoda, der zweite stellvertretende Premierminister Zokir Vasirow und acht Minister wurden von der Opposition gestellt. Mehrere öffentliche Ämter in zentralen und lokalen Strukturen der öffentlichen Gewalt bekam ebenfalls die Opposition. Das tadschikische Parlament (Madschlisi Olij) verabschiedete ein Amnestiegesetz, wodurch alle zu Freiheitsstrafen verurteilten Vertreter der Opposition freigelassen wurden. Gleichzeitig vollzog sich der Reintegrations-, Entwaffnungs- und Reformationsprozess innerhalb der bewaffneten Opposition.

Das Parlament verabschiedete ein weiteres Gesetz über politische Parteien und setzte damit Verbote und Beschränkungen für die Tätigkeit oppositioneller Parteien und Bewegungen außer Kraft, zu denen die Partei der Islamischen Wiedergeburt Tadschikistans (PIWT), die Demokratische Partei Tadschikistans (DPT) und die Bewegung Lali-Badachschoh gehörten. Die zentrale Wahlkommission wurde zu einem Viertel mit Oppositionsvertretern neu besetzt. Man verabschiedete ein neues Gesetz über Wahlen zu einem Parlament mit Berufsabgeordneten.

Das tadschikische Parlament, die Madschlisi Olij, besteht aus zwei Kammern: dem Oberhaus (Madschlisi Millij) und dem Unterhaus (Madschlisi Namojandagon).

Die **Madschlisi Namojandagon** wird in allgemeinen, gleichen, direkten, geheimen und gemischten Wahlen (nach dem Prinzip des Mehrheits- und Verhältniswahlrechts) gewählt und kennt keine Parteienquoten (Art. 3, Wahlgesetz). Diese ständige Kammer ist mit Berufsabgeordneten besetzt. Zum Abgeordneten der Madschlisi Namojandagon kann jeder tadschikische Staatsangehörige gewählt werden, der mindestens 25 Jahre alt ist, sowie einen Hochschulabschluss und seit mindestens fünf Jahren die tadschikische Staatsangehörigkeit besitzt. Die Madschlisi Namojandagon besteht aus 63 Abgeordneten, die sich wie folgt aufteilen:

- 65 Prozent der Abgeordneten (41 Personen) werden in Wahlkreisen direkt gewählt;

- 35 Prozent der Abgeordneten (22 Personen) werden nach Parteilisten gewählt.

Die Abgeordneten sind auf fünf Jahre gewählt. Politische Parteien können ihre Kandidaten für das Parlament aufstellen; einzelne Personen sich selbst als Kandidat nominieren. Parteien, die ihre Kandidaten aufstellen, müssen im Justizministerium registriert sein. Das Aufstellungsverfahren ist einfach. In ihren Parteikonferenzen wählen die Parteien Kandidaten aus und reichen die Namenslisten bei der zentralen Wahlkommission ein. Sollte sich eine Person um einen Abgeordnetenposten bewerben wollen, so muss sie mindestens 500 Unterschriften innerhalb ihres jeweiligen Wahlkreises sammeln. Hierbei ist es den einstigen Kommandeuren des Bürgerkrieges nicht gestattet, als Kandidat an Parlamentswahlen teilzunehmen. Diese gesetzliche Beschränkung erwies sich als sehr nützlich für den Neuanfang nach dem Bürgerkrieg.

So wurden in der Verfassung Beschränkungsklauseln für die Parlamentswahlen verankert, kraft derer einzelne Personen nicht in die gesetzgebende Versammlung einziehen können. Art. 33 des Wahlgesetzes besagt, dass folgende Personen nicht berechtigt sind, als Abgeordnete für das Parlament zu kandidieren:

- wer nicht die Anforderungen der Verfassung und des Wahlgesetzes erfüllt;
- wer vom Gericht als geschäftsunfähig anerkannt wurde oder sich im Strafvollzug befindet;
- wer Wehrdienst leistet, also Soldaten, Heerespersonal, Personal des Sicherheitsministeriums, des Innenministeriums, des Katastrophenschutzministeriums, der Präsidialgarde, Berufssoldaten und Offiziere;
- wer Angestellter einer religiösen Organisationen und Vereinigungen ist.

Auf der einen Seite können diese Beschränkungen als Menschenrechtsverletzungen empfunden werden, auf der anderen Seite jedoch müssen spezifische Besonderheiten nach dem Bürgerkrieg in Tadschikistan berücksichtigt werden. Nicht zuletzt spielte die Sicherheit der Abgeordneten bei diesen Entscheidungen eine Rolle. Der beendete Bürgerkrieg gab mehreren sehr einflussreichen Warlords die Möglichkeit, Ansprüche auf Mitbestimmung im politischen Entscheidungsprozess geltend zu machen. Hätte das Wahlgesetz dies ermöglicht, so hätten Intellektuelle und Wissenschaftler ihr Verfassungsrecht kaum wahrnehmen können, ins Parlament gewählt zu werden. Diese Restriktionsklausel im Wahlgesetz ist darauf gerichtet, dass das Heer, die Ordnungs- und die Sicherheitsbehörden der zivilen Staatsführung unterstehen. Damit scheint diese Beschränkung für die Förderung der Demokratisierungsprozesse in Tadschikistan relevant. Die ersten Wahlen zu Madschlisi Namojandagon fanden am 27. Februar 2000 statt.

Die **Madschlisi Millij** setzt sich zu einem Viertel aus Abgeordneten zusammen, die vom Staatspräsidenten ernannt werden. Kandidaten für

die Wahlen zur Madschlisi Millij können durch Abgeordnetenversammlungen auf der Regional-, Stadt- und Bezirksebene aufgestellt werden. Zu Parlamentsmitgliedern im Oberhaus werden jeweils fünf Abgeordnete der Regionen Berg-Badachschan, Sughd, Chatlon und Karotegin sowie der größeren Bezirke und der Stadt Duschanbe gewählt. Zum Abgeordneten der Madschlisi Millij kann jeder gewählt oder ernannt werden, der sein 35. Lebensjahr vollendet hat, einen Hochschulabschluss und seit mindestens sieben Jahren die tadschikische Staatsangehörigkeit besitzt. Die Madschlisi Millij besteht aus 33 Abgeordneten, davon werden

- 25 Abgeordnete von den Abgeordnetenversammlungen in den Bezirken gewählt und
- 8 Abgeordnete vom tadschikischen Staatspräsidenten ernannt.

Auf Wunsch erhält jeder Altpräsident Tadschikistans einen Abgeordnetensitz in der Madschlisi Millij auf Lebenszeit. Die Wahlen zur ersten Madschlisi Millij fanden am 23. März 2000 statt.

Art. 8 der tadschikischen Verfassung besagt, dass «dass das öffentliche Leben in Tadschikistan durch Pluralismus gekennzeichnet ist. Keine Ideologie einschließlich religiöser Gesinnungen darf als Staatsideologie oder -religion gelten. Religiöse Organisationen sind vom Staat getrennt und dürfen sich nicht in öffentliche Angelegenheiten einmischen. Verboten ist die Gründung und Tätigkeit öffentlicher Vereinigungen, die Rassenhass, nationale, soziale und religiöse Feindseligkeit propagieren oder zu einem gewaltsamen Sturz der bestehenden Verfassungsordnung aufrufen.»

Die Tätigkeit politischer Parteien wird durch das Parteiengesetz geregelt, das 1999 verabschiedet wurde. In Tadschikistan sind sechs politische Parteien registriert. Sie können von den Bürgerinnen und Bürgern frei und ohne jede Genehmigungspflicht in einer konstituierenden Versammlung gegründet werden, die eine Parteisatzung verabschiedet und den Vorstand wählt. Zur amtlichen Anerkennung benötigen Parteien Listen mit mindestens 1000 Unterschriften ihrer Anhänger, die alle in tadschikischen Städten und Gemeinden wohnhaft sein müssen. Nachdem die Partei im Justizministerium registriert wurde, muss sie ihre Parteiorgane in den meisten Regionen, Städten und Kreisen innerhalb von drei Monaten gründen.

Die politischen Parteien stellen ihre Kandidaten für die Parlaments- und Kommunalwahlen sowie für die Besetzung öffentlicher Ämter auf und bilden Fraktionen in den verschiedenen Organen. In Tadschikistan ist die Partei der Islamischen Wiedergeburt aktiv, die einzige ihrer Art in der zentralasiatischen Region. Dennoch ist die Religion vom Staat getrennt und politische Parteien mit einem religiösen Profil dürfen keine religiösen Einrichtungen für politische Zwecke nutzen. Außerdem ist es Parteien nicht erlaubt, eigene Vertretungen innerhalb der Verwaltung zu bilden und Beamte des Staates müssen ihre Parteifunktionen außerhalb ihres Dienstbereichs wahrnehmen.

Der politische Pluralismus in der tadschikischen Gesellschaft erlaubt es unterschiedlichen Parteien und Bewegungen, sich im politischen Umfeld des Staates zu betätigen. Es ist notwendig, die politischen Strukturen zu analysieren, denn sie spielen eine große Rolle im politischen Leben eines Landes. Außerdem ist es wichtig, die Gegensätze zu erkennen «zwischen einzelnen ethnischen und religiösen Gruppen sowie zwischen den Verfechtern von Recht und Gesetz sowie der Staatsordnung und denjenigen politischen Kräften, die an Staatswillkür und Anarchie interessiert sind. Andererseits lassen sich durch die einer Parteiengründung zugrundeliegenden Gesellschaftskonflikte die Entstehungsursachen, Zusammensetzungen, Ziele und Aufgaben politischer Parteien umfassender begreifen».¹

Die Entstehung der Parteien in Tadschikistan geht auf die gegensätzlichen politischen Interessen unterschiedlicher Gesellschaftsgruppen zurück, die sich nach der Auflösung der Sowjetunion herausbildeten. In der Entstehungsphase der tadschikischen Parteienlandschaft fehlte die politische Erfahrung mit der Konsensfindung bei sozialen und politischen Fragen. Das war mit ein Grund für den Ausbruch des Bürgerkriegs. Nach der Unterzeichnung des Friedensabkommens wurden weitere säkulare und religiöse Parteien gegründet.

Folgende Parteien sind im Justizministerium registriert und können an Parlaments- und Kommunalwahlen teilnehmen:

1. Demokratische Partei
2. Partei der Islamischen Wiedergeburt Tadschikistans
3. Kommunistische Partei
4. Demokratische Volkspartei
5. Sozialistische Partei
6. Sozialdemokratische Partei
7. Partei der Wirtschaftsreformen
8. Agrarpartei Tadschikistans

Erst in der nächsten Generation wird sich zeigen, welche Parteien die Entwicklung im Staat entscheidend beeinflusst haben und eine maßgebliche politische Kraft bildeten. Es soll untersucht werden, welche parteipolitischen Strukturen sich 15 Jahre nach der Unabhängigkeit herausgebildet haben. Deshalb wird auf die Parteien einzeln eingegangen, um ihren Stellenwert innerhalb der politischen Landschaft zu beschreiben. So lassen sich verschiedene Möglichkeiten der künftigen politischen Entwicklung Tadschikistans aufzeigen.

¹ W. Pugatschow: Politikwissenschaft, 1999, Seite 354.

Die **Demokratische Volkspartei Tadschikistans (DVPT)** wurde während des 3. Parteitages im Juni 1997 umbenannt. Zuvor hieß sie Volkspartei Tadschikistans und wurde am 10. Dezember 1994 konstituiert. Am 1. Januar 2000 zählte die DVPT über 70.000 Mitglieder. Die DVPT stellt die meisten Abgeordneten im tadschikischen Parlament. Sie übt die Macht im Staate aus, auch deshalb, weil ihr Vorsitzender Staatspräsident Emomali Rachmonow ist. Seit er zum Parteivorsitzenden gewählt wurde, nehmen der Einfluss und das Ansehen der DVPT landesweit zu. Als einen Schwerpunkt ihrer Arbeit betrachtet die Partei den Aufbau eines stabilen und demokratischen Nationalstaates. Die DVPT ist eine der wenigen Parteien, die Patriotismus offen propagiert. Ihren ersten politischen Sieg erkämpfte sich die Partei bei den Präsidentenwahlen, als Rachmonow siegte und zum Staatspräsidenten ernannt wurde. Weitere Erfolge erzielte die Partei bei den Parlamentswahlen 2000 und 2005, als 65 Prozent ihrer Kandidaten über die Parteiliste Abgeordnetenmandate erhielten. Die DVPT stellte jeweils 22 Kandidaten nach Parteilisten im Jahre 2000 und 18 Kandidaten im Jahre 2005 sowie über 70 Prozent der direkt wählbaren Kandidaten auf.

Nach Parteilisten wurden nicht nur Parteipolitiker, sondern auch Parteilose und frühere Mitglieder der Vereinigten Tadschikischen Opposition zu Parlamentsabgeordneten gewählt. Gleichwohl warf man der Partei unsaubere Wahlführung und Unstimmigkeiten bei der Stimmenauszählung vor. Dabei sollte man beachten, dass eine junge Demokratie nicht sofort ein vollkommenes Wahlsystem und -recht hat oder implementiert. Generell existiert kein vollkommenes Wahlsystem oder Wahlrecht. So gibt sich der Verlierer nie mit dem Wahlergebnis einverstanden und ruft seine Wähler zum Widerstand auf. In europäischen Staaten wird dieses Problem auf zivilisiertem Wege gelöst. In Tadschikistan aber kommt es immer wieder zu Emotionen auf der Verliererseite, die sich in ein nationales Drama ausweiten können.

Der Sieg des Parteivorsitzenden Rachmonow bei den Präsidentenwahlen und der Erfolg der Partei bei den Parlamentswahlen sowie die Tatsache, dass die Parteilite aus Berufspolitikern besteht, zeigen, dass diese Partei eine wesentliche Rolle im politischen Geschehen Tadschikistans spielt und auch in Zukunft spielen wird.

Die zweitstärkste Partei, die die Politik in Tadschikistan entscheidend mitbeeinflusst, ist die **Kommunistische Partei Tadschikistans (KPT)**. Die KPT ist eine der ältesten politischen Parteien in Tadschikistan und wurde am 25. November 1929 gegründet. In der Sowjetunion war sie ein Bestandteil der Kommunistischen Partei der Sowjetunion (KPdSU). Mit der Unabhängigkeit wurde die KPT im Justizministerium am 17. März 1992 registriert. Ihre Mitgliederzahl wird auf 70.000 Personen geschätzt. Der Vorsitzende ist Schodi Schabdolow. Die Spitzenpolitiker sind Minister, Parlamentsmitglieder und Verwaltungschefs auf Regional- und Bezirksebene. Die Partei verfügt über ein breites Netzwerk an regionalen Verbänden. Die Kommunisten haben erhebliches Gewicht in der Parteienlandschaft. Zur Anhängerschaft

gehören Wissenschaftler und Intellektuelle sowie Arbeiter und Bauern, in deren Augen die KPT die lichte kommunistische Vergangenheit verkörpert. Ihre Führungspolitiker betrachten die Idee der Wiedergeburt der Sowjetunion als ihr Ziel, sind aber nicht radikal. Nach der Parteiliste schafften es fünf Kommunisten, ins Parlament einzuziehen, weitere acht wurden direkt gewählt. Somit ist die KPT die zweitstärkste Partei im Parlament. Sie bleibt eine ernstzunehmende politische Größe.

Eine der wichtigsten Kräfte war lange Zeit die Vereinigte Tadschikische Opposition (VTO). Seit ihrer Gründung im Jahre 1993 bis zum November 1999 bestand die VTO aus folgenden politischen Parteien und öffentlichen Bewegungen, aus der Partei der Islamischen Wiedergeburt, der Demokratischen Partei sowie aus den Bewegungen «Rastochez» und «Lali Badachscho». 1998 stieß die Partei der politischen und wirtschaftlichen Erneuerung zur Opposition. Doch dann kam es zu einem Zerwürfnis: Die Demokratische Partei trat aus, und die Bewegung «Rastochez» sowie die Partei der politischen und wirtschaftlichen Erneuerung lösten sich selbständig auf. Im Folgenden sollen die ehemaligen Mitgliedsorganisationen der VTO vorgestellt werden:

Die **Partei der islamischen Wiedergeburt Tadschikistans (PIWT)** wurde im Oktober 1990 ins Leben gerufen und am 4. Dezember 1991 registriert. Die PIWT, einzige Partei mit politischer Islamideologie in der zentralasiatischen Region, war einer der Initiatoren der Kundgebungen in Duschanbe, die zwischen März und Mai 1992 stattfanden. Es folgte die Bildung einer Regierung der Nationalen Einheit, in der auch die PIWT vertreten war. Dennoch brach der Bürgerkrieg kurz nach diesen politischen Wirren aus. Die Führung setzte sich nach Afghanistan ab und gründete dort die Vereinigte Tadschikische Opposition mit. Das Oberste Gericht Tadschikistans verhängte daraufhin ein einstweiliges Verbot der PIWT.

Im April 1994 nahmen die gegnerischen Seiten im Bürgerkriegskonflikt erste Kontakte auf und starteten Verhandlungen. Diese dauerten bis 27. Juni 1997 und endeten mit einem gemeinsamen Abkommen über Frieden und nationale Einheit, das zwischen der tadschikischen Regierung und der Opposition in Moskau unterzeichnet wurde. Nach dem Friedensabkommen wurden alle politischen Strukturen der Vereinigten Tadschikischen Opposition einschließlich der PIWT legalisiert.

Offiziell durfte die PIWT ihre Tätigkeit wieder ab August 1999 ausüben. Die islamischen Politiker verpflichteten sich bei ihren Aktivitäten zur Verfassungs- und Gesetzestreue. Art. 4 des Parteiengesetzes legt gewisse Einschränkungen für die Gründung und Tätigkeit politischer Parteien fest und besagt, dass «politische Parteien und ihre Mitglieder für Geschäftszwecke religiöse Einrichtungen nicht in Anspruch nehmen dürfen.²

² Informationsblatt des tadschikischen Parlaments, Duschanbe 1998, Heft 22, Seite 113.

Die PIWT tauschte ihre Führungsriege aus und wählte Said Abdullo Nuri zu ihrem Vorsitzenden. Sie nahm an den Parlamentswahlen 2000 und 2005 teil und stellte ihre Kandidaten sowohl nach Parteilisten als auch für die Direktwahlen in den Wahlkreisen auf. Die PIWT konnte die Sieben-Prozent-Hürde überspringen und zwei ihrer Kandidaten ins Parlament bringen. In Wahlkreisen erhielten die Direktkandidaten nur wenige Stimmen. Die im Friedensabkommen 1997 vereinbarten 30 Prozent der Posten in öffentlichen Ämtern und dem Kabinett, die von VTO-Vertretern bekleidet werden sollten, überstieg bei weitem das verfügbare politische Potenzial dieser Partei. Differenzen in der Parteiführung belasteten die Akzeptanz der Partei in der Öffentlichkeit. Doch die PIWT spielt nach wie vor eine wesentliche Rolle in der tadschikischen Politik.

Die **Demokratische Partei Tadschikistans (DPT)** war früher eine wesentliche politische Kraft im Land. Heute ist sie gespalten und ihr Vorsitzender Mahmadrusi Iskandarow steht unter Anklage. Die DPT wurde als eine der ersten politischen Parteien am 10. August 1990, also noch zu Sowjetzeiten, gegründet und am 21. Juni 1991 registriert. Sie trat gegen die Monopolstellung der KPdSU im öffentlichen Leben ein. Mit der Unabhängigkeit blieb die DPT unverändert in der Opposition. Gemeinsam mit der IPWT organisierte sie die Frühjahrsproteste 1992 in Duschanbe. Danach setzte sich die DPT nach Afghanistan ab und gründete gemeinsam mit der PIWT die Vereinigte Tadschikische Opposition. Doch im Exil entzweite sich die DPT-Führung. Laut Parteiengesetz dürfen nicht zwei politische Parteien unter einem Namen agieren. Eine der beiden Fraktionen wurde vom Justizministerium registriert. Dennoch vermochte es die Partei nicht, Abgeordnete ins Parlament wählen zu lassen.

Die **Sozialistische Partei Tadschikistans (SPT)** war einer der Vorreiter in der Politik und beteiligte sich sehr aktiv an den Entwicklungsprozessen Ende der 90er Jahre. Die Partei wurde am 6. August 1996 im Justizministerium registriert. Mit der Ermordung ihres Vorsitzenden Safarali Kendschajew, eines angesehenen tadschikischen Politikers, Anfang 1999, begann ihr Abstieg. Seitdem nehmen innere Unstimmigkeiten die Partei in Anspruch. Die SPT durchlebt schwierige Zeiten.

Im März 1998 wurde die **Sozialdemokratische Partei Tadschikistans (SDP)** unter dem Namen «Partei der Gerechtigkeit und Entwicklung» konstituiert und 1999 im Justizministerium registriert. Im selben Jahr erhob das Justizministerium Anklage und forderte ein einstweiliges Verbot der SDP. Ohne erkenntlichen Grund erklärte das Oberste Gericht die Registrierung für ungültig und verpflichtete den Parteivorstand und das Justizministerium, die Registrierung zu wiederholen. Unter ihrem neuen Namen wurde die Partei am 20. Dezember 2002 dann registriert. Der Parteivorsitzende ist R. Soirow. Die **Partei der Wirtschaftsreformen** und die **Agrarpartei Tadschikistans** wurden erst 2005 registriert und besitzen

noch kein ausreichendes Profil oder Popularität, um in der Politik Einfluss auszuüben.

Der Aufbau des Parteiengefüges ist in Tadschikistan noch nicht abgeschlossen. «Ohne Zweifel prägen die Besonderheiten der sozialen und kulturellen Entwicklung, historische Traditionen, demographische und kulturethnische Abläufe sowie religiöse Gegebenheiten den Werdegang und das Bild der Parteien. Das beweist auch die kurzfristige Erfahrung im Aufbau eines Mehrparteiensystems in Tadschikistan.³

So vollzieht sich ein Wechsel der politischen Paradigmen. Mit der Unterzeichnung des tadschikischen Friedensabkommens 1997 in Moskau konsolidierte sich die Lage innerhalb der tadschikischen Politik, Gesellschaft und Wirtschaft. Ausländische und tadschikische Politik- und Sozialwissenschaftler gingen lange davon aus, dass die politische Entwicklung im Lande von Clan-Strukturen in den Regionen und Bezirken abhängt. Die Regionalinteressen treten derweil allmählich in den Hintergrund. Mehr Augenmerk wird dagegen auf nationale Interessen gelegt. Partikularinteressen bleiben bestehen, aber die Führungsrolle in der Entwicklung des Staates übernehmen die landesweit agierenden Parteien und Bewegungen. Das schließt nicht aus, dass die Eliten aus den Regionen in leitenden Positionen der Parteien vertreten sind.

Bis auf wenige Ausnahmen besitzen alle Parteien eine regionale Komponente und verfolgen dort ihre Programme. Die DVPT, die KPT, die PIWT und zum Teil die DPT sind landesweit vertreten und von Regionalinteressen weniger abhängig. Das verabschiedete Parteiengesetz und das Wahlgesetz festigten die rechtliche Stellung der politischen Parteien in der Gesellschaft.

Die Ergebnisse der Parlamentswahlen 2005 zeigten, dass vor allem drei Parteien das politische Geschehen in unterschiedlichem Maße mitsteuern können, und zwar die DVPT, die KPT und die PIWT. Die DVPT besitzt die Macht im Staat und regiert das Land. Die Kommunisten wurden von der Staatsmacht eigentlich nie als eine ernsthafte Oppositionspartei wahrgenommen, denn sie stellen überwiegend die Parteiverwaltungskader. Die PIWT ist eine wahre Oppositionspartei und wird auch von der Regierung so empfunden. Eine Radikalisierung oder Spaltung ist nicht ausgeschlossen. Zum ersten Flügel würden dann die Regierungsbefürworter, zum zweiten gemäßigte konstruktive Oppositionelle und zum dritten Radikale gehören.

Junge politische Parteien, die über nur wenige Erfahrungen verfügen, werden vom Staat nicht ernst genommen. Die staatlichen Machtstrukturen sollten aber gerade mit jungen politischen Parteien in Kontakt treten, die am Rande des politischen Geschehens stehen. Die Erfahrung zeigt,

³ R. Soirov: Grundsätze des Mehrparteiensystems in Tadschikistan / Informationsblatt NAPT, Ausgabe 3 (15), September 2000, Seite 4.

dass solche Parteien von radikalen politischen Kräften oder regionalen Separatisten benutzt werden und so eine Gefahr für die politische Stabilität darstellen. Daher gilt es, politische Aktivitäten aller Parteien und öffentlicher Bewegungen im Lande zu aktivieren, die eine demokratische, rechtsstaatliche und säkulare Zukunft für Tadschikistan anstreben.

Nach der Unabhängigkeit legte Tadschikistan einen dornigen Weg zurück. Die Unabhängigkeit, der Bürgerkrieg, der politische Konsens und der Wiederaufbau nach dem Konflikt sind seine Meilensteine. Die neueste Geschichte Tadschikistans lässt sich in Kürze zusammenfassend so darstellen: Die ersten Tendenzen zur Demokratisierung der tadschikischen Gesellschaft gab es kurz nach der Unterzeichnung des Friedensabkommens von 1997.

Mit dem Ende des Kalten Krieges vollzog sich weltweit ein Wertewandel und auch viele größere Mächte begaben sich auf die Suche nach neuen Konzepten. Auf ihrem demokratischen Wege verbessern die europäischen Staaten ihre Instrumente zur Steuerung gesellschaftlicher Prozesse. Dabei entstanden neue Paradigmen, die auch andere Staaten einbeziehen. Es scheint, dass der Leitgedanke der Globalisierung in der Abschaffung der Staatsgrenzen besteht und die Begriffe Souveränität und Nationalstaat als zweitrangig eingestuft werden. Doch gerade die Festigung der eigenen Staatsordnung und Souveränität beschäftigt die postsowjetischen Staaten im Moment.

Denn sie wollen ihre gerade gewonnene Unabhängigkeit genießen, ihre nationale Souveränität ausleben. So stellt sich die Frage, ob der Weg zu einem starken und stabilen Staat überhaupt notwendig ist. Tadschikische Wissenschaftler diskutierten erst kürzlich Effizienz- und Stabilitätsprobleme ihres neugegründeten Staates. Die Gesellschaft hatte bislang nicht erkannt, wie wichtig die Unabhängigkeit und wie notwendig die Souveränität ist. Tadschikistan wird damit konfrontiert, demokratische Prinzipien auf Druck internationaler Organisationen und westlicher Staaten rasch zu implementieren. Dabei ist die tadschikische Gesellschaft noch nicht einmal bereit, das bisher vorgegebene Tempo zu halten. Kann Tadschikistan, so lautet die entscheidende Frage, die demokratischen Ansätze in der Gesellschaft aufrechterhalten und ein eigenes Modell der Staatsordnung entwickeln? Oder wird der Staat wieder zu traditionellen Instrumenten eines autoritären Systems zurückkehren? 15 Jahre nach der Unabhängigkeit unternimmt Tadschikistan kleine aber sichere Schritte in Richtung demokratischer Reformen und baut am verfassungsrechtlichen Fundament. Ob das aber reicht?

Der Staat schafft zur Zeit alle Voraussetzungen für die Entwicklung eines konstruktiven politischen Pluralismus, um militanten, separatistischen und antagonistischen Ideologien keine Chance zu geben.

So zu tun, als ob Tadschikistan bereits eine entwickelte Demokratie und eine Zivilgesellschaft aufgebaut hat, wäre falsch. Man sollte aber

der Geschichte ihren Lauf lassen und nichts überstürzen, denn einzelne historische Entwicklungsstufen lassen sich nicht einfach überspringen. Für die Gesellschaft ergeben sich sonst Probleme, zu deren Lösung sie noch nicht bereit und fähig ist. Die Tadschiken müssen ihre Möglichkeiten objektiv einschätzen und ohne Erschütterungen und Aufstände schrittweise vorwärts gehen. Die Gesellschaft sollte sich politisch so entwickeln, dass die Stabilität im Staat nicht gefährdet wird. Die Rechtssicherheit der Menschen ist der größte Wert und der Staat darf nicht zulassen, dass politische Kräfte es nochmals schaffen, Feindseligkeiten und Hass in Tadschikistan zu schüren. Deshalb muss gelernt werden, dass Kompromissfähigkeit, die Einheit des Staates und der Fortschritt die wichtigsten Prinzipien sein sollten.

Kein Wissenschaftler und kein Staat weltweit konnten in der Praxis beweisen, dass Demokratie das vollkommene Instrument zur Steuerung gesellschaftlicher Abläufe ist. Absolut geltende Regeln und Richtlinien über die Führung von Gesellschaften sind bisher nicht entwickelt worden. Jede Nation geht ihren Weg und stützt sich dabei auf eigene Traditionen und Bräuche. Auch Tadschiken kann man nicht zumuten, dass sie ein fremdes demokratisches Staatssystem, beispielsweise der USA, Großbritanniens, Deutschlands, Russlands oder Frankreichs, so ohne weiteres übernehmen. Aber Tadschikistan darf sich nicht mit bereits Erreichtem begnügen, sondern muss weiter an einem Staat bauen, in dem sich die Bürger sicher und wohl fühlen.

Die Theorie des wissenschaftlichen Sozialismus sowie die sozialdemokratischen, religiösen und bürgerlichen Konzepte von Gesellschaftsordnungen, über deren Vor und Nachteile tadschikische Wissenschaftler und Intellektuelle heute streiten, sind in ihrer Reinform nicht anwendbar. Deswegen sollte ein fundamentales Konzept über die Entwicklung der gesellschaftlichen Verhältnisse für das Tadschikistan des 21. Jahrhunderts unter Berücksichtigung seiner spezifischen Traditions- und Lebensbedingungen entwickelt werden. Die Grundsteine – Patriotismus, politischer Pluralismus, soziale Gerechtigkeit und demokratische Strukturen für alle politischen und wirtschaftlichen Beziehungen – wurden bereits gelegt.

Das 21. Jahrhundert soll für Tadschikistan eine Ära des Wirtschaftsaufschwungs werden, in der die Volkswirtschaft auf einen modernen technischen Stand gebracht wird. Ohne eine greifbare Entwicklung der Wirtschaft wird es nur inhaltsleere politische Diskussionen geben, von denen die Menschen ohnehin überfordert sind. Daher bedarf es eines stabilen Wirtschaftssystems.

Die heutige Entwicklung des jungen tadschikischen Staates erfolgt in der Zeit der Globalisierung. Dem Konzept der Globalisierung liegt das Streben nach verstärktem nationalen Wirtschaftswachstum, einer Erhöhung des Lebensstandards, sowie neuen Chancen und Perspektiven zugrunde. Dennoch birgt die Globalisierung gewisse Schwierigkeiten und Gefahren für die Nationen, die im Bereich Unabhängigkeit und Souveränität noch

unerfahren sind. Davon sprach auch UNO-Generalsekretär Kofi Annan, als er sagte: «Kriminalität, Drogen, Terrorismus, Umweltverschmutzung, Krankheiten, Waffen, Flüchtlinge und Umsiedler – all das bewegt sich schneller und in größeren Maßstäben als je zuvor.»

Nicht zu unterschätzen sind dabei auch die außenpolitischen Faktoren, an denen der Grad der Offenheit der tadschikischen Gesellschaft gegenüber der Weltgemeinschaft gemessen wird. Je stärker Tadschikistan in die demokratischen Strukturen der internationalen Gemeinschaft eingebunden ist, desto strikter wird es demokratische Prinzipien einhalten. Die Aufgeschlossenheit der tadschikischen Gesellschaft wird auch vom Einfluss internationaler Organisationen sowie von der Bereitschaft der Staatsmacht abhängen, eine Zivilgesellschaft aufzubauen. Die internationale Gemeinschaft definiert insgesamt sechs Werte, «die von besonderer Tragweite im neuen Jahrhundert sind: Freiheit, Gleichberechtigung, Solidarität, Toleranz, Gewaltverzicht, Naturschutz und gemeinschaftliche Verantwortung.»

Die Demokratisierung des politischen Lebens Tadschikistans wird durch eine Umsetzung der Wirtschaftsreformen und die Leistungen des Staates geprägt. Nur ein Staat, der es kurzfristig schafft, die Arbeitslosenrate zu senken, eine möglichst gerechte Privatisierung des öffentlichen Vermögens zu gewährleisten und das Einkommensniveau und den Lebensstandard seiner Bürger zu erhöhen, kann sich das Vertrauen seines Volkes sichern. Dabei ist es unentbehrlich, dass man «seine alte und neue Geschichte aufarbeitet und aus ihr lernt, um seinen Platz und die Rolle in der internationalen Gemeinschaft zu bestimmen».⁴

⁴ E. Rachmonow: Tadschiken im Siegel der Geschichte, Buch 1. Von den Ariern bis zu den Samaniden, London. 1999, Seite 216.

*Куляб, Таджикистан
Kuljab, Tadschikistan*

Ходжимахмад Умаров

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ТАДЖИКИСТАНА

Экономика Таджикистана переживает в настоящее время переходный к рыночным отношениям период. Механизм планового управления экономикой заменяется рыночным. Идет интенсивный процесс адаптации экономики, социальной сферы и самого населения к рыночным отношениям.

Согласно Конституции Республики Таджикистан, в Таджикистане развивается социально ориентированная рыночная экономика. В условиях этой страны другой альтернативы нет. Это связано с очень высокими темпами демографического роста и весьма своеобразной половозрастной структурой населения. Из всех переходных обществ Таджикистан выделяют самые высокие темпы естественного прироста населения и самые высокие темпы рождаемости. За период с 1975 по 2000 г. годовые темпы роста численности населения в стране были равны 2,5%. Для сравнения отметим, что этот показатель составлял: в Туркменистане – 2,4%, Узбекистане – 2,3%, Кыргызстане – 1,5%, в Российской Федерации – лишь 0,6%. Согласно экспертным оценкам, годовые темпы роста численности населения за период 2000–2015 гг. в Таджикистане составят 1,5%.

Хотя за последние 20 лет просматривается четкая тенденция к сокращению рождаемости, тем не менее, показатели остаются в республике высокими. В 1985 г. уровень рождаемости (на 1000 чел.) составлял 39,9, в 1999 г. – 39,1, в 1995 г. – 34,1, в 2004 г. – 27,1 чел. Естественно, прирост населения за отмеченные годы составил, соответственно, 32,9; 33,0; 28,0; 22,1 чел.¹

В Таджикистане наблюдается высокий уровень фертильности женщин. В 1970–1975 гг. этот показатель в среднем составлял 6,8 реб. на одну женщину, в 1995–2004 гг. он снизился до 4,2. Но даже при более значительном снижении плодовитость таджикских женщин останется самой высокой среди женщин стран постсоветского пространства.

Возрастная структура населения также отличается своеобразием. В 2003 г. доля населения в возрасте до 15 лет в общей численности населения составляла 38,5%, а в возрасте 65 лет и старше – 4,7%, т.е. в стране высок удельный вес детей и подростков и низок удельный вес пожилых и старых. Удельный вес трудоспособной категории населения превышает 55%². Это недостаточно высокий уровень, если сравнивать

¹ Расчеты произведены по статистическим ежегодникам Госкомстата Республики Таджикистан с 1970 по 2004 г.

² См.: Доклад о человеческом развитии за 2003 год. ПРООН. Минск, 2004. С. 250–252.

с соответствующими показателями развитых стран. В Швейцарии, к примеру, он достигает 67,3%. Это является свидетельством более высокой трудовой нагрузки населения, т.е. в Таджикистане на меньшую численность трудоспособных приходится большая численность иждивенцев. Продолжительность жизни в стране составляет 68,8 лет, но, согласно экспертным оценкам, к 2015 г. она увеличится до 72,1 лет.

Эти данные говорят о том, что на экономику Таджикистана всегда будет существенно влиять демографическая ситуация, соответственно, в большей степени, чем экономика более развитых стран, она должна быть ориентирована на решение важнейших проблем социального развития.

Еще в советское время Таджикистан относился к категории стран со средним уровнем экономического развития. В период после обретения политической независимости и с переходом к рыночным принципам хозяйствования произошло падение уровня экономического развития страны, и в результате она вошла в категорию бедных стран (см. табл. 1).

Таблица 1. Темпы роста валового внутреннего продукта, %

	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Темпы роста, год к году	94,6	67,7	83,7	78,7	87,6	83,3	101,7	105,3	103,7	108,3	110,2	109,5	110,2
1991 = 100%	200,0	67,7	56,7	44,6	39,1	32,6	33,2	34,9	36,2	39,2	43,2	47,3	52,1

Источник: Статистические ежегодники Республики Таджикистан за 2001 и 2004 гг.

Данные таблицы показывают, что к 1996 г. ВВП Таджикистана сократился более чем в 3 раза. Это было самое глубокое его падение на всем постсоветском пространстве. Причина заключалась не только в трансформационном спаде, но и в разрушительной гражданской войне – потери от нее составили более 7 млрд долл. США.

Сразу после прекращения гражданской войны (1997 г.) экономика республики начала восстанавливаться, появились тенденции к ее росту, которые постепенно перешли в высокие темпы экономического развития (от 8,3 до 10,2% ежегодно). После 2000 г. Таджикистан среди стран СНГ занимает первое место по скорости темпов экономического роста.

В отраслевой структуре экономики удельный вес промышленности составляет 27,7%, сельского хозяйства – 25,1%, сферы услуг – 33,7%. С некоторой долей условности можно утверждать, что в Таджикистане индустриально-аграрная структура экономики. Однако в последние 14 лет здесь наблюдается процесс деиндустриализации. В 1991 г. доля промышленности в производстве ВВП составляла 34,7%. Деиндустриализация произошла в результате массового закрытия промышленных предприятий в годы гражданской войны, а также

разрыва хозяйственных связей с республиками бывшего Союза. Однако более высокие, по сравнению с сельским хозяйством, темпы развития промышленности дают надежду на то, что в ближайшие годы эта тенденция будет повернута вспять.

На развитие экономики Таджикистана благоприятное влияние оказывают мощные биоклиматические ресурсы, огромный энергетический потенциал, особенно гидроэнергетический, богатые месторождения полезных ископаемых. Страна находится в зоне субтропиков, и на равнинных ее территориях можно получать до трех урожаев в год.

Вместе с тем экономика Таджикистана испытывает определенные трудности, вытекающие из географического положения страны. Страна находится далеко от глубоководных морских портов, с трех сторон окружена высокими горными хребтами, занимающими 93% ее территории и до недавнего времени не имелось выходов в соседние страны. В последние годы были проложены высокогорные дороги, соединяющие Таджикистан с Кыргызстаном, Китаем и Афганистаном, в результате уровень географической изолированности Таджикистана снизился.

Кроме того, исторически на территории Таджикистана не развивались рыночные отношения, а в менталитете населения почти отсутствует рыночная психология. Это создает определенные трудности, с позиции эффективного перехода к рыночному ведению хозяйства.

В стране понимают значение развития промышленности для решения важнейших проблем социально-экономического характера. Индустриализация на нынешней территории Таджикистана началась еще в 30-е годы XX столетия. В 30–60-е годы преимущественное развитие получили легкая и пищевая промышленность, опиравшиеся на мощную сырьевую базу – сельское хозяйство. Последнее отличается огромными ресурсами роста, связанными с самым мощным на территории СНГ биоклиматическим потенциалом. В составе легкой промышленности быстрое развитие получили хлопкоочистительная, хлопчатобумажная, шелкоткацкая, чулочно-носочная, трикотажная и ковровая подотрасли. Они работали не только на насыщение внутреннего рынка, но и на экспорт в другие республики бывшего Советского Союза, а также за его пределы.

Пищевая промышленность объединяла в себе предприятия по переработке овощей и фруктов, молока, мяса, рыбы, по производству растительного масла, муки, хлебобулочных и кондитерских изделий, комбинированных кормов для животноводства. Эти предприятия также работали как на внутренний рынок, так и на экспорт. Традиционно основными рынками сбыта продукции пищевой промышленности Таджикистана являются Россия, Казахстан, Беларусь и Кыргызстан. Особой популярностью пользуются произведенные в Таджикистане фруктовые соки, томатный сок и томатная паста, овощные и мясные консервы, мясо-овощные соусы, сухофрукты.

Основная часть продукции легкой и пищевой промышленности производится на крупных предприятиях. Самые известные среди них – Душанбинское хлопчатобумажное объединение, Душанбинский и Ходжентский шелкокомбинаты, Кургантюбинская прядильная фабрика, трикотажные фабрики в гг. Душанбе, Истаравшан, на каждом из которых еще до 90-х годов XX столетия работало до 9000 чел.

В 70-е и 80-е годы быстрое развитие получили винодельческие предприятия. Таджикистан славится своими столовыми и десертными винами. Большая их часть экспортируется в восточные районы Российской Федерации, а также в Казахстан и Кыргызстан. Производство водки и пива носит импортозамещающее значение.

В стране налажено производство минеральной воды и безалкогольных напитков. Многие виды лечебной и столовой минеральной воды пользуются популярностью в соседних странах Центральной Азии.

Легкая и пищевая промышленность являются важнейшими сферами привлечения прямых иностранных инвестиций. Созданы и действуют многочисленные совместные предприятия с учетом корейского, вьетнамского, китайского, швейцарского, германского, итальянского, российского капитала по производству хлопчатобумажной и шелковой пряжи, тканей, джинсовой одежды, крепких спиртных напитков, минеральной воды, томатного порошка и т.д. Основная часть продукции таких СП экспортируется в страны ближнего и дальнего зарубежья.

В Таджикистане к началу 1960-х годов сформировалась многоотраслевая промышленность строительных материалов. Она включает в себя цементные, железобетонные, домостроительные, асфальтобетонные, кирпичные, асбестотрубные, шиферные, гравийные, щебеночные, лакокрасочные, деревообрабатывающие, камнеобрабатывающие и другие предприятия. Для их развития страна располагает мощными и высококачественными ресурсами. Имеются многочисленные месторождения извести, гипса, бутового камня, динамита, строительной глины, мрамора, гранодиорита и т.д.

На их базе работают такие крупные предприятия строительной индустрии, как Душанбинский цементный завод, Душанбинский комбинат строительных материалов, Вахдатский керамзитовый завод, Ходжентское объединение строительных материалов. Полная проектная мощность Душанбинского цементного завода составляет 1,2 млн тонн цемента в год. Качество здешнего цемента превосходит производенный на других аналогичных предприятиях Центральной Азии, конкурентоспособность его очень высока. Той же оценки заслуживают кварцевые пески, производимые Пролетарским комбинатом строительных материалов.

С переходом экономики на рыночные отношения дела в этой отрасли пошли в гору. Малые и средние предприятия по производству

строительных материалов начали возникать не только в городских поселениях, но и в отдаленных горных районах. Пока развитие этой отрасли имеет импортозамещающее значение и направлено преимущественно на удовлетворение местных потребностей. Однако практически неисчерпаемость расположенных вокруг ресурсов может быть использована для быстрого развития экспортоориентированных производств. Страна имеет потенциальные возможности для экспорта мраморных и гранитных блоков и готовых плит в соседние страны, а по некоторым их разновидностям – в страны ближнего зарубежья. Строительство Сангтудинских, а также Рогунской ГЭС, массовое жилищное, дорожное и энергетическое строительство открывают широкие горизонты для увеличения производств в этой отрасли, существенного расширения частного сектора. Среди подотраслей промстройматериалов только деревообрабатывающие не имеют в стране сырьевой базы. Вся строительная древесина ввозится из России. В последнее время в Таджикистане развернулась работа по созданию строительных лесных массивов, а также восстановлению горных лесов. Это позволит через 15–20 лет основную часть строительной древесины производить в самом Таджикистане.

В 1970-е годы в Таджикистане были созданы крупные предприятия химической промышленности. К ним относятся Сарбандское объединение «Таджиказот» и Яванский электрохимический завод. Они производят азотные удобрения, хлорпродукты, в частности каустическую соду, хлористый кальций и другие химикаты. Для их производства в Таджикистане имеется необходимое сырье. Продукция реализуется внутри Центральноазиатского региона. На севере страны действует Исфаринский химический завод, который производит взрывчатые вещества, используемые исключительно в мирных целях – для строительства дорог, карьеров, шахт, горных разрезов и т.д. Проектная мощность предприятия составляет 300 тыс. тонн аммонала в год.

В 70–90-е годы XX столетия в Таджикистане ускоренными темпами развивались машиностроение и металлообработка, особо быстро – сельскохозяйственное, текстильное, бытовое машиностроение. Производились ткацкие и прядильные станки, гидроаппаратура для зерноуборочных комбайнов, оптические линзы для авиационной и космической техники, прицепное оборудование для тракторов, оборудование для ресторанов и торговых предприятий, бытовые холодильники, телекоммуникационные средства. Во всех крупных городах и областях страны и сейчас функционируют предприятия по ремонту автомобилей, металлорежущих станков, производству запасных частей для хлопкоочистительной техники, локомотивов, железнодорожных вагонов и т.д.

Особое место в структуре промышленного производства занимают горнорудная и металлургическая промышленность. Для

их развития в Таджикистане имеются запасы железной руды, руд цветных металлов – свинца, цинка, олова, вольфрама, алюминия, стронция, сурьмы, ртути; благородных металлов – серебра и золота, а также других разновидностей редких и рассеянных элементов. В Центральном и Северном Таджикистане действуют многочисленные горнообработывающие и горнорудные предприятия, которые занимаются добычей и обогащением руд цветных металлов. Произведенные в них концентраты цветных металлов вывозятся в аффилированные предприятия соседних стран с целью получения чистого металла.

На базе месторождений золота создано несколько производств по добыче и обогащению золотой руды. Они организованы совместно с иностранными инвесторами (СП «Таджикзолото», «Апрелевка», «Дарвоз»). Кроме того, в стране действуют многочисленные старательские артели, добывающие золотой песок путем промывки песков вдоль Пянджа, Зарафшана, Яхсу и других рек страны. Производство чистого золота в год достигает 2,5-3,0 тонн.

В Таджикистане расположены крупные месторождения серебра. Большими промышленными запасами отличается Адрасманское месторождение – 64 тыс. тонн. Однако до сих пор добыча его не ведется. Пока идут переговоры с иностранными инвесторами о совместной добыче и переработке серебряносодержащих руд, производстве никеля, олова, вольфрама, стронция, боросодержащего сырья.

Республика имеет возможности для того, чтобы стать одним из крупнейших производителей по добыче и обработке драгоценных и полудрагоценных камней. В высокогорных районах страны расположены месторождения рубина, благородной шпинели, корунда, кордиерита, граната, амазонита, лазурита, бирюзы, турмалина, горного хрустала и др. В Душанбе и Хороге работают предприятия по полировке и шлифовке местных драгоценных и полудрагоценных камней, а также по изготовлению разнообразных изделий из них. В этом плане Таджикистан имеет большие перспективы, в особенности в области создания экспортоориентированных ювелирных производств. Намечается создание в г. Хороге, а также в Шугнанском районе двух кластеров по обработке камней и выпуску ювелирных изделий.

Металлургическая отрасль, кроме горнообогатительных производств, включает в себя и производство первичного алюминия. Этим занимается Таджикский алюминиевый завод (ТадАЗ). Полная проектная мощность завода составляет 510 тыс. тонн первичного алюминия, в настоящее время – 395–410 тыс. тонн в год. После реконструкции и модернизации технологического оборудования двух перерабатывающих цехов его производство возрастет до 460 тыс. тонн в год. Ныне развернулась работа по строительству второго алюминиевого завода мощностью 200 тыс. тонн в год на территории Хатлонской области.

Известно, что алюминиевое производство довольно энергоемкое. Мощные гидроэлектростанции, построенные в руслах горных рек Таджикистана, создают благоприятные экономические условия для производства дешевого алюминия, способного выдержать ценовую конкуренцию на мировом рынке.

В настоящее время обсуждается вопрос о создании при ТадАЗе кластера по производству алюминиевого проката, производству кабеля, строительных конструкций и разного рода готовых изделий из первичного алюминия. Создание такого кластера приведет к резкому увеличению объемов промышленной продукции в стране.

Электроэнергетическая промышленность представлена в основном производством кабельных изделий на базе местного первичного алюминия.

На заключительном этапе советского периода развитие промышленности в Центральном и Южном Таджикистане происходило в рамках проекта Южнотаджикского территориально-производственного комплекса, созданного в соответствии с Общесоюзной схемой межрегиональной специализации. ЮТТПК включал в себя такие гиганты энергетики и промышленности, как Нурекская и Байпазинская ГЭС, Яванский электрохимический, Таджикский алюминиевый и Вахшский азотно-туковый заводы (ныне АО «Таджиказот»), другие крупные промышленные предприятия. К сожалению, разрыв хозяйственных связей с другими регионами бывшего СССР привел к резкому ухудшению эффективности функционирования этих предприятий. В настоящее время идет подготовка к их приватизации с последующей реконструкцией и перепрофилированием отдельных производств.

В настоящее время в отраслевой структуре промышленности удельный вес топливно-энергетических предприятий составляет 7,7%, цветной металлургии – 44,6, машиностроения и металлообработки – 1,0, промышленности строительных материалов – 1,4, химических и нефтехимических производств – 1,1, легкой промышленности – 21,7, пищевой промышленности – 15%, мукомольно-крупяной и комбикормовой промышленности – 6,5%, прочих производств – 0,6%³. Указанная отраслевая структура промышленности все еще испытывает на себе воздействие трансформационного спада. В настоящее время предпринимаются усилия по его преодолению, и довольно успешные. Есть все основания утверждать, что в предстоящие 10–15 лет структура промышленности Таджикистана будет существенным образом отличаться от вышеприведенной. Безусловно, более высокий удельный вес в ней будут занимать легкая и пищевая промышленность, машиностроение, промышленность строительных материалов, химическая промышленность. В то же время удельный вес горнодобывающей

³ См.: Промышленность Республики Таджикистан. Статсборник. Душанбе, 2004. С. 13.

промышленности и цветной металлургии, при абсолютном увеличении объемов их производства, снизится.

Таджикистан отличается развитым сельским хозяйством. Перевод этой отрасли на индустриальную основу произошел еще в советский период в рамках реализации задачи обеспечения полной хлопковой независимости Союза. Были освоены сотни тысяч гектаров целинных земель, построены мощные ирригационные системы, сооружены десятки мощных станций для перекачки воды на различные высоты с целью обводнения целинных массивов. Вахшская и Гиссарская ирригационные системы построены на базе последних достижений науки и техники 30–40-х годов, а Явано-Обииккская и Дангаринская – 70–80-х годов. Последние системы включают в себя обширную дренажную сеть, функция которой заключается в эффективном использовании земельных и водных ресурсов. Огромные капитальные вложения в развитие сельского хозяйства позволили более эффективно использовать огромный биоклиматический потенциал страны.

В республике выращивались элитные тонковолокнистые сорта хлопка, развивалось субтропическое садоводство, цитрусоводство, овощеводство и бахчеводство. В отдельные годы в Таджикистане, где площадь орошаемых земель не достигает и 750 тыс. га, получали более 1 млн тонн хлопка-сырца, 950 тыс. тонн зерна, 375 тыс. тонн картофеля, 550 тыс. тонн овощей, 150 тыс. тонн бахчевых, 250 тыс. тонн фруктов, 160 тыс. тонн винограда. Страна получала высокие урожаи хлопка-сырца – до 32,5 ц/га, а некоторые районы – и более 40 ц. Отдельные хозяйства собирали по 600–670 ц картофеля, 810–900 ц кормовой свеклы, 450–500 ц сахарной свеклы, 1000–1100 ц томатов, 250 ц винограда, 350 ц яблок с одного гектара площади.

Подавляющее большинство хозяйств в Вахшской и Гиссарской долинах Таджикистана регулярно получают по два урожая в год, реальным представляется получение трех урожаев. Однако страна далеко не исчерпала потенциальные возможности наращивания продовольственной и других видов сельскохозяйственной продукции. В этом плане она нуждается в широком использовании опыта Израиля, Северных Штатов Индии, Южных и Центральных районов КНР. Например, в Израиле устойчиво получают 50–55 ц хлопка-сырца, 450 ц винограда, 400 ц персиков, 120–130 ц зерна кукурузы с одного гектара. При этом биоклиматические условия Таджикистана, а также уровень водообеспеченности сельского хозяйства страны намного лучше, чем в Израиле.

Показателен опыт эффективного ведения хозяйства в таких развитых европейских странах, как Германия, Голландия, Франция, Австрия. Естественно полагать, что рост производительности сельского хозяйства привлечет в республику прямые иностранные инвестиции.

В отраслевой структуре сельского хозяйства ведущее место занимает хлопководство. В южных районах Таджикистана на площади более 275 тыс. га орошаемых земель имеются оптимальные условия для выращивания наиболее ценных тонковолокнистых сортов хлопчатника. Все сорта выведены в самом Таджикистане. Имеется нормальная научная и опытно-экспериментальная база, а также развитое семеноводство, способное оказывать положительное воздействие на развитие хлопководства. Цены на тонковолокнистый хлопок на мировом рынке в 1,5–1,7 раз превышают цену на средневолокнистый. В настоящее время в Таджикистане перерабатывается до 26% выращенного хлопка. Есть намерение в ближайшие 10–15 лет увеличить этот показатель до 50%. Это позволит в 3–3,7 раз увеличить совокупные доходы от продукции хлопкового аграрно-промышленного комплекса.

В будущем, согласно прогнозам, на первое место в отраслевой структуре сельского хозяйства выйдут садоводство и виноградарство. В настоящее время под садами и виноградниками занято 113 тыс. га земельных угодий. В Таджикистане имеются все условия для промышленного выращивания широкого ассортимента плодово-ягодных культур. По производству лимонов Таджикистан занимает первое место в Центральной Азии. Здесь растут 75 сортов винограда различного значения, 24 сорта яблонь, 17 сортов грецкого ореха и 12 сортов алычи. Горные леса в основном состоят из плодовых деревьев. Значительная часть свежих фруктов, винограда, сухофруктов экспортируется в страны зарубежья, главным образом в Россию.

Для еще более эффективного развития садоводства и виноградарства в республике работают над освоением влагообеспеченных предгорных земельных массивов. В настоящее время в предгорьях Гиссарской долины с богарных земель получают высокие урожаи. К тому же они выгодны и своими природоохранными функциями. Освоение в ближайшие 10–15 лет еще 350–400 тыс. га предгорных земель в Гиссарской долине, а также в Кулябской зоне обеспечит выход Таджикистана на первое место в регионе по производству хлопка и винограда, превратит его в крупнейшего экспортера кишмиша, свежих фруктов, столовых, луговых и десертных вин. Для этого Таджикистан нуждается в международном сотрудничестве, в притоке знаний, инвестиций, инноваций, получении адаптированных сортов насаждений.

Из овощных культур в Таджикистане широкое распространение получили томаты, огурцы, лук, баклажаны, капуста, различного рода корнеплоды. Они здесь дают высокие урожаи и отличаются высоким качеством. Страна является крупным экспортером лука, ранней капусты, томатной продукции, консервированных овощей в страны ближнего зарубежья. Задача заключается не только в увеличении производства и экспорта овощей и овощной продукции. Очень важным представляется

решение целого ряда инфраструктурных проблем, в частности создание современных хранилищ, обеспечение должной транспортировки и своевременной реализации продукции. Немаловажную роль играет и реконструкция дорог, связывающих поля и села с основными автомагистралями, с целью снижения потерь.

В последние годы Таджикистан добился больших успехов в развитии картофелеводства и полного самообеспечения этим важным продуктом. Картофель производят в основном в горных районах, на равнине выращивают его ранние сорта. Таджикистан имеет возможность в огромных объемах наращивать производство картофеля, моркови и лука с целью экспорта в соседние страны, особенно в Узбекистан, Туркменистан и Афганистан.

До сих пор страна импортирует зерно и муку. Примерно четверть потребностей в продовольственном и фуражном зерне удовлетворяется за счет его ввоза из Казахстана, России и других стран. Однако в Таджикистане имеются значительные неиспользованные резервы, и исследования показали, что их вовлечение в хозяйственный оборот может привести к существенному увеличению производства зерна внутри страны. Эти резервы заключены в интенсивном типе землепользования. В настоящее время с каждого гектара орошаемой пашни в стране получают 18–20 ц зерна. Однако отдельные фермерские хозяйства на тех же землях получают до 80 ц пшеницы и риса, до 100 ц кукурузы на зерно. Доведение урожайности зерновых на орошаемом клоне до 40 ц (в среднем по стране) и на богарных землях – до 18 ц с 1 га при нынешних агротехнических возможностях представляется реальным и может увеличить объемы производства зерна до 1,55 млн тонн, что позволит полностью отказаться от его импорта.

Животноводство для Таджикистана является традиционной отраслью, и сельское население, особенно в горных районах, обладает достаточным опытом для его развития. Поголовье крупного рогатого скота в стране насчитывает 1218,9 тыс. голов, в т.ч. коров – 636,3 тыс., поголовье овец – 1672,6 тыс., коз – 919,9 тыс., лошадей – 73,7 тыс. Однако внутреннее производство мяса и молока не обеспечивает потребностей населения. Консервированные мясо-молочные продукты, а также сухое молоко, копчености в значительных объемах импортируются. Налицо серьезная проблема. Страна не может увеличить поголовье скота в связи с высоким уровнем эрозированности летних и зимних пастбищ, а также недостаточным развитием кормопроизводства. Необходимо принять действенные меры по существенному укреплению кормовой базы для стойлового содержания животных, а также по прекращению эрозионных процессов на пастбищах, лугах и сенокосах. Важным является разведение высокопродуктивного молочного и мясного скота, развитие селекции и использование новейших достижений биотехнологии с целью роста надоев молока, выхода мяса, шерсти и т.д.

Для удовлетворения потребностей населения в мясе будут использованы возможности промышленного птицеводства и прудового рыбоводства. Еще в советское время в стране работало 21 специализированное хозяйство по производству яиц и птичьего мяса, а также несколько государственных рыбхозов. Производство яиц доходило до 620 млн штук в год. В настоящее время в стране предпринимаются усилия для быстрого развития промышленного птицеводства, а также небольших птицеводческих и кролиководческих хозяйств, прудов для разведения рыбы в рамках частного сектора экономики. Уже сейчас некоторые хозяйства получают до 75 ц рыбы с 1 га водного зеркала прудов. Кроме того, в стране имеются многочисленные водохранилища, использование которых позволит значительно увеличить объемы выращивания рыбы.

Дальнейшее развитие сельского хозяйства связано и с освоением новых массивов целинных земель. Обследования показали, что имеются возможности для освоения более 700 тыс. га земель под орошаемое земледелие на второй террасе межгорных долин, а также в ложе долин. Это территории Дангаринско-Алимтойской, Бешкентской и других долин. Освоение значительной части этих земель представляется возможным при помощи машинного орошения. Для этого требуется усилить мощность гидроэнергетики, поскольку в условиях Таджикистана орошаемое земледелие является вторым по значению энергоемким производством после алюминиевого.

Дальнейший рост продуктивности земледелия зависит от внедрения новых технологий и агротехнических приемов. В условиях Таджикистана можно было бы обеспечить «взрывной эффект» продуктивности орошаемого земледелия за счет внедрения системы капельного орошения. Однако для этого требуются значительные инвестиции. Привлечение прямых иностранных инвестиций в необходимых объемах, безусловно, превратит Таджикистан в один из крупнейших производителей сельхозпродукции в Центральноазиатском регионе, позволит ввести в севооборот новые отрасли, такие как коммерческое цветоводство, масличные культуры (подсолнечник, рапс и т.д.).

В последние годы в сельском хозяйстве Таджикистана создаются благоприятные институциональные и организационные условия для ускорения темпов развития земледелия и животноводства. Существенно расширились границы частного сектора. Об этом свидетельствуют данные табл. 2.

Таблица 2. Число предприятий и организаций в сельском хозяйстве, ед.

	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Колхозы	206	262	260	259	261	387	354	358	316	283	257	185	169
Совхозы	362	393	438	448	446	348	348	345	298	260	163	152	148

	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Межхозяйственные сельскохозяйственные предприятия	19	17	16	15	15	13	13	9	8	7	6	6	5
Дехканские хозяйства	-	-	-	-	1750	2338	8011	10207	9174	12344	11934	14755	16443

Источник: Статистические ежегодники Республики Таджикистан за 2001 и 2004 гг.

Данные демонстрируют явную тенденцию к сокращению числа колхозов и совхозов и быстрому увеличению числа дехканских хозяйств. Есть все основания считать, что в недалеком будущем частные дехканские (фермерские) хозяйства станут преобладающей формой организации сельскохозяйственного производства в Таджикистане. Эта уверенность основана на устойчивых изменениях в структуре сельского хозяйства. Только за период 1998–2003 гг. удельный вес государственных и кооперативных сельскохозяйственных предприятий в общем объеме сельскохозяйственной продукции снизился с 48,8 до 29,7%, удельный вес приусадебных хозяйств населения увеличился с 46,5 до 51,3%, удельный вес дехканских (фермерских) хозяйств – с 4,7 до 19,0%. Это является выражением большой значимости частного сектора в сельском хозяйстве и в социальном развитии села.

Экономическое развитие Таджикистана трудно представить без функционирования относительно развитой транспортной инфраструктуры. Транспортная система Таджикистана состоит из железных дорог широкой колеи протяженностью 533 км, автомобильных дорог общего пользования протяженностью 13,6 тыс. км, из которых 12,5 тыс. км – дороги с твердым покрытием. В стране развивается воздушный транспорт, действуют три международных аэропорта и десятки аэропортов местного значения.

Вся территория Таджикистана пронизана автомобильными дорогами. Основная их часть проложена вдоль горных хребтов и пересекает горные системы. В последние 10 лет ведется строительство новых дорог с целью сокращения расстояния между населенными пунктами. Кроме того, идет масштабное автодорожное строительство с целью выхода Таджикистана в соседние страны, а также в международные транспортные коридоры. Страна уже имеет выход к транспортному коридору Урумчи–Алмата–Ташкент–Самарканд–Чарджоу–Серахс–Мешхед–Тегеран–Стамбул, известный под названием «Великий шелковый путь». Эта дорога имеет ответвление Тегеран–Бендер-Аббас, которое связывает с ОАЭ морскими паромными. В настоящее время ведется строительство и благоустройство

транспортного коридора Душанбе–Джиргиталь–Ош–Бишкек–Алматы; строительство дороги по маршруту Исфара–Ош, с завершением которой Согдийская область кратчайшим путем соединится с Гармской группой районов. Ведутся работы по прокладке международного транспортного коридора Алматы–Кабул, а также автотранспортного тоннеля круглогодичного пользования, соединяющего северные и южные районы Таджикистана под перевалом Уштур (Гиссарский хребет). Ввод в действие этого тоннеля намечен в апреле 2006 г.

В стадии завершения строительство дорог Хорог–Ташкурган, Куляб–Зегар–Шикев–Дарвоз. Эти дороги являются частью международного транспортного коридора Шанхай–Стамбул. Восстановление участка дороги Нижний Пяндж–Имом–Сохиб–Мазари–Шариф–Герат–Мешхед будет означать ввод в действие вышеназванного коридора в полном объеме. Это одновременно явится важным вкладом и в решение задачи преодоления транспортно-географической изолированности Таджикистана.

Железные дороги соединяют крупные города и равнинные территории Таджикистана с остальным миром, в особенности со странами, входящими в постсоветское пространство. За последние 30 лет были проложены новые железные дороги Термез–Курган-Тюбе–Яван протяженностью 264 км и Курган-Тюбе–Куляб протяженностью 132 км. Их эксплуатация позволила существенно увеличить пассажиро- и грузооборот. Между крупными таджикскими и российскими городами, такими как Москва, Астрахань, Саратов, Самара, Новосибирск, налажены регулярные пассажироперевозки.

Между всеми крупными и средними городами Таджикистана действует авиасообщение. Кроме того, из Душанбе и Ходжента выполняются регулярные рейсы в большинство районных центров. Малая авиация используется для нужд сельского хозяйства в борьбе против болезней и вредителей культур.

Из Таджикистана регулярно осуществляются полеты в столицы и крупные города стран СНГ, а также в Кабул, Файзабад, Карачи, Исламабад, Нью-Дели, Шарджа, Стамбул, Мюнхен, Урумчи, Кашгар и др. Таким образом, созданы возможности для отправления грузов и пассажиров в любую точку земного шара. В гг. Душанбе, Ходженте, Кулябе, Курган-Тюбе работают экспедиторские компании по сбору и отправке грузов как внутри страны, так и за рубеж. Действуют многочисленные туристические и пассажирские агентства, которые занимаются продажей железнодорожных и авиационных билетов в любую страну мира.

В последние годы в Таджикистане произошли радикальные изменения в системе связи. Практически полностью обновлено оборудование телефонных станций. Связь – это отрасль, где наблюдается наибольшее проникновение иностранных инвесторов.

Здесь созданы многочисленные СП, действуют десятки провайдеров Интернета. Очень быстрыми темпами развивается сотовая связь. Набирает обороты конкуренция между провайдерами Интернета и мобильной телефонной связью, в результате которой происходит снижение тарифов на пользование их услугами.

Среди стран СНГ Таджикистан занимает второе место по потенциалу гидроэнергетических ресурсов (после Российской Федерации). Они составляют 527 млрд кВт/ч электроэнергии. В 1960-е годы началось строительство крупных гидроэлектростанций. В последние годы объем производства электроэнергии в Таджикистане достиг 18 млрд кВт/ч. В настоящее время действуют Нурекская ГЭС (мощностью 3100 тыс. кВт), Бойпазинская ГЭС (510 тыс. кВт), средние по мощности электростанции – Головная, Кайраккумская, Перепадная, Памир-1, сотни малых ГЭС. Крупные ГЭС имеют две функции: производство электроэнергии и регулирование стока воды. Нурекское, Бойпазинское, Головное, Кайраккумское водохранилища в течение неорошаемого сезона накапливают воду, чтобы во время интенсивной вегетации сельскохозяйственных культур обеспечить орошаемое земледелие необходимыми объемами воды. Названные водохранилища, помимо сельхозугодий Таджикистана, обеспечивают водой земельные массивы тех областей Туркменистана, Узбекистана и Казахстана, которые расположены в бассейнах Амударьи и Сырдарьи.

В настоящее время Таджикистан почти полностью обеспечивает себя электроэнергией. Недостающие объемы закупает в Кыргызстане и Узбекистане. Есть уверенность в том, что в ближайшие пять лет эта ситуация изменится коренным образом и республика постепенно превратится в устойчивого экспортера электроэнергии. Это произойдет после введения в действие двух Сангтудинских ГЭС совместной мощностью 810 тыс. кВт и Рогунской ГЭС (3,6 млн кВт.). С их вводом Таджикистан полностью избавится от своих энергетических проблем и сможет экспортировать электроэнергию в Иран, Афганистан, Пакистан, Индию и, возможно, в Россию.

Кроме названных ГЭС, электроэнергия производится на Душанбинской (223 тыс. кВт) и Яванской (180 тыс. кВт) тепловых электростанциях. Водоохранилища Рогунской и Сангтудинской ГЭС позволяют регулировать сток реки Амударья, т.е. Таджикистан будет играть решающую роль в управлении водными ресурсами республик региона.

В настоящее время основными потребителями электроэнергии в стране являются: промышленность и строительство – 40,5% всего объема, сельское хозяйство – 25,8%. К сожалению, вследствие старения оборудования растут и потери в сети. За период 1990-2003 гг. они выросли с 8 до 15,3%. В настоящее время реализуется проект по значительному сокращению потерь электроэнергии.

Таджикистан располагает огромными рекреационными ресурсами, что связано с обилием горных массивов и мощным биоклиматическим потенциалом. Чистый горный воздух, огромные ледники и снежные массивы, формирующие основную часть стока горных рек, изумительные по своей красоте водопады и водоемы, множество кристально чистых родников, источников лечебных и термальных вод, высочайшие на территории СНГ вершины гор создают мощный потенциал для развития туризма и рекреации.

Еще в советское время горы Таджикистана привлекали многочисленных туристов из зарубежных стран. Были построены десятки санаторно-курортных учреждений общесоюзного значения, где ежегодно тысячи людей лечили болезни опорно-двигательного аппарата, органов дыхания, желудочно-кишечного тракта, сердечно-сосудистые и неврологические болезни. И сегодня бальнеологические учреждения Таджикистана могут функционировать весьма рентабельно. Осталась былая известность у санаториев «Ходжа Оби Гарм», «Шаамбары», «Гармчашма», «Хабитаг», «Зумрад». Приток иностранных инвестиций мог бы послужить для строительства новых санаторно-курортных учреждений на базе лечебно-термальных вод Джиланди, Джавшангаз, Авдж, Оби Гарм, минеральных вод Ходжасангхок, Лучоб, Каратаг; создания лыжных баз в Джиланди и Такобе, многочисленных туристских баз, кемпингов; открытия новых туристских маршрутов.

В стране имеются самые благоприятные условия для развития альпинизма и горного туризма, рафтинга, спортивного, охотничьего, научного, бытового, этнографического, экзотического, экологического, палеонтологического туризма. В этом плане Таджикистан нуждается в услугах экспертов по туризму. Особенно важной представляется экономическая оценка туристических и рекреационных ресурсов страны, развертывание маркетинга.

Известно, что иностранный туризм получает масштабное развитие в тех странах, где широко представлены народные художественные промыслы. Последние особенно развиты в гг. Куляб, Истаравшан, Гиссар, Шаартуз, Исфара, а также во многих райцентрах и селах. Так, в ГБАО туристов могут привлечь яркая национальная одежда, обувь и головные уборы горцев, многокрасочные длинные шерстяные носки (джурабы), художественные поделки и женские украшения из добытых в горах драгоценных и полудрагоценных камней; Исфара интересна художественной резьбой по кости, дереву и керамическими изделиями; Истаравшан – художественными изделиями из кости и металла.

В Таджикистане функционирует полностью либерализованный внутренний рынок. Почти нет ограничений на ввоз товаров и услуг из-за рубежа. В структуре товаров народного потребления, проходящих через торговую сеть, преобладают товары иностранного происхождения. Наиболее часто – произведенные в КНР. После периода

продолжительной депрессии в последние годы темпы роста розничного товарооборота получили существенное ускорение. Только за 1998–2003 гг. общий объем товарооборота по всем каналам реализации увеличился в 3,3 раза. В структуре розничного товарооборота удельный вес государственного сектора достигает 2,0%, коммерческой торговли – 1,9%, кооперативной торговли – 2,1%, неорганизованного рынка – 94,0%⁴. Данное определение не совсем точное. Речь идет о торговле, осуществляемой мелкими частными торговцами, имеющими патент. На заре либерализации торговли они были неорганизованными, в настоящее же время они составляют костяк розничной торговли, при этом отличаются высоким уровнем культуры торговли, оперативно реагируют на изменения рыночного спроса. Именно благодаря им было полностью покончено с дефицитом потребительских товаров.

В период независимости объемы внешней торговли росли высокими темпами. С 1993 по 2003 г. экспорт вырос в 2,3 раза, импорт – в 1,6 раза. В структуре экспорта стали преобладать европейские страны, а в структуре импорта – страны СНГ. Самыми крупными торговыми партнерами Таджикистана в СНГ являются Узбекистан, Российская Федерация и Казахстан, из европейских стран – Нидерланды, Швейцария, Литва. Например, объемы экспорта в Нидерланды, начиная с 1995 г., устойчиво превышают сумму в 200 млн долл. США.

В азиатском направлении быстрый рост объемов внешней торговли происходит благодаря динамично развивающимся экономическим отношениям с Ираном и особенно с Турцией. В 2003 г. экспорт в эти две страны составил 93,0% от общего объема экспорта в азиатские страны. В структуре экспорта определяющее место занимают первичный алюминий и хлопок-волокно (84,36%). Растет экспорт концентрата руд цветных металлов, ферментированного табачного листа, сушеных овощей, корнеплодов, консервированной плодоовощной продукции. В структуре импорта преобладают глинозем – основное сырье для производства алюминия, минеральные удобрения, ядохимикаты, красители, всякого рода полуфабрикаты для промышленности, транспортные средства, технологическое оборудование, а также товары народного потребления. Все еще значительными остаются масштабы завоза зерновых и муки.

Руководство страны взяло твердый курс на существенное повышение структуры экспорта, увеличение в нем удельного веса готовых товаров.

С приходом рынка в Таджикистане начала развиваться рыночная инфраструктура во всех ее проявлениях. Банковский сектор претерпел радикальную реформу и приспособился к рыночным условиям. Функционируют биржа труда, товарно-сырьевая, валютная и фондовая биржи. Расширяют свою деятельность небанковские финансовые

⁴ См.: Статистический ежегодник Республики Таджикистан. Душанбе, 2004. С. 295.

организации, полностью перестроились страховые компании, появились агентства по выполнению маркетинговых работ.

Кроме Национального банка, в стране действуют еще 12 банков, один из которых государственный (Амонат-банк), пять – негосударственные и шесть – с участием иностранного капитала. В стране действуют 125 филиалов банков, из которых 5 являются филиалами государственного банка, 102 – негосударственных и 18 – банков с участием иностранного капитала. Уставный капитал банков к концу 2004 г. составлял 94,8 млн сомони, а общий капитал банков к концу 2004 г. достиг 142,3 млн сомони. Кроме того, на эту дату в стране действовало 7 кредитных организаций, у которых общая сумма уставного капитала – 5,1 млн, общий капитал – 4,5 млн сомони.

Естественно, что этих сумм недостаточно для полного удовлетворения потребностей хозяйственных агентов и населения в кредитных ресурсах. Из-за имевшей место демонетизации экономики банковские учреждения не в состоянии удовлетворить растущий спрос, во всех предприятиях реального сектора экономики ощущается нехватка оборотных средств, включая денежные ресурсы. Этим объясняется, что около 95% выданных коммерческими банками кредитов составляют краткосрочные. Низкий удельный вес долгосрочных кредитов оказывает отрицательное воздействие на обновление основного капитала, включая замену и модернизацию технологического оборудования.

В последние два года ситуация начала меняться к лучшему. Происходит быстрый рост объемов банковских депозитов, как в национальной, так и в иностранной валюте. Основная часть этих денег – поступления от внешних трудовых мигрантов. Данное положение способствует росту кредитных ресурсов банков. НБТ предпринимаются меры для того, чтобы рост кредитной экспансии не способствовал возникновению инфляционных процессов.

В Таджикистане, помимо банков и небанковских кредитных организаций, микрокредитованием занимаются многие международные и национальные НПО – в целях снижения уровня бедности. Они ориентированы не только на увеличение числа лиц, которые получат статус самозанятости, но и на увеличение объемов прибыли займополучателями с тем, чтобы дополнительные суммы они могли использовать для повышения жизненного уровня своих семей. Кроме того, микрофинансирование способствует развитию микропредпринимательства, которое со временем может вырасти в малое и среднее предпринимательство. Большим вкладом в дальнейшее развитие микрофинансирования стало создание в Таджикистане Первого микрофинансового банка, учредителем которого является Фонд Ага-хана. Развитие микрофинансирования в стране происходит с учетом лучшего мирового опыта, накопленного, в частности, в таких странах, как Бангладеш, Индия и Индонезия.

НБТ регулирует денежное обращение в стране. Эффективность такого урегулирования выражается в низком уровне инфляции (7% в год) и в устойчивом курсе национальной валюты, который в течение последних четырех лет держится почти на одном уровне. Это создает необходимые предпосылки не только для финансовой, но и макроэкономической стабильности. Исходя из этого, на ближайшие 10–15 лет прогнозируются достаточно высокие темпы экономического роста (10,5–11,5% ежегодного прироста ВВП).

Высокие темпы экономического роста, наблюдаемые после 2000 г., создают основу для последовательного решения социальных проблем, повышения уровня жизни населения, искоренения безработицы. Только за период 1998–2003 гг. среднедушевые совокупные доходы населения возросли в 4,88 раза, трудовые доходы – в 7,5 раза, доходы от приусадебных участков – в 4,2 раза. Судя по наблюдениям, доминантой в повышении уровня жизни населения являются поступления от внешних трудовых мигрантов, особенно в последние пять лет. Судя по информации, полученной из разных источников, ныне в Казахстане, Российской Федерации и в других странах работает не менее 1 млн граждан Таджикистана, ежемесячные перечисления родным от каждого из них составляют 100–200 долл. США. Это означает, что 70–75% фонда жизненных средств населения образуются за счет вышеназванных перечислений.

Все это создает благоприятную почву для роста потребительских расходов населения. За отмеченный период времени они увеличились в пять раз, в т.ч. на приобретение продуктов питания – в 64,8 раза, непродовольственных товаров – в 5,2 раза⁵. Согласно прогнозам, доходы и потребление в долгосрочной перспективе будут развиваться, как и прежде, высокими темпами.

Естественно полагать, что поступательное развитие экономики Таджикистана сталкивается с многочисленными препятствиями. Среди них самым серьезным и опасным является коррупция. В настоящее время в таджикском обществе формируется единое мнение о необходимости усиления борьбы с коррупцией, предпринимаются серьезные шаги по искоренению этого негативного явления.

Все это создает основу для оптимизма, уверенности в том, что экономика Таджикистана в ближайшие 5–10 лет, преодолев трансформационный спад и кризисные явления, поднимется до уровня среднеразвитых стран.

⁵ См.: Статистический ежегодник Республики Таджикистан. Душанбе, 2004. С. 91–92.

Chodschimachmad Umarow

DIE WIRTSCHAFT TADSCHIKISTANS

Die tadschikische Wirtschaft befindet sich in der Übergangsphase zur Marktwirtschaft. An die Stelle der Planwirtschaft rückt nun der Markt. Die Wirtschaft, der soziale Bereich und die Bevölkerung müssen sich an die neuen Marktbedingungen anpassen.

Laut tadschikischer Verfassung sollte sich eine sozial geprägte Marktwirtschaft im Land entwickeln. Es gibt keine Alternative angesichts der nationalen Gegebenheiten des Staates. Zu den Besonderheiten gehört die demographische Entwicklung der tadschikischen Gesellschaft sowie eine besondere Geschlechts- und Altersstruktur der Bevölkerung. Von allen anderen in der Übergangsphase begriffenen Gesellschaften unterscheidet sich Tadschikistan durch das höchste natürliche Bevölkerungswachstum und die höchste Geburtenrate. Zwischen 1975 und 2000 lag das jährliche Bevölkerungswachstum landesweit bei 2,5 Prozent. Zum Vergleich lag dieser Wert bei 2,4 Prozent in Turkmenistan, bei 2,3 Prozent in Usbekistan, bei 1,5 Prozent in Kirgisistan und bei nur 0,6 Prozent in Russland. Nach Expertenschätzungen wird sich das jährliche Bevölkerungswachstum in Tadschikistan zwischen 2000 und 2015 auf 1,5 Prozent einpegeln.

Bezogen auf 1.000 Einwohner belief sich die Geburtenrate auf 39,9 Neugeborene im Jahre 1985, auf 39,1 im Jahre 1999, auf 34,1 im Jahre 1995 und auf 27,1 Geburten im Jahre 2004. Zwar sinkt die Geburtenrate in den letzten 20 Jahren, trotzdem bleibt sie nach wie vor hoch. Demzufolge betrug die Bevölkerungswachstumsrate in den genannten Jahrgängen jeweils 32,9; 33,0; 28,0 und 22,1 pro 1.000 Einwohner.¹

In Tadschikistan existiert eine hohe Fertilitätsrate (Total Fertility Rate – TFR), die die durchschnittliche Zahl der Kinder pro Frau beschreibt. Zwischen 1970 und 1975 lag die TFR bei 6,8 Kindern pro Frau, wobei dieser Wert bis auf 4,2 zwischen 1995 und 2004 sank. Selbst bei diesem erheblichen Rückgang ist die Fertilitätsrate tadschikischer Frauen die höchste im ganzen postsowjetischen Raum.

Die Altersstruktur der Bevölkerung ist ebenfalls erwähnenswert. 2003 lag der Bevölkerungsanteil der unter 15-Jährigen bei 38,5 Prozent und der über 65-Jährigen bei 4,7 Prozent. In Tadschikistan gibt es also einen hohen Anteil Kinder und Jugendlicher sowie einen relativ geringen Anteil Älterer und Alter an der Gesamtbevölkerung. Der Anteil der Erwerbsfähigen in der Bevölkerung ist größer als 55 Prozent.² Dieses Niveau ist verglichen mit den

¹ Berechnungen erfolgten aufgrund der Daten aus den Statistikjhrbüchern, herausgegeben vom nationalen Statistikkomitee zwischen 1970 und 2004 sowie aufgrund des Human Development Reports, UNDP.

² Human Development Report – 2003, UNDP, Verlag Unipack, Minsk 2003, Seiten 250-252.

Industriestaaten relativ niedrig. In der Schweiz beispielsweise liegt dieser Wert bei 67,3 Prozent. Diese Zahlen weisen auf eine höhere Beschäftigungsrate der Schweizer Bevölkerung sowie darauf hin, dass den Erwerbsfähigen in Tadschikistan eine deutlich höhere Anzahl von Unterhaltsempfängern gegenüber steht. Die allgemeine Lebenserwartung liegt landesweit bei 68,8 Jahren und wird nach Expertenprognosen bis 2015 auf 72,1 Jahre steigen.

Diese Fakten lassen erahnen, dass die demographischen Gegebenheiten einen erheblichen Einfluss auf die tadschikische Wirtschaft und ihre Entwicklung haben. Deshalb sollten soziale Fragen bei der Entwicklung der Wirtschaft stärker im Mittelpunkt stehen als in den Industrieländern.

Bereits zu Sowjetzeiten zählte Tadschikistan zur Gruppe der Länder mit einem mittleren Niveau in Fragen der wirtschaftlichen Entwicklung. Mit der politischen Unabhängigkeit und dem Übergang zur freien Marktwirtschaft sank die Wirtschaftskraft Tadschikistans und das Land stieg in die Gruppe der Armen ab. Der wirtschaftliche Abschwung lässt sich durch folgende Zahlen ausdrücken:

BIP-WACHSTUMSRATE (IN PROZENT)³

	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003
BIP-Wachstum	95	68	84	79	88	83	102	105	104	108	110	110	110
1991= 100 Prozent	200	67,7	56,7	44,6	39,1	32,6	33,2	34,9	36,2	39,2	43,2	47,3	52,1

Diese Tabelle zeigt, dass sich das tadschikische Bruttoinlandsprodukt (BIP) im Jahre 1996 im Vergleich zu 1991 um mehr als das Dreifache verringerte. Das war der stärkste BIP-Rückgang unter allen übrigen postsowjetischen Staaten. Die Ursachen sind nicht nur im transformationsbedingten Abschwung zu suchen, sondern auch bei den Folgen des Bürgerkriegs, von dem die meisten anderen Ex-Sowjetrepubliken verschont blieben. Der Kriegsschaden belief sich auf mehr als sieben Milliarden US-Dollar.

Gleich nach Kriegsende im Jahre 1997 begann sich die Wirtschaft zu erholen und zeigte bald positive Ergebnisse, an die sich ein zügiges Wirtschaftswachstum mit 8,3 bis 10,2 Prozent im Jahr anschloss. Gemessen am wirtschaftlichen Wachstum stieg Tadschikistan nach 2000 zum Spitzenreiter unter allen GUS-Staaten auf.

Betrachtet man die Branchen innerhalb der tadschikischen Wirtschaft, so sind 27,7 Prozent Industrie, gefolgt von der Landwirtschaft mit 25,1 Prozent

³ Statistisches Jahrbuch - 2001, Duschanbe, Seite 162; Statistisches Jahrbuch - 2004, Duschanbe, Seite 154.

und dem Dienstleistungssektor mit 33,7 Prozent. So ist offensichtlich, dass die tadschikische Wirtschaft agrarindustriell geprägt ist. In den letzten 14 Jahren zeichnete sich jedoch eine Tendenz zur Industrialisierung ab. 1991 lag der BIP-Industrieanteil bei 34,7 Prozent. Durch massive Schließungen der Produktionsbetriebe während der Kriegsjahre einerseits sowie durch den Abbruch der Wirtschaftsbeziehungen zwischen Tadschikistan und anderen Ex-Sowjetrepubliken kam es zu einer Deindustrialisierung. Dennoch lässt das im Vergleich zur Landwirtschaft höhere Wachstumstempo in der Industrie darauf hoffen, dass sich die Tendenz zur Deindustrialisierung in den nächsten Jahren umkehren wird.

Günstigen Einfluss auf die Entwicklung der tadschikischen Wirtschaft sollten die guten klimatischen Verhältnisse, sowie riesige Bodenschatzvorkommen und Wasservorräte haben. Das Land liegt in der subtropischen Zone, so dass bis zu drei Ernten pro Jahr eingebracht werden können.

Trotzdem ist die Entwicklung der tadschikischen Wirtschaft mit gewissen Schwierigkeiten verbunden, die sich aus der geographischen Lage des Landes ergeben. Über 93 Prozent des Staatsgebietes ist Gebirge. Das ist für die wirtschaftliche Entwicklung ungünstig. Das Land hat keinen Zugang zum Meer und damit keine Seehäfen und ist von drei Seiten durch hohe Gebirgskämme umgeben. Dieser Umstand verschlechtert die Situation zusätzlich. In jüngster Zeit wurden hochgelegene Gebirgsstraßen in Betrieb genommen und instandgesetzt, die Tadschikistan mit Kirgisistan, China und Afghanistan verbinden und die Probleme seiner geographisch bedingten Abgeschiedenheit etwas mildern.

Darüber hinaus sollte man bedenken, dass auch in der Geschichte Tadschikistans nie marktwirtschaftliche Bedingungen existierten und eine marktbezogene Denkweise der heimischen Bevölkerung weitestgehend fremd ist. Dieser Umstand belastet den Übergang zur freien Marktwirtschaft zusätzlich.

In Tadschikistan versteht man sehr wohl, dass eine gut entwickelte Industrie für die Lösung vorrangiger Probleme der sozialen und wirtschaftlichen Entwicklung des Landes unentbehrlich ist. Die Industrialisierung des Landes setzte bereits in den 30er Jahren des 20. Jahrhunderts ein. Zwischen 1930 und 1960 wurde vorrangig die Leicht- und Nahrungsmittelindustrie gefördert. Die Maßnahmen richteten sich dabei primär auf die Landwirtschaft, die als hocheffektiver Rohstofflieferant betrachtet wurde. Die tadschikische Landwirtschaft zeichnete sich wegen der GUS-weit günstigsten klimatischen Gegebenheiten durch ein riesiges Wachstumspotenzial aus. Besonders die Baumwollreinigung, die Baumwollindustrie, die Seidenspinnerei, die Strumpf- und Sockenherstellung, die Strickwarenherstellung und die Teppichweberei erlebten eine rasche Entwicklung. Diese Teilbranchen belieferten nicht nur den tadschikischen Binnenmarkt, sondern auch andere ehemalige Sowjetrepubliken und das Ausland mit ihren Erzeugnissen.

Die Nahrungsmittelindustrie vereinigte Obst- und Gemüseverarbeitungswerke, Fleisch-, Milch-, Fisch-, Pflanzenöl-, Mehl- und Brotfabriken sowie Großkonditoreien und Kraftfutterfabriken für den Tierzuchtbedarf. Diese Betriebe versorgten ebenfalls nicht nur den Binnenmarkt, sondern auch das Ausland mit ihren Produkten. Zu den Stammabnehmern der tadschikischen Nahrungsmittelindustrie gehören Russland, Kasachstan, Weißrussland und Kirgisistan. Auf diesen Märkten werden Fruchtsäfte, Tomatensaft und –mark, Fleischkonserven und Fleisch-Gemüsebrühen, Gemüsekonserven und Dörrobst aus Tadschikistan stark nachgefragt.

Die Leicht- und Nahrungsmittelindustrieprodukte wurden überwiegend in größeren Betriebsanlagen hergestellt. Die Baumwollspinnerei in Duschanbe, die Seidenspinnereien in Duschanbe und Chdschand, die Spinnerei in Kurgan-Tjube, die Wirkereien in Duschanbe und Istarawschan sowie die Konservenfabriken beschäftigten vor 1990 jeweils 1.000 bis 9.000 Arbeitnehmer.

In den 1970er und 1980er Jahren entwickelten sich auch Keltereien und Geflügelfabriken mit hohem Tempo. Im postsowjetischen Raum war Tadschikistan für seine schweren Tafelweine und Dessertweine berühmt. Wein wird überwiegend in die östlichen russischen Provinzen sowie nach Kasachstan und Kirgisistan exportiert. Wodkabrennereien und Bierbrauereien wird importsubstituierende Bedeutung beigemessen.

In Tadschikistan werden außerdem Tafelwasser und alkoholfreie Getränke produziert. Mehrere Quellwassersorten als Heil- oder Tafelwasser sind auch in anderen zentralasiatischen Staaten beliebt. Die Leicht- und die Nahrungsmittelindustrie ist der attraktivste Wirtschaftsbereich für direkte Auslandsinvestitionen. Zahlreiche Gemeinschaftsunternehmen mit koreanischen, vietnamesischen, chinesischen, schweizerischen, deutschen, italienischen und russischen Kapitalbeteiligungen produzieren Baumwoll- und Seidengarn, Gewebe, Jeansbekleidung, Spirituosen, Tafelwasser und Tomatenmarkpulver. Die Erzeugnisse der Gemeinschaftsunternehmen werden hauptsächlich in die Anrainerstaaten und ins Ausland exportiert.

In den frühen 60er Jahren begann sich eine branchenübergreifende Baustoffindustrie in Tadschikistan zu entwickeln. So gibt es Zement- und Betonfabriken, Hausbaufirmen, Ziegeleien, Asbestrohr- und Schieferproduktionsanlagen, Kies- und Schotteraufbereitungsanlagen, Lack- und Farbenfabriken, Holzbearbeitungsbetriebe, Natursteinaufbereitungsanlagen und sonstige einschlägige Betriebe. Außerdem verfügt Tadschikistan über zu erschließende reiche und qualitativ hochwertige Boden- und Naturschätze. Hierzu zählen Vorkommen an Kalk, Gips, Bruchstein, Dynamit, Bauxit, Marmor und Granodiorit.

Mit diesen Rohstoffen werden größere Baustoffbetriebe versorgt, unter denen die Zementfabrik und die Baustofffabrik in Duschanbe und die Baustoffwerke in Chudschand zu erwähnen sind. Die Zementfabrik in Duschanbe stellt Zement bester Qualität, verglichen mit allen übrigen

Zementfabriken in ganz Zentralasien, her. Dasselbe Prädikat gilt auch für Quarzsand, der in der Proletarsk-Baustofffabrik produziert wird.

Mit dem Übergang zur freien Marktwirtschaft begann sich die Baustoffbranche zügig zu entwickeln. Nicht nur in Städten, sondern auch in entlegenen Berggegenden entstanden kleinere und mittelständische Baustoffunternehmen. Die Baustoffe besitzen importsubstituierenden Wert, werden jedoch hauptsächlich auf dem Binnenmarkt verkauft. Dennoch erlauben es die verfügbaren Rohstoffe, auch exportorientierte Produktionen kurzfristig aufzubauen. Das Land besitzt potentielle Möglichkeiten zum Export von Marmor- und Granitblöcken und Fertigplatten aus Naturstein in die Nachbarländer, wobei einzelne Steinsorten auch in die GUS-Staaten verkauft werden können. Ferner bieten die Bauvorhaben der Kraftwerke in Sangtud und des Wasserkraftwerkes in Nurek sowie der massive Wohn-, Straßen- und Energiebau umfassende Möglichkeiten für ein Wachstum der Baustoffbranche. Außerdem kann so die Produktion im privatwirtschaftlichen Bereich ausgebaut werden. Unter den baustoffproduzierenden Gewerbearten ist die Holzverarbeitung die einzige Sparte, die nicht auf eine lokale Rohstoffbasis zurückgreifen kann. Sämtliches Bauholz wird aus Russland importiert. In jüngster Zeit nahm man in Tadschikistan die Aufforstung mit bauholzgeeigneten Arten und die Wiederaufforstung von Gebirgswäldern in Angriff. Somit kann Bauholz in 15 bis 20 Jahren größtenteils lokal produziert werden.

In den 70er Jahren wurden etliche größere Chemieanlagen in Tadschikistan gebaut. Zu ihnen zählen das Chemiewerk Tadschikazot in Sarband und das elektrochemische Werk in Jawan. Zu ihrem Produktionsprogramm gehört unter anderem Stickstoffdünger, Chlorprodukte und Kalziumchlorid. Dafür gibt es die notwendigen Rohstoffe in Tadschikistan. Die chemischen Fertigprodukte werden innerhalb Zentralasiens verkauft. Im Norden des Landes befindet sich das Chemiewerk in Isfara, in dem Sprengstoff hergestellt wird, der ausschließlich für friedliche Zwecke, zum Bau von Straßen, Steinbrüchen, Zechen und Tagebauen, verwendet wird.

Zwischen 1970 und 1990 entwickelten sich Maschinenbau und Metallverarbeitung mit raschem Tempo. Verstärkt gefördert wurde der Landmaschinen-, der Textilmaschinen- und der Haustechnikbau. Es wurden Web- und Spinnmaschinen, Hydraulikteile für Getreidevollerntemaschinen, optische Linsen für das Flug- und Raumfahrtwesen, Anhängerausstattungen für Traktoren, Gaststätten- und Handelstechnik, Hauskühlschränke und Telekommunikationsgeräte hergestellt. In allen größeren Städten und Gemeinden funktionierten Reparatur- und Wartungsbetriebe für Kraftfahrzeuge und Werkzeugmaschinen sowie ersatzteilproduzierende Betriebe für Baumwollreinigungsfabriken, Eisenbahnlokomotiven und –waggons etc.

Besonders wichtig ist der Erzbergbau und die Hüttenindustrie für Tadschikistan. Zu ihrer Entwicklung bietet das Land Eisenerz und Buntmetallerze wie Blei, Zink, Zinn, Wolfram, Aluminium, Strontium, Antimon

und Quecksilber sowie Vorkommen von Silber und Gold. Im zentralen und nördlichen Tadschikistan werden Buntmetallerze in zahlreichen Bergwerken gewonnen und aufbereitet. Die dort hergestellten Buntmetall-Erzkonzentrate schickt man den in den Nachbarländern befindlichen Aufbereitungsanlagen zur Feinmetallgewinnung.

In der Nähe der tadschikischen Goldvorkommen wurden etliche Goldaufbereitungsanlagen gebaut. Sie entstanden gemeinsam mit ausländischen Investoren (zum Beispiel die Joint Ventures Tadschikzoloto, Aprelewka, Darvos). Darüber hinaus arbeiten mehrere Bergbaugenossenschaften, die Goldsand im Waschverfahren entlang der Flüsse Pjandsch, Zerafschan und Jachsü gewinnen. Pro Jahr werden 2,5 bis drei Tonnen Feingold produziert.

Ferner verfügt Tadschikistan über reiche Silbervorkommen. Größere abbauwürdige Silbervorräte führt beispielsweise die Lagerstätte in Adrasman (schätzungsweise 64.000 Tonnen). Dennoch wurden diese Silbervorkommen bislang nicht erschlossen. Momentan wird mit ausländischen Investoren über die gemeinsame Ausbeute und Aufbereitung von Silbererz sowie über die Produktion von Nickel, Zinn, Wolfram, Strontium und borhaltigen Rohstoffen verhandelt.

Außerdem verfügt Tadschikistan über die nötigen Voraussetzungen, einer der größten Produzenten und Lieferanten von Edel- und Halbedelsteinen zu werden. Im Hochgebirge kommen Rubin und Spinell sowie Korund, Kordierit, Granat, Amazonenstein, Lasurit, Turmalin, Türkis und Bergkristall vor. In Duschambe und Chorog werden die ausgebeuteten Edel- und Halbedelsteine poliert, geschliffen und zu Schmuck verarbeitet. Hier und insbesondere bei der Gründung von exportorientierten Juwelierwarenproduktionen besitzt Tadschikistan außerordentliche Perspektiven. So bestehen derzeit Pläne, zwei Betriebe für Edelsteinbearbeitung und Schmuckherstellung in Chorog und in Porschnew/Kreis Schugnan anzusiedeln.

Neben den Bergbau- und Aufbereitungsanlagen wird in Tadschikistan auch Hüttenaluminium hergestellt. Dafür ist das tadschikische Aluminiumhüttenwerk zuständig. Im Moment liefert dieses Werk 335.000 bis 350.000 Tonnen im Jahr. Nach der technischen Umrüstung der Produktionsanlagen wird die Produktionsleistung auf 460.000 Tonnen pro Jahr ansteigen.

Zwar ist die Aluminiumproduktion bekanntlich eine energieaufwendige Sparte. Dennoch schaffen die an Bergflüssen gebauten leistungsstarken Wasserkraftwerke günstige Voraussetzungen für die Produktion von billigem Aluminium, das der Preiskonkurrenz am Weltmarkt standhalten könnte. Im Moment wird über die Gründung eines weiterverarbeitenden Betriebes für die Fertigung von Blechen, Kabeln und Fertigteilen aus Hüttenaluminium diskutiert. Sollte dieser Betrieb tatsächlich gegründet werden, so wird das zu einem schlagartigen Anstieg des industriellen Produktionsvolumens im Lande führen.

Zu Ende der Sowjetzeit war die industrielle Entwicklung im zentralen und südlichen Tadschikistan an die Vorgaben des Projektes «Südtadschikischer Territorial- und Produktionskomplex» gebunden. Dieser Komplex war Teil des gesamtowjetischen Planes, der eine Spezialisierung der einzelnen Regionen innerhalb der Sowjetunion vorsah. Der «Südtadschikische Territorial- und Produktionskomplex» bestand vornehmlich aus energieproduzierenden und Industriebetrieben wie den Wasserkraftwerken in Nurek und Baipas, dem elektrochemischen Werk Jawan, der Stickstoffdüngerfabrik Wachs (in Sarband, heute Tadschikazot AG), dem tadschikischen Aluminiumhüttenwerk und sonstigen Betrieben. Bedauerlicherweise brachte der Abbruch der wirtschaftlichen Beziehungen mit anderen Regionen der ehemaligen Sowjetunion einen rasanten Einbruch der Wirtschaftlichkeit dieser Betriebe mit sich. Im Moment bereitet man sich auf den Verkauf einiger Großbetriebe an Privatinvestoren vor, indem man die Betriebsstruktur reformiert und ihre Produktionsstraßen modernisiert.

Bis heute ist der Brennstoff- und Energiesektor zu 7,7 Prozent, das Metallhüttenwesen zu 44,6 Prozent, der Maschinenbau und die Metallverarbeitung zu 1,0 Prozent, das Baustoffgewerbe zu 1,4 Prozent, die Chemie und Petrochemie zu 1,1 Prozent, die Leichtindustrie zu 21,7 Prozent, die Nahrungsmittelindustrie zu 15,4 Prozent, die Mehl-, Grützen- und Kraftfutterproduktion zu 6,5 Prozent und sonstige Produktionsbereiche zu 0,6 Prozent Teil der tadschikischen Wirtschaft.⁴ Die Wirtschaft Tadschikistans leidet nach wie vor unter den Auswirkungen der transformationsbedingten Rezession. Doch die Aussichten in der Industrie sind gegenwärtig positiver. Es ist anzunehmen, dass die tadschikische Industrie sich von der oben beschriebenen Struktur in den nächsten 10 bis 15 Jahren gravierend unterscheiden wird. Zweifelsohne werden die Leicht- und die Nahrungsmittelindustrie, der Maschinenbau, die Baustoffbranche und die Chemieindustrie dabei besonders an Bedeutung zunehmen. Gleichzeitig wird die Wichtigkeit der Bergbau- und der Metallhüttenindustrie bei absoluter Erhöhung ihrer Produktionsvolumina zurückgehen.

Tadschikistan zeichnet sich durch seine entwickelte Landwirtschaft aus. Die Umstellung dieses Wirtschaftsbereichs erfolgte noch während der Sowjetzeit. Ihre besondere Förderung verdankte die Landwirtschaft damals dem Programm für die Gewährleistung der vollständigen Baumwollautonomie der Sowjetunion. Um dieses Programm umzusetzen, wurden hunderttausende Hektar Neuland erschlossen und Bewässerungskanalsysteme sowie Dutzende leistungsstarke Wasserumwälz- und Pumpanlagen gebaut. Die Bewässerungssysteme Wachs und Gissar baute man damals nach jüngsten wissenschaftlichen und technischen Erkenntnissen der 1930er und 1940er Jahre, wobei die Bewässerungssysteme Jawan-Obikik und Dangarin mit ihren unterirdischen Wasserführungskanälen auf dem Stand der Technik der

⁴ Siehe: Industrie der Republik Tadschikistan, statistisches Jahrbuch, Duschanbe 2004, Seite 13

1970er und 1980er Jahre sind. Die zuletzt genannten Bewässerungssysteme beinhalten ein umfassendes Dränagesystem, das eine wirtschaftliche Nutzung von Land und Wasser sichern sollte. Immense Kapitalinvestitionen in der Landwirtschaft trugen dazu bei, dass die günstigen klimatischen Bedingungen des Landes effektiver genutzt werden konnten. Das gute Klima liegt zum einen an der geographischen Lage Tadschikistans, liegt doch das Land größtenteils in trockenen subtropischen Gebieten, sowie zum anderen durch große Wasservorräte. Tadschikistan ist mit den reichsten Wasserressourcen im ganzen zentralasiatischen Raum gesegnet.

Die angesprochenen klimatischen Voraussetzungen wurden genutzt, indem man kurzfristig den Baumwollanbau förderte, einschließlich der wertvollsten feinfaserigen Baumwollsorten sowie des Gartenbaus und des Zitrusfrucht-, Gemüse- und Melonenanbaus (Honigmelonen, Wassermelonen und Kürbis). Auf den knapp 750.000 Hektar bewässerten Land Tadschikistans wurden über eine Million Rohbaumwolle, 950.000 Tonnen Getreide, 375.000 Tonnen Kartoffeln, 550.000 Tonnen Gemüse, 150.000 Tonnen Melonen, 250.000 Tonnen Obst und 160.000 Tonnen Weintrauben in manchen Jahren geerntet. In verschiedenen Landesteilen war der Ertrag durchschnittlich mehr als 40 Doppelzentner Rohbaumwolle pro Hektar. Keine Seltenheit stellten Ernteerträge von 600 bis 670 Doppelzentner Kartoffeln pro Hektar, 810 bis 900 Doppelzentner weiße Rüben pro Hektar, 450 bis 500 Doppelzentner Zuckerrüben pro Hektar, 1.000 bis 1.100 Doppelzentner Tomaten pro Hektar, 250 Doppelzentner Weintrauben pro Hektar und 350 Doppelzentner Äpfel pro Hektar dar, mit denen manche landwirtschaftlichen Genossenschaften aufwarten konnten.

Im Wachs-Tal ist eine dreimal so große Ernte pro Jahr durchaus realistisch. Die meisten landwirtschaftlichen Betriebe in den Tälern von Wachs und Gissar bringen regelmäßig zwei Ernten im Jahr ein. Dennoch werden die Möglichkeiten für die Steigerung der Produktion von Lebensmitteln und anderen landwirtschaftlichen Produkten bei weitem nicht ausgenutzt. Hier könnten sich die einschlägigen Erfahrungen aus Israel, den Nordstaaten Indiens und den Süd- und Zentralprovinzen Chinas als nützlich erweisen, die sich bei der Gewinnung hoher landwirtschaftlicher Erträge auskennen. In Israel beispielsweise werden 50 bis 55 Doppelzentner Rohbaumwolle pro Hektar, 450 Doppelzentner Weintrauben pro Hektar, 400 Doppelzentner Pfirsiche pro Hektar und 120 bis 130 Doppelzentner Mais pro Hektar nachhaltig geerntet. Dabei sind die klimatischen Bedingungen und die Wasserressourcen in Tadschikistan wesentlich besser als in Israel.

Von einer unzureichenden Ausnutzung der klimatischen Vorteile zeugen folgende Zahlen: 2003 wurden 6,7 Kilogramm Fleisch, 69,2 Kilogramm Melonen, 13,4 Kilogramm Obst und Beerenobst und 4,3 Kilogramm Weintrauben pro Einwohner produziert. Aus diesen Zahlen wird ersichtlich, dass für den Eigenbedarf Tadschikistans gerade ausreichende Mengen an Getreide, Gemüse und Melonen produziert wurden. In der Produktion

von anderen Lebensmitteln ist ein erheblicher Rückgang zu verzeichnen. So wurden 26,9 Kilogramm Fleisch, 104,9 Liter Milch, 81,1 Stück Eier, 26,1 Kilogramm Weintrauben und 31,6 Kilogramm Obst und Beeren pro Kopf im Jahre 1991 produziert.⁵ Daher gilt es für die tadschikische Landwirtschaft heute, moderne internationale Erfahrungen insbesondere aus den Staaten zu übernehmen, in denen man hohe Ernteerträge und Tierzuchtleistungen erzielt. Zu diesen Staaten zählen Deutschland, die Niederlande, Frankreich und Österreich mit ihrer hohen Effektivität in der Landwirtschaft. Natürlich benötigt Tadschikistan genau wie alle anderen ehemaligen Sowjetrepubliken direkte Investitionen, Innovationen, Wissenstransfer und moderne internationale Erfahrungen, um die Produktionsleistung seiner Landwirtschaft zu steigern.

In der tadschikischen Landwirtschaft ist der Baumwollanbau entscheidend. Die Anbauflächen befinden sich in den warmen Bergtälern und beanspruchen mehr als 275.000 Hektar bewässerten Landes. In den südlichen Gegenden des Landes sind günstigste Bedingungen für den Anbau wertvoller feinfaseriger Baumwollsorten. Alle Baumwollsorten wurden in Tadschikistan gezüchtet. Es gibt eine wissenschaftliche Versuchsanlage und eine Samenzuchtstation für den Baumwollanbau. Die Weltmarktpreise für feinfaserige Baumwolle übersteigen die für die mittelfaserige Qualität um das 1,5- bis 1,7-fache. Im Moment werden 25 bis 26 Prozent der Baumwolle direkt im Land verarbeitet. Die Regierung beabsichtigt, diese Zahl auf 45 bis 50 Prozent in den nächsten 10 bis 15 Jahren zu erhöhen. Dadurch würden sich die Gesamteinnahmen aus dem Baumwollsektor fast verdreifachen lassen.

Nach Schätzungen wird die Bedeutung des Garten- und Weinbaus zunehmen. Momentan werden 113.000 Hektar Land für Gärten und Weinberge genutzt. Tadschikistan ist mit den besten Voraussetzungen für die Produktion von Kirschen, Süßkirschen, Äpfeln, Birnen, Granatäpfeln, Aprikosen, Pfirsichen, Pflaumen, Weintrauben, Maulbeeren, Johannisbeeren, Himbeeren und Erdbeeren versehen. In der Zitronenproduktion belegt Tadschikistan den ersten Platz in ganz Zentralasien. Hier wachsen 75 unterschiedliche Weinsorten, 24 Apfelsorten, 17 Walnussorten und 12 Sauerkirscharten. Die Gebirgswälder bestehen hauptsächlich aus Obstbäumen. Größere Mengen von frischem Obst, Wein und Dörrobst werden überwiegend nach Russland exportiert.

Tadschikistan verfügt über gute Voraussetzungen für eine zügigere Entwicklung des Garten- und Weinbaus. So gibt es klimatisch günstig gelegenes Land in den Vorgebirgen, das für Wein- und Gartenbauzwecke genutzt werden kann. Bereits zu Sowjetzeiten wurde diese Gegenden für die Landwirtschaft erschlossen. Hohe Ernteerträge liefern heute die Obstgärten und Weinberge, die im Vorgebirge des Gissar-Tals auf nicht künstlich bewässerten Ackerflächen angelegt sind. Außerdem haben sie eine

⁵ Statistisches Jahrbuch der Republik Tadschikistan, Duschanbe 2004, Seite 222

Naturschutz-Funktion. Wenn 350.000 bis 400.000 Hektar zusätzliches Land im Gissar-Tal und in Kuljab für Obstgärten und Weinberge tatsächlich in den nächsten 10 bis 15 Jahren erschlossen werden, dann kann Tadschikistan zum Spitzenreiter Zentralasiens bei der Baumwoll- und Weinproduktion sowie beim Export von Rosinen, frischem Obst und Tafelwein aufsteigen. Um dies zu erreichen, benötigt das Land internationale Unterstützung, den Transfer von Wissen, sowie Investitionen und Innovationen, ertragreiche Neuzüchtungen und jüngste biotechnische Erkenntnisse.

Besonders mit Tomaten, Gurken, Zwiebeln, Kohl und diversen Knollenfrüchten lassen sich in Tadschikistan hohe Ernteerträge mit guter Qualität erzielen. Sehr viele Zwiebeln, Frühkohl, konserviertes Gemüse und Tomatenmark wird in die GUS-Staaten exportiert. Tadschikistan hat bereits seine eigene Nische auf dem dortigen Markt gefunden. Das Ziel besteht nicht nur in der Vergrößerung der Produktionsmengen von Obst und Gemüse. Vielmehr steht die Lösung einer ganzen Reihe von Infrastrukturproblemen im Vordergrund. So werden moderne Lagerhäuser benötigt, und der produktgerechte Transport sowie die rechtzeitige Auslieferung müssen verbessert werden. Dabei ist der Ausbau von Landstraßen sehr wichtig, die Ackerfelder und Dörfer mit Fernverkehrsstraßen verbinden, um dadurch Verluste beim Transport zu verhindern.

In den letzten Jahren erzielte Tadschikistan große Erfolge beim Kartoffelanbau, so dass der Eigenbedarf nun vollständig gedeckt werden kann. Kartoffeln werden größtenteils in den bergigen Gebieten angebaut.

Tadschikistan besitzt genügend Potenzial, um die Produktionsvolumina von Kartoffeln, Karotten und Zwiebeln in entscheidendem Maße zu steigern und diese Produkte insbesondere nach Usbekistan, Turkmenistan und Afghanistan zu exportieren.

Nach wie vor ist Tadschikistan auf Getreide- und Mehlimporte angewiesen, da die erforderlichen Produktionsmengen für den Eigenbedarf noch nicht erreicht werden. Ungefähr ein Viertel des Bedarfs an Nahrungs- und Futtergetreide wird durch Importe aus Kasachstan und Russland gedeckt. Dennoch legen die durchgeführten Studien nahe, dass Tadschikistan erhebliche bislang ungenutzte Ressourcen besitzt, deren Bewirtschaftung eine beträchtliche Erhöhung der lokalen Getreideproduktion bis auf 1,5 Millionen Tonnen zur Folge haben könnte.

Momentan werden 18 bis 20 Doppelzentner Getreide pro Hektar bewässerten Bodens geerntet. Dennoch erzielen manche Landwirte 70 bis 80 Doppelzentner Weizen und Reis bzw. 90 bis 100 Doppelzentner Mais pro Hektar. Die Steigerung des Ernteertrages bis auf landesdurchschnittliche 40 Doppelzentner pro Hektar bewässerten Bodens sowie auf 15 bis 18 Doppelzentner pro Hektar nicht bewässerten Bodens scheint angesichts der heute verfügbaren agrartechnischen Möglichkeiten durchaus realistisch und könnte das Getreideproduktionsvolumen bis auf 1,55 Millionen Tonnen erhöhen. Danach kann auf Getreideimporte vollständig verzichtet werden.

Tierzucht ist in Tadschikistan ein herkömmlicher Wirtschaftszweig und wird überwiegend von der ländlichen Bevölkerung insbesondere in den bergigen Regionen betrieben, die damit genügend Erfahrung besitzt. In Tadschikistan gibt es 1.218.900 Rinder, davon 636.300 Kühe, außerdem 672.600 Schafe, 919.900 Ziegen und 73.700 Pferde. Die lokale Fleisch- und Milchproduktion deckt nicht den Bedarf an Fleisch- und Milchprodukten in Tadschikistan. Fleisch- und Fischkonserven sowie Milchpulver und Räucherwaren werden größtenteils importiert. Dabei besteht ein gravierendes Problem: Tadschikistan ist nicht imstande, den Viehbestand aufzustocken, weil die Sommer- und Winterweiden weitgehend erodiert sind und die Futterproduktion unterentwickelt ist. Eine extensive Tierproduktion kann zu Umweltschäden führen. Daher sollte sie auf eine umweltfreundlichere Bewirtschaftung umgestellt werden. Dazu bedarf es vieler Maßnahmen zur Förderung der Futtermittelproduktion für die Stallhaltung der Tiere sowie zur Bekämpfung der Erosion auf Weiden und Wiesen. Außerdem müssen Hochleistungstiere eingesetzt werden, um dadurch Milch-, Fleisch- und Wollerträge zu steigern.

Um den tadschikischen Bedarf an Fleisch weitgehend zu decken, wird die Geflügel- und Fischzucht auf- und ausgebaut. Bereits zu Sowjetzeiten gab es 21 Fachbetriebe für Eier- und Geflügelfleischproduktion sowie etliche Fischereiwirtschaften. In den besten Jahren wurden bis zu 620 Millionen Eier produziert. Momentan bemüht man sich in Tadschikistan um einen raschen Wiederaufbau der Geflügelzucht sowie kleinerer privat geführter Geflügel- und Kaninchenfarmen und Binnenfischereien. Außerdem verfügt Tadschikistan über optimale Voraussetzungen für die Entwicklung der Binnenfischerei. Manche Fischereien haben einen Ertrag von 70 bis 75 Doppelzentnern Fisch pro Hektar. Darüber hinaus gibt es hierzulande etliche Stauseen, in denen die Fischbestände erheblich vergrößert werden könnten.

Die Weiterentwicklung der Landwirtschaft hängt von der Neulanderschließung unmittelbar ab. Studienergebnisse zeigen, dass die zweite Ebene in Bergtälern sowie die zweite Ebene und das Talbett im Flachland über 700.000 Hektar Neuland für bewässerten Ackerbau bieten würden. Diese Landflächen befinden sich in den Tälern Danganin-Alimtoy und Beschkent. Die Erschließung dieser Ländereien kann weitgehend mittels Maschinenbewässerung erfolgen. Hierfür bedarf es einer zügigen Entwicklung im Wasserkraftwerksbau, weil der bewässerte Ackerbau in Tadschikistan der zweitgrößte Stromverbraucher nach dem Aluminiumhüttenwesen ist.

Der weitere Anstieg der Ackerbauproduktivität ist eng mit der Nutzung und Umsetzung neuer Technologien und agrotechnischer Verfahren verbunden. In Tadschikistan könnte man einen Produktivitätsboom im Ackerbau mittels Einführung der Tropfenbewässerung auslösen. Doch dafür sind aufwändige Investitionen nötig. Ausländische Direktinvestitionen werden Tadschikistan ohne Zweifel zu einem der größten Produzenten landwirtschaftlicher Produkte in Zentralasien aufsteigen lassen. Wenn dies

geschieht, so können auch weitere Teilbranchen, wie z. B. die Blumen- und Ölpflanzenzucht (Sonnenblumen, Raps etc.), in die Fruchtfolge aufgenommen werden.

In den letzten Jahren wurden günstige institutionelle und organisationstechnische Voraussetzungen für ein beschleunigtes Wachstum im Ackerbau- und Viehzuchtbereich geschaffen. Die Privatwirtschaft hat umfangreiche Geschäftsmöglichkeiten erhalten, wie in der folgenden Tabelle zu sehen ist:

ANZAHL DER BETRIEBE UND INSTITUTIONEN IM AGRARBEREICH⁶

	1991	1993	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Kolchosen	206	260	261	387	354	358	316	283	257	185	169
Sowchosen	362	438	446	348	348	345	298	260	163	152	148
Landwirtsch. Zuliefererbetriebe	19	16	15	13	13	9	8	7	6	6	5
Bauernwirtschaften	-	-	1750	2338	8011	10207	9174	12344	11934	14755	16443

Die Tabelle zeigt, dass die Zahl der Kolchosen- und Sowchosen zurückgeht und es immer mehr private Bauernwirtschaften gibt. Diese Tendenz hält bis heute an. Es ist anzunehmen, dass private Bauernwirtschaften in der Landwirtschaft Tadschikistans in nächster Zukunft überwiegen werden. Ursache dafür ist der Strukturwandel in der Landwirtschaft. Allein zwischen 1998 und 2003 sank der Anteil öffentlicher und genossenschaftlicher Agrarbetriebe am gesamten landwirtschaftlichen Produktionsaufkommen von 48,8 auf 29,7 Prozent, wobei der Anteil privater Nebenerwerbsbetriebe von 46,5 auf 51,3 Prozent und der von Bauernwirtschaften von 4,7 auf 19,0 Prozent anstieg. Dies ist auf die Zunahme privater Landwirtschaftsbetriebe zurückzuführen.

Die wirtschaftliche Entwicklung Tadschikistans ist ohne eine funktionierende Infrastruktur und ein gut ausgebautes Straßennetz kaum vorstellbar. Das tadschikische Verkehrsnetz besteht aus 533 Kilometern Autobahn und aus 13.600 Kilometern öffentlicher Straßen, davon sind 12.500 Kilometer befestigte Straßen. Tadschikistan hat drei internationale und Dutzende lokale Flughäfen.

Das gesamte Territorium des Landes ist durch Straßen vernetzt. Die meisten Straßen verlaufen entlang der Bergrücken und durchqueren Bergmassive. Fast alle Dörfer und Städte sind miteinander per Straße verbunden. In den letzten zehn Jahren wurden auch neue lokale Straßen gebaut. Erneuert werden auch Straßen, die Tadschikistan an

⁶ Statistisches Jahrbuch der Republik Tadschikistan, Duschanbe 2001, Seite 209; Statistisches Jahrbuch der Republik Tadschikistan, Duschanbe 2004, Seite 209.

die Nachbarländer und anbinden. Das Land ist bereits an die Große Seidenstraße angeschlossen, die Ürümschi, Almaty, Taschkent, Samarkand, Chardschou, Sarachs, Maschhad, Teheran und Istanbul verbindet. Diese Verkehrsverbindung hat eine Abzweigung Teheran – Bandar-Abbas, von dort kann man mit der Fähre weiter in die Vereinigten Arabischen Emirate fahren. Momentan wird die Fernverkehrsstraße Duschanbe – Dschirgi-Tal – Osch – Bischkek – Almaty erneuert und teilweise neugebaut. Gleichzeitig baut man auch die Straße aus Isfara nach Osch, die die Region Sogd mit den Garm'schen Provinzen auf dem kürzesten Weg verbinden wird.

Um die internationale Verkehrsverbindung Almaty – Kabul fertigzustellen und eine ganzjährige Verbindung zwischen den nördlichen und den südlichen Provinzen Tadschikistans über den Bergpass Uschtur (Bergrücken Gissar) zu gewährleisten, wird momentan ein Straßentunnel gebaut, der im April 2006 in Betrieb gehen soll. Der Bau der Straßen zwischen Chorog und Taschkurgan sowie zwischen Kuljab, Segar, Schikew und Darwos ist so gut wie abgeschlossen. Diese Straßen sind Bestandteil der internationalen Verkehrsverbindung Schanghai – Istanbul. Wenn die Teilstrecke Unterer Pjandsch – Imom-Sochib – Mazar-i-Scharif – Herat – Maschhad fertig sein wird, kann die zuletzt genannte internationale Straße voll in Betrieb genommen werden. Gleichzeitig tragen diese Straßenbauvorhaben zur Überwindung der geographischen Abgeschiedenheit des tadschikischen Hoheitsgebietes bei.

Die Eisenbahn verbindet größere tadschikische Städte und das Flachland mit den Nachbarländern, hier vor allem mit den GUS-Staaten. In den letzten dreißig Jahren wurden neue Zugverbindungen wie Termez – Kurgan-Tjube – Jawan, 264 Kilometer lang, sowie Kurgan-Tjube – Kuljab, 132 Kilometer lang, gebaut. Mit ihrer Fertigstellung stieg die Güter- und die Personenbeförderungsleistung. Zwischen größeren tadschikischen Städten und den russischen Städten Moskau, Astrachan, Saratow, Samara und Nowosibirsk besteht eine regelmäßige Zugverbindung.

Alle größeren und mittelgroßen tadschikischen Städte sind mit dem Flugzeug erreichbar. Aus Duschanbe und Chudschand wird in die meisten Gebietshauptstädte regelmäßig geflogen. Weiter werden Flugzeuge zum Düngen und zur Bekämpfung von Pflanzenschädlingen und -krankheiten eingesetzt.

Aus Tadschikistan gehen regelmäßige Flüge in die Hauptstädte und größeren Städte der GUS-Staaten sowie nach Kabul, Faizabad, Karatschi, Islamabad, Neu-Delhi, Schardscha, Istanbul, München, Ürümschi, Kaschgar etc. In Duschanbe, Chudschand, Kuljab und Kurgan-Tjube gibt es Expeditionen, die Güter sowohl im In- als auch im Ausland befördern können. Zahlreiche Reise- und Ticketbüros verkaufen Bahnfahrtscheine und Flugtickets.

Radikale Veränderungen erlebte besonders der Telekommunikationsbereich Tadschikistans. Fast alle Fernsprechvermittlungsämter wurden neu ausgerüstet. Im Telekommunikationsbereich intervenieren ausländische Investoren am meisten. Es gibt zahlreiche Joint Ventures und Dutzende

Internetanbieter. Das Mobiltelefonieren entwickelt sich sehr rasch. 200.000 Tadschiken nutzen bereits Mobiltelefone. Die Konkurrenz zwischen Internetanbietern und Mobilfunkanbietern verschärft sich.

Unter den ehemaligen Sowjetrepubliken ist Tadschikistan das an potentiellen Wasserkraftressourcen zweitreichste Land nach Russland. Sie umfassen 527 Milliarden Kilowattstunden. In den 60er Jahren wurden die ersten größeren Wasserkraftwerke gebaut. Die erzeugten Strommengen erreichen 18 Milliarden Kilowattstunden. Es gibt die Wasserkraftwerke in Nurek (Kraftwerksleistung 3,1 Millionen Kilowattstunden), in Boipazin (Leistung 510.000 Kilowattstunden) sowie die kleineren Wasserkraftwerke Golownoje, Kairakkum, Perepad und Pamir-1. Darüber hinaus existieren Hunderte kleinere Wasserkraftwerke. Die großen Wasserkraftwerke werden zur Stromerzeugung und Wasserabflussregelung genutzt. Während der bewässerungsfreien Saison wird das Wasser in den Stauseen Nurek, Boipazin, Golownoje und Kairakkum angestaut, um es dann zur Bewässerung der landwirtschaftlichen Produktionsflächen abfließen zu lassen. Neben der tadschikischen Landwirtschaft werden die im Einzugsgebiet von Amudarja und Syrdarja liegenden Landgebiete Turkmenistans, Usbekistans und Kasachstans mit Wasser aus den oben genannten Stauseen versorgt.

Im Moment deckt Tadschikistan seinen Energiebedarf fast gänzlich selbst. Zukäufe erfolgen aus Kirgisistan und Usbekistan. Man hofft, in fünf Jahren selbst Strom zu exportieren. Das soll mit der Inbetriebnahme von zwei Wasserkraftwerken in Sangtudin mit einer Gesamtleistung von 810.000 Kilowattstunden geschehen. Der geplante Bau des Wasserkraftwerkes Rogun (Leistung 3,6 Mio. Kilowattstunden) wird Tadschikistan in einen dauerhaften Stromexporteur verwandeln. Der Strom soll dann an den Iran, Afghanistan, Pakistan, Indien und gegebenenfalls an Russland verkauft werden.

Über die genannten Wasserkraftwerke hinaus wird Strom auch in den Wärmekraftwerken Duschanbe (Leistung 223.000 Kilowatt) und Jawan (Leistung 180.000 Kilowatt) erzeugt.

Durch die Stauseen der Wasserkraftwerke Rogun und Sangtudin lässt sich der Wasserabfluss in den Amudarja regulieren. Damit hat Tadschikistan wesentlichen Einfluss auf das Wassermanagement in Zentralasien. Die größten Stromverbraucher sind die Industrie und der Bausektor mit 40,5 Prozent des gesamten nationalen Stromverbrauchs sowie die Landwirtschaft mit 25,8 Prozent. Doch leider steigen die Stromverluste im Versorgungsnetz wegen der veralteten Anlagen immer weiter an. Zwischen 1990 und 2003 erhöhten sie sich von 8 auf 15,3 Prozent. Maßnahmen zum nachhaltigen Abbau der Stromverluste sind in Planung.

Tadschikistan verfügt dank günstiger klimatischer Bedingungen, reiner Luft, zahlreicher sauberer Gewässer, riesiger Gletscher, pittoresker Wasserfälle und Stauseen, mehrerer Thermalwasserquellen, und der GUS-weit höchsten Berge über eine gute Grundlage für die Entwicklung der Tourismusbranche.

Bereits zu Sowjetzeiten kamen Tausende von Touristen nach Tadschikistan. Für sie wurden Dutzende Sanatorien und Kurbäder eingerichtet, die Kurprogramme für Magen- und Darm-, Arthrose-, Lungen-, Herz- und Nervenranke anboten. Heute könnten tadschikische Badekurorte auch für ausländische Touristen attraktiv sein und gewinnbringend arbeiten. Im gesamten postsowjetischen Großraum sind die Namen der Kurbäder Hodscha-Obigarm, Schaambary, Garmtschatschma, Habitag und Zumrad bekannt. Mit ausländischen Investitionen könnte man weitere Kurorte an den Thermalwasserquellen Dschilandi, Dschawschangas, Awdsch, Obigarm, Lutschob, Karatag sowie in den Skiregionen Dschilandi und Takobe ausbauen.

Außerdem hat Tadschikistan günstige Voraussetzungen für das Bergsteigen und Bergwandern, Rafting, die Jagd, sowie für wissenschaftlichen, ethnographischen, paläontologischen und Öko-Tourismus. Im Sommer und im Herbst beginnt die Trockenzeit in Tadschikistan und es herrschen optimale Bedingungen für Wanderer und Bergsteiger. Hier benötigt Tadschikistan die Unterstützung von Tourismusexperten. Besonders wichtig wäre eine Wirtschaftlichkeitsstudie der Tourismus- und Erholungseinrichtungen des Landes sowie Marktforschung in der Tourismus- und Kurbranche.

Bekanntlich kann der Fremdenverkehr sich da gut entwickeln, wo traditionelles Kunstgewerbe intensiv gefördert wird. Das ist besonders in den Städten Kuljab, Istarawschan, Gissar, Schaartus und Isfara, sowie in anderen kleinen Städten und Dörfern der Fall. Nicht alle Möglichkeiten für die Entwicklung des Kunstgewerbes werden bisher genutzt. So kann die autonome Region Gorno-Badachschan traditionelle Kleider, Schuhe und Kopfbedeckungen der Pamiri sowie Kunstgewerbserzeugnisse und Schmuck aus Edel- und Halbedelsteinen als Touristenattraktion bieten. Isfara wartet mit Knochenschnitzereien sowie mit Ton- und Holzzeugnissen auf und die Kunsthandwerker von Istarawschan produzieren Knochen- und Metallerzeugnisse.

Tadschikistan hat einen vollständig liberalisierten Binnenmarkt. Praktisch alle Importrestriktionen für Waren sind abgeschafft und überwiegend ausländische Konsumgüter werden in Tadschikistan angeboten. An ersten Stelle stehen dabei chinesische Artikel. Nach der dauerhaften Rezession der letzten Jahre nimmt nun der Umsatz im Einzelhandel wesentlich zu. Allein zwischen 1998 und 2003 hat sich der Umsatz des Einzelhandels landesweit mehr als verdreifacht. Im Einzelhandel ist das öffentliche Handelsnetz zu 2,0 Prozent, der Kommerzhandel zu 1,9 Prozent, der Genossenschaftshandel zu 2,1 Prozent und der nicht organisierte Markt zu 94,0 Prozent vertreten.⁷ Der Begriff für die letzte Handelskategorie ist jedoch nicht ganz eindeutig. Damit sind Handelsaktivitäten gemeint, die private Kleinhändler mit Handelslizenz ausüben. Zu Beginn der Handelsliberalisierung waren sie nicht organisiert.

⁷ Statistisches Jahrbuch der Republik Tadschikistan, Duschanbe 2004, Seite 295

Momentan bilden sie das Rückgrat des Einzelhandels und zeichnen sich durch hohe Geschäftstätigkeit aus. Sie sind auch der Teil des Einzelhandels, der auf die schwankende Marktnachfrage am flexibelsten reagiert. Es ist diesen Kleinhändlern zu verdanken, dass Warendefizite und Engpässe für die Verbraucher in Tadschikistan kein Thema mehr sind.

Mit der Unabhängigkeit stiegen die Außenhandelsumsätze rasant. Zwischen 1993 und 2003 erhöhte sich das Exportvolumen um das 2,3-fache und das Importvolumen um das 1,6-fache. Bei den Exporten und Importen erfolgten wesentliche Verschiebungen. In der Exportstruktur überwiegen europäische Länder, und in der Importstruktur sind die GUS-Staaten am stärksten vertreten. Tadschikistans größte Handelspartner in der GUS sind Usbekistan, Russland und Kasachstan. Unter den europäischen Staaten sind die Niederlande der größte Handelspartner. Seit 1995 liegt das Exportvolumen in die Niederlande stabil über 200 Millionen US-Dollar. In Europa sind Litauen und die Schweiz wichtige Handelspartner.

Innerhalb Asiens entwickelt sich der Außenhandelsumsatz gut dank der dynamischen Handelsbeziehungen zum Iran und der Türkei. 2003 betrug das Exportvolumen in diese beiden Staaten 93 Prozent der Gesamtexporte nach Asien. Bei den Exporten dominieren Hüttenaluminium und Baumwollfasern (jeweils 84 und 36 Prozent). Tadschikistan exportiert ebenfalls Baumwollgarn, Tuchgewebe und Kleidung. Die Exportmengen an Metallerkonzentrat, fermentiertem Tabak, Dörrgemüse, Knollenfrüchten, Gemüse- und Obstkonserven nehmen zu. Beim Import überwiegen Mineraldünger, Pestizide, Farbstoffe, diverse industrielle Halberzeugnisse, Verkehrsmittel, technologische Ausrüstungen sowie Konsumgüter. Eine wichtige Rolle beim Import spielt Tonerde, die für die Aluminiumproduktion als Hauptrohstoff benötigt wird. Nach wie vor werden erhebliche Mengen an Getreide und Mehl importiert, weil ihre lokale Produktion den Gesamtbedarf noch nicht deckt.

Die tadschikische Staatsregierung versucht nachdrücklich, die Exportwarenstruktur zu verbessern. So soll der Anteil von Fertigerzeugnissen für den Export erhöht werden. Mit dem Übergang zur Marktwirtschaft entwickelte sich die dazugehörige Infrastruktur. Der Bankensektor wurde grundlegend reformiert und an die Marktbedingungen angepasst. In Tadschikistan gibt es nun eine funktionierende Rohstoffbörse, sowie die Devisen- und die Wertpapierbörse. Außer den Banken erweitern auch andere Geberorganisationen ihre Aktivitäten, die Versicherungsgesellschaften haben sich vollständig reformiert und es entstanden Marktforschungsinstitute.

Außer der Nationalbank gibt es weitere zwölf Banken in Tadschikistan, eine davon ist staatlich (Amonatbank), fünf sind privat und an weiteren sechs sind ausländische Investoren beteiligt. Landesweit existieren 125 Bankniederlassungen, fünf davon gehören den staatlichen Banken, 102 den privaten und 18 den Banken mit Auslandsanteilen. Ende 2004 belief sich das Kapital der Banken auf 94,8 Millionen Somoni und ihre Gesamtkapitalausstattung lag zeitgleich bei 142,3 Millionen Somoni. Zum

selben Zeitpunkt gab es sieben Kreditinstitute mit einem Gesamtgrundkapital von 5,1 Millionen Somoni und einer Gesamtkapitalausstattung von 4,5 Millionen Somoni.

Natürlich reicht dieses Kapitalaufkommen nicht für die vollständige Deckung des Kapitalbedarfs von Unternehmen und Privatkunden aus. Wegen der Geldentwertung sind die Banken nicht imstande, den Kapitalbedarf im Lande zu befriedigen. Deshalb leiden alle Unternehmen unter einem Mangel an Betriebskapital, und ungefähr 95 Prozent aller von den Geschäftsbanken ausgelegten Kredite sind kurzfristig. Der geringe Anteil von langfristigen Krediten wirkt sich auf die Kapitalerneuerung einschließlich des Ersatzes und der Instandsetzung technischer Ausrüstungen negativ aus.

In den letzten zwei Jahren hat sich die Situation verbessert. Die Bankeinlagen steigen – sowohl die der einheimischen als auch der ausländischen Währungen. Die meisten Einlagen stammen von tadschikischen Staatsangehörigen, die im Ausland arbeiten. Diese Situation ist für die Kreditkapitaldecke der Banken sehr günstig. Die tadschikische Nationalbank trifft entsprechende Maßnahmen, um Inflationsprozessen durch die wachsende Kreditexpansion vorzubeugen.

Außer den Banken und anderen Kreditinstituten arbeiten mehrere internationale und nationale Nichtregierungsorganisationen in Tadschikistan, die Kleinkredite zur Armutsbekämpfung vergeben. Ihr Ziel besteht nicht nur in der Vergrößerung der Anzahl von Einmann-Unternehmen, sondern auch in der Erhöhung der Einkommensgrenze für Kreditnehmer, damit sie den Mehrgewinn für die Verbesserung der Lebensqualität ihrer Familien nutzen können. Darüber hinaus trägt die Kleinkreditfinanzierung zur vermehrten Entstehung von Einmann-Firmen bei, die sich später in kleinere und mittelständische Unternehmen verwandeln können. Mit der Gründung der ersten Mikrokreditbank in Tadschikistan half die Aga-Khan-Stiftung enorm, den Kleinkreditsektor aufzubauen. Der Kleinkreditmarkt wird unter Zuhilfenahme internationaler Erfahrungen aus Bangladesch, Indien und Indonesien entwickelt.

Die Nationalbank Tadschikistans steuert den Geldverkehr im Lande. Die niedrige Inflationsrate (sieben Prozent im Jahr) und der stabile Wechselkurs der einheimischen Währung, der seit den letzten vier Jahren weitgehend unverändert ist, zeigt die Effektivität der Nationalbank. Dies schafft die nötigen Voraussetzungen nicht nur für eine nachhaltige finanzielle, sondern auch volkswirtschaftliche Stabilität. Im Hinblick darauf werden relativ hohe wirtschaftliche Wachstumsraten (BIP-Zuwachs von 10,5 bis 11,5 Prozent im Jahr) in den nächsten 10 bis 15 Jahren erwartet.

Das nach 2000 registrierte hohe Wachstumstempo in der Wirtschaft liefert die Grundlage für eine konsequente Lösung der sozialen Probleme, wie insbesondere die Erhöhung der unteren Einkommensgrenzen und die Bekämpfung der Arbeitslosigkeit. Allein zwischen 1998 und 2003 erhöhte sich das Pro-Kopf-Einkommen um das 4,88-fache. In der gleichen Zeit stieg

das Einkommensniveau der Bevölkerung um das 7,5-fache. Die Einnahmen der Bevölkerung aus Nebenerwerbswirtschaften haben sich fast vervierfacht. Die Zahlen zeigen auch, dass die Einkommen der Bevölkerung insbesondere durch die Arbeit tadschikischer Gastarbeiter im Ausland mit hohem Tempo ansteigen und für die Erhöhung des Lebensstandards ausschlaggebend sind.

Während der letzten fünf Jahre hat sich nicht nur die Zahl der Tadschiken, die im Ausland arbeiten, drastisch erhöht, sondern auch die rasant steigenden Einkommen aus ihrer Tätigkeit. Nach Angaben verschiedener Quellen arbeiten zur Zeit mindestens eine Million Tadschiken in Kasachstan, Russland und anderen Staaten. Sie überweisen im Durchschnitt 100 bis 200 US-Dollar pro Monat an Familie und Verwandte in Tadschikistan. Daraus folgt, dass das Einkommen der tadschikischen Bevölkerung zu 70 bis 75 Prozent Auslandsüberweisungen von Gastarbeitern sind.

All das schafft günstige Rahmenbedingungen für die Erhöhung der Kaufkraft der Bevölkerung und für Verbesserungen auf dem Verbrauchermarkt. Im selben Zeitraum verfünffachten sich die Ausgaben für Konsumgüter, die Ausgaben für Nahrungsmittel stiegen um das 64,8-fache und für Konsumgüter um das 5,2-fache an⁸. Nach Schätzungen wird das Einkommensniveau mittelfristig mit einem stabil hohen Tempo wachsen und die Entwicklung günstiger sozialer Bedingungen in Tadschikistan ermöglichen.

Natürlich sollte man nicht übersehen, dass die Wirtschaft Tadschikistans in ihrer Entwicklung noch zahlreiche Hürden zu nehmen hat. Die ernsteste und gefährlichste von ihnen ist die Korruption. Momentan kommt die Öffentlichkeit zunehmend zu der Erkenntnis, dass verstärkt gegen die Korruption in Tadschikistan gekämpft werden muss. Erste Schritte wurden bereits unternommen.

Mit Optimismus und Zuversicht lässt sich abschließend sagen, dass die Wirtschaft Tadschikistans den transformationsbedingten Abschwung und die Folgen der Krise in den nächsten fünf bis zehn Jahren überwinden und das Niveau anderer Transformationsländer erreichen wird.

⁸ Siehe statistisches Jahrbuch der Republik Tadschikistan, Duschanbe 2004, Seiten 91-92

Коканд, Узбекистан
Kokand, Uzbekistan

Эдвард Ртвеладзе

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ УЗБЕКИСТАНА

Обширный регион, который еще недавно называли советской Средней Азией, расположен между Каспийским морем на западе и Памиром на востоке, между рекой Амударьей и горами Копетдага на юге и степями Казахстана на севере.

Его главными водными источниками являются две великие реки – Амударья (древн. Окс) и Сырдарья (древн. Яксарт), впадающие в Аральское море и образующие так называемое Среднеазиатское Двуречье, которое арабы именовали Мавераннахр («То, что за рекой»), употребляется также название Туран, от племени туров, упомянутых в «Авесте», а с эпохи Средневековья – Туркестан.

На территории Средней Азии протекают и более мелкие реки – Зарафшан, Кашкадарья, Мургаб, Теджен и др. Во многом благодаря этим рекам и выведенным из них каналам и арыкам стало возможным обживание этой обширной территории и развитие здесь высокой цивилизации.

Сейчас на территории Средней Азии располагаются независимые государства, образовавшиеся из бывших советских республик, – Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан и частично Казахстан.

В древности и раннем Средневековье здесь существовало несколько крупных и десятки мелких историко-культурных областей, образовавшихся в процессе длительного исторического развития, начиная с VII–VI вв. до н.э.

Это Парфиена, располагавшаяся в предгорьях Копетдага, и Маргиана, находившаяся в низовьях р. Мургаб на территории Туркменистана. Обе эти области были древнейшими очагами зарождения оседло-земледельческой культуры в эпоху неолита (6–5-е тыс. до н.э.) и бронзы (3–2-е тыс. до н.э.).

Это Хорезм – место возможного (наряду с Бактрией и Мидией) рождения легендарного пророка Заратуштры и священной книги зороастризма «Авесты», занимавший территорию низовьев Амударьи. Это Согдиана, со знаменитыми городами Бухарой и Самаркандом, располагавшаяся в бассейне Зарафшана и Кашкадарьи; Уструшана, занимавшая нынешние Джизакскую область Узбекистана и Северный Таджикистан; Чач, или Чачана – на территории современной Ташкентской области; и Фергана – на востоке Узбекистана. Сурхандарьинская область в древности входила в состав Бактрии, или, как она стала именоваться с начала нашей эры, Тохаристана, по названию племени тохаров,

завоевавших Бактрию во второй половине II в. до н.э. Это была область с богатыми культурными традициями и высоким уровнем цивилизации, на ее территории протекали важнейшие историко-культурные процессы, включая эллинизм и буддизм, и происходили значительные события, связанные с созданием Греко-Бактрийского и Кушанского царств. Не случайно арабы называли столицу Бактрии – Бактры (средн. Балх) в Северном Афганистане – Умм ал-билад («мать городов»).

История Средней Азии уходит корнями в глубокую древность. Археологами установлен факт ее обживания уже в эпоху нижнего палеолита. В пределах 1 млн – 500 тыс. лет датируется стоянка первобытного человека, открытая в пещере Селенгур в Южной Фергане, в долине р. Сох. К эпохе верхнего палеолита (40–12-е тыс. до н.э.) относятся стоянки в Самарканде, в Аман-Кутане, в пещерах Мачай и Тешик-таш (Сурхандарьинская область Узбекистана). Исследование останков мальчика-неандертальца, найденного в Тешик-таше, показало, что южные районы Средней Азии входили в зону формирования человека современного типа. Эпохой мезолита (12–5 тыс. лет до н.э.) датируются наскальные рисунки со сценами охоты на быков, обнаруженные в Зараут-сае, что в горах Кутитанга в Сурхандарьинской области Узбекистана, а также наскальные рисунки грота Шахты в Таджикистане.

В эпоху неолита (6–4-е тыс. до н.э.) в Средней Азии складываются три обширные археологические культуры: джейтунская, гиссарская и кельтиминарская. Джейтунская культура – культура оседлых земледельцев – занимала предгорную полосу Копетдага на юге Туркменистана. Кельтиминарская культура скотоводов и рыболовов была распространена в низовьях Амударьи, гиссарская культура земледельцев и скотоводов захватывала частично юг Узбекистана.

Эпоха неолита является весьма важной стадией в истории Средней Азии, поскольку именно в это время возникает земледелие, основанное на примитивном искусственном орошении, появляются первые стационарные поселения, возникают дома и святилища, стены которых выложены из комков глины и сырцового кирпича, появляется керамика, украшенная орнаментальной росписью, возникают зачатки искусства, выраженные настенной живописью на стенах святилищ и примитивными статуэтками из глины. Все это, однако, характерно для джейтунской культуры, тогда как в остальных областях Средней Азии основу хозяйственной деятельности составляли скотоводство, охота, собирательство и рыболовство.

Дальнейший прогресс оседло-земледельческой культуры наблюдается в эпоху энеолита (4-е тыс. до н.э.) и особенно бронзы (3–2-е тыс. до н.э.), когда получают широкое распространение орудия труда и оружие, сделанные из бронзы, прогрессирует земледелие, строятся каналы и арыки, возникает специализированное ремесло – керамическое, металлическое и другие виды. Возникают большие

поселения – протогорода: Алтын-депе, Джар-кутан, Намазга-депе, имеющие развитую структуру (крепость + поселение), зачастую обнесенные стенами из сырцового кирпича. Внутри поселений, помимо жилых домов, находились монументальные сооружения – дворцы, храмы, отдельно располагались большие некрополи. Оседло-земледельческая культура в этот период из Маргианы и Южного Туркменистана начинает распространяться далеко на восток и юго-восток, охватывая территорию современного Южного Узбекистана и Северного Афганистана, т.е. область Бактрии.

В это же время во 2-е тыс. до н.э. север Средней Азии занимали скотоводческие племена степной андроновской культуры, низовья Амударьи были заняты тазабагыбской культурой охотников и рыболовов с зарождающимся примитивным земледелием. Середина 2-го тыс. до н.э. для истории Средней Азии, согласно одному из мнений, знаменательна передвижением через ее территорию индоевропейских племен на пути в Индию, где после их прихода прекращает свое существование культура Харраппы.

Не исключено, что в наиболее передовых областях Средней Азии в эпоху поздней бронзы, во второй половине 2-го тыс. до н.э. возникают первые протогосударственные объединения типа древнеегипетского нома-города-государства, являющиеся центрами оазисов, где крупное поселение с общественными постройками является административным центром, вокруг которого базируются несколько поселений, расположенных вдоль одного канала или реки.

В начале 1-го тыс. до н.э. облик и содержание культуры резко меняются. В этот период большая часть юга Средней Азии занимает культура Яз-1, характерным признаком которой является грубая лепная керамика с примитивной росписью. Появляются поселения с цитаделью. Распространение этой культуры связано с продвижением иранских народов. В этот же период и несколько позднее, в VII–VI вв. до н.э., происходит формирование историко-культурных областей – Бактрии, Маргианы, Хорезма, Согдианы и крупных поселений, достигающих более сотни гектаров площади и обнесенных мощными стенами (Мараканда, Кок-тепа, Узун-Кыр, Ер-Курган).

В 539 г. или в 529 г. до н.э. Средняя Азия была завоевана ахеменидским царем Киром, причем сам Кир погиб в сражении с саками, возглавляемыми царицей Томирис, и лишь спустя много лет его потомок Ксеркс сумел получить останки Кира и захоронить его в специальной гробнице в Пасаргадах. На протяжении двухсот лет весь юг Средней Азии входил в состав Ахеменидской империи, причем вся ее территория была разделена на сатрапии, вносящими дань в определенных весовых единицах серебра – талантах – в казну ахеменидских царей. Три из среднеазиатских сатрапий – Бактрия, Согд, Хорезм – полностью или частично находились на территории современного Узбекистана.

Владычество Ахеменидов здесь завершается походами Александра Македонского, который, покончив с главными силами Ахеменидов в 329 г. до н.э., вступил на территорию Средней Азии в погоне за последним претендентом на ахеменидский престол сатрапом Бактрии Бессом. Три года (329–327 гг. до н.э.) потратил Александр на завоевание Средней Азии, народы которой, особенно согдийцы во главе со Спитаменом, оказали его войскам ожесточенное сопротивление. По-видимому, в это же время формируется первое государство на территории современного Узбекистана – Хорезмийское царство. Из сочинения Арриана известно, что в 328 г. до н.э. в Мараканде (современный Самарканд) Александр принял хорезмийского царя Фарасмана, который прибыл к нему с целью заключения союзнических отношений.

После смерти Александра и последующей за ней ожесточенной войны диадохов, юг Средней Азии с 306 г. до н.э. входит в состав Селевкидской империи, но уже в середине III в. до н.э. сатрап Селевкидов в Бактрии Диодот поднял восстание против метрополии и создал самостоятельное государство, получившее в науке название Греко-Бактрийского.

Одновременно с политическим господством эллинов Средняя Азия, особенно ее южная часть, входит в орбиту влияния эллинизма историко-культурного синкретического феномена, охватившего громадные территории Ближнего и Среднего Востока от Средиземноморья до Индии. И если политическому господству эллинов пришел конец в начале второй половины II в. до н.э., то влияние эллинизма продолжалось значительно дольше, отразившись во многих областях материальной, духовной и художественной культуры.

Греко-Бактрийское царство пало в начале второй половины II в. до н.э. под ударом сакских и сарматских племен (асиев, пасиан, сакаравлов), а затем юечжей-тохаров, пришедших в Бактрию под давлением хуннов. Юечжи-тохары в начале расселились в Северной Бактрии (современная Сурхандарьинская область Узбекистана и Южный Таджикистан), а затем захватили всю Бактрию, основав свою столицу в Бактрах (нынешний Балх в Северном Афганистане). Они создали своеобразное государство конфедеративного типа, состоящее из отдельных владений, пользующихся большой самостоятельностью.

Аналогичного типа государство Кангюй складывается во II в. до н.э. в Трансоксиане – Среднеазиатском Двуречье, состоявшем, по сведениям Хоуханьшу, из пяти владений, каждое из которых чеканило свою монету, что свидетельствует об их самостоятельности.

Во второй половине II в. до н.э. Ханский Китай впервые, благодаря миссии Чжан-Цзяня, открывает для себя Западный край (Среднюю Азию. – Э.Р.), а с конца II в. до н.э. осуществляются регулярные дипломатические и торговые отношения между Китаем, странами Западного края, Парфией и странами Восточного Средиземноморья.

Выдающимся результатом этих отношений явилось становление Великого шелкового пути – первой в истории цивилизаций трансконтинентальной дороги, соединившей страны Запада и Востока.

В период местной античности (I в. – перв. пол. III в. н.э.) Северная Бактрия входит в состав могущественной Кушанской империи, основанной в первой половине I в. н. э. вождем одного из юечжийских родов Кушан Куджулой Кадфизом. Согд (Кашкадарьинская и Самаркандская области Узбекистана), в это время представляющий собой независимое государство, управлялся династией Гиркода, также, вероятно, юечжийского происхождения. В Хорезме к власти приходит династия Афригидов, правившая здесь, судя по традиционному династическому символу – всаднику на коне, в течение 700–800 лет. Самостоятельные владения представляли собой Бухара и Давань (Фергана), а также, по-видимому, Чач, на что указывает, в частности, наличие в них (кроме Давани, пользующейся китайскими монетами типа ушу) своего монетного чекана. Впрочем, не исключено, что все эти владения Трансоксианы номинально все же входили в состав Кангюя.

III–IV вв. н.э. в истории Средней Азии характеризуются крушением великих империй древности – Кушанской и Парфянской, образованием множества мелких самостоятельных владений, вторжением кочевых племен хионитов и кидаритов, разрушением древней социальной формации, упадком экономики, материальной и художественной культуры.

В эпоху раннего Средневековья, в V–VIII вв., происходят кардинальные изменения в области социальных отношений, знаменующиеся появлением класса богатых землевладельцев – дихкан. Политическая ситуация этого периода определяется соперничеством великих держав за обладание во второй половине V в. – первой половине VI в. Сасанидского Ирана и Эфталитского государства, во второй половине VI в. и первой половине VII в. – Сасанидского Ирана и Тюркского каганата, а затем – Тюркского каганата, Таньского Китая и Арабского халифата, завершившимся в середине VIII в. окончательным включением этого региона в состав Аббасидского халифата.

Во второй половине V в. значительная часть Среднеазиатского Двуречья, в том числе Согд, Северный Тохаристан и Чач, вошли в состав Эфталитского государства. Происхождение эфталитов – до сих пор предмет научной дискуссии: выходцы из Бадахшана, горцы Припамирья, кочевники Бактрии-Тохаристана.

Эфталитское государство Средней Азии было конфедерацией множества полунезависимых владений со своими наследственными династиями. Это государство прекратило свое существование между 563–567 гг., после разгрома эфталитов тюрками в битве под Бухарой. После этого значительная часть Среднеазиатского Двуречья вошла в номинальное объединение Тюркского каганата, а после его распада

на две части – в состав Западно-Тюркского каганата. Это привело, в конечном итоге, в ряде областей Среднеазиатского Двуречья к устранению власти местных династий и замене их тюркскими правителями, в частности в Согде, Тохаристане и Чаче.

В VII – первой половине VIII в. Среднеазиатское Двуречье представляло собой конгломерат мелких и более крупных владений, во главе которых стояли наследственные династии восточноиранского происхождения. Наиболее крупные из них – владения Хорезмшахов со столицей в Гургандже (современный Куня-Ургенч), Бухархудатов со столицей в Бухаре, согдийских Ихшидов с центром в Самарканде, Хидефов Чаганиана с одноименной столицей вблизи современного Денау в Сурхандарьинской области, Хвабов Чача с центром на месте г. Ташкента. Не менее пестрой была и религиозная жизнь. На большей части Среднеазиатского Двуречья господствовал зороастризм, широкое распространение имели манихейство и христианство, а в южных областях – буддизм. Отсутствие в Средней Азии политического и религиозного единства способствовало активному вмешательству Таньского Китая и Сасанидского Ирана. Китайская администрация зачастую осуществляла контроль над рядом владений Среднеазиатского Двуречья, вплоть до назначения правительств и утверждения начальников округов, созданных в Таньском Китае для управления Западным краем. В подчинение Сасанидов входил весь юг Туркменистана (Хорасан) и некоторые владения Среднеазиатского Двуречья.

С середины VII в. активную роль в политической жизни Средней Азии стали играть и арабы. В 651 г. они захватили Мерв (около г. Байрам-Али в Туркменистане), откуда стали совершать набеги на Среднеазиатское Двуречье, с тех пор именуемое Мавераннахр. К середине VIII в. арабы в результате многих походов, в особенности возглавляемых Кутейбой б. Муслимом (между 704 и 712 гг.), окончательно подчинили себе Среднеазиатское Двуречье, включенное в состав Аббасидского халифата. В 751 г. в битве при Таласе арабы разгромили китайскую армию, тем самым положив конец их влиянию в Средней Азии. В результате ни у самих арабов, ни у ислама не было более соперников, способных противостоять им. К IX в. ислам становится государственной религией населения Средней Азии.

IX – начало XIII вв. Эту колоссальную по своей значимости эпоху в исторической науке принято называть эпохой развитого Средневековья. Начало его приходится на рубеж VIII–IX вв. и знаменуется кардинальными изменениями в государственной структуре, социально-экономических отношениях, материальной и художественной культуре. Уходят в прошлое древние религии – зороастризм, манихейство, буддизм. Побеждает ислам, ставший нормой жизни огромного региона, расположенного к востоку от Джейхуна (Амударья. – Э.Р.), на территории, занятой современным Узбекистаном.

С точки зрения государственно-династической периодизации, эту эпоху можно разделить на два больших периода: IX–X вв., когда у власти стоят представители восточноиранских по своей этнической принадлежности династий (Тахириды, Саманиды), при религиозном и, отчасти, политическом лидерстве аббасидских халифов, как глав мусульман; XI – начало XIII вв., когда их сменяют тюркские династии (Караханиды, Сельджукиды, Газневиды, Ануштегиниды), а роль аббасидских халифов сводится к чисто номинальному, религиозному значению. Возрождение местной государственности в Средней Азии происходит в IX–X вв., когда нарушается единство Аббасидского государства как на Западе – в Магрибе, Северной Африке и Андалузии, так и на Востоке – в Хорасане и Мавераннахре.

Начало этому процессу в какой-то мере было положено уже Бармакидами, предки которых были верховными жрецами буддийского храма Наубехар в Балхе. С начала IX в. они стали играть важнейшую роль в системе государственно-административного управления Аббасидского халифата, а один из них – Йахйя б. Хамид Бармакид является первым министром халифата – не арабом.

В конце первой четверти IX в. к власти в северо-восточных провинциях халифата пришла династия Тахиридов (821–874), основателем которой был Тахир б. Хусайн, предки которого происходили из города Бушанж в области Герата (современный Афганистан). В 821 г. он стал наместником Хорасана, в состав которого в ту пору входили почти все северо-восточные области халифата, в том числе Мавераннахр с Бухарой, Самаркандом и Шашем. Тахир б. Хусайн управлял этим наместничеством фактически как независимый правитель, чеканил свою монету, и в ноябре 822 г. приказал не упоминать имени халифа Мамуна в пятничной молитве – хутбе, что в то время в мусульманском мире означало обретение полного суверенитета.

Особого могущества династия Тахиридов достигла при Абу-л Аббасе Абдаллахе б. Тахире (830–844), ставшем фактически независимым правителем. Он укрепил политическую и административную власть, предпринял решительные меры по организации сельского хозяйства и водопользования, проведению новых каналов, развитию ремесел, добыче полезных ископаемых, особенно в области Шаша, славившейся в ту пору серебряными рудниками. Он упорядочил налоговую систему и денежное обращение, от его имени в ряде городов Мавераннахра и Хорасана чеканились медные (фельсы) и серебряные (дирхемы) монеты. Период правления Тахиридов также ознаменовал окончательную победу ислама в Мавераннахре.

Господство этой династии, продлившейся полвека, было низвергнуто новой династией – Саффаридами (873–903), основатель которой Якуб б. Ляйс был по профессии медником – саффаром, откуда и название династии. Однако ни он, ни его брат Амр б. Ляйс не играли особой роли

в политической истории Мавераннахра, в различных областях и городах которого к этому времени фактическая власть принадлежала династии Саманидов.

О происхождении Саманидов нет достаточно точных данных. По мнению ряда ученых, их предок Саманхудат происходил из дехканского рода Ферганы. Но, согласно другим данным, он был выходцем из округа Балха, согласно третьим – из области Термеза. Еще до прихода к власти династии Тахиридов по распоряжению халифа Мамуна наместник Хорасана Гассан б. Аббад (819–821) назначил внуков Саманхудата правителями различных городов Мавераннахра: Нуху б. Асада – правителем Самарканда, Ахмада – правителем Бухары, Иахию – правителем Шаша, Ильяса – правителем Герата.

После смерти Нухи б. Асада главой династии стал его брат Ахмад б. Асад, превративший пожалованные ему прежде владения в наследственные, которыми Саманиды распоряжались по своему усмотрению. Постепенно семья Ахмада стала прибирать к своим рукам владения и других представителей династии Саманидов. Особенно активизировался этот процесс при Насре б. Ахмаде, ставшем главой династии после смерти отца в 864 г.

В 874 г., после разгрома войск Тахира б. Хусайна в Бухаре, почти весь Мавераннахр оказался в руках представителей династии Саманидов. Халиф Мутаим, вынужденный считаться с таким положением дел, отдал Наср б. Ахмаду всю полноту власти в Мавераннахре. Однако последний не мог наладить отношений со своими братьями, каждый из которых считал себя независимым правителем.

В 892 г. после Насра главой династии становится Исмаил б. Ахмад, который подавил мятежи и междоусобицы, отразил военную угрозу со стороны Саффаридов и совершил ряд походов против кочевников, угрожавших Мавераннахру. В результате этих действий Исмаил б. Ахмад создал централизованное государство, одно из самых могущественных в мусульманском мире, независимое от Аббасидского халифата. В состав его, помимо территории современного Узбекистана, вошли северо-восточные области Ирана, север Афганистана и южные районы современного Казахстана. Столицей государства была Бухара.

Государство Саманидов было по преимуществу централизованной монархией, где вся полнота законодательной власти принадлежала амирам из династии Саманидов, а исполнительная власть осуществлялась системой различных по характеру диванов (министерств). Вместе с тем значительную роль в этом государстве играла военнопленная система.

XI – начало XIII в. Династия Саманидов прекратила свое существование в начале XI в., а последний ее представитель Абу Ибрахим Исмаил по прозвищу Мунтасир (Победоносный) погиб в

1005 г. Само же государство Саманидов было разделено в начале XI в. между двумя государствами, управляемыми тюркскими династиями Караханидов и Газневидов.

Караханидский каганат, центром которого являлось Семиречье и Кашгар, образовалось в X в. Родоначальником династии Караханидов был некий Сатук, принявший ислам, а в 960 г. его сын Муса объявил ислам государственной религией каганата.

Караханидский каганат делился на две части: восточный – со столицей верховного кагана в Баласагуне (на территории современного Кыргызстана) и западный – с резиденцией в Таразе (Южный Казахстан), а затем, с начала XI в. – в Кашгаре.

Основную роль в каганате играли тюркские племена: карлуки, чигили, ягм. В конце X в. Караханиды стали совершать походы на Мавераннахр, завершившиеся в начале XI в. гибелью государства Саманидов и подчинением их власти почти всей территории этого региона, за исключением Хорезма, где правил хорезмшах Мамун из династии Иракидов, и его юга с городом Термезом, принадлежавшим султану Махмуду из династии Газневидов.

Основателем этой, также тюркской, династии был бывший гулям Себук-тегин, но подлинного своего могущества она достигла при султানে Махмуде Газневидском (998–1030), в состав государства которого со столицей в Газне входили огромные территории от Каспийского моря до Северной Индии включительно, а также часть современного Узбекистана. В 1017 г. султан Махмуд подчинил себе Хорезм, где устранил от власти хорезмшаха Мамуна и на его место посадил своего ставленника Алтунташа. При преемниках султана Махмуда государство Газневидов постепенно пришло в упадок, сокращаясь в размерах, часть их владений в Хорасане и Мавераннахре вошли в состав государства Сельджукидов и Караханидов.

В 40-х гг. XI в. Тамгач-хан Ибрахим окончательно избавился от подчинения восточному кагану Караханидов и создал в Мавераннахре самостоятельное караханидское государство со столицей в Самарканде. При этом правителе государства Караханидов достигло наивысшего могущества. В его состав входило почти все Междуречье, Шаш, Илак и Фергана.

Государство Караханидов состояло из различных уделов, правители которых во многом были самостоятельными (вплоть до чеканки своих монет), что в значительной степени ослабило государство. К тому же Караханиды испытывали мощное давление внешних врагов – вначале Сельджукидов, а затем, в конце первой половины XII в., Каракитаев.

Сельджукиды, основателем династии которых был некий Сельджук, происходили из тюркского племени огузов, обитавших в степях Приаралья и среднего течения Сырдарьи. В конце X в. туркмены-

сельджуки заселяли степи к северу от реки Зарафшан, в районе Нураты, попав в вассальную зависимость от Саманидов, а в начале XI в. стали постепенно проникать на территорию современного Туркменистана, где столкнулись с Газневидами. В результате длительных войн Сельджукиды отняли у Газневидов всю западную часть их государства, в том числе и области по южному течению Амударьи — Термез, Чаганиан, Хутталь, в пределах современных Южного Таджикистана и Узбекистана. А в битве при Данданакане в 1040 г. они наголову разбили Газневидов.

Сельджукиды создали огромную империю, простиравшуюся от Византии на западе до Тохаристана на востоке, достигшую наибольшего могущества при султанах Али-Арслане (1063–1078) и Маликшахе (1078–1093). Ее столицей был город Мерв, вблизи современного города Байрам-Али в Туркменистане.

Они неоднократно совершали походы в Мавераннахр — на Самарканд и Бухару, временно их подчиняя. Последний такой поход совершил султан Санджар, захватив в 1130 г. Самарканд и сменив на престоле караханидского правителя.

Однако уже в конце 30-х годов XII в. на востоке караханидских владений появилась новая грозная сила — Каракитаи. Этим именем мусульманские авторы называли народ маньчжурского происхождения, кочевавший до прихода в Среднюю Азию в бассейне р. Тарим (Восточный Туркестан).

В 1141 г. в Катванской степи Каракитаи нанесли поражение объединенной армии Сельджукидов и Караханидов. Они обложили население Мавераннахра тяжелой данью — по динару со двора, которая доставлялась в ставку Каракитаев — г. Баласагун.

Однако управление страной оставалось в руках Караханидов, правда, размеры их владений к этому времени значительно сузились. В Бухаре власть фактически перешла в руки Садров (от араб. «садр» — столп) — религиозной наследственной династии, возводившей свой род к халифу Омару.

Во второй половине XII в. в Мавераннахр переселяется тюркское племя карлуков, с которыми Караханиды вели ожесточенную борьбу. В это же время южные области нынешнего Узбекистана подверглись нашествию Гуридов — династии, происходившей из горной области Гур в верховьях Хильменда и Герируда (северо-запад Афганистана). Само государство Караханидов уже не представляло единого целого. В Самарканде, Шаше, Фергане, Чаганиане и Термезе правили самостоятельные караханидские правители.

Во второй половине XII в. происходит возвышение тюркской династии хорезмшахов Ануштегинидов. Султану Текешу (1172–1200 гг.) удалось завоевать в борьбе с Сельджукидами Хорасан и Западный Иран, а его сыну Мухаммеду (1200–1220) разгромить Каракитаев и

Гуридов, восставшее население Хорасана, подавить восстание Малик Санджара в Бухаре. В 1210 г. хорезмшах Мухаммад казнил последнего караханидского правителя Самарканда Усмана, а через два года устранил от власти других владетелей караханидских уделов. Затем он завоевал Иран и Афганистан. В результате этих военных успехов было создано самое могущественное государство на Среднем Востоке – государство Хорезмшахов со столицей в Гургандже (совр. Куня-Ургенч).

Начало XIII – XV вв. Государство Хорезмшахов, созданное не в результате постепенного «собираения земель», а благодаря военным успехам, не было по этой причине долговечным и уже в 1220 г. прекратило свое существование. Решающий удар его кратковременному могуществу нанесла монгольская армия во главе с Чингиз-ханом. Поводом к войне послужил инцидент в пограничной крепости Отрар (на правом берегу Сырдарьи в Южном Казахстане), где был перебит и разграблен с вельможа хорезмшаха Мухаммада караван купцов, посланных Чингиз-ханом.

В начале 1220 г. армия Чингиз-хана вторглась на территорию современного Узбекистана. В феврале этого года была взята Бухара, в марте – Самарканд, осенью – Термез, а в апреле 1221 г. – Гургандж. Все эти города были разрушены до основания, впоследствии некоторые из них, такие как Самарканд и Термез, возродились уже на новом месте.

Хорезмшах Мухаммад бежал от монголов на остров в Каспийском море, где и скончался в начале 1221 г. Продолжил борьбу с монголами его сын Джалаладдин. Ему удалось нанести ряд поражений армии Чингиз-хана, но в решающем сражении на берегу р. Инд он потерпел поражение и бежал на Ближний Восток, где и погиб, ввязавшись в борьбу не только с монголами, но и с местными народами.

Государство Хорезмшахов прекратило свое существование, и тем самым вся Средняя Азия перешла под власть Чингиз-хана.

После смерти Чингиз-хана в 1227 г. вся монгольская империя была поделена на несколько самостоятельных государств между сыновьями и внуками Чингиз-хана, при этом первое время еще сохранялась власть верховных каганов Угедая и Мунке, столица которых находилась в Каракоруме.

Северо-запад нынешнего Узбекистана – Хорезм – вошел в состав улуса Джучи Золотой Орды, остальная его часть стала владением другого сына Чингиз-хана – Чагатая (1227–1241). Однако фактическим основателем Чагатайского улуса стал его внук Алгу (1261–1266).

На первых порах монгольские каганы передали весь Мавераннахр в управление местного купца Махмуда Ялавача, а затем его сына Махмудбека, который в начале 1270-х гг. провел кардинальную денежную реформу, способствовавшую упорядочению денежного обращения и подъему торговли.

Одновременно во второй половине XIII в. наблюдается некоторый подъем городской жизни и экономики, восстановление хозяйства, что связано с известной политикой монгольских ханов по отношению к оседлому населению Мавераннахра, принятой на курултае в 1269 г. в долине р. Талас, – отмена старых обременительных налогов и переход к фиксированным, невмешательство в их дела.

Хан Кепек (1318–1326) был первым чагатаидским ханом, перенесшим свою столицу в Мавераннахр, где неподалеку от Несефа он выстроил дворец (по монг. карши), вокруг которого вырос большой город Карши (ныне центр Кашкадарьинской области Узбекистана). Кепек также провел денежную реформу, введя в обращение серебряные динары весом более 8 г, приравненные к шести дирхемам, и упорядочил административное устройство государства, разделив его на мелкие административные единицы – туманы. При преемнике Кепек-хана – Тармаширине (1326–1334), принявшем ислам, усиливаются противоречия между двумя группировками чагатайской знати: одна была склонна к принятию ислама и переходу к оседлой жизни, другая сохраняла приверженность старой языческой религии и кочевническим традициям. Эта борьба расколола страну на две части – собственно Мавераннахр и Моголистан (территория Семиречья). Феодалные распри, соперничество двух тенденций привели в конце 50-х гг. XIV в. Чагатайское государство к распаду на десятки владений.

В середине XIV в. на политическую арену выходит Амир Тему́р, ставший впоследствии создателем одного из крупнейших государств в истории Востока. Тему́р родился в 1336 г. в селении Ходжа-Илгар, вблизи Кеша, с XIV в. носившего уже название Шахрисабз. Некоторые историки предполагают сейчас, что он родился в селении Ниязи, находившемся на полпути между Карши и Шахрисабзом.

Его отец амир Тарагай был одним из предводителей отуреченного монгольского племени барлас, владевшего восточной частью долины Кашкадарьи.

Начиная с 1360 г. Тему́р выступал на стороне то одних, то других феодалов, одновременно объединяя вокруг себя племя барласов. В начале 1360-х гг. Тему́р, объединившись с правителем Балха амиром Хусайном, отразили нашествие моголистанского хана Туглук Тему́ра, но в так называемой «Грязевой битве» с могольским ханом Ильяс-ходжей потерпели поражение и отступили в Балх.

Ильяс-ходжа уже было подступил к Самарканду, но вспыхнувшее там восстание сарбадоров и мужественное их сопротивление вынудило его уйти. Вернувшись в Самарканд, амир Хусайн и Тему́р сумели подавить движение сарбадоров и казнили их вождей. Однако вскоре отношения между ними обострились и перешли в открытую вражду, победу в которой одержал Тему́р, амир Хусайн был казнен. 9 апреля

1370 г. на курултае, состоявшемся в Балхе, Темур был избран верховным правителем Мавераннахра.

Однако, не будучи Чингизидом, Темур не принял предлагавшегося ему титула хан, ограничившись более скромным титулом – амир, а на престол возвел подставных ханов – Суюргатмыша (1370–1388) и его сына Султана Махмуда (1388–1402).

Женившись на вдове амира Хусайна – Сарай-Мульк Ханым, дочери чагатайского хана Казана, Амир Темур приобрел право на почетный титул «кюреген» (по монг. – зять, т.е. ханский зять), которым весьма гордился. Амир Темур опирался в основном на барласов и другие чагатайские племена, из которых создал мощную армию – главную опору его власти. Он перестроил тактику ведения войн, уделив, в отличие от монгольского войска, большое внимание пехоте.

К 1380 г. Амир Темур, покончив с междоусобицами, совершил походы в Джете (Семиречье), Хорезм, низовья Сырдарьи и объединил прежние владения чагатайских ханов в новое единое государство со столицей в г. Самарканде. На повестке дня встал вопрос о безопасности границ этого государства. На время обезопасив его от набегов монголов с севера и северо-запада, Амир Темур сосредоточил основное внимание на юго-западных рубежах, где подчиненные его власти территории граничили с Ираном, состоявшем в это время из ряда владений.

Окончательное завоевание Ирана и Ирака Амиром Темуром было осуществлено в трехлетний (1386–1389) и пятилетний (1392–1397) походы, хотя первый поход на Хорасан прошел еще в 1381 г. В ходе последующих было подчинено Закавказье, а во время семилетнего похода (1399–1404) разгромлена Османская Турция и завоеваны Мамлюкский Египет и Сирия. В 1398 г. Амир Темур захватил Северную Индию, а в результате походов 1391 и 1395 гг. разбил главного своего врага – золотоордынского хана Тохтамыша. К 1403 г. Амир Темур создал огромное государство, в состав которого, помимо Средней Азии, вошла вся территория Ближнего и Среднего Востока от Средиземного моря до Северной Индии включительно. Все завоеванные им территории он отдал в наследственное владение своим сыновьям и внукам. Скончался Амир Темур 9 февраля 1405 г. в Отраре, во время похода на Китай. После его смерти государство Темуридов стало приходить в упадок, только при Шахрухе (1409–1447) оно сохраняло размеры, примерно равные империи Темура. Мавераннахром в это время управлял знаменитый Улугбек (убит в 1449 г.), который, при всех его достоинствах, не являлся государственным деятелем, подобным Амиру Темуру, к тому же был неудачливым военачальником. В 1451 г. верховным правителем стал Абу Сайид, ему на время почти удалось воссоздать государство Темуридов, но в значительно меньших размерах, чем в начале XV в. Своей столицей он сделал Герат, который стал, особенно при Хусайне Байкаре (1469–1506), научным и культурным центром, где творили

гиганты той эпохи – Алишер Навои и Камал ад-Дин Бехзад. Вместе с тем государство Темуридов было уже не в состоянии защитить себя от внешней угрозы. Главным противником темуридских правителей Хорасана и Мавераннахра становится Мухаммад Шайбани-хан.

XVI–XIX вв. К началу XVI в. Шайбани-хан захватил Бухару и Самарканд, в 1505 г. – Хорезм, а в 1507 г., взяв Герат, покончил с правлением последнего темуридского правителя – Бади аз-Замана. Достойное сопротивление ему оказал лишь Захир ад-Дин Бабур – внук Амира Темура в пятом поколении. После поражения в 1512 г. Бабур ушел в Хисар, откуда предпринимал отдельные походы в Кабулистан и Индию, а в 1525 г. совершил решительный поход в Индию, где основал государство Бабуридов, или Великих Моголов.

После распада государства Темуридов вся территория Среднеазиатского Двуречья была поделена между родственными узбекскими династиями, восходящими своим происхождением к Чингизхану. Большая его часть вошла в состав Шайбанидского государства, основанного Мухаммадом Шайбани-ханом. Однако свое название династия получила не от него, а от его предка – Шайбана, сына Джучи. Границы государств не были постоянными, они то расширялись, то сужались в зависимости от силы и прочности центральной власти, которая зависела от глав улусов – представителей ханского рода и вождей многочисленных узбекских племен.

Наибольшего расцвета государство Шайбанидов достигло при Убайдулле-хане (1534–1540) и особенно при Абдулле-хане II (1583–1598). Однако после смерти Абдуллы-хана в стране началась ожесточенная феодальная и династическая борьба, приведшая к тому, что здесь воцарилась новая династия – Джанидов, по имени основателя Джани Мухаммада.

Хорезм, низовья Сырдарьи и часть современного Туркменистана в это время управлялись другой, родственной Шайбанидам, династией, основанной султаном Ильбарсом, который с 1511 г. становится правителем этого ханства. С 1596 г., когда столицей ханства была провозглашена Хива, его стали именовать Хивинским ханством. Границы его не были постоянными и менялись в зависимости от политических событий в стране и соседних государствах. В конце XVII – первой половине XVIII вв. страны Среднеазиатского Двуречья охватил тяжелый экономический и политический кризис, усугубленный постоянными внешними вторжениями кочевых племен, в частности калмыков из Джунгарского ханства и персидского шаха Надира в 1740 г. В этих условиях часто сменяемые правители государств фактически превратились в подставных ханов, от имени которых правили главы различных узбекских племен. В середине XVIII в. дальнейшее обособление территорий внутри Среднеазиатского Двуречья способствовало возникновению новых государств.

В 1747 г. в Бухаре к власти приходит Мухаммад Рахим бай – амир племени мангигов, ставший основателем новой династии Мангигов, управлявшей большей частью Среднеазиатского Двуречья. Со времени прихода к власти амиров из Мангигов, Бухарское ханство стало амиратом и просуществовало вплоть до 1920 г. Бухарское амиратство наибольшего своего могущества достигло при амирах Шахмураде (1785–1800) и Насрулле (1826–1866), при которых в состав государства входила большая часть Среднеазиатского Двуречья, а также север Афганистана с Балхом и часть Туркменистана.

В начале XVIII в. Фергана обособляется в отдельное владение, первым правителем которого стал Шахрух-бий из узбекского племени минг. Один из правителей этого владения Аламбек в 1805 г. принял титул хана, и его государство стало называться Кокандским ханством – по названию его столицы Коканда. Помимо Ферганы, в состав этого ханства с 1808 г. вошли Ташкент и территории по Сырдарье. В 1864 г. русскими войсками был завоёван Ташкент, а затем Фергана, в результате чего Кокандское ханство прекратило свое существование и вошло в состав Российской империи.

В Хорезме в середине XVIII в. к власти пришел амир узбекского племени кунград Мухаммад Амин (1763–1790). Его сын Эльтузар в 1804 г. принял титул хана и стал первым ханом кунградской династии, правившей в Хивинском ханстве вплоть до 1920 г.

Литература

Альбаум Л.И. Балалык-тепе. Т., 1960.

Он же. Живопись Афрасиаба. Т., 1975.

Амир Темур в мировой истории/Под ред. Ртвеладзе Э.В., Саидкасымова С. Т., 2002.

Аскарлов А.А. Сапалли-тепа. Т., 1973.

Он же. Древнеземледельческая культура юга Узбекистана. Т., 1977.

Аскарлов А.А., Абдуллаев Б.Н. Джар-Кутан. Т., 1983.

Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. М., 1965.

Ахмедов Б.А., Мукминова Р.Г., Пугаченкова Г.А. Амир Темур. Т., 1999.

Бартольд В.В. Сочинения: В 8-ми т. М., 1963–1977.

Беленицкий А.М. Монументальное искусство Пенджикента. Живопись. Скульптура. М., 1973.

Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.

Бернштам А.Н. Древняя Фергана. Т., 1952.

Он же. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М., 1952.

Борисов А.Я., Луконин В.Г. Сасанидские геммы. Л., 1963.

Брыкина Г.А. Юго-западная Фергана в первой половине I тыс. нашей эры. М., 1982.

Булатова В.А. Древняя Кува. Т., 1972.

Буниятов З.М. Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов (1097–1231). М., 1986.

Буряков Ю.Ф. Историческая топография древних городов Ташкентского оазиса. Т., 1975.

Он же. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Т., 1982.

Бухара – жемчужина Востока/Научн. ред. Мухамеджанов А.Р., Хакимов А.А. Т., 1997.

Вайнберг Б.И. Монеты древнего Хорезма. М., 1977.

Воробьева М.Г. Керамика Хорезма античного периода//ТХАЭЭ. IV. М., 1959.

Она же. Дингильдже. М., 1973.

Воронина В.Л. Древняя строительная техника Средней Азии// Архитектурное наследство. Вып. 3. М., 1953.

Вызго Т.С. Музыкальные инструменты Средней Азии. Исторические очерки. М., 1980.

Вяткин В.А. Афрасиаб – городище бывшего Самарканда. Т., 1927.

Гаибов г. Ранние походы арабов в Среднюю Азию. Душанбе, 1989.

Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972.

Горбунова Н.Г. О локальных особенностях в культуре древней Ферганы//СА.1970. № 1.

Она же. Поселения Ферганы первых веков нашей эры//СА. 1973. № 3.

Григорев Г.В. Отчет об археологической разведке в Янгиюльском районе УзССР 1934 г. Т., 1937.

Гулямов Я. г. История орошения Хорезма. Т., 1957.

Дальверзин-тепе. Кушанский город на юге Узбекистана/Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. и др. Т., 1978.

Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии//Археология СССР. 1985.

Древний Ташкент. Т., 1973.

Древности Ташкента. Т., 1976.

- Древности Туябугуза. Т., 1978.
- Древности Чарвака. Т., 1976.
- Древняя Бактрия. Л., 1974.
- Древняя и средневековая культура Чача. Т., 1979.
- Дьяконов М.М. Сложение классового общества Северной Бактрии//СА. 1954. № 19.
- Он же. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадияна) //МИА. 1953. № 37.
- Жалолитдин Мангуберди/Научн. ред. Ртвеладзе Э.В., Уринбаев А. Т., 1999.
- Живопись древнего Пенджикента: Сб. статей. М., 1954.
- Жуковский В.А. Развалины древнего Мерва. СПб., 1884.
- Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы//МИД. 1962. № 118.
- Он же. Чустская культура в Ферганской долине//Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.-Л., 1966.
- Зеймаль Е.В. Древние монеты Таджикистана. Душанбе, 1983.
- Исамиддинов М.Х., Сулейманов Р.Х. Ер-Курган. Т., 1986.
- История Узбекистана. Т., 1993. Т. 3.
- Кабанов С.К. Археологические данные по истории Нахшеба в III–V вв.//ВДИ. 1953. № 2.
- Он же. Позднекушанские поселения в низовьях р. Кашкадарьи//Центральная Азия в Кушанскую эпоху. М., 1972. Т. 2.
- Камалитдинов Ш.С. Историческая география Южного Согда и Тохаристана по арабоязычным источникам IX – начала XIII вв. 1992.
- Кастальский Б.Н. Историко-географический обзор Сурханской и Шерабадской долин//Вестник ирригации. 1930. № 3.
- Кесь А.С., Лисицина Г.Н. Древние оросительные сооружения Юго-западной Туркмении//СА. 1975. № 1.
- К исторической топографии древнего и средневекового Самарканда. Т., 1981.
- Кожемяко П.Н. Основные достижения и проблемы археологии Киргизской ССР//КСИА. 1970. № 122.
- Козенкова В.Н. Погребальные памятники Ферганы первых веков н.э.//СА. 1966. № 1.
- Кошеленко Г.А. Культура Парфии. М., 1966.
- Крашенинникова Н.И. Разрез крепостной стены древнего Кеша//ОНУ. 1968. № 8.

- Лившиц В.А. Согдийские документы с горы Муг. М., 1962.
- Литвинский Б.А. Кангюйско-сарматский фарн. Душанбе, 1968.
- Он же. Курганы и курумы Западной Ферганы. М., 1972.
- Он же. Распространение буддизма в Средней Азии//Центральная Азия в кушанскую эпоху. М., 1975. Т. 2.
- Он же. Кушанский город в Средней Азии и Индии//НАА. 1979. № 3.
- Луконин В.Г. Культура сасанидского Ирана. М., 1969.
- Максимова А.Г., Мерциев М.С., Вайнберг Б.Н., Левина Л.М. Древности Чардары. Алма-Ата, 1968.
- Мандельштам А.М. Кочевники на пути в Индию. М., 1966.
- Манылов Ю.П. Археологические памятники Султан-Уиздага эпохи античности и Средневековья//Автореф. дисс. ... к.и.н. Т., 1977.
- Массальский В.Н. Туркестанский край. СПб., 1913. XIX.
- Массон В.М. Древнеземледельческая культура Маргианы. М.-Л., 1959.
- Он же. Кушанская эпоха в древней истории Узбекистана//ОНУ. 1981. № 6.
- Массон М.Е. Археологические исследования в Узбекистане//Наука в Узбекистане за 15 лет (1924–1939). Т., 1939.
- Он же. Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении//ТСАГУ. Вып. XXXI. Ист. науки. Т., 1956.
- Материалы Тохаристанской экспедиции. Археологические раскопки. Кампыр-тепа. Вып. 1-3. Т., 2000–2002.
- Негматов Н.Н. Ходжент и Уструшана в древности и Средневековье (сер. 1-го тыс. до н.э. – I в. н.э.). Автореф. дисс. ... д.и.н. М., 1968.
- Негматов Н.Н., Хмельницкий С.Г. Средневековый Шахристан. Душанбе, 1966.
- Неразик Е.Е. К проблеме развития городов Хорезма. М., 1981.
- Нильсен В.А. Архитектура Средней Азии V–VII вв. Т., 1966.
- Пидаев Ш.Р. Поселения кушанского времени Северной Бактрии. Т., 1978.
- Пилипко В.Н. Поселения Северной Парфии//Автореф. дисс. ... к.и.н. Л., 1971.
- Он же. Поселения Северо-западной Бактрии. Ашхабад, 1985.
- Пичикян И.Р. Культура Бактрии. М., 1991.
- Пугаченкова Г.А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма//ТЮТАКЭ. Т. VI. 1958.

- Пугаченкова Г.А., Ремпель Л. И. История искусств Узбекистана. М., 1965.
- Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. Северная Бактрия-Тохаристан. Очерк истории и культуры. Т., 1990.
- Пугаченкова Г.А. Халчаян. Т., 1965.
- Она же. Скульптура Халчаяна. М., 1971.
- Рапопорт Ю.А. Из истории религии древнего Хорезма. М., 1971.
- Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980.
- Ртвеладзе Э.В. Древние монеты Средней Азии. Т., 1987.
- Он же. Великий шелковый путь. Т., 1990.
- Он же. Александр Македонский в Бактрии и Согдиане. Т., 2002.
- Ртвеладзе Э.В., Лившиц В.А. Памятники древней письменности Средней Азии. Т., 1985.
- Ртвеладзе Э.В., Саидов А. Х., Абдуллаев Е. Очерки по истории цивилизации Узбекистана. Государственность и право. Т., 2000.
- Сагдуллаев А.С. Усадьбы древней Бактрии. Т., 1990.
- Сайко Э.В. К истории гончарного круга и развитие форм керамики. Душанбе, 1991.
- Сарианиди В.А. Древние земледельцы Афганистана. М., 1977.
- Он же. Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. Ашхабад, 2002.
- Свет из глубины веков. (Об имаме Аль-Бухари и его эпохе)/Научн. ред. Ртвеладзе Э.В., Хабибуллаев Н.Н. Т., 1999.
- Смирнова О. И. Очерки из истории Согда. М., 1970.
- Она же. Сводный каталог согдийских монет. Бронза. М., 1981.
- Соловьев в. С. Северный Тохаристан в раннем средневековье. Елей, 1997.
- Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннее средневековье. М., 1999.
- Ставиский Б.Я. Кушанская Бактрия. Проблемы истории и культуры. М., 1977.
- Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб. Т., 2000.
- Тереножкин А.И. Согд и Чач//КСИИМК. Вып. XXIII. 1949.
- Термез – древний и средневековый город на перекрестке великих дорог/Научн. ред. Э.В. Ртвеладзе. Т., 2001.
- Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948.
- Он же. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948.

- Он же. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
- Труды Семиреченской археологической экспедиции. М.-Л., 1950.
- Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (ХАЭЭ)/ Под ред. Толстова С.П. М., 1953. Т. 4.
- Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ): В 19-ти т./Под ред. Массона М.Е. Ашхабад. 1949. Т. 1.
- Труды Термезской археологической комплексной экспедиции (ТАКЭ): В 2-х т./Под ред. Массона М.Е. Т., 1941, т. 1.; 1945, т. 2.
- Усманова З.И. Эрк-кала//Труды ЮТАКЭ. Ашхабад, 1963. Т. 12.
- Филанович М.И. Гяур-кала // Труды ЮТАКЭ. Ашхабад, 1974. Т. 15.
- Она же. Ташкент: Зарождение и развитие города и городской культуры. Т., 1983.
- Хива – город тысячи куполов/Научн. ред. Ртвеладзе Э.В., Хабибуллаев Н.Х. Т., 1997.
- Шахрисабз – наследие тысячелетий/Научн. ред. Ртвеладзе Э.В., Сагдуллаев А.С. Т., 2002.
- Шишкин В.А. Варахша. М., 1963.
- Шишкина Г.В. О местонахождении Мараканды//СА. 1969. № 1.
- Она же. Керамика конца IV–II вв. до н.э.//Афрасиаб. 1974. № 3.
- Ягодин В.Н., Ходжайов Т.К. Некрополь древнего Миздакхана. Т., 1970.
- Якубов Ю. Раннесредневековые сельские поселения горного Согда. Душанбе, 1988.

Edward Rtweladse

DIE GESCHICHTE USBEKISTANS

Diese ausgedehnte Region, die bis vor kurzem noch das sowjetische Mittelasien war, erstreckt sich vom Kaspischen Meer im Westen bis zum Pamirgebirge im Osten sowie vom Fluss Amudarja und dem Gebirge Kopet-Ddagh im Süden bis zum kasachischen Steppenland im Norden.

Seine wichtigsten Wasseradern sind die beiden großen Ströme Amudarja (in der Antike Oxus genannt) und Syrdarja (in der Antike Jaxartes genannt), die in den Aralsee münden und das sogenannte zentralasiatische Zweistromland bilden, das die Araber Mavaranahr – das Land jenseits des Flusses – nannten. Zur Bezeichnung dieses Gebiets werden auch die Namen Turan (verliehen durch den Tur-Stamm) sowie seit dem Mittelalter auch Turkestan verwendet.

Durch das Gebiet Mittelasiens fließen kleinere Flüsse – Sarafschan, Kaschkadarja, Murgab und Tedschen. Hauptsächlich dank dieser Flüsse und der angelegten Bewässerungskanäle wurde die Besiedelung dieses Gebiets und die Entwicklung der Ethnien überhaupt erst möglich.

Heute ist Mittelasien Hoheitsgebiet unabhängiger Staaten, die aus früheren Sowjetrepubliken entstanden sind, Kirgisistan, Tadschikistan, Turkmenistan, Usbekistan und zum Teil auch Kasachstan.

In der Antike und im frühen Mittelalter existierten hier einige größere und viele kleinere historisch-kulturelle Staatsgebilde, die alle nach dem 7. bzw. 8. Jh. v. Chr. entstanden.

Einer davon ist Parthien – ein Staat, der in den Gebirgsausläufern von Kopet-Ddagh und Margian am Unterlauf des Murgab-Flusses (heutiges Turkmenistan) lag. Dort befindet sich die Wiege der ersten sesshaften Ackerbaukultur in der Jungstein- (6. – 5. Tsd. v. Chr.) und der Bronzezeit (3-2 Tsd. v. Chr.)

Choesm – ein Staat im Delta des Amudarja, wo man (neben Baktrien und Midien) den Geburtsort des legendären Propheten Zarathustra vermutet und wo das heilige Buch des Zarathustrismus – «Avesta» geschrieben wurde.

Ferner sind auch Sogdiana, das Land mit seinen berühmten Städten Buchara und Samarkand im Sarafschan- und dem Kaschkadarja-Flußbecken, Ustruschana, der antike Staat in der heutigen Dschisak-Provinz und Nordtadschikistan, sowie Tschatsch oder Tschatschana, der Staat in der heutigen ostusbekischen Provinz und Fergana aufzuzählen. Die Provinz Surchandarja gehörte zuerst zu Baktrien und danach zu Tocharistan, dem Land der Tocharen, die Baktrien in der zweiten Hälfte des zweiten Jh. v. Chr. eroberten. Tocharistan war ein Land mit reichen kulturellen Traditionen und einer fortgeschrittenen Zivilisation: Hier entstanden die wichtigsten historisch-

kulturellen Glaubensrichtungen wie z. B. der Hellenismus und der Buddhismus sowie die bedeutendsten Ereignisse im Hinblick auf die Gründung des griechisch-baktrischen Reiches und des Kuschan-Staates. Nicht umsonst nannten die Araber die in Nordafghanistan liegende baktrische Hauptstadt Baktri (im Mittelalter auch Balch genannt) Umm al-Bilad, die «Mutter aller Städte».

Dass Mittelasien bereits in der Altsteinzeit von Menschen besiedelt war, beweisen archäologische Funde. Vor 500.000 bis 1.000.000 Jahren lebten bereits Urmenschen in der Selengur-Höhle im Delta des Soch-Flusses in Südfergana. Aus dem Jungpaläolithikum (40. – 12. Tsd. v. Chr.) stammen die Siedlungen in Samarkand, Aman-Kutan und in den Höhlen Matschai und Teschik-Tasch (Provinz Surcharndarja, Usbekistan). Bei Untersuchungen eines in Teschik-Tasch gefundenen männlichen Neandertaler-Skeletts stellte sich heraus, dass der südliche Teil Mittelasiens der Geburtsort des Neumenschen war. Dem Mesolithikum (12. –15. Tsd. v. Chr.) werden wiederum die Felszeichnungen mit den Abbildungen einer Stierjagd, entdeckt in Zaraut-Saj im Kutitang-Gebirge, Provinz Surcharndarja, Usbekistan, sowie die Felszeichnungen in einer Grotte in Tadschikistan zugeordnet.

Im Neolithikum (6-4 Tsd. v. Chr.) entstanden drei große archaische Kulturen in Zentralasien: Dscheitun, Hissar und Kelteminar. Dscheitun ist eine Kultur sesshafter Ackerbauern, die sich im Vorgebirge von Kopet-Ddagh im Süden Turkmenistans niedergelassen hatte. Kelteminar war eine Gesellschaft von Viehzüchtern und Fischern mit Siedlungsgebieten im Unterlauf des Amurdarja. Hissar, eine Kultur von Ackerbauern und Viehzüchtern, umfasste teilweise den Süden Usbekistans.

Das Neolithikum stellt eine wichtige Phase in der Geschichte Mittelasiens dar, entstanden doch um diese Zeit erstmals der primitive bewässerte Ackerbau, die ersten ortsfesten Siedlungen, die ersten Behausungen und Tempelanlagen aus Lehmblöcken und Luftziegeln, das Buntkeramikgewerbe, die ersten Kunstarten wie die Bemalung von Tempelwänden und primitive Kleintonplastik. All diese Erscheinungen waren für die Dscheitun-Kultur kennzeichnend, während die wirtschaftliche Grundlage in den anderen Regionen Zentralasiens die Viehzucht, die Jagd, das Beerensammeln und der Fischfang bildete.

Ein weiterer Schub bei der Entwicklung der sesshaften Ackerbaukultur fand in der Jungsteinzeit (4. Tsd. v. Chr.) und der Bronzezeit (3. – 2. Tsd. v. Chr.) statt: Werkzeuge und Waffen aus Bronze wurden vermehrt verwendet, der Ackerbau entwickelte sich zügig, Bewässerungskanäle und Wassergräben wurden angelegt, das Keramik- und Hüttenwesen entstand. Die sesshafte Ackerbaukultur erstreckte sich um diese Zeit räumlich von Margiana und Südturkmenistan aus nach Osten und Südosten hin und umfasste die Gebiete Südkasachstans und Nordafghanistans, wo sich auch Baktrien befand.

Während der Norden Zentralasiens von Viehzüchterstämmen (sog. Steppenzivilisation Andronowo, ca. 2. Jtd. v. Chr.) besiedelt war, ließ sich die

Tasabagschab-Zivilisation der Jäger und Fischer mit ihren Formen primitiven Ackerbaus am Unterlauf des Amur darja nieder. Die Zeit um die Mitte des 2. Jtd. v. Chr. war für die Geschichte Zentralasiens besonders bedeutungsvoll, da eine Hypothese besagt, dass die indoeuropäischen Stämme auf ihrem Wanderzug nach Indien das Gebiet Zentralasiens überquerten.

Es ist nicht auszuschließen, dass die ersten Staatsstrukturen nach dem altägyptischen Muster «Nomah-Stadt-Staat» in den fortschrittlichsten Regionen Zentralasiens zur Spätbronzezeit in der zweiten Hälfte des 2. Jtd. v. Chr. an Rastplätzen entstanden, wo eine größere Siedlung mit gemeinschaftlichen Gütern ein Verwaltungszentrum bildete, an das sich mehrere kleinere Siedlungen anschlossen, die entlang eines Kanals oder eines Flusses lagen.

Anfang 1000 v. Chr. veränderten sich die Gestalt und die Inhalte der Zivilisationen wesentlich. In dieser Zeitperiode florierte die sogenannte Dschas-I-Zivilisation im größten Teil von Südzentralasien, die sich durch einfache und primitiv bemalte Keramikerzeugnisse hervortat. Es entstanden Siedlungen mit Zitadellen. Die Verbreitung dieser Zivilisation ist auf die Wanderzüge iranischer Völker zurückzuführen. Zur gleichen Zeit, ca. 7. – 6. Jh. v. Chr., entstanden die historisch-kulturellen Staatsgebiete Baktrien, Margian, Choresm und Sogdiana sowie größere Siedlungen mit einer Fläche von über 100 Hektar, umgeben von starken Stadtmauern (Marakanda, Kok-Tepa, Uzun-Kyr, Er-Kurgan).

539 bzw. 529 v. Chr. war Mittelasien vom Achämenidenkönig Kyros erobert worden. Kyros selbst fiel in einer Schlacht gegen die Saken unter Anführung ihrer Königin Tomyris. Erst nach vielen Jahren gelang es seinem Nachkommen Xerxes, die Leiche von Kyros zu bergen und in Pasargad zu bestatten. Im Laufe von zwei Jahrhunderten gehörte der ganze Süden Zentralasiens dem Achämeniden-Reich an. Dieses Gebiet wurde in eine Satrapenprovinz verwandelt und musste den Tribut in Talenten (Gewichtseinheit in Silber) an die achämenidischen Könige entrichten. Drei zentralasiatische Satrapenkolonien – Baktrien, Sogd und Choresm – befanden sich vollständig oder teilweise auf dem Territorium des heutigen Usbekistans.

Die Achämeniden-Herrschaft endete mit den Feldzügen von Alexander dem Großen. Er eroberte das Bollwerk der Achämeniden im Jahre 329 v. Chr. und fiel mit seinem Heer in Zentralasien ein, um den letzten Anwärter auf den Achämeniden-Thron, den baktrischen Satrapen Bess, zu vernichten. Alexander hat drei Jahre (329-327 v. Chr.) gebraucht, um Zentralasien zu besetzen und dessen Völker, insbesondere die Sogden und ihren Anführer Spitamenes, die erbitterten Widerstand leisteten, zu bekämpfen. Zu dieser Zeit bildete sich augenscheinlich der erste Staat auf dem Gebiet des heutigen Usbekistans – das Reich von Choresm. Dem überlieferten Aufsatz von Arrian ist zu entnehmen, dass Alexander der Große den König Pharasman von Choresm zu Verhandlungen über eine militärische Allianz in Marakanda (heutiges Samarkand) 328 v. Chr. empfing.

Nach dem Tod von Alexander und dem darauffolgenden Diadoch-Krieg fiel der Südteil Zentralasiens nach 306 v. Chr. an das Reich der Seleukiden, wobei der Satrap von Seleukiden einen Aufstand gegen das Mutterland Mitte des 3. Jh. v. Chr. auslöste und einen unabhängigen Staat gründete, der als griechisch-baktrisches Reich in die Geschichtswissenschaft einging.

Durch die politische Dominanz der Hellenen lag Zentralasien und insbesondere sein südlicher Teil in ihrem Einflussgebiet. Zwar endete die politische Herrschaft der Hellenen Anfang der zweiten Hälfte des 2. Jh. v. Chr., dennoch währte der Hellenismus noch eine lange Zeit fort.

Das griechisch-baktrische Reich ging Anfang der zweiten Hälfte des 2. Jh. v. Chr. unter, angegriffen durch die Stämme der Saken und Sarmaten (Asijew, Pasian, Sakarawl) sowie später auch durch die Jüe-Tschi-Stämme, die vor den Hunnen nach Baktrien flohen. Die Jüe-Tschi-Stämme besiedelten zuerst den Nordteil von Baktrien (Provinz Surhandarja des heutigen Usbekistans) sowie Südtadschikistan und eroberten anschließend das ganze Baktrien, wo sie ihre Hauptstadt in Baktr (heutiges Balch in Nordafghanistan) gründeten. Das war ein Staat mit föderativem Aufbau, der aus einzelnen eigenständigen Landesprovinzen bestand.

Ein gleichermaßen aufgebauter Staat – Kanguy – entstand im 2. Jh. v. Chr. in Transoxanien, dem Zweistromland, und bestand nach der Überlieferung von Hou-Khan-Shu aus fünf Landesteilen, die jeweils eigene Münzen prägten und somit eigenständig waren.

In der zweiten Hälfte des 2. Jh. v. Chr. entdeckte das chinesische Kaiserreich für sich das Abendland, Zentralasien, dank der Mission von Huan-Tsin. Nach Ende des 2. Jh. v. Chr. bestanden regelmäßige diplomatische und kommerzielle Beziehungen zwischen China und den Staaten des Abendlandes, Parthien, und den östlichen Mittelmeerstaaten. Wesentliches Ergebnis dieser Beziehungen drückt ist die Entstehung der Großen Seidenstraße – der ersten transnationalen Verkehrsverbindung in der Zivilisationsgeschichte – aus, die die Länder in West und Ost miteinander verband.

In der Zeit vom 1. Jh. bis zur ersten Hälfte des 3. Jh. n. Chr. gehörte der Nordteil Baktriens dem mächtigen Kuschan-Reich an, das in der ersten Hälfte des 1. Jh. n. Chr. durch einen Adligen der Jüe-Tschi-Abstammung, Kuei-Schuang Kudjula Kadfiz, gegründet wurde. Sogd (die heutigen Regionen Kaschkadarja und Samarkand, Usbekistan) war zu jener Zeit ein unabhängiger Staat und wurde von der Girkod-Dynastie regiert, die ebenfalls dem Jüe-tschi-Stamm zuzuordnen ist. In Choresm kam die Afrigid-Dynastie an die Macht, die von 700 bis 800 n. Chr. regierte. Eigenständige Staaten waren Buchara und Davan (Fergana) sowie vermutlich auch Tschatsch, was sich im einzelnen durch geprägte Münzen (ausgenommen von Davan, wo chinesische Uschu-Münzen im Umlauf waren) bestätigt. Es ist aber nicht auszuschließen, dass all diese Länder in Transoxanien dem Kanguy-Reich angehörten.

Die Zeit zwischen dem 3. und dem 4. Jh. n. Chr. zeichnete sich in der Geschichte Zentralasiens durch den Zusammenbruch der großen Reiche der Antike, Kuschan und Parthien, sowie durch die Gründung kleiner eigenständiger Staaten aus. Zu dieser Zeit überfielen die Nomadenstämme der Xioniten und Kidariten das Gebiet und zerstörten die althergebrachten Ordnung.

Im frühen Mittelalter veränderten sich die sozialen Verhältnisse und es bildete sich eine Schicht reicher Bauern, die Dechkanen. Die Zeit war von Kämpfen um die Vorherrschaft bestimmt, die unter den Großmächten ausgetragen wurden: Der letzte Krieg endete Mitte des 8. Jh. n. Chr. mit der endgültigen Angliederung dieser Region an das Abbassiden-Imperium.

In der zweiten Hälfte des 5. Jh. n. Chr. gehörte der größte Teil des zentralasiatischen Zweistromlandes, darunter auch Sogd, das nördliche Tocharistan und Tschatsch, dem Hephtaliten-Reich an. Zwar ist die Herkunft der Hephtaliten nach wie vor umstritten, dennoch vermutet man ihre Wurzeln bei den Auswanderern aus Badachschan, den Bergbewohnern des Pamir-Gebirge, und den Nomaden aus Baktrien und Tocharistan.

Der zentralasiatische Hephtaliten-Staat war ein Bund aus zahlreichen halbeigenständigen Gruppen mit ihren erblichen Dynastien. Er verschwand zwischen 563 und 567, nachdem die Hephtaliten durch die Türken bei Buchara geschlagen wurden. Anschließend wurde der größte Teil des zentralasiatischen Zweistromlandes vom Türken-Kaganat einverleibt und dabei in zwei Teile aufgeteilt, einer davon fiel an das westliche Kaganat. Diese Ereignisse führten schließlich zur Aufhebung der Macht der sesshaften Herrscher und zu deren gewaltsamem Ersatz durch türkische Regenten, die sich insbesondere in Sogd, Tocharistan und Tschatsch durchsetzen konnten.

Im 7. Jh. und der 1. Hälfte des 8. Jh. war das zentralasiatische Zweistromland eine Ansammlung kleinerer und mittelgroßer Besitzungen, die von ostiranischen Erbdynastien beherrscht wurden. Die größten von ihnen gehörten den Schahs zu Choresm mit der Hauptstadt in Gurgandsch (heutiges Kunja-Urgantsch), der Bucharhudat-Dynastie mit der Hauptstadt in Buchara, der sogdischen Ichschiid-Dynastie mit der Hauptstadt in Samarkand, der Chidew-Chaganian-Dynastie mit der gleichnamigen Hauptstadt in der Nähe des heutigen Denau in der Provinz Surhandarja sowie der Chwab-Chatcha-Dynastie mit seiner Hauptstadt an der Stelle des heutigen Taschkent. Gleichmaßen vielschichtig war das religiöse Leben in diesen Kleinstaaten. Der Zoroastrismus war die vorherrschende Religion in den weitesten Teilen des zentralasiatischen Zweistromlandes, gefolgt vom Christentum und dem Manichismus sowie im Süden vom Buddhismus. Die fehlende politische und religiöse Einigung in Mittelasien war Anlass für eine aktive Einmischung des Tsian-China und des Iran. Der chinesische Verwaltungsapparat kontrollierte mehrere Gebiete im mittelasiatischen Zweistromland und ernannte gar Regierungen und Verweser zur Verwaltung seiner Westkolonien. Der ganze

turkmenische Süden (Chorassan) und etliche Gebiete im mittelasiatischen Zweistromland standen unter der iranischen Sassaniden-Herrschaft.

Seit Mitte des 7. Jh. n. Chr. übernahmen auch die Araber eine bedeutende Funktion im politischen Geschehen Mittelasiens. 651 eroberten sie die Stadt Merv (bei Bairam-Ali in Turkmenistan) und überfielen von da aus mehrmals das mittelasiatische Zweistromland, dem sie auch den Namen Mawarennahr gaben. Um die Mitte des 8. Jh. n. Chr. unternahmen die Araber unter der Führung von Kuteyboy bin-Muslim mehrere Feldzüge (zw. 704 u. 712) gegen das mittelasiatische Zweistromland und eroberten es schließlich, wodurch es an das abissinische Kalifat angegliedert wurde. 751 besiegten die Araber das chinesische Heer in der Schlacht bei Talas und bereiteten dadurch der chinesischen Präsenz in Mittelasien ein Ende. Mit diesem Sieg wurden alle zum Widerstand fähigen Feinde der Araber und des Islams über lange Sicht beseitigt. Um das 9. Jh. n. Chr. stieg der Islam zur Staatsreligion der mittelasiatischen Nationen auf.

Die Zeit zwischen dem 9. und dem frühen 13. Jh. wird wegen ihrer immensen historischen Bedeutung in der Geschichtswissenschaft als die Zeit des fortschrittlichen Mittelalters bezeichnet. Sie begann um die Wende zwischen dem 8. und dem 9. Jh. und zeichnete sich durch einschneidende Veränderungen im Staatsaufbau, den sozialen und ökonomischen Verhältnissen und der Literatur aus. Die alten Religionen, Zoroastrismus, Manichismus und Buddhismus gehörten nunmehr der Vergangenheit an. Der Islam errang den Sieg und wurde zur Lebensnorm in der ausgedehnten Region östlich des Amudarja, dem heutigen Usbekistan.

Diese Zeit lässt sich in zwei längere Perioden einteilen:

Im 9. und 10. Jh. n. Chr. waren ethnische Vertreter der ostiranischen Dynastien (Tahiriden und Samaniden) an der Macht, wobei die Abbassiden-Kalifen als muslimische Obrigkeit das religiöse und z. T. politische Geschehen eigenhändig bestimmten;

Im 11. und bis zum Anfang des 13. Jh. n. Chr. wurden sie durch türkische Dynastien (Karachaniden, Gasnawiden, Anuschteginiden) abgelöst. Den Abbassiden-Kalifen kam lediglich eine formelle und religiöse Bedeutung zu. Die Wiederbelebung des Staatswesens erfolgte in Zentralasien zwischen dem 9. und 10. Jh. n. Chr., als die staatliche Integrität des Abbassiden-Staates sowohl im Westen – Magreb, Nordafrika und Andalusien – als auch im Osten – Chorasan und Mawarannahr – zerbrach.

Dieser Wandel wurde gewissermaßen bereits durch die Barmakiden eingeleitet, deren Vorfahren Priester im buddhistischen Tempel Naubechar in Balch waren. Seit Anfang des 9. Jh. n. Chr. übernahmen sie eine wichtige Rolle in der administrativen Staatsverwaltung des Abbasiden-Kalifats, während einer von ihnen, Jah'ja bin-Hamid Barmakid, als nicht-Araber zum Ersten Minister des Kalifats ernannt wurde.

Die Tahiriden-Dynastie (821–874), deren Gründer Tahir bin-Husein aus der Stadt Buschandsch bei Herat (heutiges Afghanistan) stammt, kam Ende des ersten Viertels des 9. Jh. n. Chr. in den nordwestlichen Provinzen des Kalifats an die Macht. 821 stieg er zum Statthalter von Chorasán auf, dem damals fast alle nordöstlichen Provinzen des Kalifats, darunter auch Mawarannahr, Buchara, Samarkand und Schasch, angehörten. In der Tat übte Tahir bin-Husein sein Amt als unabhängiger Regent aus und prägte sogar eigene Münzen. 822 befahl er den Namen des Kalifs Mamun im Freitagsgebet nicht mehr zu erwähnen, was damals in der moslemischen Welt die vollständige Souveränität bedeutete.

Den Gipfel ihrer Macht erreichte die Tahiriden-Dynastie unter Abul al Abbas Abdallah bin-Tahir (830-844), der ebenfalls unabhängig regierte. Er verstärkte die politische und administrative Macht, verbesserte die Land- und Wasserwirtschaft, ließ neue Kanäle anlegen, förderte das Handwerk, ließ verstärkt Bodenschätze insbesondere um Schasch abbauen, einem Ort, der damals für seine Silberminen bekannt war. Er verbesserte die Fiskal- und Monetärordnung und ließ Münzen prägen. Die Regierungszeit der Tahiriden sorgte für eine endgültige Verankerung des Islams in Mawarannahr.

Die Macht dieser Dynastie, die ein halbes Jahrhundert dauerte, wurde durch eine neue Dynastie, die der Saffariden (873-903), an sich gerissen. Der Gründer der neuen Herrscherdynastie, Jakub bin-Lais, war ein Klempner, ein Saffar von Beruf, daher auch der Name der Dynastie. Dennoch vermochte weder er noch sein Bruder Amr bin-Lais das politische Geschehen in Mawarannahr entscheidend zu beeinflussen. Vielmehr gehörten verschiedene Provinzen und Städte von Mawarannahr tatsächlich zur Dynastie der Samaniden.

Zur Herkunft der Samaniden gibt es keine glaubwürdigen Angaben. Mehrere Wissenschaftler vermuten, dass der Dynastievater Samanhudat Angehöriger eines Bauernstammes aus Fergana gewesen sei. Anderen Vermutungen zufolge kommt er aus der Gegend von Balch oder aus dem Gebiet von Termes. Bevor die Tahiriden-Dynastie an die Macht kam, ließ Kalif Mamun den Statthalter von Chorasán, Gassan bin-Abbad (819-821), und die Enkelsöhne von Samanhudat zu Statthaltern in verschiedenen Städten von Mawarannahr ernennen. So war Nuha bin-Assad Statthalter des Kalifs in Samarkand, Ahmad Statthalter in Buchara, Jahia war der Statthalter in Schasch und Iljas regierte in Herat.

Nach dem Tod von Nucha bin-Assad bestieg sein Bruder Achmad bin-Assad den Thron. Den ihm einst überlassenen Besitz, den die Samaniden nach eigenem Ermessen verwalteten, erklärte er zum Erbbesitz. Nach und nach bemächtigte sich seine Sippe des Besitzes anderer Vertreter der Samaniden-Dynastie. Besonders entschieden ging dabei Nasr bin-Ahmad vor, der nach dem Tod seines Vaters im Jahre 864 zum Oberhaupt der Dynastie wurde.

Nach der Zerschlagung des Heers von Tahir bin-Hussein bei Buchara gehörte nahezu das ganze Mawarannahr der Samaniden-Dynastie. Kalif Mutadim musste sich mit diesem Sachverhalt abfinden und seine Macht in Mawarannahr komplett auf Nasr bin-Ahmad übertragen. Ihm gelang es aber nicht, die Beziehungen zu seinen Brüdern zu normalisieren, die sich alle für souveräne Herrscher hielten.

Nasr bin-Ahmad wurde von Ismail bin-Ahmad im Jahre 892 auf dem Thron abgelöst. Er unterdrückte die Aufstände und Fehden, wendete den durch die Saffariden angedrohten Krieg ab und unternahm mehrere Feldzüge gegen Nomadenvölker, die Mawarannahr ebenfalls gefährdeten. Schließlich gründete Ismail bin-Ahmad einen der in der moslemischen Welt mächtigsten zentralistischen Staaten, der vom Abbassiden-Kalifat unabhängig war. Neben dem Gebiet des heutigen Usbekistans umfasste er nordöstliche Gebiete von Iran, Nordafghanistan und den Süden des heutigen Kasachstans. Die Hauptstadt dieses Staates war Buchara.

Das Samaniden-Reich war nach wie vor eine weitgehend zentralistische Monarchie. Die legislative Gewalt lag komplett bei der Elite aus der Samaniden-Dynastie, während die vollziehende Gewalt durch verschiedene Fachministerien, die Divane, ausgeübt wurde. Gleichzeitig spielte die Militärmacht eine wichtige Funktion in der Staatsordnung.

11. Jh. – Anf. des 13. Jh. n. Chr.:

Anfang des 11. Jh. n. Chr. fand die Samaniden-Dynastie ihr Ende. Ihr letzter Abkömmling, Abu Ibrahim Ismail mit dem Beinamen Muntasir (der Siegreiche) starb 1005. Der Samaniden-Staat zerfiel Anfang des 11. Jh. n. Chr. in zwei Staaten, die von den türkischen Dynastien Karachan und Hasnawid regiert wurden.

Der Karachaniden-Kaganat, dessen Zentrum im Siebenstromland und in Kaschgar lag, wurde im 10. Jh. n. Chr. gegründet. Der Begründer der Karachaniden-Dynastie war ein gewisser Satuk, der zum Islam übertrat. Sein Sohn Musa erklärte im Jahre 960 den Islam zur Staatsreligion des Kaganats.

Das Karachaniden-Kaganat setzte sich aus zwei Teilen zusammen: dem östlichen mit der Residenz des obersten Kagans in Balasagun (heutiges Kirgisistan) und dem westlichen mit der Herrscherresidenz zuerst in Taras, dem heutigen Südkasachstan, und später nach dem 11. Jh. n. Chr. in Kaschgar.

Die entscheidende Rolle im Kaganat spielten die türkischen Stämme: Karluken, Chigilen und Jagm. Ende des 10. Jh. n. Chr. unternahm die Karachaniden Feldzüge gegen Mawarannahr, die Anfang des 11. Jh. n. Chr. mit dem Untergang des Samaniden-Reiches und der Unterwerfung der ganzen Region endeten. Unbesiegt und frei verblieben nur Choresm, wo der Schah Mamun von Choresm aus der Irakiden-Dynastie regierte, und die

südliche Provinz des Samaniden-Staates mit der Provinzhauptstadt Termes, wo der Sultan Mahmud aus der Hasnawiden-Dynastie herrschte.

Der Begründer dieser Turk-Dynastie war Sebüktegin. Ihre Blütezeit erreichte sie jedoch erst unter Sultan Mahmud Hasnewid (998-1030), dessen Reich mit der Hauptstadt in Hasna riesige Gebiete vom Kaspischen Meer bis Nordindien sowie einen Teil des heutigen Usbekistans umfasste. 1017 unterwarf sich Mahmud den Staat Choresm, verjagte dessen Schah Mamun von seinem Thron und setzte seinen Vertreter Altuntascha an dessen Stelle ein. Unter den Nachfolgern des Sultans Mahmud zerfiel und schrumpfte der Hasnawiden-Staat unaufhaltsam. Dessen Teile Chorasan und Mawarannahr wurden vom Staat der Seldschuken und Karachaniden einverleibt.

In den 40er Jahren des 11. Jh. n. Chr. erlangte Tamgatsch-Khan Ibragim endgültig die Unabhängigkeit vom östlichen Karachaniden-Kaganat und gründete einen selbständigen Karachaniden-Staat in Mawarannahr mit der Hauptstadt in Samarkand. Unter diesem Herrscher erlebte der Karachaniden-Staat seine Blütezeit. Er umfasste nahezu Ganz-Transoxanien, Schasch, Ilak und Fergana.

Der Karachaniden-Staat bestand aus verschiedenen Teilgebieten, deren Herrscher weitgehend selbständig waren (und sogar eigene Münzen prägen durften), was für den Staat ungünstig war. Darüber hinaus befanden sich die Karachaniden unter dem Druck äußerer Feinde, zuerst durch die Seldschuken und später in der 1. Hälfte des 12. Jh. n. Chr. auch durch Kara-Chinesen.

Die Seldschuken, deren Dynastiebegründer ein gewisser Seldschuk war, entstammten einem türkischen Ogusen-Stamm, der in den Steppen im Gebiet des vorderen Aral und im Mittellauf des Syrdarja zu Hause war. Ende des 12. Jh. n. Chr. besiedelten die Turkmen-Seldschuken die Steppen nördlich des Flusses Zarafschan im Nurata-Gebiet. Damals gerieten sie in die Vasallenwirtschaft der Samaniden. Anfang des 11. Jh. n. Chr. drangen sie in die Region des heutigen Turkmenistans ein und trafen da auf die Hasnawiden. Infolge der langen Kriege nahmen die Seldschuken den ganzen westlichen Teil des Gasnawiden-Staates, darunter die am südlichen Flussbett des Amudarja liegenden Gebiete Termes, Tschaganian und Chuttal (jeweils heutiges Südtadschikistan und Usbekistan) ein. 1040 zerschlugen sie das Hasnawiden-Heer in der Schlacht bei Dandanakan.

Die Seldschuken gründeten ein riesiges Reich, das von Byzanz im Westen bis nach Tocharistan im Osten reichte und unter den Sultanen Ali-Arslan (1063-1078) und Malik-Schah (1078-1093) seine Blütezeit erreichte. Seine Hauptstadt war die Stadt Merw in der Nähe der heutigen Stadt Bayram-Ali, Turkmenistan.

Sie unternahmen mehrere Feldzüge gegen Mawarannahr, hier insbesondere gegen Samarkand und Buchara, und unterwarfen sich diese für eine gewisse Zeit. Den letzten Feldzug unternahm der Sultan Sandschar und

besetzte 1130 Samarkand, dessen Regent aus der Karachaniden-Dynastie den Thron für ihn räumen musste.

Dennoch erschien bereits Ende der dreißiger Jahre des 12. Jh. n. Chr. eine neue drohende Macht auf der politischen Bühne, die Kara-Chinesen. So bezeichneten die muslimischen Literaten dieses Nomadenvolk mandschurischer Abstammung, das im Einzugsgebiet des Tarim-Flusses (heutiges Ostturkmenistan) vor seinem Eindringen nach Zentralasien umherzog.

1141 besiegten die Kara-Chinesen das vereinigte Heer von Seldschuken und Karachaniden in der Katwan-Steppe. Sie verhängten eine hohe Tributlast über die Mawarannahr-Bevölkerung – ein Dinar pro Haushalt. Dieser Betrag wurde anschließend nach Balasgin zum Hauptquartier der Kara-Chinesen gebracht.

Das Land regierten jedoch unverändert die Karachaniden, wobei die Größe ihres Reiches bereits wesentlich zurückgegangen war. In Buchara ging die Macht in die Hände der Sadren (arab. Sadr – Säule), einer religiösen Erbdynastie, über, deren Ursprung bis auf Kalif Omar zurück reicht.

In der zweiten Hälfte des 12. Jh. n. Chr. siedelte ein weiterer Turk-Stamm – die Karluken nach Mawarannahr über und wurden zum Objekt eines erbitterten Kampfes seitens der Karachaniden. Zur gleichen Zeit griffen die Guriden, ein Stamm aus dem Bergtal Gur im Oberlauf der Flüsse Chilmend und Gerirud (Nordwesten Afghanistans), die Gebiete des heutigen Usbekistans an. Damals verlor der Karachaniden-Staat weitgehend seine zentralistische Staatsordnung. In Samarkand, Schasch, Fergana, Tschaganian und Termes regierten bereits selbständige Abkömmlinge der Karachaniden-Dynastie.

In der zweiten Hälfte des 12. Jh. stieg die Dynastie der türkischen Schahs zu Choresm, die sogenannten Anuschteginiden, zur Macht auf. Dem Sultan Tekeschu (1172–1200) gelang es, die Gebiete von Chorasán und dem Westiran im Kampf gegen die benachbarte Rivalendynastie, die Seldschukiden, zu erobern. Dessen Sohn Muhammad (1200–1220) vermochte es sogar, das Volk der Kara-Chinesen und der Guriden zu zerschlagen und anschließend auch die aufständischen Bewohner von Chorasán sowie die Volksrevolte in Buchara unter der Anführung von Malik Sandschar niederzuwerfen. 1210 ließ der Schah Muhammad zu Choresm Usman, den letzten Regenten der Stadt Samarkand aus der Dynastie der Karachaniden, hinrichten und seine Statthalter in den Provinzen des Karachaniden-Reiches zwei Jahre später aus ihren Ämtern vertreiben. Anschließend eroberte Muhammad den Iran und Afghanistan. Im Zuge der erfolgreichen Kriegskampagne entstand der damals mächtigste Staat im Mittelosten – das Reich der Schahs von Choresm mit der Hauptstadt Gurgandsch (heute Kunja-Gurgentsch.)

Anfang 13. Jh. – 15. Jh.:

Der Schah-Staat von Choresm wurde nicht etwa durch eine sukzessive Angliederung von Fremdgebieten, sondern durch einen erfolgreichen Kriegszug gegründet, so dass seine Existenz nicht von Dauer war und das Reich bereits 1220 unterging. Der entscheidende Vernichtungsschlag wurde dem Staat von der mongolischen Armee des Dschingis Khans versetzt. Der Krieg wurde durch einen Zwischenfall an der grenznahen Otrar-Festung am linken Syrdarja-Ufer in Südkasachstan ausgelöst, bei dem eine von Dschingis Khan entsandte Kaufmannskarawane mit der Billigung des Schahs Muhammad zu Choresm niedergemetzelt und ausgeraubt wurde.

Anfang 1220 fiel das Heer von Dschingis Khan in das heutige usbekische Gebiet ein. Im Februar eroberte es Buchara, im März Samarkand, im Herbst Termes und im April 1221 Gurgandsch. All diese Städte wurden dem Boden gleichgemacht und manche von ihnen wie Samarkand und Termes entstanden jeweils an neuen Orten wieder.

Der Schah Muhammad zu Choresm floh vor den Mongolen auf eine Insel im Kaspischen Meer und verstarb da im Winter 1221. Den Befreiungskampf gegen die Mongolen setzte sein Sohn Dschalaladdin fort. Zwar gelang es ihm, der Armee des Dschingis Khan mit erfolgreichen Angriffen zuzusetzen, dennoch erlitt er eine Niederlage in der Entscheidungsschlacht am Indus und musste in den Nahost flüchten, wo er nicht nur gegen die Mongolen, sondern auch gegen lokale Völker weiterkämpfte und dabei ums Leben kam.

Dann hörte das Reich der Schahs zu Choresm auf zu existieren und Dschingis Khan wurde zum Alleinherrscher über ganz Zentralasien.

Mit dem Tod von Dschingis Khan im Jahre 1227 teilten seine Söhne und Enkel das gesamte Mongolenreich in einzelne selbständige Staaten und unter sich auf, wobei die Macht der obersten Sippenangehörigen – der Kaganen Ugedej und Munke, die in der Stadt Karakorum residierten, in den ersten Jahren danach erhalten blieb.

Choresm – das nordwestliche Gebiet des heutigen Usbekistan – bekam Jochi, einer der Söhne Dschingis Khans und der zweite Teil ging an Ulus von der Goldenen Horde, der Rest fiel an einen anderen Erben von Dschingis Khan, Chagataj (1227–1241). Dennoch war dessen Enkelsohn Algu (1261–1266) der wahre Begründer des Chagataj-Uluses.

In den ersten Jahren nach der Aufteilung überließen die mongolischen Khans die Verwaltung im ganzen Mawarannahr-Land einem heimischen Kaufmann, Mahmud Jalavatch, dessen Sohn Mahmudbek ihn später ablöste und eine umfassende Währungsreform 1270 durchführte, die den Geldverkehr im Staate regelte und zu einem wirtschaftlichen Aufschwung führte.

Gleichzeitig vollzog sich ein Aufschwung im städtischen Leben und der Wirtschaft in der zweiten Hälfte des 13. Jh., begleitet vom geregelten Wiederaufbau der Wirtschaft. Eine neue Wirtschaftspolitik wurde in der Hohen Versammlung im Talas-Flusstal im Jahre 1269 verabschiedet

und geht auf eine neue Politik der mongolischen Khans bezüglich der sesshaften Bevölkerung des Mawarannahr zurück. Danach wurde die frühere übertriebene Steuerlast abgeschafft und man legte neue Fixsteuersätze und die Nichteinmischung in wirtschaftliche Abläufe fest.

Kepek-Khan (1318–1326) war der erste Khan aus der Tchagataj-Dynastie, der seine Hauptstadt nach Mawarannahr verlegte und einen Palast in der Nähe von Neseſ für sich bauen ließ. Seine Residenz nannte man auf Mongolisch Karschi und später entstand eine ganze gleichnamige Stadt um sie herum. Karschi ist heute die Hauptstadt der usbekischen Provinz Kaschkadarja. Kepek-Khan führte ebenfalls eine Geldreform durch, brachte den Silberdinar mit über 8 Gramm Gewicht (=6 Dirchem) in Umlauf und verbesserte die Verwaltung in seinem Staat, indem er einzelne administrativ-territoriale Einheiten, die Tumans gründete. Unter dem Thronnachfolger von Kepek-Khan, Tarmaschirin (1326–1334), der zum Islam übertrat, spitzte sich der Widerstand zwischen zwei Gruppierungen innerhalb des Tchagataj-Stammes zu: Eine Gruppe unterstützte das Bekenntnis zum Islam und den Übergang zur Sesshaftigkeit, die andere hielt an der alten heidnischen Religion fest und wollte die Nomadentraditionen nicht aufgeben. Diese Konfrontation spaltete das Land in zwei Teile: Mawarannahr selbst und Mogulistan, das Siebenstromland. Die feudalen Fehden und die Rivalität unter den beiden Gruppierungen führten schließlich dazu, dass der Tchagataiden-Staat in den 50er Jahren des 14. Jh. in mehrere Dutzend Kleinstaaten zerfiel.

Mitte des 14. Jh. betrat Amir Temur die politische Bühne: Er wurde später zum Begründer eines der größten Staaten in der Geschichte des Orients. Temur wurde 1336 in der Siedlung Khodscha-Ilgar bei Kesch (ab 14. Jh. Schachrisabs) geboren. Heute vermuten Historiker, dass die Siedlung Nijasi, die genau in der Mitte zwischen Karschi und Schachrisabs lag, sein Geburtsort war.

Temurs Vater Amir Taragaj war einer der Ältesten des türkisierten mongolischen Stammes Barlas, dessen Siedlungsgebiet im östlichen Teil des Kaschkadarja-Tals lag.

Seit 1360 trat Temur abwechselnd auf der Seite von unterschiedlichen Feudalherren auf und vereinigte gleichzeitig den Barlasen-Stamm um sich. Anfang 1360 schloss sich Amir Temur mit dem Regenten von Balch, Amir Husain, zusammen und wehrte den Angriff des mogulischen Khans Tugluk Temur ab, doch in der Schlacht gegen den mogulischen Khan Iljas-Chodscha erlitten die beiden Alliierten eine Niederlage und mussten sich nach Balch zurückziehen.

Iljas-Chodscha stand mit seinem Heer bereits an der Stadtmauer Samarkands, als der in der Stadt entflammte Sarbador-Aufstand und der mutige Kampf der Aufständischen ihn zum Rückzug zwangen. Nach ihrer Rückkehr nach Samarkand konnten Amir Husain und Temur die Sarbador-Bewegung unterwerfen und ließen ihre Anführer hinrichten. Doch das Verhältnis zwischen den beiden historischen Figuren verschlechterte sich und

ging in eine offene Fehde über, aus der Temur als Sieger hervorging und Amir Husain töten ließ. Am 9. April 1370 fand die Hohe Versammlung in Balch statt, die Temur zum Oberherrscher von Mawarannahr kürte.

Indes gehörte Temur nicht zum Dschingisiden-Klan und konnte das ihm angetragene Khan-Amt nicht annehmen. Er begnügte sich mit dem bescheideneren Adelstitel des Amir und überließ den Thron zwei seiner Getreuen, dem Khan Sujurgatmisch (1370–1388) und seinem Sohn Sultan Mahmud (1388–1402).

Amir Temur heiratete Saray-Mulk Hanum – die Witwe des hingerichteten Amir Husain und die Tochter von Kasan-Khan aus der Tschagataiden-Dynastie und erlangte dadurch das Anrecht auf den Ehrentitel eines Küregen (=Schwager des Khans, mong.), auf den er äußerst stolz war. Rückendeckung bekam Amir Temur von den Barlasen und anderen Tschagatai-Stämmen, die ein mächtiges Heer bildeten und Grundlage seiner Macht waren. Temur veränderte seine Militärtaktik und setzte im Gegensatz zu den Mongolen hauptsächlich auf die Infanterie.

Kurz vor 1380 beendete Amir Temur die heimischen Fehden, führte Kriegszüge nach Dschete (Siebenstromland), Choresm und ins Syrdarja-Tal und gründete einen neuen einheitlichen Staat mit der Hauptstadt in Samarkand. Besondere Aktualität bekam damals die Sicherung der Staatsgrenzen. Im Norden und Nordwesten konnte Temur die Grenzen seines Staates vor mongolischen Angriffen vorläufig sichern und konzentrierte sich hauptsächlich auf die südwestliche Grenze mit dem Iran, der damals aus etlichen Einzelstaaten bestand.

Iran und Irak eroberte Temur endgültig jeweils im Dreijährigen (1386–1389) und dem Fünfjährigen (1392–1397) Krieg, doch der erste Kriegszug nach Chorasán erfolgte bereits 1381. In späteren Kriegen wurde der Südkaukasus besetzt, während des Siebenjährigen Krieges (1399–1404) besiegte Temur mit seinen Truppen das Osmanische Reich und eroberte die von den Mamluken regierten Länder Ägypten und Syrien. 1398 eroberte Amir Temur Nordindien und zerschlug seinen Erzfeind Tochtamysch-Khan aus der Goldenen Horde im Vierjährigen Krieg (1391 und 1395). Kurz vor 1403 beherrschte Amir Temur ein Riesenreich, das sich über Zentralasien hinaus über den ganzen Nahen und Mittleren Osten vom Mittelmeer bis Nordindien ausdehnte. Alle annektierten Gebiete vererbte er an seine Söhne und Enkel. Amir Temur starb am 9. Februar 1405 in Otrar während seines Kriegszuges nach China. Nach seinem Tod begann der Niedergang des Temuriden-Staates, dessen ursprüngliche Größe nur während der Regentschaft von Schahruch (1409–1447) in etwa zurückgewonnen werden konnte. Damals wurde Mawarannahr vom berühmten Ulugbek (ermordet 1449) regiert, der bei all seinen Verdiensten kein Staatsmann wie Amir Temur war und sich als Heeresführer ebenfalls nicht durchsetzen konnte. 1451 stieg Abu Said zum Oberherrscher auf und vermochte es sogar, die ursprüngliche Größe des Temuriden-Reiches ungefähr wiederherzustellen, die doch kleiner war als im

15. Jh. Zu seiner Residenzstadt machte er Herat, die sich insbesondere unter Sultan Husain Baykar (1469 – 1506) in ein Wissenschafts- und Kulturzentrum verwandelte und wo die große Künstler der damaligen Epoche, Alischer Navoi und Kamal ad-Din Bechzad, ihre Werke schufen. Gleichwohl konnte sich der Temuriden-Staat gegen externe Gefahren nicht mehr schützen. Muhammad Schaibani-Khan ist der Name des Erzrivalen der Temuridenkönige von Chorasán und Mawarannahr.

16. –19. Jh.:

Zu Beginn des 16. Jh. besetzte Schaibani-Khan Buchara und Samarkand. 1507 eroberte er Herat und beendete die Regentschaft des letzten Vertreters der königlichen Dynastie der Temuriden, des Badi az-Zaman. Nur der Urenkel von Amir Temur in der fünften Generation, Zachir ad-Din Babur, leistete Widerstand. Nach der 1512 erlittenen Niederlage zog sich Babur nach Gissar zurück und unternahm von da aus einzelne Feldzüge nach Kabulistan und Indien. 1525 unternahm er den entscheidenden Feldzug nach Indien, eroberte es und gründete dort den Baburiden-Staat, der als das Reich der Grossen Mogulen in die Geschichte einging.

Mit dem Zerfall des Temuriden-Staates wurde das ganze Gebiet des mittelasiatischen Zweistromlandes unter den blutsverwandten usbekischen Adelsdynastien aufgeteilt, deren Stammvater Dschingis Khan war. Der größte Teil wurde durch den Scheibaniden-Staat einverleibt, der von Muhammad Schaibani-Khan gegründet war. Seinen Namen bekam die Königsdynastie jedoch nicht von ihm, sondern von seinem Vorfahren Scheiban, dem Sohn von Jochi-Khan. Die Staatsgrenzen waren keineswegs fix und veränderten sich ständig je nach aktueller Stärke der Zentralmacht, die von den Ulus-Vorstehern, vertreten durch die Abkömmlinge der Khan-Sippe sowie durch die Häuptlinge der usbekischen Stämme, abhing.

Seine goldene Zeit erlebte der Scheibaniden-Staat während der Regentschaft von Ubaidulla-Khan (1534–1540) und insbesondere von Abdulla-Khan dem II. (1583–1598). Der Tod von Abdulla löste jedoch heftige feudale Fehden zwischen den Stämmen aus und führte letztlich dazu, dass eine neue Adelsdynastie, die Dschaniden, benannt nach dem Stammvater Dschani Muhammad, den Herrscherthron bestieg.

Choresm, das Delta des Syrdarja und ein Teil des heutigen Turkmenistans wurden damals von einer anderen Dynastie aus der Scheibaniden-Sippe regiert, die Sultan Ilbars gründete, der 1511 zum Herrscher des Khanats wurde. 1596 wurde Chiwa zur Hauptstadt gewählt und gab dem Khanat seinen Namen – das Khanat von Chiwa. Seine Grenzen waren unbeständig und veränderten sich entsprechend der jeweiligen politischen Entwicklungen im In- und Ausland. Ende des 17. und in der ersten Hälfte des 18. Jh. wurden die Staaten des mittelasiatischen Zweistromlandes von einer schweren wirtschaftlichen und politischen Krise heimgesucht. Durch

andauernde äußere Angriffe seitens der Nomadenstämme, insbesondere seitens der Kalmyken aus dem Dschungaren-Khanat und des persischen Nadir-Schahs im Jahre 1740, wurde die Lage noch zusätzlich erschwer. Unter diesen Umständen verwandelten sich die ohnehin oft wechselnden Staatsoberhäupter in wahre Strohmänner, die von den jeweiligen usbekischen Stämmen manipuliert wurden.

1747 kam Muhammad Rachim Bay in Buchara an die Macht, ein Hochadliger aus dem Mangiten-Stamm, der die neue Herrscherdynastie der Mangiten gründete und den größten Teil des mittelasiatischen Zweistromlandes regierte. Mit dem Machtantritt der mangitischen Emire verwandelte sich das Khanat von Buchara in ein Emirat und existierte in dieser Form bis 1920. Das Emirat von Buchara erlebte seine Blütezeit während der Regentschaft der Emire Schahmurad (1785–1800) und Nasrulla (1826–1866), als ein großer Teil des mittelasiatischen Zweistromlandes, Nordafghanistan mit Balch und ein Teil Turkmenistans zu seinem Staatsgebiet gehörten.

Anfang des 18. Jh. wurde Fergana eine separate Herrscherprovinz, deren erster Regent Schachruch-Biy aus dem usbekischen Ming-Stamm war. Einer der regierenden Vertreter dieses Gebiets, Alambek, nahm 1805 den Khan-Titel an und verlieh seinem Staat den Namen Khanat von Kokand nach der gleichnamigen Hauptstadt Kokand. Neben Fergana umfasste das Khanat ab 1808 Taschkent und weitere Gebiete entlang des Flusses Syrdarja. 1864 besetzte das russische Heer erst Taschkent und anschließend Fergana und setzte dem Khanat von Kokand ein Ende, indem es an das russische Zarenreich angegliedert wurde.

Mitte des 18. Jh. kam Muhammad Amin, ein Adliger aus dem anderen usbekischen Stamm, Kungrad, an die Macht (1763–1790). Sein Sohn Eltutar nahm den Titel des Khans im Jahre 1804 an und wurde zum ersten Khan aus der Kungrad-Dynastie, die das Khanat von Chiwa bis 1920 regierte.

Literaturverzeichnis

- L. Akbaum: Balalik-tepe, Taschkent 1960.
- Derselbe Autor: Malerei in Afrasiab, Taschkent 1975.
- Amir Temur in der Weltgeschichte / E. Rtweladse, S. Saidkasimow (Hrsg.) 2002.
- A. Askarow: Sapalli-tepa, Taschkent 1973.
- Derselbe Autor: Althistorische Ackerbaukultur im usbekischen Süden, Taschkent 1977.
- A. Askarow, B. Abdullaew: Dschar-Kutan, Taschkent 1983.
- B. Ahmedow: Staat der nomadisierenden Usbeken, Moskau 1965.
- B. Ahmedow, P. Mukminowa, G. Pugatchenkowa: Amir Temur, Taschkent 1999.

- B. Bartold: Werke, in 8 Bänden, Moskau 1963–1977.
- A. Belenitskij: Monumentalkunst von Pendschikent. Malerei. Plastik., Moskau 1973.
- A. Belenitskij, I. Bentowitsch, O. Bolschakow: Eine mittelalterliche Stadt in Zentralasien, Leningrad 1973.
- A. Bernstam: Althistorisches Fergana, Taschkent 1952.
- Derselbe Autor: historische und archäologische Aufzeichnungen über zentrales Tien Shan und Pamir-Alai, Moskau 1952.
- A. Borisow, B. Lukonin: Kameen der Sasaniden, Leningrad 1963.
- G. Brykina: Südwestliches Fergana in der 1. Hälfte des 1. Jahrtausends u. Z., Moskau 1982.
- B. Bulatowa: Althistorisches Kuva, Taschkent 1972.
- Z. Buniatow: Anuschteginiden-Schahs von Choresm und ihr Staat (1097–1231), Moskau 1986.
- J. Buryakow: Historische Topographie von althistorischen Städten aus der Taschkent-Oase, Taschkent 1975.
- Derselbe Autor: Entstehung und Entwicklungsstufen der Stadtkultur in der Taschkent-Oase, Taschkent 1982.
- Buhara – ein morgenländisches Juwel / A. Muhamedschanow, A. Hakimow (wiss. Hrsg.), Taschkent 1997.
- B. Weinberg: Münzen aus dem alten Choresm, Moskau 1977.
- M. Worobjowa: Keramik im antiken Choresm // Sammelwerke der archäologischen und anthropologischen Expedition nach Choresm, Band IV, Moskau 1959.
- Dieselbe Autorin: Dingildsche, Moskau 1973.
- W. Woronina: Althistorische Bautechnik Mittelasiens // Architekturerbe, 3. Ausgabe, Moskau 1953.
- T. Wisgo: Musikinstrumente Mittelasiens. Historische Aufzeichnungen, Moskau 1980.
- W. Wjatkin: Afrasiab – eine Urstadt im althistorischen Samarkand, Taschkent 1927.
- G. Gaibow: Frühhistorische Feldzüge von Arabern nach Mittelasien, Duschanbe 1989.
- B. Gafurow: Tadschiken. Uralte, alte und mittelalterliche Geschichte, Moskau 1972.
- N. Gorbunowa: Von lokalen kulturellen Besonderheiten des althistorischen Fergana // in: Sowjetische Archäologie, Heft Nr. 1, 1970.
- Dieselbe Autorin: Menschengesiedlungen in Fergana in den ersten Jahrhunderten u. Z. // in: Sowjetische Archäologie, Heft Nr. 3, 1973.
- G. Grigorjew: Archäologischer Bericht über den Bezirk Jangijul der usbekischen Sowjetrepublik aus dem Jahre 1934, Taschkent 1937.

- J. Guljamowa: Historische Entwicklung der Bewässerungskunst in Choresm, Taschkent 1957.
- G. Pugatchenkowa, E. Rtweladse u.a.: Dalverzin-tepe - eine Stadt in Kuschan / südliches Usbekistan, Taschkent 1978.
- Die ältesten Staaten in Kaukasus und Mittelasien // in: Archäologie der UdSSR, 1985.
- Althistorisches Taschkent, Taschkent 1973.
- Altertümer von Taschkent, Taschkent 1976.
- Altertümer von Tujabuguz, Taschkent 1978.
- Altertümer von Tscharwak, Taschkent 1976.
- Altes Baktrien, Leningrad 1974.
- Alte und mittelalterliche Kultur von Tschatsch, Taschkent 1979.
- M. Diakonow: Entstehung einer Klassengesellschaft in Nordbaktrien // in: Sowjetische Archäologie, Heft Nr. 19, 1954.
- Derselbe Autor: Archäologische Ausgrabungen am Unterlauf von Kafirnigan (Kobadiana) // Moskauer Institut für Archäologie, Nr. 37, 1953.
- E. Rtweladse, A. Urinbaew (wiss. Hrsg.): Dschalolidin Manguberdi, Taschkent 1999.
- Malerei des alten Pendschikent, Beitragssammlung, Moskau 1954.
- V. Schukowskij: Ruinen des alten Merv, St.-Petersburg 1884.
- J. Sadneprowskij: Althistorische Ackerbaukultur in Fergana//Heft Nr. 118, MID, 1962.
- Derselbe Autor: Tschust-Zivilisation im Fergana-Tal // Mittelasien in der Stein- und Bronzezeit, Moskau-Leningrad 1966.
- E. Seimal: Alte Münzen aus Tadschikistan, Duschanbe 1983.
- M. Isamidinow, R. Sulaimanow: Er-Kurgan, Taschkent 1986.
- Geschichte Usbekistans, Band 3, Taschkent 1993.
- S. Kabanow: Archäologische Daten zur Geschichte von Nachsheb im 3.-5. Jh. // Heft Nr. 2, VDI 1953.
- Derselbe Autor: Spätkuschan-Siedlungen am Unterlauf von Kaschkadarja // Zentralasien in der Kuschan-Zeit, Band 2, Moskau 1972.
- S. Kamalidinow: Geschichtsgeografie von Süd-Sogd und Tocharistan nach arabischsprachigen Überlieferungen aus dem 9. und frühen 13. Jh., Taschkent 1992.
- B. Kastalskij: Geschichtsgeografische Übersicht über die Täler Surchan und Scherabad // in: Irrigationsblatt, Nr. 3, 1930.
- A. Kess, G. Lisizina: Althistorische Bewässerungsanlagen im südwestlichen Turkmenistan // in: Sowjetische Archäologie, Heft Nr. 1, 1975.

Von der historischen Topographie des althistorischen und des mittelalterlichen Samarkands, Taschkent 1981.

P. Koschemjako: Zentrale Leistungen und Probleme in der Archäologie der kirgisischen Sowjetrepublik // in: Kirgisisches Institut für Archäologie, Nr. 122, 1970.

V. Kosenkowa: Nekropolen in Fergana aus den ersten Jahrhunderten nach Christus // in: Sowjetische Archäologie, Heft Nr. 1, 1966.

G. Koschelenko: Kultur von Parthien, Moskau 1966.

N. Krascheninnikow: Ein Schnittbild der Festungsmauer vom alten Kesch // 1968. № 8.

V. Liwshitz: Sogdische Papiere vom Mug-Berg, Moskau 1962.

B. Litwinskij: Grabhügel in Westfergana, Moskau 1972.

Derselbe Autor: Verbreitung vom Buddhismus in Mittelasien // Zentralasien in der Kuschan- Epoche, Bd. 2, Moskau 1975.

Derselbe Autor: Kuschan-Stadt in Mittelasien und in Indien // in: Heft Nr. 3, 1979.

W. Lukonin: Zivilisation des Irans unter den Sasaniden, Moskau 1969.

A. Maximowa, M. Merschiew, B. Weinberg, L. Lewina: Altertümer von Tschardara, Almaty 1968.

A. Mandelstamm: Nomaden auf ihrem Zug nach Indien, Moskau 1966.

J. Manilow: Archäologische Denkmäler von Sultan-Uzidag aus der Antike und dem Mittelalter // Doktorarbeit, Taschkent 1977.

W. Massalskij: Im Land von Turkestan, Heft Nr. 19, St.-Petersburg 1913.

W. Masson: Althistorische Ackerbauzivilisation von Margiana, Moskau-Leningrad 1959.

Derselbe Autor: Die Kuschan-Epoche in der Altgeschichte Usbekistans // Heft Nr. 6, 1981. № 6.

M. Masson: Archäologische Studien in Usbekistan // Die usbekische Wissenschaft nach 15 Jahren Entwicklung (1924–1939), Taschkent 1939.

Derselbe Autor: Kurzübersicht über die archäologische Erforschung Mittelasiens // Mittelasiatische Staatsuniversität zu Taschkent, in: Geschichtswissenschaft, 31. Ausgabe, Taschkent 1956.

Dokumente der Tocharistan-Expedition. Archäologische Ausgrabungen. Kampir-tepa. Bänder 1-3, Taschkent 2000–2002.

N. Negmatow: Hodschent und Ustruschana in der Antike und dem Mittelalter (Mitte 1. Jahrtausend v. Chr. – 1. Jh. n. Chr.), Doktorarbeit, Moskau 1968.

N. Negmatow, S. Hmelnitskij: Mittelalterliches Schahristan, Duschanbe 1966.

E. Nerasik: Von der Entwicklung der Städte in Choresm, Moskau 1981.

V. Nielsen: Architektur Mittelasiens im 5.-7. Jh., Taschkent 1966.

- S. Pidaew: Menschensiedlungen der Kuchan-Epoche in Nordbaktrien, Taschkent 1978.
- V. Pilipko: Menschensiedlungen in Nordparthien // Doktorarbeit, Leningrad 1971.
- Derselbe Autor: Menschensiedlungen im nordwestlichen Baktrien, Aschgabad 1985.
- I. Pitschikjan: Kultur Baktriens, Moskau 1991.
- G. Pugatchenkowa: Entwicklungswege der Architekturkunst Südturkmenistans während der Sklavenezeit und des Feudalismus // in: Dokumente der archäologischen Expedition nach Südturkmenistan, Bd. 6, Taschkent 1958.
- G. Pugatchenkowa, L. Rempel: Kunstgeschichte Usbekistans, Moskau 1965.
- G. Pugatchenkowa, E. Rtweladse: Nordbaktrien – Tocharistan. Geschichte und Kultur im Überblick, Taschkent 1990.
- G. Pugatchenkowa: Haltschajan, Taschkent 1965.
- Dieselbe Autorin: Plastikunst in Haltschajan, Moskau 1971.
- J. Rappoport: Aus der Religionsgeschichte des alten Choresm, Moskau 1971.
- W. Paspopowa: Metallerzeugnisse aus dem frühmittelalterlichen Sogd, Leningrad 1980.
- E. Rtweladse: Alte Münzen aus Mittelasien, Taschkent 1987.
- Derselbe Autor: Die Große Seidenstraße, Taschkent 1990.
- Derselbe Autor: Alexander von Mazedonien in Baktrien und Sogdiana, Taschkent 2002.
- E. Rtweladse, V. Liwschitz: Alte Schriftumsdenkmäler aus Mittelasien, Taschkent 1985.
- E. Rtweladse, A. Saidow, E. Abdullaew: Zivilisationsgeschichte Usbekistans im Überblick. Staatlichkeit und Recht. Taschkent 2000.
- A. Sadullaew: Gutshäuser in Alt-Baktrien, Taschkent 1990.
- E. Saiko: Von der Geschichte der Töpferscheibe und der Keramikunst, Duschanbe 1991.
- W. Sarianidi: Althistorische Ackerbauer in Afghanistan, Moskau 1977.
- Derselbe Autor: Margusch. Altorientalisches Reich im alten Delta von Murgab, Aschgabad 2002.
- E. Rtweladse, H. Habibullaew (Hrsg.): Das Licht aus dem Dunkel der Jahrzehnte (Imam Al-Buhari und seine Zeit), Taschkent 1999.
- O. Smirnowa: Aufzeichnungen über die Geschichte von Sogd, Moskau 1970.
- Dieselbe Autorin: Sammelkatalog von sogdischen Münzen. Die Bronze. Moskau 1981.

- W. Solowjow: Nördliches Tocharistan im frühen Mittelalter, Eletz 1997.
Derselbe Autor: Mittelasien und Fernost im Mittelalter. Mittelasien im frühen Mittelalter, Moskau 1999.
- B. Stawinskij: Baktrien in der Kuschan-Epoche. Historische und kulturelle Details, Moskau 1977.
- R. Sulaimanow: Altes Nachschab, Taschkent 2000.
- A. Trenoschkina: Sogd und Schasch//in: KSIIMK, 23. Ausgabe, 1949.
- E. Rtweladse (Hrsg.): Termez – eine alte und mittelalterliche Stadt an der Kreuzung der großen Straßen, Taschkent 2001.
- S. Tolstow: Alt-Choresm, Moskau 1948.
Derselbe Autor: Auf den Spuren der altchoresmischen Zivilisation, Moskau 1948.
Derselbe Autor: Das Leben in althistorischen Deltas von Oxus und Jaxartes, Moskau 1962.
Derselbe Autor: Dokumente der archäologischen Expedition nach Siebenstromland, Moskau-Leningrad 1950.
- S. Tolstow (Hrsg.): Dokumente der archäologischen und ethnographischen Expedition nach Choresm, St.-Petersburg - Moskau 1953.
- M. Masson (Hrsg.): Dokumente der archäologischen Expedition nach Südturkmenistan, in 19 Bänden, Bd. 1, Aschgabad 1949.
- M. Masson (Hrsg.): Dokumente der archäologischen Expedition nach Termez, in 2 Bänden, Taschkent, Bd. 1 1941, Bd. 2 1945.
- S. Usmanowa: Erk-kala // in: Dokumente der archäologischen und anthropologischen Expedition nach Südturkmenistan, Band 12, Aschgabad 1963.
- M. Filanowitsch: Gjaur-kala // in: Dokumente der archäologischen Expedition nach Südturkmenistan, Band 15, Aschgabad 1974.
Dieselbe Autorin: Taschkent: Geburt und Entwicklung der Stadt und der städtischen Kultur, Taschkent 1983.
- E. Rtweladse, N. Khabibullaew: Chiwa – die Stadt mit tausend Kuppeln, Taschkent 1997.
- E. Rtweladse, A. Sagdullaew: Schachrisabs – das Erbe der Millennien , Taschkent 2002.
- G. Schichkina: Vom Marakanda's Standort // in: Sowjetische Archäologie, Nr. 1, 1969.
Dieselbe Autorin: Keramikunst aus dem 4.-2. Jh. v. Chr. // in: Afrasiab, Nr. 3, 1974.
- W. Jagodin, T. Khodschaew: Nekropolis des alten Mizda-Khan, Taschkent 1970.
- J. Jakubow: Frühmittelalterliche Dörfer im Berg-Sogd, Duschanbe 1988.

*Ташкент, Узбекистан
Tashkent, Uzbekistan*

Рафик Сайфулин

РЕСПУБЛИКА УЗБЕКИСТАН: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА

Формирование в конце XX в. принципиально нового геополитического расклада сил привело к возникновению постсоветского пространства, которое стало ареной столкновения интересов различных сил. Очевидно, что на начальном этапе обретенной независимости бывшие советские республики пребывали в некоторой эйфории, которая, однако, быстро сменилась осознанием необходимости государственного строительства.

В принципе возникновение новых независимых государств стало закономерным процессом активного возрождения национального самосознания и стремления наций и отдельных народностей к самоопределению. Узбекистан не был в этом смысле исключением, а его руководство продемонстрировало решимость самостоятельно распорядиться как интеллектуальным, духовным и культурным потенциалом, так и значительными природно-сырьевыми ресурсами и уникальным географическим положением.

Республика Узбекистан с обретением государственной независимости столкнулась с необходимостью разработки и реализации краткосрочных и перспективных направлений внутренней и внешней политики в сложных условиях возможной дестабилизации обстановки в регионе в силу многочисленных угроз и вызовов безопасности. Наиболее опасными из них являются терроризм и насилие, наркобизнес и незаконная торговля оружием. Особое внимание привлекают проблемы экологической и ядерной безопасности.

Для анализа сущности политики Узбекистана необходимо учитывать понимание руководством республики национальной безопасности в широком смысле этого слова. Узбекистан всецело поддерживает основополагающий принцип неделимости безопасности. Основную угрозу всеобщей безопасности несут этнические, региональные, локальные конфликты и воинствующий сепаратизм внутри государств. Особенно если такого рода противостояния становятся мощным инструментом политического воздействия отдельных стран для сохранения и защиты собственных интересов и зон влияния или изменения в свою пользу стратегического баланса сил.

Для объективной оценки различных политических действий узбекского руководства на протяжении 14 лет независимости уместно привести ряд факторов, которые оказали серьезное влияние и сегодня сохраняют свою актуальность при принятии значимых политических решений.

Во-первых, в Узбекистане, как и на всем постсоветском пространстве, полностью отсутствовали политические традиции, в основе которых лежат демократические ценности, нормы и принципы.

Советская система, построенная на жесткой партийной дисциплине и абсолютной власти Кремля, в принципе была не способна обеспечить эти традиции. А если учесть, что Узбекистан привели к коммунистическому режиму из типичного феодального общества, то можно представить, какое политическое наследство ему досталось после провозглашения независимости.

Во-вторых, в Узбекистане понятие «национальные и ментальные традиции» зачастую играют решающую роль.

В данном контексте обращают на себя внимание определенные различия в осмыслении исторического опыта развития Узбекистана, его политологического наследия. Национальные и ментальные традиции переплетались с религиозными установками либо вступали с ними в противоречие. Обобщая мнения и выводы большинства узбекистанских политологов, можно вывести формулу, в центре которой находится статус гражданина, его моральные качества и обязательное принятие членами общества общих «правил игры». Фактически речь идет о достаточно низком уровне индивидуализма, неприятии крайне либеральных принципов.

В-третьих, чрезвычайно сложное региональное окружение (конфликт в Афганистане, гражданская война в Таджикистане и др.) предполагало принятие соответствующих мер.

Нерешенность всех вопросов в Афганистане и Таджикистане не может не оказывать негативного влияния как на состояние региональной стабильности в Центральной Азии, так и на национальную безопасность Узбекистана. Особенно это касается производства и контрабанды наркотиков. Наряду с некоторой стабилизацией обстановки и постепенным восстановлением Афганистана, в регионе продолжает сохраняться стратегическая неопределенность. Данную проблему можно разрешить, прежде всего, через глубокие структурные преобразования экономики Афганистана, обеспечение занятости населения.

Сложная ситуация в этой стране не позволяет наладить новые транспортные коммуникации, которые разрешили бы для государств Центральной Азии проблему выхода к морским портам. Как известно, не только Узбекистан, но и его ближайшие соседи не имеют выхода к морю, поэтому для них крайне важна скорейшая нормализация обстановки в Афганистане и последовательное обеспечение условий для недопущения конфликтов в перспективе.

Без этого процесс достижения в Центральной Азии взаимопонимания и формирования действенного механизма для решения общерегиональных задач экономического, водно-энергетического,

транспортно-коммуникационного, экологического характера, затрагивающих жизненно важные интересы государств региона, может затянуться и столкнется с дополнительными трудностями. Узбекистан стремится придерживаться позиции: «Спокоен сосед – спокоен и ты».

В-четвертых, так называемый исламский фактор может восприниматься как наиболее чувствительный на территории современного Узбекистана.

Узбекистан после обретения независимости пережил возрождение религии (как ислама, так и других, например, православия, наблюдается приток различного рода миссионерских течений христианского толка), особенно это касается возврата социальной роли религии в обществе. Более того, религиозная ориентация сопровождала процесс роста национального самосознания, поиска этнической самоидентификации.

В то же время неконтролируемый процесс роста влияния религии именно как социального института привел к тому, что Узбекистан столкнулся с проблемой формирования предпосылок к конфликтам на основе актуализации религиозного фундаментализма и экстремизма и связанного с ними терроризма.

Узбекистан стоит перед двумя взаимоисключающими векторами развития. С одной стороны, руководство республики активно демонстрирует стремление к сохранению и развитию традиционных исламских ценностей в рамках светского государства. С другой, в Узбекистане присутствуют элементы, которые хотели бы сделать исламский фактор доминирующим в общественно-политическом развитии. Исламские ценности эксплуатируются в политической борьбе за обладание сознанием масс, выполняя роль знамени, под которым объединяются силы, стремящиеся к власти.

Появились и активизировались такие организации, как Исламское движение Узбекистана (ИДУ), «Хизбут-тахрир», локальные исламские группировки радикально-экстремистского толка. В условиях объективных трудностей переходного периода активисты этих течений спекулируют лозунгами возврата к подлинным исламским ценностям, включая установление норм исламского права (шариата), исламской экономики и в целом социальной справедливости в рамках исламского государства. Необходимо отметить, что после краха коммунистической идеологии, в условиях возникшего идеологического вакуума подобные идеи, построенные на умелой пропаганде, нашли отклик у некоторой части мусульманского населения республики.

Однако руководство республики заняло очень жесткую позицию в вопросах соблюдения конституционного принципа светского пути развития Узбекистана и противодействия стремлениям возврата страны в религиозное прошлое. Тем не менее, угроза религиозного экстремизма и радикализма и связанного с ними терроризма для Узбекистана весьма

реальна. Наиболее наглядно это проявилось в андижанских событиях, которые, в принципе, во многом стали отражением данной тенденции.

Можно предположить, что влияние данных векторов будет сохранять свою актуальность еще долго, как в силу внутренних причин, так и внешнего влияния. От того, как руководство Узбекистана сможет отстоять демократический и светский путь развития страны, зависит не только будущее самой республики, но и политическая картина в Центральноазиатском регионе в целом.

Такой вывод объясняется и внутренними объективными социально-экономическими трудностями, связанными с процессом реформирования всех сторон жизни узбекистанского общества Узбекистана. В первую очередь, это относится к таким оборотным сторонам рыночной экономики, как процесс расслоения общества, очевидный рост бедных слоев населения, низкий уровень жизни большинства граждан. Субъективно, под воздействием пропаганды, легче примкнуть к иждивенческой позиции утопического раннего мусульманского равенства. В этом проявляется популизм фундаментализма, требование строгого соблюдения морально-этических норм ислама и декларирование отказа от роскоши и стяжательства.

В то же время серьезно ощутимо внешнее влияние, в первую очередь, различного рода центров, которые ставят своей целью построение на территории республики исламского государства в рамках идеи халифата. Главным аргументом служит то, что Узбекистан, как и другие государства Центральной Азии, является неотъемлемой частью исламского мира.

Узбекистан не намерен конфликтовать со странами так называемого исламского пояса, в то же время будет всячески противодействовать попыткам негативного влияния на республику. Очевидно, что для Узбекистана небезразличен его внешнеполитический имидж среди мусульманских стран, их общественности. С другой стороны, он не заинтересован оказаться в центре противостояния исламской и западной цивилизаций.

В-пятых, многие нынешние внешние партнеры длительное время воспринимали Узбекистан в качестве периферии международного сообщества. В настоящее время это обернулось отсутствием исторического опыта внешнеполитических контактов, который бы позволял заранее сглаживать определенные «острые углы», не доводя до конфликта, через учет взаимных интересов.

Тем не менее, все годы независимого развития Узбекистан демонстрирует свое стремление к экономической и политической самостоятельности и право на достойное место в мировом сообществе. И сегодня можно сделать ряд выводов, которые позволят понять итоги сделанного и наметить некоторую политическую перспективу.

Формирование политической и государственно-административной системы

Все годы независимости продолжается процесс формирования новой политической системы, в которой сочетались бы общепризнанные и формализованные нормы демократии с традиционным восточным менталитетом, на который длительное время оказывала значительное влияние советская система пропаганды и воспитания. Это привело к формированию достаточно структурированной власти с доминированием ее исполнительной ветви. Исполнительная власть в Узбекистане представляет собой классическую жесткую схему президентской республики.

Во главе Правительства стоит Премьер-министр, который одновременно является руководителем агропромышленного комплекса. Кураторство Премьер-министром агропромышленного комплекса является отражением важности для Узбекистана состояния дел в сельском хозяйстве.

Другие отрасли находятся под контролем следующих должностных лиц:

- первый заместитель Премьер-министра – министр экономики, руководитель экономического комплекса и комплекса потребительских товаров и торговли;
- заместитель Премьер-министра – руководитель комплекса по вопросам коммунальной сферы, транспорта, капитального строительства и стройиндустрии;
- заместитель Премьер-министра – руководитель комплекса по вопросам ТЭК, химии, металлургии и машиностроения;
- заместитель Премьер-министра – генеральный директор Узбекского агентства связи и информации, руководитель комплекса по вопросам информационных систем и телекоммуникаций;
- заместитель Премьер-министра – министр высшего и среднего специального образования, руководитель комплекса по вопросам образования, здравоохранения и социальной защиты;
- заместитель Премьер-министра – министр иностранных дел, руководитель комплекса по вопросам внешних связей;
- заместитель Премьер-министра – председатель Комитета женщин Узбекистана.

Министерства и государственные комитеты представлены следующими структурами:

- Министерство труда и социальной защиты населения;
- Министерство по делам культуры и спорта;

- Министерство внутренних дел;
- Министерство обороны;
- Министерство народного образования;
- Министерство сельского и водного хозяйства;
- Министерство юстиции;
- Министерство здравоохранения;
- Министерство финансов;
- Министерство по чрезвычайным ситуациям;
- Государственный комитет по управлению государственным имуществом и поддержке предпринимательства;
- Государственный комитет по геологии и минеральным ресурсам;
- Государственный комитет по статистике;
- Государственный таможенный комитет;
- Государственный налоговый комитет;
- Государственный комитет по демонополизации и развитию конкуренции;
- Государственный комитет по архитектуре и строительству;
- Государственный комитет по земельным ресурсам, геодезии, картографии и государственному кадастру.

Председатель Совета Министров Республики Каракалпакстан по должности входит в состав Кабинета Министров Республики Узбекистан.

Данная структура исполнительной власти в целом не только не претерпела существенных изменений за период независимости (в основном было произведено укрупнение функций, что позволило сократить чиновничий аппарат), но и ряд высоких чиновников сохранили свои руководящие позиции. В большей степени это связано с тем, что высшее руководство Узбекистана стремится придерживаться политики учета и баланса различных сил. Этим объясняется и то, что до настоящего момента в политической системе Администрация Президента по-прежнему сохраняет главенствующую и определяющую роль в решении стратегических вопросов.

В наследство от прежней системы досталась проблема клановости (местничества), которая является одной из составляющих «восточного менталитета». Угрозу для Узбекистана данное явление начинает представлять тогда, когда на основе родственного, территориального или этнического принципа в государственных или иных структурах формируются образования (чаще всего неформальные), движимые узкогрупповыми интересами, выдвигающие их в ущерб интересам общегосударственным. Характерным становится продвижение своих членов в существующей государственной, властной и иной иерархии.

Известно, что Узбекистан в нынешних границах в историческом плане не имел традиций государственного строительства по национальному признаку. Все существовавшие здесь ранее государства образовывались в основном по династическому или по территориальному принципам (Бухарский эмират, Кокандское, Хивинское ханства). Поэтому клановость можно рассматривать и как историческое последствие долгой феодальной раздробленности узбекского народа.

В советский период клановость в основном служила для чиновника залогом сохранения и упрочения своей власти через лояльное окружение. Принцип личной преданности был одним из критериев кадровой политики.

В первые годы независимости региональное самосознание также служило одним из факторов национальной самоидентификации индивида, например, через областной диалект узбекского языка. В настоящее время этнические узбеки по многим признакам уже достигли результатов в процессе формирования нации (в первую очередь это относится к культуре и языку как главному критерию национальной идентификации). Ныне политическим руководством на передний план выдвигается необходимость идентификации себя каждым узбеком и представителем других этнических групп прежде всего в качестве гражданина Узбекистана. Однако достижение такой цели займет еще долгий период.

В то же время в политическом плане для Узбекистана клановость будет сохранять свою актуальность, но в большей степени в западном понимании этого слова – принадлежность к определенной «команде». На практике на начальном этапе своей политической, деловой или общественной карьеры молодому специалисту в Узбекистане будет легче устроиться на престижную работу через клановую протекцию, однако в дальнейшем необходимо будет пройти «естественный» отбор. При этом не исключены «колебания Черчилля» (переход от консерваторов к лейбористам и т.д.).

В любом случае нарастает тенденция постепенного перехода от родственно-клановых и земляческих отношений к приоритету корпоративных интересов. В перспективе это может стать основой для модернизации сформированной к настоящему времени во многом формальной многопартийной системы.

В контексте клановости возникают вопросы о Республике Каракалпакстан. Каракалпакстан входит в состав Узбекистана по прежнему территориальному делению. Каракалпаки, после узбеков, являются вторым национально образующим этносом на территории Узбекистана. Согласно Конституции Каракалпакстана, данная территориальная единица Узбекистана обладает достаточно широким кругом полномочий, вплоть до полного самоопределения. Однако в

ближайшей и среднесрочной перспективе вопрос каракалпакского сепаратизма, видимо, не будет остро стоять перед Узбекистаном.

В настоящее время это связано с несколькими обстоятельствами. Во-первых, политическая элита Каракалпакстана на протяжении долгого времени была тесно связана с ташкентским руководством. Например, каракалпакский клан «мютен» (семья К. Камалова, лидера автономии в советское время) имел кровные родственные связи с родственниками Ш. Рашидова, лидера Узбекистана в советское время. Нынешнее руководство Каракалпакстана как политически, так и экономически полностью зависит от центрального руководства республики.

Поэтому как прежде, так и нынешнее руководство заинтересовано в сохранении нынешнего «статус-кво». Конечно, в принципе, в случае воздействия внешних факторов проблема каракалпакского сепаратизма может обостриться, особенно на фоне экономической отсталости региона. Однако перспективы разведки и добычи российскими специалистами энергоносителей в Каракалпакстане еще более свяжут данный регион с Узбекистаном в целом.

Другие ветви власти в Узбекистане пока только набираются опыта, который позволит им стать реальными политическими институтами. Законодательная ветвь власти претерпела видимые изменения в процессе реформирования от достаточно формального органа до профессионального статуса. В настоящее время Олий Мажлис Республики Узбекистан (парламент) представлен нижней палатой, Законодательной, и верхней палатой, Сенатом, с формализованной многопартийной системой.

Анализ нынешнего состава Сената показывает традиционное стремление Администрации Президента придерживаться курса на баланс и учет интересов всех сил. Качественный состав Сената, включая и 16 сенаторов, назначаемых лично Президентом, выступает балансом в случае какого-либо крена в деятельности нижней палаты.

Сенат состоит из 100 членов. Как было отмечено, 16 из них назначаются лично Президентом страны, остальные 84 места занимают представители областных, районных и городских законодательных советов (кенгашей) – по 6 для каждой из 12 областей, города Ташкента и Республики Каракалпакстан. Согласно узбекской модели государственного строительства, хокимы (руководители местных административных органов) одновременно возглавляют местные исполнительные и законодательные органы власти. Очевидно, что в таком случае хокимы будут представлены в Сенате.

Нынешняя нижняя палата парламента была сформирована в результате декабрьских выборов 2004 г. Парламентские выборы в Узбекистане выиграла Либерально-демократическая партия Узбекистана – Движение предпринимателей и деловых людей (УзЛиДеП), которая

получила 41 депутатский мандат, или 34,2% от общего числа членов Законодательной палаты Олий Мажлиса.

Основной соперник – Народно-демократическая партия Узбекистана (НДПУ) получила 28 депутатских мест (23,3%), Национально-демократическая партия «Фидокорлар» – 18 (15%), Демократическая партия «Миллий тикланиш» – 11 (9,2%), Социал-демократическая партия «Адолат» – 10 (8,3%). Число прошедших в парламент депутатов от инициативных групп граждан составило 14 человек, или 11,6%. Данные парламентские выборы продемонстрировали усиление реального интереса среди избирателей. Так, по итогам первого тура на 120 депутатских мест были избраны только 62 депутата.

В целом, введение новой парламентской системы должно усилить ход демократизации общественной жизни, особенно это касается роли политических партий в процессе принятия государственных решений. Однако не стоит ожидать в ближайшей перспективе от нового парламента кардинальных инициатив. Все пять партий безоговорочно поддерживают Президента и правительство.

В то же время в деятельности парламента уже прослеживаются тенденции, характерные для развитых парламентских систем. В частности, блокирование политических партий – «Демократический блок» фракций Либерально-демократической партии, НДП «Фидокорлар», СДП «Адолат». Основной целью создания блока является объединение усилий, чтобы, располагая большинством голосов, обеспечить подготовку и принятие законов. Таким образом, в нижней палате создан блок, который в состоянии провести любой законопроект в соответствии с требованиями Президента.

В противовес этому фракция Народно-демократической партии заявила о выступлении в качестве оппозиционного меньшинства, несмотря на то что также занимает пропрезидентскую позицию. Она заявляет о стремлении повышать социальную эффективность реформ, давать оценку практическому исполнению органами власти всех уровней принимаемых законов, соблюдению конституционных прав и законных интересов населения. Представляет интерес заявление о борьбе с коррупцией, бюрократизмом, должностным произволом.

Очевидно, что новый двухпалатный Олий Мажлис, как и прежний однопалатный, на сегодняшний день не претендует на самостоятельность принятия тех или иных решений. Например, это продемонстрировало фактическое отсутствие реальных прений по правительственным назначениям в начале 2005 г. Однако в настоящее время в парламенте идет процесс формирования новых традиций узбекского парламентаризма.

Проблема совершенствования демократических институтов еще долго будет актуальна, так как официальные политические партии пока

только накапливают необходимый опыт для того, чтобы деятельность нижней палаты Олий Мажлиса стала более эффективной.

На примере реформирования парламентской системы можно проследить суть и видение руководством республики изменений в Узбекистане. Либерализация общественной и экономической жизни осуществляется медленными, но поступательными темпами, без революционных встрясок, во избежание внутренней дестабилизации. Известно, что такая стратегия вызывает скепсис у ряда зарубежных политиков и экспертов, особенно среди сторонников форсированного процесса демократизации и методов «шоковой терапии». Однако узбекское руководство, принимая во внимание такую точку зрения, остается на позиции самостоятельного принятия решений.

Вместе с тем стратегия поступательного реформирования дает определенный положительный эффект, особенно наглядно это видно при анализе судебной системы республики. При этом необходимо выделить возрастающую роль судебной власти в экономической сфере.

Основная ставка делается на административное проведение реформ, государство продолжает выполнять роль главного реформатора. До 2005 г. широким кругом полномочий по применению к субъектам предпринимательства различных мер правового воздействия были наделены более 15 государственных контролирующих органов. К числу таких мер относятся, в частности, наложение крупных финансовых санкций (штрафов), приостановление и прекращение деятельности субъектов предпринимательства, приостановление операций по счетам в банках, обращение в доход государства предметов правонарушения, приостановление и аннулирование лицензий на занятие определенными видами деятельности.

С 1 июля 2005 г. введен порядок, в соответствии с которым меры правового воздействия применяются к субъектам предпринимательства только в судебном порядке. Обращает на себя внимание то, что решением суда возмещение убытков может быть возложено на должностных лиц государственных органов, по вине которых причинены убытки, в порядке и размерах, установленных законодательством. То есть, вводится механизм персональной ответственности государственного чиновника, что должно способствовать борьбе с коррупцией.

Создана система третейского суда со стороны самих субъектов предпринимательства и их объединений, что имеет важное значение в деле защиты прав и законных интересов сторон. Главное, что Узбекистан сделал шаг в сторону создания для предпринимателей альтернативного механизма решения споров.

Внесены изменения в Уголовно-исправительный кодекс, которые позволили улучшить условия отбывания наказания в местах лишения

свободы, увеличить статьи, в соответствии с которыми предоставляется право досрочного освобождения, смягчить режим и условия содержания в колониях (к примеру, доля лиц, отбывающих смягченные наказания в колониях-поселениях, увеличилась с 7% в 1990 г. до 21% в 2005 г. от числа всех содержащихся в местах заключения). С 2008 г. намечено ввести мораторий на смертную казнь.

Узбекистан декларирует, что главной стратегической задачей является неуклонное следование курсу на демократическое строительство и формирование гражданского общества, углубление рыночных реформ и укрепление демократических ценностей в сознании людей.

Руководство Узбекистана категорически выступает против всякого рода «бархатных» и «цветных» революций в любых проявлениях. В Ташкенте считают, что демократию и различные «модели открытого общества» нельзя экспортировать, так же как нельзя импортировать извне или навязывать универсальный проект построения государства.

В данном контексте необходимо затронуть вопрос «незарегистрированной оппозиции» в Узбекистане («Эрк», «Бирлик», «Озод дехкон партияси», Аграрная партия и др.), которая, по мнению ряда внешних аналитиков, и является реальным противовесом нынешнему руководству республики. Формирование в Узбекистане светской оппозиции, как и в любой другой постсоветской стране, является болезненным процессом становления демократических институтов.

Тем не менее, в настоящее время данная оппозиция не представляет собой реальной политической силы по двум принципиальным причинам. Во-первых, отсутствует реальная социальная база данных «партий» (мелкий характер), даже несмотря на наличие в обществе объективных для переходного периода протестных настроений. Во-вторых, разобщенность оппозиции, отсутствие реального единого лидера, способного в условиях Узбекистана построить жестко структурированную партийную организацию. При этом оппозиция в настоящее время обладает достаточными финансовыми ресурсами западного происхождения, что вступает в противоречие с действующим национальным законодательством и дает основание правительству оказывать на активистов оппозиции юридическое давление.

Расчеты на внешнюю поддержку «разворачивают» оппозицию, превращая ее в своеобразную «пятую колонну», которая через поиск негативных сторон жизни в Узбекистане стремится нанести урон имиджу республики в глазах международного сообщества. Тем самым идет фактическая дискредитация самой идеи реальной оппозиции в Узбекистане, которая к тому же до сих пор не имеет ясной и понятной программы и ограничивается декларативными заявлениями.

Видимо, реальные подвижки в светской оппозиции будут тогда, когда их лидеры пойдут на компромисс с властью и начнут завоевывать авторитет в реальной политической борьбе. При этом необходимо отдельно отметить, что оппозиция как политический институт – обязательное и нормальное явление для демократического общества. Через уважение оппозицией конституционных и законодательных норм, ответственность в своих действиях за стабильное состояние государственного и общественного строя будет возможна реализация в Узбекистане альтернативных проектов государственного обустройства.

Как показал опыт «цветных» революций, немаловажную роль в данных процессах занимала тактика использования авторитета и влияния неправительственных и общественных организаций. Фактически, вместо того чтобы выступать институтами формирующегося гражданского общества, они были использованы как инструмент достижения политических целей, а именно захвата: власти, смены политической элиты и, как следствие, передела собственности.

Деятельность отдельных созданных за счет различных спонсорских средств негосударственных некоммерческих организаций Узбекистана фактически вышла за рамки декларируемых ими уставов и программ, преследуя заказные политические цели. Поэтому в настоящее время проводится санация их деятельности на территории Узбекистана.

Однако было бы ошибкой данный курс на самосохранение узбекской государственности воспринимать с точки зрения «антизападной истерии». К примеру, реакция руководства республики на трагические андижанские события (в мае 2005 г. в Андижане был жестко подавлен бунт, приведший к многочисленным жертвам как среди бандитов, так и среди мирного населения) явилась не столько негативным импульсом в отношениях между Узбекистаном и западным сообществом, сколько поводом для концептуального осмысления и переосмысления взаимоотношений между Узбекистаном и странами Запада (США, ЕС). Западные страны развитой демократии и Япония все годы независимости фактически были одним из стратегических ориентиров для руководства Узбекистана. Нет сомнений, что такой подход сохранится. Очевидно, что Узбекистан осознает, что стратегической ошибкой будет игнорирование, а тем более пренебрежение данным вектором во внешней политике.

Внешнеполитические ориентиры

Во внешней политике Узбекистан всегда исходил из сугубо практических и достаточно конкретных краткосрочных и долгосрочных интересов национальной политики. Поэтому было бы ошибкой периодически усиливающееся сближение, к примеру, с Турцией, КНР, Индией, США или Россией воспринимать как выражение принципиальных стратегических целей и намерений.

В первую очередь, руководство Узбекистана на протяжении всех лет независимости стремилось удерживать баланс в отношениях с внешними партнерами с учетом национальных интересов. При этом пока удается реализовывать принцип неучастия в любых военно-политических блоках и альянсах. Приоритет отдается развитию двусторонних отношений.

Узбекистан имеет давние исторические, экономические, культурные и другие связи с соседями, в частности с Россией. Особенно активизировались узбекско-российские отношения в 2005 г. на фоне критики Запада в связи с андижанскими событиями. Видимо, в перспективе это и станет приоритетным направлением внешнеполитических симпатий Узбекистана.

Как показывает практика, уровень взаимоотношений между Узбекистаном и Россией может повышаться или понижаться, в связи с чем можно ожидать самое разное развитие ситуации. В любом случае развитие этих отношений имеет большую значимость для обеих стран. Россия явно демонстрирует готовность к углублению экономического сотрудничества и выполнению роли гаранта безопасности в регионе. Со своей стороны, в Москве понимают значение действий Ташкента для восстановления и закрепления своих доминирующих позиций в регионе.

Характер таких отношений можно проследить и на уровне сотрудничества в рамках ШОС, ЕврАзЭС и других аналогичных организаций. При этом Узбекистан рассматривает их, в первую очередь, как условие обеспечения безопасности, мира, стабильности и устойчивого развития в регионе.

В целом, Узбекистан однозначно поддерживает курс мирового сообщества на борьбу против международного терроризма, экстремизма и радикализма. При этом выступает за борьбу не только с проявлениями терроризма, но и с многочисленными радикальными и экстремистскими центрами, которые политизируют ислам.

Декларируемое Ташкентом стремление к демократии и упрочение основ светского государства в стране с преобладающим мусульманским населением (80%) должно сделать Узбекистан весьма важным и значительным фрагментом в сложной и пестрой мозаике мусульманского мира. Это во многом определяет историческую значимость суверенитета Республики Узбекистан и обуславливает последующие главные направления политической динамики.

DIE POLITIK USBEKISTANS

Die Ende des 20. Jahrhunderts erfolgte Neuaufteilung der geopolitischen Kräfte führte zur Entstehung des postsowjetischen Raums, der zur Arena für das Kräftemessen zwischen verschiedenen Interessengruppen wurde. Auffällig ist die Tatsache, dass die ehemaligen Sowjetrepubliken in der ersten Phase ihrer Unabhängigkeit eine Art Euphorie erlebten, die die Notwendigkeit des Staatsaufbaus kurzfristig aus dem Bewusstsein der Akteure verdrängte.

Die Entstehung der neuen unabhängigen Staaten auf dem Gebiet der ehemaligen Sowjetunion bedeutete eine aktive Wiederbelebung der nationalen Identitäten und der Idee der angestrebten Selbstbestimmung von Völkern und Ethnien. Usbekistan bildete dabei keine Ausnahme: Seine Regierung demonstrierte entschieden den Willen zur selbständigen Verwaltung, sowohl des intellektuellen, geistigen, und kulturellen Lebens, als auch der umfangreichen Natur- und Rohstoffressourcen nebst den Vorzügen der einmaligen geographischen Lage des Landes.

Mit der erlangten Unabhängigkeit wurde zuerst klar, dass Usbekistan schnell zukunftssträchtige Programme für seine Innen- und Außenpolitik brauchte, die einer möglichen Destabilisierung der Lage in der Region entgegenwirken und den zahlreichen Bedrohungen und sicherheitspolitischen Herausforderungen Rechnung tragen würden.

Die usbekische Regierung setzte dabei den Hauptakzent ihrer Politik auf die nationale Sicherheit im weitesten Sinne. Usbekistan vertritt den Grundsatz der *Unteilbarkeit des Sicherheitsbegriffs*. Am gefährlichsten für die allgemeine Sicherheit sind danach ethnische, regionale und lokale Konflikte sowie militanter Separatismus innerhalb der Staaten. Das gilt insbesondere, wenn einzelne Staaten Konfrontationen als ein Mittel zur politischen Beeinflussung nutzen, um sich politische Einflusssphären zu sichern oder die strategische Kräfteverteilung zu eigenen Gunsten zu verzerren suchen.

Usbekistan liegt in einer Region, in der die Suche nach einem optimalen Konzept der kollektiven Sicherheit immer noch nicht zu Ende ist. Zusammen mit seinen Nachbarn befindet sich das Land in einem Teil Zentralasiens, in dem die Weltmächte und einzelne Staaten der islamischen Welt versuchen, ihre kontroversen Interessen durchzusetzen.

Terror und Gewalt, Drogenhandel und Waffenschmuggel sind die gefährlichsten Bedrohungen und Herausforderungen, mit denen die Staaten dieser Region konfrontiert werden. Besondere Bedeutung kommt dabei den Umwelt- und Atomsicherheitsproblemen zu.

Zur objektiven Beurteilung diverser politischer Aktionen der usbekischen Regierung, die während der 15 Jahre seit der Unabhängigkeit vorgenommen

wurden, soll eine Reihe wichtiger Faktoren erwähnt werden, die einen substantiellen Einfluss ausübten und bis heute relevant für den politischen Entscheidungsprozess sind.

Erstens besaß weder Usbekistan noch der gesamte postsowjetische Raum jedwede politische Traditionen, denen demokratische Grundwerte, Normen und Prinzipien zugrunde lagen.

Die nach einer harten Parteidisziplin und der absolutistischen Kreml-Macht ausgerichtete sowjetische Staatsordnung war grundsätzlich nicht imstande, solche Traditionen zu entwickeln. Wenn man ferner bedenkt, dass Usbekistan aus einer typischen Feudalordnung herausgerissen und in ein kommunistisches Machtregime verwandelt wurde, so kann man sich vorstellen, welches politische Erbe das Land nach der Verkündung seiner Unabhängigkeit wirklich hatte.

Zweitens spielten die nationalen Traditionen nach wie vor eine ausschlaggebende Rolle in Usbekistan.

In diesem Kontext zeigen sich gewisse Unterschiede in der Aufarbeitung der historischen Entwicklungserfahrungen Usbekistans und seines politischen Erbes. So verflochten sich nationale Traditionen mit religiösen Glaubenssätzen oder sie setzten sich diesen entgegen. *Wenn man die Meinungen und Schlussfolgerungen der meisten usbekischen Politikwissenschaftler zusammenfasst, so kommt man zu einer Formel, in deren Zentrum das moralische Bild des Bürgers mit seinen ethischen Eigenschaften und die unabdingbare Akzeptanz allgemeiner Spielregeln durch alle Mitmenschen steht.* In der Tat handelt es sich hier um ein relativ niedriges Niveau des Individualismus und die Ablehnung extrem liberaler Grundsätze.

Drittens forderte die extrem schwierige Lage in den Anrainerstaaten (Kriegskonflikt in Afghanistan, Bürgerkrieg in Tadschikistan u. a.) die Einleitung entsprechender Maßnahmen.

Die bislang ungelösten Probleme in Afghanistan und Tadschikistan wirken sich sowohl auf die regionale Stabilität als auch auf die nationale Sicherheit Usbekistans unverändert schädlich aus. Diese Feststellung bezieht sich insbesondere auf die Herstellung von und den Handel mit Rauschmitteln. Neben einigen kurzfristig eingeleiteten positiven Stabilisierungs- und Wiederaufbauprozessen in Afghanistan herrscht strategische Ungewissheit in der Region fort. Diesem Problem könnte man vor allem mit tiefgreifenden Reformen in der afghanischen Wirtschaft und einer Arbeitsbeschaffung für die afghanische Bevölkerung entgegenwirken.

Die schwierige Lage in Afghanistan macht den Aufbau von Verkehrsverbindungen unmöglich, die den zentralasiatischen Staaten den Zugang zu Seehäfen verschaffen könnten. Bekanntlich besitzen weder Usbekistan, noch seine nächsten Nachbarn einen Direktzugang zum Meer. Daher sind die schnellstmögliche Normalisierung der Lage in Afghanistan und

konsequente Maßnahmen zur Prävention weiterer Konflikte in der Zukunft als eine vordergründige Aufgabe zu betrachten.

Ohne diese Maßnahmen wird der Prozess der Völkerverständigung und des Findens von wirkungsvollen Instrumenten zur Lösung der Probleme im Wirtschafts-, Wasser-, Energie-, Verkehrs-, Telekommunikations- und Umweltbereich, die für die betreffenden Staaten überlebenswichtig sind, verzögert und zusätzlich erschwert. Usbekistan verfährt nach dem Grundsatz «Mit einem sicheren Nachbarn fühlt man sich selbst sicher».

Viertens ist der sogenannte islamische Faktor im Hoheitsgebiet des heutigen Usbekistan am deutlichsten zu spüren.

Mit seiner Unabhängigkeit erlebte Usbekistan eine Art Renaissance der Religion (nicht nur der islamischen, sondern auch der christlich-orthodoxen, einschließlich diverser Richtungen des christlichen Glaubens). Die Religion hat wieder einen besonderen Stellenwert in der Gesellschaft bekommen. Der Glaube bedeutet für die Menschen Unterstützung bei der angestrengten Suche nach nationaler und ethnischer Identität.

Gleichzeitig verstärkte sich aber der unkontrollierte Einfluss der Religion als soziale Institution. Und so wurde Usbekistan zusätzlich mit Konflikten belastet, die auf dem Nährboden des an Aktualität gewinnenden religiösen Fundamentalismus und Radikalismus sowie des damit zusammenhängenden Terrorismus keimten.

Generell steht Usbekistan am Scheideweg zweier gegensätzlicher Entwicklungsrichtungen: Einerseits bemüht sich die usbekische Regierung stets und demonstrativ um die Aufrechterhaltung und Förderung der traditionellen islamischen Werte innerhalb des Säkularstaates. Andererseits gibt es Kräfte in Usbekistan, die den islamischen Glauben zur Maßgabe für die gesellschaftliche und politische Entwicklung erheben wollen. Die islamischen Grundwerte werden für den politischen Kampf und zur Beeinflussung der Öffentlichkeit instrumentalisiert und als Leitspruch benutzt, unter dem sich politische Kräfte versammeln, die sich auf den Kampf um die Macht eingestellt haben.

So gibt es beispielsweise die islamische Bewegung Usbekistans, *Hizb-ut-Tahrir*, und lokale islamistische radikale Gruppen. In der schwierigen Übergangsphase rufen die Aktivisten dieser Bewegungen zur Rückkehr zu den wahren islamischen Werten auf, zur Einführung islamischer Rechtsvorschriften (Scharia) und der islamischen Wirtschaft, einschließlich der sozialen Gerechtigkeit eines islamischen Gottesstaates. Solche Ideen, die auf einer geschickten Propaganda beruhen, konnten nach dem Kollaps der Kommunismusidee und im entstandenen ideologischen Vakuum einen geringfügigen Teil der moslemischen Bevölkerung tatsächlich ansprechen.

Zwar verfolgt die usbekische Regierung eine sehr harte Linie bei der Wahrung des verfassungsrechtlichen Prinzips beim Aufbau des usbekischen Säkularstaates und widersteht vehement allen Versuchen, das Land in einen

Religionsstaat zu verwandeln. Dennoch bleibt die Gefahr des religiösen Radikalismus und Extremismus und des damit zusammenhängenden Terrorismus für Usbekistan nach wie vor sehr aktuell. Am deutlichsten zeigte sich das während der Ereignisse in Andischan, bei denen die beschriebenen Tendenzen krasse Formen annahmen.

Es ist anzunehmen, dass die beiden möglichen Entwicklungsrichtungen aufgrund ihrer inneren Ursachen und der äußeren Einflüsse noch eine längere Zeit lang aktuell bleiben werden. Jedoch wird es schließlich auf die Fähigkeit der usbekischen Regierung ankommen, den demokratischen und säkularen Entwicklungsweg ihres Staates durchzusetzen, von dem nicht nur die Zukunft Usbekistans, sondern auch die allgemeine politische Konstellation in der zentralasiatischen Region abhängen wird.

Die sozialen und wirtschaftlichen Schwierigkeiten, die mit den Reformen sämtlicher Lebensbereiche der usbekischen Gesellschaft einhergingen, bestätigen diese Schlussfolgerung. In erster Linie bezieht sich das auf die Kehrseiten der Marktwirtschaft, wie die Spaltung der Gesellschaft in Schichten, eine wachsende Zahl von Armen und eine niedrige Lebensqualität der meisten Usbeken. Subjektiv gesehen scheint es viel einfacher, sich der Position anzuschließen, die von der utopischen Uridee der Gleichheit aller Moslems ausgeht. Die fundamentalistische Idee ist daher populistisch, eingebettet ins Gebot der strengen Wahrung der moralischen und ethnischen Vorschriften des Islam und der Entsagung allen Luxus und Eigennutzes.

Gleichzeitig wird der äußere Einfluss deutlich spürbar, der durch die Aktivitäten diverser Gruppen ausgeübt wird und auf den Aufbau eines islamischen Gottesstaates in Usbekistan als Teil der Kalifat-Idee abzielt. Argumentiert wird dabei hauptsächlich damit, dass Usbekistan nebst den anderen Staaten Zentralasiens ein untrennbarer Bestandteil der islamischen Welt sei.

Langfristig sollte Usbekistan jedwede Konflikte mit den Staaten des sogenannten islamischen Gürtels vermeiden. Gleichzeitig muss es sich Versuchen einer negativen Beeinflussung mit allen Mitteln widersetzen. Offensichtlich legt Usbekistan Wert auf sein außenpolitisches Image unter den islamischen Staaten und innerhalb der moslemischen Gemeinschaft. Auf der anderen Seite will das Land nicht in das Zentrum der Konfrontation zwischen der islamischen und der westlichen Zivilisation geraten.

Fünftens wurde das Land von mehreren ausländischen Partnern schon immer als Hinterhof der Weltgemeinschaft wahrgenommen. Die Spätfolge solcher Behandlung ist die bislang fehlende historische Erfahrung bei der Herstellung und Pflege außenpolitischer Kontakte, die «scharfe Kanten» in den Beziehungen vorerst abschleifen und eine gegenseitige Aufrechnung ermöglichen könnte, ohne es auf einen Konflikt ankommen zu lassen.

Trotz allem demonstrierte Usbekistan seinen Wunsch nach wirtschaftlicher und politischer Autonomie und den Anspruch auf einen

würdigen Platz in der Weltgemeinschaft während der ganzen Zeit seiner Unabhängigkeit.

Aus den genannten Punkten lassen sich eine Reihe von Schlussfolgerungen ziehen, die einerseits zum Verständnis erzielter Ergebnisse beitragen und andererseits politische Perspektiven Usbekistans aufzeigen.

Aufbau des politischen und des öffentlichen Verwaltungssystems

Seit der Unabhängigkeit dauert die Suche nach einem Rezept für den Aufbau des neuen politischen Systems ununterbrochen an, in dem die allgemein anerkannten und dokumentierten Normen der Demokratie mit der traditionellen orientalischen Mentalität vereint werden könnten und der lange Einfluss sowjetischer Propaganda und Erziehung relativiert würde.

Nach dem Zusammenbruch der Sowjetunion fand sich in Usbekistan ein sehr verzweigtes System der öffentlichen Gewalt, in dem die exekutive Komponente überwog. Die Exekutive des Landes ist ein klassisches hartes Modell der Präsidentialrepublik.

Der Regierung steht ein Premierminister vor, der gleichzeitig den agrarindustriellen Bereich der Wirtschaft leitet. Die Tatsache, dass der Premierminister für diesen Sektor zuständig ist, zeigt, dass die Landwirtschaft für Usbekistan äußerst relevant ist.

Weitere Branchen der usbekischen Volkswirtschaft unterstehen folgenden Ressortchefs:

1. Der stellvertretende Premierminister ist gleichzeitig der Wirtschaftsminister und leitet den volkswirtschaftlichen Bereich, die Konsumgüterproduktion und den Handel;
 - ein weiterer stellvertretender Premierminister ist für die Kommunalwirtschaft, den Verkehr, Investitionen und die Bauwirtschaft zuständig;
 - ein weiterer stellvertretender Premierminister leitet die Brennstoff- und Energiewirtschaft, die chemische Industrie, die Metallurgie und den Maschinenbau;
 - ein weiterer stellvertretender Premierminister ist gleichzeitig der Generaldirektor der usbekischen Agentur für Telekommunikation und Datenverkehr und leitet den Datenübertragungs- und Telekomunikationsbereich;
 - ein weiterer stellvertretender Premierminister ist parallel der Minister für Hochschul- und mittlere Fachbildung und leitet das Bildungs-, Gesundheits- und Sozialressort;

- ein weiterer stellvertretender Premierminister ist zugleich der Außenminister und leitet den auswärtigen Dienst;
- eine weitere stellvertretende Premierministerin ist die Vorsitzende des usbekischen Frauenkomitees.

Einzelne Ministerien und Staatskomitees sind durch folgende Institutionen vertreten:

- Ministerium für Arbeit und Sozialschutz der Bevölkerung;
- Ministerium für Kultur und Sport;
- Innenministerium;
- Verteidigungsministerium;
- Ministerium für Volksbildung;
- Ministerium für Land- und Wasserwirtschaft;
- Justizministerium;
- Gesundheitsministerium;
- Finanzministerium;
- Ministerium für Notstands- und Katastrophenbekämpfung;
- Staatskomitee für die Verwaltung des öffentlichen Vermögens und Unternehmensförderung;
- Staatskomitee für Geologie und mineralische Bodenschätze;
- Staatskomitee für Statistik;
- Zollkomitee;
- Steuerkomitee;
- Staatskomitee für Demonopolisierung und Wettbewerbsförderung;
- Staatskomitee für Architektur und Bau;
- Staatskomitee für Bodenressourcen, Geodäsie, Kartographie und öffentlichen Kataster.

Der Vorsitzende des Ministerrates der Republik Karakalpakistan ist Mitglied des Ministerkabinetts der Republik Usbekistan.

Dieser Aufbau der exekutiven Gewalt hat seitdem keine tiefgreifenden strukturellen Veränderungen erfahren und mehrere hochrangige Beamte bekleiden ihre Führungspositionen seit dem ersten Tag der Unabhängigkeit. (Die einzigen Veränderungen betrafen die Erweiterung der Ressortzuständigkeiten und den Abbau des Beamtenapparates.)

Diese Tatsache lässt sich primär dadurch erklären, dass die usbekische Regierung sich von einer Politik der Berücksichtigung und Ausbalancierung verschiedener Kräfte leiten lässt. Das erklärt den Umstand, dass die leitende und maßgebliche Macht im strategischen Entscheidungsprozeß nach wie vor der Administration des Präsidenten vorbehalten ist.

Der obersten Staatsführung ist bewusst, dass das alte Regime unter anderem das Problem der lokalen Clans mitvererbt hatte, das ebenfalls eine der Komponenten der «östlichen Mentalität» darstellt. Diese Erscheinung beginnt erst dann für Usbekistan gefährlich zu werden, wenn sich verwandtschaftliche, territoriale oder ethnische (am häufigsten informelle) Cluster innerhalb der öffentlichen und sonstigen Strukturen bilden, die eigene engbemessene Claqueinteressen zum Nachteil der staatlichen Interessen verfolgen. Typisch ist dabei die Beförderung der Claquemitglieder innerhalb der bestehenden Diensthierarchie in der öffentlichen Gewalt.

Bekanntlich besaß Usbekistan bislang keine historischen Erfahrungen im Aufbau eines Nationalstaates. Auf dem heutigen Territorium des Landes bildeten sich alle Vorgängerstaaten überwiegend nach der dynastischen oder territorialen Zugehörigkeit (z. B. Emirats Buhara, Khanate Kokand und Chiwa). Deswegen könnte man die Clanordnung als ein historisches Ergebnis der langfristigen feudalistischen Zersplitterung des usbekischen Volkes betrachten.

Zu Sowjetzeiten garantierte die Claquezugehörigkeit einem Beamten die Wahrung und Festigung seiner Macht dank seiner loyalen Umgebung. Das Prinzip der persönlichen Treue wurde zu einem Kriterium der Personalpolitik erhoben.

Zu Beginn der Unabhängigkeit war die regionale Abstammung Ausgangspunkt, um zu einer nationalen Identität zu finden, beispielsweise durch eine regionale Mundart der usbekischen Sprache. Verschiedene usbekische Ethnien haben inzwischen Ergebnisse bei der Bildung einer Nation (in erster Linie bezogen auf die Kultur und die Sprache als die Grundlage der nationalen Identität) vorzuweisen. Vorrangig geht es dabei um die Vorgabe der politischen Führung, jeder Usbeke und jeder Vertreter anderer Ethnien solle sich primär mit seiner usbekischen Staatsbürgerschaft identifizieren. Dennoch wird dieses Ziel kurzfristig nicht erreichbar sein.

Gleichzeitig wird die Clanordnung für Usbekistan auch in Zukunft politisch aktuell bleiben, dennoch sollte sie verstärkt nach der westlichen Auffassung verstanden werden, nämlich als Zugehörigkeit zu einem bestimmten (Arbeits-)Team. Tatsächlich kann eine angehende Führungskraft, die sich um eine angesehene Stelle im politischen, geschäftlichen oder öffentlichen Bereich bewirbt, diese dank einer Clanprotektion schneller erlangen, dennoch wird er die natürliche Auslese in der Zukunft wiederum nicht umgehen können. Dabei sind die Churchill-Schwankungen (Wechsel zwischen den Konservativen und der Labour-Party und andersherum) nicht auszuschließen.

Eine Tendenz des allmählichen Vorranges wirtschaftlicher Interessen und der Interessen der jeweiligen Institution vor den Verwandtschafts-, Clan- und Ethnienbeziehungen ist jedoch offensichtlich. In der Zukunft kann diese Entwicklung die Grundlage für eine Erneuerung des gegenwärtig überwiegend formellen Mehrparteiensystems liefern.

Im Kontext der Clanstrukturen stellt sich die Frage zur Republik Karakalpakistan. Nach der alten administrativen Gebietsteilung ist Karakalpakistan unverändert ein Bestandteil Usbekistans. Nach den Usbeken sind die Karakalpaken die zweitgrößte volksbildende Ethnie im usbekischen Raum. In der karakalpakischen Verfassung gibt es verhältnismäßig umfangreiche Zuständigkeiten bis hin zur vollständigen Selbstbestimmung. Dennoch ist das Problem eines karakalpakischen Separatismus kurz- bis mittelfristig fast auszuschließen.

Das hat mehrere Hintergründe: Erstens war die politische Elite Karakalpakistans mit der zentralen Führung in Taschkent über eine längere Zeit eng verflochten. Der karakalpakische Clan Mjuten (die Familie von K. Kamalow, dem Regenten der karakalpakischen Autonomie zu Sowjetzeiten) war mit den Familienangehörigen des einstigen Regierungschefs des sowjetischen Usbekistan, Sch. Raschidow, verwandt. Die heutige Regierung Karakalpakistans ist sowohl politisch als auch wirtschaftlich von der zentralen Führung in Taschkent vollends abhängig.

Daher ist sowohl die einstige als auch die heutige Führung an der Wahrung des jetzigen Status quo interessiert. Sollten sich jedoch die äußeren Einflüsse verstärken, könnte sich das Problem des karakalpakischen Separatismus auch zuspitzen. Insbesondere ist das angesichts der wirtschaftlichen Rückständigkeit dieser Region zu erwarten. Dennoch wird die von russischen Firmen betriebene Erschließung der Öl- und Gasfelder im karakalpakischen Gebiet diese Region noch stärker an Usbekistan binden.

Die übrigen Zweige der staatlichen Gewalt in Usbekistan sind erst dabei, Erfahrungen zu sammeln, auf deren Grundlage sie zu wirklichen politischen Institutionen werden können. Im Zuge der Reformen wurde die gesetzgebende Gewalt bereits zusehends verändert und schaffte den Weg von einer weitgehend formellen zu einer professionellen Institution. Heute ist das usbekische Parlament Olij Maschlis durch das Unterhaus und das Oberhaus – den Senat – vertreten und ist von einem etablierten Mehrparteiensystem geprägt.

Wenn man die Zusammensetzung des Parlaments der jüngsten Legislaturperiode betrachtet, so wird dabei der traditionelle Wunsch der Administration des usbekischen Präsidenten ersichtlich, die Balance zwischen allen politischen Kräften aufrechtzuerhalten. Die Zusammensetzung des Senats, einschließlich seiner 16 Mitglieder, die vom Präsidenten persönlich ernannt werden, legt den Vergleich mit einer Balancierstange nahe, die eingesetzt wird, wenn das Unterhaus in seiner Tätigkeit krankt.

Das Senat besteht aus 100 Senatoren. Wie oben bereits erwähnt wurde, werden 16 Senatsmitglieder vom Präsidenten persönlich ernannt. Die anderen 84 Mandate bekommen die Vertreter der gesetzgebenden Versammlungen auf Provinz-, Bezirks- und Stadtebene (jeweils sechs Abgeordnete aus 12 Provinzen, der Stadt Taschkent und der Republik Karakalpakistan). Nach dem usbekischen Modell des Staatsaufbaus stehen die Chokime (Leiter der

örtlichen Verwaltungsämter) gleichzeitig den lokalen Organen der exekutiven und der legislativen Gewalt vor, so dass sie auch im Senat vertreten sind.

Das Unterhaus der jetzigen Legislaturperiode setzt sich entsprechend der Ergebnisse der Parlamentswahlen im Dezember 2004 zusammen. Damals hatte die liberaldemokratische Partei Usbekistans (Bewegung der Unternehmer und Geschäftsleute) die Parlamentswahlen mit 41 Abgeordnetenmandats gewonnen und behielt 34,2 Prozent aller Sitze in der gesetzgebenden Parlamentskammer.

Ihr Hauptrivale, die volksdemokratische Partei Usbekistans, gewann 28 Abgeordnetenmandate (23,3 Prozent), gefolgt von der nationaldemokratischen Partei «Fidokorlar» mit 18 Mandaten (beziehungsweise 15 Prozent), der demokratischen Partei «Millij Tiklanisch» mit 11 Mandaten und 9,2 Prozent und der sozialdemokratischen Partei «Adolat», die 10 Mandate beziehungsweise 8,3 Prozent der Parlamentssitze erlangte. Insgesamt 14 Abgeordnetenmandate beziehungsweise 11,6 Prozent aller Parlamentssitze wurden unter den Vertretern verschiedener Volksinitiativen verteilt. Diese Parlamentswahlen zeichneten sich durch eine aktive Wahlbeteiligung der Bevölkerung aus. So wurden nur 62 Mandate von insgesamt 120 im ersten Wahlgang vergeben.

Generell wird erwartet, dass die Demokratisierung des öffentlichen Lebens mit der Einführung der neuen parlamentarischen Ordnung zunimmt, insbesondere gilt das für die Beteiligung der politischen Parteien am öffentlichen Entscheidungsprozess. Gleichzeitig sollte man in absehbarer Zukunft nicht mit grundlegenden Entscheidungsinitiativen des neuen Parlaments rechnen. Alle fünf Parteien unterstützen den Präsidenten und die Regierung ohne jeden Vorbehalt.

Zugleich lassen sich in der Tätigkeit des neuen Parlaments Tendenzen erkennen, die nur für entwickelte parlamentarische Systeme typisch sind. Unter anderem bezieht sich diese Feststellung auf den demokratischen Block, in dem sich die Fraktionen der einzelnen politischen Parteien, der liberaldemokratischen Partei, der nationaldemokratischen Partei «Fidokorlar» und der sozialdemokratischen Partei «Adolat», zusammengeschlossen haben. Das Hauptziel dieses Zusammenschlusses besteht in der Bündelung der Kräfte, um die Stimmenmehrheit zu sichern und die eigenen Gesetzesvorlagen durchzusetzen. Somit wurde ein parteipolitischer Block im Unterhaus gebildet, der jede Gesetzesvorlage entsprechend des Präsidentenwunsches durchsetzen kann.

Ein Gegengewicht bildet die Fraktion der volksdemokratischen Partei und agiert als oppositionelle Parlamentsminderheit. Zwar unterstützt diese Opposition ebenfalls den Präsidenten, dennoch will sie den Reformprozess verstärkt fördern, die praktische Umsetzung der verabschiedeten Gesetze auf allen Ebenen der öffentlichen Gewalt beobachten und die Durchsetzung der Grundrechte und gesetzlichen Belange der Bevölkerung überwachen. Von

Interesse sind auch ihre Erklärungen zur Bekämpfung der Korruption, des Bürokratismus und des Amtsmissbrauchs.

Offensichtlich wird das Zweikammerparlament wie auch sein einstiger Einkammervorgänger keine Ansprüche auf Selbständigkeit im Entscheidungsprozess geltend machen. Diese Annahme erschließt sich daraus, dass die Besetzung der Regierungsposten zu Beginn 2005 praktisch ohne jede politische Debatte stattfand. Dennoch werden zur Zeit neue Traditionen des usbekischen Parlamentarismus im Parlament entwickelt.

Das Problem der Verbesserung der demokratischen Institutionen wird noch lange aktuell bleiben, da die offiziellen politischen Parteien zuerst Erfahrungen sammeln müssen, um die Arbeit des Unterhauses im Parlament effektiv zu gestalten.

Am Beispiel der Parlamentsreformen kann man erkennen, wie sich die usbekische Regierung die Veränderungen in ihrem Land inhaltlich vorstellt. Usbekistan soll auch weiterhin den Weg der Liberalisierung des öffentlichen und wirtschaftlichen Lebens langsam, aber sicher und ohne revolutionäre Erschütterungen gehen, wobei jeder Versuch einer innerstaatlichen Destabilisierung verhindert werden soll. Bekanntlich stößt eine solche Strategie häufig auf eine skeptische oder gar kritische Einschätzung vieler ausländischer Politiker und Experten, insbesondere unter den Befürwortern einer forcierten Demokratisierung oder einer Schocktherapie. Zwar nimmt die usbekische Führung solche Auffassungen gern zur Kenntnis, dennoch entscheidet sie selbst und will hier nicht von außen beraten werden.

Gleichzeitig zeigt die Strategie des dynamischen Reformprozesses gewisse positive Ergebnisse, die insbesondere bei der Betrachtung des usbekischen Rechtssystems erkennbar werden. Getrennt sollte man die zunehmende Rolle der Judikative im Wirtschaftsbereich hervorheben.

Jedoch liegt der Hauptakzent auf der administrativen Ausgestaltung des Reformprozesses, wobei der Staat nach wie vor entscheidende Antriebskraft für Reformen ist. Bis 2005 waren es mehr als 15 staatliche Aufsichtsbehörden, die umfassende Befugnisse hatten, um diverse rechtliche Sanktionen über Unternehmen verhängen zu können. Hierzu zählen höhere Geldstrafen, ein einstweiliges oder generelles Verbot von Firmengeschäften, das Einfrieren von Firmenkonten, das Beschlagnahmen des jeweiligen Rechtsbruchgegenstandes zugunsten des Staates, sowie eine Aussetzung oder Kündigung der Lizenz für bestimmte Geschäftstätigkeiten etc.

Seit dem 1. Juli 2005 gilt eine neue Rechtsordnung, nach der die Unternehmen nur per Richterspruch unter rechtliche Sanktionen gestellt werden können. Nicht zu übersehen ist die den Gerichten eingeräumte Befugnis, Angestellte der öffentlichen Ämter zum Schadenersatz für Dinge zu verpflichten, die sich aus ihrem schuldhaften Handeln ergeben. Mit anderen Worten sind Instrumente zur Regelung persönlicher Haftung für Staatsbeamte eingeführt worden, die zur Korruptionsbekämpfung beitragen sollen.

Die Schiedsgerichtsbarkeit für Unternehmen und Unternehmerverbände wurde eingeführt, die eine wesentliche Rolle bei der Durchsetzung von Rechten und gesetzlichen Ansprüchen der Parteien in einer Streitsache spielt. Die Hauptsache ist jedoch, dass Usbekistan einen Schritt in Richtung eines alternativen Rechtsweges für die Beilegung von Streitigkeiten zwischen Unternehmen getan hat.

In das Strafgesetzbuch wurden ebenfalls einige Novellen eingearbeitet, die zur Verbesserung der Haftbedingungen in Vollzugseinrichtungen beitragen und Artikel ergänzt, die eine vorzeitige Entlassung und Strafmilderung für Verurteilte vorsehen. So stieg die Anzahl der verurteilten Personen, die ihre Strafe nicht in einem Gefängnis, sondern in einer Strafkolonie verbüßen, von sieben Prozent im Jahre 1990 auf momentan 21 Prozent bezogen auf alle Strafgefangenen, die im Strafvollzug einsitzen. 2008 soll auch die Todesstrafe abgeschafft werden.

Usbekistan erklärt eine nachhaltige und konsequente Fortführung des politischen Kurses zum Aufbau eines demokratischen Staates und der Bildung einer Zivilgesellschaft sowie die Fortsetzung marktwirtschaftlicher Reformen und die Stärkung demokratischer Grundwerte zu seiner langfristigen und strategischen Aufgabe.

Dennoch tritt die usbekische Führung vehement gegen alle Arten samtener und farbiger Revolutionen in jeder Erscheinungsform ein. Das offizielle Taschkent ist der Meinung, Demokratie und diverse Modelle der offenen Gesellschaft könne man nicht exportieren und ein universelles Modell für eine Staatsordnung könne ebenfalls weder importiert noch aufgezwungen werden.

In diesem Kontext sollte man noch das Problem der vogelfreien usbekischen Opposition (Erk, Birlik, Ozod Dechkon Partijasi, Agrarpartei etc.) ansprechen, die nach Meinung mehrerer ausländischer Experten ein Gegengewicht zur jetzigen usbekischen Regierung darstellt. Die Entstehung einer säkularen Opposition in Usbekistan wie auch in jedem anderen postsowjetischen Staat ist ein schmerzhafter Prozess, der mit der Entwicklung demokratischer Institutionen zusammenhängt.

Diese Opposition kann aus zwei Gründen momentan keine ernstzunehmende politische Kraft sein: Erstens fehlt es diesen politischen kleinformatischen Quasi-Parteien an sozialer Substanz, obwohl die für eine Transitionsphase typische Proteststimmung in der Gesellschaft durchaus vorhanden ist. Ein zweiter Nachteil ist die Zersplitterung in den Reihen der Opposition und eine fehlende gemeinsame Spitzenfigur, die eine streng geordnete Partei unter den Bedingungen Usbekistans aufbauen könnte. Dabei ist die Opposition mit den vom Westen gestellten Finanzmitteln ausreichend ausgestattet – per se ein Rechtsvergehen, das die Regierung zum Anlass nimmt, um die Oppositionsführer unter Druck zu setzen.

Die Aussichten auf eine Unterstützung von außen *demoralisieren* die usbekische Opposition und verwandeln sie in eine Art fünfte Kolonne, die negative Seiten des öffentlichen Lebens in Usbekistan aufspürt und das Land in den Augen der Weltgemeinschaft anschwärzt. Dadurch wird die Idee einer wirklichen Opposition in Usbekistan bereits im Vorfeld diskreditiert, die im Moment ohnehin kein klares und nachzuvollziehendes Strategiekonzept bieten kann und sich nur in demonstrativen Erklärungen ergeht.

Wirkliche Veränderungen in der säkularen Opposition werden erst dann zustande kommen, wenn die oppositionellen Führungskräfte einen Kompromiss mit der Staatsmacht eingehen und ihre Macht in einem politischen Wettbewerb erkämpfen können. Dabei muss betont werden, dass eine Opposition als politische Institution für eine demokratische Gesellschaft unabdingbar und natürlich ist. Mit einer Opposition, die verfassungsrechtliche und gesetzliche Vorschriften respektiert und sich bei ihren Aktivitäten für eine stabile Staats- und Gesellschaftsordnung verantwortlich fühlt, kann man alternative Staatsaufbauprojekte in Usbekistan verwirklichen.

Wie die Erfahrungen mit den farbigen Revolutionen zeigen, erwies es sich in diesen Wandlungsprozessen als besonders vorteilhaft, das Ansehen und den Einfluss von Nichtregierungsorganisationen und öffentlichen Vereinigungen zu nutzen. In der Tat traten sie nicht als Institutionen der gerade entstehenden bürgerrechtlichen Gesellschaft auf, sondern wurden zum Erreichen politischer Ziele instrumentalisiert, um die Macht im Staat zu ergreifen, die regierende politische Elite abzulösen und das Eigentum neu aufzuteilen.

Einzelne nichtkommerzielle Nichtregierungsorganisationen in Usbekistan, die mit finanzieller Unterstützung unterschiedlicher Sponsoren gegründet wurden, überschreiten mitunter tatsächlich den Rahmen ihrer Satzungen und erklärter Zielsetzungen und verfolgen bestimmte politische Ziele im Auftrag Dritter. Deswegen behält die usbekische Führung den Kurs bei, der die Schließung solcher Organisationen in Usbekistan erlaubt.

Dennoch wäre es falsch, diesen auf die Wahrung der usbekischen Staatsordnung gerichteten Kurs als antiwestliche Hysterie aufzufassen. Ein gutes Beispiel sind die tragischen Ereignisse in Andischan im Mai 2005, als ein Aufstand brutal niedergeworfen wurde, der zahlreiche Todesopfer sowohl unter den Kriminellen als auch unter der Zivilbevölkerung gefordert hatte. So löste die Reaktion der usbekischen Führung weniger einen negativen Impuls in den Beziehungen zwischen Usbekistan und dem Westen aus, sondern vielmehr lieferte sie einen Anlass zu einer konzeptionellen Besinnung und Neubewertung der Beziehungen zwischen Usbekistan und den westlichen Staaten – den USA und der EU. Die westlichen Demokratien und Japan wurden als wahre strategische Orientierungspunkte von der usbekischen Regierung über alle Jahre der Unabhängigkeit empfunden. Es besteht kein Zweifel daran, dass man auch in Zukunft an diesem Ansatz festhalten wird. Offensichtlich ist sich die usbekische Führung dessen bewusst, dass

die Vernachlässigung oder gar Zurückweisung dieser außenpolitischen Beziehungen einen strategischen Fehler bedeuten kann.

Außenpolitische Orientierungspunkte

In seiner Außenpolitik ließ sich Usbekistan immer nur von praktischen und weitgehend konkreten kurz- und langfristigen nationalpolitischen Interessen leiten. Daher wäre es falsch, die zeitweise zunehmende Annäherung beispielsweise mit der Türkei, China, Indien, den USA oder Russland als Ausdruck bestimmter prinzipieller strategischer Ziele und Pläne zu werten.

Über die Jahre der Unabhängigkeit hindurch war die usbekische Regierung bestrebt, in erster Linie das Gleichgewicht in ihren Beziehungen zu ausländischen Partnern – unter Vorrang nationaler Interessen – aufrechtzuerhalten. Dabei gelingt es dem offiziellen Taschkent bislang hervorragend, das Prinzip der Nichtbeteiligung an jedweden militärpolitischen Bündnissen und Koalitionen zu wahren. Bevorzugt wird die Förderung bilateraler Beziehungen.

Dennoch sollte man unterstreichen, dass Russland über eine günstigere Ausgangsposition für die Entwicklung außenpolitischer Kontakte mit Usbekistan verfügt. Usbekistan kann auf langjährige historische, wirtschaftliche und kulturelle Beziehungen sowohl mit seinen Nachbarn, als auch mit Russland zurückblicken. Offensichtlich lagen sie im Zentrum der außenpolitischen Sympathien Usbekistans, und so wird es wohl auch in Zukunft bleiben. Besonders intensiv wurden die usbekisch-russischen Beziehungen im Jahre 2005 auch deshalb, weil die westliche Staatengemeinschaft die Ereignisse von Andischan heftig zu kritisieren begann.

Wie Erfahrungen zeigen, schwankt die Qualität der Beziehungen zwischen Usbekistan und Russland, deshalb sollte mit unterschiedlichen Szenarien der Entwicklung gerechnet werden. Auf jeden Fall sind die Beziehungen zwischen Usbekistan und Russland für beide Seiten von hohem Stellenwert. Tendenziell verstärkt sich die Bereitschaft Russlands zum Ausbau wirtschaftlicher Zusammenarbeit und als Garant für die Sicherheit in der Region aufzutreten. Auf der anderen Seite sieht man auch in Moskau die Bedeutung der von Taschkent aus eingeleiteten Maßnahmen, die auf die Wiederherstellung und Festigung der eigenen dominierenden Position in der Region gerichtet sind.

Den Charakter dieser Beziehungen kann man auch auf der Ebene der Zusammenarbeit im Rahmen der Schanghai Organisation für Zusammenarbeit sowie der Euroasiatischen Organisation ersehen. Dabei betrachtet Usbekistan diese Beziehungen in erster Linie als eine

Voraussetzung für die Gewährleistung von Sicherheit, Frieden, Stabilität und nachhaltiger Entwicklung in der Region.

Grundsätzlich unterstützt das Land eindeutig die Politik der Weltgemeinschaft im Kampf gegen den internationalen Terrorismus, Extremismus und Radikalismus. Usbekistan setzt sich nicht nur für die Bekämpfung des Terrorismus als Erscheinung, sondern auch seiner Keimzellen ein, die aus zahlreichen radikalen und extremistischen Zentren bestehen und den Islam politisieren.

Das von Taschkent aus erklärte Streben nach Demokratie und Festigung der Grundlagen eines Säkularstaates im Land mit einer zu 80 Prozent moslemischen Bevölkerung soll Usbekistan zu einem wichtigen und bedeutsamen Stein im komplizierten und kunterbunten Mosaik der islamischen Welt machen. Das prägt die historische Bedeutung der unabhängigen Republik Usbekistan und bestimmt weitere Hauptrichtungen ihrer politischen Entwicklung.

*Андижан, Узбекистан
Andischan, Usbekistan*

Нишанбай Сиражиддинов

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ В УЗБЕКИСТАНЕ

Узбекистан после обретения независимости отказался от шоковой терапии и выбрал стратегию постепенного перехода к рыночной экономике. На выбор этой стратегии оказали влияние такие факторы, как:

- демографическая ситуация в стране, в которой значительную долю населения составляли дети нетрудоспособного возраста;
- диспропорции, возникшие в экономике в период господства административно-командной системы и усилившиеся в последние годы существования СССР, особенно необеспеченность денежных доходов населения товарами и услугами;
- однобокая специализация экономики в производстве хлопка-сырца и связанных с ним отраслей (химическая промышленность, сельскохозяйственное машиностроение и др.);
- нестабильность в соседних государствах – Афганистане и Таджикистане;
- сложившийся менталитет народа в годы советской власти;
- отсутствие основ государственности и острая нехватка квалифицированных кадров в области экономики и политики.

Благодаря стратегии постепенного перехода к рыночной экономике и сложившейся структуре экспорта, в которой преобладали высоколиквидные на мировом рынке сырьевые товары, в Узбекистане падение производства в первые годы независимости было наименьшим среди всех стран бывшего СССР. Достижение макроэкономической стабильности и осуществление структурных преобразований в экономике осложнялись невозможностью проведения самостоятельной экономической политики, так как страна находилась в рублевой зоне.

После введения национальной валюты и в результате реализации стабилизационной политики в середине 90-х годов стране удалось добиться относительной макроэкономической стабилизации: темпы инфляции значительно снизились, в 1996 г. впервые за годы независимости наблюдался экономический рост.

Вместе с тем было очевидно, что без осуществления структурной перестройки экономики добиться макроэкономической стабильности и значительного повышения уровня жизни не представляется возможным. Во-первых, мировой рынок сырьевых товаров характеризуется низкой эластичностью, что делает их мировые цены крайне нестабильными. Это ставит под вопрос возможность достижения макроэкономической

стабильности и устойчивого экономического роста в принципе. Во-вторых, в период административно-командной системы в экономике имелаась значительная скрытая безработица. Ее доля была особенно высока в сельской местности, где проживает более 60% населения. Поэтому решение проблемы безработицы и повышения реальных доходов населения в условиях ограниченности земельных и водных ресурсов без структурной перестройки и индустриализации экономики не представлялось возможным.

В целях снижения зависимости макроэкономической ситуации от нестабильной конъюнктуры мирового рынка сырьевых товаров и увеличения доли товаров с высокой добавленной стоимостью в общем объеме производства и экспорта в конце 1996 г. правительство объявило приоритетной задачей экономической политики на ближайшую перспективу осуществление структурной перестройки экономики путем импортозамещения. К этому шагу подталкивала и неблагоприятная ситуация с платежным балансом, возникшая как следствие завышения обменного курса национальной валюты и сохранения ограничений на валютном рынке, сокращение объемов производства основного экспортного товара – хлопка – из-за неблагоприятных погодных условий и ухудшение условий торговли страны из-за снижения мировых цен на основной экспорт Узбекистана – хлопковое волокно и золото. Для реализации политики импортозамещения были выбраны не самые эффективные прямые административные инструменты регулирования экономики. В их числе валютное рacionamento, поддержка импортозамещающих отраслей экономики¹, административное распределение сырьевых ресурсов и кредитов (перераспределение ресурсов из сельского хозяйства² в пользу импортозамещающих отраслей), установление ограничений на наличный оборот и т.д.

Реализация стратегии импортозамещения путем широкого использования прямых инструментов экономической политики позволяла достичь определенных результатов. В их числе – возможность контролировать объем и структуру импорта, достижение энергетической и зерновой независимости, появление большого числа новых отраслей и видов производств. Вместе с тем с течением времени все отчетливее проявлялись недостатки этой политики. Самыми важными среди них были:

- значительные искажения относительных цен, что способствовало неэффективному распределению и использованию ресурсов;

¹ При этом широко использовались как прямые (доступ к официальному рынку иностранной валюты для импорта капитальных и промежуточных товаров, выделение целевых кредитов, административное распределение сырьевых товаров и т.д.), так и косвенные (налоговые льготы, льготные кредиты и т.д.) инструменты экономической политики.

² В основном путем установления на основные сельскохозяйственные культуры – хлопок и зерно – заниженных государственных закупочных цен.

- непроизводительное расходование средств на поиски «рентной прибыли» из-за значительной разницы в обменных курсах и административного распределения ресурсов;
- непредсказуемость экономической политики и, как следствие, увеличение риска для инвестиционной деятельности, в том числе и для притока иностранных инвестиций;
- сдерживание роста экспорта и экспортного потенциала страны из-за завышенности обменного курса национальной валюты и перераспределения доходов от экспортеров в пользу импортеров;
- отсутствие монетарной и фискальной дисциплины из-за установления обменного курса без учета спроса и предложения.

Для устранения негативных последствий сохранения административных методов управления экономикой в апреле 1999 г. главными приоритетами экономических реформ были объявлены постепенное снижение уровня государственного вмешательства в экономику, развитие частного предпринимательства, особенно МСБ, либерализация валютного рынка.

За прошедшее время был принят ряд мер, направленных на решение поставленных задач. В частности, достигнута свободная конвертация национальной валюты по текущему счету, ужесточена монетарная и фискальная политика, принят ряд законодательных норм, направленных на укрепление правовой защиты субъектов предпринимательства, снижение налогового бремени, упрощение системы уплаты налогов и предоставления отчетности, либерализацию финансовой ответственности, а также дальнейшее кардинальное сокращение и совершенствование системы организации проверок субъектов предпринимательства.

Вместе с тем достигнутый уровень либерализации экономики уже не отвечает современным требованиям. В частности, центральными органами все еще широко используются административные методы управления экономикой, значительная часть некоторых сырьевых товаров распределяется в административном порядке, отсутствует их свободный рынок. Несмотря на принимаемые меры, довольно распространено вмешательство государственных органов в деятельность хозяйствующих субъектов. В одной из основных отраслей экономики – сельском хозяйстве, хотя и происходит трансформация ширкатов в фермерские хозяйства, слабо развиты рыночные методы управления, а производство основных видов сельскохозяйственной продукции – хлопко-сырца и пшеницы – остается крайне зарегулированным.

Учитывая все это, Правительство Узбекистана в 2003 г. объявило приоритетной задачей экономической политики реализацию программы административной реформы. Первые шаги в этом направлении уже предприняты. В конце 2003 г. были упразднены восемь внутригородских

районов в пяти областных центрах и на 500 единиц сокращена численность персонала территориальных органов управления, финансируемых за счет бюджета, в том числе управленческого персонала – на 331 единицу. В 2004 г. численность управленческого персонала в органах государственного и хозяйственного управления сокращена почти на 40 тыс. человек.

Конечная цель административной реформы заключается не в сокращении численности управленческого аппарата, а в изменении роли государства в экономической, социальной и политической жизни общества. Необходимо превратить государственный аппарат из «опекуна» хозяйствующих субъектов в катализатор их самостоятельного развития путем создания и поддержания эффективных правил рыночной деятельности, содействия развитию частного предпринимательства и конкурентной среды. Реализация этой задачи предполагает кардинальную реформу взаимоотношений государства и бизнеса, внедрение рыночных принципов хозяйствования во все отрасли экономики, включая реформирование сельского хозяйства и либерализацию внешней торговли.

В момент обретения независимости социально-экономическая ситуация в Узбекистане была сложной.

Во-первых, по уровню жизни населения Узбекистан занимал в бывшем СССР одно из последних мест. Так, в 1990 г. около 70% населения имело совокупный доход на уровне ниже прожиточного минимума, в то время как в России и на Украине этот показатель составлял 30%. Положение усугублялось потерей значительного объема субсидий из центрального бюджета после распада СССР³, невозможностью проведения самостоятельной денежно-кредитной политики⁴, неблагоприятной демографической ситуацией. В частности, доля детей нетрудоспособного возраста (до 17 лет) в общей численности населения составляла 40%, тогда как аналогичный показатель в республиках, расположенных в европейской части бывшего СССР, был значительно ниже.

Во-вторых, чрезмерная концентрация и специализация экономики с ее гигантскими предприятиями-монополистами в крупных промышленных городах при значительном отставании индустриального развития сельской местности, где проживает основная часть населения – более 60%, свидетельствовали о наличии крупных диспропорций территориально-отраслевого развития, которые необходимо было учитывать. Созданные достаточно крупные, но технологически незамкнутые производства и отрасли были ориентированы в первую очередь на обеспечение потребностей общесоюзного рынка, главным

³ В 1991 г. субсидия Узбекистану из бюджета бывшего СССР составляла 18,5% ВВП.

⁴ Так как страна находилась в рублевой зоне.

образом, в сырье и промежуточной продукции (хлопок-волокно, сельхозпродукты, сельскохозяйственное машиностроение, продукция химической промышленности). Подавляющую часть товаров народного потребления и ресурсов производственного назначения республика завозила извне. В сложившейся ситуации крах системы платежей и разрыв хозяйственных связей между предприятиями, расположенными в различных республиках бывшего СССР, привел к спаду производства и снижению жизненного уровня населения.

В-третьих, в последние годы существования СССР в экономике Узбекистана, как и в экономиках других бывших социалистических стран, наблюдались сильные диспропорции, связанные с административным ценообразованием и распределением ресурсов. Наиболее острой стала проблема необеспеченности денежных доходов товарами и услугами. Сложившаяся в стране ситуация требовала проведения сильной социальной политики для сохранения стабильности в обществе.

В-четвертых, на момент обретения Узбекистаном независимости страна, по сути дела, встала перед необходимостью создания основ своей государственности. Надо было создавать с нуля многие государственные структуры (например, Министерство обороны, Министерство иностранных дел), налаживать отношения с другими странами и международными организациями. Даже те государственные структуры, которые существовали в советское время, нуждались в кардинальной перестройке, так как должны были радикально меняться их функции (например, экономические ведомства). В республике отсутствовали институты и опытные кадры в области формирования и реализации внутренней и внешней политики, в том числе и в экономической сфере.

В-пятых, сложность стартового положения усугублялась затратным характером производства и обусловленной этим тяжелой экологической ситуацией. Проводившаяся в 60–80-е годы политика широкомасштабного расширения зоны орошаемого земледелия на территории Центральноазиатского региона, прежде всего Узбекистана, явилась одной из главных причин возникновения крупнейшей в мире экологической проблемы Арала и Приаралья.

В-шестых, тяжелое социально-экономическое положение в стране усугублялось ситуацией в Афганистане, имеющим с Узбекистаном общую границу и уже более 20 лет являющимся главным источником нестабильности в регионе. В начале 90-х годов добавилась и напряженная политическая ситуация в соседнем Таджикистане.

Ввиду широкого спектра стоящих перед страной проблем была выбрана стратегия постепенного, эволюционного перехода к рыночным отношениям, отказ от «шоковой терапии».

Приоритетными задачами первого этапа экономических реформ (1992–1994 гг.) были создание инфраструктуры, обеспечивающей существование независимого государства, формирование законодательной базы перехода к рыночной экономике, либерализация цен, разгосударствление и приватизация, борьба с инфляцией и социальная защита населения. В этот период закладывались основы многоукладной экономики. Многие министерства и ведомства были реорганизованы в концерны, ассоциации, корпорации, которые первоначально формировались как акционерные общества закрытого типа. Реорганизации подверглось более 50 министерств и ведомств на республиканском уровне. Была осуществлена «малая» приватизация, т.е. приватизация малых и средних предприятий торговли и службы быта, местной, легкой и пищевой промышленности, строительных материалов, транспорта и государственного жилищного фонда. Всего за эти годы было приватизировано около 54 тыс. объектов. Одновременно осуществлялась программа по выделению земли сельскому населению для расширения личных приусадебных участков, что способствовало увеличению производства продуктов питания, повышению занятости и расширению индивидуального жилищного строительства.

Главной целью экономической политики в этот период стали наполнение рынка товарами, обеспечение социальной защиты населения в условиях высоких темпов инфляции⁵ и достижение сбалансированности государственного бюджета.

Налоговая политика носила в этот период в большей мере фискальный характер. Этим можно объяснить введение в 1992–1993 гг. легко собираемого налога на добавленную стоимость с очень высокой ставкой в 30%, акцизных налогов на отдельные виды товаров со средней ставкой в пределах 40%, налога на вывозимую за пределы республики продукцию. При этом ставка налога на доходы предприятий колебалась в пределах 12–15% по отраслям экономики. В 1993 г. был введен ряд новых налогов, по отдельным платежам расширена база налогообложения, увеличены ставки налогов на доходы, изменен порядок расчета НДС. Вместе с тем возмозности построения независимых государственных финансов в этот период были ограничены функционированием всей финансовой системы Узбекистана в рублевой зоне.

Первый этап экономических реформ характеризуется проведением мягкой монетарной политики. Для смягчения последствий спада предложения, недопущения резкого снижения объемов производства и жизненного уровня населения государство, находясь в единой рублевой зоне, было вынуждено субсидировать производство при помощи

⁵ Уровень инфляции, рассчитанный на основе дефлятора ВВП, в 1992 г. составлял 711%, в 1993 и 1994 гг. он вырос, соответственно, до 1079% и 1239%. Одним из основных причин гиперинфляции был огромный дефицит консолидированного бюджета (18,5% в 1992 г. и 10,4% в 1993 г. по отношению к ВВП), возникший в результате прекращения субсидий из бюджета бывшего СССР и резкого сокращения налогооблагаемой базы из-за спада производства.

централизованных и льготных кредитов. Субсидировалось также и потребление путем директивного установления завышенного обменного курса введенной промежуточной национальной валюты – сум-купонов⁶, централизованного установления цен на основные товары первой необходимости и их распределения при помощи карточной системы.

Решение проблемы насыщения внутреннего рынка товарами и снижения инфляции преследовала и внешнеторговая политика страны. В частности, импортная политика в этот период характеризуется отсутствием нетарифных ограничений и невысоким уровнем (5–10% от таможенной стоимости) импортных тарифов. Для экспортной политики было характерно широкое использование различного рода тарифных⁷ и нетарифных методов регулирования, главным образом лицензирования. В частности, в начале 1992 г. основная часть экспортных операций осуществлялась на основании квот и лицензий, особенно в части экспорта государственных предприятий. Затем, начиная с ноября 1992 г., экспорт 73 наименований товаров осуществлялся в соответствии с выдаваемыми лицензиями, экспорт 18 видов товаров был запрещен⁸. Вместе с тем сложившаяся структура экспорта, в которой преобладали высоколиквидные на мировом рынке сырьевые товары, позволила в сравнительно короткий срок переориентировать внешнюю торговлю страны с рынков бывшего СССР на рынки стран дальнего зарубежья.

Благодаря государственной поддержке важнейших отраслей экономики, переориентации внешней торговли на рынки стран дальнего зарубежья и отказу от «шоковой терапии» на первом этапе экономический спад был относительно небольшим. В 1993–94 гг. реальный ВВП Узбекистана снизился, по сравнению с 1991 г., на 17,7%, что было значительно ниже, чем в других странах бывшего Советского Союза.

В целом, первый этап экономических реформ характеризуется проведением мягкой макроэкономической политики, достаточно ограниченных рыночных реформ.

Приоритетными задачами второго этапа экономических реформ (с 1994 г. по III квартал 1996 г.) были преодоление спада производства и обеспечение макроэкономической стабильности за счет углубления рыночных реформ и расширения негосударственного сектора, укрепление национальной валюты, обеспечение структурных преобразований в экономике.

В начале 1994 г. были созданы институциональные предпосылки для развития рынка недвижимости, стала функционировать Республиканская

⁶ Сум-купоны были введены в обращение в октябре 1993 г. и использовались в качестве промежуточной валюты до введения национальной валюты в июле 1994 г.

⁷ На большинство экспортных товаров пошлины были установлены на уровне 20–50% от контрактной стоимости.

⁸ Постановления Кабинета Министров РУз от 30 апреля 1992 г. № 220, от 21 октября 1992 г. № 485.

биржа недвижимости. Началось преобразование акционерных объединений закрытого типа (средних и крупных предприятий пищевой и легкой промышленности, машиностроения, транспорта и других отраслей экономики, в т. ч. имеющих стратегическое значение) в открытые. Их акции распределялись между государством, трудовыми коллективами и реализовывались в свободной продаже, в том числе и иностранным инвесторам. Более половины акций продавалось через Республиканскую фондовую биржу.

Приватизация второго этапа способствовала формированию рынка ценных бумаг, для развития которого в республике была разработана нормативно-правовая база. Были приняты Законы «Об акционерных обществах и защите акционеров», «О ценных бумагах и фондовой бирже», «О механизме функционирования рынка ценных бумаг» и другие нормативно-правовые акты.

В сентябре 1996 г. была принята программа создания приватизационных инвестиционных фондов (ПИФ). Цель программы – вовлечение в процесс приватизации широких слоев населения при гарантированной защите вкладываемых им средств в ценные бумаги и снижение риска акционеров на фондовом рынке. Для достижения этой цели была разработана инновационная схема, задачами которой являются: широкое участие общественности в приватизационном процессе, создание независимых финансовых инвестиционных единиц, которые будут содействовать совершенствованию корпоративного управления и развитию рынка капитала.

В результате принятых мер по разгосударствлению и приватизации доля негосударственных предприятий в общей численности предприятий в республике к концу второго этапа составила 83,7%. В то же время приватизация в значительной степени носила формальный характер. Это связано, прежде всего, с двумя обстоятельствами. Во-первых, с сохранением практики широкого применения административных методов управления бывшими государственными предприятиями (со стороны ассоциаций, государственных концернов и прочих учреждений, созданных на основе бывших министерств и ведомств). В этих условиях собственники не могут полностью реализовать свои права на владение и распоряжение приобретенными предприятиями. Во-вторых, появлению реальных собственников препятствовал сам характер приватизации, предполагающий лимитирование реализуемых пакетов акций для отдельных категорий акционеров. В условиях неразвитости вторичного рынка ценных бумаг собственники порой не имели возможности приобрести контрольный пакет акций.

После введения национальной валюты⁹ появились условия для проведения самостоятельной монетарной и фискальной политики,

⁹ Национальная валюта – сум – была введена в обращение с 1 июля 1994 г.

реализации программы стабилизационных мер, направленных на обуздание инфляции и предотвращение дальнейшего падения производства. Правительство начало проводить активную стабилизационную политику. Была проведена дальнейшая либерализация потребительских цен, значительно сократились потребительские субсидии и кредитование производственного сектора, карточная система распределения основных продуктов питания была отменена, ограничения на обмен валюты ослаблены. Обязательные государственные заказы на все виды сельскохозяйственной продукции, за исключением хлопкового волокна и зерна, были отменены, а объемы госзаказа на хлопковое волокно и зерно были значительно снижены. В области социальной политики на этом этапе начался кардинальный переход от государственной социальной поддержки всего населения к адресной помощи наиболее уязвимым слоям населения. При этом значительно больше внимания стало уделяться защите материнства и детства, воспитанию и образованию подрастающего поколения путем осуществления целевых государственных программ.

В этот период политика либерализации импорта получила дальнейшее развитие. Были отменены все импортные пошлины¹⁰. Начался поэтапный переход от мер нетарифного регулирования к мерам тарифного регулирования экспорта. Число наименований товаров, экспорт которых осуществлялся на основании квот и лицензий, значительно сократился, квоты и лицензии сохранялись, в первую очередь, на те товары, внутренние и мировые цены на которые значительно различались (хлопок-волокно, цветные металлы, энергоносители, ряд сырьевых материалов), а категория запрещенного экспорта снизилась до 13 наименований товаров¹¹.

Этот период экономических реформ характеризуется ужесточением финансовой политики, ускорением темпов проведения рыночных реформ во многих областях и, самое важное, существенным улучшением макроэкономической ситуации и активизацией инвестиционной деятельности. Были также приняты меры, направленные на повышение бюджетных поступлений и усиление финансово-бюджетного управления. В частности, были увеличены ставки налогов на природные ресурсы и имущество, введен налог за пользование недрами, земельный налог распространен на сельскохозяйственные предприятия. В марте 1996 г. был начат выпуск государственных облигаций. В результате ужесточения фискальной и монетарной политики бюджетный дефицит снизился с 6,1% в 1994 г. до 4,1% в 1995 г. При этом финансирование бюджетного дефицита банковской системой было ограничено до 1,4% ВВП в 1995 г.

¹⁰ Согласно Указу Президента Республики Узбекистан от 21 января 1994 г. № УП-745 «О мерах по дальнейшему углублению экономических реформ, обеспечению защиты частной собственности и развитию предпринимательства».

¹¹ Постановление Кабинета Министров от 25 июля 1995 г. № 287.

В результате этих мер уровень инфляции, составивший в 1994 г. 1557%, в 1995 г. снизился до 349,5%, а в 1996 г. – до 184,5%. Падение реального ВВП сократилось с 5,2% в 1994 г. до 0,9 % в 1995 г., а в 1996 г. впервые за годы реформ был достигнут реальный рост ВВП на 1,6% (табл. 1).

ТАБЛИЦА 1. МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ ПО УЗБЕКИСТАНУ ЗА 1992–2004 ГГ.

	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Темпы роста реального ВВП	-11,1	-2,3	-4,2	-0,9	1,6	5,2	4,3	4,4	3,8	4,2	4,0	4,4	7,7
ИПЦ на конец периода	910	885	1132	121	65	28	26	26	28,2	26,6	20	3,8	3,7
Дефлятор ВВП	814,7	1066	1329	472,4	82,1	65,8	38,1	44,1	47,1	43,1	45	26	15,1

Источник: Данные МВФ.

Третий этап экономических реформ (конец 1996–2000 гг.) характеризуется фундаментальными изменениями в макроэкономической политике. В ответ на внутренние и внешние шоки (неурожай основных сельскохозяйственных товаров – хлопка и зерна – из-за неблагоприятных погодных условий, ухудшение условий торговли¹² и состояния платежного баланса страны), а также в целях ускорения структурной перестройки экономики Правительство Узбекистана смягчило свою денежно-кредитную политику и ввело валютное рacionamento. В этот период активно поощрялось аккумуляция и направление финансовых средств, в том числе и централизованных кредитов, на приоритетные, с точки зрения правительства, в основном крупные импортозамещающие проекты. При этом широко применялись прямые инструменты регулирования денежно-кредитной политики¹³. Увеличились централизованные инвестиции в реальный сектор экономики, выросли тарифы на импорт, были повышены акцизы на ряд импортных потребительских товаров, расширился масштаб централизованного экспорта, усилились ограничения на обмен валюты. Была введена следующая схема доступа на валютный рынок:

а) для импорта сырья и продукции производственно-технического назначения заявки предприятий рассматривались Республиканской

¹² Начиная с 1997 г. цены на основные экспортные товары Узбекистана – хлопковое волокно и золото – значительно снизились.

¹³ Это такие инструменты, как централизованные кредиты, ограничения процентных ставок и льготы по ним, регламентация операций, связанных с наличными средствами, кредитные лимиты и др.

комиссией по денежно-кредитной политике, которая утверждала общие объемы конвертации национальной валюты;

б) для импорта товаров народного потребления Центральным банком выдавались соответствующие лицензии на конвертацию и утверждались квоты;

в) импорт со стороны физических лиц-«челноков» через обменные пункты был достаточно лимитирован вследствие имеющихся ограничений по покупке наличной валюты¹⁴.

Реализация политики импортозамещения путем широкого использования прямых инструментов экономической политики позволяла достичь определенных результатов. Введенный механизм валютного рacionamento позволял правительству контролировать объем и структуру импорта. В первые годы после введения режима валютного рacionamento наблюдалось значительное повышение доли инвестиционных товаров в общем объеме импорта. Наличие определенного краткосрочного эффекта от данного валютного режима способствовала сложившаяся структура экспорта, где преобладали сырьевые товары, имеющие низкую эластичность к обменному курсу в краткосрочной и среднесрочной перспективе. Позитивными результатами этой политики стали также достижение энергетической и зерновой независимости, появление большого числа новых отраслей и видов производств.

Вместе с тем с течением времени все отчетливее проявлялись недостатки этой политики. Во-первых, рост реального обменного курса национальной валюты начал оказывать отрицательное влияние на конкурентоспособность отечественных производителей и экспорт. Во-вторых, в ответ на возрастание спроса на импорт из-за повышения реального обменного курса национальной валюты в условиях сокращающегося экспорта правительству приходилось постоянно ужесточать импортную политику¹⁵. В-третьих, значительные и все возрастающие искажения относительных цен способствовали неэффективному распределению и использованию ресурсов. В-четвертых, с возрастанием разницы между обменными курсами Центрального банка и параллельного рынка возрастали и непроизводительные расходы импортеров на поиски «рентной прибыли». В-пятых, из-за установления обменного курса без учета соотношения спроса и предложения произошло ослабление монетарной и фискальной дисциплины, что привело к широкому использованию квазифискального финансирования реального сектора, вытеснению частных инвестиций

¹⁴ Постановлением Кабинета Министров от 30 июня 2000 г. № 250 максимальная сумма продажи наличной валюты для выезжающих за границу была определена в размере 300 долл. США.

¹⁵ Путем использования акцизных налогов на импорт, расширения базы тарифов на импорт, сокращения объема квоты покупки иностранной валюты для импортеров и т.д.

и сохранению относительно высоких темпов инфляции. В-шестых, применявшийся режим валютного рacionamento для осуществления структурной перестройки экономики стал основным сдерживающим фактором этой же структурной перестройки экономики. Это объясняется не только вышеназванным снижением объемов экспорта – основного финансового источника импорта инвестиционных товаров для осуществления структурной перестройки экономики, но и тем, что отсутствие свободного рынка иностранной валюты и макроэкономической стабильности стало основным сдерживающим фактором инвестиционной активности и притока прямых иностранных инвестиций.

В дальнейшем ситуация усугублялась снижением мировых цен на основные экспортные товары страны и российским кризисом (1998 г.). Однако в экономическую политику Узбекистана не были вовремя введены необходимые корректировки в ответ на значительную девальвацию российского рубля и ухудшение условий торговли страны. Как следствие всего этого, в 1997–2001 г. наблюдалось значительное снижение экспорта страны (примерно на 40%), приток прямых иностранных инвестиций был значительно ниже имеющегося потенциала, что не могло не сказаться на темпах структурной перестройки и экономического роста. Необходимость в существенной корректировке экономической политики стала очевидной.

Начало четвертого этапа экономических реформ было положено XIV сессией Олий Мажлиса в апреле 1999 г., на которой был объявлен курс на либерализацию всех сторон жизни. Главными приоритетами этого этапа были объявлены снижение уровня государственного вмешательства в экономику, усиление гарантий и защиты от противоправного вмешательства контролирующих органов в деятельность хозяйственных субъектов, либерализация валютного рынка. При этом, если до 1999 г. основным инструментом структурной перестройки экономики было строительство крупных предприятий, поддерживаемых правительством путем предоставления централизованных кредитов, финансирования из государственного бюджета и продажи иностранной валюты по заниженному обменному курсу, то начиная с 1999 г. в качестве приоритетных задач экономической политики стало рассматриваться осуществление структурной перестройки экономики путем развития частного предпринимательства, особенно предприятий малого и среднего бизнеса. Были приняты специальные программы поддержки МСБ, началась приватизация крупных предприятий базовых отраслей экономики при приоритетном привлечении иностранных инвесторов к приватизации государственных объектов. При этом к приватизации крупных предприятий начал применяться индивидуальный подход с привлечением стратегических инвесторов. Отличительной особенностью индивидуальной приватизации является подробное исследование приватизируемого предприятия и разработка наиболее подходящей приватизационной стратегии для каждого отдельно взятого объекта.

На этом этапе произошли существенные изменения в системе валютного регулирования страны. С 1 мая по 1 ноября 2000 г. были постепенно унифицированы действовавшие на тот период официальные множественные обменные курсы¹⁶. При этом с 1 июля обменный курс сума на внебиржевом валютном рынке был девальвирован почти в три раза¹⁷.

Несмотря на принятые меры, валютный рынок Узбекистана все еще оставался очень зарегулированным. Отсутствие свободного доступа к рынку иностранной валюты для хозяйствующих субъектов, административное установление обменного курса без учета спроса и предложения стали основными факторами сохраняющейся значительной разницы между обменными курсами Центрального банка и параллельного рынка со всеми вытекающими отрицательными последствиями. По этой причине в парафированном совместно с Международным валютным фондом Меморандуме по экономической и финансовой политике на I полугодие 2002 г.¹⁸ были предусмотрены меры по дальнейшей либерализации внешнеэкономической деятельности и валютного режима, созданию необходимых условий для обеспечения конвертируемости национальной валюты по текущим международным операциям.

Начиная с этого момента произошли значительные изменения в области экономической политики. С июля 2002 г. Центральный банк прекратил квазифискальные операции в части кредитования инвестиционных проектов. Одновременно для снижения спроса на иностранную валюту¹⁹ были ужесточены меры импортного протекционизма. Эти меры включали:

- повышение импортных тарифов и акцизов на импортные товары;
- обязательное использование кассовых аппаратов при розничной продаже товаров;

¹⁶ В тот момент существовали официальный обменный курс, обменный курс биржевого рынка и обменный курс внебиржевого рынка. Обменный курс внебиржевого рынка в апреле 2000 г. составлял за 1 долл. США около 240 сумов, а курс Центрального банка – около 148 сумов. Биржевой курс практически не отличался от официального обменного курса Центрального банка. Унификация осуществлялась путем девальвации обменного курса Центрального банка до уровня обменного курса внебиржевого обменного курса.

¹⁷ Обменный курс внебиржевого рынка был девальвирован с 248,5 до 675 сумов за 1 долл. США. По курсу Центрального банка осуществлялись только операции по обслуживанию кредитов в иностранной валюте, привлеченных до 1 июля 2001 г. правительством и под его гарантию.

¹⁸ См.: Меморандум по вопросам экономической и финансовой политики на период с 1 января по 30 июня 2002 г. в рамках Программы, осуществляемой под наблюдением сотрудников МВФ (SMP)/Бизнес-вестник Востока. 2002. 14 февраля. С. 7–10.

¹⁹ По официальной версии, для повышения конкурентоспособности отечественных производителей и перехода к цивилизованной торговле.

- запрет на продажу продукции, завезенной другими лицами;
- ограничительные требования по лицензированию оптовиков;
- введение системы сертификации и наличия международных сертификатов соответствия;
- ужесточение требований по маркировке товаров.

Усиление импортного протекционизма привело к значительному повышению цен на импортные товары и курса национальной валюты на параллельном рынке²⁰. Наряду со снижением курса Центрального банка более чем на 40% с января 2002 г.²¹ эти меры позволили практически унифицировать обменные курсы в середине 2003 г. Хотя такой вариант унификации обменных курсов позволил уменьшить бремя обслуживания внешнего долга, усиление импортного протекционизма оказало отрицательное влияние на рост реальных доходов населения, инвестиционный климат в стране и темпы экономического роста.

В 2003 г. был предпринят ряд мер по ужесточению монетарной и фискальной политики. Финансирование дефицита государственного бюджета стало осуществляться исключительно за счет неинфляционных источников – доходов от приватизации государственного имущества и внешних займов. А дефицит государственного бюджета снизился до 0,4% ВВП.

Жесткая монетарная политика в сочетании с расширением использования косвенных инструментов денежно-кредитной политики²² позволила значительно снизить темпы инфляции. Если в 2001 и 2002 гг. рост индекса потребительских цен составил, соответственно, 26,6 и 21,6%, то в 2003 г. – 3,8%, что является самым низким показателем за последние годы.

Проведение жесткой монетарной и фискальной политики в 2003 г. создало предпосылки для либерализации валютного рынка. В октябре 2003 г. были приняты обязательства по разделам 2(а), 3 и 4 статьи VIII Соглашения Международного валютного фонда по обеспечению конвертируемости национальной валюты по текущим международным операциям.

Несмотря на снижение темпов инфляции и достижение конвертируемости национальной валюты по текущим операциям, еще существует ряд факторов, которые отрицательно влияют на темпы экономического развития.

²⁰ Обменный курс сума на параллельном рынке поднялся с 1500 сумов за 1 долл. США в январе 2002 г. до 975 сумов летом 2003 г.

²¹ В январе 2002 г. курс Центрального банка был равен 690 сумов за 1 долл. США, а в июле 2003 г. – 960 сумов.

²² В соответствии с постановлением Кабинета Министров от 4 февраля 2003 г. № 63 была отменена система установления кассовых планов и Центральный банк перешел к новому механизму управления монетарными агрегатами, который заключается в контроле за совокупной денежной массой и использовании рыночных инструментов при проведении денежно-кредитной политики.

Несмотря на принимаемые правительством меры по реформированию и либерализации²³, финансовый рынок Узбекистана все еще характеризуется сегментацией и неразвитостью институциональной структуры. Основную его долю составляет банковский сектор²⁴, так как до настоящего времени не до конца сформулирована законодательная база, регламентирующая деятельность небанковских финансовых институтов. Проявляют малую активность денежный и межбанковский рынки, недостаточно развит рынок ценных бумаг.

Сегментированность финансового рынка Узбекистана проявляется во многих сферах. Например, одна из основных отраслей экономики – сельское хозяйство, несмотря на значительное повышение закупочных цен на основные виды продукции – хлопок и зерно – постоянно испытывает недостаток финансовых средств. Это связано не только с низким уровнем закупочных цен, но и с неэффективностью производства из-за недостаточности стимулов по снижению себестоимости и повышению качества, а также с неэффективным механизмом финансирования, так как в этой сфере еще не до конца заработали рыночные принципы ведения хозяйства и часто преобладают административные методы управления. В результате возникают серьезные трудности для плавной циркуляции денежных потоков между сельским хозяйством и другими секторами экономики, такими как топливно-энергетический, химический и машиностроительный, что является основной причиной возникновения неплатежей в экономике.

Другим характерным показателем банковской системы является недостаточно высокий уровень капитала по отношению к уровню принимаемых банками рисков. Показатель отношения совокупного капитала банков Узбекистана к ВВП более чем в два раза меньше показателей ряда других стран с переходной экономикой.

Еще одной особенностью финансового рынка является фактическое отсутствие определяемой рынком краткосрочной процентной ставки, которая могла бы быть использована коммерческими банками в качестве ориентира при установлении ставок по вкладам и кредитам и ЦБУ в качестве операционной цели. Ставка рефинансирования ЦБУ частично выполняет функции базовой процентной ставки, в основном потому, что к ней привязаны существующие ограничения на процентные ставки, а именно – минимальный уровень ставок по вкладам и максимальный уровень ставок по кредитам малому бизнесу. Коммерческие банки

²³ См., напр., Постановление Президента Республики Узбекистан «О мерах по дальнейшему реформированию и либерализации банковской системы» № ПП-57 от 15 апреля 2005 г.; Указ Президента Республики Узбекистан № УП-3618 от 14 июня 2005 г. «О мерах по ускорению реализации приоритетных направлений в сфере углубления рыночных реформ и дальнейшей либерализации экономики».

²⁴ По состоянию на начало 2005 г. банковский сектор республики был представлен 32 коммерческими банками, 5 из которых – с участием иностранного капитала, 10 – частных банков, 3 – государственных, а остальные – акционерно-коммерческие.

зачастую ориентируются на ставку рефинансирования ЦБУ при определении собственных ставок кредитования.

Для развития финансового сектора нужно принимать меры по снижению излишней концентрированности и созданию здоровой конкурентной среды. В этих целях представляется необходимой приватизация государственных банков, снятие ограничений по доступу иностранных финансовых организаций на внутренний финансовый рынок.

Укрепление таких основ финансовой системы, как отчетность, законодательная база, обеспечение соблюдения соглашений, порядок раскрытия информации, новые структуры разумного регулирования и контроля – являются также насущной проблемой для Узбекистана. Освобождение банков от несвойственных им контрольных функций (например, за своевременную уплату налогов) и соблюдение конфиденциальности являются критическими для повышения доверия к банковской системе, увеличения сбережений и инвестиций. Необходимо всячески содействовать возникновению большего разнообразия рынков и институтов, а также их институциональному развитию. Целесообразно поощрять постепенное появление иностранных финансовых институтов на внутреннем рынке в целях развития конкуренции и повышения эффективности отечественных финансовых организаций, «безболезненного» вовлечения в процессы глобализации.

Несмотря на принимаемые меры в области реформирования налоговой системы²⁵, доля доходов государственного бюджета Узбекистана в ВВП в 2004 г. составила 24,2% (а с учетом отчислений в фонд социального страхования – 32,3%) (см. диаграмму 1).

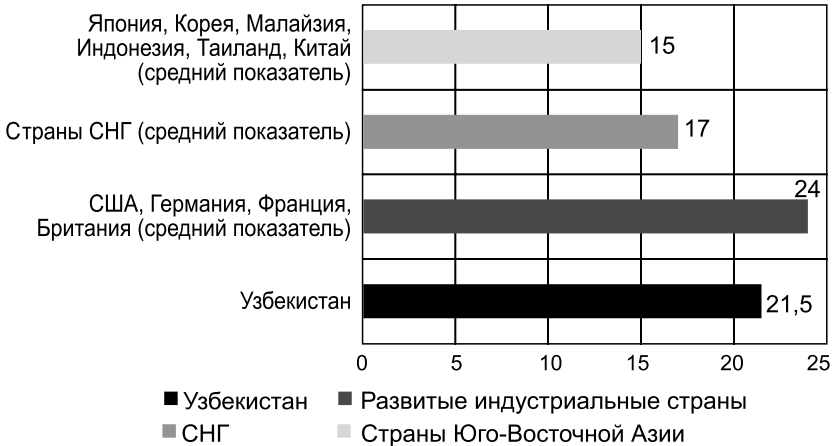
ДИАГРАММА 1. НАЛОГОВОЕ БРЕМЯ В УЗБЕКИСТАНЕ В 1995-2004 ГГ. (В % К ВВП)

²⁵ В 2004 г. снижена ставка налога на прибыль с 20 до 18%, упрощены, посредством объединения в единый социальный платеж, отчисления на социальное страхование с фонда оплаты труда. Их размер по сравнению с прошлым годом снижен с 37,2 до 33%.

Этот показатель значительно превышает аналогичный показатель стран с переходной экономикой, развивающихся стран и близок к уровню налогового бремени многих развитых стран, имеющих значительно более высокие доходы на душу населения (см. диаграмму 2). Положение усугубляется наличием значительного числа налоговых льгот²⁶ (в т.ч. для отдельных предприятий) и расширением сферы нелегальной экономики, с учетом которых фактическая налоговая нагрузка на добросовестных налогоплательщиков значительно возрастает. Высокое налоговое бремя не только снижает конкурентоспособность продукции отечественных производителей, но и способствует уклонению от налогов и росту нелегальной экономики.

Диаграмма 2. НАЛОГОВОЕ БРЕМЯ Узбекистана сквозь призму глобальной экономики (в % к ВВП, без учета социальных отчислений)

Важнейшим направлением снижения налогового бремени должно стать не только упразднение необоснованных налоговых льгот, но и оптимизация планирования расходов государственного бюджета. Она должна осуществляться посредством более жесткого перехода на программно-целевой метод выделения средств (под конкретные программы с рассчитанным экономическим эффектом, имеющим значение для всей экономики), а в таких отраслях как

²⁶ Согласно расчетам, потери государственного бюджета от 19 видов неэффективных налоговых льгот, предоставляемых отдельным видам деятельности (текстильное производство, электронная промышленность и др.) и отдельным группам предприятий, составили в Узбекистане в 2000 г. около 32,5 млрд сум. При отмене данных льгот бюджет дополнительно получил бы налоговых поступлений в размере 1,71% ВВП. Как показывает практика, многие из льгот не оказывают существенного влияния на повышение конкурентоспособности экономики и, следовательно, не реализуют заложенных в них целей.

образование и здравоохранение – за счет перехода на нормативный метод выделения бюджетных средств. Необходимо повысить контроль за целевым использованием бюджетных средств, ускорить приватизацию части объектов социальной инфраструктуры (дома культуры, здания общежитий, детские сады, отдельные поликлиники, санатории и пансионаты и т.п.), расширить сферу частного сектора в образовании и здравоохранении. Реализация этих мер позволит снизить не только расходы бюджета, но и в целом налоговое бремя на товаропроизводителей, что благотворно скажется на себестоимости выпускаемой продукции и ее конкурентоспособности.

Трудно представить ускорение темпов экономического роста без либерализации внешней торговли и углубления региональной интеграции. Именно либерализация внешней торговли и углубление региональной интеграции могут привести к созданию конкурентной среды в экономике, которая является основным фактором экономического развития в условиях рынка. Более того, либерализация внешней торговли и региональная интеграция позволяют расширить емкость рынка и служат важнейшим фактором привлечения иностранных инвестиций – одного из важнейших источников экономического роста в странах с переходной экономикой. Вместе с тем либерализация внешней торговли, особенно импорта, неизбежно повлечет за собой значительное снижение обменного курса национальной валюты из-за роста импорта. Это может привести к увеличению расходов по обслуживанию внешнего долга. Однако и поддержание завышенного обменного курса национальной валюты для уменьшения расходов по обслуживанию внешнего долга не является оптимальной стратегией. Поддержание завышенного обменного курса национальной валюты в условиях свободной конвертации по текущему счету может привести к еще большему росту внешней задолженности. Следовательно, чем дольше будет поддерживаться завышенный обменный курс национальной валюты, тем радикальнее будет снижение обменного курса национальной валюты в перспективе, а следовательно, тем больше будут издержки.

Не менее важным условием достижения высоких и устойчивых темпов экономического роста является углубление административной реформы. Несмотря на принимаемые в последнее время меры по правовой защите субъектов предпринимательства²⁷, все еще сохраняющиеся на практике высокие административные барьеры вхождения в рынок²⁸ и ведения бизнеса²⁹ увеличивают

²⁷ См. Указ Президента Республики Узбекистан от 14 июня 2005 г. № УП-3619 «О мерах по дальнейшему совершенствованию системы правовой защиты субъектов предпринимательства».

²⁸ Лицензирование, сертификация, регистрация и т.д.

²⁹ Жесткий контроль государства за текущей хозяйственной деятельностью, высокая степень вмешательства государственных органов в деятельность хозяйствующих субъектов, административное вмешательство в рыночное ценообразование и распределение ресурсов и т.д.

транзакционные издержки, ухудшают инвестиционный климат, снижают конкурентоспособность отечественных производителей и сдерживают экономический рост. Очень важно повысить степень прозрачности государственного управления, внедрить современные формы и методы государственного регулирования, провести оптимизацию функций государственных органов, активизировать участие гражданского общества в принятии государственных решений. Эти меры должны способствовать повышению эффективности экономической политики, сделать ее более прозрачной и предсказуемой.

В решении главных задач современного этапа экономического развития Узбекистана – обеспечении занятости и снижении бедности – трудно переоценить роль реформы сельского хозяйства. Наряду с проводимой трансформацией ширкатных хозяйств в фермерские, повышение самостоятельности сельскохозяйственных производителей как в выборе сельскохозяйственных культур, так и в распоряжении выращенной сельскохозяйственной продукцией, отказ от административного распределения ресурсов и создание их рынка, переход к рыночным механизмам финансирования сельскохозяйственного производства, формирование реальных собственников в сельском хозяйстве являются наиболее приоритетными задачами в этой области.

Трудно представить улучшение инвестиционного климата и значительное повышение деловой активности без укрепления защиты прав собственности и формирования независимой судебной системы. Лишь формирование подлинно независимой судебной системы сможет значительно повысить доверие населения к экономическим реформам, уменьшить неправомерное вмешательство государственных органов в деятельность хозяйствующих субъектов и снизить транзакционные расходы ведения бизнеса.

При проведении вышеназванных реформ очень важно учитывать роль институциональных факторов в экономическом развитии. Недоработанность и противоречивость гражданского законодательства, реальная приоритетность подзаконных актов над законами, нестабильность и непредсказуемость экономической политики как следствие отсутствия эффективного механизма принятия решений, возложение на банковскую систему несвойственных ей контрольных функций за деятельностью хозяйствующих субъектов – вот неполный перечень институциональных проблем, которые необходимо решить для значительного улучшения инвестиционного климата и ускорения экономического роста.

DIE WIRTSCHAFT USBEKISTANS

Nach der Unabhängigkeit verzichtete Usbekistan auf eine Schocktherapie und setzte stattdessen auf eine Strategie des graduellen Übergangs von der Plan- zur Marktwirtschaft. Dies hatte folgende Gründe:

- hoher Anteil von erwerbsunfähigen Kindern an der Bevölkerung;
- Unterversorgung der Bevölkerung mit Bargeld, Waren und Dienstleistungen aufgrund des administrativen Kommandosystems der Sowjetunion;
- einseitige Spezialisierung der Wirtschaft und Industrie auf die Produktion von Baumwolle, chemischen Waren und Landmaschinenbau;
- Instabilität in den Nachbarländern Afghanistan und Tadschikistan;
- sowjetische Denkweise;
- fehlendes Fundament eines unabhängigen Staates und Mangel an Fachkräften in Wirtschaft und Politik.

Dank der Entscheidung für einen allmählichen Übergang zur Marktwirtschaft und des Exports der auf dem Weltmarkt besonders lukrativen Rohstoffe, fiel der Produktionsrückgang in Usbekistan in den ersten Jahren nach der Unabhängigkeit am geringsten aus unter allen Ländern der ehemaligen Sowjetunion.

In den ersten Jahren nach der Unabhängigkeit waren makroökonomische Stabilität und Strukturreformen in der Wirtschaft durch die Tatsache erschwert, dass sich das Land noch in der Rubelzone befand.

Nach der Einführung der einheimischen Währung und dem Beginn der Stabilisierungspolitik befand sich Usbekistan Mitte der neunziger Jahre in einer verhältnismäßig stabilen makroökonomischen Lage: Die Inflationsrate ging erheblich zurück, und 1996 wurde zum ersten Mal nach der Unabhängigkeit ein Wirtschaftswachstum verzeichnet.

Gleichzeitig wurde klar, dass makroökonomische Stabilität und eine erhebliche Erhöhung des Lebensstandards ohne die strukturelle Umgestaltung der Wirtschaft nicht möglich sind. Weltmarktpreise für Rohstoffe sind äußerst instabil. Zum anderen bestand während der Planwirtschaft eine erhebliche verdeckte Arbeitslosigkeit. Die Arbeitslosenrate war in den ländlichen Regionen besonders hoch und betrug etwa 60 Prozent der Gesamtbevölkerung. Daher waren die Bekämpfung der Arbeitslosigkeit und eine Erhöhung der Einkommen vor dem Hintergrund der beschränkten Boden- und Wasserressourcen ohne eine strukturelle Umgestaltung und Industrialisierung der Wirtschaft nicht möglich.

Ende 1996 erklärte die usbekische Regierung wirtschaftliche Strukturreformen mittels Importsubstitution zur vorrangigen wirtschaftspolitischen Aufgabe, um die Abhängigkeit der usbekischen Volkswirtschaft von der instabilen Konjunktur auf dem Rohstoffmarkt abzubauen und die Produktion und den Export von Waren mit einem höheren Mehrwert zu fördern. Diese wirtschaftspolitischen Maßnahmen waren wegen verschiedener negativen Einflüsse gerechtfertigt. Dazu gehörte eine ungünstige Zahlungsbilanz infolge eines fixierten überbewerteten Wechselkurses für die einheimische Währung, verschiedene Restriktionen auf dem Devisenmarkt, der Rückgang der Baumwollproduktion und die Verschlechterung der Handelsbilanz wegen fallender Weltmarktpreise für Baumwolle und Gold.

Für die folgende Umsetzung der Importsubstitutionspolitik wurden nicht die effektivsten administrativen Instrumente der Wirtschaftsregulierung ausgewählt, nämlich die Devisenbewirtschaftung, die Förderung importsubstituierender Wirtschaftssektoren¹, eine zentralisierte Verteilung von Rohstoffen und Krediten (Neuverteilung von Ressourcen aus der Landwirtschaft² zugunsten importsubstituierender Bereiche) und Einschränkungen des Bargeldumlaufs.

Gleichwohl kam es bei der Umsetzung dieser Reformen zu Ergebnissen. Darunter fielen die Regulierung der Importvolumina und der Importwarenstruktur, die Gewährleistung der Energie- und Getreideunabhängigkeit und die Entstehung neuer Produktionszweige. Gleichzeitig aber zeichneten sich die Nachteile dieser Politik immer deutlicher ab. Die wichtigsten davon waren:

- erhebliche Preisverzerrungen, was zur ineffektiven Ressourcenverteilung und -nutzung beitrug;
- ineffektive Aufwendungen von Finanzmitteln für Renten wegen erheblicher Wechselkursdifferenzen und zentralisierter Ressourcenverteilung;
- Unberechenbarkeit der Wirtschaftspolitik und damit Steigerung von Risiken für Investitionen, darunter auch die aus dem Ausland;
- Rückgang des Exports wegen überbewerteter Wechselkurse der einheimischen Währung und der Umlegung der Einnahmen von Exporteuren auf die Importeure;
- wegen des fixierten Wechselkurses fehlende monetäre und fiskalische Disziplin ohne jede Berücksichtigung von Angebot und Nachfrage.

¹ Dabei wurden sowohl direkte (Zugang zum offiziellen Devisenmarkt für Warenimporte, Bereitstellung zielgebundener Kredite, administrative Zuteilung von Rohstoffen usw.) als auch indirekte wirtschaftspolitische Instrumente (Steuervergünstigungen, Vorzugskredite usw.) angewendet.

² Dies erfolgte hauptsächlich durch die Festsetzung unterbewerteter staatlicher Ankaufpreise für die wichtigen landwirtschaftlichen Produkte – Baumwolle und Getreide.

Im April 1999 wurde eine graduelle Abschwächung der Staatseingriffe in die Wirtschaft, die Unternehmensförderung – besonders im Bereich kleiner und mittelständischer Unternehmen – und die Liberalisierung des Devisenmarktes als Schwerpunkte der Wirtschaftsreformen festgelegt, um administrativen Methoden zur Wirtschaftssteuerung mit ihren für die Wirtschaft schlimmen Folgen Einhalt zu gebieten.

Zur Bewältigung der gestellten Aufgaben wurde eine Reihe von Maßnahmen ergriffen:

- Einführung der Konvertierbarkeit der einheimischen Währung für alle Transaktionen, die über die Bilanz der laufenden Posten abgewickelt werden;
- Stärkung der monetären und fiskalischen Politik sowie der Rechtssicherheit von Unternehmen;
- Steuerabbau, Verbesserung des Steuer- und Rechnungswesens;
- Liberalisierung der Finanzhaftung;
- Reduzierung und Verbesserung des Kontrollsystems für die Wirtschaft.

Dennoch entsprach die Liberalisierung nicht ganz den Erfordernissen der modernen Zeit. Insbesondere kommen administrative Methoden zur Wirtschaftssteuerung weiter zur Anwendung. So werden die Rohstoffe zum größten Teil zentral verteilt, ein freier Markt fehlt. Ungeachtet aller getroffenen Maßnahmen intervenieren staatliche Behörden zunehmend in Wirtschaftsfragen. Im landwirtschaftlichen Bereich als einem der wichtigsten Wirtschaftssektoren in Usbekistan kommen freie marktwirtschaftliche Steuerungsmethoden kaum zum Zuge, die Produktion von Baumwolle und Weizen ist überreguliert.

Die Umsetzung der Reform für das Verwaltungswesen wurde 2003 durch die usbekische Regierung zum Schwerpunkt erklärt. So wurden Ende 2003 acht Stadtviertel in fünf Kreisstädte umgewandelt, das aus dem öffentlichen Haushalt finanzierte Verwaltungspersonal wurde auf Regionalebene um 500 Personen abgebaut. Im folgenden Jahr reduzierte man die Zahl leitender Angestellter in Regierungsstellen und Wirtschaftsbehörden um 40.000 Personen.

Das Ziel einer Verwaltungsreform sollte aber nicht nur der Abbau des Verwaltungspersonals, sondern auch eine Änderung der Rolle des Staates im wirtschaftlichen, sozialen und politischen Leben einer Gesellschaft sein. Die Rolle des Verwaltungsapparats sollte nicht Vormund, sondern Katalysator einer selbständigen Wirtschaftsentwicklung sein.

Die Erfüllung dieser Aufgabe ist freilich ohne einschneidende Reformen der Beziehungen zwischen Staat und Unternehmen sowie die Einführung marktwirtschaftlicher Grundsätze einschließlich der Transformation der Landwirtschaft und Liberalisierung des Außenhandels undenkbar.

Die wichtigsten Phasen der Wirtschaftsreformen in Usbekistan

Nach der Unabhängigkeit befand sich Usbekistan in einer sozioökonomischen Krise. **Erstens** war das Land im Hinblick auf den Lebensstandard eines der Schlusslichter in der ehemaligen Sowjetunion. So lag im Jahre 1990 das Einkommen von etwa 70 Prozent der Bevölkerung unter dem Existenzminimum, während es in Russland und der Ukraine 30 Prozent waren. Mit dem Zusammenbruch der Sowjetunion wurde die Situation durch den Verlust von Subventionen aus dem zentralen Haushalt³, die kaum mögliche Umsetzung einer souveränen Geldpolitik⁴ und die ungünstige demographische Situation verschärft. Der Anteil der erwerbsunfähigen Kinder an der Gesamtbevölkerungszahl (unter 17 Jahren) lag bei 40 Prozent, wobei dieser Wert im europäischen Teil der ehemaligen Sowjetunion viel niedriger lag.

Zweitens bestand die Wirtschaft größtenteils aus gewaltigen Kombinat- und Monopolbetrieben, die hauptsächlich in großen Industriestädten angesiedelt waren. Die gleichzeitig fehlende industrielle Entwicklung ländlicher Regionen mit großem Bevölkerungsaufkommen (über 60 Prozent) hatte ein nicht zu unterschätzendes Ungleichgewicht in der Entwicklung der Regionen und Teilbereichen der Wirtschaft zur Folge, das nicht so schnell zu beheben war.

Groß angelegte, technologisch aber nicht ausgereifte Produktionsabläufe waren vor allem auf die Bedarfsdeckung des sowjetischen Marktes mit Rohstoffen und Zulieferermaterialien (Baumwolle, landwirtschaftliche Produkte, Landmaschinen, chemische Industrieprodukte) zugeschnitten. Die Konsumgüter wurden zum größten Teil aus dem Ausland eingeführt. In dieser Situation führte der Zusammenbruch des Zahlungsverkehrs und der Wirtschaftsbeziehungen zwischen Betrieben in verschiedenen Sowjetrepubliken zum Produktionsrückgang und der Verschlechterung des Lebensstandards der Bevölkerung.

Drittens war es in den letzten Jahren der Sowjetunion zu Ungleichgewichten bei der administrativen Preisbildung und Ressourcenverteilung in Usbekistan und den Wirtschaftssystemen anderer sozialistischer Staaten gekommen. Besonders schwer wog die Unterversorgung mit Bargeld, Waren und Dienstleistungen. Unter diesen Bedingungen bedurfte es starker sozialpolitischer Eingriffe des Staates, um die Stabilität in Staat und Gesellschaft zu sichern.

Viertens musste Usbekistan die administrativen Grundlagen seines Staates sofort nach der Unabhängigkeit schaffen. Zum einen brauchte das Land zahlreiche staatliche Strukturen wie beispielsweise ein

³ 1991 lagen die Subventionen für Usbekistan aus dem Budget der ehemaligen Sowjetunion bei 18,5 Prozent des Bruttoinlandsproduktes.

⁴ Da sich das Land in der Rubelzone befand.

Außenministerium, um Beziehungen mit anderen Ländern und internationalen Institutionen aufzubauen. Zum anderen bedurften die während der Sowjetzeit entstandenen Strukturen grundlegender Transformationen. In Usbekistan fehlten sowohl die Institutionen selbst als auch erfahrenes Fachpersonal in der Innen- und Außenpolitik sowie in der Wirtschaft.

Fünftens waren schwere Umweltschäden zu beheben. Die in den 60er bis 80er Jahren verfolgte Politik der Intensivierung des Bewässerungsackerbaus hat in der zentralasiatischen Region, vor allem aber in Usbekistan, das weltweit größte ökologische Problem, die Austrocknung des Aralsees, verursacht.

Sechstens erschwerte Afghanistan und die gemeinsame Grenze mit Usbekistan die soziale und wirtschaftliche Lage. Seit über 20 Jahren stellt Afghanistan das größte Sicherheitsproblem in der Region dar. Anfang der 90er Jahre kam die angespannte politische Situation im benachbarten Tadschikistan hinzu.

Zur Bewältigung dieser zahlreichen Probleme hat die Republik Usbekistan auf eine eigene Strategie des graduellen Übergangs zur Marktwirtschaft gesetzt und auf eine Schocktherapie verzichtet.

Die Wirtschaftsreformen in der ersten Phase (1992-1994) zielten vorrangig auf den Aufbau der Infrastruktur zur Sicherstellung der staatlichen Souveränität, die Einführung von marktwirtschaftlichen Mechanismen, die Preisliberalisierung, die Entstaatlichung und Privatisierung, die Inflationsbekämpfung und die soziale Versorgung der Bevölkerung ab. So wurde das Fundament für ein neues Wirtschaftssystem gelegt. Zahlreiche Ministerien und Institutionen wandelte man in Konzerne, Verbände und Vereinigungen um, die ursprünglich als geschlossene Aktiengesellschaften gegründet wurden. Über 50 nationale Ministerien und Institutionen wurden institutionell reorganisiert.

Kleine und mittelständische Betriebe wurden privatisiert, außerdem Handelshäuser, Versorgungsbetriebe, die Leicht- und Nahrungsmittelindustrie, die Baustoffindustrie, das Transportwesen und der staatliche Wohnraumfonds. Insgesamt gingen 54.000 Einzelbetriebe in private Hände über. Gleichzeitig wurde ein Grundstücksprogramm aufgelegt, das der Landbevölkerung Liegenschaften für zusätzliche Nebeneinkommen überließ. So konnte die Nahrungsmittelproduktion gesteigert, die Arbeitslosigkeit bekämpft und das individuelle Bauwesen erweitert werden.

Die drei wichtigsten Ziele der Wirtschaftspolitik bestanden zu dieser Zeit in der Marktsättigung mit Waren, der sozialen Versorgung der Bevölkerung angesichts der hohen Inflationsrate⁵ und im Ausgleich des öffentlichen Haushalts.

⁵ 1992 lag die Inflation bei 711 Prozent und stieg 1993 und 1994 jeweils auf 1079 Prozent und 1239 Prozent. Ursachen für die Hyperinflation war das große Defizit des Haushaltes (18,5 Prozent 1992, 10,4 Prozent 1993; jew. zum BIP), aufgrund der Einstellung der Haushaltszuschüsse aus Moskau und drastischer Rückgänge von Steuern.

Die Steuerpolitik hatte zu Anfang der 90er Jahre einen zunehmend fiskalischen Charakter. Die Mehrwertsteuer mit 30 Prozent, Verbrauchssteuern auf einzelne Waren mit einem durchschnittlichen Satz von etwa 40 Prozent sowie eine Exportsteuer wurden eingeführt. Dabei lag die Ertragssteuer für Unternehmen bei maximal 15 Prozent. 1993 wurden weitere Steuern eingeführt. Dennoch konnte ein souveränes öffentliches Finanzwesen zu dem Zeitpunkt nicht aufgebaut werden, weil das usbekische Finanzsystem immer noch ein Teil der Rubel-Zone war.

Die erste Phase der Wirtschaftsreformen war durch die Umsetzung einer weichen **Geldpolitik** gekennzeichnet. Usbekistan als Teil der Rubel-Zone musste Kredite aus dem zentralen Haushalt subventionieren, um die Folgen des Nachfragerückgangs zu dämpfen und so eine drastische Senkung der Produktion und des Lebensstandards zu vermeiden. Der Konsum wurde durch den fixierten und überbewerteten Wechselkurs für die eingeführte Übergangswährung, den Sum-Coupon,⁶ sowie durch festgelegte Konsumgüterpreise subventioniert.

Ziel der Außenhandelspolitik des Landes war die Sättigung des Inlandsmarktes mit Waren und ein Abbau der Inflation. Insbesondere war die Importpolitik durch fehlende nicht-tarifäre Beschränkungen und geringe Importtarife (bis zu zehn Prozent) gekennzeichnet. Die Exportpolitik war geprägt von Beschränkungen, vor allem aber durch Lizenzierungen. Beispielsweise wurden Exporte Anfang 1992 größtenteils unter Quotierung abgewickelt. Das galt vor allem für Exportgeschäfte staatseigener Betriebe.

Ab November 1992 wurden Exporte von 72 Warenarten aufgrund der erteilten Lizenzen durchgeführt. Exportgeschäfte mit weiteren 18 Warenarten waren verboten⁷. Die so aufgebaute Exportstruktur, in der die auf dem Weltmarkt sehr einträglichen Rohstoffe dominierten, ermöglichte es Usbekistan, sich vom Markt der früheren Sowjetunion relativ kurzfristig abzukoppeln.

Dank der staatlichen Förderung, der neuen Ausrichtung des Außenhandels auf den Weltmarktbedarf sowie der ausbleibenden Schocktherapie war der Wirtschaftsabschwung in der anfänglichen Reformphase relativ gering. 1993-1994 sank das reale Bruttoinlandsprodukt Usbekistans um 17,7 Prozent im Vergleich zu 1991, was gegenüber anderen Republiken der ehemaligen Sowjetunion recht milde ausfiel.

Zu den Schwerpunktaufgaben der zweiten Phase der Wirtschaftsreformen (von 1994 bis drittes Quartal 1996) zählten die Überwindung des Produktionsrückgangs, die Sicherstellung makroökonomischer Stabilität

⁶ Der Sum-Coupon wurde im Oktober 1993 in Umlauf gebracht und als Übergangswährung bis zur Einführung des Sum im Juli 1994 verwendet.

⁷ Gemäß den Beschlüssen des Ministerkabinetts vom 30. April 1992, Nr. 220 und vom 21. Oktober 1992, Nr. 485.

durch weitere Reformen und der Ausbau des privaten Wirtschaftssektors, außerdem die Stärkung der einheimischen Währung und die Sicherstellung wirtschaftlicher Strukturreformen.

Zu Beginn 1994 wurden die institutionellen Voraussetzungen für die Entwicklung des Immobilienmarktes geschaffen. Eine Immobilienbörse entstand. Aktiengesellschaften mit beschränkter Beteiligung wurden in Aktiengesellschaften mit uneingeschränkter Kapitalbeteiligung umgewandelt. Ihre Aktien wurden zum Teil zwischen dem Staat und der Belegschaft verteilt und zum freien Kauf auch ausländischen Investoren angeboten. Über die Hälfte des jeweiligen Aktienpaketes handelte man an der nationalen Wertpapierbörse. Im September 1996 wurde ein Förderprogramm für Investitions- und Privatisierungsfonds aufgelegt. Das Programm beinhaltete die Einbeziehung der Bürger in den Privatisierungsprozess.

Infolge der durchgeführten Maßnahmen lag die Anzahl nichtstaatlicher Unternehmen bei knapp 84 Prozent Ende der zweiten Phase. Gleichzeitig trug die Privatisierung aber einen sehr formalen Charakter. Das hing vor allem mit zwei Faktoren zusammen: Vor allem wurden bürokratische Steuerungsmethoden für staatliche Betriebe beibehalten. Unter diesen Bedingungen konnten Eigentümer ihre Besitzrechte auf die erworbenen Unternehmen nicht voll ausüben. So verhinderte diese Art der Privatisierung, dass reales Eigentum entstehen konnte und es limitierte zudem die Quotenhöhe der erwerbenden Aktienpakete für einzelne Aktionärsgruppen. So konnten Eigentümer die Aktienmehrheit in den meisten Fällen nicht erwerben.

Mit der Einführung der einheimischen Währung⁸, des Sum, wurden die Voraussetzungen für die Durchführung einer souveränen monetären und fiskalischen Politik sowie für das Stabilisierungsprogramm geschaffen, um den Anstieg der Inflation und einen weiteren Produktionsrückgang einzudämmen. Die Regierung hatte damit eine intensive Stabilisierungspolitik eingeleitet. Die Preise für Konsumgüter wurden weiter liberalisiert, die Verbrauchersubventionen und die Kreditförderung des Produktionssektors ging weiter zurück.

Die Einschränkungen für den Devisenumtausch wurden abgebaut. Staatliche Pflichtaufkäufe für alle landwirtschaftlichen Produkte mit Ausnahme von Baumwolle und Getreide schaffte man ab. Gleichzeitig wurden die Staatsaufkäufe für Baumwolle und Getreide mengenmäßig erheblich gesenkt. In der Sozialpolitik wurde der Übergang von staatlicher Sozialhilfe für alle hin zur gezielten Förderung besonders bedürftiger Mitbürger eingeleitet. Dabei stand die Familienförderung und die Reform des Bildungsbereichs im Vordergrund.

⁸ Die einheimische Währung Sum wurde am 1. Juli 1994 eingeführt.

Zu dieser Zeit wurde der Import weiter liberalisiert und alle Einfuhrzölle aufgehoben.⁹ Der graduelle Übergang von nichttarifären zu tarifären Exportregelungsmaßnahmen wurde eingeleitet. Die Anzahl von Waren, deren Export mit Quoten und Lizenzen erfolgte, ging zurück. Quoten und Lizenzen wurden vor allem für die Waren beibehalten, deren Binnenmarktpreise sich von vergleichbaren Weltmarktpreisen erheblich unterschieden (Rohbaumwolle, Buntmetalle, Energieträger). Für den Export verbotenen waren nur noch 13 Warengruppen.¹⁰

Die Wirtschaftsreformen sind gekennzeichnet durch eine Verbesserung der Finanzpolitik, die Beschleunigung marktwirtschaftlicher Reformen und vor allem durch die erhebliche Verbesserung des Investitionsklimas. Zudem wurden Maßnahmen zur Erhöhung der Haushaltseinnahmen und der Verstärkung der fiskalischen Steuerung getroffen. Insbesondere wurden die Berechnungssätze für Bodenschätze- und Vermögenssteuern erhöht. Die Steuer auf die Nutzung der Bodenschätze wurde eingeführt, die Grundstückssteuer auf landwirtschaftliche Betriebe ausgedehnt. Infolge dieser Politik sank das Haushaltsdefizit von 6,1 Prozent im Jahre 1994 auf 4,1 Prozent im folgenden Jahr. Dabei wurde die Finanzierung des Haushaltsdefizits von Banken auf 1,4 Prozent des Bruttoinlandsprodukts (BIP) im Jahre 1995 eingeschränkt. Infolgedessen sank die Inflationsrate von 1557 Prozent im Jahre 1994 zunächst auf 349,5 Prozent im Jahre 1995 und 1996 auf 184,5 Prozent. Der Rückgang des BIP betrug 5,2 Prozent im Jahre 1994 und 0,9 Prozent im Jahre 1995. 1996 konnte erstmals seit dem Beginn der Reformen ein realer BIP-Zuwachs von 1,6 Prozent verzeichnet werden (siehe Tabelle 1).

**TABELLE 1. MAKROÖKONOMISCHE KENNZAHLEN, USBEKISTAN
1992 BIS 2004**

	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Realer BIP-Zuwachs	-11	-2.3	-4.2	-0.9	1.6	5.2	4.3	4.4	3.8	4.2	4.0	4.4	7.7
Verbraucherpreisindex am Ende der Reformphase	910	885	1132	121	65	28	26	26	28.2	26.6	20	3,8	3.7
BIP-Deflator	815	1066	1329	472	82.1	65.8	38.1	44.1	47.1	43.1	45	26	15.1

Quelle: IWF-Daten

⁹ Laut Präsidialerlass vom 21. Januar 1994 Nr. UP-745 «Über Maßnahmen zur Erweiterung marktwirtschaftlicher Reformen, Sicherstellung des Schutzes des Privateigentums und Unternehmensförderung»

¹⁰ Beschluss des Ministerkabinetts vom 25. Juli 1995 Nr. 287

Die dritte Phase der Wirtschaftsreformen (Ende 1996-2000) ist durch grundlegende Reformen der Volkswirtschaftspolitik gekennzeichnet. In Anbetracht der inneren und äußeren Belastungen wie Missernten von Baumwolle und Getreide, Preisverfall¹¹ und einem Bilanzdefizit, musste die usbekische Regierung ihre Geldpolitik ändern und die Devisenbewirtschaftung einführen, um die Wirtschaftsreformen weiter zu beschleunigen. Folgender Mechanismus für den Zugang zum Devisenmarkt wurde etabliert:

- beim Export von Rohstoffen und technischen Ausrüstungen mussten die von den Unternehmen gestellten Anträge von der Nationalen Kommission für Geldpolitik geprüft und genehmigt werden, die auch den Gesamtbetrag der zu konvertierenden Finanzmittel festlegte;
- beim Import von Sachgütern erteilte die Zentralbank Lizenzen und Konvertierungsquoten;
- Beschränkung der Importgeschäfte von Rucksackhändlern über Wechselstuben.¹²

Durch das eingeführte Devisenbewirtschaftungssystem konnte die Regierung Importvolumen und Importstruktur kontrollieren. Als ein positives Ergebnis dieser Politik galt das Erreichen der Energie- und Getreideautonomie sowie zahlreiche neue Produktionssektoren und Produktarten. Aber gleichzeitig wurden die Nachteile dieser Politik immer deutlicher: Zunächst wirkte sich der steigende Wechselkurs der Währung auf die Wettbewerbsfähigkeit einheimischer Hersteller und Exporteure negativ aus. Ferner musste die Regierung ihre Importpolitik angesichts des zunehmenden Importbedarfs wegen des steigenden Wechselkurses der einheimischen Währung bei gleichzeitigen rückläufigen Exportvolumen immer weiter verschärfen.¹³ Zudem verursachten die verzerrten Relativpreise eine ineffektive Verteilung und Nutzung von Ressourcen.

Die Schere zwischen dem Wechselkurs der Zentralbank und dem Wechselkurs auf dem Schwarzmarkt ging auf. Der fixe Wechselkurs, festgesetzt ohne Berücksichtigung der Beziehung zwischen Nachfrage und Angebot, führte zur Schwächung der monetären und fiskalischen Disziplin, was zur Abschreckung von Privatinvestoren und einer relativ hohen Inflationsrate führte. Das für die Umsetzung der Strukturreformen begonnene Valutabewirtschaftungssystem wurde zum Haupthindernis. Und das nicht nur wegen des oben genannten Rückgangs des Exportvolumens, aus dessen Einnahmen die importierten Investitionsgüter hauptsächlich finanziert

¹¹ Seite 1997 gingen die Preise für die wichtigsten Exportwaren Usbekistans, Baumwolle und Gold, erheblich zurück.

¹² Durch den Beschluss Nr. 250 des Ministerkabinetts vom 30. Juni 2000 wurde der Höchstbetrag an Devisen, den Reisende ausführen durften, auf 300 US-Dollar beschränkt.

¹³ Durch die Einführung von Verbrauchersteuern für importierte Waren, die Erweiterung einfuhrtarifpflichtiger Posten, Reduzierung der Quoten für den Ankauf von Fremdwährung durch Importeure.

wurden, sondern auch wegen des fehlenden freien Devisenmarkts. Die makroökonomische Instabilität stieß ausländische Investoren ab.

Ferner wurde die Situation durch den Rückgang der Weltmarktpreise für die wichtigsten usbekischen Exportwaren und durch den Wirtschaftseinbruch in Russland 1998 verschärft. Gleichzeitig versäumte man nötige Anpassungen der usbekischen Wirtschaftspolitik an die Folgen der Abwertung des russischen Rubels und die Verschlechterung des Handelsklimas im Lande. So wurde ein erheblicher Exportrückgang (ca. 40 Prozent) zwischen 1997 und 2001 verzeichnet, wobei der Zufluss ausländischer Direktinvestitionen stark unterhalb des möglichen Potenzials lag und damit den Fortschritt der Reformen und des Wirtschaftswachstums negativ beeinflusste. Die Notwendigkeit grundlegender Korrekturen der Wirtschaftspolitik wurde offensichtlich.

Die vierte Phase der Reformen wurde auf der 14. Sitzung des usbekischen Parlaments, der Olij Majlis, im April 1999 eingeleitet, die auf die Liberalisierung aller öffentlichen Bereiche abzielte. Als Schwerpunkte dieser Reformphase wurde die Senkung der Staatsinterventionen in die Wirtschaft, verstärkter Schutz vor gesetzeswidrigen Eingriffen der Aufsichtsbehörden und die Liberalisierung des Devisenmarktes begonnen. Während die Förderung von Großunternehmen durch zentralisierte Kreditvergabe, die Finanzierung aus dem Staatshaushalt und der Verkauf von Fremdwährungen zum unterbewerteten Wechselkurs als Hauptinstrumente der wirtschaftlichen Strukturreform bis 1999 galten, erlangte die Förderung von Privatunternehmen, insbesondere von Klein- und Mittelstandsunternehmen, eine zentrale Bedeutung in der Wirtschaftspolitik.

Spezielle Förderprogramme für den Klein- und Mittelstand wurden aufgelegt, Großunternehmen aus Schlüsselbranchen zur Privatisierung freigegeben, wobei ausländische Investoren besonders bevorzugt werden sollten. Dabei wurden individuelle Ansätze mit Hilfe von Investoren bei der Privatisierung von Großbetrieben angewandt. Die Privatisierungen begannen mit einer eingehenden Wirtschaftsprüfung der zu privatisierenden Unternehmen und einer Strategie für jedes einzelne Unternehmen.

Doch war der usbekische Devisenmarkt nach wie vor überreguliert. Der fehlende freie Zugang zum Devisenmarkt und der künstliche Wechselkurs wurden zu Hauptfaktoren der erheblichen Differenz zwischen dem staatlichen Wechselkurs und dem Schwarzmarkt-Kurs. Aus diesem Grunde wurde in dem zusammen mit dem Internationalen Währungsfonds unterzeichneten Memorandum über die Wirtschafts- und Finanzpolitik eine Serie von Maßnahmen zur Liberalisierung der außenwirtschaftlichen Tätigkeit und der Devisenbewirtschaftung sowie zur Schaffung der Konvertibilität des Sum für alle internationalen Transaktionen vorgesehen. Diese Maßnahmen sollten in der ersten Hälfte 2002¹⁴ greifen.

¹⁴ Memorandum über die Wirtschafts- und Finanzpolitik vom 1. Januar bis zum 30. Juni 2002 als Ergebnis des Programms, das unter der Aufsicht der IWF-Mitarbeiter umgesetzt wurde, in: (SMP) //Wochezeitung «East Business Courier», Ausgabe 14. Februar 2002, Seite 7-10

Ab diesem Zeitpunkt erfolgte ein Wandel in der Wirtschaftspolitik. Ab Juli 2002 stellte die Zentralbank die Zahlungen im Bereich der Kreditfinanzierung für die Investitionsvorhaben ein. Gleichzeitig wurden Importschutzmaßnahmen zur Verringerung des Fremdwährungsbedarfs¹⁵ verschärft. Sie umfassten folgende Punkte:

- Erhöhung der Einfuhrtarife und Verbrauchersteuern auf Importware;
- Pflichteinsatz von Kassen im Einzelhandel;
- Verbot des Weiterverkaufs der von Dritten eingeführten Waren;
- Einschränkungen der Lizenzvergabe an Großhändler;
- Zertifizierungssystem für Waren.

Die verschärften Importschutzmaßnahmen führten zur einer erheblichen Erhöhung der Importwarenpreise und zur Erhöhung des Wechselkurses.¹⁶ Neben der Herabsetzung des offiziellen Wechselkurses von über 40 Prozent ab Januar 2002¹⁷ erwirkten diese Maßnahmen eine fast vollständige Vereinheitlichung der beiden Wechselkurse bis Mitte 2003. Zwar konnte die Vereinheitlichung der Wechselkurse die Auslandsschuldenlast verringern, dennoch wirkte sich die verschärfte Importschutzpolitik auf das Realeinkommensniveau, das Investitionsklima und die Wirtschaftsentwicklung negativ aus.

Die strenge Geldpolitik und der häufige Einsatz indirekter geldpolitischer Instrumente¹⁸ hatte eine erhebliche Senkung der Inflationsrate zur Folge. Während der Verbraucherpreisindex jeweils 26,6 Prozent und 21,6 Prozent in den Jahren 2001 und 2002 betrug, so lag er 2003 bei 3,8 Prozent.

Die strenge Geld- und Fiskalpolitik schuf die Voraussetzungen für die Liberalisierung des Devisenmarktes im Jahre 2003. Im Oktober verpflichtete sich Usbekistan zur Erfüllung der Punkte 2(a), 3 und 4, Art. VIII, des Memorandums des Internationalen Währungsfonds zur Konvertibilität der Nationalwährung. Trotz der Senkung der Inflationsrate und der erreichten Konvertibilität gibt es nach wie vor eine Reihe von Faktoren, die sich auf die Wirtschaftswachstumsrate ungünstig auswirken.

Ungeachtet der umgesetzten Regierungsmaßnahmen zur Erneuerung und Liberalisierung¹⁹ ist der usbekische **Finanzmarkt** immer noch durch

¹⁵ Laut offizieller Auslegung eine Maßnahme zur Erhöhung der Wettbewerbsfähigkeit einheimischer Lieferanten und für zivilisiertes Handels- und Geschäftsgebaren.

¹⁶ Der Wechselkurs auf dem Schwarzmarkt ist von 1500 Sum für 1 US-Dollar im Januar 2002 auf 975 Sum im Sommer 2003 gefallen.

¹⁷ Im Januar 2002 lag der Wechselkurs der Zentralbank bei 690 Sum für 1 US-Dollar, während er im Juli 2003 bei 960 Sum für 1 US-Dollar lag.

¹⁸ Durch den Beschluss Nr. 63 des Ministerkabinetts vom 4. Februar 2003 ist die Zentralbank zu einem neuen Mechanismus der Geldverwaltung übergegangen, der in der Kontrolle der gesamten Geldmenge sowie in der Verwendung von Marktinstrumenten bei der Geldpolitik besteht.

¹⁹ Beschluss des usbekischen Präsidenten «Über die Maßnahmen zur weiteren Verbesserung und Liberalisierung des Bankwesens» Nr. PP – 57, 15. April 2005, Erlass des usbekischen Präsidenten Nr. UP-3618, 14. Juni 2005 «Über die Maßnahmen zur Beschleunigung der Umsetzung bei der Vertiefung marktwirtschaftlicher Reformen und zur weiteren Liberalisierung der Wirtschaft»

die Rückständigkeit seiner institutionellen Strukturen gekennzeichnet. Den wesentlichen Anteil des Finanzmarktes bildet das Bankensystem²⁰, da die rechtlichen Rahmenbedingungen für die Tätigkeit anderer Finanzinstitutionen fehlen. Der Geldmarkt und der Interbankenmarkt sind nicht aktiv genug, und der Wertpapiermarkt ist unterentwickelt.

Die Segmentierung des usbekischen Finanzmarktes kommt in verschiedenen Bereichen zum Ausdruck. Beispielsweise mangelt es bei einem der wichtigsten Wirtschaftssektoren, der Landwirtschaft, an Finanzmitteln – trotz erheblicher Erhöhung der Ankaufpreise für Baumwolle und Getreide. Das hängt nicht nur mit den geringen Ankaufspreisen zusammen, sondern auch mit fehlenden Anreizen zur Senkung der Selbstkosten und zur Qualitätsverbesserung. Außerdem funktioniert marktwirtschaftliches Gebaren der Wirtschaftsführung in diesem Bereich noch nicht richtig und bürokratische Lenkungsmethoden werden weiter oft verwendet. Infolgedessen entstehen Hindernisse für einen ausgeglichenen Geldumlauf zwischen der Landwirtschaft und anderen Wirtschaftssektoren, wie dem Energiesektor oder der Chemie- und Maschinenbauindustrie, die Zahlungsrückstände zu Folge haben.

Ferner zeichnet sich das Bankensystem durch eine unzureichende Kapitaldecke im Vergleich zu den Kreditrisiken aus, die Banken bei Finanzierungszusage aufnehmen. Bezogen auf das Bruttoinlandsprodukt ist das Gesamtkapital der usbekischen Banken nur halb so groß, vergleicht man den Wert mit anderen Transformationsstaaten.

Die Maßnahmen zum Abbau übermäßiger Konzentration und zur Schaffung eines gesunden Konkurrenzklimas müssen umgesetzt werden, um den Finanzsektor zu entwickeln. Zu diesem Zweck sollen die Staatsbanken privatisiert und die Einschränkungen für den Zugang ausländischer Finanzinstitute zum einheimischen Finanzmarkt abgeschafft werden.

Die Säulen des Finanzwesens, Rechnungswesen, gesetzlicher Rahmen, Vertragstreue, Datentransparenz und Kontrollstrukturen, stellen ein aktuelles Problem für Usbekistan dar. Die Entlastung der Banken von bankfremden Kontrollfunktionen und die Geheimhaltung von Kundeninformationen ist entscheidend für das Vertrauen in das Bankwesen und für die Zunahme von Guthaben- und Kreditportfolios. Ausländische Finanzinstitute sollten graduell auf den usbekischen Finanzmarkt geholt werden, um das Konkurrenzklima zu beleben, die Wirtschaftlichkeit einheimischer Finanzinstitute zu verbessern und der Globalisierung den bitteren Beigeschmack zunehmen.

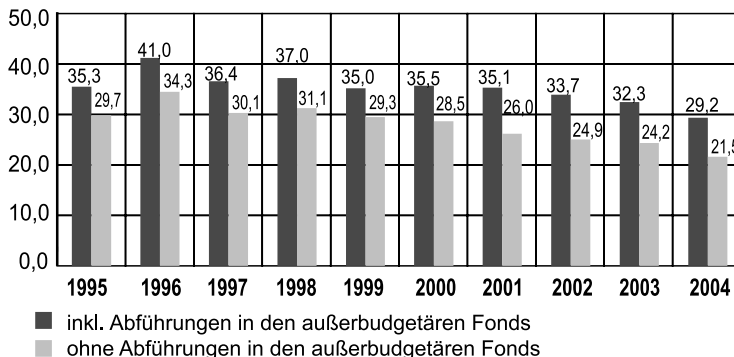
Trotz der getroffenen Maßnahmen zur Reform des Steuerwesens²¹ belief sich der BIP-Anteil der Steuereinnahmen auf 24,2 Prozent (die entrichteten So

²⁰ Zu Beginn 2005 gab es in Usbekistan 32 Geschäftsbanken. Davon fünf Banken mit ausländischer Beteiligung, zehn Privatbanken und drei staatliche Banken.

²¹ Der Ertragssteuersatz wurde von 20 auf 18 Prozent reduziert. Die Sozialleistungen aus Lohn- und Gehaltsfonds wurden vereinfacht, indem die Sozialversicherungsabgaben in eine einheitliche Sozialabgabe zusammengelegt wurden.

zialversicherungsabgaben mitgerechnet sind es sogar 32,3 Prozent) im Jahre 2004 (siehe: Diagramm 1).

DIAGRAMM 1. STEUERLAST IN USBEKISTAN 1995-2003 (IN % ZUM BIP)

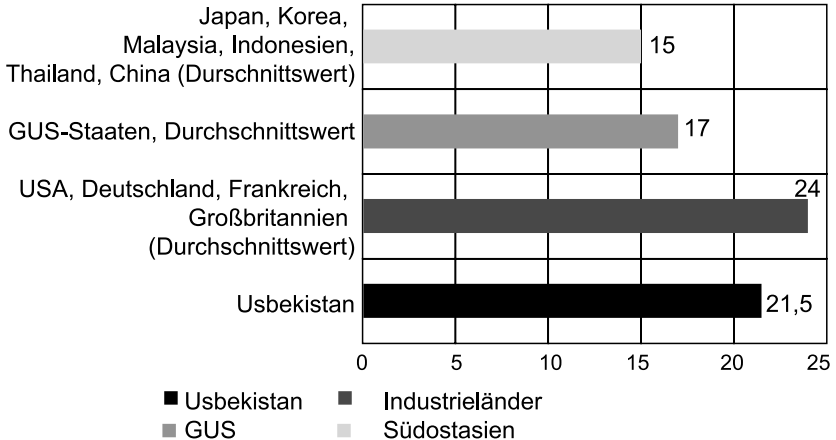

Diese Kennzahl übersteigt den vergleichbaren Wert in anderen Transformationsstaaten um ein Mehrfaches. Sie liegt eher auf dem Niveau von Industrienationen, wobei diese über weitaus höhere Pro-Kopf-Einkommen verfügen (siehe: Diagramm 2). Die Lage ist durch die zahlreichen Steuerpräferenzen²² und die Einflussosphäre der Schattenwirtschaft noch erschwert, denn es führt zur faktischen Zunahme der Steuerlast für gewissenhafte Steuerzahler. Durch die hohe Steuerlast wird nicht nur die Wettbewerbsfähigkeit einheimischer Produkte eingeschränkt, sondern auch Steuerhinterziehung und illegale Wirtschaft begünstigt. Um die Steuerlast effektiv zu senken, sollte man nicht nur unbegründete Steuerpräferenzen abschaffen, sondern auch die Planung der Haushaltsausgaben verbessern. Dies müsste einerseits durch einen radikaleren Übergang zur zielgebundenen Bereitstellung von Geldmitteln (für konkrete Programme mit einem ermittelten Nutzeffekt für die Gesamtwirtschaft) erfolgen. Zweitens muss im Bildungsbereich und Gesundheitswesen zur richtsatzgebundenen Bereitstellung von Haushaltsmitteln übergegangen werden. Die Kontrolle über die zielgebundene Verwendung von Haushaltsmitteln sollte verbessert, und die Privatisierung von Kulturzentren, Wohnheimen, Kindergärten, Polikliniken, Sanatorien, Ferienheimen usw. beschleunigt werden. Die Präsenz des Privatsektors im Bereich Bildung und Gesundheitswesen sollte weiter verstärkt werden. Durch die Umsetzung dieser Maßnahmen können nicht nur die Haushaltsausgaben, sondern auch die gesamte Steuerlast für Warenhersteller

²² Nach Schätzungen lassen sich die Haushaltsverluste auf 19 Arten ineffektiver Steuerpräferenzen zurückführen, die folgenden Bereichen eingeräumt wurden: Textilindustrie und Elektronikindustrie sowie einzelnen Unternehmensgruppen, insgesamt etwa 32,5 Mrd. Sum 2002. Sollten diese Präferenzen abgeschafft werden, bekäme der Staatshaushalt zusätzlich 1,71 Prozent des BIP an Einnahmen.

gesenkt werden. Dies sollte zur Verbesserung deren Wettbewerbsfähigkeit führen.

DIAGRAMM 2. STEUERLAST IN USBEKISTAN, GEMESSEN AN WELTWIRTSCHAFTSDATEN (IN % ZUM BIP , SOZIALABGABEN NICHT MITGERECHNET)

Die Beschleunigung des Wirtschaftswachstums ist ohne Liberalisierung **des Außenhandels und Vertiefung der regionalen Integration** kaum vorstellbar. Das kann zum Aufbau eines wirtschaftlichen Konkurrenzumfeldes führen, das einen wichtigen Entwicklungsfaktor unter marktwirtschaftlichen Bedingungen darstellt. Darüber hinaus kann das Marktpotenzial durch die Liberalisierung des Außenhandels und die regionale Integration ausgebaut und ausländische Investitionen gefördert werden, da dies eine der Schlüsselquellen des Wirtschaftswachstums in Transformationsstaaten ist. Durch die Liberalisierung des Außenhandels wird gleichzeitig der Wechselkurs durch Importzunahme erheblich gesenkt. Dies kann zur Erhöhung der Ausgaben in Zusammenhang mit den Auslandsschulden Usbekistans führen. Jedoch stellt die Aufrechterhaltung des überbewerteten Wechselkurses zwecks Senkung der Schuldentilgung keine optimale Strategie dar. Sie kann unter den Bedingungen der Konvertierbarkeit für alle Transaktionen zur erheblichen Zunahme der Auslandsschulden führen. Je länger der überbewertete Wechselkurs aufrechterhalten wird, desto schmerzhafter wird eine Abwertung der Nationalwährung in der Zukunft ausfallen und desto höher werden die Kosten anfallen.

Eine nicht minder wichtige Voraussetzung für die Sicherstellung eines hohen und nachhaltigen Wirtschaftswachstums ist eine tiefgreifende **Verwaltungsreform**. Trotz der jüngsten Maßnahmen²³ zur Gewährleistung

²³ Erlass des Präsidenten der Republik Usbekistan Nr. UP – 3619, 14. Juni 2005 «Über die Maßnahmen zur weiteren Verbesserung der Unternehmensrechtssicherheit»

der Rechte von Unternehmen bestehen weiterhin bürokratische Schranken, die den Zugang zum Markt²⁴ und zu Geschäftsaktivitäten²⁵ erschweren, das Investitionsklima belasten, die Wettbewerbsfähigkeit einheimischer Lieferanten verschlechtern und das Wirtschaftswachstum verhindern. Es ist sehr wichtig, die Transparenz der öffentlichen Verwaltung zu verbessern, moderne Formen der staatlichen Lenkung zu implementieren, die verschiedenen Funktionen der Staatsbehörden aufeinander abzustimmen sowie das Mitspracherecht für die Bürgerinnen und Bürger bei öffentlichen Entscheidungen einzuführen.

Bei der Bewältigung von Beschäftigungsförderung und Armutsbekämpfung ist die **Agrarwirtschaftsreform** von besonderer Bedeutung. Neben der Umwandlung landwirtschaftlicher Genossenschaftsbetriebe in private Farmbetriebe soll der Erhöhung der Autonomie landwirtschaftlicher Produzenten besondere Bedeutung beigemessen werden: Sie müssen allein entscheiden können, welche Pflanzenkulturen sie anbauen und wie sie die produzierten landwirtschaftlichen Produkte verwenden. Ferner soll auf die planwirtschaftliche Ressourcenverteilung verzichtet und stattdessen ein funktionierender Markt aufgebaut werden. In der Landwirtschaft müssen marktwirtschaftliche Finanzierungsinstrumente Fuß fassen und landwirtschaftliche Unternehmer besonders gefördert und begünstigt werden.

Eine Verbesserung des Investitionsklimas und eine wesentliche Belebung der Geschäftsaktivitäten sind ohne nachhaltigen Schutz der Eigentumsrechte und ein **unabhängiges Rechtssystem** unvorstellbar. Nur durch die Sicherstellung eines tatsächlich funktionierenden Gerichtssystems können der Volksglaube an die Wirtschaftsreformen gewonnen, rechtswidrige Eingriffe der Staatsbehörden in die Tätigkeit der Wirtschaftsakteure unterbunden und die Transaktionskosten gesenkt werden.

Bei der Durchführung der obigen Reformen ist die Bedeutung der **institutionellen Faktoren** für die Wirtschaftsentwicklung ebenfalls zu berücksichtigen. Die Lückenhaftigkeit und die Widersprüchlichkeit des Zivilrechts, der tatsächliche Vorrang der Durchführungsverordnungen vor den Gesetzen, die Instabilität und die Unberechenbarkeit der Wirtschaftspolitik infolge eines fehlenden wirksamen Mechanismus zur Entscheidungsfindung und nicht zuletzt die Belastung der Banken mit bankfremden Kontrollfunktionen stellen eine bei weitem nicht komplette Liste der institutionellen Probleme dar, deren Bewältigung für eine spürbare Verbesserung des Investitionsklimas und eine Beschleunigung des Wirtschaftswachstums unentbehrlich ist.

²⁴ Lizenzerteilung, Zertifizierung, Registrierung

²⁵ Die strenge Kontrolle des Staates über die laufende wirtschaftliche Tätigkeit, zahlreiche Eingriffe der Staatsorgane in die Tätigkeit von Wirtschaftssubjekten sowie bürokratische Einmischung in die marktwirtschaftliche Preisbildung und Ressourcenverteilung.

Аналитический отчет Фонда им. Ф. Эберта

Райнхард Крумм

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: СТАБИЛЬНОСТЬ ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ

Июнь 2006 г.

В результате преобразовательных процессов, начатых после обретения независимости 14 лет назад, пять республик Центральной Азии пришли к совершенно разным результатам. Правда, есть у них и общее: их авторитарные правительства создают бюрократический режим в политике и обществе, отказывая в доверии своим гражданам. Так, в ходе парламентских выборов в конце 2004 г. и начале 2005 г. имели место крупные махинации при подсчете голосов. В Кыргызстане народ поднял мятеж и выдворил из страны президента, а в Узбекистане власти подавили гражданское восстание, применив при этом силу оружия.

На официальном уровне региональное сотрудничество в Центральной Азии приветствуется, однако на деле оно осуществляется лишь в исключительных случаях. От этого страдает экономика, прежде всего, небольших республик – Кыргызстана и Таджикистана. Мало что в данной ситуации может изменить и щедро одаренный сырьевыми ресурсами Казахстан. Являясь экономическим локомотивом Центральноазиатского региона, он не обладает достаточной силой тяги. Продолжает существовать вера в планируемую рыночную экономику. А вместо общерегионального использования оставшейся с советских времен инфраструктуры, закрываются границы и взимаются таможенные пошлины на импорт.

Утерян второй шанс на успех в преобразовательном процессе, который Центральная Азия получила в результате повышенного внимания мировой общественности в связи с войной против движения «Талибан» в соседнем Афганистане. От «Окна на Запад» осталась лишь узкая щель, а свет в регион теперь поступает через большое «окно» с видом на Восток. Влияние Китая и России усилилось. Среди проигравших оказались США со своими практически безрезультатными, шаблонными моделями демократии, а также Европейский Союз, не имеющий четко ориентированной политики в отношении Центральной Азии.

Светским государствам Центральной Азии приходится туго в общении со своим в основном мусульманским населением. Власти опасаются роста влияния исламского экстремизма в регионе. И эти опасения не безосновательны, учитывая террористические акты в столице Узбекистана – г. Ташкенте, в 2004 г. Вместе с тем данные

государства сами формируют собственных врагов, опрометчиво навешивая ярлык «исламских террористов» на критически настроенных мусульман. Данные государства проводят у себя агрессивную политику построения светского общества, которая таит в себе опасность поляризации общества и дестабилизации ситуации в регионе.

ИСХОДНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ – ГРУЗ СУВЕРЕНИТЕТА

Впервые за всю свою историю государства Центральной Азии были отпущены в независимость. Оккупированные царской Россией во второй половине XIX века территории, затем разделенные надуманными границами на пять социалистических республик, они с нерешительностью приняли свой неожиданный суверенитет. В то время как Казахстан и Кыргызстан энергично приступили к экономическим реформам, Туркменистан и Узбекистан повели себя весьма сдержанно. Таджикистан тем временем погрузился в гражданскую войну.

После распада советской империи пять новых государств Центральной Азии одновременно приступили к осуществлению своих функций. Поскольку их правительства установили для законодательных органов схожие сроки полномочий, граждане почти одновременно избирали свои парламенты. До сегодняшнего дня эти выборы не заслуживали ни одной строчки в международной прессе, потому что их результаты были определены задолго до подсчета голосов. Последние выборы также ничем не отличались от предыдущих, их исход опять был запланирован. Однако случилось непредвиденное – восстал народ Кыргызстана и изгнал с поста своего президента.

Вплоть до нью-йоркских событий 11 сентября 2001 г. международная пресса редко упоминала о Центральной Азии. В политических кругах об этом регионе практически забыли. Здесь не происходило событий, заслуживающих положительных откликов в прессе. Объяснялось это тем, что в 90-е годы республики Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан очень медленно освобождались от тяжелого наследия советского колониального прошлого. Интерес западных стран был сосредоточен исключительно на нефтегазовых месторождениях Казахстана и Туркменистана.

Война против режима талибов в Афганистане моментально изменила позицию Запада в отношении Центральной Азии. В рамках антитеррористической операции «Enduring Freedom» на военных базах в Кыргызстане и Узбекистане дислоцировались воинские подразделения США, а в узбекском городе Термезе, недалеко от границы с Афганистаном, разместилась германская военная база для поддержки сил международной коалиции – International Security Assistance Force

(ISAF). В качестве ответной реакции западные наблюдатели ожидали ускорения преобразовательных процессов.

США продемонстрировали идеальный двойной маневр: Министерство обороны отметило значимость присутствия в регионе военных баз, а Министерство иностранных дел подчеркнуло важность осуществления процессов демократизации, самоопределения и соблюдения прав человека. При этом наивно предполагалось, что руководство Узбекистана, скрипя зубами, но все же согласится принять американскую модель демократии, лишь бы не лишиться военной помощи и обеспечить долгосрочную безопасность своих южных рубежей.

Таким образом, после поражения талибов у бывших советских республик Центральной Азии появилась возможность обеспечить открытость своей политики и экономики и еще более дистанцироваться от плановой экономики и командной политики. Финансовая помощь Запада пополнила их скудные бюджеты и подняла статус правительств. Появился часто цитируемый второй шанс после обретения независимости в 1991 г. Государства оказались, что называется, «на распутье» (журнал «The Economist»): или открытая рыночная экономика и стремление к правовой государственности, или дальнейшее усиление изоляции с реальной опасностью возникновения гражданских войн и, как следствие, крах суверенных национальных государств.

Кыргызский народ первым испытал на себе ситуацию, когда государство становится бессильным и недееспособным. Вскоре после мартовского переворота в течение нескольких недель продолжался захват здания Верховного Суда, на что со стороны государства не последовало ни одной достойной упоминания реакции. На какое-то короткое время создалось впечатление, что страна надорвалась под тяжестью суверенитета. Аналогичные тревожные сигналы то и дело поступают из Узбекистана, с его мятежной Ферганской долиной, а также из Таджикистана, где регионы отчаянно терзают центральную власть, чтобы отхватить больше внимания, а значит, и больше политической и экономической поддержки.

До сих пор политические власти действовали с помощью кнута и пряника, причем с преобладающим использованием карательного аппарата. Это были излюбленные средства воздействия при советском господстве. В международном масштабе такие государства постепенно, но неумолимо движутся в направлении изоляции. Это пришлось почувствовать, прежде всего, Узбекистану после андижанских событий. На Западе у этой страны практически не осталось союзников, но она все же прилагает усилия по сокращению негативных последствий от происшедшего. Тем самым Узбекистан однозначно отличается от Туркменистана, который практически перестал реагировать на критику со стороны Запада.

В то время как в Казахстане нефтяные месторождения привлекают в страну крупные зарубежные инвестиции, двум небольшим государствам – Кыргызстану и Таджикистану – приходится бороться за выживание. После смены власти в Кыргызстане российские обозреватели даже ставили под сомнение будущее его как государства. Таджикистан также очень медленно приходит в себя после гражданской войны, длившейся до 1997 г. и унесшей более 50 тыс. человеческих жизней.

В регионе усилилось влияние иностранных государств, заинтересованных в его политической стабильности, а также в использовании имеющихся богатых энергетических ресурсов. Прежде всего среди них следует назвать США и Китай. Кроме того, после перехода власти в России от Бориса Ельцина к Владимиру Путину Кремль также активизировал свои отношения с так называемым ближним зарубежьем – бывшими советскими республиками. Это встретило одобрение местных правящих элит, весьма озабоченных государственными переворотами в бывших советских республиках – Грузии (2003 г.), на Украине (2004 г.) и в Кыргызстане (2005 г.).

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА – НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА

События в Андижане наглядно показали, насколько отличаются друг от друга позиции Центральной Азии и Запада в отношении плюрализма, прав человека и стабильности. В этом городе с населением 300 тыс. человек, расположенном в узбекской части Ферганской долины, вооруженные люди в ночь на 13 мая 2005 г. освободили заключенных из тюрьмы. Причиной послужило предстоящее вынесение судебных приговоров 23 успешным и популярным бизнесменам, которые состояли в организации «Акрамия», обвиняемой в исламском фундаментализме. Все они находились под стражей в этой тюрьме. Инициаторы восстания, среди которых, возможно, были родственники и знакомые этих бизнесменов, заняли здание местной администрации, захватили заложников и потребовали соблюдения прав человека, освобождения, якобы, невиновных заключенных.

Одновременно на площади перед зданием областной администрации собралась толпа людей, требовавшая улучшить экономическое положение. По сообщениям ОБСЕ и Human Rights Watch, они были уверены, что на переговоры к ним выйдет Президент Каримов, находившийся на тот момент в городе.

Однако, по свидетельству ОБСЕ и Human Rights Watch, в ответ последовала кровавая расправа с применением оружия, погибло около 500 человек, в основном гражданского населения. Узбекская сторона абсолютно иначе комментирует данные события, а именно:

что воинственно настроенные демонстранты были остановлены силой оружия, так как их целью было осуществить организованный исламскими террористами государственный переворот. По последним официальным данным, погибло 187 человек, в основном террористы и сотрудники правоохранительных органов.

С тех пор в узбекской прессе публикуются письма бизнесменов, юристов, ученых и даже директоров театров, в которых они отмечают мужество и прозорливость, проявленные Президентом Каримовым в тот день, а Запад, особенно США, упрекают в использовании двойных стандартов, потому что в западных СМИ андиганские террористы изображаются борцами за свободу. В действительности же, как утверждает официальная пресса, в Узбекистане была предупреждена попытка государственного переворота и остановлена волна «цветных революций» в республиках бывшего Союза.

Где же парламентский контроль, где критический комментарий в прессе, где судебный иск против государства со стороны хотя бы одного потерпевшего? Ведь во всех странах Центральной Азии демократия закреплена в конституциях. Гарантируется независимость каждой из трех ветвей власти – исполнительной, законодательной и судебной, а также права и свободы граждан, в том числе свобода собраний и свобода слова. Контроль над осуществлением этих гарантированных прав возложен на президентов, в руках которых сосредоточена государственная власть.

Спустя 14 лет с момента обретения суверенитета у государств Центральной Азии все еще отсутствует независимая правовая система, независимый парламент, парламентский контроль над службами безопасности и органами милиции, независимая пресса, а также свободные и справедливые выборы. Общество бюрократизируется, партии большей частью являются послушным инструментом в руках министерств или президентской администрации.

Надежда западных государств на то, что изгнание талибов из Афганистана и оказанная в связи с этим партнерская помощь, в первую очередь от США, подвигнет местные режимы на установление у себя многообразия политических структур, оказалась преждевременной. Этого не произошло, во-первых, из-за слабости оппозиции, которая слишком часто забывала о конструктивных предложениях, занимаясь в основном общей критикой. Западная помощь зачастую выделялась просто по разнарядке, без учета целевого использования этих средств. Во-вторых, преграды создавались самими политическими лидерами, мало заинтересованными в глубоких реформах и смене власти.

Смена власти в государствах Центральной Азии таит в себе множество рисков для их президентов. В этом случае они теряют не только политическую, но и экономическую власть, и тогда уже никто и ничто не гарантирует их личную безопасность. Несмотря на то что

некоторые республики в своих конституциях закрепили иммунитет главы государства, тем не менее, его можно запросто отменить решением большинства (2/3) голосов парламента. В первую очередь, именно по этой причине политические реформы в центральноазиатских республиках заканчиваются там, где начинается вопрос о сохранении власти правящих кругов.

На сегодняшний день в Центральной Азии не представляется возможным решить вопрос о преемственности власти по примеру России – назначить на должность лояльного политика, или по примеру Азербайджана – возвести на престол одного из членов семьи. Дочь президента Казахстана Дарига Назарбаева, будучи лидером партии «Азар» (Единство), на последних парламентских выборах осенью 2004 г. смогла набрать всего 11% голосов избирателей по партийным спискам, по которым распределялись лишь 10% от общего числа депутатских мандатов. Однако Назарбаев не отступил от своей идеи и летом 2005 г. назначил своего зятя Рахата Алиева, мужа дочери Дариги, на пост первого заместителя министра иностранных дел. Но ведь в Кыргызстане весной 2005 г. народ вышел на улицы еще и потому, что дети бывшего тогда президентом Аскара Акаева – Айдар и Бермет – были избраны в парламент и, таким образом, назрела тенденция передачи президентской власти по династической линии.

У парламентских выборов в государствах Центральной Азии, проходивших в 2004 и в 2005 г., одно было общим: наблюдатели от ОБСЕ, в состав которой входят и центральноазиатские республики, охарактеризовали их как несвободные, несправедливые и непрозрачные. Туркменистан же вообще запретил доступ международных наблюдателей на свои выборы. В то же время наблюдатели от СНГ хвалили выборы, называя их демократическими. Президент Узбекистана Ислам Каримов в день выборов даже посоветовал ОБСЕ не создавать искусственно структуру, которой в его стране не существует. Имелось в виду оппозиционное движение.

Оппозиционное движение официально не разрешено ни в Туркменистане, ни в Узбекистане. Права человека здесь нередко нарушаются, международные организации, такие как Human Rights Watch и Freedom House, отмечают наличие запретов на занятие профессиональной деятельностью, отказов в разрешении на выезд за границу, не прекращаются побои и пытки заключенных, приводятся в исполнение приговоры о смертной казни. Несмотря на то что в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане партии, находящиеся в оппозиции к правительству, получили регистрацию на парламентских выборах, их результаты оказались намного ниже имеющегося у этих партий потенциала.

Закономерно, что население одной из этих стран – Кыргызстана – восстало: 24 марта 2005 г. там произошел государственный переворот.

Импульсом послужило вмешательство властей в парламентские выборы, а поводом – массовое недовольство населения.

Государственная власть в течение нескольких часов находилась в коллапсе, а президент Акаев бежал в Москву, откуда посредством видеозаписи заявил о своей отставке. На новых выборах 10 июля 2005 г. временно исполняющим обязанности президента стал Курманбек Бакиев, собравший почти 90% голосов. Причиной недовольства преимущественно был авторитарный режим правления Акаева, который еще в 2003 г. посредством референдума утвердил для себя третий срок президентства – до 2005 г. Однако ему не удалось ни построить правовое государство, ни взять под контроль разгул коррупции.

Также был утерян баланс между развитым Севером, где находится столица Бишкек, и во многих отношениях отсталым Югом страны, что в Ферганской долине. Волнения начались в окрестностях Оша и Джалалабада. Именно там, в селе Аксы, в 2002 г. уже произошло столкновение между милицией и населением, при этом погибло шесть человек. Милиция тогда подверглась резкой критике, и теперь, спустя три года, она воздержалась от вмешательства.

Чтобы сгладить противоречия между должными и реальными взаимоотношениями государства и общества, правительства этих стран говорят о «восточных демократиях», «авторитарных демократиях» и об «эволюции» вместо «революции». Наверное, именно поэтому Президент Туркменистана Сапармурад Ниязов за период своего четырнадцатилетнего правления отправил в отставку 59 заместителей премьер-министра страны. И именно поэтому средства массовой информации вещают только по указке властей.

О махинациях говорил и экс-спикер казахстанского парламента Жармахан Туякбай. После осенних выборов 2004 г. он сложил с себя все полномочия и примкнул к оппозиции. Его движение называется «За справедливый Казахстан», однако шансы на успех у него невелики. Оппозиция подвергается репрессиям со стороны властей, ее политические программы носят неконкретный характер, а политики от оппозиции часто конфликтуют друг с другом. Примером тому является популярная ранее партия «Ак-жол» (Светлый путь) в Казахстане, в рядах которой произошел раскол. Поэтому не удивительно, что в парламентах всех этих республик депутатское большинство составляют партии, поддерживающие президентскую политику.

Но граждане больше не воспринимают политиков, которых система по большей части превратила в бюрократов, а пытаются взять судьбу в свои руки. И не столько по политическим, сколько по экономическим мотивам. Осенью 2004 и весной 2005 гг. разгневанные жители Узбекистана выступили с протестом против произвола государства и невыплаты заработной платы, а в Кыргызстане народ добился даже смены государственной власти. С помощью Запада? Вряд ли.

И хотя правительство США с явным удовольствием вырисовывает на карте маршрут демократизации из Сербии в Грузию и из Украины в Кыргызстан и в Центральной Азии работают финансируемые американским МИДом неправительственные организации, однако их, порой наивный, способ насаждения западных моделей демократии не находит особой поддержки ни у населения, ни тем более у государственных структур. Клише «всегда хорошая оппозиция и всегда плохое правительство» не подходит для Центральной Азии. Еще хуже то, что теперь правительства этих стран используют в качестве предлога фактор иностранного влияния, чтобы усилить давление на гражданское общество, которое и без того слабо развито.

Три первых президента Казахстана, Туркменистана и Узбекистана – Нурсултан Назарбаев, Сапармурад Ниязов, Ислам Каримов и президент Таджикистана Эмомали Рахмонов с момента обретения своими странами независимости пытаются совместить несовместимое, а именно – западную модель демократии с системой правления, обеспечивающей правящим президентам практически бесконтрольную власть. При этом структуры государственной власти продолжают оставаться слабыми. Поэтому смена власти всегда таит в себе опасность дестабилизации. Сильны не сами государства, а лишь их президенты.

До сих пор президенту Назарбаеву, достойно подражания, удавалось заполучить в свой лагерь политически опасных противников. Так, Мухтар Аблязов, бывший лидер запрещенной в январе оппозиционной партии «Демократический выбор Казахстана» (ДВК), получил пост председателя правления второго по величине банка «Туран Алем». Благодаря фонтанирующим нефтяным источникам, в распоряжении президента имеются средства, позволяющие демонстрировать населению явные успехи в экономике и повысить заработную плату бюджетникам. Наряду с этим Назарбаев прислушивается к предложениям оппозиции и, по крайней мере, в виде наметок реализует их при осуществлении законодательной реформы, децентрализации власти, свободы печати – в этом он действует более уверенно, нежели его коллеги по ведомству в регионе.

От такого подхода резко отличается стратегия Ниязова, Каримова и Рахмонова. В кадровых вопросах Ниязов не готов идти на компромисс, в Туркменистане опальные министры часто подвергаются критике и освобождаются от должностей в прямом эфире.

Каримов в Узбекистане действует по-помещичьи. Только в 2004 г. он освободил от должности восемь из 14 хокимов областей республики. Правда, только Каримову удастся сохранять равновесие между различными фракциями в стране, имеются в виду Ташкентский, Самаркандский и Ферганский регионы, и этот факт признается даже самими узбекскими политиками.

А Рахмонов, которому до последнего времени приходилось идти на политические компромиссы, удобные после завершившейся в 1997 г. гражданской войны, теперь со всей жесткостью выступает против бывших лидеров оппозиции. Обвинение предъявлено бывшему полевому командиру «Шейху», влияние которого еще сильно в вооруженных группировках, а также руководителю Демократической партии Махмадрузи Искандарову, насильно возвращенному в Таджикистан из политической эмиграции в Москве.

Этот метод ведения политики очень напоминает созданный Лениным демократический централизм. Государство и партия, в данном случае президентская, выстроены по иерархическому и централизованному принципу, решения спускаются сверху. Поэтому правящие круги государств Центральной Азии раздирают те же противоречия, что Советский Союз 90-х. На одной чаше весов находится положительный, с их точки зрения, опыт советского планового хозяйства и политического руководства, а на другой чаше – требования XXI века к политике и экономике. Место Центральной Азии было гарантировано в альянсе советских республик, но не гарантировано на мировом экономическом рынке и на международной политической арене. Тяжелым балластом к этому добавляются поиски своих исторических корней и самосознания. Силы внутри этого треугольника раздирают правительства всех стран Центральной Азии.

Их новые системы правления в разнообразных аспектах очень схожи с советской системой. Де-юре они демократические, а де-факто – авторитарные. Все решается узким кругом политиков. Граждане не привлекаются к принятию политических решений, потому что государство не доверяет им. Выборы таят в себе опасность, признался в одной из бесед советник Назарбаева. Такой подход оправдывают тем, что народ, якобы, еще не созрел для демократии. Лишь когда эта ситуация изменится, говорится в далеко не новом для истории обещании, вот тогда могущественные президенты будут готовы уступить часть своих полномочий парламенту.

И все-таки было бы ошибочным утверждать, что Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан абсолютно не желают проводить у себя никакие реформы. Имеют место структурные преобразования, в министерствах обсуждается западное понимание политики и их рекомендации по решению политических вопросов. Европа же, с присущим ей шармом, ненавязчиво предлагает модели, не требуя их незамедлительного внедрения. Но постоянный диалог тоже приводит к результатам. Относиться с иронией к созданию парламентов как театральной постановке было бы несправедливо.

Сможет ли вновь избранное кыргызское правительство во главе с Курманбеком Бакиевым претворить в жизнь новую политику, зависит от терпения народа. Необходимо срочно проводить административные

реформы, локализовать коррупцию. Для этого потребуется много мужества от одержавшего впечатляющую победу на выборах президента Курманбека Бакиева – уроженца юга, и премьер-министра Феликса Кулова – выходца с севера республики.

Однако наивно полагать, что политические барьеры в Центральной Азии хрупки. Наоборот, требуется проявлять выдержку в процессе налаживания доверительного сотрудничества. Примером является подписанный Президентом Каримовым давно ожидаемый на Западе, вступающий в действие, правда, лишь с 1 января 2008 г. указ об отмене смертной казни. Переговоры по данному вопросу велись на высшем уровне уже несколько лет представителями Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР), Комиссаром ООН по правам человека, правительствами стран-членов ЕС и США. Но до последнего времени они были безрезультатными. Может быть, прорыв в ситуации обеспечило стремление узбекского правительства вновь направить положительные сигналы в адрес Запада.

Данный факт сам по себе примечателен. Ведь теперь можно работать над практическим осуществлением этой идеи. Для осужденных на пожизненный срок необходимы новые пенитенциарные учреждения, а также новый подход в мышлении по отношению к проблеме занятости заключенных. Именно здесь Европа могла бы помочь конструктивными предложениями. И только тогда идея, возникшая предположительно из политического расчета, превратится в положительное политическое действие.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА – ПЛАНОВЫЙ РЫНОК

Макроэкономические системы стран Центральной Азии существенно отличаются друг от друга. Если в Казахстане происходит мощный подъем экономики, а Узбекистан в 2004 г. был к этому близок, то Кыргызстану и Таджикистану необходимо приложить для этого гораздо большие усилия. Обе эти страны имеют ВВП почти в 2,3 млрд долларов США. Это соответствует десятой части годовой прибыли американского мирового концерна Exxon Mobil. Кыргызстан имеет внешний долг, равный почти 100% ВВП республики. О богатом нефтегазовыми месторождениями Туркменистане невозможно получить объективные экономические данные, поэтому эта страна больше не учитывается в сравнительном анализе политического и экономического развития центральноазиатских стран в газете «Казахстан и центральноазиатское обозрение», издаваемой Институтом Frankfurter Allgemeine Zeitung.

Причина таких глубоких контрастов таится в различии запасов полезных ископаемых. Казахстан оснащен такими запасами нефти, которые уже несколько лет подряд дают стране ежегодный

экономический рост более 9%. Проложены трубопроводы, по которым казахстанская нефть перебрасывается в Западную Европу по территории России (Каспийский трубопроводный консорциум), а также и в западные провинции Китая.

Реальные промышленные запасы нефти в Каспийском бассейне составляют около 40 млрд баррелей, четверть из них принадлежит Казахстану, что составляет около 4% общемировых запасов, а месторождения природного газа составляют почти 6 трлрд куб. метров и почти равномерно распределены между Казахстаном, Туркменистаном и Узбекистаном – это также почти 4% общемировых запасов газа. Российский промышленный гигант «Газпром» в 2003 г. заключил с Узбекистаном и Туркменистаном соглашение о реализации газа, чтобы удовлетворить растущую потребность в Европе.

Насколько впечатляющ экономический подъем Казахстана, настолько велики для страны риски, которые таит в себе ее нефтяное богатство. Зависимость страны от одного вида сырья таит в себе опасность централизации политической власти, коррупции и отхода от плюрализма и демократии. По данным сравнительного анализа Transparency International, все страны этого региона находятся в нижней трети шкалы рейтинга коррумпированности. Баллы по шкале от 10 (практическое отсутствие коррупции) до 0 (высокая степень коррумпированности) распределяются следующим образом: Узбекистан – 2,3; Таджикистан и Туркменистан – по 2,0. Для сравнения, Россия – 2,8 и Латвия – 4,0.

Несмотря на то что наблюдается развитие экономики этих стран, сопровождаемое экономическим ростом и преобразованиями в сфере услуг, тем не менее, доля ВВП на душу населения в небольших республиках продолжает оставаться на низком уровне: 330 долларов США в Кыргызстане и 190 – в Таджикистане. Для сравнения, в Молдавии, одной из беднейших стран Европы, этот показатель составляет 590 долларов США. В 2005 г. Парижский клуб списал Кыргызстану внешний долг в размере 124 млн долларов. Наряду с этим российские инвесторы заинтересованы в расширении мощностей местных гидроэлектростанций в целях поставки электричества в отдаленные районы Сибири.

Между тем, в соперничестве за экономическое лидерство в регионе между девятой по величине страной в мире – Казахстаном – и самой густонаселенной страной в регионе, с 25-миллионным населением – Узбекистаном – уже наметился победитель. Необходимо заметить, что хотя обе страны своевременно погасили свои международные долги по кредитам, однако только Казахстан именуют «кабиной пилота» и «локомотивом» Центральной Азии: объем внешней торговли Казахстана с 1995 по 2003 г. увеличился втрое.

Узбекистан, занимающий второе место в мире по экспорту хлопка, ввел в 2003 г. конвертацию национальной валюты – сума. Ожидаются

российские и китайские инвестиции в нефтегазовый сектор. Однако когда осенью 2004 г. в Ташкенте закрылось Представительство немецкой экономики, в то же самое время Международный валютный фонд отозвал из Казахстана своего представителя, но совсем по другой причине: было установлено, что Казахстан располагает достаточным объемом национального капитала, и в первую очередь прямыми инвестициями. До 2004 г. в Казахстан поступило иностранных инвестиций на сумму около 19 млрд долларов США, что составляет более трети всего объема инвестиций в страны СНГ.

Основные экономические показатели по государствам Центральной Азии

	Казахстан		Кыргызстан		Таджикистан		Узбекистан	
	2003	2004	2003	2004	2003	2004	2003	2004
ВВП (млрд долл. США)	30,8	40,7	1,9	2,2	1,6	2,1	8,6	11,9
Рост ВВП (в %)	9,3	9,4	6,7	7,1	10,2	10,6	4,4	7,7
Госбюджет (сальдо, в % к ВВП)	-1,0	-0,3	-5,0	-4,1	-1,8	-2,7	-0,6	-2,0
Торговый баланс (сальдо, в % к ВВП)	11,9	16,7	-7,0	-7,8	-7,7	-6,5	9,7	10,1
Инфляция (в %)	7,0	7,0	3,1	4,1	16,3	6,8	10,3	15,0
Внешняя задолженность (в % к ВВП)	74,2	78,6	102,3	110,1	66,3	39,6	48,2	32,6
Население (на конец 2004 г., млн)	15,1		5,1		6,5		26,0	
Площадь (кв. км)	2 717 300		198 500		143 100		447 400	

Источник: Ежегодник Spiegel, 2004 г. Института FAZ.

*Достоверные экономические данные по Туркменистану отсутствуют. Все данные использовать с осторожностью, т.к. даже данные международных кредитных институтов, на которые ссылается Институт FAZ, являются официальными и их трудно проверить.

Такие крупные международные кредитные институты, как Всемирный Банк, МВФ и ЕБРР предпринимают большие усилия для сокращения административных и политических ограничений, которые

мешают, в первую очередь, региональному сотрудничеству. В некоторых странах сопротивление открытию внутреннего рынка для зарубежных компаний было столь велико, что деятельность ЕБРР, например, в Узбекистане, с 2003 г. значительно сократилась, а другие финансовые институты большей частью сфокусировали свою деятельность на борьбе с бедностью.

Объем внешней торговли Германии с государствами Центральной Азии, за исключением Казахстана, незначителен. В целом объем торговли с бывшими советскими республиками увеличился на 19%, а с Казахстаном – почти на 40%. Обладая внешнеторговым оборотом почти в 3 млрд евро, Казахстан занимает третье место после России и Украины. В сравнении с этим выраженные в евро внешнеторговые показатели остальных стран довольно скромны: Таджикистан – 27 млн, Кыргызстан – 40 млн, Туркменистан – 200 млн и Узбекистан – 230 млн.

Государство держит контроль над экономикой, чтобы предотвратить возникновение экономической элиты, которая затем станет претендовать на политическую власть в стране, а также чтобы сохранить право на распределение денежных средств по собственному усмотрению. Такая планово-рыночная экономика быстро дошла до своих пределов. До тех пор, пока банки будут выдавать приоритетные крупные кредиты, ориентируясь только на политическую конъюнктуру, у среднего бизнеса не будет шанса на развитие. Кроме того, рентабельные компании также рискуют быть прибранными людьми, обладающими политической властью.

Учитывая вышеизложенное, остается открытой проблема создания рабочих мест. За прошедшие годы увеличилась миграция трудовых ресурсов как в пределах Центральной Азии, так и в Россию. Миграция прежде всего коснулась Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана. Увеличился уровень безработицы именно среди молодых мужчин. Почти миллион таджиков и до 700 тыс. кыргызов работали за рубежом. Предполагается, что число узбеков столь же высоко. Только в Таджикистане за прошлые годы объем банковских переводов за год зарплат таджикских гастарбайтеров оценивается в миллиард долларов США, что представляет собой значительный вклад в экономику и стабильность этой страны.

РЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: СОМНЕНИЯ ВМЕСТО ДОВЕРИЯ

Если судить по числу вновь образованных региональных коалиций, то с сотрудничеством у государств Центральной Азии дело обстоит неплохо. В мае 2001 г. было создано Евразийское экономическое сообщество, в которое вступили Казахстан, Кыргызстан, Россия, Таджикистан и Беларусь. Годом позже Центральноазиатское экономическое сообщество ЦАЭС было преобразовано в Организацию центральноазиатского сотрудничества (ОЦАС), к которой присоединились четыре государства: Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан. А в 2005 г. Президент Казахстана Назарбаев предложил создать региональный союз.

Но деятельность этих коалиций, нацеленная прежде всего на развитие экономического сотрудничества, была практически безрезультатной. Более того, торговля между центральноазиатскими странами развивалась гораздо медленнее, чем внешняя торговля в других направлениях. Причиной тому торговые ограничения, высокие ставки таможенных платежей, а также приоритет безопасности перед свободой торговли. Межгосударственные границы периодически без предупреждения закрывались. Это отпугивало международных инвесторов.

Поскольку все пять стран Центральной Азии не имеют прямого выхода к морю, то все они ставят перед собой цель освоения торговых путей в соседние, не центральноазиатские страны: Казахстан – в Россию и Беларусь, Кыргызстан и Таджикистан – в Китай, Узбекистан – в Афганистан и Иран, в последних также заинтересован Туркменистан. В остальном же эта страна с диктаторским режимом правления полностью отмежевывается от соседей по региону и существует в изоляции от мирового сообщества.

Прочие страны Центральной Азии объединяет политика безопасности. Стали чаще организовываться встречи между руководителями органов безопасности, в первую очередь под влиянием террористических актов в Узбекистане. Малые государства – Кыргызстан и Таджикистан – первыми пришли к преобладающему убеждению, что без помощи крупных соседей – России и Китая – невозможно обеспечить долгосрочную стабильность в регионе. В 2004 г. в Душанбе Россия присоединилась к ОЦАС. А уже летом 2001 г. была создана Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), учредителями которой, наряду с Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном и Узбекистаном, стали Китай и Россия. Добавив к ним имеющих статус наблюдателей Индию, Ирак и Пакистан, можно считать, что в эту государственную коалицию входит более половины населения земного шара.

ШОС фокусирует свою деятельность, прежде всего, на вопросах сотрудничества в сфере безопасности, а значит, и борьбы с терроризмом. Так, в 2004 г. в Ташкенте был торжественно открыт Центр ШОС по борьбе с терроризмом. Это не было случайностью. Узбекистан, который после обретения независимости был скептически настроен по отношению к России и Центральной Азии, должен более интенсивно интегрироваться в регион.

Но эта самая густонаселенная республика Центральной Азии сделала основную ставку не на торговые отношения, а на безопасность. В том числе и поэтому все еще не существует прямого воздушного сообщения между узбекской и таджикской столицами – Ташкентом и Душанбе. Узбекское правительство постоянно обвиняет своего соседа в том, что он не принимает решительных мер против предполагаемых террористов. По этой причине целые участки общей границы заминированы.

Противоречие между стремлением к усилению сотрудничества в области безопасности, с одной стороны, и все еще заминированными границами, с другой, является трудноразрешимым. Пожалуй, единственное объяснение этому содержится в политике Узбекистана, который возводит в приоритет безопасность только собственных границ и питает глубокое недоверие именно к Таджикистану, в меньшей степени – к Казахстану и Кыргызстану.

Страны Центральной Азии не нашли общей концепции и в отношении своего южного соседа Афганистана. Вновь преобладают интересы безопасности, а также недоверие в отношении государства, внутривнутриполитическая стабилизация которого развивается слишком медленно. В Узбекистане предполагают, что боевики Исламского движения Узбекистана скрываются в пуштунских племенах на афгано-пакистанской границе.

Вода также является причиной раздоров в регионе. Две реки снабжают Центральную Азию водой. Амударья на юге, берущая начало в Таджикистане и снабжающая водой Узбекистан и Туркменистан, а также Сырдарья, берущая начало на севере Кыргызстана и обеспечивающая водой Казахстан и Узбекистан. Таким образом, государства-водопользователи – Казахстан, Туркменистан и Узбекистан – в прямом смысле лежат под капельницей. Узбекистан и Туркменистан более других нуждаются в водных ресурсах для нужд сельского хозяйства, в основном для полива посева хлопчатника. Однако из-за морально устаревших поливных каналов вода, являющаяся ограниченным благом, тратится расточительно. На протяжении прошлых лет постоянно возникали проблемы с водопользованием, которые решались лишь в аварийном порядке, а не на долгосрочную перспективу. Зимой Кыргызстан проводит плотинный водоспуск в целях выработки электроэнергии. Но Узбекистану вода требуется летом, а не зимой. В начале 2004 г.

произошел типичный инцидент. Вода в расположенном на границе между Казахстаном и Узбекистаном Чардаринском водохранилище перешагнула максимально допустимую уровневую отметку, в связи с чем не исключалась возможность наводнения. Оказалось, что в Кыргызстане имел место внеплановый водосброс в целях выработки электроэнергии, так как ни Казахстан, ни Узбекистан не осуществили достаточную поставку электроэнергии в нарушение существующей между этими государствами договоренности. Чтобы предотвратить прорыв плотины, из водохранилища было сброшено больше воды, чем обычно, в связи с чем произошел паводок в нижнем течении Сырдарьи.

Но конфликтный потенциал несут в себе не только случающиеся в регионе кризисные ситуации, но также и последствия форсированного экономического развития западного Китая, для нужд которого отбирается вода из Иртыша. Ведь испытываемая Китаем жажда может означать то, что питаемое водами Иртыша озеро Балхаш в Казахстане достигнет та же участь, что и Аральское море – высыхание. Подписанное в сентябре 2001 г. межправительственное соглашение устанавливает, что Китай имеет право отбирать лишь 10% водного баланса Иртыша.

Чтобы спасти хотя бы часть Аральского моря, в конце 2002 г. стартовал проект, целью которого является отделение малой северной части Аральского моря от большого южного резервуара. Южный резервуар Арала теперь вряд ли можно спасти, считают эксперты, поскольку из-за авантюрного строительства водохранилища «Золотой век» в Туркменистане из Амударьи будет забираться еще больше воды. Далекий от реальности и представленный в 2003 г. план московского мэра Юрия Лужкова, предусматривающий переброс сибирской реки Обь через Казахстан в Узбекистан. Этот план, еще в 60-е годы будораживший умы советских чиновников, в принципе считался давно уже погребенным.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА – «ОКНО НА ВОСТОК»

Сам термин «Центральная Азия», которым обозначается территория между реками Сырдарья и Амударья, предполагает, что этот регион расположен не на периферии, а окружен влиятельными соседними государствами: Россия – на севере, Китай – на востоке, Афганистан, Иран и Турция – на юге. Эти крупные страны на протяжении столетий оказывали свое влияние.

А после распада Советского Союза и террористического акта 2001 г. в эту группу государств вошла и сверхдержава США. В то же время, выступая в мае 2003 г. в Ташкенте на ежегодном собрании директоров Европейского банка реконструкции и развития, Президент Узбекистана И. Каримов высказал следующее предостережение: «Центральная

Азия не должна стать площадкой для геополитической конкуренции и формирования военно-политических блоков».

При этом И. Каримов ссылаясь на так называемую «Большую игру», когда в XIX в. Российская империя и Британская корона боролись за господство в этом регионе. В проигравших оказались ханства – местные государственные образования, часть населения которых пострадала от вторжения царских войск. На сегодняшний день центральноазиатские государства претендуют на независимое существование и самостоятельное распоряжение своими природными ресурсами, покончив со своим статусом объектов мировой истории.

Все страны этого региона стараются уравновесить прагматические интересы влиятельных держав – США, России и Китая. Кыргызстану это удастся замечательным образом. Там лишь 25 км отделяют военную базу американцев в Манасе от российской базы в Канте, расположенной вблизи от кыргызской столицы.

Американские военные формирования будут дислоцироваться в Центральной Азии столько времени, сколько потребует того ситуация на Гиндукуше. Об этом неоднократно заявлялось со стороны официальных ведомств США с момента создания военной базы в 2002 г. Антитеррористическая коалиция также имеет свою базу в Ханабаде, недалеко от города Карши на юге Узбекистана, где дислоцировано порядка 1000 человек из числа американского военного контингента. Все военные базы служат центрами материально-технического снабжения войск в Афганистане. Ту же функцию в рамках ISAF выполняет и германская военная база Бундесвера с 300 солдатами, расположенная в южном узбекском городе Термезе, рядом с узбекско-афганской границей.

Германия заинтересована в обеспечении стабильности и безопасности в этом регионе. Из всех стран ЕС только Германия имеет свое посольство в каждой республике Центральной Азии. Правительства этих республик ожидают для себя сдержанной, но в то же время эффективной внешней политики именно от Германии, а не от Европейского Союза, потому что за ним закрепилась слава бюрократа. Представительство Европейской комиссии в Казахстане, отвечающее также за Кыргызстан и Таджикистан, в политическом плане ведет себя весьма сдержанно. И это несмотря на то, что часто выражается желание построить региональное сотрудничество по образцу Европейского Союза. Глава дипломатического ведомства Казахстана Касымжомарт Токаев не перестает удивляться непонятной порой сдержанности Берлина в отношении Центральной Азии.

После событий в Андижане Брюссель ввел у себя должность особого уполномоченного по делам Центральной Азии. Эта мера должна символизировать высокую инициативу ЕС. Однако ЕС должен задаться вопросом, а чьи, собственно, интересы он защищает в далеко не бедном энергетическими ресурсами регионе? Или Европа преподносит себя как

покровительница демократии и прав человека? Но как в таком случае следует расценивать совпадение в высказываниях Комиссара ЕС по внешним связям Криса Паттена и германского министра обороны Петера Штрука о том, что безопасность Европы защищается на Гиндукуше? Они ссылаются на Афганистан, но Центральная Азия, если смотреть из Кабула, находится как раз между Европой и Афганистаном.

Иначе обстоит дело с Россией. В 2004 г. под эгидой Договора о коллективной безопасности СНГ Москва разместила в Таджикистане, недалеко от Душанбе, российскую военную базу. Речь идет о 201-й мотострелковой дивизии, которая до этого контролировала границу с Афганистаном и впоследствии была сменена таджикскими пограничными отрядами. В Таджикистане также дислоцировались военнослужащие из контингента руководимой США антитеррористической коалиции.

Первоначальная радость Узбекистана по поводу обретения могущественного союзника в лице США и приема Президента Каримова в Белом доме Президентом Бушем, несколько поубавилась после событий «цветной революции» в бывшей советской республике Грузии. А после последовавших один за другим переворотов на Украине и в Кыргызстане она уменьшилась еще больше. Прежде всего это коснулось общественно-политического влияния Вашингтона.

Когда затем США провели форсированную эвакуацию 439 узбекских граждан, бежавших после беспорядков в Андижане в соседний Кыргызстан, последовала незамедлительная реакция Президента Каримова. Через Министерство иностранных дел он обратился к американцам с просьбой покинуть до конца года военную базу в Ханабаде. В вербальной ноте указывалось, что в требовании США о проведении международного расследования по поводу событий в Андижане, а также в мерах по эвакуации узбекских граждан в Румынию узбекское руководство усматривает вмешательство во внутренние дела государства, не признает статус беженцев данных граждан и настаивает на их репатриации.

Резкое отдаление от США было подтверждено соответствующим заявлением на саммите ШОС в казахстанской столице г. Астане 5 июля 2005 г. В заявлении говорилось, что политическая ситуация в Афганистане стабилизировалась, в связи с чем необходимость присутствия американских военных баз исчерпана. Страны Центральной Азии с недоверием наблюдают за экспортом демократической модели США и ограничивают радиус действия американских неправительственных некоммерческих организаций. В их адрес выдвигаются обвинения о вмешательстве во внутренние дела государства. Можно быть уверенными, что Китай и Россия не будут выступать с такими инициативами и уж тем более с критикой по поводу нарушения прав человека. Однако правительства центральноазиатских

стран охотно продолжают консультироваться у США по вопросам безопасности и экономики.

Осенью 2004 г. в поездке по региону находился генеральный секретарь НАТО Яап де Хооп Шеффер, целью которой была демонстрация значимости данного региона для безопасности Европы, а также переговоры о предоставлении прав на использование транзитных маршрутов для переброски контингента НАТО в Афганистан. Все страны Центральной Азии присоединились к программе «Partnership-for-Peace» (Партнерство во имя мира). Президент Назарбаев, как и другие президенты стран региона, выступил против войны в Ираке, однако затем единственный из них отправил небольшой контингент военнослужащих в Ирак.

В то же время американские компании активно участвуют в нефтяном бизнесе на Каспийском шельфе и входят в консорциумы по освоению Тенгизского (фактический запас до 9 млрд баррелей) и Кашаганского (прогнозный запас 38 млрд баррелей) нефтяных месторождений. Вероятно, в том числе и по этой причине интересы различных стран сфокусированы именно на этом, девятом по величине, государстве мира. В Казахстане Запад видит внешнеполитический «якорь стабильности» для этого беспокойного региона. Своим визитом в декабре 2003 г. канцлер ФРГ г. Шрёдер подчеркнул эту позицию.

В источниках энергоресурсов также заинтересован Китай, который с их помощью планирует осуществить развитие своей западной провинции Синьцзян и тем самым успокоить проживающих в ней уйгуров, стремящихся к независимости. Китай сделал своей стратегической задачей освоение различных видов энергоресурсов. Прокладку нефтепровода Атасу–Алашанкоу, соединяющего западный Казахстан с Китаем, планируемой к завершению в декабре 2005 г. В этом проекте Казахстан играет малую, но, вместе с тем, значимую роль.

Энергетические запасы Казахстана нельзя сравнить с запасами стран Ближнего Востока, но казахстанские месторождения географически выгодны для Китая. Кроме того, Казахстан является мостом между Пекином и Москвой. К тому же Пекин заинтересован в стабильных тылах со стороны Центральной Азии. Этим и объясняется его столь активное участие в ШОС, а также поддержка реакции узбекского правительства на события в Андижане и открытые планы о размещении китайского военного контингента на кыргызской территории Ферганской долины.

Однако в регионе продолжает существовать недоверие к Китаю. Государства Центральной Азии всегда смотрели в сторону Москвы, когда думали о защите своей безопасности. Поначалу это казалось странным, так как после обретения независимости в 1991 г. никто и в мыслях не допускал возможности повторного сближения с этой колониальной державой. Но существовавшая поначалу антироссийская риторика стала постепенно утихать, а именно: малые республики – Кыргызстан

и Таджикистан – получили не только гарантии безопасности, но и перспективу на увеличение объема капитальных инвестиций.

Свои первые зарубежные поездки в 2004 и 2005 гг. Владимир Путин осуществил в Казахстан, а в 2004 г. он побывал с визитами в Бишкеке, Душанбе и Ташкенте. Узбекистан стал стратегическим партнером России, с Казахстаном была достигнута договоренность об аренде космодрома «Байконур» на последующие 50 лет, а Кыргызстану и Таджикистану Россия обещала крупные инвестиции в строительство гидроэлектростанций.

С расширением Евросоюза на Восток рынки сбыта продукции российского производства сократились. Надо защищать оставшиеся, считает Анатолий Чубайс, председатель правления могущественного российского энергетического концерна. Это он в 2004 г. ввел в практику понятие «российский либеральный империализм». Республики Центральной Азии всегда имели большое экономическое и политическое значение для Москвы. Если Борису Ельцину пришлось заботиться о сохранении Российской Федерации, то взор Владимира Путина направлен на зарубежье. Две внешние военные базы за пределами российской государственной территории находятся в Кыргызстане и Таджикистане.

Российская стратегия также направлена на борьбу с терроризмом. Москва предполагает наличие контактов между афганскими и чеченскими боевиками. При этом возможным тылом для них считается Казахстан, где проживает чеченская диаспора, сохранившаяся здесь со времен депортации целого народа, которую в 1940–е годы провели по приказу И. Сталина.

Наряду с опасностью терроризма Москву беспокоит и наркоторговля. Южный сосед Таджикистана – Афганистан производит почти две трети общемирового объема опиума. Так, за прошедшие годы объем его транспортировки по северному маршруту, через Центральную Азию, увеличился, по сравнению с торговым коридором через Иран, что ставит под угрозу развитие региона. Огромное количество наркотиков завозится в крупные российские города.

Страны Центральной Азии отреагировали оперативно. Кыргызстан создал Агентство по контролю за оборотом наркотических средств, Казахстан – Комитет по контролю и борьбе с наркоторговлей при Министерстве внутренних дел, Туркменистан издал Закон об ответственности за реализацию и использование наркотических средств, а Узбекистан подписал соглашение о партнерстве с США в борьбе с наркоторговлей. Наряду со странами ЕС, Германией и США российские службы также участвовали в программах, предусматривающих перехват наркокурьеров на таджикско-афганской границе длиной в 1344 км.

Тем временем политики и обозреватели в Москве и федеральных округах используют смену политических симпатий Каримова, до последнего времени критически настроенного по отношению к России, в качестве желанной возможности посадить США на место. С самого начала американский плацдарм в центральноазиатском «ближнем зарубежье» – так в России называют бывшие советские республики – был крайне нежелателен. Поэтому так сердечно Кремль обнимает узбекского президента – трудный политик Каримов изгоняет американцев из Центральной Азии.

Из всей ли Центральной Азии? Нет, маленький Кыргызстан воспротивился решению ШОС – там база США пока останется. Заверение в этом министр обороны Дональд Рамсфельд получил во время своего срочного июльского визита в Бишкек. Новый президент Бакиев также зависим от добрых отношений с Россией, но, вместе с тем, он не хочет отказываться и от финансовой помощи американцев. В 2004 г. Вашингтон перечислил 12,3 млн долларов в качестве компенсации за усиленный режим полетов, что составляет половину всех доходов аэропорта Манас.

Казахстан и Таджикистан также в дальнейшем будут стараться удерживать в равновесии влияние Запада и Востока. В одном известном российском фильме есть такая фраза: «Восток – дело тонкое». Уже ставшая пословицей, она всплывает в памяти каждый раз, когда в Центральной Азии принимаются решения, логика которых недоступна иностранцу. Но если раньше колониальная Россия с этим не считалась и навязывала свою волю, то теперь суверенные государства самостоятельно принимают все решения.

Разрывающееся между плановой и рыночной экономикой политическое руководство Узбекистана, весьма заинтересованное в признании Западом своего пути реформ, отреагировало на жесткую критику западных правительств новым внешнеполитическим курсом, предусматривающим отмежевание от США и осторожный диалог с ЕС, а также, с другой стороны, сближение с Китаем и более тесное сотрудничество с бывшим колонизатором Россией.

При этом необходимо заметить, что круг лиц, принимающих решения, довольно узок. Народ не участвует в принятии решений. Не исключено, что при смене власти может произойти новое радикальное изменение внешней политики. Как когда-то в России, спор за господство идет между двумя фронтами – Запад против Востока. Спустя почти три года прозападной ориентации наступает эпоха провосточной. При этом варьируются масштабы сближения: Казахстан и Кыргызстан и впредь открыты для Запада, Таджикистан – в меньшей степени, Узбекистан продолжает смотреть на Европу, однако уже тяготеет к Востоку, а Туркменистан и дальше углубляется в свой нейтралитет и изолированность.

Знаменитое «Окно в Европу» прорубил для России царь Петр Великий в XVIII веке. Спустя три столетия Президент Каримов, к великому удивлению многих, открыл «Окно на Запад». Но поскольку политический сквозняк начал его беспокоить, то он закрыл это окно, оставив только щель, и теперь напряженно всматривается в противоположное окно с видом на Восток. Вместе с ним и его коллеги по должности от Памира до Арала будут наблюдать за политической погодой в том же направлении. Ведь Москва тоже находится на Западе, если смотреть из Центральной Азии.

ИСЛАМ И АГРЕССИВНОЕ СВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО

Реакция узбекского руководства на беспорядки в Андижане последовала мгновенно. Ответственность возложили на исламских террористов, входящих в почти неизвестную до этого группировку «Акрамия». Эта группировка, якобы, имела контакты с «Хизб-ут-Тахрир» и с «Исламским движением Узбекистана». Российский министр иностранных дел Сергей Лавров указал также на возможность их контактов с Пакистаном и Афганистаном.

Преобладающее большинство граждан Центральной Азии исповедует суннитское течение исламской религии. В действительности же трудно определить, кто является верующим и придерживается религиозных заповедей Корана. Кажется, принцип географического деления Центральной Азии по религии на казахов, кыргызов и туркмен, которые в прошлом были менее религиозными кочевниками, а также на оседлых узбеков и таджиков, которые всегда были усердными верующими, в целом действует до сих пор. Исключение составляют южные области Казахстана и Кыргызстана, где преобладают этнические узбеки и ислам становится все популярнее.

Все государства региона выбрали светский путь развития. Исповедание ислама допускается в подконтрольном виде. Однако после терактов в далеком Нью-Йорке, Мадриде и Лондоне, а также в результате многолетнего опыта сосуществования бок о бок с режимом «Талибан» в Афганистане умеренные отношения между государством и исламом превратились в выраженно агрессивный секуляризм. Тем не менее, ислам, несмотря на сильное недоверие, использовался в контролируемых дозах как символ национального возрождения.

В первую очередь, в Таджикистане и Узбекистане ислам предоставляет одну из немногих возможностей заниматься оппозиционной деятельностью. Этим пользуются радикальные силы. В результате суицидальных террористических актов в Ташкенте погибло, по меньшей мере, 40 человек. Организаторы взрывов могли иметь контакты с террористическими организациями в Пакистане и Афганистане.

Опасность дестабилизации обстановки в Центральной Азии радикальными исламскими силами вполне реальна. Расследование, проведенное опытным американским журналистом Джонатаном Рэндалом, привело к выводу, что исламисты расценивают распад Советского Союза не как окончание холодной войны, а как начало экспансии ислама в Центральную Азию и на Кавказ. Светский режим правления, полностью контролирующий или обюрокрачивающий ислам, как это происходит в Таджикистане, предоставляет им для этого широкое поле деятельности.

Между тем организация по правам человека Human Rights Watch критикует узбекское правительство, применяющее непомерно жесткие меры уголовного наказания для мусульман, которые проявляют политическую активность, и таким образом наживающее себе собственных врагов. Государство очень быстро поставило на сторонников оппозиции клеймо террористов и гарантировало тяжелое наказание. В 2003 г. в тюрьмах отбывали наказание около 6000 заключенных. По оценке Human Rights Watch, в уголовном процессе сам обвинительный приговор суда не оставлял никаких сомнений, предметом разбирательства была лишь мера наказания.

На мушке у государства находятся члены радикальной организации «Хизб-ут-Тахрир», деятельность которой запрещена не только в Центральной Азии, но и с 2003 г. в Германии. Эта исламская организация поставила перед собой цель создания халифата. Начиная с конца 90-х годов она выступала с антисемитскими лозунгами. На сегодняшний день ее причастность к террористическим актам не доказана. После лондонских взрывов в июле 2005 г. официальная узбекская пресса с иронией высказывалась, что британское правительство само виновато в случившемся, поскольку штаб-квартира «Хизб-ут-Тахрир» находится в Лондоне.

Необычное исключение для Центральной Азии со времени окончания в 1997 г. гражданской войны в Таджикистане представляет собой Партия исламского возрождения (ПИВ). Она была разрешена на официальном уровне и, участвуя в парламентских выборах 2005 г., получила 2 из 63 депутатских мандатов. Заместителю лидера этой партии Мухиддину Кабири – харизматической личности – до сих пор удавалось поддерживать мирный диалог между радикально и умеренно настроенными членами. В то же время государство принимало жесткие меры против ислама. Так, в 2002 г. власти распорядились закрыть все мечети на севере страны – в Ферганской долине, когда в далекую тюрьму «Гуантанамо» на Кубе в качестве подозреваемых были доставлены трое граждан Таджикистана.

РЕЗЮМЕ

Бишкекская весна 2005 г. оставила следы в Центральной Азии. И не только в самом Кыргызстане, где, в отличие от Пражской весны, произошла смена власти, но и в соседних государствах – Казахстане, Таджикистане и Узбекистане. Совершенно незатронутым остался лишь Туркменистан, где безгранично царит Туркменбаши Сапармурад Ниязов.

Согласно аналитическому исследованию Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), поводом к перевороту в Кыргызстане послужили махинации на парламентских выборах. С момента обретения независимости в 1991 г. народ два раза спускал это с рук своим представителям. Но поскольку в стране не происходило никаких экономических и политических перемен, то вслед за последними парламентскими выборами последовали акты гражданского неповиновения на юге республики. Их волна докатилась до севера страны – столицы Бишкека, где штурмом было взято здание правительства. В течение нескольких часов правительство Аскара Акаева было свергнуто.

Причины для недовольства имеются во всех бывших советских республиках Центральной Азии. Здесь, как и в Кыргызстане, имели место махинации во время проведения парламентских выборов осенью 2004 г. и весной 2005 г. В узбекском городе Андижане произошло вооруженное восстание. Как было отмечено в отчете ОБСЕ, против состоявшейся затем мирной демонстрации правоохранительные органы применили оружие. Недовольство гражданского населения, которое редко проявляется открыто, было направлено против государственной политики, которая практически не учитывает интересы граждан. К тому же, разъяснение необходимости экономических реформ населению проводится не на должном уровне. Это продолжение советской плановой политики при государственной идеологии. Ее заменяют обращением к национальной истории, что, по идее, должно способствовать формированию национального самосознания. Однако консолидация общества через самосознание приведет в пустоту, если в экономике не произойдут реально ощутимые сдвиги.

Правительства все более усиливают контроль за гражданским обществом и его представителями – ННО. Целью является их бюрократизация и национализация. Независимое и критически настроенное общество нежелательно, государство не доверяет своим гражданам. По этой причине действующие политические партии являются, скорее, инструментом в руках правительства, нежели выразителями интересов народа. Политические элиты разрываются между советскими традициями и посткоммунистической независимостью. Чтобы окончательно не потерять ориентиры, они ищут свое национальное самосознание в многовековом прошлом.

Поскольку события «бишкекской весны» были расценены правительствами соседних государств как организованные извне, причем называется и имя организатора – США, то у местных властей усиливается предубеждение против участия граждан и органов гражданского самоуправления в управлении страной и принятии решений. Власти очень подозрительно относятся к деятельности местных ННО, видя в них исполнителей планов Запада. Существует опасение, что функция ННО – этого своеобразного «троянского коня» XXI века – направлена на усиление гражданского общества и на ослабление государства, т.е. правительства.

Параллельно с этим происходит смена внешнеполитических ориентиров. Если после террористических актов в Нью-Йорке и последовавшего затем начала войны с талибами в Афганистане центральноазиатские страны заявляли о своей солидарности с США, то теперь усиливается критика в адрес Запада, прежде всего США. Узбекистан требует вывода американского военного контингента из Ханабада, одной из двух американских военных баз в Центральной Азии.

Имена желаемых партнеров – Россия и Китай, которые вместе со странами этого региона входят в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС). Между собой у них полное взаимопонимание: все выступают за стабильность любой ценой, против любого вида критики, против международного терроризма. Опасность терроризма действительно существует. Но нередко при этом подразумевается внутривнутриполитическая оппозиция. Ее подавление и клеймение в качестве рассадника терроризма в недалекой перспективе может привести к политической нестабильности как на республиканском, так и на региональном уровне. В регионе явно не достаёт политической отдушины для недовольных.

Zentralasien: Stabilität um jeden Preis

Reinhard Krumm

POLITISCHER HINTERGRUND – ANSTRENGENDE SOUVERÄNITÄT

Die Länder Zentralasiens sind zum ersten Mal in ihrer Geschichte in die Unabhängigkeit entlassen worden. Erobert vom russischen Zarenreich in der zweiten Hälfte des 19. Jahrhundert, dann durch abenteuerlich gezogene Grenzen in sozialistische Republiken aufgeteilt, nahmen die fünf Republiken ihre unerwartet erlangte Souveränität nur zögernd an. Während Kasachstan und Kirgisistan forsch mit wirtschaftlichen Reformen begannen, hielten sich Turkmenistan und Usbekistan sehr zurück. Tadschikistan versank derweil in den Bürgerkrieg.

Zeitgleich nahmen die fünf Staaten Zentralasiens ihre Arbeit auf, nachdem das sowjetische Imperium zerfallen war. Und da die Regierungen die Legislaturperioden ähnlich festlegten, wählen die Bürger ihre Parlamente fast zeitgleich. Bisher war das keine internationale Schlagzeile wert, denn die Ergebnisse standen schon vor der Auszählung fest. Auch die letzten Abstimmungen verliefen nicht anders. Der Ausgang war erneut geplant, doch diesmal begehrte ein Volk auf, das kirgisische, und jagte im März 2005 seinen Präsidenten aus dem Amt.

Bis zu den Anschlägen vom 11. September 2001 in New York fand der Begriff Zentralasien selten seinen Platz in der internationalen Presse. Die Region war politisch in Vergessenheit geraten. Positive Schlagzeilen löste sie nicht aus. Denn den Republiken Kasachstan, Kirgisistan, Tadschikistan, Turkmenistan und Usbekistan gelang es in den neunziger Jahren nur sehr langsam, sich von der Erblast der sowjetischen Kolonialherrschaft zu befreien. Das Interesse der westlichen Länder konzentrierte sich fast ausschließlich auf die Erdöl- und Erdgasvorkommen in Kasachstan und Turkmenistan.

Der Krieg gegen das Taliban-Regime in Afghanistan veränderte die westliche Sicht auf Zentralasien schlagartig. US-amerikanische Truppen wurden im Rahmen der Operation «Enduring Freedom» in Kirgisistan und Usbekistan stationiert, eine deutsche Einheit in der usbekischen Stadt Termez unweit der afghanischen Grenze zur Unterstützung der International Security Assistance Force (ISAF). Im Gegenzug erwarteten westliche Beobachter eine Beschleunigung des Transformationsprozesses. Doch war es eine naive Annahme, dass Usbekistans Führung die Demokratisierung nach US-amerikanischem Muster zähneknirschend hinnehmen würde, um nur nicht die Militärhilfe zu verlieren und die Südgrenze durch den Krieg gegen die Taliban langfristig zu sichern.

Nach dem Fall der Taliban erhielten die zentralasiatischen Republiken der ehemaligen Sowjetunion die Möglichkeit, sich politisch und wirtschaftlich zu öffnen und weiter Abstand von Planwirtschaft und Kommandopolitik zu nehmen. Die Finanzhilfe westlicher Staaten spülte Geld in die knappen Kassen und wertete die Regierungen auf. Es entwickelte sich die häufig zitierte zweite Chance nach der Unabhängigkeit 1991. Die Staaten standen, so schreibt der Economist, am «Scheideweg»: Entweder marktwirtschaftliche Öffnung und das Streben nach Rechtsstaatlichkeit oder der Weg in die zunehmende Isolation mit der Gefahr von Bürgerkriegen und des Scheiterns als souveräne Nationalstaaten.

Die Kirgisen erhielten einen Vorgeschmack auf eine Situation, in der der Staat nicht mehr handlungsfähig ist. Nach dem Umsturz im März 2005 wurde das Oberste Gericht für mehrere Wochen besetzt, ohne eine erwähnenswerte Reaktion des Staates. Es schien für kurze Zeit, als ob die Souveränität das Land überfordert hätte. Ähnliche Warnrufe erklingen immer wieder auch aus Usbekistan mit dem rebellischen Fergana-Tal und aus Tadschikistan, wo die Regionen verzweifelt versuchen, das Zentrum unter Druck zu setzen, um mehr Aufmerksamkeit und damit politische und wirtschaftliche Unterstützung zu erhalten.

Bisher reagierten die politischen Entscheidungsträger mit Zuckerbrot und Peitsche, wobei letzteres überwog. Das war auch das bevorzugte Instrumentarium sowjetischer Herrschaft. Seine Anwendung führt all-mählich zu internationaler Isolation. Das musste vor allem Usbekistan nach den Ereignissen in Andischan spüren. Das Land steht im Westen fast allein da, müht sich jedoch um Schadensbegrenzung. Damit unterscheidet es sich von Turkmenistan, das auf westliche Kritik fast nicht mehr reagiert.

Während in Kasachstan die Erdölvorkommen hohe Auslandsinvestitionen ins Land bringen, mühen sich vor allem die beiden kleinen Staaten Kirgisistan und Tadschikistan um ihr staatliches Überleben. Nach dem Machtwechsel stellten russische Kommentatoren die Zukunft des kirgisischen Staates sogar in Frage. Und Tadschikistan erholt sich nur sehr langsam von einem Bürgerkrieg, der bis 1997 andauerte und über 50 000 Menschenleben forderte.

Im Interesse einer sicherheitspolitisch stabilen Region und getrieben von der Hoffnung auf Nutzung der reichhaltig vorhandenen Energiequellen nahm der Einfluss ausländischer Staaten zu. Dabei sind vor allem die USA und China zu nennen. Und mit dem Machtwechsel in Russland von Boris Jelzin zu Wladimir Putin intensivierte ebenfalls der Kreml seine Beziehungen im «Nahen Ausland» der einst sowjetischen Republiken. Dabei stieß er auf Zustimmung der regierenden Eliten, denen die Umstürze in den ehemaligen Sowjetrepubliken Georgien (2003), Ukraine (2004) und Kirgisistan (2005) erhebliche Sorgen bereiteten.

INNENPOLITIK – VERSTAATLICHUNG DER GESELLSCHAFT

Wie sehr sich die Sichtweisen Zentralasiens und des Westens bezüglich Pluralismus, Menschenrechte und Stabilität unterscheiden, verdeutlichen die Ereignisse in Andischan. In der im usbekischen Fergana-Tal gelegenen Stadt mit einer Bevölkerung von 300 000 Menschen befreiten in der Nacht zum 13. Mai 2005 schwer bewaffnete Männer die Häftlinge eines Gefängnisses. Grund war die bevorstehende Verurteilung von 23 dort einsitzenden erfolgreichen und populären Geschäftsleuten, die der Organisation Akramija angehören, der islamischer Extremismus vorgeworfen wird. Die Initiatoren der Befreiungsaktion, zum Teil Verwandte und Bekannte der Geschäftsleute, erschossen Menschen, besetzten das Gebäude der lokalen Verwaltung, nahmen Geiseln und forderten die Achtung der Menschenrechte sowie die Freilassung von angeblich unschuldig Einsitzenden. Gleichzeitig sammelte sich eine Menschenmenge auf dem Platz vor der Behörde und forderte eine Verbesserung der wirtschaftlichen Situation. Nach den Berichten von OSZE und Human Rights Watch waren sie davon überzeugt, dass Präsident Karimow, der sich vor Ort befand, zu ihnen sprechen würde. Doch die Demonstration wurde laut OSZE und Human Rights Watch mit Waffengewalt beendet, etwa 500 Menschen starben, vor allem Zivilisten. Ganz anders die offizielle usbekische Lesart: Die gewalttätige Demonstration wurde mit Waffengewalt beendet, weil es sich um einen durch islamische Terroristen initiierten Staatsstreich gehandelt habe. Nach offiziellen Angaben kamen 187 Menschen ums Leben, darunter vor allem Terroristen und Sicherheitskräfte. Seitdem loben Geschäftsleute, Juristen, Wissenschaftler und sogar Theaterdirektoren in usbekischen Zeitungen den Mut und die Übersicht des Präsidenten Karimow an jenem Tage. Und gleichzeitig wird dem Westen, insbesondere den USA, ein doppelter Standard vorgehalten, weil in westlichen Medien Terroristen als Freiheitskämpfer dargestellt würden.

Wo bleibt die parlamentarische Kontrolle, wo der kritische Kommentar in der Zeitung, wo die Klage eines Beteiligten vor Gericht gegen den Staat? Den Staaten Zentralasiens fehlt es auch 14 Jahre nach der Unabhängigkeit an einem unabhängigen Rechtssystem, einem unabhängigen Parlament, einer parlamentarischen Kontrolle über die Sicherheitsdienste und Polizei, einer unabhängigen Presse und an freien und fairen Wahlen. Der Staat bürokratisiert die politischen Akteure. Parteien sind zum großen Teil der verlängerte Arm von Ministerien oder der Präsidialadministration.

Die anfängliche Hoffnung westlicher Staaten, dass nach der Vertreibung der Taliban aus Afghanistan und den damit verbundenen Partnerschaftslieferungen, vor allem der USA, die Regime mehr politische Vielfalt zulassen würden, erwies sich als verfrüht. Das lag zum einen an einer schwachen Opposition, die viel zu häufig über einer Fundamentalkritik konstruktive Verbesserungsvorschläge vergaß. Westliche Hilfe wurde oftmals verordnet,

statt sinnvoll umgesetzt. Und zum anderen mauerten die politischen Führungen, die an tief greifenden Reformen und einem Machtwechsel wenig interessiert waren, denn ein Machtwechsel in Zentralasien birgt für einen Präsidenten mehrere Risiken. Er verliert nicht nur politische sondern auch wirtschaftliche Macht, und damit ist seine persönliche Sicherheit nicht mehr garantiert. Zwar haben einige Republiken die Immunität des Staatsoberhauptes in ihre Verfassungen schreiben lassen, aber die kann mit einer Zweidrittel-Mehrheit der Parlamente aufgehoben werden. Vor allem aus diesem Grund reichen politische Reformen nur so weit, wie die Macht der Regierenden nicht in Frage gestellt wird.

Auch ein Machtwechsel nach dem Vorbild Russlands, durch die Einsetzung eines loyalen Politikers, oder Aserbaidschans, durch die Inthronisation von Familienmitgliedern, ist in Zentralasien bisher nicht umsetzbar. Dariga Nasarbajewa, die Tochter des kasachischen Präsidenten, erreichte als Vorsitzende der Partei Asar (Gemeinsam) bei den letzten Parlamentswahlen im Herbst 2004 gerade einmal elf Prozent über die Parteiliste, über die wiederum nur zehn Prozent der Sitze verteilt werden. Und 2006 ging Asar in die Partei Otan ein. Freilich gab Nasarbajew den Gedanken nicht auf. Im Sommer nach den Wahlen platzierte er seinen Schwiegersohn Rachat Alijew, den Ehemann von Tochter Dariga, auf den Posten des Ersten Stellvertretenden Außenministers. Und in Kirgisistan ging das Volk auch deshalb im Frühjahr 2005 auf die Strasse, weil sich eine dynastische Präsidentennachfolge abzeichnete, als die Kinder des damaligen Präsidenten Askar Akajew, Aidar und Bermet, ins Abgeordnetenhaus gewählt wurden.

Allen Parlamentswahlen in Zentralasien im Herbst und Winter 2004/2005 war eines gemeinsam: Die Beobachter der OSZE, zu deren Mitgliedern die zentralasiatischen Länder gehören, kritisierten sie als weder frei noch fair noch transparent. Turkmenistan verbot internationalen Wahl-Beobachtern sogar den Zugang. Gleichzeitig lobten Beobachter aus der Gemeinschaft Unabhängiger Staaten (GUS) die Wahlen als demokratisch. Usbekistans Präsident Islam Karimow gab der OSZE am Wahltag sogar den Rat, nicht künstlich etwas aufzubauen, was es im Land nicht gebe. Damit war eine oppositionelle Bewegung gemeint.

Offiziell zugelassen sind oppositionelle Bewegungen weder in Turkmenistan noch in Usbekistan. Außerdem werden Menschenrechte nicht selten missachtet; dies kritisieren internationale Organisationen wie Human Rights Watch und Freedom House. Beispiele sind Berufsverbote, die Verweigerung der Ausreise, Prügel und Folter für Inhaftierte, sowie die Vollstreckung der Todesstrafe. In Kasachstan, Kirgisistan und Tadschikistan wurden regierungskritische Parteien zwar für die Wahlen registriert, ihre Ergebnisse blieben aber weit hinter ihren Möglichkeiten zurück.

Die Bevölkerung eines Landes begehrt freilich auf: Kirgisistan. Dort kam es am 24. März 2005 zu einem Umsturz. Der Auslöser war die staatliche Einmischung bei den Parlamentswahlen, der Anlass massive Unzufriedenheit.

Die Staatsmacht kollabierte innerhalb weniger Stunden, Präsident Akajew floh nach Moskau und reichte per Videoaufzeichnung seinen Rücktritt ein. Die Neuwahlen am 10. Juli 2005 gewann Interimspräsident Kurmanbek Bakijew mit fast neunzig Prozent der Stimmen. Grund der Unzufriedenheit war das zunehmend autoritär geführte Regime unter Akajew, der sich 2003 durch ein Referendum eine dritte Amtszeit bis 2005 absegnen ließ, obwohl er weder beim Aufbau eines Rechtsstaats noch bei der Korruptionsbekämpfung Fortschritte erzielt hatte.

Auch war die Balance zwischen dem entwickelten Norden mit der Hauptstadt Bischkek, und dem unterentwickelten Süden im Fergana-Tal nicht mehr gegeben. Die Unruhen hatten in Osch und Dschalalabad begonnen. Dort, in der Stadt Aksy, waren im Jahr 2002 schon einmal Polizei und Bevölkerung aneinander geraten. Dabei starben sechs Menschen. Die Polizei wurde kritisiert, drei Jahre später hielt sie sich zurück.

Das Missverhältnis zwischen demokratischem Anspruch und der Wirklichkeit kommt auch in Formeln wie «östliche Demokratie», «autoritäre Demokratie» und «Evolution statt Revolution» zum Ausdruck, die von den zentralasiatischen Regierungen gern gebraucht werden. Ein Indiz für Beschränkungen der Demokratie ist der Betrugsvorwurf, den der kasachische Parlamentspräsident Scharmachan Tujakbai nach den Wahlen im Herbst 2004 erhob; er trat von seinen Ämtern zurück und der Opposition bei. Die Bewegung nennt sich «Für ein gerechtes Kasachstan», hat aber nur geringe Erfolgsaussichten. Seit 2006 führt Tujakbaj die Sozialdemokratische Partei Kasachstans an. Die Opposition ist staatlichen Repressionen ausgesetzt, ihre Programme sind wenig konkret und oftmals sind die Politiker untereinander zerstritten. So wie die populäre Partei Ak Zhol (Heller Pfad) in Kasachstan, die sich spaltete. Doch nicht nur dort, in allen Republiken stellen dem Präsidenten nahe stehende Parteien die Mehrheit im Parlament.

Mittlerweile orientieren sich die Bürger nicht mehr an Politikern, die der Staat größtenteils in Beamte umgewandelt hat, sondern versuchen ihr Schicksal in die eigene Hand zu nehmen. Dies weniger aus politischen Gründen, sondern vor allem aus wirtschaftlichen. In Usbekistan protestierten verärgerte Bürger im Herbst 2004 und im Frühjahr 2005 gegen staatliche Willkür und ausstehende Löhne, und in Kirgisistan sorgten sie gar für einen Machtwechsel.

Zwar zeichnet die US-amerikanische Regierung gern den Marsch der Demokratisierung von Serbien über Georgien, der Ukraine nach Kirgisistan nach. Und vom State Department finanzierte NGOs sind auch in Zentralasien tätig. Doch ihre bisweilen tumbe Art der Verpflanzung westlicher Demokratiemodelle findet in Zentralasien weder bei der Bevölkerung noch bei den lokalen NGOs Anklang, und schon gar nicht bei staatlichen Stellen. Die Regierungen nutzen den angeblichen ausländischen Einfluss, um die ohnehin schwach entwickelte Zivilgesellschaft noch weiter unter Druck zu setzen.

Die Präsidenten Kasachstans, Tadschikistans, Turkmenistans und Usbekistans, Nursultan Nasarbajew, Emomali Rachmonow, Nijasow und Karimow, die seit der Unabhängigkeit ihrer Länder an der Macht sind, versuchten den unmöglichen Spagat zwischen einem westlichen Demokratiemodell und einem Regierungssystem, das dem regierenden Präsidenten fast vollständige Kontrolle ermöglicht. Dabei blieben die staatlichen Strukturen schwach. Auch deshalb birgt ein Machtwechsel stets die Gefahr einer Destabilisierung. Nicht die Staaten sind stark, sondern nur ihre Präsidenten.

Bisher gelang es Nasarbajew vorbildlich, politisch gefährliche Gegner in sein Lager zu holen. So erhielt Muchtar Abljasow, der einstige Vorsitzende der im Januar verbotenen Oppositionspartei Demokratische Wahl Kasachstan (DWK), den Posten des Vorstandsvorsitzenden der zweit-größten Bank Turan Alem. Dank der sprudelnden Erdölquellen stehen dem Präsidenten Gelder zur Verfügung, um den Bürgern Erfolge vorzuführen und die Löhne in der Staatswirtschaft zu erhöhen. Gleichzeitig nimmt Nasarbajew, und da agiert er selbstbewusster als seine Amtskollegen in der Region, Vorschläge der Opposition auf und setzt sie zumindest in Ansätzen in Politik um: Er führte eine Justizreform durch, trieb die Dezentralisierung voran und gewährte der Presse mehr Freiheiten, um sie freilich kurz darauf wieder zu gängeln.

Die Vorgehensweise von Nijasow, Karimow und Rachmonow unterscheidet sich deutlich davon. Nijasow ist in Personalentscheidungen zu keinem Kompromiss bereit. In Ungnade gefallene Minister werden in Turkmenistan oftmals vor laufenden Kameras kritisiert und ihres Amtes enthoben. Karimow entscheidet in Usbekistan nach Gutsherrenart. Allein im Jahr 2004 entließ er acht von vierzehn «Hokimen», das sind die Ministerpräsidenten der usbekischen Gouvernements. Freilich scheint nur Karimow in der Lage zu sein, das geben sogar kritische usbekische Politiker zu, die unterschiedlichen Fraktionen der Regionen Taschkent, Samarkand und Fergana auszubalancieren.

In Tadschikistan geht Präsident Rachmonow, der bisher Rücksicht nehmen musste auf politische Kompromisse, die nach dem 1997 beendeten Bürgerkrieg opportun waren, mit aller Härte gegen ehemalige Warlords der Opposition vor. Angeklagt sind der «Scheich», ein ehemaliger Feldkommandeur, der noch immer auf bewaffnete Gruppen zurückgreifen kann, und der Vorsitzende der Demokratischen Partei, Mahmadrusi Iskandarow, der aus seinem Moskauer Exil nach Tadschikistan geschafft wurde.

Die Art der zentralasiatischen Präsidenten, Politik zu betreiben, erinnert an den von Lenin erdachten demokratischen Zentralismus. Staat und Partei, nun Präsidialpartei, sind hierarchisch und zentralistisch aufgebaut, Beschlüsse werden von oben nach unten weitergereicht. Deshalb befinden sich die Entscheidungsträger Zentralasiens in einem Spannungsfeld, das schon in der Sowjetunion zu Problemen führte. Auf der einen Seite gibt es die

aus Sicht der Regierenden positive Erfahrung sowjetischer Planwirtschaft und Politikführung, auf der anderen Seite die Anforderungen des 21. Jahrhunderts an Politik und Wirtschaft. Der Platz Zentralasiens im sowjetischen Republiken-Bündnis war gesichert, auf dem internationalen Politikparkett und in der internationalen Wirtschaft ist er es nicht. Erschwerend kommt hinzu, dass die Suche nach der eigenen Geschichte und Identität nicht abgeschlossen ist.

Es ist deshalb nicht verwunderlich, dass die neuen Regierungssysteme in vielfältiger Weise den sowjetischen ähneln, also de jure demokratisch, de facto aber autoritär sind. Es entscheidet eine kleine Clique von Politikern. Die Bürger werden bei politischen Entscheidungen nicht einbezogen, denn der Staat traut ihnen nicht. Wahlen können gefährlich sein, warnte in einem Gespräch ein Berater Nasarbajew. Das wird damit begründet, dass das Volk für die Demokratie noch nicht reif ist. Sollte sich das ändern, lautet das in der Geschichte nicht neue Versprechen, wären die Präsidenten bereit, Teile ihrer Befugnisse der Volkskammer abzugeben.

Und doch wäre es falsch, die Länder Kasachstan, Kirgisistan, Tadschikistan und Usbekistan als völlig reformunwillig zu bezeichnen. Umstrukturierungen finden statt, westliches Politikverständnis und Lösungsvorschläge werden in Ministerien diskutiert. Gerade Europa hat den Charme, Modelle vorzustellen, ohne sie gleich durchsetzen zu wollen. Und ein ständiger Dialog führt auch zu Ergebnissen. Die Parlamente als Schauparlamente zu verhöhnern, wird der Sache nicht gerecht. Beispielsweise hat Präsident Bakijew in Kirgisistan aufgrund seines überwältigenden Wahlsiegs Reformchancen. Ob die neu gewählte Regierung eine neue Politik durchsetzen kann, hängt aber von der Geduld der Bevölkerung ab. Dringend sind Reformen in der Verwaltung zu beginnen, die Korruption muss eingedämmt werden und dazu bedarf es viel Mut.

In Usbekistan erwies sich, dass eine langfristige und vertrauensvolle internationale Zusammenarbeit durchaus leichte positive Veränderungen bewirken kann. Ein Beispiel ist der von Präsident Karimow unterzeichnete, vom Westen lang erhoffte Erlass zur Abschaffung der Todesstrafe, wenn auch erst zum 1. Januar 2008. Gespräche auf höchster Ebene gab es seit mehreren Jahren mit Vertretern der Europäischen Bank für Wiederaufbau und Entwicklung (EBRD), mit dem Uno-Sonderbeauftragten für Menschenrechte, mit den Regierungen der EU-Mitgliedsstaaten und den USA. Die Menschenrechte kommen freilich weiter zu kurz. Human Rights Watch berichtet von schlimmen Vorfällen.

Die zentralasiatischen Volkswirtschaften unterscheiden sich deutlich voneinander. Während Kasachstan ein robustes Wirtschaftswachstum vorweisen kann, Usbekistan daran 2004 fast anknüpfen konnte, mühen sich die kleinen Länder Kirgisistan und Tadschikistan. Beide Länder haben ein Bruttoinlandsprodukt (BIP) von etwa 2,3 Milliarden US-Dollar. Das entspricht einem Zehntel des Jahresprofits des amerikanischen Welt-Konzerns Exxon Mobil. Kirgisistan ist mit knapp 100 Prozent des BIP im Ausland verschuldet.

Über das mit Erdgas und Erdöl reich gesegnete Turkmenistan sind keine verlässlichen Wirtschaftszahlen zu erhalten.

Der Grund für die Gegensätze zwischen den Ländern liegt in den unterschiedlichen Vorkommen an Bodenschätzen. Kasachstan ist mit Erdölreserven ausgestattet, die dem Land seit Jahren ein Wirtschaftswachstum von über neun Prozent bescheren. Pipelines wurden gebaut, die das Öl von Kasachstan sowohl über Russland nach Westeuropa, als auch über das Caspian Pipeline Consortium in den Westen Chinas transportieren sollen. Die nutzbaren Vorkommen an Erdöl im kaspischen Raum liegen bei 40 Milliarden Barrel, etwa vier Prozent der Weltreserven, ein Viertel davon in Kasachstan. Die Vorkommen an Erdgas belaufen sich auf knapp sechs Billionen Kubikmeter, das sind ebenfalls vier Prozent der Weltreserven. Die Lagerstätten sind fast gleichmäßig aufgeteilt zwischen Kasachstan, Turkmenistan und Usbekistan. Der russische Gigant Gazprom schloss mit Usbekistan und Turkmenistan 2003 ein Abkommen über den Verkauf von Gas ab, um den steigenden Bedarf Europas zu decken.

So positiv der wirtschaftliche Aufschwung Kasachstans zu bewerten ist, so sehr ist das Land durch den Erdölreichtum gefährdet. Die Tendenz zur Abhängigkeit von einem Rohstoff birgt die Gefahr politischer Zentralisierung und Korruption sowie der Abkehr von Pluralismus und Demokratie. Laut Transparency International befinden sich alle Länder der Region im unteren Drittel der Korruptionsrangliste. Die Werte liegen auf einer Skala von 10 (sehr sauber) bis 0 (sehr korrupt) zwischen 2,3 (Usbekistan) und 2,0 (Tadschikistan und Turkmenistan). Zum Vergleich: Russland (2,8) und Lettland (4,0).

Obwohl die Wirtschaften der Länder sich entwickelten, es zu Wirtschaftswachstum und Transformation der Dienstleistungssektoren kam, blieb das Bruttosozialprodukt pro Kopf in den kleinsten Ländern auf einem niedrigen Niveau: 330 US-Dollar in Kirgisistan, 190 US-Dollar in Tadschikistan. Im Vergleich dazu kam Moldawien, eines der ärmsten Länder Europas, auf 590 US-Dollar. Der Pariser Club erließ Kirgisistan im Jahr 2005 Dollar-Schulden in Höhe von 124 Millionen und russische Investoren sind am Ausbau von Wasserkraftwerken interessiert, um Strom in abgelegene sibirische Gebiete liefern zu lassen.

Derweil ist der Wettkampf zwischen dem weltweit neungrößten Land, Kasachstan, und dem mit 25 Millionen Einwohnern bevölkerungsreichsten Land der Region, Usbekistan, um die Position der wirtschaftlichen Führungsmacht in der Region vorerst entschieden. Zwar beglichen beide Länder pünktlich ihre internationalen Kreditschulden. Aber nur Kasachstan wird als «Cockpit» und «Lokomotive» Zentralasiens bezeichnet. Der Außenhandel Kasachstans hat sich von 1995 bis 2003 verdreifacht.

Usbekistan, zweitgrößter Baumwollexporteur weltweit, führte zwar 2003 die Konvertierbarkeit der Landeswährung «Sum» ein. Investitionen werden für den Gas- und Ölsektor aus China und Russland erwartet. Doch während die Vertretung der deutschen Wirtschaft in Taschkent im Herbst 2004 ihre

Türen schloss, zog der Internationale Währungsfond (IWF) seinen Vertreter aus Kasachstan ab, weil das Land über genügend Eigenkapital und vor allem Direktinvestitionen verfügt. Bis 2004 flossen etwa 19 Milliarden US-Dollar nach Kasachstan, mehr als ein Drittel aller Investitionen der GUS.

Die großen internationalen Kreditinstitute wie Weltbank, IWF, die European Bank for Reconstruction and Development (EBRD) bemühen sich indes um den Abbau administrativer und politischer Beschränkungen, die vor allem die regionale Zusammenarbeit verhindern. Doch war der Widerstand gegenüber einer Marktöffnung in einigen Ländern so groß, dass sich die Tätigkeit der EBRD zum Beispiel in Usbekistan seit 2003 erheblich verminderte und andere Institute sich zunehmend auf Armutsbekämpfung konzentrierten.

Deutschlands Außenhandel mit den Staaten Zentralasiens ist mit Aus-lahme von Kasachstan gering. Insgesamt nahm der Handel mit den Nachfolgestaaten der Sowjetunion um 19 Prozent zu, mit Kasachstan um fast 40 Prozent. Bei einem Umsatz von fast 3 Milliarden Euro liegt Kasachstan, hinter Russland und der Ukraine auf Platz drei. Dagegen fallen die Handelszahlen in Euro der übrigen Länder sehr bescheiden aus: Tadschikistan 27 Millionen, Kirgisistan 40 Millionen, Turkmenistan 200 Millionen und Usbekistan 230 Millionen.

Der Staat nimmt großen Einfluss auf die Wirtschaft, um die Entstehung einer Wirtschaftselite, die nach politischer Macht greift, zu verhindern und um selbst Gelder verteilen zu können. Diese geplante Marktwirtschaft hat schnell ihre Grenzen gefunden. Solange Banken wichtige Großkredite nur nach politischer Wetterlage vergeben, haben auch mittelständische Unternehmen kaum eine Chance. Erfolgreiche Firmen laufen zudem Gefahr, von den politisch Mächtigen übernommen zu werden.

TABELLE 1: WICHTIGE WIRTSCHAFTSDATEN DER STAATEN ZENTRALASIENS*

	Kasachstan		Kirgisistan		Tadschikistan		Usbekistan	
	2003	2004	2003	2004	2003	2004	2003	2004
BIP (Mrd. US-\$)	30,8	40,7	1,9	2,2	1,6	2,1	8,6	11,9
BIP-Veränderung (%)	9,3	9,4	6,7	7,1	10,2	10,6	4,4	7,7
Staatshaushalt (Saldo in % des BIP)	-1,0	-0,3	-5,0	-4,1	-1,8	-2,7	-0,6	-2,0
Handelsbilanz (Saldo in % des BIP)	11,9	16,7	-7,0	-7,8	-7,7	-6,5	9,7	10,1
Inflation (%)	7,0	7,0	3,1	4,1	16,3	6,8	10,3	15,0

	Kasachstan		Kirgisistan		Tadschikistan		Usbekistan	
	2003	2004	2003	2004	2003	2004	2003	2004
Auslandsverschuldung (in % des BIP)	74,2	78,6	102,3	110,1	66,3	39,6	48,2	32,6
Einwohner (Mio. Ende 2004)	15,1		5,1		6,5		26,0	
Fläche (qkm)	2 717 300		198 500		143 100		447 400	

Quellen: Spiegel-Jahrbuch 2004. F.A.Z.-Institut.

*Verlässliche Wirtschaftsdaten zu Turkmenistan sind nicht auffindbar. Bei allen Angaben ist Vorsicht geboten, weil auch die Zahlen der internationalen Kreditinstitute, auf die sich das F.A.Z.-Institut beruft, offizielle Angaben sind, die nur schwer zu überprüfen sind.

Arbeitsplätze werden so nicht geschaffen. In den vergangenen Jahren nahm deshalb die Arbeitsmigration zu, zum einen innerhalb Zentralasiens, zum anderen in Richtung Russland. Vor allem waren Kirgisistan, Tadschikistan und Usbekistan davon betroffen. Die Arbeitslosigkeit gerade von jungen Männern nahm zu. Etwa eine Million Tadschiken und bis zu 700 000 Kirgisen arbeiteten im Ausland. Die Zahl der Usbeken dürfte ähnlich hoch sein. Gerade in Tadschikistan stellten die Überweisungen der Arbeitsemigranten in den vergangenen Jahren, die pro Jahr auf eine Milliarde US-Dollar geschätzt werden, einen nicht zu unterschätzenden Beitrag zur Volkswirtschaft und zur Stabilität des Landes dar.

REGIONALE ZUSAMMENARBEIT: ZWEIFEL STATT VERTRAUEN

Nach der Anzahl von Neugründungen regionaler Bündnisse zu urteilen, steht es nicht schlecht um die Zusammenarbeit der Staaten in Zentralasien. Im Mai 2001 wurde die Eurasische Wirtschaftsgemeinschaft gegründet, mit den Mitgliedern Kasachstan, Kirgisistan, Russland, Tadschikistan, Weißrussland und seit 2006 auch Usbekistan. Ein Jahr später entstand aus der Zentralasiatischen Wirtschaftsgemeinschaft die Zentralasiatische Kooperationsorganisation (ZKO) mit den vier Unterzeichnerstaaten Kasachstan, Kirgisistan, Tadschikistan und Usbekistan. Kasachstans Präsident Nasarabajew schlug 2005 vor, eine regionale Union zu gründen.

Doch diese vor allem auf wirtschaftliche Kooperation abzielenden Bündnisse wiesen kaum Erfolge auf. Im Gegenteil, der Handel zwischen den Ländern entwickelte sich deutlich langsamer als der übrige Außenhandel. Das lag an den Handelsbeschränkungen, hohen Zöllen und der Priorität

von Sicherheit gegenüber freiem Handel. Immer wieder wurden Grenzen kurzfristig gesperrt. Das schreckt internationale Investoren ab.

Da alle fünf Länder keinen Zugang zu den offenen Meeren haben, streben sie Handelsrouten in nicht-zentralasiatische Nachbarländer an: Kasachstan nach Russland und Weißrussland, Kirgisistan und Tadschikistan nach China, Usbekistan nach Afghanistan und in den Iran, wohin auch Turkmenistan blickt. Ansonsten zog sich dieses diktatorisch regierte Land aus der Region vollständig zurück und steht weltweit isoliert da.

Was die übrigen Länder einte, war die Sicherheitspolitik. Die Treffen zwischen den Leitern der Sicherheitsdienste nahmen zu, vor allem nach den Terroranschlägen in Usbekistan. Die Überzeugung gewann Vorrang, vor allem bei den kleinen Staaten Kirgisistan und Tadschikistan, dass ganz ohne die Hilfe der großen Anrainerländer Russland und China eine langfristige Stabilisierung der Region kaum zu erreichen ist. Russland trat 2004 in Duschanbe der ZKO bei. Und zu den Gründungsmitgliedern der Shanghaier Organisation für Zusammenarbeit (SOZ) gehörten im Sommer 2001 neben Kasachstan, Kirgisistan, Tadschikistan und Usbekistan auch China und Russland. Rechnet man die Staaten mit Beobachterstatus Indien, Iran und Pakistan hinzu, gehören diesem Staatenbund mehr als die Hälfte der Weltbevölkerung an.

Die SOZ konzentriert sich vor allem auf Zusammenarbeit im Bereich Sicherheit und damit des Terrorismus. So wurde das Anti-Terrorzentrum der SOZ in Taschkent 2004 eröffnet. Das war kein Zufall. Usbekistan, nach der Unabhängigkeit Russland und Zentralasien gegenüber skeptisch eingestellt, soll in die Region mehr eingebunden werden.

Doch das bevölkerungsreichste Land favorisierte Sicherheit vor Handel. Auch deshalb gibt es noch immer keinen Direktflug zwischen den tadschikischen und usbekischen Hauptstädten Taschkent und Duschanbe. Die usbekische Regierung beschuldigte den Nachbarn immer wieder, gegen mutmaßliche Terroristen nicht energisch vorzugehen. Auch deshalb sind Teile der gemeinsamen Grenze vermint.

Der Widerspruch zwischen dem Wunsch nach Vertiefung der sicherheitspolitischen Kooperation und verminten Grenzen ist nur schwer aufzulösen. Die wohl einzige Erklärung liegt im Verhalten Usbekistans, das allein auf Sicherheit der eigenen Grenzen Wert legt und gerade gegenüber Tadschikistan, weniger gegen Kasachstan und Kirgisistan, ein hohes Misstrauen hegt. Grund ist die nach Meinung Taschkents unzureichende Bekämpfung von Terroristen, was auch mit einer schlechten Sicherung der tadschikisch-afghanischen Grenze begründet wird. Über der regionalen Zusammenarbeit, so kritisiert der tadschikische Außenminister Talbak Nasarow, liegt der Mehltau des Zweifels.

Die Länder fanden keinen gemeinsamen Ansatz gegenüber dem südlichen Nachbarn Afghanistan. Tatsächlich überwiegen erneut die

Sicherheitsinteressen und das Misstrauen gegenüber einem Staat, dessen innenpolitische Stabilisierung viel zu langsam voranschreitet. Usbekistan vermutet die militante Islamische Bewegung Usbekistans noch immer im Gebiet an der afghanisch-pakistanischen Grenze.

Auch Wasser sorgt für regionalen Zwist. Zwei Flüsse versorgen Zentralasien mit Wasser. Der Amudarja im Süden, der in Tadschikistan entspringt und die Staaten Usbekistan und Turkmenistan mit Wasser versorgt, sowie der Syrdarja, der im Norden in Kirgisistan entspringt und Kasachstan und Usbekistan mit Wasser versorgt. Damit hängen die Abnehmerstaaten Kasachstan, Turkmenistan und Usbekistan am sprichwörtlichen Tropf. Vor allem Usbekistan und Turkmenistan benötigen das Wasser für die Landwirtschaft, insbesondere für die Baumwollproduktion. Doch weil die Kanäle in schlechtem Zustand sind, wird das knappe Gut Wasser verschwendet. In den vergangenen Jahren kam es immer wieder zu Konflikten, die nur im Krisenfall, nicht aber langfristig gelöst wurden.

So ließ Kirgisistan das Wasser aus den Staudämmen im Winter ab, um Elektrizität zu gewinnen. Usbekistan benötigte das Wasser jedoch nicht im Winter, sondern im Sommer. Zu Beginn des Jahres 2004 kam es zu einem typischen Vorfall. Der an der Grenze zwischen Kasachstan und Usbekistan gelegene Tschardar-Staudamm war über die Norm gefüllt und eine Überschwemmung nicht auszuschließen. Kirgisistan hatte mehr Wasser abgelassen, um Strom zu erzeugen, weil trotz eines Abkommens weder Kasachstan noch Usbekistan genügend davon geliefert hatten. Um einen Dammbbruch zu verhindern, wurde mehr Wasser abgegeben als üblich, so dass es zu Überflutungen am Unterlauf des Syrdarjas kam.

Nicht nur regionale Krisen, sondern auch die Folgen der forcierten wirtschaftlichen Entwicklung Westchinas, das Wasser vom Irtytsch verlangt, bergen Konfliktpotenzial. Denn Chinas Wasserdurst könnte bedeuten, dass den in Kasachstan gelegenen Balchaschsee, gespeist vom Irtytsch, ein ähnliches Schicksal ereilen wird, wie den Aralsee: die Austrocknung. Ein Abkommen vom September 2001 sieht vor, dass China etwa zehn Prozent des Wassers entnehmen darf.

Um zumindest einen Teil des Aralsees zu retten, begann Ende 2002 ein Projekt, das den kleinen, nördlichen Aralsee vom größeren, südlichen Aralsee trennen soll. Dieser Teil ist nach Ansicht von Experten kaum noch zu retten, weil aus dem Zufluss Amudarja nach dem Bau des Stausees «Goldenes Zeitalter» in Turkmenistan noch mehr Wasser abgenommen wird. Ähnlich realitätsfern ist der Plan des Moskauer Oberbürgermeisters Juri Luschkow von 2003, den sibirischen Fluss Ob über Kasachstan nach Usbekistan umzuleiten. Dieser Plan geisterte seit den sechziger Jahren durch die Köpfe sowjetischer Bürokraten und galt eigentlich als begraben.

AUSSENPOLITIK – FENSTER NACH OSTEN

Der Begriff «Zentralasien», das Gebiet zwischen den Flüssen Syrdarja und Amudarja, impliziert, dass die Region nicht an der Peripherie liegt, sondern von einflussreichen Nachbarstaaten umringt ist: Russland im Norden, China im Osten, Afghanistan, Iran und Türkei im Süden und Europa im fernen Westen. Die großen Länder haben seit Jahrhunderten Einfluss genommen. Seit dem Zusammenbruch der Sowjetunion und dem Terroranschlag im Jahr 2001 ist die Supermacht USA hinzugekommen. Usbekistans Präsident Karimow warnte in Taschkent auf der Jahrestagung der Europäischen Bank für Entwicklung und Wiederaufbau im Mai 2003: «Zentralasien sollte nicht der Platz für geopolitische Konkurrenz und die Bildung militär-politischer Blöcke werden.»

Damit bezieht sich Karimow auf das so genannte «Große Spiel», als im 19. Jahrhundert Russland und das britische Empire um Vormacht in der Region rangen. Verlierer waren die Chanate, Staatsgebilde, deren Bevölkerungen zum Teil von russischen Truppen abgeschlachtet wurden. Heute haben die Länder den Anspruch, eigenständig zu handeln, nicht mehr Objekte der Weltgeschichte zu sein und ihre Bodenschätze selbst zu verwalten. Alle Länder der Region sind deshalb bemüht, die Begehrlichkeiten der USA, Russlands und Chinas auszubalancieren. Das gelang Kirgisistan in einer bemerkenswerten Weise. Dort trennen nur etwa 25 Kilometer die Militärbasis der Amerikaner in Manas und die der Russen in Kant, unweit der Hauptstadt Bischkek.

So lange es die Lage am Hindukusch erfordert, so lange werden die US-Truppen in Zentralasien stationiert bleiben. Das verkündeten offizielle Stellen der USA seit der Eröffnung der Truppenbasis im Jahr 2002 immer wieder. Die von den USA geführte Anti-Terror-Koalition unterhielt bis Ende 2005 das Camp Chanabad unweit der Stadt Karschi im Süden Usbekistans, wo 1000 amerikanische Soldaten stationiert waren. Alle militärischen Einrichtungen dienen als Logistikzentren für die Versorgung der Truppen in Afghanistan. So auch der deutsche Bundeswehr-Stützpunkt mit 300 Soldaten, im Rahmen von ISAF, in der süd-usbekischen Stadt Termes, direkt an der afghanischen Grenze.

Deutschland richtet seine Aufmerksamkeit in der Region auf Stabilität und Sicherheit. Als einziges Land der EU ist Berlin in allen zentralasiatischen Ländern mit einem Botschafter vertreten. Die Hoffnung der Regierungen in der Region auf eine zurückhaltende, gleichwohl effektive deutsche Außenpolitik ist größer als auf eine europäische, denn Europa gilt als Papiertiger. Die Vertretung der Europäischen Kommission in Kasachstan, die auch für Kirgisistan und Tadschikistan zuständig ist, hält sich politisch sehr zurück. Und das, obwohl die regionale Zusammenarbeit nach EU-Vorbild immer wieder nachgefragt wird. Kasachstans oberster Diplomat Kasymschormat Tokajew

wunderte sich lange über die ihm bisweilen unerklärliche Zurückhaltung Berlins in Zentralasien.

Nach den Ereignissen von Andischan setzte Brüssel, als Zeichen für ein verstärktes Engagement der EU, einen Zentralasien-Sonderbeauftragten ein. Eine neue Zentralasien-Konzeption der EU ist geplant. Gleichwohl muss sich die EU fragen lassen, welche Interessen sie in der an Energiequellen nicht armen Region vertritt. Versteht sich Europa als Schirmherr für Demokratie und Menschenrechte? Wie aber lässt sich dann die übereinstimmende Aussage des EU-Kommissars für Außenbeziehungen, Chris Patten, und des damaligen deutschen Verteidigungsministers, Peter Struck, verstehen, dass die Sicherheit Europas am Hindukusch verteidigt wird? Beide beziehen sich auf Afghanistan, doch Zentralasien liegt von Kabul aus gesehen zwischen Europa und Afghanistan.

Ganz anders Russland. Moskau richtete unter dem Schirm des Kollektiven Sicherheitsvertrages der GUS in Tadschikistan unweit der Stadt Duschanbe 2004 eine Militärbasis ein. Es handelt sich um Truppen der 201. motorisierten Schützendivision, die zuvor die Grenze zu Afghanistan kontrolliert hatten und von tadschikischen Grenztruppen abgelöst wurden.

Ebenfalls in Tadschikistan waren Soldaten aus der von den USA geführten Anti-Terror-Koalition stationiert. Während vor allem in Usbekistan die diplomatische Freude über den mächtigen Partner USA zunächst groß war, Präsident Karimow wurde von Präsident Bush im Weißen Haus empfangen, so verschlechterte sich seit der Revolution in der einstigen Sowjetrepublik Georgien das Verhältnis. Und nach den anschließenden Umstürzen in der Ukraine und in Kirgisistan nahm vor allem der gesellschaftspolitische Einfluss Washingtons weiter ab. Als dann auch noch die USA eine Evakuierung von 439 Usbeken forcierte, die nach den Unruhen in Andischan in das benachbarte Kirgisistan geflüchtet waren, reagierte Präsident Karimow. Über das Außenministerium ließ er den Amerikanern ausrichten, sie möchten die Militärbasis in Chanabad bis zum Ende des Jahres verlassen. Die usbekische Führung sieht in der Forderung der USA nach einer internationalen Untersuchung der Ereignisse in Andischan und in der Evakuierung der Usbeken nach Rumänien, deren Status als Flüchtlinge sie nicht anerkennt und deren Rückkehr sie fordert, eine Einmischung in die inneren Angelegenheiten.

Die abrupte Abkehr von den USA wurde in einer Erklärung auf dem Gipfel der Shanghaier Organisation für Zusammenarbeit (SOZ) im Juli 2005 in der kasachischen Hauptstadt Astana noch einmal bekräftigt. Die politische Situation in Afghanistan habe sich stabilisiert, US-Militärbasen seien daher obsolet. Die Länder Zentralasiens beobachten den Demokratie-Export der USA argwöhnisch und grenzen den Radius US-amerikanischer NOs ein. Ihnen wird Einmischung in die inneren Angelegenheiten vorgeworfen. Von China und Russland sind solche Interventionen indes ebenso wenig zu befürchten wie Kritik an Menschenrechtsverletzungen. Freilich lassen sich die Regime in Sicherheits- und Wirtschaftsfragen gern weiter von den USA beraten.

Im Herbst 2004 reiste Nato-Generalsekretär Jaap de Hoop Scheffer in die Region, um deren Bedeutung für Europas Sicherheit zu demonstrieren und Transit-Routen für Nato-Kräfte nach Afghanistan zu verhandeln. Alle zentralasiatischen Länder nahmen am Partnership-for-Peace-Programm teil. Zwar hatte, wie alle anderen Präsidenten der Region, Nasarbajew den Irak-Krieg abgelehnt, aber dann als einziger ein kleines Kontingent von Soldaten in den Irak geschickt.

Gleichzeitig sind amerikanische Firmen am Erdölgeschäft am Kaspischen Meer beteiligt, sowohl in einem Konsortium am Tengiz-Feld (bis zu neun Milliarden Barrel nachgewiesen), als auch am Kaschagan-Feld (38 Milliarden Barrel geschätzt). Wohl auch deshalb konzentrieren sich die Interessen verschiedener Länder derzeit auf das weltweit neuntgrößte Land, denn in dieser unruhigen Region erscheint Kasachstan dem Westen als außenpolitischer «Anker der Stabilität». Der damalige Bundeskanzler Gerhard Schröder unterstrich diese Sichtweise durch seinen Besuch im Dezember 2003.

An Energiequellen ist auch China interessiert, das den westlichen Landesteil Xinjiang mit den nach Unabhängigkeit strebenden Uiguren entwickeln und so beruhigen will. China hat es sich zur strategischen Aufgabe gemacht, unterschiedliche Energieressourcen zu erschließen. Die Erdölpipeline Atasu-Alaschankou von West-Kasachstan bis nach China soll in Kürze fertig gestellt sein. Kasachstan spielt für China eine kleine, aber bedeutende Rolle, denn die Energiereserven Kasachstans sind zwar nicht mit denen des Nahen Ostens vergleichbar, aber sie liegen geografisch günstig für China. Hinzu kommt: Kasachstan ist die Brücke zwischen Peking und Moskau und Peking ist an einem stabilen zentralasiatischen Hinterland interessiert. Deshalb auch das aktive Handeln in der SOZ, die Verteidigung der usbekischen Reaktion in Andischan und das laute Nachdenken über ein Kontingent chinesischer Soldaten im kirgisischen Fergana-Tal.

Gegenüber China blieb aber das Misstrauen in der Region bestehen und die Staaten Zentralasiens schauten gen Moskau, wenn sie an ihre Sicherheit dachten. Das schien zunächst verwunderlich, war eine erneute Anlehnung an die Kolonialmacht nach der Souveränität 1991 so nicht zu erwarten gewesen. Doch die anfänglich antirussische Rhetorik nahm ab. Gerade die kleinen Staaten Kirgisistan und Tadschikistan erhielten nicht nur Sicherheitsgarantien sondern auch die Aussicht auf mehr Investitionen, denn der Kreml möchte die Staaten Zentralasiens an sich binden.

Die ersten Auslandsreisen der vergangenen Jahre führten Wladimir Putin nach Kasachstan; er flog 2004 nach Bischkek, Duschanbe und Taschkent. Usbekistan wurde strategischer Partner Russlands, mit Kasachstan einigte man sich auf die Nutzung des Raumfahrtzentrums Baikonur für die nächsten 50 Jahre. Und in Kirgisistan und Tadschikistan stellte Russland große Investitionen in den Bau von Wasserkraftwerken in Aussicht.

Mit der EU-Osterweiterung reduzierten sich die Märkte für russische Produkte. Die noch verbliebenen sollten verteidigt werden, so Anatoli Tschubajs, Vorsitzender des mächtigen staatlichen russischen Energie-Konzerns. Er prägte 2004 das Wort vom «russischen liberalen Imperialismus». Damit ist vor allem Zentralasien gemeint. Die Republiken sind für Moskau wirtschaftlich und politisch stets interessant. Musste sich Boris Jelzin um den Erhalt der Russischen Föderation kümmern, so schaut Wladimir Putin wieder über die Grenzen hinaus. Die beiden einzigen russischen Militärbasen außerhalb des eigenen Staatsgebiets liegen in Kirgisistan und Tadschikistan.

Das russische Vorgehen ist auch der Terrorbekämpfung geschuldet. Moskau vermutet Kontakte zwischen afghanischen und tschetschenischen Terrorgruppen. Als mögliches Hinterland gilt Kasachstan, wo eine tschetschenische Minderheit lebt, Überbleibsel der Deportierung eines ganzen Volkes durch Josef Stalin in den vierziger Jahren.

Neben der Terrorgefahr beunruhigt Moskau der Drogenhandel. Tadschikistans südlicher Nachbar, Afghanistan, produziert knapp zwei Drittel des Opiums weltweit. So gewann die Nordroute über Zentralasien im Vergleich zum Handelsweg über den Iran, in den vergangenen Jahren an Volumen und bedroht die regionale Entwicklung. Und große Drogenmengen finden ihren Weg in die russischen Großstädte.

Auf die sich verschärfende Drogenproblematik in der Region reagierten die Länder Zentralasiens schnell. Kirgisistan gründete eine Drogen-Kontrollagentur, Kasachstan ein Komitee zur Kontrolle und Bekämpfung von Drogen im Innenministerium, Turkmenistan verabschiedete ein Drogengesetz und Usbekistan unterschrieb eine Partnerschaftsvereinbarung mit den USA zur Drogenbekämpfung. Neben der EU, Deutschland und den USA beteiligten sich auch russische Dienste an Programmen, um Drogen schon an der 1344 Kilometer langen tadschikisch-afghanischen Grenzen abzufangen.

Derweil nehmen Politiker und Kommentatoren in Moskau und den Gouvernements den Schwenk des bisher ruslandkritischen Islam Karimow als willkommene Gelegenheit, den USA in Reden und Artikeln ihre Grenzen aufzuzeigen. Von Beginn an war der amerikanische Brückenkopf im zentralasiatischen «Nahen Ausland», so die russische Mundart für die ehemaligen Sowjetrepubliken, höchst unwillkommen. Umso herzlicher deshalb die Umarmung des Usbeken durch den Kreaml: Karimow, der Schwierige, vertreibt die Amerikaner aus Zentralasien.

Aus ganz Zentralasien? Nein, das kleine Kirgisistan widersetzte sich dem Beschluss der Shanghaier Organisation für Zusammenarbeit. Dort wird die US-Basis zunächst bleiben. Diese Versicherung holte Verteidigungsminister Donald Rumsfeld bei einem Blitzbesuch in Bischkek im Juli 2005 ein. Zwar ist auch der neue Präsident Bakijew auf gute Beziehungen mit Russland angewiesen, gleichwohl will er auf die Finanzhilfe der Amerikaner nicht verzichten. Im Jahr 2004 überwies Washington für erhöhten Flugbetrieb etwa

12,3 Millionen US-Dollar, die Hälfte der gesamten Einnahmen des Manas-Flughafens.

Und auch Kasachstan und Tadschikistan werden weiter westliche und östliche Einflüsse ausbalancieren. Die politische Führung Usbekistans, die an westlicher Anerkennung ihres Reformweges durchaus interessiert ist, reagierte auf die harsche Kritik und die Sanktionen westlicher Regierungen mit Abgrenzung von den USA, vorsichtigem Dialog mit der EU und auf der anderen Seite mit Annäherung an China und engerer Zusammenarbeit mit der einstigen Kolonialmacht Russland. Dabei ist anzumerken, dass der Zirkel der Entscheidungsträger klein ist. Eine Einbeziehung der Bürger findet nicht statt. Es ist nicht auszuschließen, dass es bei einem Machtwechsel erneut zu einer radikalen Änderung der Außenpolitik kommt. Ähnlich wie in Russland streiten auch in den anderen Ländern der Region zwei Flügel um die Vormacht, der der Westler gegen den der Ostler. Nach fast drei Jahren Westorientierung brechen nun Jahre der Ostorientierung an. Dabei unterscheiden sich die Ausmaße der Annäherung: Kasachstan und Kirgisistan sind weiterhin gegenüber dem Westen geöffnet, Tadschikistan weniger, Usbekistan schaut noch nach Europa, tendiert gleichwohl sehr gen Osten, und Turkmenistan bleibt weiter auf Neutralität und Isolierung bedacht.

ISLAM – AGGRESSIVER SÄKULARISMUS

Die Reaktion der usbekischen Führung auf die Unruhen in Andischan erfolgte schnell. Islamische Terroristen seien verantwortlich gewesen, die der bisher fast unbekanntes Gruppe Akramija angehörten. Die wiederum hätten Kontakte zur Hizb ut-Tahrir und zur Islamischen Bewegung Usbekistans. Der russische Außenminister Sergej Lawrow legte nach und wies sogar auf Kontakte bis nach Pakistan und Afghanistan hin.

Die überwiegende Mehrheit der Bürger Zentralasiens gehört der sunnitischen Glaubensrichtung des Islam an. Tatsächlich lässt sich nur schwer feststellen, wer von ihnen gläubig ist und sich an die religiösen Vorschriften des Korans hält. Die geografische Aufteilung Zentralasiens bezüglich der Religion in Kasachen, Kirgisen und Turkmenen, den einstigen weniger religiösen Nomaden, und den sesshaften Völkern der Tadschiken und Usbeken, die sich stets religiöser verhielten, scheint bis heute im Großen und Ganzen gültig zu sein. Mit der Ausnahme, dass in den südlichen Gebieten Kasachstans und Kirgisistans mit usbekischen Minderheiten der Islam zunehmend populär wird.

Alle Staaten der Region wählten den säkularen Weg. Der Islam wird in kontrollierter Weise zugelassen. Doch seit den Anschlägen im fernen New York, in Madrid und London sowie den langjährigen Erfahrungen mit dem gar nicht so weit entfernten Taliban-Regime in Afghanistan verwandelte sich das gemäßigte Verhältnis zwischen Staat und Islam in einen zunehmend

aggressiven Säkularismus. Gleichwohl, trotz des großen Misstrauens, wurde der Islam in kontrollierter Dosierung als Symbol für die nationale Wiedergeburt genutzt.

Der Islam stellt vor allem in Tadschikistan und Usbekistan eine der wenigen Möglichkeiten dar, Opposition zu betreiben. Radikale Kräfte nutzten das. Bei Selbstmordattentaten in der usbekischen Hauptstadt Taschkent starben 2004 mindestens 40 Menschen. Die dafür Verantwortlichen sollen Kontakte zu Terrororganisationen in Pakistan und Afghanistan besessen haben.

Die Gefahr, dass radikale Islamisten Zentralasien destabilisieren wollen, ist durchaus gegeben. Der erfahrene US-Journalist Jonathan Randal kam nach einer Recherche zu dem Ergebnis, dass die Islamisten den Zerfall der Sowjetunion für den Auftakt einer Expansion des Islam nach Zentralasien und in den Kaukasus halten. Ihnen bieten die säkularen Regime, die den Islam fast vollständig kontrollieren oder bürokratisieren, wie es in Tadschikistan heißt, eine große Angriffsfläche.

Die Menschenrechtsorganisation Human Rights Watch kritisiert derweil den usbekischen Staat, sich mit unverhältnismäßig hohen Strafen gegen politisch aktive Muslime Feinde heranzuziehen. Sehr schnell stempelte der Staat Oppositionelle als Terroristen ab. Hohe Strafen waren ihnen gewiss. Etwa 6 000 Häftlinge saßen 2003 in Gefängnissen ihre Strafe ab. Bei Strafprozessen, so Human Rights Watch, sei die Verurteilung sicher, nur das Strafmaß werde noch verhandelt.

Im Visier des Staates stehen die Mitglieder der radikalen Organisation Hizb ut-Tahrir, die nicht nur in Zentralasien, bis auf Kasachstan, sondern auch in Deutschland seit 2003 verboten ist. Die islamische Organisation hat sich zum Ziel gesetzt, ein Kalifat zu errichten. Seit Ende der neunziger Jahre hetzte die Organisation mit antisemitischen Parolen. Bisher konnten ihr Terroranschläge nicht nachgewiesen werden. Nach den Explosionen in London im Juli 2005 höhnte die usbekische Staatspresse, dass die britische Regierung selbst schuld sei, befinde sich doch die Zentrale der Hizb ut-Tahrir in London.

Eine ungewöhnliche Ausnahme in Zentralasien bildete seit dem Ende des tadschikischen Bürgerkrieges 1997 die Partei der Islamischen Wiedergeburt (PIW). Sie wurde offiziell zugelassen und gewann bei den Parlamentswahlen 2005 zwei von insgesamt 63 Sitzen. Ihrem charismatischen stellvertretenden Vorsitzenden Muhiddin Kabiri gelang es bisher zwischen radikalen und gemäßigten Mitgliedern zu vermitteln, obwohl der Staat hart gegen den Islam vorging und im nördlichen Teil des Landes, im Fergana-Tal, sogar Moscheen schloss.

RESÜMEE

Der Bischkeker Frühling 2005 hat Spuren in ganz Zentralasien hinterlassen, nicht nur in Kirgisistan selbst, wo es im Gegensatz zum Prager Frühling zu einem Machtwechsel kam, sondern auch in den umliegenden Staaten Kasachstan, Tadschikistan und Usbekistan. Allein das Land der Turkmenen, wo Landesvater Saparmurad Nijasow uneingeschränkt herrscht, blieb davon völlig unberührt. Anlass des Umsturzes in Kirgisistan waren manipulierte Parlamentswahlen. Zweimal seit der Unabhängigkeit im Jahr 1991 hatten die Bürger ihren Entscheidungsträgern Ähnliches durchgehen lassen. Doch weil sich wirtschaftlich und politisch wenig rührte im Land, kam es nach der letzten Abstimmung zu Aktionen zivilen Ungehorsams im Süden des Landes und Bürger marschierten in die nördliche Hauptstadt Bischkek und stürmten das Regierungsgebäude. Innerhalb weniger Stunden war die Regierung unter Präsident Askar Akajew gestürzt.

Gute Gründe für Unzufriedenheit lassen sich in allen Staaten des ehemaligen Sowjetisch-Zentralasien finden. Ebenso wie in Kirgisistan wurden die Ergebnisse der Parlamentswahlen, die im Herbst 2004 und Frühling 2005 stattfanden, manipuliert. In der usbekischen Stadt Andischan kam es zu einem bewaffneten Aufstand, gegen die anschließende friedliche Demonstration gingen Sicherheitskräfte mit Waffengewalt vor.

Der Unmut der Bürger, der sich nur selten öffentlich zeigt, richtet sich gegen eine Staatspolitik, die mit den Bedürfnissen der Bürger wenig gemein hat. Die notwendigen Wirtschaftsreformen werden zudem schlecht erklärt. Es ist die Fortsetzung sowjetischer Planpolitik ohne eine Staats-Ideologie. Diese wurde ersetzt durch die Rückbesinnung auf die nationale Geschichte, die Identität stiften soll. Solange die Volkswirtschaften aber keine sichtbaren Erfolge vorweisen können, führt die Konsolidierung durch historische Identität jedoch ins Leere.

Zunehmend kontrollieren die Regierungen die Zivilgesellschaft und ihre Vertreter, die NGOs. Ziel ist es, die nichtstaatlichen Stellen zu bürokratisieren, sie zu verstaatlichen. Eine unabhängige und kritische Gesellschaft ist unerwünscht, der Staat misstraut seinen Bürgern. Aus diesem Grund sind politische Parteien mehr der verlängerte Arm der Regierung als ein Instrument der Bevölkerung zur Willensbildung. Die Eliten stehen im Spannungsfeld zwischen sowjetischer Tradition und postkommunistischer Unabhängigkeit. Um nicht die Orientierung zu verlieren, suchen sie ihre Identität in Etappen der Geschichte, die Jahrhunderte zurückliegen.

Da die Ereignisse in Bischkek von den Präsidenten der Anrainerstaaten als von außen, namentlich von den USA, gesteuertes Unternehmen eingestuft wurden, wächst der Vorbehalt gegen Mitbestimmung und Selbstverwaltung in ihren Ländern. Die Regierungen schauen sehr kritisch auf die lokalen NGOs, die sie als vom Westen unterwandert zu erkennen glauben. Mensch enrechtsorganisationen fordern mittlerweile, die Zusammenarbeit mit den

Ländern Zentralasiens, insbesondere mit Usbekistan, einzustellen. Doch selbst scharfe Kritiker der zentralasiatischen Regime, wie der ehemalige EU-Außenkommissar Chris Patten, befürworten eine weitere Zusammenarbeit vor Ort, denn der Dialog mit kompetenten Vertretern staatlicher Einrichtungen erhöht die Akzeptanz der Behörden gegenüber zivilgesellschaftlichen Initiativen. Nur durch die Einbindung vieler dialogfähiger Akteure aus dem gesellschaftlichen wie staatlichen Bereich in einen Diskussionsprozess, werden Entwicklungsimpulse aufgenommen und Räume für Debattenfreiheit geöffnet.

Erfahrungen mit der Konstituierung von Diskussionsforen haben insbesondere die international tätigen deutschen politischen Stiftungen. Sie können durch ihre Veranstaltungen Öffentlichkeit herstellen, Moderationsleistungen anbieten sowie kompetent für Verhandlungen zwischen Staat und Zivilgesellschaft über politische Grundanliegen werben. Ziel ist es, einen langfristigen politischen Verhandlungsprozess zwischen staatlichen und zivilgesellschaftlichen Akteuren in Gang zu bringen, dadurch politische Partizipation zu ermöglichen, gute Regierungsführung einzufordern sowie zur Verbesserung der Menschenrechtsslage beizutragen. Bisweilen kann die Präsenz hochrangiger Vertreter der internationalen Gemeinschaft mithelfen, die Analyse der und die Debatte über die Situation des Landes abzusichern. Ein Rückzug aus der Demokratieförderung «von innen» würde Isolation mit schwerwiegenden Folgen für die Ansätze einer unabhängigen zivilgesellschaftlichen Entwicklung bedeuten.

Сведения об авторах

Чингиз Айтматов – кыргызский писатель, гуманист, крупный общественный деятель. Известные произведения в Европе «Джамиля» и «Тавро Кассандры». В настоящее время является послом Кыргызстана в Бельгии и проживает в Брюсселе.

Казахстан

Ирина Ерофеева – кандидат исторических наук, специализируется по истории Казахстана. Автор монографий и статей, опубликованных в Казахстане, России, Германии и Австрии.

Досым Сатпаев – кандидат политологических наук, публицист. Автор нескольких книг, сценариев к документальным фильмам, многочисленных газетных и журнальных статей. Участвовал в международных исследованиях по вопросам политики и безопасности в Казахстане и Центральной Азии.

Григорий Марченко закончил Московский институт международных отношений (МГИМО). Два года работал на JSC «Deutsche Bank Securities», пять лет возглавлял Национальный банк Республики Казахстан. Был первым вице-премьер-министром Республики Казахстан. В настоящее время является председателем правления Народного банка/Halyk Bank.

Кыргызстан

Зайнидин Курманов – доктор исторических наук, профессор. Автор книг и научных статей по проблемам истории, политологии, юриспруденции и международных отношений.

Валентин Богатырев – кандидат исторических наук, директор Международного института стратегических исследований при Президенте КР. Автор научных статей по вопросам истории, политики и международных отношений.

Турар Койчуев – доктор экономических наук, профессор, действительный член Национальной Академии наук. За выдающийся вклад в развитие экономической науки награжден дипломом им. лауреата Нобелевской премии, академика Л.Канторовича. Автор монографий и научных статей по вопросам экономического развития.

Таджикистан

Зухра Мадамиджанова – кандидат исторических наук, заведующая отделом этнографии Института истории, археологии и этнографии Академии наук. Автор монографий и научных статей, посвященных истории и культуре Республики Таджикистан.

Сухроб Шарипов – профессор, доктор политических наук, директор Центра стратегических исследований при Президенте РТ. Автор монографий и научных статей, посвященных вопросам внутренней и внешней политики Республики Таджикистан.

Ходжимахмад Умаров – профессор, доктор экономических наук, заведующий отделом макроэкономического анализа Центра экономических исследований при Министерстве экономики и внешней торговли. Им изданы монографии и научные статьи, посвященные проблемам развития экономики Республики Таджикистан.

Узбекистан

Эдвард Ртвеладзе – академик Академии наук Республики Узбекистан, крупнейший ученый в области истории, археологии, нумизматики, культуры и искусства Средней Азии. Автор монографий и научных статей, посвященных фундаментальным проблемам истории Средней Азии.

Рафик Сайфулин – кандидат исторических наук, 1994–2000 гг. директор Института стратегических и межрегиональных исследований при Президенте РУз, эксперт в области политологии, экономики и безопасности. Автор монографий и научных статей.

Нишанбай Сиражиддинов – доктор экономических наук, заместитель директора Центра экономических исследований – одного из ведущих аналитических центров Республики Узбекистан. Одновременно является заведующим кафедрой международной экономики Университета мировой экономики и дипломатии.

Райнхард Крумм – доктор исторических наук, координатор Фонда им. Фридриха Эберта по странам Центральной Азии.

Kurzbiographien der Autoren

Tschingis Aitmatow ist kirgisischer Schriftsteller und Diplomat. Von ihm stammen unter anderem die Romane «Dschamila» und «Das Kassandramal». Der Literat, der sowjetischer Diplomat in Luxemburg war, lebt heute in Brüssel und ist Botschafter Kirgisistans in Belgien.

Kasachstan

Dr. Irina Jerofejewa ist promovierte Historikerin; ihr zentrales Forschungsgebiet ist die kasachische Geschichte. Sie verfasste zahlreiche Monographien und Pressebeiträge, die in Kasachstan, Russland, Deutschland und Österreich erschienen sind.

Dr. Dosym Satpajew ist Politikwissenschaftler und Publizist. Er ist Autor von mehreren Büchern, Drehbüchern zu Dokumentarfilmen und zahlreichen Pressebeiträgen. Dr. Satpajew war Mitglied internationaler Forschungsprojekte im Bereich Sicherheitspolitik in Kasachstan und Zentralasien.

Dr. Grigorij Martschenko studierte an der Moskauer Hochschule für internationale Beziehungen und arbeitete zwei Jahre lang bei der Deutsche Bank Securities AG. Weitere fünf Jahre war er Vorstandspräsident der kasachischen Nationalbank, dann erster stellvertretender Premierminister Kasachstans. Heute ist Dr. Martschenko der Vorstandspräsident der kasachischen Volksbank.

Kirgisistan

Prof. Dr. Zainitdin Kurmanow ist promovierter Historiker und Autor von Büchern und wissenschaftlichen Beiträgen über historische, politologische, juristische und internationale Schwerpunkte.

Dr. Valentin Bogatirjow ist promovierter Historiker und leitete lange Zeit das internationale Institut für strategische Studien unter dem kirgisischen Staatspräsidenten. Er ist Autor von wissenschaftlichen Beiträgen über Geschichte, Politik und internationale Beziehungen.

Prof. Dr. Turar Koitschujew ist promovierter Volkswirt und Mitglied der nationalen Akademie der Wissenschaften. Für seine Verdienste bei der Förderung der Wirtschaftslehre ist er mit dem Ehrendiplom des Nobelpreisträgers Kantorowitsch ausgezeichnet worden. Prof. Koitschujew ist Autor von Monographien und Abhandlungen über Wirtschaftsthemen.

Tadschikistan

Dr. Suchra Madamidschanowa ist promovierte Historikerin und leitet den ethnographischen Bereich des Institutes für Geschichte, Archäologie und Ethnographie bei der Akademie der Wissenschaften. Sie ist Autorin von Monographien und wissenschaftlichen Beiträgen über die Kultur und die Geschichte Tadschikistans.

Prof. Dr. Suchrob Scharipow ist promovierter Politologe und leitet das Zentrum für strategische Studien unter dem tadschikischen Staatspräsidenten. Er ist Autor von Monographien und wissenschaftlichen Beiträgen über die Innen- und die Außenpolitik Tadschikistans.

Prof. Dr. Hodschimachmad Umarow ist Wirtschaftswissenschaftler und leitet den Makroanalysebereich im Zentrum für Wirtschaftsstudien beim Wirtschafts- und Exporthandelsministerium. Er ist Autor von Monographien und wissenschaftlichen Beiträgen über Entwicklungen in der tadschikischen Volkswirtschaft.

Usbekistan

Prof. Edward Rtweladse ist Mitglied der usbekischen Akademie der Wissenschaften und einer der prominentesten Wissenschaftler im Bereich der Geschichte, Archäologie, Numismatik, Kultur und der Kunst Zentralasiens. Er ist Autor von Monographien und wissenschaftlichen Abhandlungen über die Geschichte Zentralasiens.

Dr. Rafik Saifulin ist promovierter Historiker; zwischen 1994 und 2000 leitet er das Institut für strategische und regionale Studien unter dem usbekischen Staatspräsidenten; er ist Experte im politologischen, wirtschafts- und sicherheitspolitischen Bereich und Autor von Monographien und wissenschaftlichen Beiträgen.

Dr. Nischanbai Sidadschiddinow ist promovierter Ökonom und stellvertretender Geschäftsführer des Zentrums für Wirtschaftsstudien – eines der führenden analytischen Zentren in Usbekistan. Gleichzeitig leitet er den Lehrstuhl für internationale Wirtschaft an der Universität für Weltwirtschaft und Diplomatie.

Dr. Reinhard Krumm ist promovierter Historiker, Koordinator der Friedrich-Ebert-Stiftung in den Ländern Zentralasiens.

Центральная Азия: собственный взгляд
Zentralasien: eine Innenansicht

Редакционная коллегия: Карина Сафарова, Корнелия Ридель

Ответственный редактор: д-р Райнхард Крумм

Перевод: Александр Трубицин

Корректор: Елена Бородина

Художественный редактор: Оксана Казанцева

Подписано в печать 20.12.2006 г.

Печать офсетная.

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в Издательском Доме «Принтхаус»

г. Бишкек, ул. Шевченко, 1.